

Нина Каухчишвили

ИТАЛИЯ В ЖИЗНИ И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Нина Каухчишвили

ИТАЛИЯ В ЖИЗНИ И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Нина Каухчишвили

ИТАЛИЯ В ЖИЗНИ И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Перевод с итальянского

UNIVERSITY OF TARTU

Press

Книга была впервые издана на итальянском языке:
Nina Kauchtschischwili. L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjázemskij.
Milano: Vita e Pensiero, 1964

Перевод на русский С. Л. Лурье

*Издание осуществлено на средства учеников и друзей автора
(см.: Tabula gratulatoria)*

Редакторы *Эльда Гаретто, Розанна Казари, Любовь Киселева,
Татьяна Степанищева*

Технический редактор *Светлана Долгорукова*

Составитель именного указателя *Мария Боровикова*

Оформление обложки *Калле Паалитс*

На обложке использована картина Джованни Антонио
Каналья (*Giovanni Antonio Canal*), прозванного Каналетто.
Площадь Сан-Марко, вид на юг и запад, 1763

ISBN 978-9916-27-452-1 (print)

ISBN 978-9916-27-453-8 (pdf)

Copyright: Нина Каухчишвили (наследники) 2024

University of Tartu Press

www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

Эльда Гаретто, Розанна Казари. Нина Каухчишвили и ее роль в исследовании русско-итальянских культурных связей / Любовь Киселева. Post scriptum. Нина Михайловна Каухчишвили и Тарту	9
Предисловие от автора	20

ЧАСТЬ I

Италия в жизни П. А. Вяземского

Глава I. Очарование Италии	25
Глава II. Путешествие в Италию в 1834–1835 гг.	35
Глава III. Первые соприкосновения с итальянской жизнью: Флоренция	53
Глава IV. Вечный город	75
Глава V. Обратный путь	113
Глава VI. Встречи и впечатления первой поездки в Италию	124
Глава VII. Новый взгляд на Италию: Венеция	151
Глава VIII. Венецианские встречи	205

ЧАСТЬ II

Италия в произведениях П. А. Вяземского

Глава I. Знание итальянского языка	219
Глава II. Итальянская литература в сочинениях Вяземского	233
Глава III. Роль Италии в формировании политических взглядов Вяземского	257
Глава IV. Италия в поэзии Вяземского	274
Глава V. Вяземский и итальянская музыка	295
Заключение	307

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I. Письма и другие материалы
П. А. Вяземского из путешествий по Италии

Письма из поездки 1834–1835 гг.	315
Письма Е. А. Карамзиной 1834–1835 гг.	382
Письмо княгине Зинаиде Волконской	383
Письма из поездки 1853 г.	388
Письма жене, Вере Федоровне. 1859 г.	390
Письмо неустановленному лицу. 1859 г.	395
Письма жене, Вере Федоровне. 1863 г.	396
Дневник путешествия по Венето и на озеро Гарда весной 1864 г.	398
Статья, опубликованная в “Gazzetta ufficiale di Venezia” 2 января 1864 г.	400

Приложение II. Письма П. А. Вяземскому
от итальянских и французских корреспондентов

Письма Массимо д’Адзельо	403
Письма Луи Делатра-Лакура	405
Письмо Ж. Крешини	411
Письма Дж. Ф. Баруффи	414

Приложение III. Хронология путешествий
П. А. Вяземского по Италии

Путешествие 1834–1835 гг.	425
Путешествие 1853 г.	433
Путешествие 1859 г.	437
Путешествие 1863–1864 г.	438
Список использованной литературы	441

Библиография работ Нины Каухчишвили на тему русско-итальянских культурных связей	451
Библиография трудов Нины Каухчишвили и изданий о ней (1959–2021) / Составители Э. Гаретто, Р. Казари, Ф. Мельци д’Эрил Каухчишвили	453
<i>Tabula gratulatoria</i>	469
Kokkuvõte	471
Summary	474
Именной указатель	477

НИНА КАУХЧИШВИЛИ И ЕЕ РОЛЬ В ИССЛЕДОВАНИИ РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

ЭЛЬДА ГАРЕТТО, РОЗАННА КАЗАРИ

Представляя русскоязычному читателю перевод монографии о Вяземском и Италии, мы считаем важным вкратце очертить биографию автора и проследить главные этапы ее научной деятельности.

Нина Каухчишвили родилась в Берлине 20 августа 1919 г., куда ее родители эмигрировали в 1918 году. Ее отец, Михаил Георгиевич Каухчишвили (1889–1947), сын присяжного поверенного, родился в Кутаиси и окончил там реальное училище, затем переехал в Петербург, поступил в Политехнический институт им. Петра Великого, который окончил в 1912 г. как инженер-металлург и химик. Как пишет в своих воспоминаниях Нина Михайловна,

...в том же 1912 г. он поступил на работу на станцию водоснабжения при городском управлении, а затем стал заведующим этой станцией. Мать училась на Бестужевских курсах, на факультете естествознания, насколько мне помнится, ботаники. В 1913 г. они обвенчались и поселились на Большой Дворянской ул., д. 10, кв. 22. В эти годы отец установил отношения и с русским филиалом немецкой фирмы Сименс: то ли как консультант, то ли на временной должности по своей специальности. Это стало его спасением в эмиграции, где он смог поступить на постоянную работу в эту фирму [Каухчишвили 2003: 21].

После октябрьского переворота М. Г. Каухчишвили был вынужден срочно покинуть Петербург, последним прямым поездом он доехал до Тифлиса. Через некоторое время туда добралась и его жена Елена, которая была русской, уроженкой Екатеринославской губернии. Михаил Георгиевич принял участие в образовании Грузинской Демократической Республики, провозглашенной 26 мая 1918 г. Вскоре он получил должность атташе Грузии по коммерческим связям в Берлине, «ему выдали дипломатический паспорт: огромный лист с печатями консульств, аккредитованных в Тифлисе» [Каухчишвили 2003: 22].

В сентябре 1918 г. семья оказалась в Берлине, хотя по служебным обязанностям отцу приходилось бывать в разных странах. Весной 1919 г. семья поселилась в русском эмигрантском берлинском квартале Вильмерсдорф, на Nachodstrasse 5. Дипломатическое жалование отца, выдававшееся в английских фунтах, позволило нанять хорошую квартиру и няню, которая также готовила обеды и помогала по хозяйству. В 1920 г. отцу удалось в последний раз побывать в Грузии, которая в феврале 1921 г. стала советской. М. Г. Каухчишвили смог на последнем пароходе из Батума добраться в Италию, а оттуда в Берлин. Он защитил диссертацию при политехническом институте в Карлсруэ и получил постоянную работу в фирме Siemens. В результате семья переехала в Сименсштадт — пригород Берлина, где были выстроены дома для сотрудников фирмы. К счастью, семье не пришлось испытывать тяготы эмигрантского существования.

Отец стремился к тому, чтобы его дети — Нина и ее младший брат Георгий (1923–1975), ставший в будущем врачом, знали грузинский язык. Их учили грузинской азбуке, и Нина Михайловна могла в детстве читать и писать по-грузински, а в ее русской речи до конца ее дней присутствовал грузинский оттенок. Она очень ценила свои грузинские корни и при первой возможности установила связи с грузинскими родственниками, в частности с семьей дяди, брата отца, С. Г. Каухчишвили (1895–1981), выдающегося византиниста, которого помнила с детства, поскольку он смог посетить Берлин в самом начале 1920-х гг. Однако школа, в которую ходили дети, была немецкой, так что они предпочитали говорить между собой по-немецки, а с прислугой-эмигранткой — по-русски, домашним языком был тоже все-таки русский. Эмигрантская среда, окружавшая семью, была связана в первую очередь с грузинской эмиграцией, и мемуары Нины Михайловны дают ценные сведения о ее жизни и своеобразном быте. Из русских эмигрантских начинаний дети посещали только русскую елку, и Нина Михайловна вспоминала о первой русской детской книжке, которую она получила в подарок на такой елке.

На гимназическом этапе Н. М. Каухчишвили училась в частной немецкой католической школе, где были прекрасные преподаватели, и среди них учитель музыки — композитор, который организовал

городской хор и привлек к участию в нем своих учеников, в том числе Нину Михайловну. Возвращаясь домой со спевки в январе 1933 г., она оказалась в беснующейся толпе сторонников пришедшего к власти Гитлера. Среди грузинской эмиграции возник раскол, но М. Г. Каухчишвили был последовательным противником гитлеризма.

Нина Михайловна поступила на романское отделение Берлинского университета, но оканчивать университет пришлось уже в другой стране. За несколько дней до начала Второй мировой войны отец уехал в Италию и был принят на работу в итальянский филиал той же фирмы Siemens. Семье пришлось ждать разрешения на въезд восемь месяцев, пока, наконец, в 1940 г. все воссоединились в Милане.

В Милане Нина Михайловна окончила филологический факультет Католического университета в 1945 г. и в 1950-е гг. преподавала там русский язык. В середине 1960-х гг. она стала профессором русской литературы, преподавала в университетах Бари и Турина. В 1968 г. Комитетом по учреждению университета в городе Бергамо она была приглашена в создаваемый там университет и основала кафедру славистики, которой руководила в течение почти тридцати лет. Благодаря ее энергии и организаторским талантам, кафедра вскоре превратилась в знаменитый центр русистики, известный не только в Италии, но по всей Европе. По инициативе Нины Михайловны и под ее руководством в 1970 году в Бергамо начал работать международный летний семинар по русскому языку, собиравший студентов со всей Италии и из-за ее пределов, а также преподавателей из разных стран и городов, в том числе с конца 1980-х гг. из Тарту.

Научные интересы Нины Каухчишвили, питаемые оригинальностью мышления и живой интуицией, были очень разнообразными, и среди них выделялось несколько важных направлений. Ее путь в науке начался с исследований в области русско-итальянских культурных отношений. Изучая взаимоотношения выдающихся итальянских писателей Алессандро Мандзони и Сильвио Пеллико с русскими писателями и мыслителями, она впервые обратилась к анализу творческой личности Вяземского [Kauchtschischwili 1962; Kauchtschischwili 1963a]. Среди ее публикаций 1970-х годов следует отметить работы о роли Италии в жизни и творчестве И. С. Тургенева [Kauchtschischwili 1977].

Исследование состояло из трех частей: «Италия в жизни И. С. Тургенева», «Тургенев и культурный мир Италии», «Итальянский язык в тургеновском литературном творчестве» — и включало приложения, в которых были впервые опубликованы письма А. С. Норова из Италии. Этому исследованию предшествовала монография о Тургене-ве [Kauchtschischwili 1969], на которую появилась рецензия в Тарту, в знаменитой «Семиотике» [Николаева]¹. Центром монографии был «анализ жестового поведения героев Тургенева» с привлечением самой современной на тот момент структуралистской литературы [Там же: 549], но уже была сделана и первая заявка на изучение связей Тургенева с Италией, продолженное затем в работе 1977 г.

Монография Нины Михайловны Каухчишвили «Италия в жизни и произведениях П. А. Вяземского», изданная в Италии в 1964 г., стала классикой в области изучения русско-итальянских литературных и культурных связей. К тому моменту, когда исследовательница начала работу над книгой, тема была практически не исследована, работы о русско-итальянских связях появлялись в Италии нечасто и бессистемно. Книга Нины Михайловны была основана на привлечении большого контекста и на кропотливом и строгом отборе архивных материалов.

Знакомство с перепиской Вяземского, оказавшейся, по определению Н. М. Каухчишвили, «одним из самых живых документальных свидетельств интеллектуальной истории девятнадцатого века», позволило исследовательнице оценить вклад Вяземского в распространение русской культуры на Западе. Традиционно его вклад связывался с присутствием русской литературы во Франции, и этому были посвящены многие труды; статьи об отдельных эпизодах контактов Вяземского с Францией были хорошо известны Н. М. Каухчишвили. Признавая, что французская культура значительно повлияла на Вяземского, она считала не менее важной и роль итальянской культуры, проводником в которую для писателя стала его любовь к музыке. Фундаментальные труды в этой области по-прежнему отсутствовали.

¹ Так состоялось первое, еще пока заочное, знакомство Нины Михайловны с городом, с которым она была тесно связана с конца 1980-х гг.

Таким образом, проект монографии о Вяземском родился благодаря интересу к культурным исследованиям и, как подчеркивает сама исследовательница в предисловии к изданию 1964 года, благодаря желанию расширить в Италии сферу изучения русской литературы XIX века, включив в нее персоналии, менее известные европейской науке. Ее выбор поддержали и русские ученые, с которыми она общалась во время научной стажировки в Москве в начале 1960-х годов, и главным образом В. С. Нечаева, в те годы как раз работавшая над изданием «Записных книжек» Вяземского [ЗК], вышедших в печати в 1963 г. На это издание Н. М. Каухчишвили неоднократно ссылается в своей книге и использует при комментариях к «итальянским» записям князя. Известно также, что она общалась и с Л. Я. Гинзбург, автором работ о Вяземском, которые тоже использовала.

В список источников, задействованных Н. М. Каухчишвили, вошли как изданная, так и неопубликованная переписка Вяземского, различные архивные материалы — русские и итальянские, русская и итальянская пресса той эпохи. Ключевым источником стало многотомное издание «Остафьевского архива князей Вяземских». В предисловии к своей книге автор признается, что вполне отдавала себе отчет в том, как сложно реконструировать с достаточной полнотой тридцать лет жизни писателя на основании столь обширного и разрозненного материала.

По мере развития исследования вырисовывалась все более ясная и глубокая картина разнообразных интересов князя П. А. Вяземского, позволяющая показать личность «одного из самых оригинальных и интересных людей в истории русской литературы и культуры XIX века», как характеризует его Н. М. Каухчишвили.

Книга сопровождалась обширным библиографическим аппаратом: ни одна деталь не осталась незамеченной, каждая крупница добытой информации оценивалась с точки зрения возможной перспективы новых исследований.

Интерес Н. М. Каухчишвили к Вяземскому, его окружению и к русско-итальянским культурным связям в целом не ослабевал и в последующие годы. Об этом свидетельствует подготовленная ею публикация переписки Вяземского с Зинаидой Волконской [Kauchtschischwili 1966],

а также книга, посвященная дневнику Дарьи Фикельмон [Kauchtschischwili 1968]. Эти работы открыли многим итальянским ученым пути для новых исследований, основанных на строгом научном подходе к изучению архивных документов, неизданной переписки, мемуаров, свидетельств современников.

Следует подчеркнуть, что подобные работы отнюдь не были сухим перечнем биографических и библиографических данных, поскольку эти сведения всегда помещались в контекст литературного творчества автора и его личных и научных связей, помогая воссоздать сложную культурную панораму эпохи.

В тот же период Нина Михайловна занималась творчеством великих русских писателей — не только Тургенева, но и Гоголя и Достоевского. Важная часть ее научных трудов связана с Достоевским, который был постоянным ориентиром всей ее исследовательской деятельности. Познакомившись в 1972 г. с американской специалисткой по Достоевскому Надин Натовой, основательницей Международного общества Достоевского, Нина Михайловна начала принимать участие в симпозиумах, которые проводились Обществом каждые три года. В 1980 г. она сама организовала в Бергамо IV Международный симпозиум по Достоевскому. В маленький итальянский город, о существовании которого до того вряд ли знали многие из участников мероприятия, съехались такие знаменитости, как Рене Уэллек, Глеб Струве, Роберт Льюис Джексон, Илья Серман. Международный престиж бергамской кафедры славистики также упрочило решение Нины Михайловны и ее сотрудников фундаментально заняться изучением наследия Андрея Белого, в те годы еще сравнительно мало изученного. Были организованы три международных конференции (1984, 1986, 1987), в которых приняли участие специалисты по творчеству Белого со всего мира: Джон Элсуорт, Владимир Александров, Джон Малмстад, Жорж Нива, Лена Силард, Александр Флакер, Леонид Долгополов.

Нина Михайловна настойчиво искала новые пути в теории литературы и новые методы ее преподавания. Одной из первых в Италии она начала применять в своих лекциях и семинарах концепции

формалистов и структуралистов, а в начале 1970-х годов одной из первых познакомила Италию с трудами Ю. М. Лотмана.

Нина Михайловна использовала эти новые подходы при изучении литературного текста, в особенности произведений Гоголя, Тургенева, Достоевского. В работах, посвященных творчеству Достоевского, она стремилась через его произведения глубже проникнуть во внутренний мир России. Это было фундаментальной целью всей ее научно-исследовательской деятельности. В середине 1970-х годов едва ли не первой в европейской науке Нина Михайловна «открыла» мыслителя, богослова и ученого Павла Флоренского и начала изучать и пропагандировать его научное и духовное наследие. Одним из самых перспективных ее замыслов стала первая в мире международная конференция о Флоренском, устроенная в Бергамо в 1988 г. Конференция оказалась действительно важной вехой в изучении трудов великого ученого и дала мощный импульс для дальнейшего исследования его идей. Нина Михайловна была не только выдающимся специалистом по мировоззрению Флоренского, она успешно применяла его пространственные теории и, прежде всего, его теорию обратной перспективы в анализе литературных произведений.

Вслед за исследованием Флоренского она все более углублялась в размышления и искания в области русской православной духовности, которая стала сильно занимать ее в девяностые годы прошлого и в первые годы нового века. Недаром в этот период она активно интересовалась выдающимися женщинами русской православной церкви. Среди них особое внимание привлекла необычная биография и творчество матери Марии. В русской эмиграции в Париже Елизавета Юрьевна Скобцова (по первому мужу — Кузьмина-Караваева), в монашестве мать Мария, была поэтессой, общественным деятелем, основательницей общежития для бедных и бездомных. В 1945 г. она приняла мученическую кончину в концлагере Равенсбрюк и затем была канонизирована как преподобномученица. В 1997 г. Нина Михайловна опубликовала книгу *“Mat’ Maria. Il cammino di una monaca. Vita e scritti”*, в которой продолжила внутренний диалог с русской православной духовностью, под знаком которого прошли последние годы жизни исследовательницы.

Возвращаясь к монографии о Вяземском и Италии, мы должны так или иначе ответить на вопрос: почему исследование, проведенное в 1960-е годы, выходит в русском переводе лишь сейчас? Замысел такого издания возник давно, еще при жизни автора, поскольку об интересе русской научной среды к этой работе свидетельствовали различные рецензии и отзывы, однако тогда реализовать проект не удалось.

По мнению редакторов, эта книга содержит не утратившую актуальность информацию о трех путешествиях князя Вяземского по Италии, о его знакомствах, впечатлениях и живых описаниях людей и сцен из итальянской жизни. Приложением к русскоязычному изданию, как и в оригинале, стали письма Вяземского из путешествий, а также — впервые в русском переводе — письма разных лиц, с которыми князь познакомился в Италии. На наш взгляд, к многочисленным достоинствам этой книги, придающим ей оригинальность, относятся главы, посвященные двум венецианским поездкам Вяземского. Автор обращает внимание читателей на очевидные параллели между фрагментами из «Записной книжки», письмами, а также венецианскими и вообще итальянскими стихами, тем самым останавливаясь на наименее изученном периоде творческой биографии Вяземского.

Итак, даже по прошествии более чем полувека с момента публикации монография о Вяземском по-прежнему представляет большой научный интерес и остается примером сочетания культурологического исследования со строгой методологией изучения и анализа литературных текстов.

Мы выражаем искреннюю и глубокую благодарность тем, кто верил в этот проект и работал для его реализации:

Ирине Великодной, которая впервые обратилась к Нине Михайловне с предложением о переводе монографии и в течение многих лет старалась его осуществить;

Вадиму Перельмутеру, давнему ценителю творчества и личности Вяземского, автору ряда книг и статей о нем; он придал этому начинанию новый импульс, обогатил его идеями, подтвердив непреходящую актуальность этой книги, и внимательно следил за этапами развития проекта.

Мы благодарим многочисленных коллег и друзей Нины Михайловны, которые поддержали проект своим вкладом — их имена перечислены в списке жертвователей. Выражаем особую благодарность Уго Перси из Бергамского университета, Франческе Мельци д'Эрил Каухчишвили и всей семье за ценную информацию и поддержку. Мы очень признательны переводчице Софье Лурье за кропотливую работу над непростым текстом, в которой ярко проявилась ее переводческая и филологическая компетентность. Наконец, мы глубоко благодарны Любове Киселевой, которая в память о давних научных связях Н. М. Каухчишвили с Тартуским университетом и о личной дружбе с ней приняла предложение об издании книги в Тарту и следовала за всеми фазами этого процесса с присущими ей компетентностью, вниманием и профессионализмом. Мы также искренне признательны Татьяне Степанищевой, специалисту по творчеству Вяземского, за редакторскую работу.

Post scriptum

НИНА МИХАЙЛОВНА КАУХЧИШВИЛИ И ТАРТУ

Н. М. Каухчишвили впервые приехала в Тарту в 1989 г. В годы перестройки этот город, закрытый в советское время — из-за дислокации в нем «секретного» военного аэродрома, впервые открылся для посещения иностранцами. Конечно, Нина Михайловна стремилась завязать более тесные контакты с Ю. М. Лотманом, с которым уже встречалась в Италии в 1987 г.² Однако он был в то время очень болен и находился в Германии. Тем не менее, она приняла участие во втором так называемом финском семинаре, т. е. в совместном семинаре кафедр русской литературы Хельсинкского и Тартуского университетов, начало которому было положено в 1987 г. в финской столице.

² О своих встречах и о восприятии личности Лотмана, а также о своих контактах с Тарту Нина Михайловна написала в заметке «Незабываемая встреча», опубликованной в таллинском журнале «Вышгород» (1998. № 3), в номере, посвященном кафедре русской литературы Тартуского университета.

Тартуский семинар на тему «Литературный процесс: внутренние законы и внешние воздействия» прошел 30 мая – 1 июня 1989 г., и Н. М. Каухчишвили сделала на нем доклад. Она сразу вошла в тартуский круг, познакомилась со всеми поколениями коллег, и трое получили приглашение на семинар русского языка в Бергамо в августе того же года. Начиная с этого времени примерно в течение двадцати лет тартуские преподаватели и аспиранты регулярно работали на этом замечательном летнем семинаре, получив возможность увидеть самые знаменитые итальянские города, ибо во время семинара и после его окончания устраивались экскурсии для преподавателей. Нина Михайловна подарила нам Италию, а сама регулярно приезжала в Тарту и привозила своих коллег, делала доклады на устраивавшихся у нас семинарах и конференциях³, печаталась в тартуских изданиях, что отражено в ее библиографии, публикуемой в этой книге.

Завязалась тесная дружба тартуской и бергамской кафедр. К бергамцам присоединились ученики Нины Михайловны из других итальянских университетов — так, кроме «наших финнов», у нас появились и «наши итальянцы». Это был удивительный период взаимного узнавания и обмена научным опытом, сравнения подходов, обновления методологии и методик исследования. Кроме того, Нина Михайловна приезжала с лекциями для тартуских студентов: она была первым иностранным профессором, прочитавшим в Тарту краткий курс лекций осенью 1990 г., на котором присутствовали Ю. М. Лотман и, разумеется, все преподаватели кафедры. Был подписан договор о сотрудничестве бергамской и тартуской кафедр; преподаватели обоих университетов приезжали друг к другу на стажировки.

В начале 1990-х, после ухода из жизни З. Г. Минц, В. И. Беззубова, а 28 октября 1993 г. — и Ю. М. Лотмана, нам в Тарту было особенно тяжело. Основной состав кафедры был молод и неопытен, новое эстонское государство находилось в периоде становления, университет переживал многочисленные реформы. Невозможно забыть, какую роль сыграла тогда Нина Михайловна Каухчишвили. В начале 1994 г.

³ См. перечень ее докладов (1989, 1991, 1996, 1999, 2002, 2006), а также докладов итальянских коллег на сайте «Хроника научной жизни кафедры русской литературы Тартуского университета» <https://ruslit.ut.ee/history/hronika.php#1965>

она приехала в Тарту, привезла целый чемодан итальянских продуктов (а в Эстонии тогда было, что называется, время «скромных возможностей»), устроила настоящий пир и, главное, говорила с нами о будущем. Она принадлежала к тем немногим тогда коллегам, которые верили в то, что молодая кафедра сможет выстоять и продолжить Лотмановскую традицию.

3–5 ноября 1994 г. Н. М. Каухчишвили организовала в Бергамо большую международную конференцию памяти Лотмана с характерной формулировкой темы — «Наследие Ю. М. Лотмана: настоящее и будущее», на которую пригласила всю тартускую кафедру⁴. Она настаивала на том, что у наследия Лотмана и у его кафедры есть будущее, и была права.

Нина Михайловна прожила большую и светлую жизнь. Ее кончина 4 января 2010 г. явилась большой утратой не только для Бергамо и для итальянской славистики, но и для Тарту. То, что русский перевод ее книги «Италия в жизни и произведениях П. А. Вяземского» выходит в издательстве Тартуского университета, вполне естественно и закономерно. Это дань нашей благодарной памяти о ее авторе.

Любовь Киселева

⁴ Труды конференции опубликованы в издании «Slavica Tergestina, 4» (Trieste, 1996).

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Девятнадцатый век в России отмечен огромным количеством литературной продукции, наиболее значимые образцы которой уже изучены; многое, однако, остается еще неисследованным и ждет своего часа, чтобы пролить истинный свет на произведения и авторов, в течение долгого времени считавшихся второстепенными. В их число входит П. А. Вяземский, литературный критик и поэт, друг Пушкина, долгое время оказывавший значимое влияние на своих современников-поэтов. Произведения Вяземского имеют прежде всего культурную ценность, поскольку мы не можем включить его в число новаторов; лучшее суждение об этом сформулировал, возможно, он сам в 1860 г.:

В мое время многие писатели жили моим умом и моей манерой. Теперь совестятся и боятся ссылаться на меня. *Je suis comme non avenu*⁵. Но со временем, когда меня не будет, а настанет потомство — да черт ли в нем —, моя проза выплывет, со своими качествами и погрешностями [Барсуков: 123–124].

Вяземскому, однако, пришлось долго ждать, прежде чем он смог вернуться на сцену; всего несколько десятилетий назад стали цениться его произведения, и прежде всего его собрание писем — один из самых живых документов в интеллектуальной истории XIX в.

Несмотря на значительное количество работ о Вяземском, появившихся в течение тридцати последних лет, до сегодняшнего дня отсутствуют исследования о его отношениях с западной культурой — за исключением нескольких очерков, посвященных отдельным эпизодам его контактов с Францией. Несомненно, сближение с французской культурой оказало гораздо более серьезное влияние на его духовное формирование, нежели его отношения с Италией. И все же мы с воодушевлением предприняли это исследование, поскольку Вяземский с юных лет проявлял к Италии большой интерес, в большой степени обусловленный его любовью к итальянской музыке. По этой причине он часто становился защитником итальянского искусства на фоне

⁵ Я как будто не существую — франц.

галломании, царившей в русской культуре до и после наполеоновских войн. Непосредственным поводом к началу нашей работы в конечном итоге стало предисловие Л. Делатра к первому итальянскому переводу сочинений Александра Пушкина [Puschin/Delâtre 1856]⁶. Посвящая эту книгу генералу Чернышеву⁷, Делатр напоминает, что ее появление — заслуга именно Вяземского, поскольку князь дал ему «первое представление об этих поэмах, переводя из них вслух наиболее замечательные фрагменты, во время посещения Санкт-Петербурга в 1842 г.» [Там же: V]. Как видим, князь был известной личностью, и многие западные путешественники вступали с ним в прямой контакт; он же делал все возможное, чтобы познакомить с русской культурой посещавших его иностранцев⁸.

Тому, кто намеревается углубиться в мир П. А. Вяземского, предстоит иметь дело с весьма обильным материалом — как изданным, так и неизданным. Что касается контактов Вяземского с Италией, до недавнего времени были известны лишь немногочисленные дневниковые записи, опубликованные в девятом и десятом томах его «Полного собрания сочинений». Недавно было подготовлено к печати новое издание первой части дневника, включающее первое путешествие в Италию в 1834–1835 гг., которое, однако, не слишком обогатило первую редакцию и ничего не добавило, в частности, относительно пяти месяцев, проведенных тогда Вяземским в Риме. До сих пор ничего не было известно об обществе, которое он посещал, и очень мало — о людях того времени, с которыми он получил возможность познакомиться и сблизиться.

Таким образом, мы попытались, используя изданную и неизданную переписку Вяземского, а также дополнительные источники, исследовать и оценить — день за днем, месяц за месяцем — его личный опыт и важность для него этого опыта. Для достижения этой цели

⁶ См. Приложение II.

⁷ Александр Иванович Чернышев (1785–1857), генерал-адъютант, с 1848 г. — светлейший князь, долголетний военный министр при Николае. Участник наполеоновских войн.

⁸ Вяземский познакомился в России с Дж. Ф. Баруффи (см. ниже), другом Сильвио Пеллико, и послужил ему проводником в русском интеллектуальном пространстве; маркиз де Кюстин также обращался к Вяземскому за некоторыми разъяснениями и ссылается на него в своей книге «La Russie en 1839» («Россия в 1839 г.»).

потребовалось, прежде всего, старательное изучение архивного материала, газет и журналов той эпохи, хранящихся почти исключительно в Советском Союзе. Мы также обращались к источникам, доступным в Италии, чтобы установить, сохранились ли там какие-либо письма или записи Вяземского. Этот последний вид работы оказался особенно сложным из-за трудностей, связанных с доступом в частные итальянские архивы. Для того чтобы воссоздать его контакты с итальянцами, нам пришлось воспользоваться в основном материалом, хранящимся в Остафьевском архиве. Сам Вяземский аккуратно собирал переписку и путевые заметки, так что его архив представляет собой богатейший источник для исследователей.

Наконец, с целью изучения влияния Италии на произведения Вяземского мы ознакомились с печатными трудами и его перепиской, разбросанной по многочисленным журналам начиная с 1860 г. и до наших дней. Эта работа потребовала много времени из-за часто фрагментарного характера записей нашего автора. В других случаях мы вынуждены были выискивать сведения об итальянских поэтах, писателях и их сочинениях в довольно старых работах, и в силу этих причин оказалось трудным прийти к какому-то окончательному итогу.

Занимаясь отношениями между Вяземским и Италией, мы должны были тщательно изучить весь жизненный путь Вяземского, ибо между первым и последним визитами в Италию пролегают тридцать лет, охватывающие зрелость и старость князя. Нас особенно удивило многообразие интересов Вяземского во время его пребывания в Риме, несмотря на то что он был тогда глубоко удручен личными горестями. Еще больше поражает его настрой в период пребывания в Венеции: он без усталости осматривает город, всегда готов подметить какую-нибудь мелкую деталь, до этого ускользавшую от его внимания, с тем, чтобы обогатить свой кругозор. Исследуя тексты, мы пришли к выводу, что Вяземский является одной из самых интересных и необычных личностей в литературной и культурной истории России XIX столетия — и мы постарались пролить свет на все то, что им было сделано для развития культурных отношений между двумя странами.

I. ИТАЛИЯ В ЖИЗНИ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

ГЛАВА I

ОЧАРОВАНИЕ ИТАЛИИ

Италия и особенно Рим всегда очаровывали путешественников, прибывавших туда со всего мира. Европейские интеллектуалы и художники с конца XVIII в. мечтали совершить хотя бы одно путешествие в Италию, чтобы полюбоваться недавними археологическими находками: Помпеи и Геркуланум возродились тогда из пепла. Новое открытие ценностей греческого искусства побуждало искать далекую Грецию хотя бы в Италии, восторгаясь доступными для созерцания Аполлоном Бельведерским и Венерой Медицейской. Кроме того, круг художников-«назарейцев» возрождал интерес к живописи старых мастеров, и все стремились полюбоваться картинами Рафаэля, мастерство которого считалось непревзойденным. Италия привлекала туристов и некоторыми любопытными особенностями социального уклада: большое любопытство и желание увидеть его в жизни вызывал феномен «ладзарони». Наконец, мы не должны забывать об обаянии итальянской музыки и бельканто, которым путешественники хотели наслаждаться и в театрах, и в странствиях через итальянские долины.

В первой половине XIX в. Рим считался, помимо всего прочего, почти зимним курортом и притягивал не только художников, поэтов, археологов и туристов, но и многих людей, приезжавших туда в надежде поправить свое здоровье или попросту развлечься. Русских путешественников было много, и значительное число из них, в основном люди искусства, избирало впоследствии Вечный город своим постоянным пристанищем. Среди художников это были Брюллов⁹,

⁹ К. П. Брюллов долго жил в Риме и там же умер. Его знаменитая картина «Последний день Помпеи», побывавшая на многих европейских выставках, в 1838 г. прибыла в Милан. 12 (24) декабря 1832 г. А. И. Тургенев пишет Вяземскому из Рима: «*Последний день Помпеи* привлекает ежедневно толпу зрителей: в этой картине много таланта и науки. С этим художником можно рассуждать о его искусстве, и он читает Плиния и просит дать ему Goethe's Farbenlehre, чтобы написать пожар и молнию: это меня порадовало...

Иванов¹⁰, Кипренский¹¹, Бруни, Иордан — мы назвали лишь некоторые имена; среди писателей — Гоголь, неоднократно останавливавшийся в Риме с 1837 по 1848 гг., Жуковский (1833 и 1838–1839 гг.)¹²; в 1842–1843 гг. мы встречаем здесь Языкова, а около 1859 г. — И. С. Тургенева¹³. Особенно интересной фигурой была княгиня З. А. Волконская; испытывая влечение к римскому католическому миру, она оставила Россию и в 1829 г. обосновалась в Риме. В ее блестящем художественно-музыкальном салоне собиралось много русских, получавших возможность познакомиться с самыми видными представителями международного римского универсума. Поселившись в Риме, Зинаида приглашала своих оставшихся в России друзей приехать в Вечный город, и с особенной теплотой это приглашение было обращено к П. А. Вяземскому, которого настойчиво влекли к себе чистое небо Италии и ее художественные памятники. В 1834–1835 гг. он наконец смог познакомиться со страной, которая много лет казалась ему, как и большинству его современников, прекрасным миражом и далекой мечтой. Здесь уместно будет привести размышления А. Биолато Миони:

Расхожее представление о нашей стране, бытовавшее в России в первом двадцатилетии XIX в., было чисто романтическим; мотив «Италии златой», земли грез, куда устремлялись надежды и вздохи, родины света и поэзии, стал привычным для огромного числа русских поэтов — современников Пушкина, от Батюшкова до Козлова, от Баратынского до Веневитинова, от Дельвига до Шевырева и Вяземского. Все они в те годы воспевали в превосходных степенях красоты нашей родины и передали воспоминания о них в своих сочинениях [Biolato Mioni: 283–284].

Он написал мой портрет так сходно, что гр. Гурьева хотела заговорить с ним, то есть с портретом» [АБТ: 126–127].

¹⁰ А. А. Иванов жил в Риме с 1831 по 1858 гг.

¹¹ О. А. Кипренский с 1816 по 1823 гг. жил в Риме, где испытал влияние Кановы и Торвальдсена. Он вновь вернулся в Рим в 1828 г., чтобы провести в нем последние годы жизни; там же умер.

¹² В. А. Жуковский в первый раз посетил Рим вместе с А. И. Тургеневым в 1833 г., во второй раз — в 1838–1839 гг., сопровождая великого князя Александра Николаевича.

¹³ Возможно, в Рим приезжал также Ф. И. Тютчев. Он жил в Италии с 1837 по 1839 гг., будучи дипломатическим атташе русской миссии в Турине, и в этот период ему часто случалось путешествовать по Апеннинскому полуострову [Giusti: V, 5–12; VI, 3–8; I, 12–35].

П. А. Вяземский и его друг и корреспондент А. И. Тургенев мечтали увидеть Италию, насладиться ее красотами. Уже с 1812 г. — года, когда начинается их переписка [ОА: I–IV; АБТ], — они неоднократно высказывали это свое намерение¹⁴. Что касается Вяземского, восхищение Италией отразилось уже в первом его поэтическом сочинении 1815 г. «Прекрасной Итальянке» [ПСС: III, 82], написанном в классической и традиционной форме, и в еще большей степени — в стихотворении «К итальянцу, возвращающемуся в отечество» [Там же: III, 225; Вяземский 1958: 97–98]¹⁵, где он впервые воспевал пленительность красок южной природы. Эти стихи показывают, сколь значительное место занимала Италия в его мыслях; в те же самые годы он испытывает сильное влияние итальянской оперы и вслед за Байроном обращается к Италии с романтически-ностальгическими чувствами, убежденный, что она представляет собой Парнас современной поэзии и что никакое замечательное поэтическое произведение не может родиться вдалеке от нее, не будучи отмеченным при этом печатью вторичности.

К сентиментальному и ностальгическому восприятию Италии русских поэтов побуждало также чтение «Коринны», блистательная и вызывающая зависть героиня которой страдала и не находила понимания в холодных северных краях. Некоторые страницы романа де Сталь напоминали туристический справочник, в подробностях описывавший читателю отдельные итальянские регионы; русские путешественники порой ездили по стране, сверяясь с его текстом¹⁶.

¹⁴ Тургенев приехал в первый раз в Италию в 1804 г. вместе со своим другом А. С. Кайсаровым (1782–1813), но обстоятельства не позволили им поехать дальше Венеции.

¹⁵ В ПСС стихотворение помечено 1821 г. В издании 1958 г. стихотворение датируется 1816 [Вяземский 1958: 426]. Изучив архив, мы можем утверждать, что стихи посвящены итальянскому певцу Ратти, с которым Вяземский, Тургенев и Булгаков познакомились в 1815 г. [ОА: I, 32]. Весной 1816 г. Ратти возвращается в Италию и пишет Вяземскому, чтобы поблагодарить его за посвящение [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2630. Л. 5]. К письму был приложен французский перевод, которого сейчас уже нет в архиве. 13 апреля 1816 г. Ратти пишет из Дубно, незадолго до того, как покинуть польскую территорию, чтобы еще раз поблагодарить князя за радушный прием, оказанный ему в России [Там же: Л. 3].

¹⁶ А. И. Тургенев посетил Неаполь и Тиволи и по этому случаю перечитал страницы «Коринны», посвященные двум городам [АБТ: 171–172, 202].

Русские писатели также имели возможность приблизиться к Италии благодаря более сдержанному и представлявшему прежде всего определенный социальный интерес сочинению леди Морган¹⁷. У самого Вяземского эта книга имела в французском переводе уже в 1821 г., она была приобретена всего через несколько месяцев после ее первого издания в Париже [Lady Morgan]¹⁸.

В переписке между Вяземским и Тургеневым мы не находим, однако, никакого упоминания о *Italienische Reise* Гёте, хотя имя великого немецкого поэта часто встречается в их письмах. Нас, пожалуй, не удивляет то, что Вяземский не обращает внимания на это произведение, но удивительно, что о нем ничего не говорит Тургенев — убежденный поклонник немецкой культуры¹⁹.

Тургенев, впрочем, укажет позже на авторов других знаменитых произведений об Италии: в 1832 г., по прибытии во Флоренцию, он цитирует несколько строк из поэмы С. Роджерса²⁰ “Italy” и отрывки из путевого дневника Л. Симона²¹. В их переписке встретится также имя французского путешественника А. Валери²²; сам же Вяземский

¹⁷ Сидни Морган (1783–1859), урожденная Оуэнсон, автор многочисленных романов, была наблюдательной путешественницей и после поездки 1815–1816 гг. опубликовала свои записки о Франции. В 1821 г. она издала в Париже, одновременно на английском и французском языках, свои впечатления о путешествии по Италии.

¹⁸ Письмо 27 октября (8 ноября) 1821 [ОА: II, 221]. В 1838 г. в Брайтоне Вяземский лично познакомился с автором произведения [ПСС: IX, 173–178; ЗК: 244–251].

¹⁹ А. И. Тургенев учился в Геттингенском университете; он в совершенстве владел немецким языком и в продолжение всей своей жизни был большим другом Шеллинга [АБТ: 111, 114, 116, 244, 301, 302, 326, 329, 331, 333, 346–350].

²⁰ Сэмюэл Роджерс (1763–1855), английский поэт, друг Байрона. В 1830 г. опубликовал “Italy, a roem”, живописные, исторические и романтические воспоминания об Италии с иллюстрациями Тернера. Эта поэма со временем заменила чтение о странствиях романтического Чайльд-Гарольда и часто вдохновляла тех, кто собирался посетить Италию.

²¹ Луи Симон (1767–1831) в 1792 г. оставил Францию и уехал в Америку, где также долго путешествовал. В 1828 г. он опубликовал в Париже “Voyage en Italie et en Sicile” [АБТ: 119, 345].

²² Антуан-Клод Валери (1789–1847), директор королевских библиотек, неоднократно путешествовал по Италии. Он издал “Voyages historiques et littéraires en Italie pendant les années 1826–1828 ou L’Indicateur italien” (Paris, 1831–1833, in 8°) в пяти томах. К этому добавятся “Voyages en Corse, à l’île d’Elbe et en Sardaigne” (Paris, 1837–1838, in 8°) в двух томах. (Возможно, Вяземский читал либо пролистал “L’Indicateur italien” перед поездкой в Италию, поскольку эту книгу ему ранее прислал А. И. Тургенев, который во

упомянет позже “*Les Contes d’Espagne et d’Italie*” Мюссе, и будет с симпатией отзываться об их авторе [ОА: III, 223–224]²³.

Их интересу к Италии способствовали также поездки в эту страну соотечественников и друзей, в особенности Г. И. Гагарина²⁴, дипломата и писателя, который в 1816 г. получил назначение в русскую миссию в Риме. Тургенев поддерживал с Гагариным оживленную переписку, и можно предполагать, какие художественные и культурные мотивы затрагивал Гагарин в своих описаниях Италии, поскольку Тургенев в одном из писем к Вяземскому восхищенно восклицает: «никому не надобно умирать, не подышав под неапольским небом и у римских развалин» [Там же: I, 282]. Эти пылкие излияния обостряют желание Вяземского и Тургенева увидеть Италию, в то время как оба по служебной необходимости были вынуждены оставаться в Российской империи. Князь с 1818 г. находился в Варшаве в качестве атташе канцелярии Н. Н. Новосильцева²⁵, страдал от разлуки с друзьями и одиночества; он переживал те несправедливости, которыми сопровождалось установление российского правления в Польше, и внутренне не был согласен с проводимой там политикой. Он общался только с избранным кругом русских «благородных сердец» и с некоторыми поляками, которыми восхищался [Wytrzens 1957: 46–72].

время второго своего путешествия в Италию вспомнил об этой книге [Письмо из Флоренции: 325]. Возвращаясь из Рима в Петербург, князь также писал жене, что читает книгу Валери (см. Прил. I, письмо от 10 (22) июня 1835 г. из Любека).

²³ Вяземский цитирует фрагмент драматической поэмы “*Les marrons du feu*” из “*Contes d’Espagne et d’Italie*”, подкрепляя свое мнение о музыке как о самом чистом из искусств: “*Voyez le Dante. Son Séraphin doré ne parle pas, il chante! C’est la musique, moi, qui m’a fait croire en Dieu*” <Посмотрите у Данте: его золотой Серафим не говорит, а поет! Моя вера в Бога глубоко связана с музыкой> [Musset 1957: 38]. Вяземский в августе – сентябре 1838 г. лично познакомился с Мюссе в Париже [Вяземский 1937: 127, 139].

²⁴ Князь Григорий Иванович Гагарин (1782–1837), поклонник искусства и литературы. Служил по дипломатической части, в 1816 г. стал советником посольства в Риме; а с 1829 г. — чрезвычайным послом. В 1832 г. был отправлен в Мюнхен в той же должности; у него служил в качестве секретаря дипломатической миссии Ф. И. Тютчев, чье поэтическое дарование он оценил в числе первых. Гагарин и Тургенев были товарищами по учебе в Московском университете; Гагарин был родственником Вяземского со стороны жены.

²⁵ Граф Николай Николаевич Новосильцев (1761–1836), с 1813 по 1831 гг. высокопоставленный российский чиновник в Польше.

Примерно в тот же период еще один общий друг Тургенева и Вяземского, К. Н. Батюшков²⁶, надеялся переехать на некоторое время в Неаполь, чтобы восстановить расстроенные нервы. Вяземский с живым интересом следил из Варшавы за каждым этапом переговоров, в те времена весьма сложных, по получению разрешения на пребывание за границей, и когда, наконец, узнал наверняка, что Батюшков сможет отправиться на юг²⁷, то позавидовал его удаче. Фантазия рисует перед ним восторженные образы:

Там природа в праздничном наряде; то есть в шитом камергерском мундире, а у нас в будничном, маленьком мундире. Там так должно быть хорошо, что можно и без счастья обойтись. Знаешь, бывают такие минуты, что чувствуешь совершенное отсутствие всех нравственных и физических чувствований, забываешься; ни сердцем, ни умом ничего не осязашь, а просто блаженствуешь! Вот, мне кажется, каково должно быть бытие в Италии. Там живут на небесах²⁸.

Возможно, его излишества имели бы менее ностальгический характер, будь это письмо написано из России. В Варшаве Вяземский чувствовал себя «приговоренным к сухому хлебу», ему казалось, что он «давится в прозе», в то время как Батюшков вдохновлялся поэтической Италией²⁹. Поскольку Батюшков, уже тогда тяжело страдавший неизлечимой нервной болезнью, не пишет ему, князь сетует на это Тургеневу и просит уговорить друга согреть его письмом из Италии³⁰, так как чувствует, что «зябнет на варшавском песке»³¹. Почти во всех

²⁶ К. Н. Батюшков любил итальянскую поэзию, в особенности Тассо. Он служил в Неаполе с 1819 по 1822 г. в качестве секретаря посольства в подчинении графа Г. О. Штакельберга, в то время посла в Королевстве Обеих Сицилий.

²⁷ Е. А. Карамзина, единокровная сестра князя, пишет ему 15 (27) июля 1818 г. и передает весть, что Батюшков назначен в неаполитанскую миссию [Письма Карамзина к Вяземскому: 58]. Батюшков отправился в Италию 19 ноября (1 декабря) 1818 г.

²⁸ Письмо от 17 (29) марта 1819 г. [ОА: I, 202–203].

²⁹ Письмо от 24 августа (5 сентября) 1818 г. [Там же: 116].

³⁰ Письмо от 8 (20) июля 1819 г. [Там же: 261].

³¹ Письмо от 19 (31) декабря 1819 г. [Там же: 377]. Батюшков, в свою очередь, чувствовал себя несчастным в Италии, поскольку не находил общего языка с графом Штакельбергом, и посылал из Неаполя тоскливые письма: «Вы читаете Данта, <...> завидую вам». Об этом вспоминает Тургенев в 1841 г. в письме, опубликованном в «Хронике русского в Париже» [Хроника русского: 6].

письмах того периода сквозит желание стряхнуть с себя давящую атмосферу Царства Польского, в которой «из Варшавы нечего сказать в Неаполь, а в Варшаву можно бы из Неаполя сказать тепленькое слово»³².

Как видим, Вяземскому в Варшаве Италия казалась землей обетованной, способной воспламенить его поэтический дар, угасавший в тяжелой обстановке политических разногласий. Из этого состояния духа его время от времени выводили приезжавшие в Польшу итальянские певцы; они приносили с собой дуновение итальянского воздуха, образ покоя и гармонии, которыми, как он думал, пронизана Италия, несмотря на доходившие слухи о волнениях карбонариев.

Его любовь к Италии усиливалась также под влиянием его друга, А. Я. Булгакова³³, долго жившего в Неаполе; тот знал в совершенстве

³² Относительно пребывания Батюшкова в Италии см. также письма от 1 (13) августа 1818 г. [ОА: I, 112] и 7 (19) мая 1819 г. [Там же: 229]. Батюшков был одним из лучших друзей Вяземского и неоднократно гостил у него в Остафьево.

³³ Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863), московский почт-директор; среди друзей Вяземского он был самым горячим почитателем итальянской музыки. Вот что о нем говорит князь в 1868 г.: «Александр Яковлевич — уроженец константинопольский и чуть не обыватель Семибашенного замка, в котором отец его довольно долго пробыл в заточении, — провел года молодости своей в Неаполе, состоя на службе при посланнике нашем Татищеве. Он носил отпечаток и места рождения своего, и пребывания в Неаполе. По многому видно было, что солнце на утре жизни долго его пропекало. В нем были необыкновенные для нашего северного сложения живость и подвижность. Он вынес из Неаполя неаполитанский темперамент, который сохранился до глубокой старости и начал в нем остывать только года за два до кончины его, последовавшей на 82-м году его жизни. Игра лица, движения рук, комические ухватки и замашки, вся эта южная обстановка и представительность были в нем как будто врожденными свойствами. От него так и несло шумом и движением Кияи и близостью Везувия. Он всегда, с жаром и даже умилением, мало свойственным его характеру, вспоминал о своем Неаполе и принадлежал ему каким-то родственным чувством. И немудрено! Там протекли лучшие годы его молодости. Молодость впечатлительна, а в старости мы признательны ей и ею гордимся, как разорившийся богач прежним обилием своим, пышностью и роскошью. Он хорошо знал итальянский язык и литературу его. В разговоре своем любил он вмешивать итальянские прибаутки. Впрочем, вместе с этою заморскою и южною прививкою, он был настоящий, коренной русский и по чувствам своим, и по мнениям. От его сочувствий и сотрудничества не отказался бы и современник его, наш приятель Сер.<гей> Ник.<олаевич> Глинка, русский первого разбора и основатель “Русского вестника”. И ум его имел настоящие русские свойства: он ловко умел подмечать и схватывать разные смешные стороны и выражения встречающихся лиц.

итальянский язык, страстно любил музыку и сам был неплохим музыкантом-любителем. Порой Булгаков служил Вяземскому гидом и наставником: открывал перед ним красоту какой-либо музыкальной фразы, а также помогал ему разбирать либретто итальянских мелодрам. Этим занятиям они предавались и во время пребывания Булгакова в Варшаве³⁴ в те месяцы, когда там выступала Анджелика Каталани. Польский период, таким образом, обретает особую важность в общей картине отношений князя к Италии.

Возвратившись из Варшавы, Вяземский многие годы провел в Москве: это были те годы, когда язык, литература, музыка Италии становятся составной частью его духовного мира. Он находился под сильным влиянием художественно и литературно одаренной княгини Зинаиды Волконской, властительницы дум интеллектуальной Москвы. Однако мы должны признать, что эти контакты были довольно неопределенными.

Затем строки пушкинского «Евгения Онегина» укрепили в душе князя и без того сильное желание увидеть Италию. Великому русскому поэту, размышлявшему о внутренней неудовлетворенности прошедших лет, боровшемуся с *хандрой*, чудилось среди петербургских каналов далекое эхо тассовых октав, и это чувство прорывалось в строках, выражавших тогда всеобщее стремление: услышать знаменитые

Он мастерски рассказывал и передразнивал. Беседа с ним была часто живое театральное представление. Тут опять сливались и выпукло друг другу помогали две натуры: русская и итальянская. Часто потешались мы этими сценическими выходками. Разумеется, Жуковский сочувствовал им с особенным пристрастием и добродушным хохотом. Булгаков вынес из Италии еще другое свойство, которое также способствовало ему быть занимательным собеседником: он живо и глубоко проникнут был музыкальным чувством. Музыка он не обучался и, следовательно, не был музыкальным педантом. Любил Чимарозе и Моцарта, немецкую, итальянскую и даже французскую музыку, в хороших и первостепенных ее представителях. Самоучкой, по слуху, по чутью, разыгрывал он на клавинофордах целые оперы. Когда основалась итальянская опера в Москве предприятием и иждивением частных лиц — кн. Юсупова, кн. Юрия Владимировича Долгорукова, Степана Степановича Апраксина, кн. Дмитрия Владимировича Голицина и других любителей, — Булгаков более всех наслаждался этим приобретением: оно переносило его в счастливые годы молодости. Впрочем, имело оно, несомненно, изящное и полезное влияние и на все московское общество» [Вяземский 1868: 1440–1441].

³⁴ Письмо от 24 июля (5 августа) 1819 г. [ОА: I, 272–273].

венцианские серенады, воспетые Байроном, и прожить несколько часов в волшебной атмосфере Венеции:

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле... (гл. 1, строфа XLIX).

Другу князя удалось выразить чаяния целого поколения русских поэтов, и Вяземский, пребывая между Москвой и Остафьево, еще сильнее переживал атмосферу изолированности, которая делала для него невозможным скорое исполнение подобных мечтаний.

Несколько лет спустя еще один друг проведет его, хотя и в воображении, через итальянский полуостров: летом 1832 г. в Италию отправляется А. И. Тургенев, и для князя начинается настоящий подготовительный период: он получает от друга длиннейшие письма, изобилующие подробностями культурной и художественной жизни Италии. И тогда он снова чувствует себя охваченным типично романтической ностальгией — завидует всем, кто уезжает на юг³⁵, а самого Тургенева обвиняет в неблагодарности, поскольку тот жаловался на суровые жизненные обстоятельства³⁶, живя при этом в стране, куда сам так хотел попасть.

Во время этого путешествия Тургенев провел несколько недель с их общим другом В. А. Жуковским. Последний вернулся в Россию несколькими месяцами раньше Тургенева и смог вживую поведать Вяземскому обо всем, чем друзья успели полюбоваться вместе в центральной и южной Италии. Теперь князь знал Италию лучше, чем любую другую европейскую страну, но казалось, что сам он не сможет

³⁵ См. письмо от 2 (14) июня 1833 г. из С.-Петербурга [ОА: III, 236].

³⁶ А. И. Тургенев жаловался в письмах из Италии, что не может приехать к жившему в изгнании брату Николаю (1789–1871; тот находился во Франции и был заочно приговорен к каторге за участие в движении декабристов и не мог вернуться в Россию), поскольку российские власти отказали ему в распространении действия заграничного паспорта на эту страну.

туда отправиться. Тем не менее, уже через несколько месяцев после возвращения Тургенева он был вынужден внезапно и по весьма печальному поводу взять отпуск и выехать в Италию: из-за тяжелой болезни его вторая дочь, Прасковья³⁷, по совету врачей должна была покинуть Россию. В момент выезда князь был охвачен тревогой за здоровье дочери и даже не знал точно, куда именно они направляются. Несмотря на это, он при первой возможности приобрел несколько сочинений, которые могли ему помочь углубить свои знания об Италии. Все это были книги на немецком языке, путевые заметки с подробными описаниями итальянских памятников искусства [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5079. Брошюра 8]³⁸. Однако не очень похоже, чтобы князь уделял чтению этих книг много внимания, тем более что они были написаны на языке, к которому он не выказывал особой склонности, хотя, возможно, владел им достаточно, чтобы читать любые тексты. Ни в его путевых дневниках, ни в его письмах мы не находим признаков прямого воздействия на него этих сочинений.

³⁷ Прасковья Петровна Вяземская (1817–1835), которую в семье звали Пашенькой или Pauline, болела туберкулезом.

³⁸ В этом дневнике перечислены с указанием цены следующие книги: “Neugebauer Handbuch für Reisende in Italien” (Leipzig, 1808); Hermann Friedländer “Ansichten von Italien während einer Reise in den Jahren 1815 und 16” (Leipzig, 1818–1820; в 2 ч.); Heinrich Hase “Nachweisungen für Reisende in Italien in Bezug auf Oertlichkeit, Alterthümer, Kunst und Wissenschaft” (Leipzig, 1821; с гравюрой на титуле); Friederike Brun “Briefe aus Rom geschrieben in den Jahren 1808–1809 und 10 über die Verfolgung, Gefangenschaft und Entführung des Pabstes Pius VII” (Dresden, 1816) и ее же “Tagebücher über Rom” (Zürich, 1799–1801; в 2 ч.); von der Recke “Französisches Tagebuch einer Reise durch einen Theil Deutschlands und durch Italien in den Jahren 1804 bis 6” (Berlin s.a.; в 4 т.).

ГЛАВА II

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИТАЛИЮ В 1834–1835 гг.

Отправившись в первое европейское путешествие, князь смог наконец дать волю своим пристрастиям: он ощущал себя рожденным для странствий³⁹ и еще в 1828 г. упоминал о возможности совершить путешествие по Европе вместе с Пушкиным, Крыловым и Грибоедовым, чтобы показываться публике в Париже, «как жирафы или осажи», полагая, что для европейцев наверняка стало бы большим событием лицезрение четырех русских литераторов, гуляющих вместе по улицам Парижа [Пушкин 1952: 76]⁴⁰.

Прежде всего следует перечислить те черты, которые отличали этого поэта-путешественника: он не хотел быть туристом в тривиальном смысле слова, с путеводителем в руках и настойчивым желанием успеть посмотреть на все то, что в этом путеводителе описано. Напротив, Вяземский хочет созерцать без спешки и любоваться вновь и вновь одними и теми же памятниками, чтобы войти с ними в личный контакт [ПСС: VII, 255].

Я не имею в черепе своем *шишки распорядительности*. У меня только одни те шишки, которые валяются на бедного Макара. А шишка распорядительности великое дело в жизни, а особенно в путешествии. Я не умею распоряжаться часами, моими чтениями, прогулками etc. Все это не приводится мною в стройный порядок, а мутно и блудно расточается. Основа поминутно рвется.

Другой еще важный недостаток для путешественника: близорукость. В зрении моем ничего ясно не отражается. Многое вижу я кое-как, а многое верю на слово другому. Третий недостаток — отсутствие топографического чувства. Не умею глазом хорошо обнять и понять какую бы ни

³⁹ См. письмо 7 (19) октября 1836 Д. П. Северину [Письма Вяземского к Северину: 87] и письмо 7 (19) июля 1819 А. Я. Булгакову [Письма Вяземского к Булгакову: IV, 516–517].

⁴⁰ См. письмо от конца апреля 1828 г. Вяземского и Пушкина княгине Вере Федоровне [Пушкин: XIV, 12–13].

было местность. План дома, план города для меня тарабарская грамота. Не знаю ни в Москве, ни в Петербурге, что лежит к северу, что к югу, а тем паче в городе новом, с которым я не успел еще ознакомиться. Вообще в моей организации есть какая-то неполнота, недоделка, частью, вероятно, природные, а частью и злоприобретенные худыми навыками и пагубной беспечностью [ПСС: VII, 247].

Страницы, написанные во время путешествий, полностью подтверждают эти самонаблюдения: мы не находим в записях никакого намека на план; князь постоянно навещает излюбленные памятники, а на другие, весьма значительные, не обращает никакого внимания. Кроме того, ему нравилось бродить по городу без какой-либо заранее определенной цели, чтобы проникнуться его атмосферой и понять характер населяющих его людей.

Для воссоздания деталей поездки, состоявшейся в 1834–1835 гг., мы имеем в распоряжении два основных источника. Первый — путевые заметки, опубликованные в новом издании дневника князя под редакцией В. С. Нечаевой [ЗК]. Исследовательница впервые смогла представить полный текст дневника, напечатанного с многочисленными лакунами в первом издании 1883–1886 гг. под редакцией С. Д. Шереметева [ПСС: IX–X]. Шереметев в публикации дневника не опирался на литературно-критические или филологические принципы; он скорее просто отдавал предпочтение тем страницам рукописи, которые, по его мнению, представляли наибольший интерес. Нельзя даже утверждать, следуя преобладающей сегодня тенденции, что им руководили опасения политического характера, вызванные строгостью цензуры. В те годы цензура была менее жесткой, чем во времена правления Александра I и Николая I, тем более что речь шла об авторе уже умершем и принадлежавшем, во второй период своей жизни, к консервативному направлению. Нам представляется невозможным, например, что Шереметев исключил на подобном основании некоторые этапы поездки князя — например, остановки в Модене и Болонье или же путешествие в Неаполь и вдоль амальфитанского побережья. Подобные меры предосторожности можно принять во внимание, когда речь заходит о части дневника, посвященной 1813–1830 гг., но с момента возвращения на государственную службу в Петербурге князь отказался от либеральных идей, воодушевлявших его

в молодости. Следует также добавить, что у Вяземского был ужасный почерк, зачастую совершенно неразборчивый, и мы неоднократно замечали, что Шереметев, не колеблясь, пропускает неудобочитаемые фрагменты либо довольствуется приблизительным истолкованием. Эти недостатки преодолены в новом издании, но оно, к сожалению, также не является полным: опущены цитаты, рассуждения литературного и исторического характера, названия книг, которые были у князя в коллекции или просто были ему знакомы, копии писем, стихотворения, уже публиковавшиеся в других изданиях, и другие детали⁴¹, расцененные как малоинтересные. Мы полагаем, что этот недостаток, по правде говоря, незначительный по сравнению с первым изданием, все же огорчителен, поскольку и на сей раз невозможно получить полное представление о личности князя, зачастую противоречивой.

Второй источник нашего исследования — письма, которые князь и члены его семьи в тот период адресовали сыну Павлу⁴², оставшемуся в Петербурге из-за учебы и доверенному заботам единокровной сестры князя, Е. А. Карамзиной. Эта переписка до сих пор оставалась неизданной, за исключением редких цитат, приводимых исследователями [Кочеткова]. Этот источник представляет особый интерес, он отчетливо контрастирует со стилем путевых заметок князя, набросанных торопливо, в стремлении запечатлеть, несмотря на печаль и тревогу за здоровье дочери, наиболее важные события. Во время поездки Вяземского угнетала двойная забота: его беспокоило, помимо состояния здоровья Пашеньки, обязательство вернуться в Россию по

⁴¹ На с. 420 примечаний в издании 1963 г. редактор указывает, что были пропущены тексты на французском языке, скопированные автором: указываются только имена авторов, выбранных князем. Другие тексты на французском языке сопровождаются русским переводом, сделанным самим Вяземским; отсутствуют тексты на латинском, русском, финском, шведском, эстонском языках, а также копии стихотворений Жуковского [ЗК: 402]. Также указаны некоторые цитаты, главным образом на английском языке, не приведенные в новом издании [Там же: 424–425], и отрывки, скопированные из «Моих темниц» Пеллико [Там же: 437], которые мы впервые публикуем во второй части этой работы.

⁴² Павел Петрович Вяземский (1820–1888), единственный доживший до зрелого возраста сын П. А. Вяземского. Он сделал карьеру на дипломатической службе, был ученым и литератором. Его наиболее значительное произведение — «Слово о полку Игореве. Исследования о вариантах» (СПб., 1877).

истечении отпуска, полученного по чрезвычайным обстоятельствам, не имея при этом уверенности в благополучном состоянии дочери. Его наблюдения и замечания несут на себе печать этого беспокойства, но он все же хотел поверить их дневнику, предвидя, что однажды дневник может быть прочитан и издан, и не желая столкнуться с цензурными препятствиями. А в письмах проглядывает его истинная натура: он часто подавлен скукой [Wytrzens 1961: 28]⁴³, которая особенно терзала его в тот период; и все же его критический и ироничный ум, не позволяя побороть себя окончательно, время от времени берет над ней верх. Кроме того, князь, по-видимому, поверял письмам те идеи, которые боялся забыть: часто он предается рассуждениям и разговаривает с четырнадцатилетним сыном как со взрослым, нуждаясь в собеседнике, чтобы прояснить собственные мысли⁴⁴.

К этим прямым источникам следует добавить итальянские письма А. И. Тургенева князю — они дополняют картину, обрисованную Вяземским, который прибыл в Италию примерно через восемь месяцев после отъезда Тургенева. Переписка с друзьями была для последнего духовной потребностью. К этому средству он прибегал, чтобы запечатлеть мысли и чувства, пробуждаемые в нем памятниками искусства, встречами с выдающимися интеллектуалами Западной Европы, философскими, религиозными и политическими течениями. Помимо этого, он знакомил друзей с литературными новинками, рассказывал о музыкальных и театральных постановках и о встречах с певцами и актерами. Тургенев не пропускал ни одного значительного события и старательно отражал увиденное в своих впечатляюще пространственных письмах. Он был усердным исследователем и часто ссылался на рукописи, которые изучал в архивах и библиотеках; объектом его особого внимания были документы по русской истории, хранившиеся в библиотеке Ватикана. И, наконец, Тургенев обращал внимание на социальные условия в посещаемых им странах и, поскольку в Москве

⁴³ Это состояние угнетало князя еще в Польше, насколько мы можем судить по его письмам, адресованным в тот период А. Я. Булгакову [Письма Вяземского к Булгакову: IV, 511–512, 515, 516–517].

⁴⁴ Письма хранятся в ЦГАЛИ <ныне — РГАЛИ>; в дальнейшем все ссылки даются на современное название. — *Ред.*>. Мы воспользовались также перепиской Вяземского с друзьями и знакомыми, сохранившейся в том же фонде.

занимался оказанием помощи заключенным⁴⁵, старался по возможности посещать тюрьмы и во время своих путешествий. К сожалению, нам до сих пор неизвестно местонахождение дневника Тургенева, наверняка изобилующего подробностями — ведь он говорил, что аккуратно заносит туда даже самые мелкие происшествия своей жизни; интересно было бы сравнить дневник с опубликованной перепиской и дополнить сведения из этого источника⁴⁶. Наконец, мы воспользовались — особенно для описания пребывания Вяземского в Риме — перепиской Софьи Николаевны и Екатерины Николаевны Карамзинных⁴⁷, путешествовавших в тот же период по Италии с матерью Екатериной Андреевной⁴⁸. Эти письма содержат многочисленные сведения о князе и его семье, поскольку сестры Карамзины, связанные с Вяземским тесным родством, проводили многие часы с его семьей.

Решение предпринять путешествие по Европе созрело у князя летом 1834 г. Весной того же года здоровье Пашеньки заметно ухудшилось; врачи отчасти винили в этом влажный климат Петербурга и посоветовали перевезти ее в Остафьево. Жена князя, Вера Федоровна⁴⁹, отправилась с дочерьми в Москву, а князь по делам службы остался в Петербурге с сыном Павлом. К сожалению, новости из Москвы по-прежнему были тревожными. Примерно в середине июля князь обратился к столичным медикам, и они посоветовали увезти больную на юг, пока сезон не закончился [ЗК: 222]. Решение было принято около 13 июля, однако для осуществления плана понадобилось сначала четыре недели: на сообщение жене о принятом решении,

⁴⁵ В Чивитавеккье, где ему пришлось несколько дней ожидать прибытия В. А. Жуковского, Тургенев посетил тюрьму и дал подробное описание жизни заключенных в ней; см. письмо 27 апреля 1833 г. [АБТ: 209–210].

⁴⁶ Дневники А. И. Тургенева, хранящиеся в рукописном отделе Пушкинского дома, до сих пор обнародованы далеко не полностью. — *Ред.*

⁴⁷ Софья Николаевна Карамзина (1802–1856), старшая дочь Н. М. Карамзина и его первой жены, урожденной Е. И. Протасовой (1767–1802); Е. Н. Карамзина (1805–1867), дочь от второго брака, вышедшая замуж за князя П. И. Мещерского (1802–1876), который сопровождал их в путешествии по Италии.

⁴⁸ Екатерина Андреевна Кольванова (1780–1851), старшая сестра князя, вышла замуж за Н. М. Карамзина (1766–1826) в 1804 г., два года спустя после смерти его первой жены. Эти письма хранятся в фонде Карамзина [РГАЛИ: Ф. 248].

⁴⁹ Вера Федоровна Вяземская (1790–1886), урожденная княжна Гагарина.

ее возвращение в Петербург вместе с дочерьми, а затем еще по меньшей мере месяц должен был уйти на получение внеочередного отпуска.

Тем временем князь собирал мнения врачей и друзей: каждый рекомендовал собственного доверенного врача в Западной Европе⁵⁰, но в конце концов он положился на одного из своих самых близких друзей, В. А. Жуковского, посоветовавшего ему без колебаний отправиться в Ганау к доктору Коппу⁵¹, на которого русские возлагали безграничные надежды — позже он будет лечить и Гоголя, и Языкова⁵².

11 августа князь, наконец, выезжает из Петербурга вместе с женой, старшей дочерью Марией⁵³, с Пашенькой и с Надинькой⁵⁴, младшей и самой эксцентричной из дочерей Вяземского. Павел же проводил своих домашних только до Кронштадта (откуда они отчалили на следующий день в шесть часов утра), а затем вернулся в Тайцы⁵⁵, где оставался с тетей до начала нового учебного года.

Князь покинул Россию с чувством глубокой грусти: он должен был разлучиться с сыном Павлом, который в первый раз оставался вдалеке от своих родных; состояние здоровья Пашеньки было весьма тревожным, а он должен был пуститься в рискованное морское путешествие, которого опасался и за себя, и за больную дочь. Первое плавание оказалось довольно сносным, и только во время последующих путешествий у князя развилась неприязнь к этому виду передвижения. В пути все несколько страдали от морской болезни, погода была душливой, и плавание в общем проходило в утомительных условиях. Единственным облегчением в эти часы было хорошее настроение

⁵⁰ См. письмо 16 (28) августа 1834 г. из Любека [Прил. I].

⁵¹ Иоганн Генрих Копп (1777–1858), автор нескольких медицинских трактатов и личный врач курфюрста Гессенского.

⁵² Вяземский встретился с ним в 1838 г. в Ганау, когда оба приехали на консультацию к Коппу.

⁵³ Мария Петровна Вяземская (1813–1849) 22 мая (3 июня) 1836 г. вышла замуж за П. А. Валуева (1814–1890), государственного деятеля и писателя; в правление Александра II он стал министром внутренних дел, позже — председателем Комитета министров.

⁵⁴ Надежда Петровна Вяземская (1822–1840) умерла в Баден-Бадене от туберкулеза. Во время поездки в Италию она писала брату веселые письма [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4105]. Отец написал в память о ней стихотворения «Баденские воспоминания» [ПСС: XI, 145–146] и «Баден-Баден» [Там же: 215–217].

⁵⁵ Тайцы — мыза в шестнадцати верстах от Царского Села, находившаяся в императорской собственности, где Е. А. Карамзина проживала летом. Она пользовалась этой привилегией в память о муже — государственном историографе.

Надиньки, «потешницы всей компании», которая умела развлечь всех своими простодушными шутками и остроумными репликами⁵⁶. Им также повезло с попутным ветром, благодаря которому они достигли берегов Германии всего за три с половиной дня; после двухчасовой остановки в Травемюнде они сели в экипаж, следовавший в Любек⁵⁷. В первые минуты этого путешествия князю казалось, что он грезит: он годами мечтал, как отправится за границу, а теперь должен был покинуть родину при таких обстоятельствах! Он был не в состоянии воспринимать новые впечатления и не упоминает ни о новой для него части Балтийского побережья⁵⁸, ни о первом соприкосновении с Германией, ни о средневековом обаянии старого ганзейского города, в котором они провели два дня. Все для него «в каком-то тумане и заслоняется одною мыслью», которая будет его терзать до тех пор, пока не «взойдет день выздоровления Пашеньки»⁵⁹. Единственным воспоминанием о Любеке, запечатлевшимся в сердце любящего отца, стала встреча с другими больными русскими детьми, находившимися в этом городе, где тогда существовало специализированное лечебное учреждение для детей, страдавших рахитом⁶⁰.

И все же князь был человеком, значительно одаренным интеллектуально и обладавшим тончайшим чувством юмора, от которого ничто не ускользало. Едва прибыв в Гамбург, оживленный город с интернациональной атмосферой, он поддается его обаянию. Из его приписки к одному из писем Надиньки, адресованных брату⁶¹, явствует, что его поразил забавный вид пузатых немецких военных, разгуливавших по городу. Вяземский, в отличие от многих тогдашних русских, не мог похвастаться славным военным прошлым. Он оказался в действующей армии только во время войны с Наполеоном и позже назвал этот

⁵⁶ См. письмо из Любека 16 (28) августа 1834: «Бодрее всех были Пашенька и Надинька, которая была потешницею всей компании» [Прил. I].

⁵⁷ См. письмо Надиньки брату Павлу от 20 августа / 1 сентября 1834 [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4105].

⁵⁸ См. письмо из Любека 16 (28) августа 1834 [Прил. I].

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См. процитированное письмо Надиньки брату, где она пишет о своем визите к дочери княгини Голицыной, урожденной Кутайсовой, помещенной в эту лечебницу [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4105].

⁶¹ См. письмо из Гамбурга 20 августа (1 сентября) 1834 [Прил. I].

единственный эпизод «оторванным листком»⁶² своей жизни. Хотя Россия со времен Петра Великого перенимала прусскую систему военной организации, она сумела вложить в нее иной дух, и внешняя манера поведения военных отличалась прежде всего галантностью. Новая реальность поразила князя до такой степени, что заставила противиться подавленности, терзавшей его дух⁶³.

Живая атмосфера города раздражила его врожденное любопытство, и он повез свою семью на экскурсию до самой Альтоны⁶⁴, чтобы познакомиться еще и с окрестностями. Одновременно в нем вновь пробудился культурный интерес, и в Гамбурге он вместе с дочерью Марией отправился на театральное представление⁶⁵, не пытаясь, впрочем, познакомиться с местным обществом. Пребывание в Гамбурге было недолгим, и после нескольких дней остановки в Ганновере и короткого путешествия через Кассель, Геттинген, Марбург и Фридрихсбергер⁶⁶ они прибыли 27 августа (8 сентября) в Ганау.

В этом последнем городе внимание князя было полностью поглощено заботами о здоровье Пашеньки: он прибегал ко всевозможным средствам, чтобы развлечь бедную больную⁶⁷, и радовался неизменно

⁶² Князь долго вынашивал замысел описать эту главу своей жизни, что и осуществил в 1869 г., опубликовав «Поминки по Бородинской битве», четыре стихотворения, посвященные Д. Г. Бибикову, с подзаголовком «Оторванный листок» [ПСС: XII, 391–401].

⁶³ См. письмо из Гамбурга: «Скажи Александру Карамзину, что ему только бы и жить в Гамбурге» (намек на кузена-военного, который был известным щеголем) [Прил. I].

⁶⁴ См. процитированное письмо Надиньки брату [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4105].

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ См. приписку князя к письму Надиньки [Прил. II]; см. также процитированное письмо Надиньки из Ганау к брату [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4105].

⁶⁷ См. письмо Пашеньки Павлу без даты, написанное, вероятно, 15–16 (27–28) октября: «Nous avons eu, ces jours-ci un dîner de onze personnes, pour fêter mon jour de nom qui est le 14 d'octobre. Papa m'a fait la surprise de faire jouer pendant le dîner un arrivé de Munich. Il pince de la guitare assez agréablement, mais son chant est monotone, il m'a pourtant fait plaisir en nous chantant l'air de *Kazak ekhal za Dunai* avec des paroles allemandes, et il s'en est très bien tiré et l'air est sans aucun changement» [Там же: Ед. хр. 4107. Л. 3] («В эти дни у нас был ужин на одиннадцать человек, чтобы отпраздновать мои именины, которые выпали на 14 октября. Папа сделал мне сюрприз, пригласив на ужин одного человека, который приехал из Мюнхена. Он довольно приятно играет на гитаре, но его пение монотонно, тем не менее он доставил мне удовольствие, спев нам песню *Казак ехал за Дунай* с немецкими словами, и у него это получилось очень хорошо, а мелодия без каких-либо изменений» — франц.).

блестящим выдумкам Надиньки⁶⁸. Единственный его способ отвлечься — это поездки во Франкфурт за письмами с родины, которые поступали для него в русскую дипломатическую миссию в этом городе. По-видимому, в Ганау было мало развлечений для иностранца; возможно, и во Франкфурте в тот момент было не много русских, поскольку князь не упоминает ни одной примечательной личности, за исключением одного соотечественника, убедившего его совершить совместное путешествие по Рейну⁶⁹. Мы, однако, не можем установить из имеющихся материалов, кто именно был этим спутником. Незадолго до своего отъезда из Ганау князь совершил еще одну поездку вдоль берегов Рейна, на сей раз с дочерью Марией⁷⁰, когда состояние здоровья Пашеньки внушало меньше опасений.

По совету доктора Коппа они в конце октября покинули Ганау, чтобы провести зиму в Риме. Длительное путешествие пришлось на позднюю осень и оказалось мучительным: Пашенька страдала из-за постоянных перемещений, и бедные родители трепетали при каждом приступе кашля. Они быстро проехали Франконию и Баварию и через шесть дней прибыли в Мюнхен, где состояние здоровья Пашеньки вынудило их пробыть дольше предвиденного. Князь пребывал в глубоком душевном упадке: он упрекал себя в том, что оставил Ганау и сердечную заботу доктора Коппа⁷¹. Эта мысль будет терзать его до конца дней.

Знакомство с Мюнхеном, его культурной жизнью оказало на князя благотворное влияние: он считал его «приготовительным курсом к Риму» и говорил, что там «есть чему поучиться»⁷². Здесь нам впервые бросается в глаза резкий контраст между дневниковой записью и письмом: в дневнике Вяземский только упоминает о «платонико-созерцательном серале», коллекции портретов красивых женщин, являвшейся частью «тайного музея»⁷³ короля; в письме же он распространяется,

⁶⁸ См. приписку князя к письму Надиньки из Ганау [Прил. I].

⁶⁹ См. приписку 1 к письму 14 (26) октября 1834 из Ганау [Там же].

⁷⁰ См. письмо от 14 (26) октября 1834 из Ганау [Там же].

⁷¹ См. письмо от 27 октября (8 ноября) 1834 из Мюнхена [Там же].

⁷² Там же.

⁷³ «У короля собрание портретов современных и полюбившихся ему красавиц. Кто бы ни понравился ему, он выпросит позволение велеть списать портрет и внесет в свой

более чем где-либо, о деятельности короля, направленной на поддержание искусства, говорит о строящихся дворцах, о живописных украшениях, о богатстве памятников и музеев. Город в целом напоминает ему «залу, в которой много богатой мебели и разных драгоценных вещей, кое-как и пока расставленных»⁷⁴. Таким образом, в Мюнхене он знакомится с современным и классическим западноевропейским искусством, и можно уже ощутить, что изящные искусства так и не затронут глубинных струн его души и останутся только блестящей наружностью эстетической красоты, которая часто кажется ему непостижимой⁷⁵.

В Мюнхене, благодаря своим русским друзьям Ф. И. Тютчеву⁷⁶ и Г. И. Гагарину, Вяземский получил также возможность в первый раз познакомиться с европейским столичным обществом. С этого момента князь самым тщательным образом записывает имена встреченных им

тайный музей. Донныне их 16-ть. Наша Крюднерша тут, а в почине его италиянская Эгерия, к которой он так часто уклоняется для свидания из Баварии. В потомстве он таким образом прослывет Соломоном, если по портретам будут судить о подлинниках» [ЗК: 223–224]. В 1827 г. король положил начало серии портретов, осуществляя свою давнюю мечту: создать художественную галерею, где будут изображены только красивые женщины. Среди них также был портрет его сестры Софии (1805–1872), с 1824 г. супруги эрцгерцога Франца-Карла Австрийского. Портреты были выполнены придворным художником Йозефом Штилером (1781–1858), знаменитым портретистом того времени, работавшим почти при всех европейских дворах. Его приглашали также и к русскому двору, но наполеоновские войны помешали ему проехать дальше Варшавы. Среди этих портретов Вяземский отметил портрет А. М. Крюднер (1808–1888), урожденной фон Лерхенфельд-Кеферинг, жены А. С. Крюднера, в то время первого секретаря русской дипломатической миссии в Мюнхене. В 1854 г. она вторым браком вышла замуж за Н. В. Адлерберга (1819–1892), генерал-губернатора Финляндии.

⁷⁴ См. письмо от 27 октября (8 ноября) 1834 из Мюнхена [Прил. I]. В 1854 г., через несколько недель после первого своего пребывания в Венеции, князь провел несколько дней в Мюнхене и описал впечатления в стихотворении «Мюнхен» [ПСС: XII, 165]; в нем он снова восторгается красотой искусства, несколько не померкшей с 1834 г., эпохи правления Людвига I.

⁷⁵ По случаю посещения музея Гуттенберга в Майнце он в первый раз излагает собственные взгляды на значение живописи. Подтверждение этому находится также в первом венецианском дневнике, где размышления о художественных красотах города не идут дальше общих суждений (см. письмо из Ганау 14 (26) октября 1834 [Прил. I]).

⁷⁶ Ф. И. Тютчев, состоявший на дипломатической службе, в 1822 г. был направлен в русскую дипломатическую миссию в Мюнхене. В 1834 г. он исполнял при ней обязанности второго секретаря.

людей и бережно хранит все визитные карточки. Его дневник меняется, наполняясь записями, характерными для всех путешествий: перечисляются новые знакомства и даются характеристики персон, по которым легко восстановить в памяти состоявшиеся встречи; скудны упоминания об увиденных памятниках, несколько подробнее он пишет о музыкальных представлениях, и кое-где попадаются размышления или впечатления от явлений природы.

Начиная с Мюнхена, сопоставление дневника и переписки открывает различные грани сложной личности князя: не следуя никаким жестким правилам в духовной и материальной жизни, он действует в соответствии с обязанностями, которые налагают на него обстоятельства: он редко преодолевает врожденную застенчивость и почти никогда не борется против неблагоприятных обстоятельств. Как светский человек он предпочитает блестящую беседу в узком кругу людей большим светским раутом, где робость и близорукость не позволяют ему выказать полностью свой критический и ироничный ум.

Из Мюнхена семейство Вяземских двинулось дальше через Альпы, и новое зрелище, открывшееся взору, заворожило их:

...увидели мы горную красоту во всем блеске, освещенную солнцем. Снежные горы, которые торчат в небесах над облаками, удивительное зрелище. Дорога над пропастями. В глубине зеленая полоса Зилы⁷⁷, шумит и бурлит. Дорога поминутно извивается. Картины разнообразные, то обработанные поля по уступам гор, то дичь во всем ужасе. <...> После обеда заходящее солнце задергивало золотым прозрачным покровом ущелья гор и отсвечивалось на посребренных вершинах сосен, слегка осыпанных снегом. — Слияние золотого пара с серебряным паром. Горы — хаос в первые дни создания. — Солнце и лед. — Тьма и свет. — Необузданные потоки и громады камней. — Рука человечества еще не раздвинула горы [ЗК: 225–226]⁷⁸.

Это прозаическое описание, пример «драгоценных картин», характерных для пейзажной поэзии князя, подтверждает мнение Пушкина,

⁷⁷ Один из притоков реки Инн (Австрия).

⁷⁸ Заметим, что Вяземский в первый раз любит высокие горы: он еще не был знаком с кавказским регионом и совершил одну только поездку в «саксонскую Швейцарию» во время своей жизни в Варшаве (см. письмо Булгакову 22 августа (3 сентября) 1818 [Письма Вяземского к Булгакову: IV, 512–513]).

который не раз призывал Вяземского посвятить себя прозе, поскольку был уверен, что у него есть дар создавать выразительные образы.

В восторге от полученных впечатлений семейство прибывает в Штайнах⁷⁹, где князь, как ему думается, подмечает первые признаки итальянского влияния в расписанных домах, которые кажутся «Рафаэлевыми ложами на медные деньги» [ЗК: 225], в мраморных столешницах на трактирной кухне и в набожности местных жителей. Но поистине итальянский прием оказывает ему солнце, открывшееся на перевале Бренnero и светившее на первом участке пути. Италия встретила князя своим самым приятным ликом: солнечный зимний день, пробудивший надежду, показался ему улыбкой весны; и он, полный ожиданий, отправился дальше на юг.

Ясная, безмятежная атмосфера будет сопровождать его до самого Тренто, где его вновь охватит *скука*, и Италия станет внезапно синонимом «холодных комнат, дымящего камина и кислого хлеба» [Там же: 226]. С этого момента он окажется во власти подобных настроений: Италия его раздражает, и создается впечатление, что он в противоречии сам с собой — он хотел бы любоваться ею беспрепятственно, но *скука*, вызванная состоянием здоровья Пашеньки, мешает и лишает его внутренней свободы. В Вероне на него производит сильное впечатление грандиозный амфитеатр, но все же он не до конца поддается впечатлению от первого увиденного памятника древности. Его внимание привлекла скорее несообразность, замеченная и другими путешественниками: в центре арены размещался павильон, который князю напомнил «Подновинский балаган», какой устраивали ежегодно в Москве⁸⁰. Этот обычай, несомненно, достойный порицания, приводит князя к неутешительным выводам о стране в целом:

⁷⁹ Steinach, городок под перевалом Бренnero, расположенный на высоте 1050 м, место курортного отдыха.

⁸⁰ В 1822 г. по случаю Веронского конгресса в “Gazzetta di Milano” от 28 октября можно было прочитать следующее: “L’anfiteatro nostro, uno fra i più celebri monumenti, era per inveterata consuetudine occupato all’interno da un palcoscenico, che oltre a coprirne in parte la sorprendente bellezza, toglieva ben anco all’occhio degli eruditi osservatori il mezzo d’ammirare le maestose forme dell’edificio. Non poteva quindi essere obliato dal municipio siffatto sconcio, ond’egli ebbe il pensiero di liberarlo per sempre. Si è già dato pronta mano all’opera, e in breve sarà del tutto sgombro quell’interno recinto” («Наш амфитеатр, один из самых прославленных монументов, по укоренившейся привычке был занят внутри

В Италии постыдное пренебрежение памятников, коими, между тем, она и живет и показывает прохожим, как нищие, увечья свои, чтобы вымолить грош. Все з..., начиная от церквей до театров [ЗК: 226].

Здесь мы должны также отметить, что князь при написании дневника не придерживался хронологического принципа. Он бегло обозначает во время поездки то, что кажется наиболее интересным, приберегая личные размышления для длительных остановок. Так, мы читаем о его впечатлениях от веронской арены уже после посещения Модены, а остановка в Вероне даже не упоминается в записной книжке⁸¹. Он не упоминает даже о посещении могилы Скалигеров, хотя в его альбоме воспоминаний за 1834–1835 гг. есть призыв к публике посетить этот памятник. Таким образом, можно предположить, что Вяземский останавливался перед арками Скалигеров, а также перед многими другими памятниками, не упоминая этого в своем дневнике. Из дневника можно, однако, заключить, что остановка в Вероне была короткой, но

подмостками, которые не только частично закрывали его удивительную красоту, но и не давали глазам ученых наблюдателей возможности любоваться величественными формами здания. — Таковое безобразие не могло быть оставлено без внимания городским советом, отчего появилась мысль убрать его навсегда. Уже начались работы, и вскоре все внутреннее пространство станет свободным» — *итал.*). Позже эта уродливая постройка возникла вновь, как мы можем прочитать у А. Валери: “Il y avait au milieu de ce vaste cirque, la première fois que je le vis, un petit théâtre de marionnettes fait de planches, et qui formait un étrange contraste avec les beaux gradins de marbre et la solidité égyptienne des voûtes et des arcades dont il est entouré. C’est ainsi que dans l’histoire des nations une magnifique scène est quelquefois occupée par des personnes ridicules” [Valéry: 90] («Посреди этого просторного цирка, когда я впервые увидел его, стоял дощатый театрик марионеток, который составлял странный контраст с прекрасными мраморными ступенями и египетской торжественностью сводов и галерей, его окружающих. Также и в истории народов превосходную сцену подчас занимают смехотворные персонажи» — *франц.*). Князь тоже сравнивает это строение с теми, что возводились в Подновинском предместье, то есть в окрестностях Новинского монастыря, упраздненного в XVIII в. От него берет свое название Новинская ярмарка, проводившаяся потом еще сто лет, до 1862 г., на Новинском бульваре, между нынешней площадью Восстания и Проточным переулком. На этом бульваре весной, во время пасхальной недели, разворачивались народные гуляния, «устраивались временные балаганы, в которых давались пантомимы и театральные представления» [Сытин: 258–259]. Вяземский и Тургенев неоднократно упоминают это народное развлечение и сравнивают его с римским карнавалом [ОА: IV, 116–117].

⁸¹ Он делал заметки во время этого путешествия в маленькой и очень удобной для записей книжечке (размером 10×9 см).

не минутной: вероятно, они провели там ночь и половину следующего дня, а затем переместились в Мантую, откуда на следующий день отправились в Модену.

За несколько часов, проведенных в этом городе, князю, возможно, удалось побывать на первом для него оперном спектакле в Италии. Несомненно, это был волнующий момент для такого большого любителя итальянской музыки. Постановка достаточно хорошего уровня была представлена в придворном театре, в ней принимал участие прославленный тенор того времени Элиодоро Шпех⁸². И все же князь, по видимому, был разочарован. Ему, привыкшему к блестящей роскоши московских и петербургских театров, маленький провинциальный театр Модены казался неподходящим обрамлением для восторгов, о которых он так долго грезил. Обманутые надежды, видимо, усугубили подавленность, охватившую его в Болонье; к тому же здоровье Пашеньки пошатнулось еще сильнее. К сожалению, в нашем распоряжении нет писем, относящихся к этой части поездки, и все предположения основываются исключительно на опубликованной части дневника.

В Болонье ждал еще один грустный сюрприз: за два дня до прибытия Вяземского город покинула знаменитая певица Джудитта Паста, и он, таким образом, оказался лишен одного из самых больших удовольствий, которого мог желать. Видимо, ему и позже не посчастливилось услышать это прославленное сопрано, и он завидовал Тургеневу, которому довелось видеть ее на европейских подмостках [АБТ: 67]. Нам неизвестно, какие впечатления остались у Вяземского от Болоньи, поскольку он лишь бегло упоминает о «кривошейной башне», о галерее Сампьеры и доме Россини. Эти последние находились в соседстве друг с другом на виа Мадзини, недалеко от башен и вблизи его гостиницы *Hôtel du Pélerin de Gauetan Bertu* на виа Уго Басси, дом 7⁸³.

⁸² Это была опера «Тебальдо и Изолина» композитора Ф. Морлакки, с Клементиной Мадзони в роли Изолины и тенором Элиодоро Шпехом в роли Джеральдо [Gandini: 109]. Э. Шпех (1810–1866), имевший большой успех в «Ла Скала» в 1839–1842 гг., был патриотом, воевал в частях Гарибальди и удостоился его высокой оценки как доблестный солдат. Князь сохранил афишу Королевского придворного театра Модены с объявлением о спектакле «Тебальдо и Изолина»; см.: [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 31].

⁸³ Эту гостиницу, согласно записи, посещал Байрон [Там же: Л. 38]. В дневнике ее названия нет; мы нашли его в альбоме князя, где сохранился счет за пребывание там. Кроме того, мы читаем указание на эту гостиницу в маршруте, составленном для князя

Он наверняка видел церковь Св. Петрония, о которой говорил Тургенев, посещавший Болонью два раза и бывший там ровно за год до Вяземского. В письмах Тургенева можно прочитать изобилующее подробностями описание Болоньи⁸⁴, и, может статься, Вяземский частично следовал по стопам друга.

в Мюнхене неким Вишневым, с указанием лучших гостиниц в каждой местности [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 19–20].

⁸⁴ «В этот вечер театра не было. Я заглянул только в огромнейшую церковь Болонии, Св. Петрония. Тот же таинственный незнакомец под аркадами преследовал меня и ныне, в сумерки: “Vollete, Eccellenza, una bella Ragazza...” <«Ваше превосходительство, хотите красивую девушку?» — *итал.*> В сумраке вечера успел еще видеть криво построенную башню: *Garizenda*. Наклонность ее тем приметнее, что она стоит подле прямой башни *Asinelli*. 12-го ноября осмотрел городскую ратушу, пустился в гору к *Мадонне* Св. Луки: церковь сия так названа по образу, якобы Св. Лукою писанному, который в ней хранится. К ней ведут аркады по горе; городом и вне города нужно более часу, чтобы взобраться к церкви. Аркады росписаны священными предметами. С террасы церковной вид очаровательный на всю Болонию и ее окрестности. Священник в облачении раскрыл мне образ Богоматери, осыпанный драгоценными камнями и залитый золотом. Над главной аркою надпись, приличная высоте церкви: «от горы изыдет спасение!» (Исаия, 37). Я спустился к кладбищу, *Certosa*, который здесь, как и в Пизе, можно скорее назвать музеем; “*Campo Santo*” полно прекрасных памятников: в статуях и в живописи! На этом месте был прежде Капуцинский Монастырь; поля его — засеяны мертвыми, из коих некоторые *ожили* в статуях и в бюстах! — Первый монумент, кот<орый> остановил меня, — отцу дипломата Матушевича, в 1819 году здесь умершему. <Возможно, это отец А. Ф. Матушевича (1791–1842), чиновника российского министерства иностранных дел. — *Н. К.*>. Надпись на лат<инском> и на франц<узском>. Я списал первую. Одна строка заставила меня призадуматься при мысли о сыне... Одну из мраморных фигур памятника довершил Канова. Недалеко от Мат[ушевича] — памятник *Клотильде Tambroniae* <так!>, профессорше греческого языка в Болонском университете (ум. в 1817. Ей же и в сенях университетских). Роскошь в мраморах непомерная! Наследники обязаны сооружать их из мрамора или гранита, если живописные истребляются временем: если нет наследников, то городское общество принимает на себя их обязанность. В два часа едва успеешь осмотреть со вниманием этот *музей смерти*! Старинных и древних монументов также множество. Для *rovera gente* <бедных — *итал.*> — назначены особые поля: в них хоронят даром <...>

С кладбища пошел я в Академию Художеств, столь богатую картинами болонской школы: русские знают ее из описания, кажется, Шевырева, в каком-то журнале. Осмотрев главные картины, я стоял долго перед Св. Цецилией, шедевром Рафаэла, и перед распятием *Гвидо Рени*. Лицо Спасителя живо страданием, коим наполнено было при слове: *Совершишася!* В 1823 г. поставлен здесь бюст: *Antonio Canovae Sculptori sui temporis primo*. — Торвальдсен не дал бы своего согласия на эту надпись. Они не любили друг друга.

По-видимому, наш путешественник имел случай познакомиться в Болонье с некоторыми итальянцами: прежде всего, он отмечает встречу с неким офицером-*антиавстрийцем*, и подобная характеристика вызывает удивление, поскольку позднее мы увидим, что Вяземский почти никогда не показывает себя противником Австрии в вопросах итальянской политики! Напротив, он неоднократно критикует враждебное отношение итальянцев к австрийцам и утверждает, что такое поведение способствует ухудшению их взаимоотношений. Через музыкальные круги он познакомился также с другими лицами. Так, он сообщает, что имел беседу с некой госпожой «Паролетти»⁸⁵, сестрой Анти» [ЗК: 226]. Последняя была итальянской певицей, около 1820 г. успешно выступала в России и оставалась там несколько лет⁸⁶. Вяземский поддерживал хорошие отношения со многими итальянскими певцами, приезжавшими в Россию, и встреча показывает, что князь сохранял о них память долгие годы. С той итальянской синьорой он обменялся «отзывами» — возможно, о музыке, но всякое предположение здесь неочевидно, учитывая краткость заметки.

После нескольких слов о Болонье князь замолкает вновь и ничего не говорит о впечатлениях от участка Апеннин, разделяющего Флоренцию и Болонью. Из этого можно сделать вывод, что Пашеньке на том отрезке путешествия было особенно плохо: состояние здоровья дочери являлось в определенной степени барометром, согласно которому изменялось настроение князя. Наше предположение подтверждает еще и длительная остановка во Флоренции⁸⁷. Следует добавить, что в этот

Отсюда — в Университет, еще не открытый после смут здешних: *docta Bolonia* — как ее некогда во всей Европе называли — никого теперь не учит, и я с грустью вышел из опустевших великолепных университетских зданий» [АБТ: 366–367].

⁸⁵ По мнению В. С. Нечаевой, речь идет о жене Витторио Паролетти (1767–1834), ученого, антиквара, члена Туринской академии наук.

⁸⁶ Из «Записок» Ф. Ф. Вигеля можно узнать, что Анти имела приятный голос и находилась в Москве еще в 1827 г. [Вигель: II, 294]. Шевырев, помимо того, писал, что в Москве она получила столько аплодисментов, что затем была обижена холодным приемом в Италии. Римлянам она не понравилась, ее освистали, и бедный импресарио был вынужден найти ей замену [Шевырев 1831: 138].

⁸⁷ В письме из Рима от 22 декабря 1834 г. (3 января 1835 г.) князь сообщает, что Пашенька там чувствовала себя лучше, чем во Флоренции, но все еще хуже, чем в Гану [Прил. II].

момент в дневнике обнаруживается еще один пробел: после упоминания 9 (21) ноября остановки в Болонье на дни 10–12 (22–24) ноября приходится всего одно указание — Флоренция. Очевидно, эти дни были потрачены на переезд, если Вяземские прибыли во Флоренцию именно 12 (24) ноября; таким образом, еще раз подтверждается, что для князя хронологическая точность не имела большого значения. Мы полагаем, что Вяземские следовали маршрутом, описанным за год до этого Тургеневым; поездка проходила при такой же погоде, но путешественники находились в ином состоянии духа. Однако можно предполагать, что на этом последнем участке пути князь тоже не сумел устоять перед очарованием открывшегося ему города над Арно, тем более что ему удалось преодолеть еще один этап мучительного путешествия. Поскольку он не оставил об этой части пути никакого свидетельства, приведем описание, сделанное Тургеневым⁸⁸. Оно заслуживает внимания, ибо обнаруживает литературную и культурную ценность переписки двух друзей:

...в 7 выехали из Болонии, собирая по городу спутников — до Флоренции. Ровно месяц, как я расстался с братом и с его Кларою. Грустил не долго. Солнце Италии освещало прекрасные окрестности Болонии. В *Pianoro* пил кофе и нашел в своей книге-спутнице отметку у этого местечка, что в том же часу пил здесь кофе прошлого года. Пора, пора усесться! Но где?.. За *Пьяноро* спуски с гор становятся круче, снег тает по дороге; мы увидели Апенины в белой одежде Севера, но только вершины их белелись. Нам припрягали беспрестанно волов. Горы, как хаос, перемешаны; но хаос, блестящий красками желто-зеленой осени. В *Лояне* мы обедали рисом и виноградом. Здесь все в снегу. Местечко *Лояно* похоже на Валдай положением, окрестностями и снегом. Оно в горах и на горе. Я вышел на большую дорогу и взглянул на белеющие окрестные горы и долины; но эта зима дышет уже весной: снег тает, солнце греет, и мужики в одних рубашках. Вижу зиму в Италии — увижу ли весну в Москве? Мы тащились с горы на горы, любуясь необозримою далью: земля взволнована, как Океан — и эти горы кажутся взволнованными громадами океана. <...> Мы проехали *Scaricalasino*⁸⁹; на Папской границе прописали паспорта

⁸⁸ Остается неясным, отправились они 10 или 11 ноября; возможно, ехали медленнее и на апеннинском участке пути останавливались на ночлег дважды.

⁸⁹ Старое название центра Монгидоро в провинции Болоньи.

и просили *bona mana* (на водку). Вот и Тосканская таможня: *Filigara*. Тосканский таможенный пристав, сказав мне, что авст[рийский] *lasciapassare* не спасет меня от осмотра, не вскрыл однако же чемоданов моих и — мы в Тоскане! Уже смерклось, когда мы приближались к *Pietra-Mola*⁹⁰, откуда увидели горящую *Monte-di Fo*: так называется огнедышащая гора, в полуверсте от дороги. Огонь выходил из кратера, и пламя ярко сияло в темноте ночи. Уверяют, что нигде не видно расцелин, и что трава растет неподалеку от кратера. Когда пламя сильно, то все окрестности освещены им. Геологи не согласны в мнениях о сем феномене: одни почитают его уже угасшим вулканом, другие — еще готовящимся к сильному извержению. При свете сего огня мы доехали до *Cavigliaya*⁹¹, где остановились ужинать и ночевать. Попутчиков было так много, что едва нашли для меня особую комнату, которую выговорил я себе в контракте с ветурином вместе с ужином и завтраком.

14 ноября в 4 часа темной ночи мы выехали⁹²; к рассвету мы уже на вершине горы *Gigo* (самая высокая в этой части Апенинов). — Отсюда начали спускаться к *Cafaggiolo*, *Mascale*. На сих вершинах часто сильный ветер был гибелью путешественников; но теперь по дороге построены правительством оберегательные стены. За 10 миль от Флоренции мы кормили лошадей. Три часа спускались мы к Флоренции, любуясь ее прелестными гористыми окрестностями и вспоминая стихи Ариосто:

“A veder pien di tante ville i colli” <Ариосто, элегия XIV> и пр.

Мы проехали загородную виллу Герцога: *Fiome la buona*⁹³, виллу певицы Каталани⁹⁴. Куполы собора, *Pratolino* — все уже перед глазами; по стенам вьются розы, оливы по скату гор; наконец, триумфальные ворота, в честь имп[ератора] Франциска I, некогда герцога Тосканского, воздвигнутые: я опять в столице Медичисов и повторяю стихи старика Рожерса (в его *Италии*):

Off all the fairest cities of the earth
None is so fair as Florence...⁹⁵ [АБТ: 368–369].

⁹⁰ Правильно — *Pietramala*.

⁹¹ Имеется в виду Ковильяйо, один из округов коммуны Фиренцуола.

⁹² Это утверждение заставляет предположить, что князь предпочел ехать медленнее, чтобы избежать отъезда в столь ранний утренний час.

⁹³ Вероятно, речь идет о селении *Fontebuona*.

⁹⁴ Вилла находилась в местности *La Pietra* и раньше принадлежала семье Каппони. Каталани жила на вилле с 1830 по 1849 гг. и устроила там музыкальное училище.

⁹⁵ «Из прекраснейших городов мира ни один не прекрасен так, как Флоренция» — *англ.* О Сэмюэле Роджерсе см. выше.

ГЛАВА III

ПЕРВЫЕ СОПРИКОСНОВЕНИЯ С ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИЗНЬЮ: ФЛОРЕНЦИЯ

Пребывание во Флоренции дало князю возможность наконец познакомиться с типичным итальянским обществом XIX в. Во Флоренции царила интернациональная атмосфера, которую поддерживали многочисленные политические эмигранты, прежде всего “grands débris”⁹⁶ наполеоновской империи, а также поляки, не согласные с русской гегемонией. Кроме политических эмигрантов, там можно было встретить также множество французов, англичан, немцев и русских, которые предпочитали зимовать в мягком южном климате. В течение всего XIX века к английской колонии Флоренции принадлежало немало выдающихся личностей, занимавших в городе самое видное положение и игравших значительную роль в общественной и культурной жизни того времени [Artom Treves]. Это пестрое собрание новоиспеченных флорентийцев, однако, совершенно сливалось с местным тосканским обществом, и те, кто приезжал во Флоренцию, с легкостью принимались этой космополитической средой, где “tout le monde était invité de droit. Jeune ou vieux, beau ou laid, prince ou manant, tous les hommes étaient égaux devant cette éternelle fête de Florence”⁹⁷ [Janin: 202]. И в самом деле, не проходило дня, когда бы это общество не собралось на какой-нибудь бал или музыкальный вечер.

Русских во Флоренции также было много, но, к сожалению, эта тема до сих пор не получила должного научного освещения. Взяв за отправную точку пребывание во Флоренции Вяземского, мы попытаемся восстановить общую картину этого явления. К сожалению, из записей самого князя можно извлечь лишь весьма скудные сведения:

⁹⁶ Остатки, обломки — *франц.*

⁹⁷ «Все были приглашены по праву. Юноша и старик, красавец и урод, князь и простолюдин, все были равны перед этим вечным праздником Флоренции» — *франц.*

в настоящее время в нашем распоряжении только несколько строк из его дневника, и недостает одного письма, написанного из Флоренции и, по всей вероятности, утерянного⁹⁸.

В XIX в. Флоренция была, несомненно, итальянским городом, имевшим наиболее тесные отношения с Россией благодаря личным контактам, которые и составляли тогда главную основу культурного обмена. Среди первых русских персонажей, послуживших таким целям, следует упомянуть Елизавету Михайловну Хитрово⁹⁹ и ее дочь Дарью Федоровну Тизенгаузен¹⁰⁰. Мать приехала во Флоренцию в 1815 г. вместе со своим вторым мужем, Н. Ф. Хитрово¹⁰¹, назначенным российским поверенным в делах при дворе великого герцога Тосканского. Обе дочери, Екатерина¹⁰² и Дарья, проведенные немало лет в доме бабушки со стороны отца, жившей в Курляндии¹⁰³, вскоре присоединились к матери. Дарья Федоровна получила во Флоренции «южное»

⁹⁸ В настоящее время в нашем распоряжении имеется всего лишь одно письмо, написанное из Флоренции графу Д. Г. Бибикову, не представляющее ни литературного, ни биографического интереса.

⁹⁹ Елизавета Михайловна Хитрово (1783–1839), урожденная Голенищева-Кутузова, дочь прославленного полководца; первым браком была замужем за Ф. И. Тизенгаузен (1782–1805). Она отличалась умом и жовиальностью и стала после своего возвращения в Россию в 1827 г. другом и покровительницей Пушкина. Во Флоренции она проживала в 1820–1821 гг. в доме Аччайоли.

¹⁰⁰ Дарья Федоровна Фикельмон (1804–1863), урожденная Тизенгаузен, в 1821 г. во Флоренции вышла замуж за К. Л. Фикельмона (1777–1857), французского эмигранта, поступившего на австрийскую государственную службу и бывшего тогда посланником во Флоренции, затем в Неаполе, а в 1829 г. назначенного австрийским послом в Петербурге. Дарья Федоровна славилась умом и добротой, и самые выдающиеся люди того времени восхищались ее образованностью.

¹⁰¹ Николай Федорович Хитрово (177–1819), генерал-майор. Он умер, как это можно узнать из «Миланской газеты» (“Gazzetta di Milano”), 5 июня 1819 г.: «19 мая на сорок восьмом году жизни». Вяземский вспоминал в своих произведениях чудачества этого человека [ПСС: VIII, 492].

¹⁰² Екатерина Федоровна Тизенгаузен (1803–1888) осталась незамужней и была придворной дамой императрицы Александры Федоровны

¹⁰³ Мы читаем в дневнике Дарьи Федоровны, что ее воспитание происходило “jusqu’à douze ans en province, au nord et puis de là transplantée en Italie, au milieu des habitudes du plus grand monde, toute une jeunesse de fêtes, de plaisirs les plus brillants, tout cela au midi, ah! quel rêve!” (До двенадцати лет в деревне, на Севере, а оттуда перенесена в Италию, в круг привычек большого света, вся молодость прошла в праздниках, в блестящих удовольствиях, и все это на Юге, ах! мечта! — *франц.*) <На русском языке был впервые опубликован в серии «Пушкинская библиотека»: Фикельмон Долли. Дневник.

воспитание, которое она принесет в холодные северные края как самый драгоценный дар судьбы и которое на всю жизнь соединит ее с Италией¹⁰⁴. В Италии она подружилась с великой герцогиней Тосканской¹⁰⁵ и долгие годы вела с ней постоянную дружескую переписку¹⁰⁶. Хрупкая красота этой русской барышни осталась неразрывно связанной с историей флорентийского мира начала XIX в. благодаря франко-американскому путешественнику Луи Симону, который оставил ее живой словесный портрет [Simond: 122–123]. Память о Дарье Федоровне сохранялась во Флоренции и в период пребывания там Вяземского; князь, проводивший много времени в салоне графини Фикельмон в Петербурге, беседуя с ней об Италии (что способствовало усилению его любви к этой стране), приехал с багажом рассказов блистательной посланницы [ЗК: 168, 169, 176, 178, 185, 200, 208, 211].

Во флорентийском бомонде в то время заметное место занимала семья Бутурлиных [Там же: 228], переселившаяся во Флоренцию в 1817 г. по совету врачей. Д. П. Бутурлин¹⁰⁷ был одним из наиболее

1829–1837. Весь пушкинский Петербург / Публ., сост., подгот. текста, вступит. статья, коммент. и примеч. С. Мрочковской-Балашовой. М., 2009. — *Ред.*>

¹⁰⁴ В Остафьевском архиве мы обнаружили переписку между Вяземским и Д. Фикельмон, включающую в себя письма, написанные в 1830–1856 гг.; некоторые из последних писем были написаны уже из Италии, где она находилась для поправки здоровья. Письма Вяземского опубликованы [Kauchtschischwili 1968: 183–204].

¹⁰⁵ Анна Каролина (1799–1832), дочь короля Максимилиана Саксонского, в 1817 г. вышла замуж за наследного принца Тосканского Леопольда (эрцгерцога Леопольда II).

¹⁰⁶ См. «Дневник Фикельмон», запись от 16 декабря 1831: “Depuis quelque temps, tout ce que je fais, je le fais avec tristesse! J’ai un chagrin don’t je ne parle pas, mais qui est bien véritable: la Grande Duchesse de Toscane se meurt d’une maladie de langueur. Il y a tant d’années que je l’aime comme une soeur, elle a été ma première *passion* et depuis que nous vivons si loin l’une de l’autre, il ne passe pourtant pas de jour, où je ne sois pas près d’elle en idée! C’est une affection *véritable* et pour celle-là, il n’y a ni temps, ni absence! — Mais parler d’une chose qu’on éprouve et qui est chagrin à tout ce qui vous entoure, est bien inutile, et cela ne fait point de bien” [Kauchtschischwili 1968: 179]. («Вот уже некоторое время чем бы я ни занималась, все я делаю с грустью! У меня горе, о котором я не говорю, но это настоящее горе: Великая Герцогиня Тосканская умирает от упадка сил. Вот уже много лет я люблю ее как сестру, она была моей первой *страстью* и, поскольку мы живем так далеко друг от друга, все же не проходит и дня, чтобы я в мыслях не переносилась к ней! Это *подлинная* привязанность, а для нее не существует ни времени, ни разлуки! — Но говорить о чувстве, которое испытываешь и которое делает горьким все, что вас окружает, совершенно бессмысленно, и это нисколько не помогает» — *франц.*)

¹⁰⁷ Граф Дмитрий Петрович Бутурлин (1763–1829), генерал.

образованных людей России до наполеоновского нашествия и уникальной личностью в среде русских библиофилов¹⁰⁸. Во время войны с Наполеоном он потерял всю богатую библиотеку, но в своем флорентийском дворце вновь обрел радость собирания книг и украшал свое собрание редкими экземплярами¹⁰⁹.

Семью Бутурлиных Италия привлекала не только по соображениям здоровья, но и из-за склонности к католической вере, которую еще в России выказывали супруга Бутурлина и его старшая дочь, Марья Дмитриевна, находившиеся под влиянием отца Журдана¹¹⁰ и аббата Перрена¹¹¹. Таким образом, Бутурлины окончательно осели в Италии, и только сын вернулся на время в Россию, чтобы поступить на государственную службу. Эта ветвь семьи с тех пор проживала во Флоренции, и до сего дня известны ее потомки¹¹².

¹⁰⁸ «Другой библиофил и библиоман, граф Бутурлин, которого библиотека в Москве до 1812 года пользовалась европейской известностью, держался другого правила: он никогда не выпускал из дома ни единой книги. Когда, по каким-либо уважениям, он не признавал возможным отказать лицу, просившему его одолжить книгу для прочтения, он покупал другой экземпляр этой книги и отдавал на жертву просителю, свято соблюдая неприкосновенность своего книгохранилища. В страсти его к книгам была и другая отличительная черта: он сам читал их и на разных языках. Книжная память его была изумительна: он помнил, на какой странице находились мало-мальски любопытные и замечательные слова. До 1812 года он не выезжал из России, но знал твердо разнообразные местные наречия итальянского и французского народонаселения, знал наизусть, до малейшей подробности, топографию Рима, Неаполя, Парижа. Он удивлял иностранцев своим энциклопедическим всеведением: слушая его, они думали, что он много времени прожил в той или другой местности, и едва верили, когда граф признавался им, что он не выезжал еще из России» [ПСС: VIII, 166].

¹⁰⁹ Существует печатный каталог 1805 г. библиотеки в 30 тысяч томов, которую он собрал и которая погибла в пожаре Москвы 1812 г. Обосновавшись во Флоренции, он всего за несколько лет собрал новую коллекцию, превосходящую по качеству предыдущую: в ней насчитывалось, помимо прочего, двести сорок четыре манускрипта, имевших большую ценность, и около восьмисот инкунабул (печатный каталог 1831 г.). Собрание оказалось разъято после аукциона в Париже в 1839–1841 гг. Наиболее ценные экземпляры, приобретенные Г. Либри, перешли в коллекцию лорда Ашбернема; сто из них с 1885 г. находятся в библиотеке Лауренциана во Флоренции, в фонде Ашбернема-Либри.

¹¹⁰ Жак Журдан, иезуит Петербургской коллегии, духовный наставник некоторых дам из высшего общества российской столицы.

¹¹¹ Аббат Перрен провел в доме Бутурлиных лето 1814 г.

¹¹² Михаил Дмитриевич Бутурлин (1807–1876) знал итальянский язык с детства, поскольку его гувернером был итальянец. В 1828–1829 гг. он находился на службе в России,

На момент приезда Вяземского Бутурлины уже довольно давно были укоренены в итальянской среде; из дневника князя нам известно, что старшая дочь была замужем за Дж. Ф. Дини¹¹³, а вторая, Елена Дмитриевна, — за князем Сорезина Видони¹¹⁴. Вяземский лично познакомился с этими новыми русско-итальянскими семьями сначала во Флоренции [ЗК: 226], а затем — вероятно, позднее, в 1853 г., виделся с ними в Венеции¹¹⁵, правда, не привел об этих встречах никаких подробностей. Возможно, во время своего двухнедельного пребывания во Флоренции он был принят в узкий семейный круг Бутурлиных, тем более что граф Дмитрий Петрович, умерший за несколько лет до этого, был добрым другом семьи Вяземских¹¹⁶.

Можно предполагать, что более личными — благодаря музыке — были его отношения с семьей Понятовских¹¹⁷, обосновавшейся во

а в 1831 г. участвовал в русско-польской войне. См. Дневник Фикельмон, запись 29 июля 1829: “Le jeune Bouturline des chevaliers gardes est très joli et pourrait plaire si dès le premier abord il ne trahissait pas une *extrême fatuité, de la légèreté plus qu’il n’en faut et même de la suffisance*” («Молодой Бутурлин из кавалергардов очень хорош и мог бы нравиться, если бы с первых слов не обнаруживал крайнего фатовства, легкомыслия, превосходящего разумные и даже дозволенные рамки» — *франц.*) [Kauchtschischwili 1968: 91]; 29 сентября того же года: “Le petit Boutourline a été expédié le 23 comme porteur du bâton de Maréchal à Diebitsch. Il le porte à Adrianople” [Там же: 100] («Молодой Бутурлин 23-го получил назначение передать маршальский жезл Дибичу. Он повезет его в Адрианополь» — *франц.*); “Boutourline est revenue de son voyage; il a été jusqu’à Constantinople et il a passé par toutes les horreurs de la peste et des contagions” [Там же] («Бутурлин вернулся из путешествия; он доехал до Константинополя и прошел через все ужасы чумы и заразы» — *франц.*).

¹¹³ Джованни Франческо Дини (1787–1846), флорентийский патриций; в 1824 г. женился на Марье Дмитриевне (1795–1879).

¹¹⁴ Джованни Сорезина Видони (1788–1836), из знатной семьи города Кремона, получившей в 1817 г. от императора Австрии титул князя. Третья из сестер Бутурлиных, Елизавета (1804–1879), вышла замуж за маркиза Соммарива.

¹¹⁵ О Венеции записей князя не имеется, но мы знаем из «Венецианской газеты» (“Gazzetta di Venezia”), что в том году княгиня Сорезина Видони, урожденная Бутурлина, провела в Венеции довольно долгое время.

¹¹⁶ В альбоме Вяземского имеется запись с адресом маркизы Римеди — дом Джерини, виа де’Серви, почти напротив графини Бутурлиной [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 29], что может указывать на знакомство с адресом Бутурлиных: их дворец находился на виа де’Серви, 15, почти напротив церкви Аннунциаты, в бывшем дворце Никколини.

¹¹⁷ Речь идет о семье польского князя Станислава Понятовского (1754–1833), обосновавшегося во Флоренции. Его дети, родившиеся от союза князя с итальянкой Кассандрой Лучи, получили от тосканских властей наследственный титул князей ди Монте-

Флоренции приблизительно в то же время, что и Бутурлины. Уже в первый вечер после приезда князя привезли на бал в «великолепный» дворец Понятовских, находившийся на улице, которая тогда называлась *виа Ларга* [ЗК: 226]. Эта семья славилась во Флоренции своей щедростью: они приглашали общество на балы и музыкальные вечера, принц Карло¹¹⁸ и его жена были заметными музыкантами-любителями, а брат Джузеппе¹¹⁹ даже больше, чем любителем, — он оставил потомкам немало музыкальных произведений собственного сочинения. В период краткого пребывания Вяземского во Флоренции их музыкальная деятельность приближалась к своему пику, и князь, несомненно, с удовольствием воспользовался ее плодами.

В доме братьев Понятовских он познакомился также с сестрами Изабеллой и Костанцей¹²⁰, особенно заинтересовавшись последней, так

Ротондо. Они были, в свою очередь, потомками знатной дворянской семьи Торелли. Семья славилась во Флоренции своей щедростью, устраивала для общества балы и музыкальные вечера. В записных книжках Вяземского упоминаются сестры Понятовские — мадам Риччи (Изабелла, замужем за кавалером Дзанобио Риччи) и Костанца, замужем за графом Даниэле Дзаппи.

¹¹⁸ Карл Понятовский (1808–1887) в 1831 г. женился на Элизе из семьи маркизов ди Монтекатини (родившейся в 1808 г.), обладательнице красивого голоса.

¹¹⁹ Джузеппе (Юзеф) Понятовский (1814–1873), тенор, композитор и политический деятель; учился в музыкальном лицее Флоренции у Чеккерини. Его музыка обладает определенными достоинствами, но ей не хватает гения и индивидуальности. В 1841 г. в театре Казино в Болонье он вместе с братом и невесткой, выступившей в главной роли, исполнил оперу Доницетти «Лукреция Борджиа». Среди его музыкальных произведений опера «Джованни да Прочида» (1838 г.) и около пятнадцати других; месса и ряд камерных вокальных произведений. Позднее он отправился в Англию и Францию в качестве дипломата. Понятовские находились под наблюдением полиции, поскольку были в числе постоянных посетителей дома Монфор [ASF: Buongoverno, 1834, filza 15, cart. 153].

¹²⁰ «Сестры его M-me Ricci [Г-жа Риччи] (белокурая), M-me Zappi de Bologne [Г-жа Цаппи из Болоньи], муж ее замешан в последнем возмущении» [ЗК: 227]. Изабелла Понятовска в 1821 г. вышла замуж за графа Просперо Бентивольо, умершего в том же году; 9 июня 1822 г. она стала женой кавалера Дзанобио Риччи, также находившегося под наблюдением полиции из-за того, что он посещал дом Монфор (см. выше). Костанца Понятовска в 1828 г. вышла замуж за графа Даниэле Дзаппи (1806–1872), который после 1830 г. активно участвовал в либеральном движении и основал в Болонье вместе с Чиро Менотти «Центральный комитет революционного действия в центральной Италии». В первых числах февраля Дзаппи вошел в состав революционного комитета в Болонье и подписал декларацию о лишении папы светской власти. После капитуляции Анконы он эмигрировал — сначала во Францию, а затем во Флоренцию [Dizionario Risorgimento: 636].

как ее муж был политическим беженцем: он участвовал в болонских волнениях и из-за этого вынужденно покинул территорию Папского государства. В интернациональном флорентийском обществе князь получил, таким образом, возможность соприкоснуться с национальной спецификой Италии, заинтересовавшей его уже в Болонье, где он беседовал с упоминавшимся выше офицером-антиавстрийцем [ЗК: 226].

Во Флоренции Вяземский имел случай быть представленным некоторым лицам, которые играли первостепенную роль в политической и культурной жизни страны и имели прямые контакты с Россией. Первых среди них — граф Луиджи Серрестори¹²¹, который покинул Тоскану в 1818 г. из-за своей склонности к бунтарству и нежелания подчиняться дисциплине, обусловленной его статусом и общественными обязанностями. После некоторых колебаний он решил поступить на службу к русскому царю, принимавшему всех, кто готов был направить свое европейское образование и предприимчивость на развитие России. Молодой Серрестори, человек умный и смелый, быстро достиг значительных личных успехов и получил чин майора, а затем и полковника русской армии; впоследствии он отличился в войне с турками. В ходе этой войны он также собрал множество ценных материалов для исследования по истории торговой деятельности итальянцев на юге России¹²². Серрестори познакомился в Одессе с Софьей Франкини¹²³, происходившей из итальянской семьи; в 1829 г. он женился на ней и вскоре после свадьбы вернулся на родину. В силу этих обстоятельств он навсегда остался душевно привязан к России и в 1847 г. вновь отправился туда в короткое путешествие.

Вяземский встретился также с одним флорентийцем, своим давним знакомцем маркизом Джузеппе Пуччи¹²⁴, совершившим длительное

¹²¹ Граф Луиджи Серрестори (1793–1857), политик, живо интересовавшийся экономическими и культурными вопросами, губернатор Сиены. В октябре 1834 г. он только что вернулся из поездки по Австрии и Швейцарии [ASF: Dip. Estero, 244/10 и 249/2].

¹²² В 1832 г. опубликовал во Флоренции книгу “Sulle colonie degli Italiani nel Mar Nero nei secoli di mezzo” («Об итальянских колониях на Черном море в средние века»).

¹²³ София Франкини (1808–1852). Ее отец, Антуан Фердинанд Франкини, из Пистойи, служил в российском посольстве в Константинополе.

¹²⁴ Джузеппе Пуччи (1782–1838), широко образованный человек и неутомимый путешественник, окончательно обосновался в Тоскане после бракосочетания с Паолиной, дочерью Энрико Ненчони, состоявшегося в 1828 г.

путешествие через всю Россию с севера на юг в те годы, когда Серри-стори нес там службу. Пуччи сообщал свои впечатления от поездки маркизу Джино Каппони¹²⁵, оставшемуся во Флоренции. Из Москвы он писал ему:

Che particolare paese è tutto questo, e quanto erroneo è il quadro che ne ho sentito fare anco da persone piene di spirito e di buon senso dappertutto, e ciò o per mancanza totale di relazioni sulla massima parte degli articoli che lo riguardano, o per essere inesatti affatto, allorché sono di una data più antica di cinque anni, questo è un paese vergine, le sue risorse sono intrinseche e immense, e fin qui non si è cominciato a vincere delle resistenze d'inerzia e di vecchie cattive abitudini, e son persuaso che l'avvenire sarà con moto accelerato di sviluppo. Non vi dirò che sia bene amministrato, ma non lo è tanto male quanto si crede, e mal si giudica credendovi strapazzato il popolo nell'eccesso, e credendo che in questa enorme estensione sarebbe oggi introducibile una amministrazione più dettagliata, cioè più debole. Benedetta (per la Russia) autocrazia, se sarà in mediocri mani, unico buon governo per duecento anni ancora in questo paese. L'insieme di questo stato è curioso per costumi, per religione, per rapporti, insomma per tutto [Archivio Capponi: 21/230. F. 20] («Какая это особенная страна, и насколько ошибочна та картина, которую мне повсюду рисовали даже люди, полные остроумия и здравого смысла, и это происходит или от полного отсутствия знакомства с большей частью статей, касающихся этого вопроса, или же оттого, что статьи эти решительно неточны, поскольку им более пяти лет; это девственная страна, ее ресурсы лежат под спудом и необъятны, и до сих пор не началась еще борьба с сопротивлением инерции и старыми вредными привычками; и я убежден, что будущее обещает развитие с ускоренным движением. Не скажу Вам, что она управляется хорошо; но и не настолько плохо, как полагают, и неправильно судят, думая, что народ там изнуряют чрезмерно, и что на этом огромном пространстве возможно сегодня ввести более детальное, а значит, более слабое управление. Благословенна (для России) автократия, если она будет в руках заурядного правителя, и тогда это будет единственное доброе правление в стране еще на двести лет. В целом

¹²⁵ Джино Каппони (1792–1876) — итальянский политический деятель, историк и литератор. О его связях с Вяземским см. ниже. Из трех писем Пуччи, отправленных Каппони из России, одно опубликовано [Capponi: V, 269–273], а два других, по-видимому, не издававшихся, хранятся в фонде Каппони в Центральной национальной библиотеке Флоренции [Fondo Capponi].

же это государство любопытно по своим обычаям и нравам, по религии, по отношениям — в общем, во всем» — *итал.*).

Легко представить, что Вяземский испытывал живую симпатию к Пуччи, этому итальянскому путешественнику, пытавшемуся судить о России объективно. Он восхвалял, помимо прочего, их общего друга Серристори, с которым неоднократно виделся в Петербурге, и подчеркивал благотворное влияние российской действительности на характер пылкого юноши. Пуччи имел случай познакомиться с некоторыми русскими и был представлен графу Воронцову-Дашкову¹²⁶, который

è stato incontrato da me a Pietroburgo, io mi ci feci presentare, e mi ha fatto un gran piacere di avere da esso il più minuto dettaglio sociale di Firenze che egli conosce al lungo e al largo quanto mai, egli è stato gentile nel rispondere alle mie domande, ma niente di più, giacché non mi è riuscito di vedere neppure una sua carta da visita [Archivio Capponi: 21/230. F. 20] («...был встречен мною в Петербурге, и я попросил представить меня ему; он доставил мне большое удовольствие, обрисовав в самых мелких деталях социальный портрет Флоренции, которую он знает вдоль и поперек; он любезно ответил на мои вопросы, но на этом и все, так что мне не удалось увидеть даже его визитной карточки» — *итал.*).

Несколько месяцев спустя он встретил на Нижегородской ярмарке князя Вяземского¹²⁷; мы знаем об этом, так как последний упоминает маркиза Пуччи в дневнике 1834 г. (“Marquis Joseph Rusci”) как своего «нижегородского знакомца» [ЗК: 227]. В числе других русских

¹²⁶ Вероятно, граф Иван Илларионович Воронцов-Дашков (1790–1854). Он состоял на службе при сардинском дворе с 1818 по 1820 гг. в Тоскане, позже был посланником в Баварии; в конце карьеры — член Государственного совета. Из переписки Каппони мы также узнаем, что маркиз Джино имел случай познакомиться во Флоренции с женой Воронцова-Дашкова [Capponi: I, 138].

¹²⁷ В дневнике Вяземского находится заметка от 3 (15) августа 1822, где он описывает свои впечатления от Нижегородской ярмарки [ЗК: 104–107]. Пуччи находился в то время в Нижнем Новгороде: 21 июня 1822 г. он писал, что хочет быть там «в первых числа русского августа». В письме из Москвы от марта 1822 г. он пишет: “Farò la mia girata nelle provincie del Mezzogiorno, per esser e alla fine di luglio alla piùgran riunione che succeda in tutte queste parti di differenti nazioni, a Nishney <так!> Novgorod, da lì tornerò a Mosca” [Fondo Capponi] («Совершу поездку по южным провинциям с тем, чтобы быть в конце июля в Нижнем Новгороде на самом большом собрании различных стран и народов, которое только тут бывает, а оттуда вернусь в Москву» — *итал.*).

знакомых Пуччи мы можем назвать сейчас только А. И. Тургенева¹²⁸; в целом же нам затруднительно обрисовать общую картину его личных контактов с другими русскими.

Помимо Серристоры и Пуччи, Вяземский встретился с Джино Каппони¹²⁹, видной фигурой в отношениях флорентийской и русской культур. Каппони познакомился во Флоренции со многими русскими, а с некоторыми из них впоследствии поддерживал переписку — например, с князем Горчаковым¹³⁰, российским поверенным в делах в Тоскане, а в правление Александра II — министром иностранных дел. В Париже он познакомился с Г. Орловым¹³¹, во Флоренции — с поэтом

¹²⁸ См. письмо 20 марта (1 апреля) 1826 [АБТ: 24].

¹²⁹ 14 (26) ноября Вяземский записал: “Le marquis Jino Capponi” (маркиз Джино Каппони) [ЗК: 226]. Князь познакомился также с дочерьми Каппони — Марианной (род. в 1812 г.) и Ортенсией (1814–1844). Последняя, по словам Вяземского, была женой маркиза Римеди из Болоньи. В его архиве находится записка с точным адресом маркизы Римеди [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 29]. Из генеалогических книг явствует, что Марианна Каппони в 1830 г. вышла замуж за маркиза Франческо Джентиле Фаринола, а Ортенсия с 1834 г. была женой графа Аттилио Инконтри [ЗК: 227].

¹³⁰ Александр Михайлович Горчаков (1799–1883) начал дипломатическую карьеру в ранней молодости и принимал участие в конгрессах Священного союза в Троппау, Лайбахе (Любляне) и Вероне; позже служил атташе в русской миссии в Лондоне, а с 1829 по 1834 гг. — поверенным в делах во Флоренции, где жил “chez Balzani” в Борго Оньяссанти, как это явствует из регистрационных книг Кабинета Вьессе. В переписке Каппони [Capponi] сохранились следующие письма: от 23 ноября 1859 от Каппони Горчакову (Письма Дж. Каппони и др.: [Capponi: III, 324–326]); три письма Горчакова Каппони от 4 февраля 1865 г., от 24 февраля (8 марта) 1875 [Там же: IV, 47, 386], от 14 (26) декабря 1859 [Там же: III, 330]. Имеется также письмо от Каппони А. Реймонту (1808–1887), немецкому историку и дипломату, от 14 января 1875, в котором он выражает свои суждения о политике, проводимой Горчаковым на посту министра иностранных дел [Там же: IV, 373].

¹³¹ Григорий Владимирович Орлов (1778–1826), литератор, писавший по-французски. Опубликовал в Париже историю итальянской музыки в двух томах [Orloff 1821–1823], историю итальянской живописи в двух томах [Orloff 1823]; записки о путешествии по Франции, адресованные графине Софии Строгановой, в трех томах [Orloff 1824], пятитомный труд о Неаполитанском королевстве [Orloff 1819–1821]; составил сборник переводов басен Крылова, выполненных разными авторами, в 2 томах [Fables russes]. В переписке Каппони имеется письмо маркиза Орлову, в котором он благодарит за известия о живописи в Тоскане, полученные им и опубликованные в «Антологии» Вьессе [Vieusseux: XI, 76], и просит прислать ему также сведения о скульптуре [Capponi: I, 149–151]. В 1823 г., когда маркиз Пуччи отправился в Париж, Каппони поручил ему посетить Орлова, чтобы получить новые известия [Там же: V, 293].

Тепляковым¹³², возможно, и с писателем И. Муравьевым [Саррони: V, 298], долго жившим во Флоренции. Кроме того, вполне вероятно, что он имел случай познакомиться также с княгиней Зинаидой Волконской [Там же: 237]. Наконец, Каппони имел контакты с А. И. Герценом¹³³, возможно, через М. Шиффа¹³⁴, с которым вел переписку о вивисекции [Там же: IV, 375, 381]. Однако прежде всего Каппони был человеком с широкими взглядами на Россию и искренним другом этой страны, находившей в нем защитника даже в самые трудные исторические моменты, такие как Крымская война¹³⁵.

Князь Горчаков в те годы, когда он исполнял обязанности поверенного в делах в Великом герцогстве Тосканском, находился в центре русской колонии во Флоренции. Он отличался приятностью в общении, умом и услужливостью¹³⁶, и хотя его пребывание там не было продолжительным, он оставил этот пост за несколько месяцев до прибытия Вяземского¹³⁷, однако все вспоминали его с большой теплотой.

Как видим, во Флоренции князь нашел итальянское общество, хорошо расположенное к России. Люди, с которыми он сблизился, не вставали в позу суровых критиков России, как это часто делали французы, пытаясь подчеркнуть свое превосходство. Напротив, им было интересно ближе узнать народ, чье добросердечие, по их мнению, походило на итальянское¹³⁸.

¹³² Возможно, Виктор Григорьевич Тепляков (1808–1842), поэт и автор «Писем из Болгарии» (1833 г.). Тепляков посвятил себя изучению памятников древности, обнаруженных в Болгарии. В 1842 г. он приехал в Италию, и Антонио Раньери (1806–1888), друг Леопарди, решил представить его Каппони, с которым Тепляков желал познакомиться [Саррони: VI, 243]. Всего несколько месяцев спустя (14 октября 1842) Тепляков умер в Париже.

¹³³ Александр Иванович Герцен (1812–1870) жил некоторое время изгнанником в Италии.

¹³⁴ Мориц Шифф (1823–1896), физиолог, профессор сравнительной анатомии в Берне.

¹³⁵ См. письмо к Дж. П. Вьессе в защиту действий русских в Севастополе [Саррони: IV, 128–129].

¹³⁶ См. письмо от 14 (26) ноября 1832 [АБТ: 119].

¹³⁷ Горчаков покинул Тоскану в начале 1834 г., а на его место прибыл Н. А. Кокоскин (см. ниже).

¹³⁸ Помимо уже упомянутых лиц, Вяземский познакомился также с мадам ди Баньо, дочь графа Адзолино [ЗК: 224] — возможно, это Вирджиния, дочь маркиза Джованни Баттиста Адзолино, с 1828 г. — жена Джулио (1804–1861), маркиза Гуиди Баньо, флорентийского патриция; в Государственном архиве г. Флоренции мы находим запись, что «Господин маркиз дель Баньо ди Мачерата, чья жена — сестра маркиза

Князь Вяземский с легкостью вошел во флорентийский бомонд, так как друзья, жившие в “ville de bals et de concerts”¹³⁹ [Méry: 95], позаботились о том, чтобы ввести его туда. Мы можем предположить, что вначале он, возможно, старался не принимать такие приглашения, поскольку беспокоился о здоровье дочери, а также не мог преодолеть свою врожденную застенчивость. И все же, очутившись в одном из празднично украшенных флорентийских домов, он, вероятно, заметил “au bout de quelques instants dans la foule tant de physionomies patriotes”¹⁴⁰, чтобы почувствовать себя как дома, как писала Е. Н. Мещерская.

Мещерские, прибывшие во Флоренцию примерно за месяц до Вяземского, были поражены толпой русских, *населявших* флорентийские салоны, и мы задаемся вопросом, кто же могли быть те знакомые лица, которых различили в этой толпе Мещерские и, возможно, месяцем позже Вяземский. Прежде всего, это графиня Виельгорская, жена одного и невестка второго из братьев, музыкантов-любителей из Петербурга¹⁴¹, связанных с князем общей любовью к музыке. Графиня

Адзолино, придворная дама», был одним из постоянных посетителей дома Ж. Бонапарте [ASF: Buongoverno 1834: filza 15, cart. 153]. Далее Вяземский называет “la duchesse de Casigliano, belle fille du Prince Corsini” (герцогиня Казильяно, невестка князя Корсини) [ЗК: 224]; возможно, это донна Элеонора Ринуччини (1813–1886), жена дона Нери. Корсини действительно носили титул герцогов Казильяно. И далее: «Le duc de Dino, муж племянницы Талейрана» [Там же: 226]. Вяземский тут, должно быть, ошибся: Ш. М. Талейран получил в 1815 г. от короля Обеих Сицилий титул герцога Дино (Duc de Dino); этот титул перешел к племяннику Эдмону (1787–1872), с 1809 г. женатому на Доротее Бирон (1793–1862), дочери Петра Бирона, герцога Курляндского и Семигальского. В 1845 г. она получила титул герцогини Семигальской, перешедший впоследствии к сыну Наполеону-Луи (1811–1898). Следовательно, племянником Талейрана был сам герцог. В регистрационных книгах Вьессе за 1830 г. находится первая запись, датированная февралем, о посещении герцога Дино Перигора (Duc de Dino Périgord), проживающего в доме Альбовити. Помимо этих персонажей он упоминает мадам Бриан, «дочь известного Рембея», жену американца [Там же: 227]. Тургенев посоветовал ему увидеться во Флоренции также с С. Чампи [ОА: III, 259], но через несколько строк предостерег против него, так как последний легко мог надоесть князю [Там же: 261]. Из этого следует, что Вяземский, возможно, и не встречался с самым известным в то время «славистом».

¹³⁹ «Город балов и концертов» — *франц.*

¹⁴⁰ «За несколько секунд в толпе столько соотечественников» — *франц.* См. письмо из Флоренции 22 октября (11 ноября) 1834 г. [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 11–12].

¹⁴¹ Луиза Карловна Виельгорская (1791–1853), урожденная княгиня Бирон, жена графа Михаила Юрьевича Виельгорского (1788–1856), друга всех выдающихся писателей той

к тому времени жила во Флоренции уже больше года, так как муж, обеспокоенный ее здоровьем, перевез их в Италию вместе с детьми¹⁴². Графиня Виельгорская была доброй подругой Веры Федоровны, и из письма, отправленного Вяземским жене из Флоренции на обратном пути¹⁴³, явствует, что Виельгорская хорошо знала город и наверняка помогала княгине Вяземской в уходе за больной дочерью. Встреча во Флоренции с человеком душевно близким, вероятно, несколько утешила Вяземского; мы знаем также, что в Мюнхене он был постоянным гостем Тютчевых и Гагариных, которые помогали ему хоть немного забыть о своей печали¹⁴⁴. Только встречи с дружественными людьми могли облегчить скуку, которая так подавляла его в те дни. Возможно, Вяземский получил поддержку и от Орловых, которые уже довольно долго жили во Флоренции¹⁴⁵; их Вяземский снова повстречал на обратном пути¹⁴⁶.

Среди флорентийского света он неожиданно встретил некоторых старых русских знакомцев, которые, по словам князя, «перенесли в столицу Медицисов мирные русские занятия и беззаботно козыряли

эпохи, в том числе Пушкина. Граф был известен как композитор-любитель, а его брат Матвей Юрьевич (1794–1866) — как виолончелист. Графиня Фикельмон 26 сентября 1831 г. писала в своем дневнике о Л. К. Виельгорской: “Le comtesse Wielhorsky très bien vue de l’Empereur, a gagné mon coeur, parce qu’elle n’a rien dans les mines, ni dans ses paroles, de cette douceuse complaisance des courtisans, qui m’est fatale et insupportable” («Графиня Виельгорская, пользующаяся благосклонностью императора, покорила мое сердце, потому что ни в выражении лица, ни в словах ее нет ничего от слащавого самодовольства придворных, которое для меня губительно и невыносимо» — *франц.*) [Kauchtschischwili 1968]. В 1833 г. Тургенев писал из Флоренции: «Скажи Виель[горскому], что жена и дети его милы и здоровы по-прежнему, что графиня давала нам — т. е. Мар[ии] Ант[оновне], К. Горчакову и мне — обед, которому бы и он позавидовал... Мар[ия] Ант[оновна] переехала в новую квартиру, в виллу городскую: Torredgiani, с прелестным садом» [АБТ: 370–371].

¹⁴² См. письмо 8 (20) декабря 1834 г. из Рима [Прил. I].

¹⁴³ См. письмо от 13 (25) апреля 1835 г. из Флоренции [Там же].

¹⁴⁴ См. письмо от 27 октября (8 ноября) 1834 [Там же].

¹⁴⁵ Возможно, это Владимир Петрович Орлов-Давыдов (1809–1882), сын Н. В. Орловой и П. Л. Давыдова. Получил воспитание в Италии. Будучи единственным наследником рода Орловых, получил разрешение носить двойную фамилию; был женат на О. И. Баратынской. В регистрационных книгах Вьессе после 1825 г. почти каждый год имеется запись “Mr. le Comte Orloff”.

¹⁴⁶ См. письмо от 13 (25) апреля 1855 г. из Флоренции [Там же].

себе в доме сестры Наполеона»¹⁴⁷ [ПСС: II, 256]. Среди этих заядлых игроков он заметил Ивана Матвеевича Муравьева¹⁴⁸ и генерала Сухозанета¹⁴⁹. Первый из них был старым другом Вяземского, и князь между 1814 и 1817 гг. посвятил ему несколько строк стихотворения «Спасителя рождением» [Вяземский 1958: 98–103], где сравнивал его с Джоном Локком, поскольку ему было вверено Екатериной II воспитание великих князей Александра и Константина. Вполне возможно, что Муравьев находился во Флоренции с женой; Тургенев тоже говорит о некоей графине Муравьевой¹⁵⁰. Упоминают это имя и сестры Карамзины в письмах к матери за несколько недель до приезда Вяземского [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 59, 60, 61].

¹⁴⁷ Игра в карты всегда была основным занятием русского общества, как писал Вяземский: «Нигде карты не вошли в такое употребление, как у нас: в русской жизни карты одна из непреложных и неизбежных стихий» [ПСС: VIII, 95]. Графиня Фикельмон 19 октября 1831 г. писала в дневнике: “Pendant deux ans j’ai combattu contre la fureur du jeu qu’on a ici et j’avais banni les cartes de chez moi, espérant avoir des soirées causantes comme je les aimais à Naples, mais ici c’est impossible: il a fallu céder aux habitudes prises et maintenant on joue chez moi, comme ailleurs” [Kauchtschischwili 1968: 174] («Два года я боролась с царящей здесь страстью к игре и запретила у себя карты, надеясь завести вечера бесед, которые так нравились мне в Неаполе, но здесь это невозможно: пришлось уступить заведенным обычаям, и теперь я играю дома, как и в иных местах»).

¹⁴⁸ Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1762–1851), писатель, высокопоставленный чиновник, российский посол в Мадриде. Среди его сочинений следует отметить «Письма из Москвы в Нижний Новгород» и переводы Гомера. Он был большим знатоком древних и современных языков и входил в «Беседу любителей русского слова».

¹⁴⁹ Николай Онуфриевич Сухозанет (1794–1871), генерал, известный стратег и реформатор российской армии. В 1830–1831 гг. воевал в Польше и способствовал подавлению восстания. С 1856 по 1861 гг. — военный министр. По мнению Дарьи Фикельмон, был типичным представителем военного сословия: она называла его “assez insignifiant” («вполне незначительным» — *франц.* См. дневник Фикельмон, запись от 23 марта 1830 [Kauchtschischwili 1968: 127]). Из газеты “Gazzetta Privilegiata di Milano” мы узнаем, что он прибыл из Швейцарии в ломбардскую столицу 20 августа 1834 г., а 22 августа проследовал в Геную. 23 июня 1835 г. он прибывает в Турин (см. “Gazzetta Piemontese” — «Пьемонтская Газета»); таким образом, он пробыл в Италии около года.

¹⁵⁰ По мнению составителя примечаний к письмам Тургенева, речь идет о Екатерине Федоровне Муравьевой (1771–1848), урожденной Колокольцевой, матери братьев-декабристов Никиты и Александра Михайловичей, сосланных в Сибирь. Нам, однако, представляется маловероятным, чтобы мать двух декабристов могла получить разрешение на выезд за рубеж, тем более что Тургенев посоветовал Вяземскому переслать «Темницы» Пеллико сосланным сыновьям через Екатерину Федоровну (см. письмо 8 (20) сентября 1833 из Женевы [АБТ: 333]). Мы склонны полагать, что речь идет о жене Ивана

Среди присутствующих он узнал и некоторые другие русские лица, однако их имен он не упоминает в записях. Трудно определить, что это были за люди, но мы все же попытаемся установить имена тех русских, которые могли тогда находиться во Флоренции, опираясь прежде всего на письма А. И. Тургенева. Тургенев встретил там Орловых, Сергея Михайловича Голицына¹⁵¹ и его племянника¹⁵², их упоминают также сестры Карамзины. Далее, во Флоренции наверняка жил князь Мещерский¹⁵³, упомянутый Тургеневым, — он выступил в качестве гида для свояченицы Е. Н. Карамзиной и ее домашних. Другими русскими, встреченными во Флоренции, могли быть чиновники русской миссии: секретарь Хитрово¹⁵⁴, сверхштатные атташе братья Федор и Михаил Голицыны¹⁵⁵, а также зарегистрированные читатели Кабинета

Матвеевича, которая, согласно письмам Е. Н. Мещерской, принимала “tous les mardis” [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 11–12]. Возможно, это Прасковья Васильевна Грушецкая (род. в 1780 г.), с 1812 г. вторая жена Муравьева.

¹⁵¹ Князь Сергей Михайлович Голицын (1774–1859) — муж Авдотьи Ивановны, урожденной Измайловой (1780–1850), женщины исключительной красоты, которую называли “Princesse nocturne” («ночной княгиней»). Она рано стала жить отдельно от мужа, позже посвятила себя философско-математическим занятиям, а в 1835–1837 гг. в Петербурге и затем в 1844–1845 гг. в Париже опубликовала книгу, изобилующую туманными идеями без строго научных заключений. Учитывая ее многолетнее пребывание в Париже, допустимо предположить, что она могла несколько раз побывать и в Италии: тогда стало бы ясным указание Мери на “Princesse Galitzin” в его воспоминаниях об итальянском путешествии в апреле и мае 1834 г. [Méry: 97].

¹⁵² См. письмо Е. Н. Мещерской из Флоренции от 13 (25) декабря 1834: “Un petit monstre de Prince Galitzin, qui a toute la dédaigneuse nonchalance d’un bel homme, le porter prétentieux d’un bel esprit, la barbe d’une jeune France et pour palliatif à tous ses ridicules et à sa laideur de singe l’immense héritage de son oncle le fameux P-ce Serge, joint aux cent mille roubles de rente qu’il possède actuellement” («Маленькое чудовище князь Голицын, который ведет себя с пренебрежительной беспечностью красавца, самодовольный остряк, с бородой в стиле Молодой Франции, а в качестве спасения от всех его нелепостей и обезьяньего уродства — огромное состояние дяди, знаменитого князя Сержа, сверх тех ста тысяч рублей ренты, которыми он сейчас располагает» — *франц.*) [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 16].

¹⁵³ Речь идет о свояке Е. Н. Карамзиной Николае Ивановиче Мещерском (1798–1862), муже Александры Ивановны Трубецкой (см. цитированное выше письмо Е. Н. Мещерской).

¹⁵⁴ Полагаем, что речь идет о Захаре Алексеевиче (1807–1876), женившемся на П. Ненчони, вдове маркиза Дж. Пуччи.

¹⁵⁵ Возможно, это Федор Александрович Голицын (1805–1848), сверхштатный атташе русской миссии в Риме. Проживал во Флоренции у Шнайдерфа, в то время самой элегантной гостинице города, на набережной Лунгарно рядом с мостом Алла-Каррайа.

Вьессе: генерал Гурьев¹⁵⁶, полковник де Перечекин¹⁵⁷, некий Чичерин¹⁵⁸, господин Стромилов¹⁵⁹ и князь Салтыков¹⁶⁰, возможно, тот самый, о котором Вяземский говорит в адресованном жене письме из Флоренции от апреля 1835 г.¹⁶¹

Из тех же источников явствует, что во Флоренции проводили зиму многочисленные русские красавицы, в то время как их мужья возвращались на родину. Среди этих дам были С. А. Шувалова¹⁶², некая Чичагова¹⁶³, московская красавица Хвощинская¹⁶⁴, которая «прельщала мазуркою

Позднее Голицын обратился в католичество, служил в папских войсках и, возможно, намеревался поступить в орден иезуитов. Его брат Михаил (1804–1860), атташе миссии в Риме, служил в Тоскане и был добрым знакомым Тургенева, который советовал Вяземскому: «Во Флоренции познакомься с князем Михаилом Голицыным: умен и любезен, и просвещен», — и добавил к этому: «Отобедай у него, ибо это первый стол в Италии». «Брат его в Риме — добрый и рассеянный аристократ» (см. письмо 23 октября (4 ноября) 1834 из Петербурга [ОА: III, 261]). Голицыны прежде служили дипломатами в Тоскане.

¹⁵⁶ Граф Александр Дмитриевич Гурьев (1787–1865), позднее высокопоставленный правительственный чиновник, которого Вяземский встретит в Вене во время обратного путешествия (см. письмо жене 25 апреля (7 мая) 1835 из Вены [Прил. I]).

¹⁵⁷ Неустановленное лицо. Известно только, что он останавливался в отеле «Европейский» (Hôtel de l'Europe).

¹⁵⁸ Некий “Tchitcherin” регистрировался в 1829 и 1831 гг. у Вьессе и проживал на площади Санта-Мария-Новелла, № 4378. В России жила семья Чичериных итальянского происхождения (некий Атаназιο Чичерини последовал в 1472 г. за Софией Палеолог в Россию). Возможно, речь идет о Петре Александровиче Чичерине (1778–1848), хотя Кульман указывает в комментариях к письмам Тургенева на А. А. Чичерина.

¹⁵⁹ Неустановленное лицо. Проживал во Флоренции на виа Маджо.

¹⁶⁰ Возможно, Александр Николаевич Салтыков (1775–1837), один из самых образованных людей своего времени, муж Н. Ю. Головкиной (1782–1860) и отец Марии Потоцкой (см. ниже).

¹⁶¹ См. письмо 12 (24) апреля 1835 из Флоренции [Прил. I].

¹⁶² Графиня Софья Александровна Шувалова (1806–1841), урожденная Салтыкова, жена Г. П. Шувалова (1804–1861); последний обратился в католичество и стал монахом-варнавитом.

¹⁶³ Возможно, Екатерина Павловна Чичагова, дочь адмирала П. В. Чичагова (1767–1849), который впал в немилость во время наполеоновских войн и провел остаток жизни во Франции и в Италии. Чичагова вышла замуж за графа дю Бузе, что, кажется, подтверждает наше предположение, поскольку Тургенев называет ее наполовину русской.

¹⁶⁴ Возможно, София Михайловна Хвощинская (1802–1836), урожденная Горчакова, сестра М. Горчакова и жена А. П. Хвощинского (1793–1860).

на балах»¹⁶⁵; М. А. Нарышкина¹⁶⁶ и Потоцкая-Стрижовская, дочь С. О. Потоцкого¹⁶⁷. Последняя была образованной женщиной, она читала Тургеневу «отрывки своего журнала», интересные и изложенные с большой непосредственностью¹⁶⁸; он также оценил ее точные выписки из лекции Пеллегрини Росси в Женеве. По словам французского путешественника Ж. Мери, в 1834 г. во Флоренции находились также княгиня Любомирская¹⁶⁹ и графиня Замойская¹⁷⁰, которых Вяземский, возможно, знал по Варшаве.

¹⁶⁵ См. письмо от ноября (декабря) 1833 г. из Флоренции [АБТ: 371].

¹⁶⁶ Мария Антоновна Нарышкина (1779–1854), урожденная кн. Святополк-Четвертинская, долгое время была фавориткой Александра I. Из газеты “Gazzetta Privilegiata di Milano” узнаем, что некая “Dama de Narischkin” приехала 5 ноября из Швейцарии, а 17 числа того же месяца отправилась во Флоренцию, куда прибыла через несколько дней после приезда Тургенева.

¹⁶⁷ О ней нет подробной информации. Из газеты “Gazzetta Privilegiata di Milano” явствует, что некая «графиня Стрижевска» прибыла в Милан 5 октября 1832 г. из Турина, а 16-го отправилась в Геную. В регистрационных книгах Вьессе имеется запись от 5 ноября, удостоверяющая, что графиня проживала в доме Мельдура. Мери также вспоминает, что видел ее во Флоренции весной 1834 г. (см. выше).

¹⁶⁸ См. письмо от ноября (декабря) 1833 г. из Флоренции [АБТ: 370–371].

¹⁶⁹ Неустановленное лицо.

¹⁷⁰ Возможно, жена Владислава Замойского (1803–1868), польского генерала, который после восстания 1831 г. жил в эмиграции и в 1854–1856 гг. принимал участие в формировании сардинского экспедиционного корпуса против России. В Кабинете Вьессе имеются записи от 21 ноября 1832 г. и от 27 ноября 1833 г. о пребывании «графа Здислава»; этот Замойский проживал сначала во дворце Армайоли на набережной Лунгарно, потом “chez Balzani”. О графине Замойской пишет также Дарья Фикельмон в своем дневнике 19 ноября 1830 г. [Kauchtschischwili 1968: 147]; Вяземский говорил о «Замойской, сестре Чарторижского, прекрасной и умной даме» в письме А. Я. Булгакову от 1 (13) апреля 1818 г. [Письма Вяземского к Булгакову: IV, 505]. В числе прочих дам, замеченных во Флоренции примерно в те же годы, назовем следующих: М. Д. Гурьеву (см. ниже); некую Чацкую, возможно, жену графа Александра, записывавшегося в регистрационных книгах Вьессе в ноябре и декабре 1832 г. (в российских генеалогических книгах обнаруживается семья Чацких, происходившая из юго-западной России); некую Засецкую, возможно, Юлию Денисовну (умершую в 1882 г.), дочь «поэта-партизана» Дениса Давыдова (1784–1839); однако, как полагает Кульман, речь может идти о жене одного московского музыканта, урожденной Ивановой; некую Леонтьеву, подругу Вяземского и Тургенева. Наконец, во времена Тургенева там находилась Е. А. Щербатова (1809–1892), с 1827 г. жена Д. Н. Свербеева (1799–1874); их московский дом был открыт для всех образованных людей той эпохи. Вяземский же встретил ее в Любеке и передал ей первое письмо, адресованное сыну; см. письмо от 16 (28) августа 1834 г. из Любека [Прил. I].

К сожалению, нам неизвестны его впечатления от города и его памятников искусства. Во Флоренции он смог в первый раз непосредственно соприкоснуться с городом, в облике которого сочетались черты средневековой и ренессансной архитектуры. У русских городов была своя особая стилистика, и, видимо, до этого Вяземский не имел возможности увидеть близкую к западным образцам архитектуру, за исключением Варшавы и Кракова. Путешествуя в Италию, он мельком видел средневековые германские города; однако, зная особенный характер нашего путешественника, мы полагаем, что краткие посещения городов не могли удовлетворить его. Во Флоренции же у него наконец появилось время, чтобы в одиночестве бродить по улицам города и впитывать его атмосферу¹⁷¹. Вероятно, его удивила привычка горожан пребывать большую часть дня на открытом воздухе, с которой он впервые столкнулся в этом южноевропейском городе¹⁷².

С уверенностью можно утверждать только, что Вяземский ходил гулять в сады Боболи. Вероятно, он не спешил, чтобы полюбоваться красотами природы и панорамными видами флорентийских холмов; полагаем, что это зрелище вдохновило его на единственное стихотворение, посвященное Флоренции¹⁷³. Возможно, он прогуливался по садам Боболи ближе к концу дня, после посещения художественной галереи дворца Питти, где, по словам Тургенева, Вяземский обеспечил себе «бессмертие и европейскую известность за 4 превосходные стиха»¹⁷⁴. В тосканской галерее находился бюст Александра I, дар графа Остермана-Толстого¹⁷⁵, начертанного на нем четыре строки Вяземского, прославлявшие императора¹⁷⁶. Сведения об этой прогулке

¹⁷¹ В 1854 г. Вяземский записывает в Карлсруэ, что все улицы города ведут к воротам, и «мне, отчаянному пешеходцу, то и любо» [ПСС: X, 93].

¹⁷² Предположение основано на сведениях из его римских писем; однако у нас нет никаких документальных подтверждений.

¹⁷³ См. ниже, часть II, глава IV.

¹⁷⁴ См. письмо от 14 (26) ноября 1832 г. из Флоренции [АБТ: 118].

¹⁷⁵ Граф Александр Иванович Остерман-Толстой (1770–1857), в 1814–1825 гг. генерал-адъютант при Александре I. После смерти царя он покинул Россию и жил в Италии, Швейцарии и Германии. В 1831 г. предпринял длительное путешествие на Восток, а с 1837 г. обосновался в Женеве.

¹⁷⁶ Стихотворение 1814 г.: «Муж твердый в бедствиях и скромный победитель. / Какой венец ему? Какой ему алтарь? / Вселенная! пади пред ним, Он твой спаситель; / Россия!

по садам Боболи содержатся в литературных воспоминаниях князя и до сих пор остаются единственным свидетельством его соприкосновения с Флоренцией, к которому мы можем добавить только косвенное упоминание о прогулке по парку Кашины¹⁷⁷ и посещении виллы Демидова [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 33].

Мы уже упоминали о начале знакомства с флорентийским музыкальным миром в доме музыкантов-любителей Понятовских, что в глазах князя добавляло притягательности высшему обществу этого города. К сожалению, в тот момент Флоренция не могла предложить никакого выдающегося музыкального зрелища, и ему пришлось довольствоваться инструментальным концертом в Филармоническом обществе¹⁷⁸ и вокально-инструментальным «благотворительным» концертом в пользу маэстро Микеле Джульяни¹⁷⁹. Во втором концерте пела Каталани, а также ее дочь мадам дю Вивье: возможно, именно об этом концерте князь говорит в своих путевых заметках, вспоминая, что Анджелика Каталани спустя пятнадцать лет пела все те же свои любимые арии¹⁸⁰ маэстро Портогалло¹⁸¹ и вариации Роде¹⁸², многократно слышанные

Им гордись — Он сын твой, Он твой царь!» [ПСС: III, 45]. Князь сочинил эти стихи по случаю празднования 19 мая 1814 г. в московском Благородном собрании возвращения Александра I в Россию; он вспоминает в 1877 г. в письме к Я. К. Гроту, что эта строфа была спета во время торжественного обеда [К автобиографии Вяземского: 34]. Стихи были положены на музыку М. Ю. Виельгорским и впервые опубликованы в «Описании праздника, данного в Москве в мае 1814 года по случаю взятия Парижа 19 (31) марта 1814 г.» (М., 1814). Вяземский, однако, утверждал в уже цитированном письме Гроту, что строфа была положена на музыку Бортнянским.

¹⁷⁷ См. письмо из Вены от 25 апреля (7 мая) 1835 г. [Прил. I].

¹⁷⁸ Концерт состоялся 30 ноября 1834 г. [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 23].

¹⁷⁹ Концерт состоялся 2 декабря 1834 г. Каталани пела на этом концерте “Air de Portogallo” и “Variations de Rode”, а ее дочь — “Air de la Parisienne”, как и указывает князь в своих путевых заметках [Там же: Л. 22].

¹⁸⁰ «Концерт полуартистов, полуаматеров. Пела Каталани арию свою portugale и вариации Роде. Есть еще отголоски старины, но уже не то» [ЗК: 227].

¹⁸¹ Маркуш Антонио Португал (Marcos António Portugal, настоящая фамилия Simão, 1762–1830), португальский музыкант и композитор, учившийся в Португалии и Италии. Написал много опер, имевших успех у современников. Для Каталани сочинил «Семирамиду» и арию «Я царица» (“Son Regina”), которую она с триумфом исполняла во многих городах Европы.

¹⁸² Пьер Род (1773–1830), знаменитый французский скрипач и композитор. В России с 1803 по 1811 гг. служил главным придворным скрипачом.

им в Варшаве и потом в России. Тогда он был среди самых пылких поклонников певицы, теперь же с грустью признает, что она больше «не Каталани-Валабрек, а разве Валабрек-Каталани» [ЗК: 227], ибо, потеряв необыкновенную силу голоса, стала такой же посредственностью, как ее муж Валабрег¹⁸³, которого князь считал одним из самых глупых людей на свете¹⁸⁴. После этого горького признания он, вероятно, и не пытался посетить виллу Каталани, где Тургенев, как и большинство иностранных путешественников, участвовал в музыкальном празднике¹⁸⁵. В противном случае он наверняка оставил бы

¹⁸³ Фамилия Valabregue, очевидно, должна передаваться как Валабрег; в цитатах сохранено написание Вяземского. — *Прим. ред.*

¹⁸⁴ Вяземский считал его «несносным глупцом» [ОА: I, 352]. В «Мемуарах» Меттерниха [Metternich: II, 105–106] можно прочесть по этому поводу: “A la première répétition du concert qui a eu lieu chez moi, arrive Goethe. Je le présente à madame Catalani, et lui dit que c’est un homme dont l’Allemagne s’honore. Valabrègue me demande: *Qui est Goethe?* Je lui dis qu’il est l’auteur du *Werther*. Le malheureux ne l’a pas oublié; ne voilà-t-il pas qu’il va à lui quelques jours après et lui dit: «Monsieur de Goethe, combien il est dommage que vous ne puissiez voir jouer Potier dans le rôle de Werther! cela vous eût fait pouffer de rire» («Во время первой репетиции концерта, проходившей в моем доме, является Гете. Я представляю его мадам Каталани, и говорю, что это человек, которым гордится Германия. Валабрег спрашивает меня: Кто такой Гете? Я отвечаю, что он автор “Вертера”. Несчастный не забыл этого, и через несколько дней обратился к нему: “Господин Гете, как жаль, что вы не видели Потье в роли Вертера! Вы бы лопнули от смеха!” — *франц.*)

Вяземский, в свою очередь, рассказывает: «В Варшаве лучший трактир — “Виленский”. Содержатель был Розенгартен; умер, осталась вдова; вышла замуж, но в честь трактира сохранила имя первого мужа. Приезжает Каталани; с шумом требует чего-то приезжий с нею; нынешний муж содержательницы выбегает, спрашивает о причине шума и о имени шумящего. “Je suis monsieur Valabreque <sic!>, le mari de m-me Catalani, mais vous même qui êtes-vous?” <«Я — господин Валабрек, муж г-жи Каталани, а Вы кто?»> — “Je suis monsieur Obuch, le mari de m-me Rosengarten” <«Я господин Обух, муж г-жи Розенгартен»> [ОА: I, 365].

¹⁸⁵ «Недавно заехал к *Валабрег-Каталани* <sic!>: дача ее прелестна, и из окон видны Флоренция, Фиезоли и все великолепие здешней осенней природы. Она все еще мила, хотя поет уже редко; у Принца Монфортского (Экс-Короля Иеремея Б[онапарта]) проговорила со мной цельный вечер о Москве и П.<етер>бурге» [АБТ: 118]. Интересно также то, что рассказывает французский путешественник Ж. Мери: “J’allais entendre chanter les litanies de la Vierge, à la chapelle du village de la Loggia: c’était madame Catalani qui devait chanter... Dans le sanctuaire il n’y avait qu’un très petit nombre d’invités... Madame Catalani entonna les litanies avec sa magnifique voix... il n’y avait cette fois pour l’admirer que des pauvres paysans qui l’écoulaient bouche béante... J’ai assisté à bien des concerts en Italie; je n’ai rien entendu de comparable à cette solennité de village. A l’issue de la cérémonie madame Catalani nous introduisit dans sa villa... Un somptueux déjeuner nous attendait...

об этом запись. Прочие дни, проведенные во Флоренции, кажется, не оставили особых воспоминаний, за исключением встречи с миром наполеонидов¹⁸⁶.

Пребывание князя во Флоренции представляется сегодня встречей с блестящим, но ограниченным миром городского бомонда, значимой только потому, что она стала первым соприкосновением Вяземского с итальянской жизнью. И все же мы полагаем, что для такого литератора, как он, невозможно было безразлично пройти рядом с теньями Данте и Боккаччо, чьи произведения он уже давно знал; и столь же невероятно, чтобы Венера Медицейская и Давид Микеланджело не вызвали в нем никаких чувств! Все это, к сожалению, будет покрыто завесой неизвестности, до тех пор, пока не будут найдены его письма из Флоренции; пока же мы должны довольствоваться знанием того, что ему запомнилась только «Психея» Кановы¹⁸⁷, что, на наш взгляд, подтверждает малую чувствительность Вяземского к изящным искусствам.

Пребывание князя во Флоренции затянулось из-за состояния здоровья Прасковьи, которое ограничивало его социальную жизнь во время пребывания в Тоскане. Он даже не записался в читальный зал Кабинета Вьессе, хотя обычно жадно интересовался литературными и политическими новостями Европы¹⁸⁸. Его взгляд был обращен

Madame Catalani avait entonné le *Dies irae* de l'Eglise d'Angleterre. Jamais surprise plus inattendue! Un exquis déjeuner servi entre les Litanies et le *Dies irae!*" [Méry: 38–45] («Я ходил слушать Литании девы Марии в деревенской часовне Лоджиа: должна была петь госпожа Каталани. В храме было совсем немного приглашенных... Мадам Каталани исполняла литании своим звучным голосом... в этот раз ею любовались только бедные сельские жители, внимавшие ей, разинув рот... Я бывал на многих концертах в Италии, но ничего не слышал подобного этой деревенской торжественности. После церемонии мадам Каталани пригласила нас на свою виллу. Нас ожидал великолепный ужин. Мадам Каталани исполнила *Dies irae* из англиканского богослужения. Это было так неожиданно! Изысканный ужин в перерыве между Литаниями и *Dies irae!*» — франц.).

¹⁸⁶ См. далее главу IV.

¹⁸⁷ См. далее часть II, главу IV.

¹⁸⁸ Отсутствие регистрации в Кабинете Вьессе не позволяет установить адрес гостиницы Вяземских в те дни. Мы располагаем на данный момент только одним источником: в его альбоме сохранился гостиничный бланк с надписью "Hôtel d'Europe chez Madame Humbert, Place St. Gaétan, Palais Gondi à Florence" [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 29].

к Риму с единственным желанием как можно быстрее достичь его, потому что только стабильный отдых в пункте назначения мог еще дать надежду на исцеление Пашеньки.

7 декабря Вяземские наконец выехали из Флоренции, бегло осмотрев по дороге Дуомо и Пьяцца дель Кампо в Сиене, но князь чувствовал себя постоянно охваченным *скукой*: трактиры были «голодными и холодными» [ЗК: 228], пейзаж раздражал его, ибо горная дорога все время шла то вверх, то вниз, к тому же досаждало постоянное торможение повозки; вся местность представлялась безобразной: «мертвая природа — кладбище с нагими остовами гор. Можно ли сравнить берега Рейна?» [Там же]. Это был один из немногих эпизодов в его жизни, когда Германия казалась ему красивее Италии.

В таком душевном состоянии он проехал Больсену и, возможно, немного приободрился лишь в Витербо, который «славился прекрасными девицами и прекрасными фонтанами» [Там же]. Ко всем неудобствам путешествия добавился северный ветер, беспокоивший бедную больную, и отец страдал вместе с ней, приближаясь в тревожном ожидании к Вечному городу: «Завтра в Риме! Великое слово. То ли бы дело, если не было бы кашля на свете» [Там же]. В таком настроении Вяземский после недельного переезда в четыре часа пополудни прибыл в Рим [Там же: 229].

На листке записаны адреса различных людей — возможно, тех, с кем они познакомились во Флоренции. Можно предположить, что князь выбрал гостиницу «треста Хомберта», поскольку в предварительном маршруте, составленном для него в Мюнхене, для Флоренции обозначена гостиница “chez Hombert” на набережной Лунгарно; см.: [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 19]. Маршрут был составлен неким Вишневым (см. гл. II, примеч. 83).

ГЛАВА IV

ВЕЧНЫЙ ГОРОД

«Мы у пристани, ехать более некуда», — писал князь сыну Павлу через несколько дней после прибытия с истинным облегчением¹⁸⁹. Постоянные перемещения стали для Вяземского пыткой, а сейчас, по крайней мере, он мог лелеять новые надежды по поводу здоровья дочери. Кроме того, Рим принял их всех наилучшим образом, и они сразу же очутились в домашней, семейной атмосфере. Едва прибыв в город, Вяземские встретились с сестрами Софьей Николаевной Карамзиной и Екатериной Николаевной (Катенькой) с ее сыном¹⁹⁰ и мужем. Они сопроводили Вяземских в их жилище, которое княгиня Зинаида приготовила «с попечительностью сестры»; так что в Риме они сразу же почувствовали себя по-домашнему.

Тем не менее, в «Записных книжках» пребывание в Риме обойдено полным молчанием. Записи во второй части записной книжки за 1835 г. касаются исключительно путешествия в Неаполь и возвращения из Рима в Петербург. Горе, пережитое в Вечном городе, окажется слишком личным, чтобы доверять его страницам записной книжки. На всю жизнь Рим останется для него городом, где он испытал самую острую душевную боль, и даже в 1859 г., когда друзья предложили ему совершить поездку в Рим, он признался сыну, что у него не хватило для этого духа¹⁹¹.

Предвидя, что пребывание в Вечном городе окажется довольно долгим, Вяземский озаботился поисками хорошего жилья, и с этой целью отправил из Ганау письмо княгине “Zénéïde” (так она сама писала свое имя), сообщая о скором приезде и прося ее приготовить

¹⁸⁹ См. письмо от 4 (16) декабря 1834 из Рима [Прил. I].

¹⁹⁰ Николай Петрович Мещерский (1829–1901), сын Петра Ивановича и Екатерины Николаевны, урожд. Карамзиной; женат на М. А. Паниной.

¹⁹¹ См. письмо от 6 (18) апреля 1859 г. из Ниццы [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108а].

жилье, подходящее для состояния здоровья дочери, которой требовался самый здоровый район города и “un appartement de quatre chambres exposées au soleil”¹⁹².

Княгиня Зинаида, конечно же, с воодушевлением занялась приготовлениями к размещению семьи князя, ибо долгие годы ожидала их приезда [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1651. Л. 11]; из письма Софьи Карамзиной к матери мы знаем, что уже в конце ноября княгиня нашла для князя квартиру в доме, где жила сама. Таким образом, Вяземский будет проживать “porte à porte” <дверь в дверь> с “Zénéïde” в одном из самых живописных мест старого Рима, “sur la place Minerve, vis à vis d’un obélisque Egyptien et à deux pas du Panthéon”¹⁹³.

Сведения из этого письма указывают на то, что Зинаида и Вяземский в 1834–1835 гг., видимо, проживали в Риме в одном дворце. Из письма Вяземского сыну известно, что там же проживал и Стендаль¹⁹⁴ [Кочеткова: 150], и если адрес, указанный Софьей Карамзиной, правильный, это означает, что все трое — Вяземский, Стендаль и княгиня Волконская — зимой 1834–1835 гг. оказались соседями по дому.

Однако здесь возникает сложность: из писем Стендаля и адреса, по которому он неоднократно указан той зимой, явствует, что он жил во дворце Конти, т. е. во дворце, о котором пишет Софья Карамзина, выходявшем на площадь Минервы. Для нас несомненно, что и Вяземский жил в доме Конти: на обратном пути из Рима он обращается к оставшейся там жене, прося ее принести «*M-me Conti* мое извинение, что я не зашел проститься с ними, но я так был расстроен, что совестно было в люди показаться»¹⁹⁵. Однако по преобладающему ныне общему убеждению, княгиня Волконская уже в 1834–1835 гг. проживала во дворце Поли «на улице Поли 88, первый этаж

¹⁹² См. письмо Вяземского княгине З. А. Волконской от 15 (27) сентября 1834 г. из Гауна [Прил. I].

¹⁹³ См. письмо от 26 ноября (8 декабря) 1834 г. [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 16]. Эта запись подтверждает то, что установила Т. Кочеткова [Кочеткова]: Вяземский жил в Риме в доме Конти — в дворце, находившемся внутри четырехугольника, ограниченного площадью Минервы, переулком Минервы, виа деи Честари и переулком делле Честе (сейчас дворец снесен, на этом месте находится гостиница «Минерва-Кавур»).

¹⁹⁴ См. письмо от 4 (16) декабря из Рима: «Рядом со мною в нашем доме знаменитый *Стендаль*» [Прил. I].

¹⁹⁵ См. письмо от 16 (28) апреля 1835 г. из Турина [Прил. I].

направо»¹⁹⁶; впрочем, этот факт удостоверен только для 1836 г., и дата переезда Зинаиды на улицу Поли остается неясной¹⁹⁷. Кроме того, мы предполагаем, что оба дворца могли быть в собственности одной и той же дворянской семьи Конти деи Дуки ди Поли: один из дворцов, возможно, был наследством Конти, а другой — Поли; в таком случае более чем объяснимо перемещение из одного дворца в другой, если княгине удалось найти апартаменты, которые больше пришлись ей по вкусу¹⁹⁸.

Это новое объяснение делает более осязаемой гипотезу, выдвинутую в 1952 г. Дж. Виголо, составителем издания сонетов Дж. Белли [Belli], который характеризовал салон княгини Волконской как самый известный и наиболее посещаемый иностранцами. Виголо утверждает, что там Белли познакомился с Гоголем, а также, вероятно, со Стендалем¹⁹⁹. К сожалению, Виголо не приводит каких-либо точных сведений в пользу своего предположения; мы можем только добавить, что княгиня Зинаида была старой знакомой Стендаля, с которым она впервые повстречалась в Милане в 1820 г.²⁰⁰ В 1824 г. он посвятил

¹⁹⁶ Э. Коломби доказала, что княгиня жила в той части дворца, к которой был пристроен фонтан Треви; об этом свидетельствуют приходские журналы расположенной неподалеку церкви Св. Винченцо и Анастасии (где похоронены княгиня, муж и сестра М. А. Власова) [Colombi: 33–38]. Э. Коломби, однако, уточняет, что «семья Волконских в первый раз упоминается в “Церковно-приходской книге” за 1836 г., но верно и то, что “Книга” за 1835 г. прерывается как раз в начале улицы Поли». Поэтому, очевидно, следует обратиться к приходскому журналу церкви Св. Марии-сопра-Минерва, чтобы удостовериться, проживала ли эта семья на пьядца делла Минерва.

¹⁹⁷ Из писем княгини мы знаем, что в 1829–1831 гг. она проживала в «Палаццо Ферруччи, виа Монте Брианцо № 22» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1651. Л. 11–12]. К сожалению, мы не нашли ни одного письма Зинаиды 1833–1835 гг., которое помогло бы нам прояснить эту деталь.

¹⁹⁸ Этому переезду мог также способствовать Белли, который после женитьбы жил в палаццо Поли, поскольку его жена, Мариучча Конти, была родственницей владельцев.

¹⁹⁹ “Un’animazione veramente eccezionale si riscontra nelle feste private. Centro del movimento è la principessa Zenaide Wolkonsky che in casa sua ha organizzato splendide feste da ballo e spettacoli preziosissimi di *vaudevilles* francesi e italiani” [Clementi: 351] («На частных празднествах царит поистине необыкновенное оживление. Центром движения является княгиня Волконская: в своем доме она устраивает великолепные балы и замечательные представления французских и итальянских водевилей» — *франц.*).

²⁰⁰ См. письмо А. Бейля барону де Маресту от 3 марта 1820: “Nous avons eu des bals masqués, dont quatre charmants, toute la bonne compagnie y était; entre autre une princesse russe, M.me Volkonski, femme bien remarquable, point affectée, chantant comme un ange et une

также несколько критических строк одному произведению русской княгини²⁰¹, и это могло послужить убедительным основанием их

voix de contralto, élevant, à la Tracy, un fils qu'elle adore; écrivant passablement en français, elle a fait imprimer des nouvelles. Elle a trente-deux ans, laide, mais d'une laideur aimable et composant de jolie musique. Elle est partie ce matin pour Naples" [Beyle 1933–34: 295] («У нас были балы-маскарады, четыре из них были прелестны, там собралось лучшее общество; среди прочих одна русская княгиня, мадам Волконская, замечательная дама, нисколько не жеманная, она поет ангельским контральто, и воспитывает на манер Траси сына, в котором души не чаёт; она сносно пишет по-французски и опубликовала несколько своих новелл. Ей тридцать два года, она некрасива, но это милая некрасивость, к тому же она сочиняет хорошую музыку. Сегодня утром она отправилась в Неаполь» — франц.).

Из "Gazzetta di Milano" мы узнаем, что княгиня прибыла 11 декабря 1819 г. из Вены и уехала 2 марта 1820 г. в Рим.

²⁰¹ "Tableaux slaves du Ve siècle, par M.me la princesse Volkonsky. Voici encore un effort de vanité sous la forme d'un roman qui s'inspire du succès d'*Ourika* <di C. de Kairsaint, Paris, 1824>. La pruderie des dames de Paris est fort choquée par l'étrange tenue de l'héroïne de ce roman. A la vérité, je suis assez embarrassé pour décrire le costume, ou plutôt le manque de costume de la belle Slavonne. Quoique M.me Volkonsky se pique d'exactitude historique dans son récit, il me semble assez curieux que les Slavonnes, qui n'habitent pas précisément les environs de l'équateur, se soient, même au Ve siècle, passé de couturières au point de vaquer à leurs occupations dans le simple costume d'Eve avant son tête-à-tête avec le serpent. On lit ce roman avec curiosité malgré son extravagance. On y trouve à Paris la confirmation de l'observation de Napoléon: *Ouvrez le jabot bien plissé d'un Russe, et vous trouverez le poil de l'ours*. Si l'on signale cet écrit de M.me Volkonsky, c'est pour la même raison qu'on parle des ouvrages du comte Orloff <Граф Орлов; о нем см. выше>: il n'est extraordinaire que parce qu'on le doit à une plume russe. La Princesse fait de nombreuses citations tirées de l'histoire de Karamzin. Elle s'efforce de démontrer au moyen de soixante-deux notes que les mœurs cannibalesques de ces personnages existaient au Ve siècle" [Beyle 1935: 182–183] («Славянские картины V века, сочинение госпожи княгини Волконской. Вот еще одно усилие тщеславия в форме романа, вдохновленного успехом Урики. Добропорядочные парижские дамы шокированы странным поведением героини этого романа. По правде сказать, я весьма стыжусь описать костюм, а точнее отсутствие костюма у прекрасной Славянки. Хотя мадам Волконская ставит себе в заслугу историческую точность своего сочинения, мне кажется странным, что славянки, обитающие отнюдь не в окрестностях экватора, даже в V веке до такой степени пренебрегали услугами портных, что запросто занимались повседневными делами в costume Евы накануне ее встречи со змеем. Роман читается с интересом, несмотря на его экстравагантность. В Париже мы встречаем подтверждение замечанию Наполеона: снимите с русского накрахмаленное жабо и вы найдете под ним медвежью шкуру. Если мы отмечаем это сочинение мадам Волконской, то по тем же причинам, что и произведения графа Орлова: в нем нет ничего необычного, кроме того, что оно принадлежит перу русского. Княгиня приводит многочисленные цитаты из истории Карамзина. В шестидесяти

дальнейших встреч в Риме; в настоящее время мы, однако, не располагаем иными сведениями о прямых контактах Стендаля и княгини Волконской.

Как можно видеть, знакомство Вяземского с Римом происходило на фоне внутренней борьбы между гнетущим чувством тревоги и радостным ожиданием долгожданной встречи с Вечным городом. Так что он почувствовал облегчение, когда рядом с княгиней смог наконец осуществить свое желание “*respirer librement et chaudement*” <«дышать свободно и воодушевленно» — *франц.*> воздухом Рима или, как он выразился в письме из Ганау, в порыве иронического самобичевания, “*se dégermaniser, ou se dépotme-de-terriser dans le pays wo die Zitronen blühh*”²⁰². Князь по-прежнему дорожил воспоминаниями, которые связывали его с княгиней: в 1825–1828 гг. в России он проводил счастливые часы в салоне Зинаиды, который был тогда “*la première maison de Moscou*” <«первый дом в Москве» — *франц.*>. Вяземский, увлеченный меломан, бывший одним из завсегдатаев у княгини, трудно воспринял ее отъезд: с исчезновением Зинаиды Москва лишилась центра культурной и художественной жизни, о котором многие вспоминали годы спустя²⁰³.

Вдали от Москвы Зинаида Волконская осталась верна собственному художественному вкусу, и ее римский дом вновь превратился в «волшебный замок музыкальной феи», где «ступишь на порог, раздаются созвучия, до чего ни дотронешься, тысяча слов гармонических откликнется. Там стены пели; там мысли, чувства, разговор, движения, все было пение»²⁰⁴. Когда Вяземские прибыли в Рим, они нашли, что она воссоздала прежнюю обстановку, в которой избранные римляне и иностранцы образовали сообщество, сплавленное и объединенное

двух примечаниях она старается доказать, что каннибальские нравы ее персонажей были возможны в V веке — *франц.*).

²⁰² Игра слов: «освободиться от влияния немецкой культуры <буквально: «дегерманизироваться и декартофелизироваться» — *франц.*> в стране, *wo die Zitronen blühh* <«где лимоны цветут» — *нем.*>». См. письмо Вяземского из Ганау от 15 (27) сентября 1834 г. [Прил. I].

²⁰³ См. письмо от 6–7 (18–19) февраля 1833 г. [ОА: III, 218–225].

²⁰⁴ Там же.

общим интересом. Княгиня сразу же озаботилась, чтобы ввести Вяземского в этот круг, о чем мы узнаем из сонета Белли (№ 1412):

Sor Altezza Zzenavida Vorcoschi,
perché llei me vò espone a sti du' rischi
o cche ggnisun cristiano me capischi
o mme capischi troppo e mme conoschi?

La mi' Musa è de casa Miseroschi,
dunque come volete che ffinischi?
Io ggìa lo vedo che ffinisce a ffischi
si la scampo dar zugo de li bboschi.

Artezza mia, nojantri romaneschi
nun zapemo addoprà ttermini truschi,
com'e llei per esempio e 'r zor Viaseschi.

Bbasta, coraggio! e nnaschi quer che nnaschi.
Sia che sse sia, s'abbuschi o nnun z'abbuschi,
finarmente poi semo ommini maschi [Belli: II, 1914]²⁰⁵.

²⁰⁵ «Заботит впрямь их светлость Зинавиду, / Что скажут христиане обо мне? / Вполне поймут ли? Ну а не вполне — / Кивать не будут только лишь для виду? / Что с бедной Музы взять (будь не в обиду / Ей сказано)? И я готов вдвойне / К свисткам и колотушкам по спине / И сетовать не стану на планиду / Мы римляне и с вашим иноземским, / Этрусским не знакомы языком, / Не то что вы с их светлостью Вяземским. / Родится каждый тем, кем он родится. / Пусть освистают, пусть побьют молчком, / Все стерпим — нить мужчинам не годится» (перевод Е. М. Солоновича [Белли: 19–20]).

Белли, датировав сонет 3 января 1835 г., не включил его в корпус своих сонетов, а предварял его следующим предисловием: “Invitato io dalla S.a. Principessa Zenaida Volkonski a un pranzo ov'era commensale il poeta Russo Viasemski, ringrazia, ma recatovimi al levar delle mense fui pregato di far conoscere al Principe un saggio del mio stile romanesco. Per lo che cominciai dai versi seguenti” («Будучи приглашен ее светлостью Княгиней Зинаидой Волконской на обед, где моим сотрапезником был русский поэт Вяземский, я выразил благодарность, а когда я пришел, под конец обеда, меня попросили показать Князю образец моего римского стиля. Посему я начал со следующих строк» — *итал.*).

Присутствие Белли, видимо, может служить подтверждением того, что уже тогда княгиня жила во дворце, где тот занимал «второй [третий] этаж слева» [Colombi: 34]; Э. Коломби же утверждает, что, хотя невозможно определить точно, к какому времени восходит знакомство Белли и Волконской, несомненно, оно состоялось гораздо раньше их совместного проживания во дворце Поли, учитывая дружбу с Якопо Ферретти, который уже в 1830 г. посвятил ей свои «Ироикомиические багатели» с двенадцатью октавами, заканчивавшимися дружески: “Si, non invidierò Monarchi o Dei / Se Zenaide sorride ai versi miei” [Там же: 34–35] («Да, не буду завидовать монархам или богам, / Если Зинаида улыбнется моим стихам» — *итал.*).

Мы не знаем, кто посетил княгиню в тот вечер 3 января, но Вяземский, возможно, мог быть тогда представлен либреттисту Я. Ферретти²⁰⁶, входившему в круг наиболее близких ее друзей²⁰⁷. С 1830 г. Ферретти с женой постоянно посещал дом Зинаиды. Для вечера в честь князя он сочинил длинную оду, заканчивавшуюся хвалебными строками в адрес Вяземского и графа Миньято Риччи²⁰⁸, друга семьи Волконских. Ода не представляет какого-либо литературного интереса: это застольные стихи на случай, сочиненные в напыщенном неоклассическом стиле²⁰⁹. Мы упоминаем о ней только потому, что она является еще одним доказательством той заботы, которую проявляла о князе Зинаида, созвав в свой римский салон всех тех, кто мог бы своим искусством воздать ему почести.

Строки Белли и Ферретти — единственное дошедшее до нас свидетельство о «пиршестве» у княгини; к сожалению, утеряно письмо Вяземского из Рима, написанное 5 (17) января 1834 г.²¹⁰, которое могло

²⁰⁶ Якопо Ферретти (1784–1852), либреттист, друг Дж. Белли. Его либретто были положены на музыку, в частности Россини и Доницетти.

²⁰⁷ Жена Ферретти, Тереза Терциани, происходила «из весьма известной семьи композиторов, и сама тоже была сочинительницей музыки» [Colombi: 35]; Коломби приводит также свидетельство о конфирмации их дочери Кьяры Ферретти, крестной матерью которой была княгиня Волконская [Там же: 36].

²⁰⁸ Миньято Риччи (1792–1877), родом из Флоренции, певец, муж Екатерины Петровны Луниной (1787–1886), певицы и музыкальной исполнительницы. Они обвенчались в Риме в 1817 г. Их московский дом стал самым оживленным центром музыкальной жизни города (см. письмо А. Я. Булгакова брату Константину [Письма А. Булгакова: 571]). В 1828 г. Риччи вернулся в Италию, а после приезда Зинаиды Волконской в конце 1829 г. в Рим жил в доме княгини. В письме князю Волконская настаивала, что Риччи счастлив и спокоен в Риме, поскольку находится далеко от “un triste et mauvais gène” («от печального и страшного сновидения» — *франц.*) [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1651. Л. 11–12]. Княгиня возвращается к той же мысли и в последующих письмах, адресованных Вяземскому [Там же: Л. 13–14]. Риччи занимался также литературной деятельностью и в России перевел несколько стихотворений Пушкина и Державина [Пушкин: XIV, 9–10, 16–19].

²⁰⁹ На автографе стихотворения имеется примечание Ферретти: «Ода, прочитанная на званом обеде в день 3 января 1835 г. у ее светлости княгини Зинаиды Волконской» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 3–4].

²¹⁰ Это письмо, процитированное в томе 31–32 «Литературного наследства» (1937 г., на с. 124), безуспешно разыскивала в Остафьевском архиве Т. Кочеткова. Вероятно, письмо исчезло в ходе преобразования архива; возможно также, что оно находится

содержать другие подробности о вечере в доме Волконской. В любом случае, как мы полагаем, это был не единственный случай, когда Вяземский встречался с друзьями Зинаиды. Живя “*porte à porte*” с княгиней, он имел возможность участвовать в ее вечерах²¹¹, не отходя надолго от комнаты Пашеньки. Поэтому мы считаем вероятным его присутствие вечером 12 января на праздновании русского нового года в ее доме. Зинаида не участвовала в обеде, устроенном в тот же день русской колонией. На нем присутствовали некоторые дипломатические представители²¹², от которых она, приняв католичество, была теперь «официально» далека²¹³. Вяземский тоже решил туда не ходить, потому что они с женой не захотели “*par superstition quitter la pauvre Pauline la veille ni le jour de l’an*”²¹⁴. На втором званом обеде у княгини Белли был снова в числе приглашенных, и на этот раз сочинил сонет в честь Миньято Риччи (№ 1421 [Belli: II, 1929])²¹⁵; княгиня, вероятно, могла настоять, чтобы Вяземский присутствовал, хотя бы ненадолго, и на этом обеде.

в какой-нибудь из многочисленных папок этого богатого фонда, к сожалению, не всегда упорядоченного согласно научным критериям.

²¹¹ Нас не должно удивлять, что Вяземский не говорит об этом в письмах из Рима, однако сыну и сестре было известно о его дружбе с Зинаидой; он знал, что Карамзины не входили в число близких друзей княгини. Кроме того, он тогда не писал другим своим друзьям (даже Тургеневу, потому что ожидал его приезда со дня на день). Он наверняка рассказал бы об этом Булгакову, если бы писал ему, но он этого не делал.

²¹² См. письмо от 5 (17) января 1835 г. [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 26].

²¹³ Отношения Зинаиды с русской дипломатической миссией в Риме оставались хорошими до тех пор, пока ее возглавлял Гагарин, тем более что его жена также была католличкой. Когда же прибыл граф Гурьев, чья жена была весьма высокомерной и хотела безраздельно блистать в обществе, Зинаида отдалась от этого круга и создала альтернативный центр притяжения для русских, живших в Риме.

²¹⁴ «Из суеверия оставить бедную Полину накануне или в день нового года» — *франц.* См. цитированное выше письмо от 5 (17) января 1835 г. Только старшая дочь Вяземского присутствовала на этом обеде.

²¹⁵ Стихотворение датировано 13 января 1835 г. со следующим вступлением: “*Scritto a richiesta della P.ssa Zenaide Volskonski per presentarsi da lei al Cav. Miniato Ricci la notte dal 12 al 13 gennaio, nell’ingresso cioè dell’anno russo, vecchio stile*” («Написано по просьбе княгини Зинаиды Волконской, чтобы быть представленным у нее кавалеру Миньято Риччи, в ночь с 12 на 13 января, то есть по вступлению русского нового года, по старому стилю» — *итал.*).

В другой раз княгиня Зинаида с помощью графини Потоцкой²¹⁶ развлекала в доме Вяземских своим бельканто больную Пашеньку в ее день рождения 5 марта. Чтобы отметить его, в печальном предчувствии неминуемой смерти, родители пригласили всех своих русских друзей; среди них был и художник Бруни²¹⁷, находившийся тогда под покровительством Зинаиды, ему князь заказал портрет Пашеньки.

²¹⁶ Мария Александровна Потоцкая (1806–1845), урожденная Салтыкова, жена Болеслава Станиславовича Потоцкого (1805–1893), известная в кругу друзей как Бобо, вызывала восхищение Вяземского с того момента, когда он первый раз встретил ее в 1831 г. в Петербурге [Звенья: IX, 285]. Она была невероятно хороша собой, и Дарья Фикельмон писала о ней: “Deux femmes agréables sont la C.sse Boléslas Potocky et sa soeur la P.sse Elis Dolgorouky. Madame Boleslas Potocky est fort jolie, charmante vue de face, moins bien, presque laide en profil, mais de petits yeux brillants et doux, une jolie tournure, une toilette très soignée; des manières agréables, de la conversation, mais avec une voix un peu trop lente et trop uniforme” («Две приятные дамы — графиня, жена Болеслава Потоцкого и ее сестра, княгиня Элиза Долгорукая. Мадам Болеслав Потоцкий очень красива, очаровательна анфас, не так хорошо, даже почти уродливо смотрится в профиль, но у нее блестящие и нежные глазки, она хорошо сложена и одета с большим тщанием; она имеет приятные манеры и умение вести беседу, но голос слишком медленный и монотонный» — *франц.*). Год спустя Дарья Фикельмон критиковала поведение Потоцких во время польского восстания: “Boleslas, me fait pitié; il a dans Varsovie un frère et une partie de sa famille; il est bien polonais et dans ce moment où des millions de ses compatriotes gémissent, où son pays est frappé des plus affreux malheurs, où cette brillante nation cesse, pour ainsi dire, d'exister, où d'y penser seulement on a le coeur meurtri, il se croit obligé de faire de sa maison une maison de fêtes et de plaisirs... La comtesse Marie, qui <est> jolie comme un petit tableau de Châtelain, me fait toujours l'impression d'être préparée pour un événement quelconque; je ne puis me la représenter dans son jour naturel” («Болеслава мне жаль, в Варшаве у него брат и часть семьи; он подлинный поляк, и в нынешнее время, когда миллионы его соотечественников стонут, когда на его страну обрушиваются самые ужасные несчастья, когда эта блестящая нация, так сказать, прекращает существование, когда при одной мысли об этом болит сердце, он считает себя обязанным превращать свой дом в дом праздников и удовольствий... Графиня Мария, прелестная как картина Шатлена, всегда кажется готовой к какому-то торжеству, не могу представить ее себе в обычной жизни» — *франц.*; см. записи от 18 декабря 1830 г. и от 14 сентября 1831 г.). 7 декабря 1830 г. графиня Дарья писала Вяземскому: “Il y a une très jolie femme ici Madame Boléslas Potocky, à laquelle vous feriez sans doute la cour” [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2939. Л. 4] («Здесь находится одна очаровательная дама, мадам Болеслав Потоцкий, за которой вы наверняка станете ухаживать» — *франц.*). Из писем Тургенева из Италии также известно, что Потоцкая пользовалась большим успехом, но часто бывала больна [ОА: III, 261].

²¹⁷ Федор Антонович Бруни (1799–1875) — известный русский художник итальянского происхождения, неоднократно писал портреты Зинаиды Волконской, и некоторые из этих картин сейчас находятся во владении барона [Б. К.] Леммерманна в Риме.

Нам хотелось бы добавить, что дружеские отношения, связывавшие Вяземского и княгиню, не ограничивались только застольными встречами. Волконская, несомненно, отвезла друга на свою виллу за Порта Сан-Джованни, чтобы показать ему «Аллею Воспоминаний», где был воздвигнут монумент в память обо всех, кто повлиял на нее как на женщину, художницу и певицу. С бельведера виллы можно было любоваться в телескоп окрестностями Рима с его замками и белой Тиволи²¹⁸. В письмах, которые Зинаида писала князю в 1829–1832 гг., приглашая его приехать в Рим, она обещала стать его гидом по Вечному городу [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1651. Л. 11, 15], и вполне возможно, что она сопровождала его несколько раз; все старались, как могли, вывести князя из мучительного подавленного состояния.

Несмотря на душевные страдания и, как следствие, гнетущую скуку²¹⁹, Вяземский посещал в Риме русскую колонию и римский бомонд. Через несколько дней после приезда в Рим сестры Карамзины сопровождали его на обеде у Давыдовых²²⁰, где он познакомился с группой соотечественников, образовавших в ту зиму русскую колонию в Риме: с молодым Скарятиным²²¹, секретарем миссии

²¹⁸ “Le lendemain, Mardi (3 февраля), j’étais engagée, par grande faveur, à diner chez la P.esse Volkonsky... Elle m’a menée dans sa Villa, où nous avons vu le coucher du soleil sur les montagnes, du haut d’un Belvédère, dont la vue est magnifique. Un grand télescope y est placé, et l’on distingue parfaitement tous les environs de Rome parsemés de ruines, de châteaux et de jardins. Tivoli surtout était délicieux, un grand bois moitié vert clair et moitié noir, et dans le fond des montagnes grises, violettes, et leurs sommets couronnés d’une neige qui paraissait rosée” [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 25] («На следующий день, во вторник (3 февраля), я была любезно приглашена на ужин к княгине Волконской. Она привезла меня на свою Виллу, где с высоты Бельведера, откуда открывается великолепный вид, мы наблюдали, как солнце садится на горы. Там установлен большой телескоп и идеально видны окрестности Рима, с рассеянными тут и там руинами, дворцами и садами. Особенно хорош был Тиволи, огромный лес, наполовину светло-зеленый, наполовину черный, а за ними горы — серые и лиловые, увенчанные снежными пиками, словно подкрашенными розовым» — *франц.*).

²¹⁹ См. письмо от 14 (26) января 1835 г. из Рима [Прил. I].

²²⁰ Возможно, генерал-майор Лев Васильевич Давыдов (1792–1848), младший брат Дениса Давыдова, и его жена Анна Васильевна, урожденная Лихачевская (1802–1853).

²²¹ Федор Яковлевич Скарятин (1806–1835), один из основателей школы искусств в Москве и ее вдохновитель. По мнению М. Ф. Орлова (1788–1842), он был чрезвычайно одаренной творческой личностью, поскольку «отличался зрелостью и чрезвычайно способностями и был поэтом по силе воображения» [МН 1835: II, 171–172].

Кривцовым²²², с семьей Ферзен²²³, пожилой госпожой Рахмановой²²⁴, сестрой последней княгиней Елизаветой Салтыковой²²⁵, княгиней Трубецкой²²⁶, сестрами Голицыными, одна из которых была замужем

Он приехал в Рим раньше Вяземского, чтобы совершенствоваться в искусстве; он был доброго нрава и всеми любим, а Е. Н. Мещерская писала о нем 13 (25) декабря 1834 г. из Рима: “Notre ami M.r Skariatine se multiplie entre tous ses compatriotes et possède les bonnes grâces de toutes, car il est joli garçon, original et visiblement aimable” [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 16] («Наш друг господин Скарятин бывает у всех соотечественников и пользуется всеобщей благосклонностью, потому что он красивый юноша, оригинальный и милостивый» — *франц.*). Софья говорила: “Nous voyons quelquefois ici M.r Scariatine, le veuf, qui est fort intéressant, pâle, artiste, ayant de l’esprit et des yeux noirs...” («Иногда мы видим господина Скарятин, вдовца, он очень интересный, — бледный, художник, у него острый ум и черные глаза...» — *франц.*) [Там же: Ед. хр. 59. Л. 12]. Тургенев писал 14 (26) августа 1833 из Женевы, что жалеет бедного Скарятин, потерявшего жену, и что надеется встретить его в Италии [АБТ: 303]. Скарятин был женат на Е. П. Озеровой (1807–1833); в ту зиму он оставил Рим и отправился во Флоренцию, где умер 11 апреля 1835, предположительно от грудной болезни, поскольку сестры Карамзины настойчиво говорили прежде всего о его бледности [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 14]. См. также письмо Вяземского из Флоренции от 12 (24) апреля 1835 [Прил. I]. Вяземский на обратном пути успел принять участие в отпевании, состоявшемся во Флоренции [ЗК: 230]. Молодой художник был похоронен в Ливорно, так как родственники намеревались впоследствии перевезти его прах морем на родину. Соответствующее прошение было подано 6 июля 1835 г. поверенным в делах во Флоренции Кокоскиным, а 10 июля пришло разрешение от министерства иностранных дел Великого герцогства (см. Государственный архив Флоренции [ASF: Dip. Estero, 1835, prot. 249, m. 2; prot. 251, m. 10]). Д. Фикельмон познакомилась со Скарятиним в Петербурге: “Skariatine a quelque chose de doux et de mélancolique dans le regard” («У Скарятин взгляд нежный и меланхолический» — *франц.*) (см. ее дневниковую запись от 22 июля 1829 г.).

²²² Павел Иванович Кривцов (1806–1844). Он воспитывался в Швейцарии; в описываемые годы был секретарем посольства, а позже руководителем русских художников в Риме. Был женат на Е. Н. Репниной (1817–1855).

²²³ Ферзены были графами шведского происхождения, а П. К. Ферзен с 1839 по 1855 г. был придворным высокого ранга. Одна из ветвей семьи породнилась с Голицыными. См. об этом ниже.

²²⁴ Екатерина Аполлоновна Волкова, дочь А. А. Волкова и жена Г. Н. Рахманова, с 1821 по 1827 г. бывшего сенатором (см. ниже).

²²⁵ Елизавета Павловна Салтыкова (1802–1863), урожденная Строганова, дочь генерала П. А. Строганова (1772–1817), высокопоставленного правительственного чиновника во времена Александра I; ее мужем был князь И. Д. Салтыков (ум. в 1831 г.).

²²⁶ Вероятно, речь идет о Людвиге Валентиновне Трубецкой (1792–1881, урожд. Ludwika Rosciszewska), жене Александра Петровича Трубецкого (1792–1853).

за маркизом Терци²²⁷, а другая за графом де Комон²²⁸; баронессой Меллер²²⁹, а также с несколькими посетителями, которые были там проездом: уже упоминавшимся князем С. Голицыным с племянником, двумя братьями Мухановыми²³⁰, бароном Розеном²³¹ и неким Хвоцинским²³². Двумя днями позже он был на музыкальном вечере у графов Гурьевых²³³, толпа там была такая, что трудно было протиснуться к хозяйке дома [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 15]. Последняя

²²⁷ Елизавета Михайловна Терци (1790–1861), урожденная Голицына, дочь Михаила Андреевича (1765–1812) и П. А. Шуваловой (1767–1828); была женой маркиза Джузеппе Терци (1790–1819). Братья Пьетро и Джузеппе Терци в 1812 г. отправились в Россию в составе наполеоновских войск и были оба ранены: Пьетро смертельно под Смоленском, а Джузеппе — в Вильне, где его подобрала и выносили монахи-доминиканцы. При посредничестве местного губернатора он переехал в Петербург, где вскоре стал посещать семью Голицыных. Свадьба состоялась в 1814 г., после чего они вместе вернулись в Бергамо. Сын Луиджи женился на кузине Марии Костанце Комон де ла Форс, и у них было шестеро детей, чьи потомки живут ныне в Бергамо.

²²⁸ Екатерина Михайловна Голицына (1798–1847) была женой графа Франсуа Эдмонда Номпара де Комона, герцога де ла Форса (1794–1832). По некоторым источникам граф служил атташе французского посольства в Риме. Овдовевшая маркиза Терци провела там много месяцев, чтобы быть рядом с сестрой.

²²⁹ Возможно, жена барона А. П. Меллер-Закомельского (1811–1862). Помимо этих дам, сестры Карамзины упоминали также баронессу Мольтке, г-жу Корневскую (это семейство происходило из юго-западной России) — так же, как и семья Тарановских.

²³⁰ Возможно, речь идет о Павле Александровиче Муханове (1798–1871), историке России и высокопоставленном чиновнике, и о его двоюродном брате, поскольку единственный родной брат был сослан в Сибирь.

²³¹ Барон Егор Федорович Розен (1800–1860), литератор, знаток классической древности. В 1835 г. стал секретарем великого князя Александра Николаевича и в 1838–1839 гг. путешествовал с ним за границей. В 1840 г. оставил должность по состоянию здоровья и посвятил себя литературным занятиям.

²³² Возможно, А. П. Хвоцинский, о котором речь шла выше (см. гл. III); однако указание слишком расплывчато, чтобы понять, о ком идет речь.

²³³ См. письмо от 4 (16) декабря 1834 г. из Рима [Прил. I]. Н. Д. Гурьев (1789–1849), полковник, позже дипломат; с 1825 по 1832 гг. посол в Гааге, с 1832 по 1837 гг. — в Риме, с 1838 г. — в Неаполе. Был женат на Марине Дмитриевне (1798–1871), урожденной Нарышкиной. Роскошь, окружавшая графа Гурьева, была настолько сказочной, что Стендаль писал 29 октября 1832 г. графу Салваньи во Флоренцию: «Ce qui nous occupe aujourd'hui c'est l'arrivée de M. de Gourieff, Ministre de Russie, lequel fait venir de Rotterdam trois cent quarante colis de belles choses pour tenir maison. Voilà du luxe!» («Сегодня мы все заняты прибытием господина Гурьева, русского министра, который из Роттердама пересылает триста сорок баулов с вещами, чтобы обставить дом. Вот где роскошь!» — *франц.*) [Weyle 1933–34: 30].

славилась своей красотой и элегантностью, хотя, возможно, несколько холодной, ибо князь признавался, что «еще не проникнут этим слухом»²³⁴. На следующий день настал черед «нашего петербургского Лудольфа»²³⁵. Оба занимают прекрасные дворцы»²³⁶.

Вяземский и его племянницы были представлены Гурьевым и принцессе Боргезе²³⁷, которая пригласила их на прием в свой римский дворец, “qui est pour les étrangers la terre promise que l’on voit toujours et où l’on n’arrive jamais”²³⁸ [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 18]. Эта земля обетованная оказалась для них при первом контакте ледяной, как Сибирь — вся русская колония внезапно обнаружила себя в одном салоне и предоставленной самой себе — и, кажется, Вяземскому и здесь не удалось завоевать сердце прекрасной римской дамы²³⁹. Позднее, однако, он сдружился с дочерью принцессы Боргезе, мадам де Мортемар²⁴⁰,

²³⁴ См. письмо от 4 (16) декабря 1834 г. из Рима [Прил. I].

²³⁵ Джузеппе Костантино Лудольф (1787–1875), неаполитанский дипломат, служил атташе в неаполитанском посольстве в России, а после оккупации Неаполя сражался вместе с русским войском против французов; после Реставрации был вновь принят на дипломатическую службу и направлен в Россию, а позже, с 1832 по 1848 гг., — в Рим. Вяземский посвятил жене Лудольфа К. В. Штакельберг (умерла в 1868 г.) стихотворение «Графине Лудольф перед отъездом» [ПСС: IV, 78].

²³⁶ См. письмо из Рима от 4 (16) декабря 1834 [Прил. I].

²³⁷ Франческо Боргезе (1776–1838), младший брат Камилло, в 1809 г. женился на А. М. де Ла Рошфуко (1793–1877). По мнению Е. Н. Мещерской, княгиня Боргезе была “la grande Dame par excellence de Rome” [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 15] («самая знаменитая римская гранд-дама» — франц.).

²³⁸ «Для иностранцев это земля обетованная, которую всегда видишь перед собой, но не можешь достичь» — франц.

²³⁹ См. мнение С. Н. Карамзиной: “Même Wiasemsky désespère de s’y faire remarquer ou écouter d’aucune belle” [Там же] («Даже Вяземскому не удастся обратить на себя внимание или увлечь разговором какую-нибудь красавицу» — франц.).

²⁴⁰ М. А. де Мортемар (1812–1838), жена А. Х. Виктурьен де Рошшуара, маркиза де Мортемара (1806–1885), брата герцога Казимира (1787–1875), бывшего послом Франции в России. Тургенев писал годом ранее о знакомстве с «любезной и умной княгиней Боргезе», как и с ее дочерью, «*M-me Mortemart*, женою бывшего у нас волонтером» [АБТ: 370]. До самой смерти мадам де Мортемар ее имя часто встречается в переписке двух друзей: Тургенев сообщает Вяземскому, что встретил Мортемар во французской столице [ОА: III, 267], Вяземский справляется о Мортемар [Там же: 271], Тургенев пишет, что она, возможно, прибыла на море [Там же: 273, 276], Вяземский снова справляется о Мортемар [Там же: 292, 297, 299, 300] и называет ее «римской красавицей» [Там же: 314, 316], вновь просит передать от него привет [Там же: IV, 24, 50, 52]. Вяземский с большой тревогой спрашивает о здоровье мадам де Мортемар, а в последнем письме

ставшей для князя и его домашних настоящей опорой в самые трудные моменты тех римских месяцев²⁴¹.

Во дни карнавала все присутствовали на грандиозном балу у маркизы Энглси²⁴², а потом на еще одном балу у графини Чини [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 24], и по этому случаю познакомились с другими потомками знатных римских семей — Орсини, дель Драго, с графиней Сомалья и маркизой Капраника [Там же: Л. 17]. Несмотря на заверение князя, что «с римлянами нечего много знакомиться», тем более что «римлянки по большей части худо говорят по-французски», и что их рауты «как и петербургские: толкотня, мороженое и пустословие»²⁴³, ему довелось познакомиться со многими представителями этого светского общества. В Вечном городе общество имело, однако, некоторые особенные черты:

Странно нашему брату, видеть прелата в ложе. Еще страннее встречать военного министра в сутане. Петербургское гвардейское народонаселение отвечает здесь разномундирным попам, а в салонах *Monsignori*²⁴⁴ то, что наши генералы и флигель-адъютанты. Впрочем, по моему мнению здешнее общество есть точно *la campagne désolée de Rome* <унылая римская деревня — *франц.*>: так и обдаёт пустынею и унынием развалин.

Старожилы говорят, что это действие первого впечатления, но что после, когда обживешься, то все это заговорит, пока непонятною, жизнью. Может быть! Но и то правда, что убранство европейского общежития не к лицу Риму и здесь не нужно. У Вас здесь есть открытые дома: Колизей, Пантеон, храм св. Петра, есть свои праздники: солнечный день, лунная

Тургенев сообщает, что больше не осталось никакой надежды: она скончалась в декабре 1838 г. Мы все же почти уверены, что Вяземский еще раз увиделся с ней незадолго до ее смерти в Париже осенью 1838 г.

²⁴¹ В Остафьевском архиве находятся письма мадам де Мортемар Вяземскому [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2349]. Первое из этих писем ясно показывает, как она была близка Вяземскому в момент смерти Пашеньки. В связи с этим логично предположить, что в архиве семьи Мортемар в Париже могут находиться письма Вяземского, адресованные этой даме.

²⁴² Вероятно, леди Педжет, маркиза Энглси [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 24]. Помимо этого, Потоцкая приглашала Вяземского на музыкальный вечер в доме Энглси [Там же: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2587. Л. 25], письмо без даты.

²⁴³ См. письмо из Рима от 4 (16) декабря 1834 [Прил. I].

²⁴⁴ Е. Н. Мещерская говорила о монсиньоре Проспери, часто посещавшем их дом [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 16].

ночь, есть свои говоруны и краснобаи вековечные: разбросанные развалины, есть свои заманчивые красавицы: статуи и картины; есть свои городские вести, дневные сплетни: соблазнительная хроника Неронов, Мариев, а если вы очень любопытны, то можете по горячим следам добраться до Ромула. Здесь до рождества Христова и по рождестве Христовом то, что в другой столице: третьего дня и вчера. *Сегодня* есть только слово несколько пустое, а *завтра* не имеет смысла, ибо здесь время не идет, а стоит и *завтра* есть *вчера*, помните, не *сегодня*, потому что *сегодня* одна условная математическая точка, не имеющая ни пространства, ни образа²⁴⁵.

Несмотря на эти философские наблюдения, он предпочитал посещать тот римский круг, который рекомендовал ему Тургенев: «Познакомься с Гор<ацием> Верне²⁴⁶, для дочери, которой поклонись от меня; <...> и в салоне их найдешь весь зимний римский мир»²⁴⁷.

Салон Верне был более камерным, и князь мог там проводить “en petit comité” <«в небольшой компании» — *франц.*> “soirées causantes” <«вечера светских бесед» — *франц.*>, которым всегда отдавал предпочтение²⁴⁸.

²⁴⁵ См. письмо из Рима от 4 (16) декабря 1834 [Прил. I].

²⁴⁶ Орас Верне (1789–1863) много лет прожил в Вечном городе, а в 1828 г. был назначен директором Французской академии в Риме. Тургенев встречался с Верне и позже, в Париже: «Недавно был я в концерте Берю с Lagoche и оттуда к Верне на чай; пили и о тебе вспоминали. Возвращусь и завтра: у дочери — субботы, у матери — воскресенья» (письмо 1838 г. [ОА: IV, 58]). В том же году Вяземский пишет из Парижа родственникам в Россию, что Верне дал ему письмо для одного из королевских архитекторов; князь получил таким образом возможность «хоть бегло» посетить Версальский замок в тот день, когда он был закрыт для публики [Вяземский 1937: 126]. Помимо этого, Вяземский посвятил памяти О. Верне стихотворение «Борметты (Les Bormettes, дача Гораса Вернета близ Гиера)», написанное в 1865 г. по случаю посещения деревенского дома художника [ПСС: XII, 203–205]. Йер (Yierres) — местность в департаменте Сена и Уаза (Seine et Oise), в двадцати двух километрах от Парижа.

²⁴⁷ См. письмо от 23 октября (4 ноября) 1834 г. [ОА: III, 261]. Дочь Верне 5 декабря 1834 г. вышла замуж за художника П. Делароша (1797–1856). Тургенев писал из Рима в 1833 г.: «Как ни славится он своим талантом, но лучшее произведение его есть его 18-летняя дочь: мила, любезна и хороша» [АБТ: 137]. Князь сохранил в своем альбоме три записки, написанные рукой Верне, которые тот посылал ему в 1842–1843 гг. во время своего пребывания в Петербурге; в третьем послании художник извещал князя о своей обеспокоенности здоровьем дочери и о своем немедленном отъезде из русской столицы [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5083. Л. 31, 33, 37]; факсимиле одной из этих записок было опубликовано В. С. Нечаевой [Вяземский 1937: 127]. Дочь Верне действительно умерла через несколько недель после возвращения отца на родину.

²⁴⁸ См. письмо без даты, примечание от 22 декабря 1834 (3 января 1835) [Прил. I].

Семья Верне также поддерживала дружеские отношения с Зинаидой Волконской, в особенности дочь Верне, мадам Ларош, которая прекрасно музицировала и почти наверняка принимала участие в музыкальных вечерах в доме княгини²⁴⁹.

Ради старшей дочери Вяземский был вынужден последовать еще одному совету, данному ему Тургеневым: «Когда будешь в Риме, то старайся взять в банкиры Валентини: он честный и добрый <...> Отнюдь не бери Торлония и не пересылай через него и не веди к себе адресовать через него писем: дорог бессовестно. Пользуйся его балами, но не конторой» [ОА: III, 260].

Мы знаем из писем сестер Карамзиных, что князь неоднократно принимал приглашения «короля Рима»²⁵⁰, возможно, не сохранив об этом никакого особенного воспоминания; во всяком случае, в известных нам письмах он ничего не говорит об этом.

В Риме у князя возникла стойкая антипатия к английским туристам, которые по-хозяйски вели себя в Вечном городе: даже сторож Колизея исчезал в тот момент, когда «ни он, ни луна» не ожидали англичан²⁵¹. Поведение англичан оказалось особенно невыносимым у австрийского посла Лютцова²⁵², на одном из самых блестящих балов сезона:

²⁴⁹ См. письмо от 16 (28) апреля 1835 из Турина, в котором Вяземский советует жене обратиться к Зинаиде, чтобы получить ноты, которые они давали «мадам Ларош» [Прил. I].

²⁵⁰ “Quand il reçoit chez lui c’est tout le monde sans distinction de rang ni de mode; les portes de son magnifique palais s’ouvrent indifféremment à la foule des étrangers et des Romains”, — писала С. Карамзина [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 23] («Если он принимает у себя, то всех, без различия в чине и положении: двери его великолепного палатца открыты без различий для иностранной и римской толпы» — *франц.*). Тургенев же оставляет не слишком одобрительные воспоминания о приемах у герцога Торлония: «У богача Торлония блюда холодны, как его прелестные мраморы и мозаичные полы» (письмо от 12 (24) декабря 1832 [АБТ: 127]).

²⁵¹ См. письмо Вяземского от 14 (26) января 1835 г. [Прил. I]. В 1863 г. в Венеции князь написал стихотворение, из которого очевидно, что его нетерпимость к англичанам осталась прежней: «На Canal grande леди, миссы / Слетелись, будто саранча <...> Плы- вут; в руке их книга, очи / Прикованы к ее листкам, / Читают все изо всей мочи — / И не глядят по сторонам» [ПСС: XII, 28]. В письме от 14 (26) октября 1834 г. из Ганау он также демонстрирует свою нетерпимость по отношению к английским туристам, встреченным им на Рейне.

²⁵² Рудольф фон Лютцов (1780–1858), граф, дипломат; служил с 1804 г. в Мюнхене, Штутгарте, Копенгагене, Константинополе, Турине; с 1827 по 1848 гг. состоял послом в Риме.

Машенька продержала меня вчера на бале у австрийского посла до пятого часа утра. Я никого не знаю и никого знать не хочу²⁵³; брожу как тень бесприютная в этой итальянской дичи и в этом мачтовом лесе англичан и англичанок, которые завладели Римом и молчу так, что язык присохнет. Хорош был бы Рим, если очистить его от римлян и англичанок, а от них густеет благорастворенный воздух и коптится голубое небо. Вчера один из этих англичан подошел к хозяину графу Лютцову и требовал от него кавалера для дочери своей, а Г[раф] Лютцов ни его, ни ее не знал. Умора видеть, как эти заморские чудачки ходят взад и вперед по залам под ручку попарно. Римлян в обществе почти вовсе не видать: их можно счесть единицами, а англичан дюжинами, с тринадцатым в придачу даром²⁵⁴.

Уже через месяц после прибытия в Вечный город римские салоны казались князю весьма скучными; допускаем, что такое неприятие в значительной степени могло быть вызвано его *скукой*, но он сам был убежден, что и в добром состоянии духа его мнение не изменилось бы:

Нет никакой жизни, никакой общей связи, нет ни внутренней теплоты, ни наружного блеска, разговора никакого, даже и о впечатлениях неба, искусств, драгоценностей древности, потому что Рим именно тем чем он Рим для римлян не существует, так глубоко их невежество и усыпление, а солнце нужно им только как грелка, чтобы заменить жаровни, которыми они отапливают комнаты. Сбережение угольев и только. Феб для них не бог света, а дешевый истопник. Правда, что солнце могло и приглядеться им и чувство наслаждения притупиться²⁵⁵.

Князь, впрочем, не удовлетворился этим пессимистическим умозаключением и старался проникнуть и в простонародную среду, чтобы понять социальное устройство этого необыкновенного мира. Мы знаем, например, что ему нравилось подолгу бродить по римским улицам, куда он выходил подышать свежим воздухом²⁵⁶; вероятно, во

²⁵³ Конечно, это заявление князя, вызванное состоянием его духа в тот момент, когда он был удручен состоянием больной дочери, не следует принимать буквально.

²⁵⁴ См. письмо от 14 (26) января 1835 г. из Рима [Прил. I].

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ “Mon oncle qui ne sort que pour prendre l’air a tardé comme de coutume” («Мой дядя, который здесь выходит обыкновенно только подышать воздухом, опоздал как обычно» — *франц.*), — писала С. Карамзина в первый день нового года, когда они отправились на обед к Вяземским [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 26]. См. также стихотворение «Сумерки», в котором князь описывает свою любовь к пешим прогулкам

время этих прогулок он проникал в самое сердце старого Рима. Вокруг Пантеона, в тесных переулках, зажатых двумя рядами старинных дворцов, он вдыхал особую атмосферу Вечного города, которую рождало смешение художественной красоты и пейзажа, мягкого климата и врожденной непосредственности местного населения. Князю выпала, наконец, возможность оценить особый характер этого народа:

...Проходили жандармы, попы, никто не мешался в это постороннее дело. Площадь обставлена была зрителями, никто не думал унять драку. К стыду своему признаюсь, что и я оставался, если не бесстрастным, то, по крайней мере, бездейственным зрителем, но не зная языка достаточно, чтобы усостыжить и убедить толпу даром слов, мне нужно было бы объясняться общим ручным и кулачным языком, на который отвечали бы мне *мостовым языком*, как Карлу X, и разговор вышел бы неравен. Наконец, на место сражения пришла мать несчастного мальчишки, поколотила его несколько со своей стороны и отослала так к лекарю. Чтобы образовать понятие свое о римской черни, впрочем, и не одной черни, но отчасти и о среднем состоянии, должно изучать ее в детском возрасте. Есть точно что-то дикое в этом племени, кочующем на улицах: они или дерутся, или просят милостыню, или всенародно под крышею неба пакосят памятники, здания, фонтаны, все куда присесть можно [Прил. I]²⁵⁷.

При чтении этих строк на ум приходят сьора Чечилия, сьора Грация, сьора Сусанна рассказа Гоголя «Рим»: переговариваясь с разных концов переулка, они оповещали о своих личных делах всех соседей. Как и Гоголь, Вяземский почувствовал очарование этой стороны южной жизни и, в отличие от многих других туристов, предпочитал спонтанную живость и добросердечие искусственной рафинированности парижского света²⁵⁸. Его отрицательная оценка относилась прежде всего к высшему сословию:

в деревне перед наступлением вечера: тогда он слушает, как угасает полный заботами день, и как наступает особенно глубокая тишина, приглашающая человека к размышлению [ПСС: IV, 323–324].

²⁵⁷ Письмо сохранилось в неполном виде и без даты; последнее дополнение было внесено 22 декабря 1834 г. (3 января 1835 г.).

²⁵⁸ Во время своего первого путешествия в Париж в 1838 г. он сразу заявил о разочаровании в нем, признаваясь, что после Рима какой-либо другой город может нравиться с трудом [Вяземский 1937: 120–124]. А. И. Тургенев также утверждал, что никакое веселье не сравнится с римским народным гуляньем [ОА: IV, 8].

Впрочем, полагаю, что это ничтожество господствует только в высшем классе, но в *mezzo ceto*, то есть в верхнем среднем состоянии, есть более движений умственной жизни, сколько удалось мне заметить, по крайней мере, более общезнания и веселости, коей отсутствие в вершинах общества не есть признак какой-нибудь зрелости, или *крепкой думы*, а просто тупости [Прил. I].

Исключительная витальность римского народа должна была в полной мере раскрыться перед князем во время карнавала, и, несмотря на крайнюю подавленность в те дни, он не сумел противостоять всеобщему сумасшествию, которое мог понять только тот, кто сам в нем участвовал. Он чувствовал себя вовлеченным вместе с людской массой в «извержение римской веселости», которое подвигло его на создание одного из лучших пассажей его эпистолярного наследия:

Вообрази себе все народонаселение, которое объелось дурману, с утра нарядится в шутовское платье, нахлынет в одну улицу, скачет, воеет, ревет, визжит, кидает шарики из печеной муки и таким образом проводит целую неделю. Нельзя выйти на улицу без маски вроде тех, которые употребляют в фехтовании, потому что прохожие, проезжающие, сидячие с мостовой, из карет, из окошек, с балконов так закидают этими конфетками, что изобьют лицо, и того смотри, ослепят, или окривят, особенно когда носишь очки²⁵⁹.

Всеобщим азартом охвачен не только простой народ, «все разряды общества, мужчины и дамы, старые и малые», и для того чтобы дать определение этому гармоничному слиянию всего общества, о недостатках которого он так сожалел ранее, князю пришлось прибегнуть к сравнению с музыкой: «все настроены на один лад»²⁶⁰; подобное выражение для Вяземского было самой высокой оценкой, которую он мог дать формам человеческого самовыражения.

Несмотря на обаяние веселья, он не мог не отметить, что поначалу такое поведение людей из народа казалось бесцеремонным, ведь приходилось смиряться с тем, что «каждый мальчишка, каждый незнакомец может позволить себе подбежать к тебе прямо под нос и кинуть в лицо целую горсть какой-то дряни, так, что не пройдешь ста шагов

²⁵⁹ См. письмо от 21 февраля (5 марта) 1835 из Рима [Прил. I].

²⁶⁰ Там же.

и очутишься настоящим мельником, шляпа, платье, коляска, всё в муке»²⁶¹.

Из-за своего особого душевного состояния Вяземский сначала несколько противился духу веселья, которое навязывала ему толпа, но потом почувствовал, что в этом есть «что-то заразительное»: иностранцы впадали в неистовство не меньше, чем коренные римляне. Правда, князю казалось, что и здесь англичане излишне веселились, что он не преминул мимоходом подчеркнуть.

Наконец он познакомился с народным праздником, отличавшимся сдержанностью и простотой, безо всякой разнузданности, где не случалось ни малейших потасовок, а полиции не составляло труда контролировать толпу. Когда ближе к вечеру подавали сигнал заканчивать, потому что наступал час скачек²⁶², вопящая масса народа превращалась во внимательных зрителей, думавших только о том, чтобы подбодрить лошадей-фаворитов. Князь был удивлен тем, что «десять минут спустя на улице уж нет следов *белой горячки*, <...> которая тут бушевала»²⁶³, и подчеркивал уникальность этого действия:

...то, что происходит в Риме от третьего до шестого часа, того не поймете вы и воображением, того не постигнул бы и Данте, если вместо Ада захотел он создать желтый дом. Более всего замечательна здесь общая детская, так сказать, *животная* веселость, которая в назначенный день, в назначенный час и до какого-то часа обдаёт угаром все народонаселение города. В этой веселости нет ничего замысловатого, нет никакой задней мысли: просто народ взбесится, как бесятся дети и жеребята. В масках нет почти никогда карикатуры на общество, на нравы, не говоря уже о политических намеках, которые здесь не были бы позволены²⁶⁴.

Вяземский считал, что народ в таких случаях «раскален южным солнцем», и вспоминал о развлечениях прошлого, когда подобная толпа потешалась зрелищем схватки кровожадных зверей с христианскими мучениками: а ныне все эти люди казались невинными школьниками,

²⁶¹ См. письмо от 21 февраля (5 марта) 1835 из Рима [Прил. I].

²⁶² См. билет на скачки от 26 февраля 1835 г. [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 40].

²⁶³ См. письмо от 21 февраля (5 марта) 1835 г. из Рима [Прил. I].

²⁶⁴ Там же.

готовыми по случаю карнавала поставить «верх дном вековечный Рим со всеми его вековечностями...»²⁶⁵.

Здесь он проводит параллель между римским весельем и забавами русского народа:

Зрелище русских в залах Зимнего дворца в первый день января²⁶⁶, конечно, очень любопытно стройностью, или, лучше сказать, неподвижностью своею: но тут вы видите Каспийское море, которое затянуло льдом, и объясняете себе сей феномен законами природы и местоположением. Здесь напротив это поток кипящей лавы, которая предписала себе границы, которая могла бы затопить всю страну и вместо того ребячески забавляется тем, что вспрыскивает платья прохожих и пачкает лица их. В доказательство, что все это делается чинно, и как будто должное, следует прибавить к этой картине церемониальный проезд прелата-губернатора римского и единственного римского сенатора в парадных каретах сквозь эту шутовскую толпу и за ними французского посла, который один из всего дипломатического корпуса пользуется правом проехаться в мундире рядом с арлекинами и другими скоморохами всех цветов и всех покровов.

Но вся эта мучная *белая горячка* ничего в сравнении с последними часами карнавала, когда вечером жирного вторника разыграется, разгорится *огненная горячка* так называемых *moscoletti*. Когда все обойдется порядком своим: мучная перестрелка, беготня, визг, вой масок, скачка лошадей, — для последнего дня наддано еще два часа бешенства. В одну минуту вся улица *Corso* вроде нашей Невской Перспективы, но уже ее и битком набитая народом и экипажами, вдруг загорится мириадами мириад грошевых свечек.

Окошки, балконы, пешие, конные, коляски, кареты все это одни и те же подсвечники, а вместе с тем и гасильники, потому что все зажигается и все тушит друг у друга. На длинных шестах навязаны длинные тряпки, чтобы со второго этажа задуть свечки на улице и с улицы на балконах и в окнах второго этажа. Как нет никакой степени сравнения между порывами иногородной веселости и извержениями римской карнавальской веселости, так и здесь нет сравнения между бешенством прежних дней и напряжением этого бешенства в последние часы его пароксизма. Там бесились люди, а здесь бесятся черти. По улице народ кидается на лошадей,

²⁶⁵ См. письмо от 21 февраля (5 марта) 1835 г. из Рима [Прил. I].

²⁶⁶ См. запись от 1 января 1830 г. и от 11 января 1832 г. [Дневник Фикельмон].

на коляски, чтобы задуть свечки, вырвать из рук, и как скоро задует кругом раздаются в тысячу голосов вой: *senza moscolo! senza moscolo!*²⁶⁷ указывают на вас пальцами, дразнят вас разными рожами. Вся эта веселость сосредоточена в одном движении и в одном крике: задуть свечу и зареветь *senza moscolo*, но надобно видеть и слышать с каким упоением, с какими переливами в движении и в голосе разнообразят они эту однообразную веселость. И зрелище прекрасное! Огненный поток, который зыблется в воздухе непрерывными струями! Всенародная, под открытым небом, движущаяся, безумная всеночная!²⁶⁸

Русская колония — Вяземский, Мещерские, С. Карамзина, Давыдовы — принимали активное участие в этих безумствах, подчас забывая, что несколькими днями ранее они были чужестранцами для этого народа; но, чтобы не дать толпе одолеть себя, они превратились в ловких «гасильщиков» или «нападающих». С удивлением князь отметил также, что во все эти дни не случилось никакого несчастья, не слышно было ни о каких кражах, ибо все соглашались отложить *les affaires sérieuses à demain*²⁶⁹. Карнавал поэтому относится к самым главным его впечатлениям, он казался лучшим средством увидеть характер народа, и князь, вероятно, по-другому никогда бы не сумел понять его, если бы пропустил этот праздник. Прямой контакт с народом был для Вяземского основным средством познания города, и в Риме ему удалось это сделать почти естественным образом. Италия, как видим, не разочаровала его, он нашел в ней то, о чем мечтал: темпераментный народ, способный выразить свои эмоции и заставить даже силы правопорядка уважать эти проявления. Однако внутренняя сила народа должна была ему открыться и в других сферах.

Одной из основных причин, побудивших Вяземского отправиться в Италию, была любовь к итальянской музыке, вдохновлявшая его в самые счастливые часы жизни. В те месяцы, когда он находился в Риме, он имел возможность слушать хорошую музыку в доме Зинаиды Волконской²⁷⁰ и графини М. Потоцкой. И все же эти исполнительницы

²⁶⁷ «без свечки» — *итал.*

²⁶⁸ См. письмо от 21 февраля (5 марта) 1835 г. из Рима [Прил. I].

²⁶⁹ Там же. «Отложить серьезные дела на завтра» — *франц.*

²⁷⁰ В доме княгини жил некий итальянец Барбьери, с которым она познакомилась в Риме в один из своих первых приездов. Барбьери последовал за ней в Россию и жил в ее

были его давними знакомыми, а он стремился послушать знаменитых певцов. В одном из писем сыну Вяземский жалуется на свое невезение, поскольку не смог услышать ни Лаблаша²⁷¹, ни Малибран²⁷²: с тех пор, как он за границей, он слушал петербургскую M.elle Carl²⁷³ и петербургскую M.elle Melas²⁷⁴. В связи с этим он жаловался на недостаток музыкальных радостей и заявлял, что именно по этой причине не может постичь Италию в полной мере; «таким образом я все еще под влиянием домашних впечатлений и не сложил с себя *ветхого человека*»²⁷⁵. Подавлявшей его *скуке*, видимо, не удавалось погасить его блестящее чувство юмора, и князь пользовался любым подходящим случаем, чтобы поиронизировать над собой.

Неожиданное событие помогло ему, наконец, лучше узнать *“das Land wo die Zitronen blühen”*. Во время церемонии открытия театра «Аполло» в начале карнавала он услышал, вероятно, в первый раз, «Парижанку» Доницетти, хотя поначалу ему показалось, что «музыка не очень хороша», поэтому он послушал «только второй акт» [Прил. I]. Вместе с другом Булгаковым он с некоторых пор имел привычку часто слушать много раз одну и ту же музыку, чтобы узнать ее в мельчайших подробностях, ограничиваясь иногда всего одним актом, чтобы проникнуться всеми нюансами композиции. В первый вечер ему понравился один дуэт; предположительно — тот самый, о котором он

доме в качестве воспитателя и мажордома; будучи, помимо того, одаренным музыкально, участвовал повсюду в ее музыкальных вечерах; он занимался также поэзией и живописью [Альбом Иванчина-Писарева: 526–527].

²⁷¹ Луиджи Лаблаш (1794–1858), сын марсельских эмигрантов, самый знаменитый итальянский бас того времени.

²⁷² Малибран пела в те месяцы в Неаполе.

²⁷³ Б. Карл (род. в 1802 г.), немецкая певица, совершенствовавшаяся в Италии, где пользовалась большим успехом. Вяземский слушал ее в Мюнхене в «Отелло» Россини 30 октября (11 ноября) 1834 г. [ЗК: 224].

²⁷⁴ Мы не располагаем подробными данными о жизни этой певицы, певшей в 1827 г. в Петербурге; А. Я. Булгаков в статье, опубликованной в № 29 «Северной пчелы», писал, что как актриса она не хороша, хотя и обладает приятным, сильным и чистым голосом. Ей не хватало также хорошего вкуса, она украшала свое пение ненужными фиоритурами, в которых не достигала мастерства Каталани, а также не имела мягкости голоса Боргондио (см. ниже). В тот сезон она снискала большой успех в «Золушке» Россини.

²⁷⁵ См. письмо от 4 (16) декабря 1834 г. из Рима [Прил. I].

вспоминал в 1853 г. в Венеции²⁷⁶, когда слушал его в другом исполнении, значительно худшем, нежели в 1835 г. То представление, по мнению критиков, было лучшим в сезоне благодаря Унгер²⁷⁷, которая «пела часть свою превосходно. В ее пении много драматического чувства и выражения. Голос ее точно плакал иногда» [Прил. I].

На этом представлении Вяземского поразила не только певица, но и римская публика, характер которой полностью раскрывался в театре, как ему об этом рассказывал Булгаков, ностальгировавший в России по восторженности неаполитанских зрителей. Прежде всего, на князя произвела впечатление свобода, с которой публика одобряла или оценивала выступление того или иного певца — но так, что полиция никогда в это не вмешивалась:

Надобно было слышать, что за шум подымался при каждой неудачной ноте певца или певицы. Несколько сот голосов подхватят ошибку и передразнивают ее по-своему. Вдруг общий хохот, вдруг общий *аму его!* зато, если вырвется стройная, благозвучная фраза, так и задушат ее налету взрывом общего восторга. И какое это дает понятие о музыкальном чувстве народа! Здесь это не частное выражение нескольких знатоков, за коими толпа хлопает ушами и руками! Нет, это повсеместное электрическое движение! Одна мысль, один *ой-ой*, один *ах* во всей зале. Зато уже, как и должны быть обстрелянны здешние актеры: с непривычки можно умереть под залпом негодования. Здесь и глазом не мигнут. Римский партер отличается своею выразительностью. Славная *Malibran* была сначала освистанна здесь, но после превознесена и препрославлена, и в Болонье с восторга оборвали платье ее на клочки, так что маэстро ее должен был прикрыть ее своим плащом, как дочери Ноя отца своего. На другой день дорогою ценою продавали в городе оторванные лоскутки. Новый Рим перенес в оперу форум предков своих. Тут еще он властвует

²⁷⁶ См. ниже главу VII.

²⁷⁷ Каролина Унгер (1800–1877), контральто. Дебютировала в Вене и была выбрана Бетховеном для первого исполнения Девятой симфонии. Она долго и с большим успехом выступала в Италии. Вяземский слушал также вокальный концерт, в котором участвовала Унгер: он состоялся 3 марта 1835 г. во дворце Синибальди [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 37].

и законодательствует, казнит и милует, совершает Капитолийские торжества и тарпейские казни [Прил. I]²⁷⁸.

С тех пор римская толпа стала для Вяземского идеальной публикой для оценки певческого искусства, и он, хотя не нашел в Италии той музыкальной жизни, которой ждал, не испытывал больше сомнений в том, что эта страна — настоящая родина бельканто, благодаря музыкальному чувству, которым дышала народная душа.

Общественная жизнь Рима преподнесла князю и другие сюрпризы: во время праздничного вечера по случаю открытия театрального сезона «римский губернатор угощает публику своим иждивением. В ложу входят слуги в богатой ливрее с факелами в руках и разносят даром мороженое и разные сласти. Странно нашему брату, видеть прелата в ложе» [Прил. I]²⁷⁹. Подобное торжество открывало иностранцам интересные стороны социально-политического устройства папского Рима.

Если мы сравним римские впечатления Вяземского с впечатлениями других русских путешественников его времени (Шевырева, Погодина, Анненкова или Тургенева), то заметим, что они воспринимали Рим, так сказать, с точки зрения эрудита, в то время как князь старался проникнуть в его суть без какой-то определенной цели. Вяземскому хотелось по-человечески войти в контакт с неведомым ему

²⁷⁸ Помимо «Парижанки», князь, вероятно, присутствовал на представлении «Сомнамбулы» (в письме от 2 (14) марта 1839 г. из Парижа он называет эту оперу своей «милой и грустной римской знакомкой» [Вяземский 1937: 140]). Мы не знаем точно, на каком именно представлении он присутствовал, однако располагаем программой такого спектакля, дававшегося в тот «карнавал» в Театре «Фонда» в Неаполе [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 35]. Поэтому не исключено что Вяземский мог совершить первую поездку в Неаполь только для того, чтобы послушать Малибран [ЗК: 229]. Известно, что Малибран именно тогда сломала руку, и мы предполагаем, что ирония следующих строк могла относиться к поездке князя: «В другой он же дернул его съездить из Рима в Неаполь единственно с тем, чтобы услышать Малибран, которой он еще не слышал. Приехав в Неаполь он, при выходе из коляски, узнает, что певица накануне переломила руку себе и в течение нескольких недель не будет в состоянии явиться на сцене. И дня не проходит, говорит N.N., чтобы сей *он* не сыграл с ним какой-нибудь шутки и штуки» [ПСС: VIII, 213]. Он мог, по всей вероятности, слушать «Сомнамбулу» с Унгер, как и «Семирамиду», также в Риме, в театре «Аполло».

²⁷⁹ Торжественный вечер по случаю открытия театрального сезона был уже описан Тургеневым в январе 1833 (см. письмо от 31 декабря 1832 г. (12 января 1833) [АБТ: 139]).

до той поры существом — Вечным городом, и узнать его настолько, насколько это было совместимо с имевшимся в его распоряжении временем и с его расположением духа. Если мы внимательно изучим его *туристические прогулки*, то обнаружим именно эту человеческую «ноту». Едва приехав в Рим, он побежал к Колизею, где у него было «свидание» с луной:

Первое мое посещение было им в день приезда нашего и развалинам Колизея часу в десятом вечера, отправив их на раут к Гурьеву. Мне хотелось видеть в первый раз сей обширный труп древнего Рима при лунном сиянии. Луна и была на небе, или, лучше сказать, в календаре, но не гостеприимная, не *Карачиольская* (Караччиоли говорил, что итальянская луна есть северное солнце)²⁸⁰, а мутная и сыровая, или репная, как говорит Пушкин и я не удостоился угощения ее. Сторожа с факелами также не было. Видно, ни он, ни луна, не ожидали англичан, обыкновенных гостей своих, а обо мне не подумали. Таким образом, аудиенция была дана мне запросто, и я мог только дивиться обширности сей застроенной пустыни. Вчера в полночь, от Мещерских взяв с собою Машеньку и Софию Николаевну, поехал я опять в Колизей в надежде луны и факелов, но попытка была опять неудачная. Луна только дразнила нас из простокваши облаков, а развалин не освещала, а Custode опять пошел спать. Мы побродили с час по обломкам под конвоем папских солдат и при свете сального огарка, и я возвратился домой, не получив еще раз полного впечатления²⁸¹.

Когда Вяземский желал вырвать свидание у прекрасной синьоры, он выказывал большое постоянство: через несколько дней он отправился туда на третью аудиенцию, но ему «луна и факел третий раз не удались». Однако он был убежден в том, что в конце концов ему удастся добиться свидания «с этою вековечною кокеткою в ее вековечном будуаре»²⁸². «Кокетка» подвергла его терпение суровому испытанию и

²⁸⁰ Возможно, выражение принадлежит Д. Караччиоло (Domenico Caracciolo, 1715–1789), писателю, экономисту и дипломату, прославившемуся своей перепиской с Гальяни. Вяземский ценил его юмор [ОА: I, 290]. Среди бумаг князя мы нашли записку одного из Караччиоло — вероятно, маркиза Камилло Караччиоло Ди Белла (1821–1888), патриота и дипломата (см. [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2009. Л. 1]).

²⁸¹ См. письмо от 4 (16) декабря 1834 г. из Рима [Прил. I].

²⁸² Там же.

заставила ждать до середины февраля, чтобы даровать столь желанную встречу²⁸³.

В Риме его ждало еще одно *свидание*: он желал познакомиться с “son patron”, как он писал княгине Волконской²⁸⁴, и на следующий день после приезда отправился к базилике Св. Петра, взяв себе в проводники Софью Николаевну:

Что сказать вам о нем? Да ничего. Оно короче и яснее. Дело в том, что, не будь он на краю города, я желал бы заходить в него каждый день. Не потому что он мне более всего нравится, я еще не знаю того, но чувствую необходимость *обжиться* с ним и в нем, чтобы иметь о нем понятие, не только чувство²⁸⁵.

Перед нами одно из наиболее типичных утверждений Вяземского-туриста: художественный облик базилики Святого Петра привел его в некоторое замешательство, усилив тот комплекс неполноценности, который он чувствовал перед произведениями искусства:

Вообще мир искусства есть особенный мир с своими стилями, с своим климатом, с своею атмосферою: пока они не проникли во все поры, не растворили организма, ты все пребываешь посторонним и чужим. Красоты природы имеют для всех общий язык, каждому понятный, язык простого чувства (потому и предпочитаю их красотам искусства, *кроме*

²⁸³ “Lundi (16 февраля) nous avons diné chez les Wiasemsky, puis je suis allée avec mon oncle et le peintre Bruni voir le Colysée au clair de la lune, qui s’était dégagée de tout nuage: nous y avons passé près de deux heures à considérer les divers tableaux que formait bientôt la lampe du ciel et tantôt le flambeau de résine que portait notre conducteur sous ces voûtes gigantesques... Nous faisons poser Nadinka, avec son manteau rouge, dans tous les enfoncements d’escaliers antiques, pour nous former un point de vue pittoresque; sa coquetterie naturelle s’en arrangeait à merveille, quoi qu’elle tremblât de frayeur dès que nous éloignons d’elle, afin de jouir du coup d’oeil avec illusion” [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 26] («В понедельник (16 февраля) мы поужинали у Вяземских, затем вместе с дядей и художником Бруни я отправилась полюбоваться Колизеем в свете луны, освободившейся от облаков: мы провели там почти два часа, рассматривая виды, освещаемые то небесной лампой, то смоляным факелом, который нес наш проводник под этими огромными сводами... Надиньку в ее красном плаще мы просили позировать на всех углублениях античных лестниц, создавая живописную композицию; ее естественное кокетство чудесно откликалось на эти просьбы, хотя она и дрожала от страха всякий раз, как мы отдалялись, чтобы насладиться перспективой и иллюзией» — *франц.*).

²⁸⁴ См. письмо от 15 (27) сентября 1834 г. из Гану [Прил. I].

²⁸⁵ См. письмо от 4 (16) декабря 1834 г. из Рима [Там же].

музыки <курсив наш. — Н. К.>), но красоты искусства таинства в которые нужно быть посвящен, не только промыслом, но и временем и прилежным служением. Оттого и боюсь не успеть созреть и уехать отсюда не постриженным²⁸⁶.

Его реакция на искусство иногда кажется намеренно критической и заставляет подозревать, что он не только не хотел совершать над собой усилия, но, напротив, старался уберечь свои предубеждения, чтобы не следовать за общим потоком и показать, что и в этой области он духовно независим:

Вчерашнее посещение наше в Ватикане было точно нашествие варваров. Более двадцати пяти русских нахлынуло на святыню юга. Швейцарская стража готовилась к отпору и насилию впустили нас, потому что позволение дано было на меньшее число посетителей. Мы обежали на скорую ногу это мраморное народонаселение, живоноснейший квартал Рима. Тут обитает мужественный возраст вечного града: в других кварталах возраст ребяческий и ветхий, разумеется, за исключением разбросанных здесь и там великих мумий древности, забальзамированных славою и религиею истории, которые также живут нетленною жизнью. Только на минуту останавливали нас пред аристократическими именами этого народонаселения. Худой способ для изучения народа. Нужно обозреть все степени общества, чтобы хорошо понять вышины его. К тому же и смотреть должно не так, как мы смотрели, из среды кочевого *раута* нашего. Мы выходили, так сказать, стена на стену, русский раут на мраморный раут. Да и *стеновод* наш, знаменитый здешний *Висконти*²⁸⁷ был по крайней мере для меня, настоящий душегубец. Французский болтун с итальянскою декламациею. Он ничего не объяснял, ни с кем не знакомил, а только трещал в ушах и не давал смотреть своими глазами.

Гораздо было бы лучше сдуру пялить глаза и просто ротозейть, нежели таким образом щурить и ломать глаза по команде. Потому и не ждите от меня отчета в новом знакомстве. На первый раз скажу только, что Бельведерский Аполлон не свел меня с ума, может быть, именно оттого, что *Висконти* и *tutti quanti* командовали по преданию и кстати бы: *в обморок!* и что Аполлона показывают с шарлатанством *et pour la bonne bouche* на закуску. Конечно правильно, красиво, стройно, божественно, но без выражения, то есть человеческого, бесстрастно. Это не бог поэзии,

²⁸⁶ См. письмо от 4 (16) декабря 1834 г. из Рима [Прил. I].

²⁸⁷ П. Э. Висконти (1802–1880), археолог, профессор Римского университета.

разве дидактической поэзии, бог de l'art poétique de Voileau, бог тераменовского рассказа. Говорят: какое спокойствие, благородство, убеждение в своей силе, в своей божественности! Согласен, но мне какое до того дело? На здоровье ему, что он бог и чувствует себя богом. Я не бог и, следовательно, сочувствовать ему не могу. Бог христианства доступен понятиям и нервам моим потому, что он любил и страдал человечески.

Оттого и лучше понимаю я беседу с учениками, распятие, нежели вознесение, лучше понимаю, или правильное лучше чувствую Бога сына, нежели Бога отца и святого духа. Да и что за мудрость дать мрамору величество и самонадеянность, благородство осанки и олимпийскую фешенебельность.

Le marbre est nommé le bois dont on fait les Dieux. <Известно, что мрамор — это дерево для изготовления Богов — *франц.*>. Но заставьте мрамор быть человеком, двигаться человечески, плакать, радоваться, стонать, размышлять, чувствовать, бороться самому с собою духовно, или сам-друг рукопашно, вот это дело другое. Тут художник — создатель, жизнедавец. А этот Аполлон ни с места, *il fait la belle jambe* <хорош он — *франц.*> и только! Мы с Катенькою за него поссорились. Она готова с ним перемигиваться и *относится* к нему, забывая священные обязанности супружества. Худой пример и для Сонюшки, которая готова *sest* на него *верхом*, *c'est tout dire* <и этим все сказано — *франц.*>. Я уверяю Катеньку, что Аполлон нравится ей, потому что он стройный мужчина: мне же именно потому, может быть, он и не нравится. *Je n'aime pas les beaux hommes. Je ne les comprends pas*²⁸⁸. Наденьте на Аполлона кавалергардский мундир с лосинными панталонами и поставьте его на часы во внутренний караул и прекрасно! Но не говорите мне, что это бог Омира, Софокла, Державина, Байрона. В них нет ничего общего. Повторяю, если быть ему богом поэзии, то разве богом французского александрийского стиха: если хорошенько вслушаться в него, то может статься, услышишь: *oui, c'est Agamemnon, c'est ton Roi qui t'éveille*²⁸⁹, но более ничего. Мне же, кажется, он сквозь зубы промолвил что-то, о крещенском параде: я застегнул грудь свою и сказал: картина, а не человек! и начал сравнивать его с Дантесом, с Моргенштерном, с Александром Николаевичем Карамзиным и с другими записными красавцами и признался, что он всех их лучше²⁹⁰.

²⁸⁸ «Я не люблю красивых мужчин. Я их не понимаю» — *франц.*

²⁸⁹ Строка Ж. Расина («Ифигения», акт I, сцена I): «Да, это Агамемнон, это твой царь будит тебя» — *франц.*

²⁹⁰ См. письмо от 4 (16) декабря 1834 г. из Рима [Прил. I]. См. также описание у Е. Н. Мещерской этого посещения музеев Ватикана [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 15].

Созерцание одного из самых совершенных выражений классического искусства, таким образом, было для него подходящей возможностью для того, чтобы подчеркнуть свои литературные убеждения. Князь защищал в тот момент принципы романтической поэзии, хотя и не примыкал никогда полностью к этому направлению; однако, видя всеобщий энтузиазм, который вызвал у его соотечественников *неоклассицизм*, он желал защитить принцип романтического вдохновения.

К сожалению, Вяземский упоминает только об этих римских памятниках; нам все же представляется вероятным, что он мог увидеть и другие древности²⁹¹, и что он часто посещал Пантеон, «открытый дом», расположенный напротив его квартиры. Он наверняка посещал и другие церкви²⁹², один или в сопровождении сестер Карамзиных. Еще более вероятно, что его привлекали римские окрестности: он любил природу и, будучи человеком, привычным к суровому северному климату, был счастлив возможностью насладиться зимним солнцем в мягком южном климате. Он был к тому же страстным наездником и, возможно, сопровождал дочь Марию и Софью Карамзину в их прогулках по окрестностям Рима. В других случаях он следовал за графиней Потоцкой, предлагавшей всему обществу отправиться за город²⁹³, и среди этих выездов самым интересным, без сомнения, было путешествие в Тиволи, в котором приняла участие большая часть русской колонии²⁹⁴.

²⁹¹ Возможно, он ходил на Римский форум, на могилу Кая Сикста [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 27], на Палатинский холм [Там же: Ед. хр. 61. Л. 20], на могилу Менения Агриппы и в Катакомбы [Там же: Ед. хр. 59. Л. 18] в компании племянниц Карамзиных и с Висконти в качестве гида. Его наверняка заинтересовал храм Клавдия, поскольку в его альбоме находится сделанное от руки описание этого античного памятника [Там же: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 32].

²⁹² Возможно, он посетил церковь Св. Онофрия с могилой Тассо, поскольку упоминает о его смерти в стихотворении, посвященном А. А. Иванову [ПСС: XI, 287–289]. Кроме того, сохранился листок с дуба Тассо, который Вяземский подобрал в 1834–1835 гг.; см.: [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 34].

²⁹³ Согласно С. Карамзиной, Вяземский принимал участие прежде всего в прогулках, организованных графиней Потоцкой. О несостоявшейся поездке в Альбано см.: [Там же: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 21].

²⁹⁴ Вяземский получил весной 1833 г. интереснейшее письмо от Тургенева, в котором тот описывал свою экскурсию в Тиволи в сопровождении лучшего гида, живущего в Риме — Стендала [АБТ: 200–204].

Князь не оставил описания этой прогулки, и поэтому за подробностями нам придется обратиться к письмам сестер Карамзинных.

Прибыв в «белый Тиволи», компания разместилась во дворце герцога Санта-Кроче, а чуть позже все поднялись верхом на осликах к водопадам, сверкавшим в сумеречном свете. После ужина они направились в грот Нептуна, озаряемый тридцатью факелами, и оттуда разглядывали в ночи храм Весты, чьи воздушные формы, освещаемые кострами из соломы, стали в буквальном смысле прозрачными. Пока они любовались этим зрелищем, звучала музыка, исполняемая оркестром из пятидесяти музыкантов; все вместе делало сцену волшебной. Организатором сюрприза был секретарь миссии Кривцов, и ему стоило немало труда вернуть восторженных гостей в мир реальности; для этого он пригласил их на спектакль марионеток. На следующий день они перед отъездом посетили виллу д'Эсте и виллу Мецената, и именно тогда в воображении Вяземского зародились строки единственного стихотворения, навеянного пребыванием в Риме²⁹⁵; вероятно, эта поездка осталась одним из самых дорогих ему воспоминаний в череде тех печальных дней.

Рим открылся перед ним и как центр католицизма, в первую неделю князь благодаря сестрам Карамзинным получил возможность присутствовать на консистории в Ватикане:

Впрочем, если и пришлось бы мне сегодня оставить Рим, то я избежал уже поговорки: был в Риме, а папы не видал! И для меня *le Pape a été plus infaillible que la lune*²⁹⁶. Я видел его в собрании кардиналов надевающего шляпу на нового кардинала. Как подумаешь, что была эта шляпа во время оно и что она ныне. То же, что академические кресла во Франции при отцах наших и что при нас! Прикрытие головы и пристройство — с позволения сказать — задницы к месту, были в свое время европейским событием. Теперь это дело домашнее, и на новшляпии кардинала была только наша братья, англо-русские ротозеи, а Рим и в ус не дул. В антрактах церемонии духовный адвокат читал *докладную записку о причтении к лику блаженных* усопшей сардинской королевы, из дома Бурбонов²⁹⁷. После будут производить дело о причтении ее к лику святых. Тогда

²⁹⁵ См. ниже «Роза и кипарис».

²⁹⁶ «Папа римский более непогрешим, чем луна» — *франц.*

²⁹⁷ Возможно, Мария Антония Испанская (1729–1785), жена Виктора Амадея III.

явится, что простонародно называют *l'avocat du diable*, а по-настоящему *le protecteur de la foi*, который станет оспаривать права ее и опорочивать деяния, представляя что и эта святость с грехом пополам. Тогда суд решит, чья сторона взята, и подпишет приговор. Папа — старичок толстоносый: вот что более поразило меня в наружности его, весьма простой. Впрочем он, сказывают, человек добрый и весьма ученый богослов. Несмотря на свои семьдесят лет, бодр и свеж и может быть долголетен, хотя по каким-то кабалистическим исчислениям, оправдавшимся прежними примерами, ему не должно дожить до 1835 года²⁹⁸.

Вяземский почувствовал, что фигура папы неотделима от духовного мира Рима; более того, глава Церкви был для него символом всего, что составляло величие Вечного города:

Самый папа, который все-таки еще великое слово, великий знак в настоящем пробеле велик именно сиянием вчерашних лучей. Как здешний небосклон долго и по заходе солнца сохраняет еще яркие, теплые оттенки сгоревшего дня, так и на умственном небосклоне великие события неизменно и по закату своем отражаются еще живо, жарко и многоцветно.

Особенно в этом смысле кстати вспомнить слово Карачиоли: здешняя луна есть солнце иногородное. Здешние тени действительнее, осязательнее, воплощеннее животрепещущей и дородной существенности транстиберийской, или говоря проще, остального мира. Оттого и папа для меня, с своим прозаическим лицом и толстым носом и несколько актерским одеянием есть явление величественное и разительное. В нем нет ничего грядущего и мало настоящего, нет того, что поражает и пробуждает внимание наше в лицемерии других владык, так сказать, беременных судьбою царства и народа своего, но зато сколько слоев минувшего лежит на этом живом острове! Какая обширная тень падает с него, не сияние, это правда, но все-таки много объемлющая. А если вдруг, чем черт не шутит, расшевелится какой-нибудь Наполеон под этим нынешним папским саваном и пойдет вооруженным крестом (какой-нибудь Ламене под тиа-рою) мутить мир, как тот мутил шпагою, то Вы увидите — не дай Бог увидеть — что папа еще не умер. Кстати: он и в самом деле не умер, хотя предсказывали смерть его. То-то весело ему было слышать, как часы добились двенадцатый час 1834 года, ибо он, разумеется, знал о народной примете, которая оправдалась двумя предместниками его. Сказывают, старика это тревожило, тем более, что он подвержен кружениям головы, а другие

²⁹⁸ См. письмо от 4 (16) декабря 1834 г. из Рима [Прил. I].

говорят, и падучей болезни, следовательно, и без предисловной болезни смерть могла легко нагрянуть до него до последней минуты [Прил. I].

Созерцание фигуры папы было, таким образом, размышлением о конфликте между духовной и светской властью, тревожившем всех русских, которые тогда приезжали в Рим²⁹⁹, и менее им понятном, поскольку Синод православной церкви был совершенно подчинен власти царя. Вяземский, в отличие от большинства своих современников, не рассматривал мирскую власть папы как изъясн — напротив, эта власть его завораживала и, возможно, казалась продолжением славы древнего Рима. Полагаем, что такое отношение объясняется только тем, что князь никогда не смотрел на Римскую церковь с позиции схизматика, питающего зависть и злобу по отношению к большому сопернику. Напротив, он испытывал к католицизму уважение и понимание, еще со времен Иезуитского коллегиума в Петербурге, и в этом расходился со своим другом Тургеневым, бывшим директором департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, который смотрел на католический мир взглядом официального представителя отделившейся церкви³⁰⁰. Тургенев растрогался только когда увидел папу плачущим, а значит, обнаружил для себя человеческую сторону этого обожествляемого человека, переносимого в папском кресле и осеняемого опахалами³⁰¹. С другой стороны, князь был знаком с итальянской политической обстановкой тех лет и отдавал себе отчет, что институт папства связан с прошлым, догадывался, что его ждет неясное будущее, и поэтому завершал свое размышление идеями, что будущего как такового в Вечном городе не существовало. Он

²⁹⁹ На наш взгляд, светская власть папства была одной из причин охлаждения Гоголя к Римской церкви после сильного увлечения ею в первые месяцы его пребывания в Риме, что неоднократно можно отметить на страницах его «Выбранных мест из переписки с друзьями».

³⁰⁰ Такое поведение в принципиальных вопросах не мешало Тургеневу входить в число православных русских, усердно посещавших салон мадам Свечиной в Париже, в то время как Вяземского совершенно не привлекала атмосфера, в которой можно было услышать только «что она нового может сказать о богородице» [Вяземский 1937: 140].

³⁰¹ См. письмо от 5 (17) января 1833 г., в котором Тургенев пишет, что при виде слез Григория XVI ему пришли на ум слова “Ein König weint” («Король плачет» — нем.) [АБТ: 147–148].

предусмотрительно не желал высказываться о проблеме, решение которой казалось ему выше его компетенции. Древние римские руины еще говорили о былой славе, а живой папа был похож на них и вместе с ними тоже напоминал о прежней славе и могуществе³⁰².

Восприятие Вечного города, таким образом, неразрывно связывалось с фигурой папы, с Ватиканом, Колизеем, Капитолием, с церквями и руинами, которые свидетельствовали о величии империи. Русский князь из страны с относительно коротким историческим прошлым был поражен столь явным присутствием былых эпох в настоящем, тем более что ему привычнее было обращение к перспективе лучшего будущего, характерное для исторического воображения у него на родине. В Риме он в первый раз почувствовал тяжесть истории, оставившей свой отпечаток на каждом здании и каждом общественном институте; и все это величие проступало в памятниках и монументах, образующих великолепный контраст с чистым римским небом. Этот образ Рима навсегда будет запечатлен в его памяти и воплотится в двух стихотворениях, которые в 1845 и 1862 гг. он посвятит Вечному городу³⁰³.

Римские письма обогащают переписку князя, отдельные их пассажи заслуживают внимания критиков как подтверждение неразрывной связи искусства и жизни, характерной для нашего автора, воплотившейся, как мы увидим, и в его поэтическом творчестве. Его письма отличаются фрагментарностью, типичной для его эклектического духа, на манер гурмана, который пробует всего понемногу. Исключение составляет по своей завершенности письмо с описанием карнавала — возможно, потому что это событие захватило князя целиком. Сначала складывается впечатление, что он с некоторым недоверием воспринял это гуляние народа, в те дни духовно раскрепощенного, не

³⁰² Кроме церемоний, о которых ясно говорит сам князь, предполагаем, что он мог присутствовать также на рождественской мессе [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 18–19], на освящении свечей на Сретение [Там же. Л. 25], на торжественной церемонии в Сикстинской капелле 31 января [Там же]. Кроме того, в альбоме Вяземского находятся приглашения на богослужения Страстной недели на имя княгини, так как он уехал именно в первые дни той недели [Там же: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 41–46]. И все же не исключено, что он присутствовал на освящении ветвей, поскольку провел Вербное воскресенье в Риме.

³⁰³ См. ниже главу о поэзии Вяземского.

подверженного принуждению и фальши; осознав же его подлинную непосредственность, он был покорен. Описание настолько напористо и живо, что мы чувствуем себя вовлеченными в *белую горячку* и в *войну свечей*. Перечитывая это письмо, испытываешь волнение и сейчас, сто лет спустя, и кажется, что принимаешь участие во всех этапах этого праздника прошлого. Обаяние писем князя — в непосредственности чувств; однако редко мы встретим среди них столь точное и психологически достоверное описание, как сцены римского карнавала.

Письмо о карнавале завершает его опыт римской жизни: с началом поста «караван» англичан и русских потянулся, по словам Вяземского, к Неаполю, а вместе с ними и сестры Карамзины³⁰⁴; Вяземским же предстояло вынести самые мучительные недели болезни Пашеньки. В течение всех этих месяцев нежный отец, питавший к своим детям почти материнские чувства³⁰⁵, не решался надолго отлучаться от постели дочери, а в некоторые моменты чувствовал себя настолько подавленным, что ему не удавалось ни на что отвлечься: все его мысли были сосредоточены на здоровье Пашеньки. Вяземские до этого потеряли уже четверых сыновей: Андрея и Дмитрия в самом нежном возрасте, Петра в три года и Николая почти в семь, и смерть двух последних детей, случившаяся с разницей всего в несколько месяцев, перевернула все существование князя³⁰⁶. В Риме раны прошлого вновь

³⁰⁴ См. письмо от 21 февраля (5 марта) 1835 из Рима [Прил. I]. 23 февраля (7 марта) С. Карамзина пишет матери: “Mardi (10 марта) nous quittons Rome... Une peine plus véritable et plus sérieuse c’est de quitter les Viasemsky et la pauvre, la douce, la touchante Pauline qui va mal, tousse davantage et devient plus faible de jour en jour; et pourtant, si nous devons la perdre, j’ai l’égoïsme de désirer que ce soit en mon absence. Il me paraît que Wiasemsky se fait encore beaucoup d’illusion sur l’état de sa fille, mais ma tante est d’une tristesse et d’un abattement qui font mal à voir” [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 22]. («Вторник (10 марта) мы покидаем Рим. Подлинная и самая серьезная печаль — оставить Вяземских и бедную, нежную трогательную Полину, которая плоха, кашляет все сильнее и слабеет день ото дня; и все же, если нам суждено потерять ее, мне хватает эгоизма желать, чтобы это случилось в мое отсутствие. Мне кажется, Вяземский еще питает много иллюзий относительно состояния дочери, но тетя так грустна и подавлена, что больно на нее смотреть» — *франц.*) Софья за несколько месяцев до этого была свидетельницей кончины Николая Вяземского (1827–1833) от той же болезни.

³⁰⁵ См. письмо Жуковского Тургеневу [Письма Жуковского к А. И. Тургеневу: 287].

³⁰⁶ Вяземский писал тогда Пушкину: «Ты жалуешься на мое молчание: я на твое. Кто прав? Кто виноват? Оба. Было время не до писем. Потом мы опять имели несчастье лишиться сына 3-х летнего. Из 5 сыновей остается один. Тут замолчишь по неволе.

открылись, и это воспоминание таило в себе тяжелые предчувствия будущего³⁰⁷. Друзья князя сочувствовали и сопереживали ему в эти месяцы, а Тургенев, едва ему позволило здоровье, приехал в Вечный город, чтобы быть рядом с Вяземским в критический момент. Он прибыл в Рим³⁰⁸ вскоре после отъезда сестер Карамзиных и поддерживал князя и Веру Федоровну в самые трагические дни их римской жизни; доброта Тургенева была такова, что Вяземский звал его с тех пор «наша матушка Александра Ивановна»³⁰⁹.

По свидетельству сестер Карамзиных, отец долго питал иллюзии и надеялся до последнего момента, особенно из-за того, что слепо верил в доктора Коппа, давшего конкретное обоснование его надежде³¹⁰, причем до такой степени, что, желая скрупулезно следовать предписаниям, полученным в Ганеу, отказывался консультироваться в Риме с другими врачами. После перенесенных трудностей путешествия казалось, что отмечается легкое улучшение³¹¹, и отец даже решил возвращаться в Россию, не испрашивая дальнейшего продления своего чрезвычайного отпуска³¹². Однако уже во время новогоднего обеда, когда родственники собрались в доме Вяземских, всем стало

Теперь я был болен недели с две. Вот тебе бюджет моего времени не завидный. Скучно, грустно, душно, тяжело» [Пушкин: XIII, 276].

³⁰⁷ Надинька тоже была хрупкого сложения, и после смерти Прасковьи отец сосредоточил свое внимание на здоровье младшей дочери (см. письмо 16 (28) марта из Рима сестре Е. А. Карамзиной [Прил. I]). В 1840 г. в Баден-Бадене Надиньку унесет та же болезнь. Это произойдет в отсутствие отца, сердце которого будет разбито новой потерей.

³⁰⁸ Мы не знаем точной даты приезда Тургенева в Рим, но полагаем, что он прибыл туда вскоре после отъезда Мещерских в Неаполь.

³⁰⁹ См. письмо 15 (27) апреля 1835 из Генуи [Прил. I].

³¹⁰ В архиве находятся предписания доктора Коппа и вопросы, на которые князь должен был отвечать, чтобы информировать того относительно здоровья дочери [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3136].

³¹¹ «Dans la matinée nous avons été chez les Wiasemsky et nous avons trouvé une légère amélioration dans l'état de Pauline; elle revenait d'une longue promenade en voiture qui ne l'avait pas du tout fatiguée, et en général il paraît que ce mouvement fiévreux, ce malaise qu'elle éprouvait tous les matins, commencent à diminuer» (письмо 21 декабря (2 января) 1835 [Там же: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 16]; «Утром мы были у Вяземских и нашли состояние Полины немного улучшившимся; она вернулась после долгой прогулки в коляске совсем не уставшей, и в целом кажется что лихорадка, недомогание, которое посещает ее каждое утро, пошли на убыль» — *франц.*).

³¹² См. письмо 14 (26) января 1835 из Рима [Прил. I].

понятно, что девушка вряд ли дотянет до конца года³¹³. Более или менее неустойчивое положение сохранялось до времени карнавала, и тогда стало заметно тревожное ухудшение ее общего состояния; князь встретил март с волнением в сердце — ведь даже доктор Копп предупреждал, что этот месяц самый опасный в году³¹⁴. Девушке стремительно становилось хуже, и родители не отходили больше от несчастной умирающей; 11 (23) марта³¹⁵ Прасковья умерла, находясь почти в полном забытии, в присутствии православного священника. Она нашла упокоение на некатолическом кладбище Тестаччо³¹⁶; княгиня Волконская обещала заботиться о ее могиле, и в одном из лучших своих стихотворений заверила безутешных родителей, что эта могила никогда не будет забыта³¹⁷. Как она и обещала, последнее прибежище Пашеньки не осталось заброшенным. В 1838 г. Волконская привела туда Гоголя, он посетил могилу вместе с другом-«москвичом», возможно, М. П. Погодиным³¹⁸. Князь долго плакал на могиле дочери, прежде чем покинуть Рим, и взял на память ветку кипариса, росшего неподалеку³¹⁹; граф Штакельберг, прежде чем навсегда уехать из Италии в декабре 1835 г., также посетил кладбище, чтобы сорвать цветок для безутешного отца [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 55].

Свою боль Вяземский выразил в письме Павлу пять дней спустя после смерти дочери:

³¹³ “Mon oncle après avoir rempli de Champagne tous les verres s’est levé pour aller embrasser sa fille et lui souhaiter une année qu’elle n’est pas destinée peut-être à passer sur cette terre” [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 26–27] («Мой дядя, наполнив шампанским бокалы, встал, чтобы обнять дочь и поздравить ее с новым годом, который, возможно, ей не суждено уже прожить на этой земле» — *франц.*).

³¹⁴ См. письмо 21 февраля (5 марта) 1835 [Прил. I].

³¹⁵ См. письмо 16 (28) марта Е. А. Карамзиной [Там же].

³¹⁶ Могила до сих пор существует и находится в старой части кладбища, неподалеку от могилы сына Гете.

³¹⁷ Стихи «Князю П. А. В.<яземскому> на смерть его дочери» [Волконская].

³¹⁸ Михаил Петрович Погодин (1800–1875), историк, профессор Московского университета (1835–1844), редактор «Московского вестника», близкий друг Гоголя, с которым он провел в 1838 г. несколько недель в Риме (см. письмо Гоголя Вяземскому 25 июня 1838 из Рима [Письма Гоголя: 513; Барсуков: 241]).

³¹⁹ Сорвана «10 (22) апреля в десять часов утра», т. е. за несколько часов до выезда в Россию [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 53].

Все кончено, друг мой Павлуша. Наша незабвенная Пашенька кончила страдальческую жизнь свою <...>. Не за нее плакать должны мы, но за себя. Оставив свет, она немногое потеряла, но мы, остающиеся, сделали потерю невозвратную, ничем не заменимую. <...> Больно мне, милый друг, что мы не с тобою и не можем плакать вместе. <...> Если тебе придется быть когда-нибудь в Риме, ты в нем не будешь совершенно чужой, а найдешь родную могилу и слезы наши, которые и нас сроднили навсегда с Римом, так, что тяжело будет расстаться с ним³²⁰.

Еще бóльшим отчаянием наполнено письмо, написанное через неделю после кончины дочери сестре Е. А. Карамзиной:

Что сказать мне Вам о себе, милый друг? Вы понимаете скорбь мою, которую и Вы испытали, но Вы не можете понять моих страданий, потому что Вы в возвышенности и мужестве души вашей умеете хранить покорность к провидению. А я и мыслями и чувствами возмущаюсь под ударом нас постигнувшим. Чувством воплю против жестокости его, мыслью борюсь с прошедшим и в сей борьбе перебираю день за днем, как будто бы мог я еще всплыть по началу его и переделать по своему. Впрочем я иначе скорбь и понять не могу, разумеется в себе: во мне покорность была бы равнодушие или по крайней мере бесстрашие. К стыду и к унижению души недуг этот, без сомнения, пройдет в свое время. Сделайте одолжение, поберегите Павлушу. Его одиночество, или сиротство в чужой толпе училища пугает меня. Он так нежно любил бедную Пашеньку и очень сильно чувствует печаль. Со временем потеря будет для него и для сестер еще важнее³²¹.

В этих двух письмах перед нами предстает душа отца, который всеми силами старается противостоять полному отчаянию. Во время обратного путешествия его внутренний взор был сосредоточен на потере, и вся поездка превратилась в скорбную голгофу³²². Воспоминание об этой смерти будет сопровождать его всю жизнь, а имя Вечного города навсегда останется связанным в его душе со смертью любимой дочери³²³.

³²⁰ См. письмо 16 (28) марта 1835 из Рима [Прил. I].

³²¹ См. письмо 18 (30) марта 1835, хранящееся в фонде 248 [Там же].

³²² См. письмо 6 (18) мая 1835 из Любека, в котором он признается, что, несмотря на то, что поездка уже подходила к концу, он страшился возвращения в Петербург, поскольку ему тягостно было получать формальные соболезнования посторонних и чуждых его горю лиц; конечно, он предпочел бы не встречаться с ними [Там же].

³²³ В 1850 г. в Иерусалиме он запишет в своем дневнике: «Болезнь Пашеньки (1835) заставила нас ехать за границу. Ее смерть положила черную печать свою на это первое путешествие» [ПСС: IX, 268].

ГЛАВА V

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

После смерти дочери в щепетильном чиновнике пробудилось желание как можно быстрее вернуться в Россию, чтобы продолжить службу: «Теперь мое дело кончено и собираюсь в путь. <...> Доктора советуют и очень настоятельно, особенно же Надиньке, морские купания. <...> во всяком случае, я на днях намерен ехать прямо и без остановочно в Петербург. Скажите о сем Д. Г. Бибикову»³²⁴.

Пока он размышлял о маршруте и месте отправления, ему представился — вероятно, благодаря хлопотам Тургенева — весьма благоприятный случай: А. Д. Гурьев предложил ему возвращаться в качестве дипломатического курьера, что было дешевле³²⁵ и быстрее. Поездка должна была начинаться из Неаполя, и князю нужно было явиться туда лично, чтобы забрать депеши местной дипломатической миссии.

Через две недели после смерти Прасковьи князь вместе с женой, дочерью Марией³²⁶ и Тургеневым отправился в Неаполь³²⁷ через

³²⁴ См. письмо 18 (30) марта 1835 из Рима и письмо 26 марта (7 апреля) из Неаполя сестре: «Вы удивитесь получить известие от нас из Неаполя, куда приехали мы третьего дня вечером. Вот объяснение. Граф Гурьев предложил мне курьерское отправление из Рима на Вену на пути в Россию <...>. Таким образом и приехали мы сюда я, жена, Машенька и Тургенев на несколько дней <...>» [Прил. I]. Д. В. Бибилов (1791–1870) в те годы был директором департамента внешней торговли министерства финансов, где служил Вяземский.

³²⁵ Князь женился в возрасте восемнадцати лет и был тогда богатым наследником, владельцем значительного состояния. В первые годы брака он вел довольно легкомысленный образ жизни и растратил свое состояние. В таком положении он вынужден был вновь поступить на государственную службу, но к 1835 г. ему по-прежнему не удалось привести в порядок свое финансовое положение, а путешествие за границу повлекло за собой непредвиденные расходы.

³²⁶ На основании имеющихся материалов можно предположить, что Надинька осталась в Риме, вероятно, вверенная заботам Зинаиды Волконской.

³²⁷ В издании Шереметева не было никакого упоминания о второй поездке в Неаполь; упоминалось лишь, что князь зажег сигару от лавы Везувия в двенадцать часов утра 11 (23) февраля [ПСС: IX, 169].

Капую [ЗК: 229]. В Неаполе они вновь встретили сестер Карамзиных и барона Розена, которые, несомненно, приложили все усилия, чтобы дать всей семье возможность отвлечься, увлекая их за собой в многочисленные прогулки по тем окрестностям, которые можно было посетить за неделю: Геркуланум, Помпеи, Пестум, Амальфи и Капри³²⁸ — в экипаже, морем и верхом на осликах. Из отчетов Екатерины Мещерской³²⁹ можно сделать вывод, что в эти дни князь был настолько очарован красотой природы и памятников, что смог отвлечься, в том числе, благодаря сопровождавшей их путешествие великолепной погоде.

2 (14) апреля 1835 г. Вяземский пустился из Неаполя в обратный путь [Там же], остановился на неделю в Риме, а 10 (22) апреля был вынужден, наконец, расстаться с женой, дочерьми, с Тургеневым, Зинаидой Волконской и Вечным городом и один, в сопровождении правительственного чиновника и своей скуки, поначалу почти невыносимой из-за одиночества, отправиться в долгое путешествие³³⁰, которое привело его сначала во Флоренцию³³¹, а оттуда ночью в Пизу [Там же: 230], где он так и не успел увидеть падающую башню. Затем по побережью Тирренского моря он прибыл в Геную, первый город на его служебном маршруте [Там же]. Гейдекен, генеральный консул этого города³³²,

³²⁸ См. в «Записной книжке»:

Март 27 / 8 апр. Pompeia – Solerno <sic!> [Помпея – Солерно].

Март 28 / 9 апр. Paestum – Basilica [Пестум – Базилика].

Март 29 / 10 апр. Amalfi [Амальфи] <...>

Там на осле в Castellamare [Кастелламаре] — скалы — Из Castellamare <...> морем в Соренто — утром на остров Capri [Капри]. Голубой грот <...> обратно в Соренто <...> ночевали в Castellamare [ЗК: 229].

³²⁹ См. письмо 3 (15) апреля 1835 г., на следующий день после отъезда Вяземского из Неаполя [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 29–30].

³³⁰ «Как мог я решиться ехать один, я, в котором нет ни твердости, ни бодрости, ни покорности. Переваливаю мысли свои, как камни, с одной на другую — Сизифова работа» [ЗК: 229].

³³¹ См. письмо 12 (24) апреля 1835 из Флоренции [Прил. I].

³³² К. Е. Гейдекен, статский советник и российский генеральный консул на всей территории Сардинского королевства. В Остафьевском архиве хранятся его письма Вяземскому, темой которых является пребывание Веры Федоровны и дочерей в Генуе летом 1835 г. [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1665]. Секретарем консульства в Генуе был некий Паскалис. В Генуе Вяземский встретил также А. А. Закревского (1783–1865) [ЗК: 230], бывшего генерал-губернатора Финляндии и мужа Аграфены Федоровны, урожденной

увидев состояние князя, постарался отвлечь его, пригласив в оперу на «Анну Болейн»³³³:

Я надеялся, что музыка сладостно растрогает меня и развлечет, или отвлечет слезы мои, но не знаю я остался равнодушен, оттого ли, что музыка мне не очень нравилась, или певцы довольно посредственны, или от усталости, но не дождавшись конца я поехал домой спать, и выспался очень хорошо так, что я отдохнул и освежился³³⁴.

Несмотря на ненастную погоду, у него остались приятные воспоминания о природном расположении города³³⁵, однако немногочисленные прогулки, которые ему удалось совершить³³⁶, были слишком поспешными, чтобы составить определенное впечатление.

Потом под проливным дождем он добирался до Турина, где был принят поверенным в делах А. М. Обресковым³³⁷:

Вот сюда я приехал как следовало, то есть часов в девятнадцать из Генуи. <...> Во всю ночь лил дождь и сегодня целый день как из ушата. От дождя ли, или от чего другого, но Турин показался мне каким-то губерньским или провинциальным Петербургом. Ничего нет итальянского ни в глазах, ни в ушах. Впрочем, Обресковы и другие, <...> живут довольно уединенно, как и все. Все дома принимают и потому нигде никого нет³³⁸.

На фоне древностей других итальянских городов столица Пьемонта показалась ему лишенной очарования и интереса; из-за плохой погоды он даже не смог полюбоваться холмами, так что и природные

графини Толстой (1799–1879), воспетой писателями того времени (Пушкин посвятил ей «Портрет»). Закревские долго жили в Италии и похоронены в имении Гальчето, неподалеку от Прато.

³³³ Представление происходило в театре «Карло Феличе» и увенчалось успехом [Gazzetta di Genova: 1835, 25 apr.]. Среди исполнителей отмечена была примадонна Де Мерик (см. ниже).

³³⁴ См. письмо 15 (27) апреля 1835 из Генуи [Прил. I].

³³⁵ См. письмо 2 (14) мая 1859 из Генуи, где он признавался, что лишь смутно запомнил красоту города, бегло осмотренного им в 1835 г. [Там же. I].

³³⁶ «Гуляние <...> Золотая гостиная. Собор. Таможня. Лавки» [ЗК: 230].

³³⁷ А. М. Обресков (1793–1885), действительный статский советник и камергер, в 1819 г. получил первую должность в Вене, а с 1831 г. был чрезвычайным послом и поверенным в делах в Турине.

³³⁸ См. письмо 16 (28) апреля 1835 из Турина [Прил. I; ЗК: 230].

виды не вызвали у него энтузиазма. Единственным заметным событием в столице Сардинского королевства стала встреча с Сильвио Пеллико [Kauchtschischwili 1963: 1–6]. Вскоре после знакомства с итальянским «мучеником свободы» Вяземский безо всякого сожаления покинул город.

18 (30) апреля, по-прежнему по несносной погоде, утомленный долгой дорогой и несколько простуженный, князь впервые прибыл в Милан. В письме к жене он изливает свое дурное настроение, но в то же время и наперекор всему к нему возвращается способность иронизировать:

Наградили вы меня этою комиссиею. Измучишься от дороги, измучишься от опасения ответственности, а мне и за себя теперь ответственность не хотелось бы, а тут заботы и ответствуй за семью, тряпки и разные марания, которыми навьючили меня как осла и которые непременно нужно довести в целости. Ну, а как не довезу их? Что мудреного? Я человек пропадаший. А все это бабушка хлопотунья, мамушка наша и всеобщая Александра Ивановна³³⁹.

Несмотря на такое состояние духа, он составил приятное впечатление о городе, который понравился ему гораздо больше Турина:

Милан очень красивый город, был я в соборе; не храм св. Петра, а великолепен в своем роде, хотя великолепии несколько игрушечное, вроде этих шахматных штук из кости, удивительных тонкостью и многосложностью узорчатой работы. Строение готическое, а нет угрюмого величества готического, скорее что-то китайское, или Рососо <...> Лазил я сегодня и на верхушку собора. Вообразите себе мраморную гору, которую обработали и выточили как шашку. Всё мрамор внутри и снаружи. Всё

³³⁹ См. письмо 18 (30) апреля 1835 из Милана [Прил. I]. О вечной хлопотливости Тургенева см. также письмо Е. Н. Мещерской от 1 (13) апреля 1835 г. из Неаполя: “Tourguéneff toujours agité, toujours affairé court la ville, fait des visites, achète des coraux et a fait chez nous dans le courant de la journée une dizaine d’apparitions. A deux heures... il a saisi son chapeau en se disant à lui même: Но куда теперь побегу? Мне надобно прогуляться? — Да, надобно кое-куда забежать! — Прощайте, милые, я к чаю приду!» [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 29] («Тургенев всегда хлопочет, вечно занятый бегаёт по городу, делает визиты, покупает кораллы и в течение дня показывается у нас с дюжину раз. В два часа... он схватил шляпу, говоря самому себе...» — франц.).

статуйки, розасы, башеньки, шпицы и проч[ее] и проч[ее] с подошвы до крыши³⁴⁰.

Его поразила также арка Семпоне, тогда еще не законченная, и «...новейший Колисей или по крайней мере Амфитеатр, также руки французов, Г'аена, для бега лошадей, людей, и разных игр на суше и на воде, ибо когда нужна сцена Амфитеатра заливается водой»³⁴¹.

Все русские путешественники того времени непременно ездили смотреть на дом экстравагантной русской дамы, графини Самойловой³⁴² на виа Боргонуово: «много роскоши и вкуса, и любопытен картинами, портретами и бюстами своими»³⁴³. Вяземский тоже полюбовался этим дворцом, хотя Самойловой тогда не было в Милане, и ему пришлось довольствоваться созерцанием произведений искусства.

Письмо из Милана доказывает, что город вызвал у князя большое любопытство, и он, невзирая на нездоровье и скверное настроение, за два с небольшим дня осмотрел несколько наиболее значительных памятников. Одолеваемый усталостью, князь вынужден был отказаться от посещения театра и рано лечь в постель, чтобы восстановиться после простуды, вызванной постоянными дождями. В Милане его ждало и серьезное разочарование: отмена визита в театр была обусловлена в том числе тем, что представление давали «не в Скале»³⁴⁴. Она

³⁴⁰ См. письмо 18 (30) апреля 1835 из Милана [Прил. I].

³⁴¹ См. письмо 18 (30) апреля 1835 из Милана [Там же].

³⁴² Ю. П. Самойлова (1803–1875), урожденная Пален, в первом браке была замужем за Н. А. Самойловым (ум. в 1842 г.); после его смерти вышла замуж за оперного певца П. А. Перри. Он скончался вскоре после женитьбы, его вдова вышла замуж за графа де Морне.

³⁴³ Самойлова долгие годы жила в Милане на виа Боргонуово, 10 (по современной нумерации), держала большой дом и считалась «одной из звезд первой величины на светском небосклоне <...> богатство и хороший вкус *славянской чаровницы* сияют здесь, как в королевском дворце: некоторые помещения расписаны, украшены и обставлены в стиле эпохи Людовика XV и Людовика XVI...» [Vascare: 200–202]. Роскошь дворца и богатая коллекция картин, среди которых находились работы Брюллова, поражали посетителей [La Martinella: XVI (1962), XI–XII, 562]. По возвращении в Петербург Вяземский узнал, что Самойлова находится там и вновь в центре русского общества, хотя большая часть бомонда пребывала за городом (см. письмо 1 (13) июня 1835 [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Л. 101]).

³⁴⁴ См. цитированное письмо из Милана [Прил. I]. В тот вечер в театре “*Canobbiana*” давали оперу «*Анна Болейн*» с участием певицы С. Шоберлехнер (1807–1863), урожденной Даль'Окка, родом из С.-Петербурга, дочери болонского певца Филиппо Даль'Окка.

была закрыта в те недели в знак траура по императору Франциску I, и князь счел себя в очередной раз обманутым судьбой: он давно мечтал послушать оперу в самом главном театре Италии. Горечь разочарования надолго запала Вяземскому в душу: в 1838 г. в письме другу Д. П. Северину³⁴⁵ он признается, что с трудом сумел устоять перед искушением нарочно отправиться из Ашаффенбурга в Милан, чтобы послушать оперу в «Ла Скала»³⁴⁶. Пройдет еще много лет, прежде чем ему удастся осуществить эту мечту.

В 1853 г., когда князь будет возвращаться из Венеции в Германию, ему во второй раз представится случай провести несколько дней в ломбардской столице, но и тогда он не попадет на спектакль в «Ла Скала», открывавший сезон в вечер Св. Стефана, примерно через десять дней после отъезда Вяземского. Ему придется довольствоваться посещением картезианской обители в Павии, а также вновь любоваться собором и «хореографической и живописной панорамой города и окрестностей Милана с вершины собора» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5079. Л. 196], о чем тогда писали путешественники и газеты.

Пять дней спустя князь покинул Милан и, проехав вдоль берегов озера Комо, достиг Шплюгена, а потом и Германии³⁴⁷.

Только в 1863 г. Вяземский дождался исполнения своей большой музыкальной мечты и смог записать в дневнике: «Отправился из

В России она вышла замуж за пианиста Ф. Шоберлехнера (1797–1843), и в 1827–1830 гг. они вместе стяжали большой успех; после приехали в Италию, где Шоберлехнер с 1835 по 1839 гг. пела в «Ла Скала». Вяземский неоднократно слушал ее в России.

³⁴⁵ Дмитрий Петрович Северин (1792–1865), дипломат; после службы в армии поступил в министерство иностранных дел. Один из самых близких друзей Вяземского. В первый раз он побывал во Флоренции в 1819–1820 гг. и проживал там в доме Камбьяджо на набережной Лунгарно; в 1831 г. жил на Площади Дуомо “en face du Baptistère de St. Jean, dans la canonica du même nom n. 6029”, как явствует из регистрационных книг Вьессе.

³⁴⁶ См. письмо 6 (18) июля 1838 [Письма Вяземского к Северину: 89].

³⁴⁷ “Voyage de Milan à Côme, Chiavenna et Coire (Splügen)” [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5079. Л. 204а]; из другой записки узнаем, что они делали остановку в Комо [Там же. Л. 202].

Венеции... ноября³⁴⁸, в ... часу утра... Был в опере в Милане с Павлом, который мне уже заготовил ложу»³⁴⁹.

Можно считать почти доказанным, что вечером 21 ноября он присутствовал на представлении «Лючии де Ламермур»³⁵⁰; спектакль, однако, не соответствовал его ожиданиям: «Певцы посредственные. Говорят, впрочем, что нынче еще не сезон бельканто. Настоящий сезон пения настанет после Рождества. Тогда и зал будет лучше освещен. Ложи какие-то тесные и неудобные. Есть хорошие басы буффо» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 48].

Умеренные впечатления не помешали ему провести в «Ла Скале» все миланские вечера³⁵¹, и после «Лючии» он, возможно, больше оценил «Норму»³⁵². Предполагаем, что такой была непосредственная, в первый момент, реакция на событие, которое в его воображении приобрело преувеличенное значение из-за многолетнего предвкушения, и, возможно, спектакль понравился ему больше, чем он хотел признаться. Впрочем, из газет того времени известно, что те осенние представления были не особенно благосклонно приняты критикой и публикой ломбардской столицы.

Во время третьей встречи с Миланом Вяземским все еще владели, несмотря на почтенный возраст, «старые увлечения»: он без раздумий вновь один «лазил» на собор, еще раз съездил в картезианский монастырь в Павию³⁵³, а также совершил ритуальную покупку, заказав пару сапог «по старой памяти и историческим преданиям <...> сыну знаменитого Ронкети»³⁵⁴. Последний на протяжении двадцати лет

³⁴⁸ Возможно, 21 ноября — такая дата стоит на телеграмме, отправленной жене [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 20].

³⁴⁹ В рукописи дата опущена [Там же: Л. 48]. Текст уже публиковался Шереметевым [ПСС: X, 240], без указания месяца. Возникает сомнение, не относится ли это посещение Милана к периоду карнавала 1864 г.: весной князь действительно совершил вторую поездку из Венеции в Милан. В апреле 1864 г. Вяземский в четвертый раз вернется в Милан, чтобы присутствовать вечером 10 апреля на музыкальном состязании, организованном в честь прибытия принца Умберто и имевшем большой успех у публики. Вяземский назвал это зрелище *Carousel* [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 14–16].

³⁵⁰ Названия спектаклей приводятся по газете “La Perseveranza”.

³⁵¹ См. письмо 25 ноября 1863 из Милана [Прил. I].

³⁵² См. письмо 23 ноября 1863 из Милана [Там же].

³⁵³ См. письмо 24 ноября 1863 из Милана [Там же].

³⁵⁴ [Там же]. А. Ронкетти (1773–1833), миланский сапожник [Kauchtschischwili 1963].

был знаменитым миланским сапожником, которому заказывали сапоги самые известные в Европе личности — от Наполеона до Стендаля, от Александра I до Торвальдсена.

Как мы покажем ниже, самым важным событием его коротких визитов в Милан остается встреча с Мандзони. Кроме выдающего ломбардского писателя, князь встречался также с д'Адзельо [Прил. I] и с графом Г. О. Штакельбергом³⁵⁵, в котором увидел «любезнейшего, вежливейшего, ласковейшего старика. <...> Что ни говори, а тотчас узнаешь барина старой школы»³⁵⁶. Вяземский упоминает, что Штакельберг дал ему в дорогу “*Souvenirs de la marquise de Créquy*”³⁵⁷, которые он читал на обратном пути.

1 мая 1835 г., после утренней встречи с Мандзони и лукуллова пира у графа Штакельберга, во второй половине дня Вяземский уехал из Милана, по-прежнему сопровождаемый непогодой, которая преследовала его до самой австрийской границы. Ему не удалось поэтому полюбоваться берегами озера Гарда [ЗК: 230] и красотами Вене-то. Он покинул итальянскую территорию в Тарвизио и после пяти дней непрерывного путешествия прибыл в Вену. Здесь он смог, наконец, сделать передышку в непрерывном путешествии, благодаря

³⁵⁵ Г. О. Штакельберг (1766–1850), граф, курляндского происхождения, сын Отто Магнуса Штакельберга (1736–1800), представителя России в Польше с 1772 по 1780 г. Густав Оттонович был назначен в 1794 г. чрезвычайным посланником и полномочным министром в Турин, где оставался до конца 1797 г. После служил в миссиях в Берне, Гааге и Вене. В 1818 г. он был назначен в Неаполь, но должен был оставить пост в результате революции 1820 г.; вновь вернулся к должности в 1822 г. В “*Gazzetta Privilegiata di Milano*” от 5 мая 1835 г. можно прочесть, что «Его величество император позволил графу Штакельбергу, своему чрезвычайному посланнику при дворе Обеих Сицилий, выйти в желаемую оным отставку, назначив его преемником тайного советника графа Матушевича». После этого Штакельберг переехал в Париж, и его дом стал одним из самых блестящих русских домов во французской столице.

³⁵⁶ См. письмо 18 (30) апреля 1835 из Милана [Прил. I].

³⁵⁷ Маркиза де Креки (1714–1803), подруга д'Аламбера и Руссо. Предположительно речь идет о ее сочинении “*Souvenirs d'une centenaire. Pages choisies des mémoires de la marquise de Créquy*” в семи томах, чьим настоящим автором был некий Коз, известный как де Куршам, которого сочли мистификатором, поскольку маркиза перед смертью уничтожила все свои бумаги [Воспоминания маркизы де Креки: 574–588].

находившимся тогда в городе русским друзьям³⁵⁸, гостеприимству посла Татищева³⁵⁹ и встречам с разными интересными персонажами [ЗК: 231]³⁶⁰. В Вене ему посчастливилось также послушать замечательное исполнение «Любовного напитка» и «Нормы», другие музыкальные произведения; в компании Горчакова он ходил прогуливаться в Пратер, где во второй половине дня встречал весь интернациональный венский бомонд и, наконец, совершал разные покупки в городских лавках [Там же]³⁶¹.

В Вене он решил изменить маршрут поездки и вместо того, чтобы ехать до самого Петербурга в карете, задумал проехать до Любека в почтовом дилижансе, а там сесть на пароход до Кронштадта, следуя совету Александра Гурьева³⁶². Поэтому он быстро, не заезжая в Прагу,

³⁵⁸ В их число входили сестры С. С. Киселева и О. С. Нарышкина, урожд. Потоцкие; некий дипломат Киль и М. Г. Разумовская. Софья Потоцкая в 1821 г. стала женой П. Д. Киселева (1788–1872), в молодости бывшего близким другом Вяземского (см. их переписку [Письма Вяземского к Киселеву]). Вяземский писал жене, что Киселева, которую он долго не видел, «мало переменилась, только, кажется, стала тучнее» (см. письмо от 25 апреля (7 мая) 1835 г. из Вены [Прил. I]). Ольга Потоцкая (1802–1861), старшая подруга Вяземских, была замужем за Л. А. Нарышкиным (1785–1846); с точки зрения князя, она изменилась настолько, что он не сразу узнал ее [Там же]. Киль, бывший с 1827 по 1846 г. секретарем миссии в Неаполе, часто путешествовал по Италии (см. “Gazzetta Privilegiata di Milano” за 1834–1835 гг., раздел “Arrivi e partenze” («Прибытия и отъезды»)). М. Г. Разумовская (1772–1865), урожденная Вяземская, в первом браке жена А. Н. Голицына (1769–1817), прозванного *редкой вещью* (*cosa rara*), во втором замужестве за Л. К. Разумовским (1757–1818).

³⁵⁹ Д. П. Татищев (1767–1845), дипломат, начал военную карьеру в 1782 г., в 1799 г. перешел в министерство иностранных дел; с 1805 по 1808 гг. был послом в Неаполе, с 1812 по 1821 гг. — в Мадриде, с 1821 г. — в Гааге, после чего был назначен особым посланником в Вене, пребывал в должности до 1841 г. — года, когда он ослеп; остаток дней провел в австрийской столице. Оставил многочисленные сочинения о своей дипломатической деятельности.

³⁶⁰ Через М. Г. Разумовскую он познакомился с братом ее мужа Андреем Кирилловичем (1752–1836), человеком широчайшей культуры, бывшим дипломатом и увлеченным музыкантом-любителем: он был второй скрипкой в многочисленных оркестрах. В Вене, где он проживал тогда уже около тридцати лет, его называли *Erzherzog Andreas*.

³⁶¹ См. письмо 25 апреля (7 мая) 1835 из Вены [Прил. I].

³⁶² Там же: «Я здесь нашел графа Александра Гурьева, который едет на Любек и там сядет на пароход. Он расчел мне, что это средство гораздо удобнее и сократит время <...> Так сделаю и я, тем более, что здесь оставляют на мою волю ехать как хочу» [Прил. I].

пересек Богемию, остановился ненадолго в Дрездене³⁶³ и Берлине [ЗК: 232–233]³⁶⁴ и вовремя доехал до Любека, чтобы сесть на пароход [Там же: 234]³⁶⁵. Из-за этого он отказался от посещения саксонской Швейцарии и окрестностей Берлина, но, прибыв в Любек, узнал, что корабль задерживается из-за погодных условий [Там же]³⁶⁶; ему пришлось ждать еще несколько дней. Князь воспользовался этой непредвиденной остановкой, чтобы написать длинное письмо жене [Прил. I] и чтобы начать новую тетрадь дневника, которая должна была стать чем-то вроде бортового журнала его морского путешествия, но осталась, как не раз случалось и прежде, лишь наброском³⁶⁷. Ожидание показалось ему долгим и нервирующим, тем более что его терзало чувство вины — он упрекал себя за то, что произвольно изменил маршрут, а это влекло за собой непростительную задержку в доставке документов. После целой недели ожидания пароход наконец смог отправиться в Петербург, куда и прибыл согласно графику после трех дней путешествия³⁶⁸.

16 (28) мая Вяземский наконец испытал долгожданную радость обнять своего единственного сына и плакать вместе с ним. И все же этого утешения было недостаточно, чтобы ободрить его дух. Он скорбел долгие месяцы, замкнувшись в себе и сторонясь большого света столицы. Он встречался тогда только с немногочисленными и самыми

³⁶³ См. письмо от 1 (13) мая 1835 из Дрездена, где он посетил замок и знаменитую картинную галерею, о чем написал: «В первый раз смотрел я на Рафаэля и Корреджио с чувством, родившимся во мне от римских воспоминаний» [Прил. I].

³⁶⁴ В письме 3 (15) мая 1835 из Берлина князь признается, что город ему не особенно понравился и тоже напоминает ему Петербург [Там же].

³⁶⁵ См. письмо 6 (18) мая из Любека, где в ожидании парохода у князя было время, чтобы собрать все свои размышления о поездке и о событиях последних месяцев в письме к жене [Там же].

³⁶⁶ «Слышно, что пароход не вышел из Петербурга за льдами» [Там же].

³⁶⁷ «Обращаюсь мыслями к 11 августа 1834 г. и обнаруживаю себя на “Николае” <название корабля, на котором он путешествовал за год до этого. — Н. К.>. Тогда я мог вместе с Цезарем сказать, что пароход вез меня и мою удачу. Сейчас я возвращаюсь один. Ночью мы должны пересечься с “Николаем”. Мысленно завидую тем, кто путешествует на нем. Каждый из них воодушевлен надеждой и ожиданием. Грустно стоять на мостике, ибо погода такая мрачная. В общем, холодно физически и морально» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 93–95].

³⁶⁸ «10 (22) мая: пароход пришел. 12 (24) мая. Отправляемся из Любека в 8 часов утра» [ЗК: 234]. См. также письмо из Петербурга [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269].

верными друзьями, и они сделали все возможное, чтобы утешить его, вместе с дальними и близкими добрыми знакомыми, которые выказали ему в эти месяцы свою поддержку и сочувствие³⁶⁹.

³⁶⁹ В сентябре 1835 г. утешением для него стало посещение И. И. Дмитриева (1760–1837), поэта и автора басен, а с 1810 по 1814 гг. — министра юстиции. Вяземский выказал ему свою глубокую признательность [Письма Вяземского к Дмитриеву 1868: 639–640]. Появление друга в тот момент, когда князю были безразличны все внешние впечатления, вновь пробудило внутреннюю радость, которую он считал утраченной навсегда. 1 (13) декабря 1835 г. он писал А. О. Смирновой (1809–1882), урожденной Россет, чтобы поблагодарить ее за утешение и поддержку, которые принесли ему ее письма (Смирнова находилась тогда за границей); однако признавался ей, что всякая надежда умерла в его сердце, и это было худшей из его печалей [Письма Вяземского к Смирновой: 292–293]. Своему другу Северину, упрекавшему его в том, что он не захотел провести с ним несколько дней в Берне, князь признается: «Путешествие было всегда целью моих желаний. Я рожден для путешествий. Надобно же было в первый раз исполниться этому желанию при таких бедственных обстоятельствах, с умом и сердцем под тяжестью одной неотступной мысли, одной всеобъемлющей раны. Все мои впечатления, все мои воспоминания отзываются одним этим недугом. Впрочем, и вся жизнь моя и, вероятно, уже навсегда сроднилась с чувством этой глубокой скорби. В ней одна настоящая истина моей жизни; все прочее беглые ощущения <...> уже никакая радость не дотронется до моего сердца» (письмо от октября 1836 г. [Письма Вяземского к Северину: 87]).

ГЛАВА VI

ВСТРЕЧИ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЕЗДКИ В ИТАЛИЮ

В те месяцы произошли встречи, которые запомнились Вяземскому на долгие годы. Среди них мы должны прежде всего упомянуть о знакомстве с миром *Наполеонидов*, с которым князь в первый раз смог соприкоснуться во Флоренции. Это было значительное событие, поскольку оно напомнило ему об особом эпизоде из прошлого: единственный военный опыт князя относился к периоду войны с Наполеоном, который он считал «оторванным листком в своей жизни». Личность императора-завоевателя, помимо прочего, настолько повлияла на жизнь его поколения и на историческое и социальное развитие России, что Вяземский, наделенный чувством истории, годами пытался проникнуть в тайну этого феномена, читая по возможности все, что касалось Наполеона. Военные события 1812 г. привели множество русских в Западную Европу и, как следствие, распахнули двери России для мощного французско-европейского влияния. Галломания, до того ограниченная лишь узкой прослойкой общества, стала с того времени достоянием всего российского правящего класса и, в конечном итоге, вызвала появление оппозиционного течения славянофилов.

Вяземский и его современники оказались свидетелями упадка наполеоновской империи и, несмотря на все исторические предрассудки, восхищались фигурой императора. Всех потрясло наказание, наложенное на самого гениального диктатора современности. Вяземский читал мемуары Лас Казаса и доктора Антоммарки³⁷⁰ о заключении на

³⁷⁰ В списке книг, приобретенных Вяземским в 1818–1820 гг. в Варшаве, имеются следующие труды о Наполеоне:

1818 Novembre 11: *Campagne de Belgique*;

1819 Mai 7: *Lettres de Napoléon à Carnot*;

Mai 21: Thérèse Aubert, *Correspondance de Napoléon*;

острове Св. Елены и о жестокости Хадсона Лоу и с радостью воспользовался возможностью обогатить свои познания личным опытом.

Первый случай представился во Флоренции в доме английского священника³⁷¹, где он познакомился с одним британским майором, «подтюремщиком Наполеона при Гудсон-Лове» [ЗК: 227]. От этого человека, о котором, к сожалению, больше не приведено в путевых заметках никаких подробностей, князь узнал интересные детали о пребывании Наполеона на острове Святой Елены, а также некоторые сведения о физическом облике императора. После той беседы Вяземскому много лет пришлось ждать знакомства с другими «тюремщиками» Наполеона. Лишь в 1853 г. супруги Стюрмер обогатят его знания о знаменитом пленнике:

Стюрмеры были на Св. Елене в числе хранителей Наполеона. Она говорит, что много преувеличений и пристрастий в рассказах о притеснениях, терпимых Наполеоном, но что, впрочем, было много неприятного и оскорбительного по необходимости в надзоре за ним. Нашего комиссара Бальмена³⁷² он, вероятно, допустил бы до себя охотно, но сэр Гудсон-Лоу

Juin [2]9: *3-e Recueil sur S-te Hélène* ;

Novembre 15: *3-e Congrès de Carlsbad*;

1820 Janvier 4: *Jugement sur Napoléon*;

Février 3: *Mémoires de Joséphine; Congrès de Carlsbad*;

Février 10: *Le Royaume de Westphalie*;

Février 22: *Document sur Napoléon*;

Août 31: *Mémoires sur Napoléon* [Нечаева 1937а: 88–89].

5 июня 1819 он пишет Булгакову в Карлсбад: «Сделай милость, привези мне все, что выйдет нового о знаменитом колоднике» [Письма Вяземского к Булгакову: IV, 516]. В 1822 г. он пишет опять: «Привезешь ли с собою записки Наполеона? Дай хоть понюхать! Это подкрепительный спирт! Нельзя ли с помощью братца выписать мне экземпляр? То-то было бы благоденствие» [Там же: V, 101]. И. И. Дмитриев также просил Вяземского в 1821 г. прислать ему из Варшавы “Recueil de pièces authentiques sur le captif de Sainte Hélène” и т. д. [Письма Дмитриева: 150]. В 1837 г. Вяземский, в свою очередь, просил у В. Ф. Одоевского мемуары секретаря Наполеона Бурьенна. В своих записках Бурьенн отрицал «сказание о том, что Бонапарте, посетив в Яффе госпиталь зараженных чумой, прикоснулся к некоторым для ободрения их», см. в примечании к стихотворению Пушкина «Герой» [Современник 1837: V, 146].

³⁷¹ Возможно, речь идет о преподобном Чарльзе Генри Хаттоне, капеллане англиканской церкви Святой Троицы (Holy Trinity) во Флоренции с января 1833 до конца 1834 г.

³⁷² А. А. Бальмен (1781–1848), граф де Бальмен, потомок старинного шотландского рода, представители которого с XVIII в. служили в России. Оставил многочисленные записки и донесения о службе при Наполеоне на острове Св. Елены.

не позволил того, потому что Наполеон его видеть не хотел. Наполеон пил одно шампанское, частью цельное, частью с водой. По примеру его и вся его французская свита, кроме шампанского, не пила ничего, так что по обыкновенному расчету вся заготовленная провизия скоро истощилась, и Наполеон оставался без шампанского. Тогда сообщения были долговременны, и пока не выписали новой провизии, прошло несколько месяцев. Французы ужасно кричали против жестокости английского правительства, которое жаждою морит Наполеона. Все черное белье и дамское тут же было перебираемо английскими офицерами. Новые крики и нарекания на дикость и варварство англичан. Однажды Наполеону захотелось подшутить над стражевым офицером, который следовал за ним в прогулках его верхом. Он уловил минуту, в которую тот с кем-то заговорился, пришпорил коня своего и скрылся в крутизнах и извилинах скалы. Не видя пред собой пленника своего, офицер обмер, пустился во все загоулки ущелий, но нигде не нашел и следов его. Тревога, повсеместные поиски, пальба пушек, чтобы возвестить, что пленник спасся; а между тем пленник благополучно возвратился домой, смеясь над погоней за ним. С той поры приняты новые предосторожности, которым Наполеон не поддавался. Отказался от своих верховых прогулок и под конец ограничил выход свой из дома местом, прилежащим к дому [ПСС: X, 25–26].

Эта запись, сделанная через сорок лет после падения императора, показывает, что интерес к фигуре Наполеона Вяземский сохранил на всю жизнь; позже мы увидим, что наиболее ценные детали, касающиеся его знакомства с Наполеонидами, следует отнести к 1875 г. — за исключением нескольких наблюдений, относящихся к 1836 г. Князь получил тогда от А. И. Тургенева книгу Э. Кинэ (Кине) “Napoléon” [Quinet]³⁷³, опубликованную незадолго до этого в Париже, и был настолько впечатлен, что немедленно написал для «Современника» рецензию [Вяземский 1836]. В письме, которое он сразу отправил Тургеневу, чтобы поблагодарить за присланную книгу, видна эта непосредственная реакция:

Что за сумбур врет он <Кинэ. — *Н. К.*> о madame Laetitia <Легиция Бонапарт, мать Наполеона. — *Н. К.*>, что она алебастровая чаша, и которую

³⁷³ Э. Кинэ (1803–1875; у Вяземского — Кине), историк, философ, поэт и политик, переводчик. Из-за своего свободомыслия был неоднократно вынужден покидать Францию и совершал долгие поездки по всей Европе; приезжал он и в Италию.

он еще видит dans la plaine <на равнине — франц.>. Ведь это хвостовщина³⁷⁴, только в чистой и тонкой рубашке! Уж если на то пошло, то мое иносказание о ней лучше. Увидев ее в Риме, я сказал que j'avais vu la louve qui avait allaité Romulus et plus d'un Remus³⁷⁵ (я увидел волчицу, кормившую Ромула и несколько Ремов — франц.).

В статье он, по своему обыкновению, издалека идет к поставленной теме и лишь после общих рассуждений о французской поэзии и прозе той эпохи переходит к разбору поэмы Кинэ. Восхваляя легкость его стиха, князь признает, что поэту можно поставить в заслугу умение ловко приспособлять ритм стиха к его содержанию. Тем не менее, он не одобрил аллегорико-поэтической тенденции автора и, для того чтобы более точно выразить свои эстетические суждения, процитировал некоторые строки. Строфа, посвященная Летиции Бонапарт, урожденной Рамолино, вызвала его упрек тем, что поэт позволил себе увлечься образами, не имеющими никакой реальной основы. Кинэ не только называет ее *une coupe d'albâtre pleine* (алебастровая чаша), возможно, чтобы образовать рифму с *dans la plaine* (на равнине), но и сравнивает ее с *une vigne mariée à l'acacia* («с виноградной лозой замужем за акациевым деревом»). Таким образом, заключает Вяземский, эти стихи плохи не только потому, что смехотворны, но и потому, что выдают отсутствие поэтической и художественной чувствительности; впрочем, он признавал определенное формальное их изящество.

Разбор произведения Кинэ позволил князю вспомнить обстоятельства, при которых в 1834 г. он удостоился исключительной чести быть принятым у *madame mère*. Во Флоренции через российского поверенного в делах Н. А. Кокошкина³⁷⁶ Вяземский познакомился с экс-королевой Неаполя Каролиной Мюрат Бонапарт, жившей тогда в палатце

³⁷⁴ Граф Д. И. Хвостов (1757–1835), по оценке современников, манерный рифмоплет, лишенный поэтического таланта.

³⁷⁵ Письмо 7 (19) марта 1836 из Петербурга [ОА: III, 310–311].

³⁷⁶ Н. А. Кокошкин (1792–1873) был посланником на Веронском конгрессе в составе русской делегации, затем атташе посольства в Вене, с 1832 по 1833 гг. — советником посольства в Лондоне, с 1834 по 1839 гг. — поверенным в делах во Флоренции, с 1839 по 1853 гг. — в Турине, с 1853 по 1860 гг. — в королевстве Обеих Сицилий, с 1860 по 1864 гг. — в Саксонии. Из регистрационного журнала Вьессе явствует, что в 1834 г. Кокошкин жил в палатце Мартеллини в районе Борго Ониссанти.

Гриффони³⁷⁷ под именем графини Липона³⁷⁸. Каролина проявляла большое расположение к Кокоскину и большую симпатию к русским, которых она выделяла среди прочих путешественников, памятуя о миротворческой роли Александр I в 1814–1815 гг. [ПСС: II, 254–256].

Графиня Липона показала Вяземскому весьма любезной, приветливой и простой в своем гостеприимстве, хотя «из вежливости величали ее еще вашим величеством». В 1875 г. в Бад-Гомбурге, просматривая свои критические очерки перед публикацией полного издания произведений, князь признавался, что спустя много лет он все еще помнил свой трепет перед входом в дом, где жила сестра великого военачальника. В это мгновение перед его внутренним взором развернулась вся картина необыкновенной судьбы Наполеона, и особенно живым было воспоминание о мучениях и обидах, которые тому пришлось пережить, когда он оказался прикован к «жгучей скале», терзаемый хищным ястребом — сэром Хадсоном Лоу. Ему на ум приходили поэтические инвективы Байрона и патриотические песни Беранже, которые заставляли забыть о преступлениях, совершенных Наполеоном против Европы, и оставляли только сочувствие к страдающему человеку³⁷⁹.

³⁷⁷ Палаццо Гриффони находилось на виа Деи Серви на углу пьяцца Аннунциата и принадлежало семье Риччи: там в 1522 г. родилась Св. Катерина де'Риччи. Палаццо берет свое название от Уголино Гриффони, секретаря Козимо де Медичи.

³⁷⁸ Вяземский отметил, что слово *Lipona* было анаграммой Неаполя (Napoli) [ПСС: II, 254]. Е. Н. Мещерская также вспоминает о своем визите к Каролине Мюрат: «Nous avons passé la soirée chez la soeur de Napoléon et la veuve de Murat, quoique extrêmement bonne et aimable, m'a fort désappointé: j'ai cherché dans ses traits quelque étincelle de la noble et géniale physionomie de son frère» [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 12] («Мы провели вечер у сестры Наполеона и вдовы Мюрата, и она, хотя и была чрезвычайно мила и любезна, очень разочаровала меня: я искала в ее чертах что-то от благородства и гениальности ее брата». С другой стороны, она находила ее «étonnamment fraîche et bien conservée pour son âge» («на удивление свежей и хорошо сохранившейся для своего возраста» — *франц.*). В альбоме князя хранится желтый цветок, унесенный им со статуи Мюрата в доме Каролины [Там же: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 28].

³⁷⁹ В записных книжках Вяземского неоднократно встречаются упоминания Наполеона [ЗК: 487]; то же самое можно сказать и о переписке. В сентябре 1838 г., будучи в Париже, Вяземский отправился в Сен-Клу, чтобы посмотреть иллюминацию замка и водяные игры, которые могли произвести впечатление из-за одной только тени Наполеона, которая, казалось, блуждала там повсюду [Вяземский 1937: 128].

При входе в салон графини его грезы были прерваны столкновением с несколько иной действительностью: перед ним предстал светский салон, где русские, французы и итальянцы мирно играли в карты пред величавой тенью Наполеона. Едва опомнившись от встречи у Каролины с соотечественниками, занятыми карточной игрой, князь попытался завязать беседу с женой Мюрата. Его интересовали малоизвестные подробности об императоре, поскольку уже с 1827 г. он намеревался опубликовать перевод «Жизнеописания Наполеона» Вальтера Скотта³⁸⁰. Вяземский собрал много материала об императоре и, вероятно, не оставлял окончательно идею подготовить очерк о Наполеоне. Поэтому ему приятно было отметить, что графиня Липона планировала опубликовать свои мемуары “pour disculper le roi qui est devenu le bouc émissaire de cette époque” [ЗК: 227] («чтобы снять вину с короля, который стал козлом отпущения этой эпохи» — *франц.*).

Во Флоренции Вяземский был также гостем князя де Монфора [Там же] в палаццо Орландини³⁸¹, где тот развлекал гостей с большой пышностью: вся “l'Europe voyageuse” (странствующая Европа) съезжалась у него. Среди этих празднеств блистала его дочь Матильда³⁸², окруженная несколькими красавицами, международными знаменитостями³⁸³; исходя из этого, весьма вероятно, что именно при посещении

³⁸⁰ В 1836 г. Вяземский написал критическую статью о книге “Précis des guerres de Jules César par l'Empereur Napoléon” [ПСС: II, 227–241], где уделил внимание “Memorial de Sainte Hélène” Лас Казаса; возможно, он собирался перевести из него несколько фрагментов.

³⁸¹ Палаццо Орландини находится на виа Буони, ныне виа деи Пекори № 6, где в настоящее время располагается банк Монте деи Паски ди Сиена.

³⁸² Матильда де Монфор (1820–1903) в 1841 г. вышла замуж за Анатолия Николаевича Демидова (1812–1870), сына российского посланника во Флоренции Н. Н. Демидова, умершего там в 1828 г. Анатолий Демидов обладал невероятным богатством и полагал, по словам Серристоры, что может получить при помощи богатства все, что угодно [Сарпони: VI, 206]. Матильда быстро разошлась с Демидовым; о чем в ASF хранятся соответствующие документы.

³⁸³ “A Florence on cite les fêtes que donne le prince Monfort dans son beau palais: ce sont toujours de délicieuses soirées; chaque invité peut se persuader qu'il occupe une place d'honneur... Le prince Monfort invite à ses soirées les étrangers qui arrivent à Florence... J'entends prononcer autour de moi les noms de Guelfes et de Gibelins portés aujourd'hui par de jeunes seigneurs bien franchement unis... J'aimais à suivre de l'oeil, dans les groupes, la tête napoléonienne du prince de Monfort, qui s'inclinait avec un galant respect devant les dames... Le piano préludait... arrivait madame Persiani accompagné de son père Tacchinardi. Un

дома Жерома Бонапарта [ЗК: 226–227] Вяземский познакомился с некоторыми лицами, упомянутыми в его записных книжках. Князь Монфор, несомненно, проявлял к нему особое внимание, поскольку из письма, посвященного визиту к матери Наполеона, мы узнаем, что Вяземский отправился в палаццо Мишателли в сопровождении Жерома. Знакомство Вяземского с хозяйкой при посредничестве одного из членов семьи должно было сделать встречу менее официальной:

Вчера лазил я на Капитолий и был у Госпожи Летиции: две исторические развалины, та и другая пережила не только себя, но и потомство свое. Или не признавать новейшей истории, или должно согласиться, что Госпожа Летиция одна из замечательнейших древностей нынешнего Рима. Это живая волчица, которая вскормила Ромула и многих Ремов: один из них, Jérôme, был моим водителем к ней. Странно было слышать слово Матап и думать, что эта Матап мать Наполеона, который в гробнице своей св. Елены спит за тридевять земель и за тридевять веков от нас. Вот что топит и разогревает Рим: таких подтопок нигде не найдешь и нигде не были бы они на своем месте. Летиция худошавая, слепая, желтая, безногая женщина и худо говорит по-французски, хотя и могла бы натереть в школе французской империи. Но видно она догадывалась, что не стоит того научиться и не надолго далась ей французская грамота. Разговор наш был не исторический, но надеюсь, что в другой раз удастся мне

groupe d'amateurs et de jeunes dames de la société de Florence venait de se mêler aux artistes, car toute répugnance de position s'évanouit dans la communion fraternelle des talents et des beaux arts" [Mery: 95–100] («Во Флоренции рассказывают о праздниках, которые устраивает в своем прекрасном палаццо принц де Монфор: эти вечера неизменно очаровательны; всякий гость может увериться, что занимает почетное место... Принц Монфор приглашает на свои вечера иностранцев, прибывающих во Флоренцию... Вокруг меня звучат имена гвельфов и гибеллинов, принадлежащие сегодня молодым людям, между которыми, откровенно говоря, нет различий... Мне нравилось следить в толпе за наполеонической головой принца Монфора, которая галантно склонялась перед дамами... После прелюдии на пианино... явилась мадам Персиани в сопровождении своего отца Таккинарди. Группа почитателей и молодых дам из флорентийского общества смешалась с артистами, потому что все презрение к общественному положению исчезает в братском единении талантов и изящных искусств» — *франц.*). Фанни Персиани (Fanny Persiani, 1812–1867), сопрано; Доницетти написал для нее «Лючию де Ламмермур»; ее восхваляли также в «Journal de St. Pétersbourg» (16 (28) марта 1839 г.). Никола Таккинарди (Nicola Tacchinardi, 1772–1859) — драматический тенор.

повыть с волчицею³⁸⁴. Виноват, два раза, приветствуя и прощаясь, поцеловал ее сухую лапу. Хотелось отведать, что за вкус³⁸⁵.

В 1836 г., принимаясь за разбор поэмы Кинэ, князь стремился противопоставить экстравагантным образам французского поэта собственное сравнение:

Я видел в Риме мать Наполеона, незадолго до ее смерти: развалину в городе вековых развалин. В уединенном палаце ее, на конце *Corso*, обремененная годами, бедствиями и недугами, слепая, безногая, прикованная к креслам своим, как сын ее некогда к скале, она доживала век свой одинокая, вдали от детей, разлученных с нею силой обстоятельств, пережившая из них многих и многое и беседующая в мраке своем с тенями минувшего! Поэзия, пробужденная в душе впечатлением сей картины, сей разительной действительности, не была ли выше всякой другой поэзии, изысканной и иероглифической? Что видел я, то видели и некоторые другие, знают все: каждый из современников свыкся по собственным впечатлениям, или по рассказам, с сим историческим лицом, и никому (разве в бреду горячки) не приходило в голову представить себе Летицию в виде чаши в поле или виноградной лозы замужем за акациевым деревом. <...> Аллегорические портреты не удовлетворяют истинному чувству: оно требует не холодной отвлеченности, а живой и теплой действительности [ПСС: II, 249–250].

Пересматривая эти заметки в 1875 г., через сорок лет после визита к Летиции, князь счел необходимым добавить новые детали:

Не знаю, как держалась она в лице императрицы; но тут мне показалось, что первобытная натура ее всплыла из-под обломков ее бывшего величия. Нужно было особенное усилие воображения, чтобы отыскать в ней царственную волчицу, которая вскормила Ромула и около полдюжины второстепенных Ромульчиков. В ней не видать было следа прежнего величества. Предо мною была старая итальянка, даже не аристократического происхождения: ничего не было отборного, возвышенного. По-французски говорила она плохо, и с итальянским выговором, от которого, впрочем не мог совершенно отделаться сам Наполеон [Там же: 255].

³⁸⁴ В изученном нами материале мы не нашли сведений о его втором визите к матери Наполеона.

³⁸⁵ См. письмо 4 (16) декабря 1834 [Прил. I]. Полагаем, что этот визит имел место 3 или 4 (15 или 16) декабря 1834 г.

Вяземский как аристократ остался в глубине души разочарован атмосферой, в которой приходилось любоваться этой «руиной», и вынес впечатление, что внутренние чувства этой женщины из народа, внезапно вознесенной до невероятных высот, увяли, как только она оказалась между двумя социальными реальностями, не принадлежа больше ни к одной, ни к другой. Фигура Летиции подтолкнула его к размышлениям о сыне, мраморным надгробием которого стала мать. Князь задавался вопросом, отчего в древности истории требовалось время, чтобы созреть и оставить свой след на долгие времена, а теперь любая руина сразу же наделялась исторической ценностью, не дожидаясь, пока века освятят ее, а само историческое явление уйдет в прошлое. Он видел в матери Наполеона единственный еще живой осколок прошлого, который уже причислили к историческим памятникам, потому что она пережила падение огромного политического здания, воздвигнутого и упроченного, как казалось, навеки ее сыном.

Размышления 1875 г. о встрече с Летицией Рамолино-Бонапарт позволили Вяземскому в старости более отчетливо сформулировать свой взгляд на фигуру Наполеона: он все еще признавал огромное величие императора. Князь видел в Наполеоне гениального политического деятеля, пронизательного законодателя и отважного строителя, который положил начало грандиозным и долговечным проектам для процветания народов. В целом Вяземский считал, что духовный гений стоит выше таланта военного; тем не менее, Наполеон воплощал в себе оба качества, и в его случае первое было подчинено второму.

Встреча князя с матерью Наполеона входит в число немногих свидетельств о посещении Летиции в последние годы ее жизни. В то время она редко принимала в своем дворце иностранцев, отдавая предпочтение подданным дружественных Наполеону стран; она особенно приветствовала французов и не хотела принимать бывших врагов, демонстрируя исключительную верность или преданность памяти сына. В литературе о Наполеоне в числе последних посетителей указываются обычно французский путешественник Ж. Мери и австрийский

дипломат Прокеш фон Остен³⁸⁶, находившийся под радушной опекой герцога Рейхштадтского. Когда римские Бонапарты узнали о присутствии Прокеша фон Остена в Вечном городе, то способствовали его скорейшему визиту к бабке герцога Рейхштадтского. Летиция приняла австрийского дипломата очень тепло, он был тронут этим визитом, тем более что несколько дней спустя узнал, что почти в тот же самый час сын Наполеона умирал в Вене [Prokesch: 136–142]. Ж. Мери был пламенным французским патриотом: ему казалось, что он видит в старой матери ту же энергию, что воодушевляла сына. В его описании она была погружена в бескрайнюю скорбь, благодаря которой этот бедный «скелет» женщины становился чем-то возвышенным [Mery: 177–178]³⁸⁷. В то же время Прокеш фон Остен, несмотря на волнение, увидел в ней, как и Вяземский, лишь слабую тень славного прошлого, и как иностранец, в совершенстве владевший французским языком, ставил ей в упрек, что она не потрудилась выучить язык империи.

Соприкосновение с миром Наполеонидов повлияло на формирование исторических воззрений князя, поскольку позволило ему убедиться, что феномен Наполеона оставил след не только на русской почве, но и определил многие аспекты общественной и политической жизни Западной Европы.

Вяземскому посчастливилось также встретить в первые дни в Риме прусского дипломата Х. Бунзена³⁸⁸, преемника Нибура, блиставшего на римском интеллектуальном небосклоне благодаря своей обширной эрудиции. Бунзен был одним из самых скрупулезных ученых-археологов и принимал участие в создании труда о Вечном городе³⁸⁹, вышедшего незадолго до этого и заслужившего всеобщее внимание. Как археолог Бунзен был также хорошо знаком с этрускологией и провел немало времени на раскопках Тарквинии³⁹⁰. Его познания

³⁸⁶ А. Прокеш фон Остен (1795–1876), дипломат, археолог и путешественник; австрийский посол в Афинах, Берлине, Константинополе. Совершил путешествие по странам Среднего Востока, о чем в 1836–1837 гг. издал мемуары.

³⁸⁷ Этот визит состоялся примерно за девять месяцев до визита Вяземского.

³⁸⁸ Х. К. И. фон Бунзен (1791–1860), богослов, археолог и прусский дипломат.

³⁸⁹ “Beschreibung der Stadt Rom” (1832 г.), результат сотрудничества видных немецких ученых, в числе которых был Нибур.

³⁹⁰ См. письмо А. И. Тургенева от 27 апреля (9 мая) 1833 г. из Чивитавеккья [АБТ: 210].

в археологии основывались на солидной исторической подготовке, что еще более увеличивало его научный вес. Помимо того, Бунзен был весьма известен и как богослов-протестант, сумевший сыграть, благодаря своему статусу прусского посланника при папском дворе, решающую роль в споре, возникшем тогда между католиками и протестантами по поводу признания смешанных браков в различных епархиях, особенно в кёльнской.

Из мемуаров Бунзена³⁹¹ мы узнаем, что в 1832–1833 гг. в Риме он познакомился с А. И. Тургеневым и Жуковским, и что Тургенев рассказывал о Бунзене своему другу Вяземскому, описывая тому все достоинства немецкого эрудита [АБТ: 212]. Симпатия между Бунзеном и Тургеневым, возникшая моментально и основанная на взаимном уважении³⁹², быстро превратилась в искреннюю дружбу. Когда Тургенев сообщил ему о предстоящем прибытии в Рим одного из своих самых дорогих друзей — Жуковского, Бунзен, не колеблясь, отложил отъезд за город, чтобы послужить чичероне для тургеневского друга и показать ему Рим с профессиональным знанием дела. Воспоминание об этой дружбе было еще весьма живо в Тургеневе, когда Вяземский готовился покинуть Россию. Он посоветовал князю, от своего имени и от имени Жуковского³⁹³, познакомиться в Риме с Бунзеном, чтобы полностью «отдаться в <...> распоряжение» прусского

³⁹¹ «Мы провели прошлую зиму в хорошей компании... Тургенев, бывший министром во времена царя Александра, ныне живет в добровольном изгнании вдали от родины, поскольку его брат участвовал в восстании против Николая. Это настолько интересный человек, что для его описания потребовалось бы много страниц, ибо он не принадлежит ни к одному из обычных социальных классов. Это татарский князь, что подтверждает и его облик, хоть при этом он отличается изысканными манерами и совершенным искусством вести беседу. Он знает почти всё, он прочел почти все книги, он посещал все круги общества, он шел своей дорогой среди самых разнообразных суждений, и все же сохранил неиспорченным вкус ко всему, что хорошо, и несбыточную жажду самого лучшего. О нем можно было бы рассказать многое, и это была бы интересная картина человеческой природы» [Bunsen: 293–294].

³⁹² Бунзен был добрым другом «остроумного Гагарина», российского посланника в Риме, и дружба между Тургеневым и этим последним, возможно, облегчила их взаимное знакомство [Bunsen: 343]. Бунзен испытывал также живую симпатию к послу А. Я. Италинскому (1743–1827) и к дипломату «курляндского происхождения» П. Хану (1793–1862), с 1817 по 1822 гг. атташе дипломатической миссии в Риме [Там же: 342–343].

³⁹³ См. письмо 23 октября (4 ноября) 1834 [ОА: III, 260].

посла — ведь никто не знал Рим лучше, чем этот многоопытный немецкий археолог³⁹⁴. Вяземский последовал совету друга и 8 (20) декабря 1834 г. уже смог написать, что знакомство состоялось³⁹⁵. Отметим, однако, что остается неизвестно, какое впечатление личность Вяземского произвела на Бунзена. Хотя прусский посол восторженно относился к Тургеневу и восхищался Жуковским³⁹⁶, мы не находим в его мемуарах каких-либо упоминаний князя. Но у нас есть, по крайней мере, одно весьма яркое описание впечатления, которое этот необыкновенный человек оставил в памяти Вяземского: «Бунсен, дипломат, теолог и немецкий ученый, не имел ни чопорности и потаенности первого, ни сухости и проповедничества второго, ни глубокомысленной и кафедральной скуки третьего. Он просто был приятный собеседник, занимательный и часто поучительный» [ПСС: VIII, 243].

³⁹⁴ Сестры Карамзины не упоминают о Бунзене; отсюда можно заключить, что он, вероятно, не возвращался в римском бомонде, а посещал узкий круг образованных друзей.

³⁹⁵ См. письмо 4 (16) декабря 1834 из Рима [Прил. I].

³⁹⁶ В воспоминаниях Бунзена можно прочитать интересную характеристику Жуковского: «Новое удовольствие общения ожидало Бунзена по возвращении Александра Тургенева из Неаполя в компании с Жуковским, знаменитым в России поэтом и человеком возвышенного духа во всех смыслах; в течение нескольких лет он был наставником молодого царевича-престолонаследника и, не будучи придворным, всегда пользовался большой благосклонностью царя и царицы. Он получил отпуск по состоянию здоровья и смог отправиться за границу, но теперь спешил вернуться на свой ответственный пост и имел поэтому в распоряжении всего несколько дней. Бунзен, однако, постарался сделать так, чтобы эти дни доставили Жуковскому как можно больше удовольствия: он показывал ему интересные места, некоторые из которых тот уже видел ранее, но не замечал всего того, что там можно было заметить и услышать. Он обладает мужественно-доброжелательной простотой, напоминая этим Вальтера Скотта — естественно, учитывая при этом различие в национальности. Его разговор — один из самых простых, но он никогда не впадает в банальность; в общем, в нем, кажется, нет ничего, что напоминало бы чужака или иностранца. Все тянутся к нему, привлеченные его естественным обаянием. Тургенев и Жуковский, вместе с генералом фон Ройтером (замечательным немцем на русской службе <имеется в виду Евграф Рейтерн (1794–1865), русский офицер, лишившийся руки в битве под Лейпцигом, художник, ставший в 1841 г. тестем Жуковского. — Н. К.>) встретились в доме Бунзена с Торвальдсенем, Корнелиусом и Овербеком. Это была одна из тех необыкновенных встреч, которые вряд ли происходят где-то, кроме Рима, и это был день, который должен запечатлеться в памяти. Все были воодушевлены, и всякий озарялся духом другого. Эта группа русских проводила большую часть вечеров, а иногда и утра, с Бунзеном, его семьей и его друзьями» [Bunsen: 395].

В подтверждение последних слов Вяземский приводит историю о Талейране, которую Бунзен рассказал ему в 1834–1835 гг. [ПСС: VIII, 243]. Эта первая встреча стала началом знакомства, которому по прошествии лет суждено будет возобновиться: князь будет встречать немецкого эрудита в самых известных местах, где собирался тогдашний международный бомонд — в Ницце, в Каннах, в Баден-Бадене и в Гейдельберге, где Бунзен провел много лет³⁹⁷; их отношения прервутся только за несколько месяцев до смерти последнего. То уважение, которое зародилось у князя к Бунзену после первой встречи, сохранилось и при дальнейшем общении — насколько мы можем об этом судить по тем впечатлениям, которые обнаруживаем в его дневнике 1850–1860 гг., где немецкий ученый неизменно упоминается как человек исключительного ума, способный компетентно судить о международной политической обстановке тех лет³⁹⁸.

В Риме Вяземский познакомился и с кардиналом Меццофанти³⁹⁹, в то время занимавшим пост хранителя Ватиканской библиотеки, хорошо известным тогда благодаря уникальной способности к языкам. А. И. Тургенев рассказывает о Меццофанти в своих письмах за 1832 г. [АБТ: 134, 142, 144, 153, 185, 186, 203, 315, 374] и просит Вяземского отправить кардиналу-полиглоту свое стихотворение «Гусар» из первого тома альманаха «Новоселье», опубликованного по случаю

³⁹⁷ Сохранилось письмо с припиской князя: «Думаю, что оно Бунзена, но не могу вспомнить, откуда. Я познакомился с ним в Риме в 1834 г., когда он был прусским послом» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1229. Л. 1]. Далее идут следующие строки: “Mon Prince! J’avais tant désiré prendre encore une fois congé de Vous, et je Vous ai manqué malheureusement à Stuttgart! Trouvant vos chères lignes écrites, sur ma table en rentrant, il ne me reste plus que de Vous dire, bien attendri, à Dieu! à revoir au printemps! Von ganzem Herzen — 24 Oktober 1858 — Ihr ergebenener Bunsen” («Дорогой князь! Я так хотел еще раз распрощаться с Вами, но к несчастью я разминулся с Вами в Штутгарте! Найдя ваши дорогие строки на моем столе по возвращении домой, мне остается только сказать, с размягченным сердцем — с Богом! До встречи весной! От всего сердца — 24 октября 1858 — Преданный Вам Бунзен» — *франц. и нем.*).

³⁹⁸ Бунзен тогда придерживался мнения, что Австро-Венгерская империя близится к закату [ПСС: X, 217–219].

³⁹⁹ Меццофанти до 1831 г. был профессором древних и восточных языков в Болонье, с 1831 г. — директором колледжа Propaganda Fide, а после — хранителем Ватиканской библиотеки.

«новоселья» издателя А. Ф. Смирдина⁴⁰⁰. Последний отпраздновал 19 февраля (2 марта) 1832 г. в Петербурге открытие новой книжной лавки с библиотекой, что дало Жуковскому повод предложить каждому из гостей презентовать хозяину дома какой-либо свой литературный труд. Эти произведения, собранные в первые два тома «Новоселья», были опубликованы в 1833–1834 гг.⁴⁰¹. В число вкладчиков инициированного Жуковским сборника вошел и Вяземский. Первый том содержит несколько его прекрасных стихотворений: «Да как бы не так», «Сновидение», «К старому гусару», «Разговор 7 апреля 1832 г.», «Бирюза», «Прощание»; особенным успехом пользовался «Гусар», который очень понравился Тургеневу [АБТ: 185]. Со своей стороны, Вяземский называл в своей переписке эту антологию “Cent et un” [ОА: III, 225], потому что она напоминала ему о похожем французском десятитомном сборнике, опубликованном между 1831 и 1833 гг.

Тургенев в первый раз увидел эти русские книги у княгини Волконской и посоветовал Вяземскому отправить их вместе с полным изданием «Онегина» Меццофанти [Там же: 232]. Мы не знаем точно, когда кардинал стал обладателем этих книг, но установлено, что в феврале 1834 г. Меццофанти передал два собственных стихотворения на русском языке Тургеневу: одно было посвящено последнему, другое — Вяземскому. В стихотворении Вяземскому кардинал восхваляет произведения князя «Бирюза» и «Как бы не так».

Вяземский захотел лично поговорить с Меццофанти по-русски и получил такую возможность, посетив в его сопровождении Ватиканскую библиотеку: «разумеется, говорил с ним по-русски. Выговором и ужимками и всю наружностью напомнил он мне Рушковского⁴⁰², который также был, кажется, многоязычен»⁴⁰³.

⁴⁰⁰ А. Ф. Смирдин (1795–1857), петербургский издатель и книготорговец, от Синего моста переехавший на Невский проспект, в дом, который принадлежал лютеранской церкви Св. Петра и Павла.

⁴⁰¹ Третий том был опубликован в 1846 г.

⁴⁰² И. А. Рушковский (1763–1832), московский почт-директор, известный крайней нелюдимостью; знаток многих иностранных языков, в 1830 г. был избран почетным членом совета Московского университета.

⁴⁰³ См. письмо 4 (16) декабря 1834 из Рима [Прил. I].

К сожалению, эта короткая заметка остается единственным дошедшим до нас свидетельством прямых контактов между ними, и мы не знаем, имел ли князь после визита в библиотеку другие случаи встречи кардинала в Риме. Нам все же кажется, что у них не установилось настолько сердечных отношений, как между Тургеневым и Меццофанти, возникших, вероятно, благодаря тому, что Тургенев проводил довольно много времени в Ватиканской библиотеке, изучая хранившиеся там документы по древнерусской истории.

Как мы уже упоминали, Вяземский часто встречался в Риме с художником Бруни, в то время близким другом Волконской. Помимо него, в доме Зинаиды можно было встретить Брюллова и Кипренского, которые входили в число самых модных художников в русской колонии. Брюллова некоторое время не было в Риме, так как по распоряжению императора ему нужно было копировать в Болонье несколько картин; он вернулся в Вечный город к концу 1834 г. Вяземский быстро подружился с ним и заключил *договор*: Брюллов должен был написать для князя картину, а Вяземский — посвятить ему стихи⁴⁰⁴. Позже они наверняка часто виделись в доме Волконской и вместе участвовали в поездке русской колонии в Тиволи. Когда Вяземский вновь увиделся с Брюлловым в России, ему захотелось вспомнить прогулку за городскими стенами, предпринятую, чтобы полюбоваться «*Campagna di Roma* (римскими окрестностями). Ее воспевали поэты, живописцы старались воспроизводить ее в картинах своих; путешественники любят ее величавой и грустной прелестью. День тогда был пасмурный, а в Риме нужны переливы сияния. “Жаль, что нет солнца, сказал Брюллов, будь оно, и все перед нами так бы и запело”» [ПСС: VIII, 459]. Это выражение запомнилось князю, потому что доказывало, что даже художник обращался к музыке для выражения чувств, навеянных красотой природы. Брюллов и Кипренский часто принимали участие и в других экскурсиях, организованных русской колонией.

Кроме русских художников, Вяземский познакомился с О. Верне и, возможно, с другими художниками того времени: Камуччини, Торвальдсеном, Овербеком; но у нас пока отсутствуют доказательства,

⁴⁰⁴ См. письмо 4 (16) декабря из Рима [Прил. I].

подтверждающие их прямые контакты. Определенно можно сказать, однако, что князь познакомился с художником и скульптором Пинелли⁴⁰⁵, которого охарактеризовал как римского Орловского⁴⁰⁶. Должно быть, он посещал мастерскую этого скульптора, поскольку одна родственница князя заказала ему терракотовую скульптурную группу «Жители Трастевере». И в Пинелли князь нашел истинного трастеверинца, с «черными глазами, длинными распущенными волосами, праздного человека» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5078. Л. 11]. Ему также пришелся по вкусу тяготеющий к неоклассицизму стиль Пинелли.

Зимой 1834–1835 гг. у Вяземского произошло также несколько интересных литературных встреч: в Риме тогда находился «поэт-булочник» Ж. Ребуль⁴⁰⁷, и князь вспоминал годы спустя, как в первый раз увидел его в Вечном городе, а потом вновь встретился с ним в Париже [ЗК: 267]⁴⁰⁸. Личность Ребуля произвела большое впечатление на аристократа Вяземского, убежденного, что человек низкого происхождения редко способен вознестись до высот творчества и прежде всего поэзии, которую он относил к высшей категории искусства. Князь признавал, однако, в этом человеке выдающуюся личность, отличавшуюся добросердечием и моральными качествами: он упрекал Ребуля только в том, что тот позволил себе на время увлечься политикой⁴⁰⁹.

Вяземский и Тургенев неоднократно упоминали в переписке стихи этого необычного автора. В начале 1839 г., когда первый из них еще находился во Франции, Ребуля торжественно принимали в Париже:

⁴⁰⁵ Б. Пинелли (1781–1835), художник, скульптор и рисовальщик; большой успех имели его изображения римских народных сенок, выполненные в духе классицизма и академизма.

⁴⁰⁶ А. О. Орловский (1777–1832), художник и рисовальщик, также вдохновлялся преимущественно народными типами и весьма метко воспроизводил их характерные черты.

⁴⁰⁷ Ж. Ребуль (1796–1864), поэт-булочник из Нима. В июле 1835 г. прибыл из Неаполя в Турин [Gazzetta Piemontese: 1835, 26 luglio]; в июне 1836 г. мы находим его запись в Кабинете Вьессе во Флоренции: он жил в гостинице «Порта Росса». Вяземский сохранил написанный рукой Ребуля текст стихотворений “Etranger” и “J’ai trouvé du jour” [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5082. Л. 247].

⁴⁰⁸ Вяземский вспоминает, как обедал вместе с Тургеневым и Ребулем, и перечисляет ряд других французских поэтов-рабочих [Там же: Л. 303].

⁴⁰⁹ В 1848 г. Ребуль находился в Париже в качестве депутата-легитимиста, избранного от округа Ним.

внимание публики к его персоне привлек Ламартин, посвятив Ребулю стихи [Lamartine: 422–423], а Дюма написал предисловие к его “Poésies” [Reboul 1836]⁴¹⁰; все тогда с большим интересом читали “L’Ange et l’enfant” и “Le dernier jour” [Современник 1839: № 5, 26–29]. Тургенев настолько ценил произведения Ребуля, что через доктора Гааза⁴¹¹ передал экземпляр его стихотворений сосланным в Сибирь декабристам. В 1859 г. Вяземский снова вспомнил о нем, оказавшись в Ниме. Князь воспользовался случаем, чтобы посетить поэта, теперь уже «экс-булочника»: Ребуль узнал старого знакомого, и князь вновь был очарован его «пленительным добродушием и сонностью». Время от времени Ребуль, казалось, стряхивал с себя состояние благодушного смирения, и Вяземский замечал, что он «также был болен ипохондрией, как и я» [ПСС: X, 220], и чувствовал, что они «во многом сошлись» с ним. Кроме того, князь в то время был уже традиционалистом и консерватором и потому ценил в Ребуле легитимиста не столько в политике, «сколько нравственными и религиозными убеждениями своими», высказанными в незадолго до того вышедшей поэме “Les Traditionnelles” [Reboul 1857: 356]. В те годы Ребуль по-прежнему был еще почитателем Ламартина и сожалел о его неудачах в политике [ПСС: X, 220–221].

В Ниме Ребуль ввел князя в литературный кружок, чтобы тот мог читать газеты и журналы, и дал ему письмо для видного соотечественника-архитектора, воспроизведшего в миниатюре все древнеримские памятники города⁴¹². Вяземский навещал Ребуля и после, в два последующих дня своего пребывания в Ниме⁴¹³, и тот прочел ему неизданную поэму «в роде *L’art poétique*, но не дидактическую, а более нравоучительную и философическую». Многие стихи были, по мнению князя, удачными и «очень метки[ми] на главнейшие недостатки и злоупотребления нынешней французской литературы» [Там же: 221–222].

⁴¹⁰ Изданию предшествовало послание Ламартина.

⁴¹¹ Ф. П. Гааз (1780–1853), немецкий врач, с 1806 г. на русской службе; впоследствии стал главным врачом московских тюрем. Доктор Гааз считался в народе святым, благодаря его деятельным трудам по облегчению участи заключенных.

⁴¹² В тексте не приводится имя архитектора.

⁴¹³ Вяземский прибыл в Ним 2 июня 1859 г., вновь отправился к Ребулю 3-го и после поездки в Монпелье вернулся в Ним, где 5 июня в последний раз увиделся с ним.

Читая эти строки, можно заметить, что Вяземский остался весьма доволен этим визитом, ибо они попрощались друг с другом «как старые друзья» [ПСС: X, 222].

В Риме среди прочих русских художников и литераторов князь вновь увидел одного поэта, с которым случайно встретился во Флоренции в саду Боболи. Он не был знаком с этим автором в России, и, прогуливаясь в одиночестве по прекрасному флорентийскому саду, почувствовал себя во власти видения: навстречу ему шел человек в русском мундирном фраке. На мгновение князь растерялся, подумав, что находится в Летнем саду в Петербурге, но потом пришел в себя и узнал, что перед ним русский писатель Д. Ю. Струйский⁴¹⁴, публиковавший свои произведения под псевдонимом Трилунный. Вяземский был восхищен решительностью этого человека, который ради того, чтобы увидеть Европу, проделал значительную часть пути пешком и предпочел износить служебную одежду, нежели тратить деньги на гражданское платье. Это обстоятельство, по мнению Вяземского, было совершенно исключительным для русского, тем более что люди из высшего общества в его стране имели нездоровый вкус к удобной жизни и с презрением относились к любым подобным самоограничениям.

Однако страсть к поэзии была в Струйском настолько сильна, что увлекла его, несмотря на все неудобства, в далекие страны, где он осматривал все, что было достойно внимания, и познакомился «со всем и со многими». Вяземский, размышляя в 1875 г. о встрече, предположил, что Струйский пусть и не создал нетленных произведений, но останется примером для всех, кто желает извлечь по возможности

⁴¹⁴ Д. Ю. Струйский (1806–1856), поэт и музыкальный критик, публицист, начал печататься в двадцать один год. В 1830–1850-е гг. сотрудничал в многочисленных журналах и газетах: «Галатей», «Телескоп», «Литературная газета», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Современник». В этих изданиях публиковались музыкально-критические очерки, составляющие наиболее ценную часть его трудов и свидетельствующие о развитом художественном вкусе. Однако и его стихи тоже не лишены поэтического жара. В течение нескольких лет он отвечал за художественную критику в «Литературной газете». В «Телескопе» опубликованы его стихотворения «Московский Кремль» и «Рим»; последнее посвящено Шевыреву, как и несколько достойных музыкально-критических очерков. См. также: «Обозрение замечательнейших концертов» [Трилунный 1831: 169–173].

больше поэзии из жизни. Вяземский надеялся, что какое-нибудь сочинение Трилунного найдет место в антологии русской поэзии, и сожалел, что Гербель⁴¹⁵ не включил его в число авторов составляемого им сборника. Через сорок лет после их встречи в саду Боболи князь все еще вспоминал тот мундирный *фрак*, воплощение решимости и силы воли, которыми не уставал восхищаться. В 1875 г., перечитывая свои сочинения, он обратил внимание на рецензию 1827 г. «Аннибал на развалинах Карфагена — Драматическая поэма — Сочинение Д. Струйского — С. Петербург 1827» [ПСС: II, 52–58] и должен был признать, что сурово обошелся с этим произведением. Тогда он обвинял автора в несоблюдении исторической правды, хотя и отдавал дань таланту версификатора. По прошествии лет, возвращаясь мыслями к той встрече во Флоренции, князь подумал, что отважный *путешественник*, возможно, заслуживал большего внимания, нежели то, которое он уделил ему как критик. Быть может, в 1875 г. пожилой Вяземский уже готов был едва ли не просить прощения у тени Струйского за свои суждения 1827 г., хотя мы должны подчеркнуть, что его критические замечания были справедливы. Мы не читали упоминаемое князем произведение и знакомы только со стихотворениями и прозаическими сочинениями в упомянутых выше журналах, и можем отметить, что стихи Струйского несколько вымучены и лишены ритма; проза бедна стилистически, за исключением одного-двух музыкально-критических очерков, а содержание их не представляет большой ценности. Даже когда сюжет обещает нечто оригинальное — как, например, в фантастическом рассказе «Худо быть близоруким» [Трилунный 1831а: 200–201] — повествованию не хватает живости, и оно грешит растянутостью. Автор, кажется, не в состоянии сжато формулировать мысли, что, по нашему мнению, должно было особенно бросаться в глаза в драматическом произведении. Приятная и неожиданная встреча

⁴¹⁵ Н. В. Гербель (1827–1883), поэт-переводчик, сотрудничавший с «Современником», «Отечественными записками» и с «Библиотекой для чтения»; переводил поначалу отрывки из произведений Шиллера, Гете, Шекспира, Байрона, а позже подготовил полные переводы их произведений. Помимо этого, он составил сборник стихотворений наиболее значительных европейских поэтов — немецких, русских, английских и славянских. Вяземский, возможно, имел в виду сборник «Русские поэты» (Берлин, 1876). Жена Гербеля О. И. Соколова (1840–1883) также была талантливой переводчицей.

в Италии не должна была дать повод к пересмотру критической оценки, вынесенной нашим автором в годы наиболее интенсивного литературного творчества.

Наконец, две самые важные встречи произошли на обратном пути в Турине и Милане. В Турине Вяземский познакомился с Сильвио Пеллико, к которому мадам де Мортемар раздобыла для Вяземского рекомендательное письмо от третьего лица⁴¹⁶, чьего имени мы не знаем. Поскольку основная часть бумаг Пеллико была уничтожена маркизой ди Бароло незадолго до смерти, эта записка, вероятно, никогда не будет найдена. Князь провел с Пеллико время в сердечной беседе и искренне изложил ему свою реакцию на переживания итальянского мученика, описанные в «Моих темницах», и возражения против позиции, занятой Сильвио после возвращения из Шпильберга. Пеллико оценил откровенность собеседника и заинтересовался его личностью, «до той поры совершенно ему незнакомой»; он будет вспоминать их встречу с неизменной симпатией и с дружескими чувствами, о чем свидетельствуют позднейшие письма Пеллико князю [Письма Пеллико 1866: 502–503; Письма Пеллико 1868: 444–447, 449–450].

Вяземский, в свою очередь, был поражен необыкновенной цельностью натуры Пеллико, которого он охарактеризовал “*tel que son livre, simple, cordiale*”⁴¹⁷. Этот человек с благодарностью говорил о собственных страданиях. Князь сохранил на всю жизнь высокое мнение о мученике Шпильберга и сожалел только, что уже не застал его в живых, вернувшись в Турин в 1859 г. Еще во время первого визита в Венецию князя удивляло, почему ему показали только Колодцы (*Pozzi*), а не Свинцовую тюрьму (*Piombi*) [ПСС: X, 5], и это наблюдение заставляет думать, что перед Вяземским часто являлся образ мученика, с которым он познакомился годами ранее. Возвращаясь из Венеции, он был глубоко опечален известием о смерти Пеллико; он даже надеялся, что оно ошибочно — настолько живо в нем было желание увидеться еще раз с автором «Моих темниц» [Там же: X, 101–102]. Мы должны подчеркнуть, что встреча с этим итальянским писателем

⁴¹⁶ См. письмо 16 (28) апреля 1835 из Турина [Прил. I].

⁴¹⁷ Там же.

стала для Вяземского наиболее значительным событием первого посещения Италии [Kauchtschiswili 1963a]⁴¹⁸.

В Милане князь познакомился с Мандзони, хотя в Риме не нашлось никого, кто мог бы дать ему рекомендательное письмо для встречи с ломбардским писателем. Всем было известно, что тот был не особенно расположен принимать чужестранцев, и никто не осмеливался просить его о таком одолжении. Княгиня Зинаида передала князю рекомендательное письмо для Массимо д'Адзельо, но д'Адзельо его не принял, сославшись на нездоровье; тогда Вяземский написал ему лично, прося представить его тестю, но снова получил отказ [Прил. I]. После этого князь решил напрямую писать Мандзони, прося о встрече, и сразу получил положительный ответ [Kauchtschiswili 1962]. В тот же день (1 мая 1835 г.) Вяземский отправился на виа Мороне, где провел около часа с ломбардским писателем. К сожалению, князю некогда было записать эту беседу, и он кратко упомянул ее в тетради, пока плыл на пароходе, особо отметив, что Мандзони обсуждал с ним Ламартина⁴¹⁹. Чтобы найти другие воспоминания об этой миланской встрече, следует обратиться к критическим статьям князя⁴²⁰ и, прежде всего, к отрывку, в котором он передает мысли Мандзони о роли литературы в будущем. Этот фрагмент ясно показывает недовольство ломбардского писателя журналистикой и той легкостью, с которой все тогда публиковали свои мемуары, путевые заметки и даже переписку [ПСС: II, 350]. В целом можно сказать, что из нескольких упоминаний складывается образ Мандзони скорее как пессимиста, с недоверием глядящего в будущее, и мы не ошибемся, сказав, что такими были и взгляды Вяземского после смерти Прасковьи и гибели Пушкина.

⁴¹⁸ Когда Вяземский или Пеллико узнавали, что какой-нибудь путешественник едет в Турин или, соответственно, в Петербург, они просили его передать приветы и послание. Вяземский сохранил записку Тома Хейва, атташе русской миссии в Турине, от 10 мая 1841 г., в которой тот подтверждает, что сообщил Вяземскому о своей предстоящей поездке в Турин; князь тогда воспользовался случаем, чтобы передать через него письмо для Пеллико [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5082. Л. 156].

⁴¹⁹ На обратном пути он «перелистывал» *“Le voyage en Orient”* Ламартина и вспомнил, что «Мандзони говорил ему о Ламартине, весьма хваля того» [Там же: Ед. хр. 5078. Л. 92].

⁴²⁰ См. «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» [ПСС: II, 350, 352–354].

Его собственное разочарование подкреплялось авторитетным суждением итальянского писателя, которого князь почитал как автора исторического романа — высоко ценимого им прозаического жанра. И все же нужно отметить, что уважение к автору «Обрученных» весьма отличалось от той сердечной симпатии, которой была отмечена встреча с Пеллико. Вяземский встречался с Мандзони еще дважды, в 1853 и в 1863 гг. [ПСС: X, 102, 241], позднее они обменивались краткими письмами [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 91], но так и не вышли за рамки того обмена любезностями, который может существовать между представителями двух культурных миров. По мнению Вяземского, Мандзони был также человеком гордым и, возможно, несколько высокомерным, ведь он так и не дал ему ни автографа, ни копии своего портрета. Для страстного библиофила и коллекционера этот отказ был серьезной потерей, ибо лишал его архив ценных экспонатов⁴²¹.

Месяцы, проведенные в Италии, оказали большое влияние на интеллектуальное и духовное формирование князя, так как совпали с тяжелой личной потерей: уезжая из Петербурга, он был расстроен и смятен, но воодушевлен надеждой; десять месяцев спустя он возвращался одиноким и погруженным в душевный сумрак. В те месяцы, проводя долгие часы у изголовья дочери, Вяземский имел много времени для размышлений: он был настолько погружен в переживания, что не замечал происходящего вокруг. Только в первые недели его пребывания в Риме Вечный город захватывал его: складывается впечатление, что по прошествии месяца его туристическая заинтересованность стала угасать, уступив место успокоительным поездкам верхом на лошади или в экипаже по окрестностям Рима, или одиноким медитативным прогулкам среди безымянной толпы.

⁴²¹ Помимо этих самых важных встреч, возможно, произошли и другие, документально не подтвержденные: встреча в Неаполе с К. де Местром, с которым наверняка виделись сестры Карамзины и Тургенев [РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 25], или визит к графу Камальдоли, на что намекает княгиня Мари Голицына-Суворова в недатированной записке князю [Там же: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1715. Л. 3]. Имение графа Камальдоли находилось недалеко от так называемой «могилы Вергилия», где Вяземский 31 марта (12 апреля) 1835 г. сорвал лист лавра [Там же: Ед. хр. 5078. Л. 50].

Римские месяцы совпадают с глубоким духовным кризисом, и в Вечном городе Вяземский, возможно, в первый раз, задумался над вопросами веры. Прежде он считал религию традицией, связанной с историей русского мира, и не беспокоился о личных отношениях с Богом или с церковью, к которой принадлежал как добрый аристократ, осознающий обязанности своего положения. Создается впечатление, что князь исполнял — внешне, а не с истинным чувством — долг православного христианина с той же тщательностью, с которой нес обязанности, наложенные на него государственной службой и обществом. В дни, когда он трепетал за Пашеньку, надежда на выздоровление которой висела на волоске, Вяземский обратился к Богу и, возможно, впервые молился с усердием⁴²². Каждое письмо родственникам в Россию заканчивалось мольбой о Божьей помощи или выражением смирения перед волей Господа; опасаясь, что родственники могут принять подобные выражения за общие места, он признавался, что осознает собственное бессилие и может только молиться, в сокрушении и умилении духа, вверяя себя самого Божьему Промыслу⁴²³. Он признавал, что должен благодарить Бога, так как были моменты, когда все могло быть еще хуже⁴²⁴. В каком бы отчаянном состоянии духа он ни был по прибытии в Рим, он с первого момента понимал, что ему остается только смирение, ибо воля Божья должна была свершиться над ним в Вечном городе⁴²⁵.

⁴²² См. выше цитированное письмо к А. О. Смирновой.

⁴²³ См. письмо 16 (28) августа 1834 г. из Любека [Прил. I].

⁴²⁴ См. письмо 27 октября (6 ноября) 1834 г. из Мюнхена [Там же].

⁴²⁵ “Mon Dieu! Mon Dieu! Faites moi miséricorde; Vous savez ce que je suis!.. Moi, je ne sais pas ce que Vous êtes; n’abusez pas de votre supériorité, faites moi miséricorde!

(*Le monde comme il est*, par le marquis de Custine).

Travailler, c’est espérer: voilà pourquoi l’homme tout à fait malheureux ne peut rien faire, ni l’homme entièrement satisfait”

Пер.: «Боже мой! Боже мой! Будь милостлив ко мне; Ты знаешь меня, я же Тебя не знаю. Не злоупотребляй своим превосходством, окажи мне милость!

(“Мир как он есть”, соч. маркиза де Кюстина).

Работать, значит, надеяться: вот почему совершенно несчастный человек не может ничего делать, так же как и человек вполне удовлетворенный» [ЗК: 229].

Во время болезни дочери Вяземский молился, взывал к Божественной помощи, но мольбы оказались тщетны: и, поскольку Господь не удовлетворил их, князь еще больше отдалился от Него, о чем свидетельствуют некоторые строки мадам де Мортемар. Она напомнила ему в письме через несколько месяцев после смерти Прасковьи, как поразила ее безнадежная печаль князя, не ждавшего “de là haut aucun soulagement” (никакого утешения сверху), и все же убеждала его, что “il y en a là seul pour ceux qui souffrent” (утешение только для страдающих — *франц.*)⁴²⁶. Сестре Вяземский признавался сразу после смерти дочери, что его душа не имела того мужества и той покорности перед Провидением, которые выказала Екатерина Андреевна после того, как несколькими месяцами ранее умер ее сын⁴²⁷.

В многочисленных письмах жене во время обратного путешествия и в месяцы, проведенные вдалеке от нее в Петербурге, постоянно проявляется отчаянная и безутешная *скука*, но имя Бога исчезает из его сознания. Вероятно, он не тешил себя надеждой вновь встретиться с дочерью в загробном мире, и на долгие годы в его сердце, изувеченном этой глубокой и незаживающей раной, поселится бесплодное

⁴²⁶ См. письмо 11 июня 1835 г. из Парижа [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2349. Л. 3].

⁴²⁷ См. письмо 16 (28) марта 1835 г. из Рима к сестре, цитированное выше. Вопрос о религиозности Вяземского уже рассматривал Г. Вытженс в упомянутой работе, основываясь на анализе поэтических произведений и ряда стихотворений, объединенных темой молитвы. Полагаем, что эти произведения не являются выражением подлинной религиозности, поскольку им не хватает устремленности к более глубокому познанию Бога; в них нет того внутреннего беспокойства, которое, по нашему мнению, у Вяземского исчезает после 1835 г. В 1840 и 1849 гг., когда он потерял еще двух дочерей, особенно ощущается ослабление его восприимчивости, которая усилилась в 1835 г.; в нем оставались теперь только боль и смирение, отмеченные печатью той «бесчувственности», которой князь так боялся в 1835 г. Паломничество в Святую Землю, предпринятое в 1850 г., чтобы обрести утешение в скорби, не принесло желаемого результата: оно оставило его в глубине души безразличным и не помогло разрешить вопроса веры. С того времени Вяземский более ревностно следит за соблюдением формальных религиозных предписаний, но этот период совпадает с обострением патриотического чувства, отождествляемого с восприятием России как святой земли, что обязывало верных ей сыновей к уважению православной традиции. В глубине души, возможно, он сохранял приверженность скептицизму, обусловленному вольтерьянским воспитанием, которое не позволяло полностью верить себя Богу. В его стихотворениях на религиозную тему заметна большая утонченность чувств, которая, однако, могла быть внушена поверхностными впечатлениями [Прил. I].

уныние, которое отразится и в поэтическом творчестве. В Риме Вяземский, говоря об Аполлоне Бельведерском, признавался, что ему ближе страдающий Сын Божий⁴²⁸, однако затем подобные идеи исчезают из его переписки. Рим стал для него олицетворением самого жестокого страдания, которое сделало его на несколько месяцев почти бесчувственным и уничтожило его мечту об *Италии золотой*. Италией были Рим, родина искусства, и Неаполь, родина бельканто, горячее лазурное небо юга с прозрачными ночами и музыка «как сладкая приправа». Этот образ оказался разрушен смертью Пашеньки и никогда более не появлялся в его воображении. После 1835 г. Италия стала для Вяземского чем-то иным: она, как и прежде, оставалась родиной музыки Россини; пылкой публики, сурово судящей об операх и исполнителях; подлинного народного веселья во время римского карнавала; но в его мечтах она не была уже пленительным миражом; этот период завершился, когда он похоронил дочь, а с ней и надежды прошлого. В первый момент Вяземский боялся, что не сможет навсегда оторваться от Вечного города, и даже думал просить себе должность в Италии⁴²⁹, но оставил эту мысль, как только вернулся в Россию. Греза об Италии разбилась и по другой причине: в варшавский период (1818–1821) князь мечтал увидеть Италию, надеясь найти в ней вдохновение для своей поэзии и усовершенствовать свое искусство; однако месяцы, проведенные в Италии, оказались среди наименее плодотворных в его поэтической и писательской деятельности.

С другой стороны, Вяземский чувствовал с тех пор, что он душевно «породнился» с Италией через свою скорбь. Когда он пересекал границу с Австрией, ему казалось, что он всегда был в Италии, никогда из нее не выезжал, что он там родился и умер⁴³⁰. В пути он начал размышлять о разнице между южной и северной природой, о различиях в обычаях и привычках, о естественной красоте итальянского пейзажа, влиявшего на характер местных жителей, и о разительном контрасте с северными нравами, с тем тщательным порядком, в который приведена была здесь и природная, и жилая среда. Германия казалась ему

⁴²⁸ См. письмо 4 (16) декабря 1834 г. из Рима [Прил. I].

⁴²⁹ См. письмо 12 (24) апреля 1835 г. из Флоренции [Там же].

⁴³⁰ См. письмо 25 апреля (7 мая) 1835 г. из Вены [Там же].

восхитительной, но прозаичной, в то время как в Италии все трогало и было наполнено поэзией! Склонный к апатии, он ценил в Италии «первобытное» состояние человека — до первородного греха, человека, который еще не должен зарабатывать хлеб насущный в поте лица своего и который может растянуться на солнце и рвать плоды, просто протянув руку. Этот человек даже не знал, что такое грешное тело⁴³¹. Таким образом, Италия соответствовала темпераменту Вяземского; и хотя между ним и Римом существовал теперь барьер, его старая *любовь к этой стране* с годами возобновилась и отождествилась уже с очарованием Венеции.

Пребывание в Италии стало для князя, помимо всего, интенсивным курсом знакомства с пластическим искусством и с живописью. Он хотя и не оценил в полной мере их достоинства, но «привык к ним». Любуясь шедеврами итальянской живописи в Дрезденской картинной галерее, он признал в них даже что-то родное⁴³². Хотя Вяземский вообще не испытывал особой склонности к изящным искусствам, следует признать, что итальянская поездка 1834–1835 гг. сделала его, по крайней мере, более восприимчивым к ним; по нашему мнению, его манера судить об изобразительном искусстве сформировалась в Риме и в дальнейшем почти не развивалась.

В Италии Вяземского-творца, по-видимому, угнетала раздвоенность — внутреннее противоречие между обязанностями отца, которые он выполнял от всего сердца, и обязанностями чиновника, которые он продолжал держать в голове. Г. Вытженс уже показал, что князь был педантичным и ревностным служащим [Wytrzens 1961: 45 et passim], но, поскольку его апатичная натура противилась службе, он был вынужден часто напоминать себе об обязанностях правительственного чиновника. На обратном пути к привычным служебным делам добавились новые обязанности дипломатического курьера. На каждой остановке это доставляло ему дополнительные заботы: число депеш и документов, которые надо было передать, постоянно росло, и как следствие возрастала и его *скука*. Чтобы не поддаться ей окончательно, он прибегал к иронии и свои неудачи связывал

⁴³¹ См. письмо 25 апреля (7 мая) 1835 г. из Вены [Прил. I].

⁴³² См. письмо 2 (14) мая 1835 г. из Дрездена [Там же].

с «чиновником», якобы приставленным к нему — шутка, по мнению В. С. Нечаевой, «очень характерная для николаевской эпохи» [Нечаева 1937а: 120]⁴³³. С такой точки зрения целью его движения на родину были “douanes” (таможни — *франц.*)⁴³⁴, и в Любеке, дожидаясь парохода дольше предвиденного, князь жаловался на судьбу, которая, как казалось ему, зависела от особенного «департамента», «который о том только и заботится, чтобы во всем перечить мне и ставить верх дном все что не предприиму»⁴³⁵. Ироничный и разуверившийся, князь прибыл наконец в Петербург. Отсюда начинается его медленный духовный регресс: он постепенно откажется от либеральных идеалов, воодушевлявших его в варшавские времена, отгородится от новых литературных и политических тенденций, а смерть Пушкина окончательно закроет эту эпоху жизни князя.

⁴³³ В письме сыну от 14 (26) января 1835 г. из Рима [Прил. I] он шутил сходным образом: он доволен, что отец и сын оказались оба в «шестом классе», поскольку Вяземский должен был получить чин шестого класса на государственной службе, соответствовавший чину коллежского советника.

⁴³⁴ Вяземский служил в ведомстве внешней торговли.

⁴³⁵ См. письмо от 8 (20) мая 1835 г. из Любека [Там же].

ГЛАВА VII

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИТАЛИЮ: ВЕНЕЦИЯ

I

Первый визит в Италию и Германию в 1834–1835 гг. положил начало череде заграничных путешествий Вяземского. В 1838–1839 гг. он вновь посетил Ганау для консультации с доктором Коппом, и тот назначил ему морские купания. Тогда князь решил провести несколько недель в Брайтоне и посетить по пути Париж, Лондон и юг Англии. Весной 1839 г. он вынужден был вернуться в Россию по делам службы, а его жена, оставшись за границей для лечения младшей дочери Надиньки, в одиночестве пережила ее смерть в Баден-Бадене в конце 1840 г. После смерти Надиньки и до 1849 г., когда умерла его старшая дочь, Вяземский не выезжал из России. Но, заболев после очередного удара судьбы нервной лихорадкой, он уехал в Константинополь, где надеялся найти утешение в семейном кругу своего сына Павла, в то время служившего атташе при русской миссии.

Весной 1850 г. Вяземский совершил паломничество в Святую Землю⁴³⁶ в надежде обрести душевный покой, которого, как казалось, навсегда лишила его депрессия. Как и многие его современники, из путешествия он вернулся разочарованный и удрученный, едва поспев в Москву на торжества, устроенные в его честь 21 октября 1850 г.

В феврале следующего года, поскольку князю так и не удавалось поправить свое физическое состояние, он попросил новый заграничный отпуск для лечения нервной болезни и осенью уехал на Запад. В декабре 1851 г. он был в Париже, где оставался до весны 1852 г. Зимой он снова заболел и с наступлением весны поправлял здоровье на водных курортах Карлсбада и Мариенбада, а оттуда, с остановками

⁴³⁶ Сохранился дневник путешествия Вяземского по Святой Земле [ПСС: X].

в Праге и Вене, отправился вместе с женой и внучкой, Лизой Валуевой⁴³⁷, в Венецию.

О поездке в Венецию в 1853 г. Вяземский оставил богатую подробностями записную книжку, которая помогает восстановить события этого периода. Страницы записной книжки впервые были опубликованы в 1886 г. С. Д. Шереметевым в десятом томе полного собрания сочинений Вяземского и до сегодняшнего дня не переиздавались. Сравнив опубликованный текст с рукописью, мы отметили, что первая часть дневника была опубликована лишь с небольшими сокращениями, однако во второй части лакун больше.

Записная книжка состоит из двух блоков — заметки о пребывании в Венеции и размышления о политической обстановке, которая сложилась на Востоке накануне Крымской войны. В Остафьевском архиве хранятся три тетради венецианских записей. Первая из них — немецкая записная книжка⁴³⁸, начальные записи в ней датируются 1853 г., когда князь останавливался в Дрездене, Карлсбаде, Мариенбаде, Праге, Вене и Венеции. Вторая — большая тетрадь альбомного типа в хорошем переплете, купленная в Венеции⁴³⁹; в ней продолжается записная книжка, прерванная 12 октября, внесены многочисленные стихотворения и отрывки писем, переписанные неизвестной рукой. Кроме этих основных книжек существует тетрадка, куда князь записывал языковые упражнения и в которой также сохранились копии других писем. Шереметев решил публиковать эти письма вместе с заметками из записной книжки, и мы полностью принимаем этот принцип, тем более что князь из всех литературных форм выше всего ценил эпистолярный жанр: по его словам, он «нигде так не выливался», как в письмах⁴⁴⁰. Кроме того, письма из Венеции, как и все его

⁴³⁷ Елизавета (Лиза) Петровна Валуева (1837–1916), дочь Марии Вяземской (1813–1849) и П. А. Валуева. В 1854 г. она вышла замуж за А. В. Голицына (1828–1869). Вяземские встретились с ней в Карлсбаде 2 (14) июля 1853 г., куда она приехала в сопровождении отца [ПСС: X, 64].

⁴³⁸ Надпись на фронтисписе “Trewandt’s Geschäfts-Kalender für 1853, Breslau” [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1123].

⁴³⁹ У “Giovanni Brizeghel, negoziante di oggetti di cancelleria <торговца канцелярскими товарами — *итал.*>, Procuratie Vecchie n. 137” [Там же: Ед. хр. 1124].

⁴⁴⁰ См. письмо жене от 3 (15) августа 1826: «Я рожден для писем: нигде так не выливаюсь, как в них. <...> Мне жаль, что не увижу писем своих в печати, а быть им в печати,

корреспонденции, ярче дневниковых заметок благодаря наличию собеседника, к которому он обращался с живостью, свойственной его блестящим светским разговорам. Наконец, известно, как высоко Вяземский ценил «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя. Мы допускаем даже, что в те годы он мог задумываться о создании какого-то сочинения, основанного на письмах разных лет. К сожалению, Шереметев не стал соблюдать хронологический принцип: за страницами записной книжки о первых неделях в Венеции следуют отрывки писем из третьей книги, а потом страницы, посвященные предшествующим месяцам, которые князь провел в центральной Европе. Таким образом, последовательность дневниковых записей соблюдена не была⁴⁴¹.

Проведя несколько дней в Вене, Вяземские отправились на юг: 4 (16) августа они прибыли в Грац, на следующий день двинулись в Любляну и наконец, получив формальное разрешение на въезд в Италию и проведя ночь в пути, прибыли в Триест. Заметно, что князь при первом в этой череде соприкосновении с Италией был вполне здоров и не испытывал приступов *скуки*, так как он сразу же охарактеризовал политическую обстановку в иронической заметке о названии гостиницы, где путешественники остановились, — это название за короткое время менялось несколько раз вслед за сменой власти⁴⁴².

если только крысы их не съедят» [ОА: V, вып. 2, 68]. 4 августа 1824 г. жена писала ему: "...j'aime beaucoup la lecture de tes lettres. Combien de fois nous les avons lues et commentées avec Pouschkin, qui appréciait beaucoup celle que tu écrivais" [Там же: 140] («Я очень люблю читать твои письма. Сколько раз мы читали их и обсуждали с Пушкиным, которому очень нравилось, что ты пишешь» — *франц.*).

⁴⁴¹ В издании Шереметева первая часть записок о Венеции опубликована под номером XV, под номером XVI — тетрадь с языковыми упражнениями и копиями писем, под номером XVIII — вторая часть венецианского дневника. В архиве, несмотря на некоторый беспорядок в нумерации, первая часть идет под № 1123, вторая — под № 1124, а тетрадь с упражнениями — под № 1125, что соответствует нашим представлениям о хронологии. Отсутствие последовательности, к сожалению, характерно для всего первого издания и особенно заметно в записных книжках, так что подчас сложно понять, кому приписать эти неточности — автору или издателю.

⁴⁴² «Мы вышли у гостиницы Hôtel de la Ville, или Hôtel Metternich или Hôtel National, в зависимости от времени и политических изменений» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1123. Л. 72]. Запись о Триесте отсутствует в издании Шереметева. В альбоме Вяземского сохранился счет из гостиницы в Триесте [Там же: Ед. хр. 5079. Л. 157].

Вечером первого дня ему представилась неожиданная возможность погрузиться в политическую атмосферу города: в театре давали специальное представление по случаю дня рождения императора. В начале вечера прозвучал австрийский национальный гимн, которому аплодировали только военные, при этом местная публика молчала⁴⁴³. Заинтересовавшись этим, князь захотел разобраться, как относятся местные жители к своим правителям, и выяснил, что хотя триестинцы считались более смиренными, чем прочие итальянские граждане, они также выказывали австрийцам свою враждебность. Состав городского населения был неоднородным, и австрийскому правительству пришлось столкнуться в городе с серьезными трудностями⁴⁴⁴.

Большое внимание в эти годы Вяземский уделял политическим событиям на родине. Хотя он никогда не питал симпатий к Николаю I, как видно из его последовательного нежелания находиться при императорском дворе [Wytrzens 1961: 179], он тем не менее оставался горячим патриотом. Он верил в ценности восточнославянского мира и отчасти разделял взгляды Гоголя: как и он, Вяземский официально не был славянофилом, но стал убежденным сторонником русской экспансии. Подобно Гоголю, — не разделяя, правда, его религиозно-профетических воззрений, — князь с подозрением относился к западным правительствам: он обвинял европейские державы в противодействии России с целью ограничения ее экспансии. Особенно Вяземского возмущали французские политики и доносившие их взгляды до публики журналисты. Он считал, что они относятся к России предвзято, потому что неспособны понять ее точку зрения, и обвинял их в том, что они ко всем вопросам применяют критерии западноевропейской политики. Столь же негативным было и его мнение об английском, австрийском и прусском правительствах из-за их поддержки Турции в восточном вопросе. Их он обвинял в том, что после колебаний они приняли точку зрения французских политиков. С этого времени Вяземский, воспитанный в преклонении перед идеями Просвещения и всегда ценивший рациональную логику выше сентиментального

⁴⁴³ [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1123. Л. 71]. Этот фрагмент отсутствует в издании Шереметева.

⁴⁴⁴ [Там же]. Этот фрагмент также отсутствует в издании Шереметева.

идеализма, решительно отрекся от своей духовной родины и от вольтеровского скептицизма, приверженцем которого был в юности⁴⁴⁵. Он все же оставался искренним поклонником французского ума даже после того, как испытал разочарование от знакомства с Парижем. Тем не менее, в 1853 г. он обвинял французов в том, что они направили свое интеллектуальное превосходство на неправо дело и подтолкнули к этому остальных⁴⁴⁶. Его антифранцузские настроения проявлялись прежде всего в вопросах политики и в неприятии самого ритма парижской жизни, в которую он погрузился в 1838 г. Впервые посетив Париж, князь остался им недоволен, ибо после Италии не нашел в нем никакой прелести⁴⁴⁷.

Исключение он делал только для итальянской оперы, в Париже ее исполняли превосходные певцы. Причины такого отношения Вяземского к Парижу также следует искать в его характере: он слишком много ожидал от этого города, родины философских идей, повлиявших на его интеллектуальное становление. Позднее он даже не станет отрицать этих «отеческих привилегий» французской столицы, однако останется навсегда нетерпим к тому образу жизни, которую она навязывала иностранцу:

Мне она <Венеция> очень нравится. Я наслаждаюсь тишиною ея, болезненным видом, унылостью. Пышная, здоровая, могущая, шумная, может быть, менее нравилась бы она мне. На праздник можно заглянуть мимоходом и порадоваться, но вечно праздновать — скука смертельная. Я почти благодарен австрийцам, которые утомонили этого льва и эту львицу. Париж несносен мне своим ежедневным тезоименитством, вечным именным пирогом и вечными шкаликами в изъявление всеобщей радости. Там нет будней, а будни нужны моим нервам, нужен отдых, полусвет. Здесь есть праздник, но праздник природы: небеса и море, живые картины... [ПСС: X, 37–38].

⁴⁴⁵ После посещения Святой Земли он лучше понял стремление царя стать защитником православных жителей мусульманских стран и желал также, чтобы Россия могла защитить святыне места.

⁴⁴⁶ Вяземский также не одобрял республиканские и демократические тенденции, которые угрожали французскому правительству, и поэтому еще с большим презрением относился к «рупорам» Тюильри.

⁴⁴⁷ Письмо Вяземского жене 19 (31) августа 1838 [Вяземский 1937: 120–124].

Видение европейских стран у Вяземского было основано на идее, определявшей позицию многих русских в отношении Западной Европы: Запад не хочет, более того — не может понять Россию, поэтому для обеих сторон лучше избегать взаимного вмешательства во внутренние дела. Кроме того, следует учесть, что князь воспринимал конфликт на Востоке как личное дело: после нескольких месяцев в Константинополе и на Востоке ему стали понятны причины, побуждавшие русские власти в разные периоды истории к завоеванию этого священного города, символа величия восточного христианства. Когда противоречия между Россией и Турцией вспыхнули с новой силой, он полностью одобрил внешнеполитический курс России и с нетерпением ждал, когда воплотится мечта восточных христиан, олицетворением которой для русских было взятие Константинополя. К тому же он оказался в Венеции, у древних морских ворот Европы в восточное Средиземноморье, и само географическое положение, с точки зрения князя, принуждало его с присущей ему горячностью следить за тем, как разрешалась ключевая для русской истории проблема. Кроме того, в Венеции у него было много возможностей подробно обсудить этот вопрос с людьми, хорошо знавшими Восток: со Стюрмером⁴⁴⁸, с русским дипломатом Фоком⁴⁴⁹ и графиней Эстергази. Позиция князя была основана на праве сильнейшего: этот принцип уже тогда был одним из незыблемых столпов его политического мировоззрения, а десятью годами позже послужил обоснованием его взглядов на польский вопрос⁴⁵⁰.

Проведя всего день в Триесте и добравшись до Венеции, Вяземский начал знакомство с лежащим в лагуне городом и с его сердцем — знаменитой площадью. Он присмотрелся к политическому положению, которое привлекло его внимание уже в Триесте: и здесь «венецианцы дуются на австрийцев и нет никакого сообщения между ними» [ПСС: X, 9].

⁴⁴⁸ См. выше в гл. VI.

⁴⁴⁹ Александр Максимович фон Фок (1805–1863), в середине 1830-х — секретарь миссии в Константинополе, в начале 1840-х — старший секретарь миссии в Греции, в 1845–1853 — генеральный консул в Египте, затем состоял в ведомстве Азиатского департамента министерстве иностранных дел.

⁴⁵⁰ См. ниже, гл. III второй части.

Князь хотел разобраться в причинах такого положения: ему показалось, что австрийцы не сумели найти нужный подход к венецианцам. Представители власти никого не принимали у себя⁴⁵¹, не устраивали праздников и ничего не делали, чтобы привлечь и сблизить представителей разных наций: «Я уверен, что несколько балов смягчили бы ожесточенные сердца здешних львиц, а за ними и львов» [ПСС: X, 40]. Венецианцы со своей стороны упрекали австрийцев в уничтожении их общественной жизни, в прошлом воспетой многочисленными путешественниками. Вяземский предполагал, что эта перемена была связана не с «военными постояльцами» [Там же], а с тем, что эпоха прошла, и вместе с ней и обычаи во всех странах стали иными. В подтверждение этого тезиса он вновь упоминал французскую столицу и задавался вопросом: «Разве парижские салоны те же, что в конце XVIII века?» [Там же: 9].

Австрийское господство в древней республике действительно привнесло различные изменения в жизнь венецианского общества. На площади Св. Марка, в грандиозном светском салоне города, «даже в многолюдные эпохи года» уже не собиралось, как «в старину», высшее общество, а в основном представители среднего и низшего сословия и путешественники [Там же]. На их фоне резко выделялись

...мальчик[и] тунейдц[ы], которые обступают тебя и просят qualche cosa per carità <милостыню — *итал.*>, — торговц[ы] башмаками, зажигательными спичками и всякою возможною дрянью. В старину, сказывают, до утра площадь кипела народом, теперь в десять часов вечера толпа уплывает и площадь очищается. Мы одни, залетные гости, засиживаемся и загуливаемся иногда до 12-го часа, среди нескольких искателей счастья, которые подбирают на площади разный сор, лоскутки бумаги и догоревших сигар, на завтрашнее дневное пропитание, или людей, нашедших уже счастье и спящих крепким сном на стульях и на камнях лестниц и подножий колонн. Вообще много бедных и все очень вздорожало [Там же: 40]⁴⁵².

⁴⁵¹ Князь также жаловался на нелюбезность губернатора Горцковского (Вяземский его называет Горшковским) и Вимпфена — ни тот, ни другой не ответили на его визиты вежливости. Он задавался вопросом, забывчивость ли это или природная нелюбезность [ПСС: X, 77].

⁴⁵² Кроме того, в другом месте он отмечал: «В Венеции до 40.000 бедных, записанных в приходах, а жителей всего до 110 тысяч» [Там же: 24].

На протяжении нескольких месяцев, проведенных в Венеции, Вяземский аккуратно отмечал все проявления несогласия между двумя народами. Например, его удивило, что Венеция была «едва ли не одна во всей Австрийской империи», кому удалось выразить свой оппозиционный дух и не допустить обращения на своей территории австрийских ассигнаций и кто «платит все свои повинности чистаганом. Вследствие чего и казна должна рассчитываться с нею одною звонкою монетою» [ПСС: X, 19]. С его точки зрения, этот жест гордой республики был попыткой сохранить видимость некоторой независимости хотя бы в области денежного обращения.

Еще на одно очевидное и к тому же печальное свидетельство непонимания между властителями и подданными князь обратил внимание у городской гауптвахты. После революции 1848–1849 гг. это здание было закрыто железной оградой, и Вяземскому зрелище солдат за решеткой показалось отталкивающим, тем более что гауптвахта находилась совсем рядом с главной площадью [Там же: 25]⁴⁵³.

Кроме того, политические противоречия обнаруживались во время официальных церемоний, таких как день рождения или тезоименитство императора, на которые местные жители реагировали равнодушно. По оценкам князя, венецианский народ в церемониях почти не участвовал, и даже военных было мало [Там же: 19]. Характерный случай произошел на торжественном спектакле, устроенном в конце октября в театре «Сан-Самуэле» в честь маршала Радецкого. Князь лично не присутствовал там, но ему удалось узнать некоторые подробности вечера: «Сказывают, что когда вошел он в ложу, человек 20 в партере начали хлопать и бедный старик раскланивался перед почтеннейшею публикою. Но почтеннейшая публика была весьма немногочисленна. Случайно ли, или оппозиционно, но театр был пустее обыкновенного. Большею частью были австрийцы, дамы, проезжающие. Радецкий казался довольно пасмурен» [Там же: 26–27].

Размышляя об этом, к концу пребывания в Венеции князь пришел к выводу, что разрыв в обществе между венецианцами и австрийцами — просто глупость, к тому же, как он узнал, взаимоотношения

⁴⁵³ Гауптвахта представляла собой небольшое здание, построенное по проекту Л. Санти, оно располагалось позади палаццо Реале (Королевского дворца).

ухудшились после очередного возмущения. Он считал, что венецианцам, «побесновавшись», следовало уступить и попытаться восстановить отношения, которые существовали между двумя сторонами, тем более что венецианцы мирно прожили шестьдесят лет под чужой властью. Резюмируя, он заявлял: «Не совсем приятно, согласен. Но как ни дуйся, а покориться необходимости должно» [ПСС: X, 91]. Вяземский придерживался этой теории, когда позиция Австрии в *question d'Orient*⁴⁵⁴ еще не определилась, и надеялся, что она может встать на сторону России.

Первые годы после смерти последней дочери князь чувствовал потребность приблизиться к православной церкви, надеясь в религии найти внутреннюю опору. Поэтому, живя в Венеции, Вяземский аккуратно отмечал каждое посещение литургии в греческой православной церкви на набережной Скъявони⁴⁵⁵. Он также писал о большой художественной ценности храма [Там же: 7]⁴⁵⁶, о фигуре греческого архиерея⁴⁵⁷, о молитвенных обрядах, которые хотел бы совершить [Там же: 22]⁴⁵⁸. Тем не менее, его замечания имеют несколько поверхностный характер и касаются прежде всего внешней стороны ритуала: однажды он отметил, что архиепископ читал для русских прихожан «Верую» и «Отче наш» на русском и оценил тональность исполнения молитв⁴⁵⁹. Спустя несколько недель он расценил как знак ухудшения

⁴⁵⁴ Восточный вопрос для Вяземского — конфликт России и Турции.

⁴⁵⁵ Записи от 15 (27) августа [ПСС: X, 7]; от 14 (26) сентября [Там же: 18]; от 4 (16) и 18 (30) октября [Там же: 22, 29]; от 1 (13) ноября [Там же: 78].

⁴⁵⁶ Он поясняет, что церковь Св. Георгия и Трифона (более известна, как Св. Георгия дельи Скъявони) была построена Сансовино, хотя обычно утверждается, что ее построил Дж. Антонио Чиона в 1539–1561 гг. по планам С. Ломбардо.

⁴⁵⁷ «Архиерей благовидный старец. Сказывают, что великий князь Константин Николаевич велел списать для себя портрет его» [Там же: 8]. В другом месте он отмечает, что архиерей навестил их дома [Там же: 29]. Вяземский упоминает архиерея, мы же установили лишь имена двух архимандритов, которые служили в греческой церкви в то время: это Спиридон Зервос с Корфу, назначенный настоятелем общины в 1847 г., и Дионисий Ловердос с Кефалонии, назначенный в 1851 г. Полагаем, что речь идет о другом лице, тем более что Вяземский подчеркивает его преклонный возраст и знакомство с ним цесаревича Александра Николаевича еще в 1838 г.

⁴⁵⁸ Ср.: «Подходил к благословению архиерея, который промолвил мне невнятно несколько русских слов». Вяземский еще несколько раз возвращался к особенностям богослужения в греческой церкви [Там же: 24, 28].

⁴⁵⁹ «Предпочитаю чтение этих двух молитв пению их по нашему обряду» [Там же: 24].

политических дел на Востоке отмену чтения молитв на русском [ПСС: X, 71]. Князь, несомненно, уважал религиозность, и нам кажется, что именно в Венеции он с тоской взирал на тех, кому удавалось обрести в вере благодать утешения и надежды. Это чувство нашло отражение в одном из самых нежных венецианских стихотворений, вдохновленном образом часовни, к которой обращали свои надежды женщины, когда их мужьям грозила опасность в открытом море⁴⁶⁰. Во всех остальных случаях внешняя красота церковной службы привлекала его больше, чем ее содержательная сторона.

Вяземский решил восполнить пробелы в знании истории Венецианской республики и приобрел несколько книг, чтобы понять эту доселе не известную ему реальность. Вероятно, он имел общие представления об итальянской истории, но подробно ее не знал. Прежде всего, он занялся самообразованием по книге “*Abrégé de l’Histoire de la République de Venise*” А. Квадри [Quadri 1831]⁴⁶¹. Это книга в восьми главах об истории Венецианской республики от ее основания до падения с краткими сведениями об истории торговли, о дожах, аристократии, а также о литературе, искусстве и венецианской музыке. В книге также отмечается, что в Венеции, в отличие от иных мест, женщины играли ведущую роль в интеллектуальной жизни города. Судя по всему, в этой книге раздел о культуре не привлек внимания князя, он сосредоточился главным образом на исторических сведениях и особенно на шестой и седьмой главе, в которых анализировалась борьба Венеции против Ионических островов и положение, сложившееся после Пожаревацкого мира.

Кроме того, Вяземского заинтересовала история торговых отношений между Венецианской республикой и Россией, и он с удивлением узнал из этой итальянской книги подробности проекта XVIII века по созданию канала между Волгой и Доном, который мог упростить

⁴⁶⁰ См. стихотворение «Рыбак» [ПСС: XI, 94–97].

⁴⁶¹ Оригинальное название “*Compendio della storia veneta diviso in otto epoche*” («Обзор венецианской истории в восьми эпохах»; Venezia, 1822). Книга составляет второй том сочинения “*Huit jours à Venise*”, французский перевод книги Антонио Квадри (A. Quadri, 1776–1849) “*Otto giorni a Venezia*”, впервые напечатанной в 1821 г. Двухтомник Квадри имел большой успех и был переиздан много раз.

торговлю с Азией и позволил бы избежать длительного плавания вокруг Мыса Доброй Надежды [ПСС: X, 5]⁴⁶².

Также князь купил “La Conjuration des Espagnols contre la République de Venise en l’année 1618” Сен-Реаля⁴⁶³ («Заговор Испанцев против Венецианской республики в 1618»), которая пользовалась «классической известностью» [ПСС: X, 20]. Может быть, он прочел ее, однако не оценил, — показалась блеклой, хотя рассказывала о драматическом событии и, возможно, имела отношение к трагедии «Спасенная Венеция, или Раскрытый заговор»⁴⁶⁴, одной из самых популярных драм XVII–XVIII веков. Вяземский вообще предпочитал сочинения на историческом материале, но в случае с книгой Сен-Реаля он, вероятно, почувствовал, что характеры искусственны, а речь героев отчасти придумана автором. Поэтому мы считаем, что ему неизвестна была оценка Вольтера, который считал Сен-Реаля значительным историографом своего времени⁴⁶⁵. Как бы то ни было, чтение Сен-Реаля лишь ненадолго увлекло его и не оставило других следов в его размышлениях о венецианской истории.

В первой и второй поездке в Венецию Вяземский также пользовался несколькими путеводителями, среди которых отдавал предпочтение книге Ж. Леконта “Venise ou Coup d’oeil littéraire, artistique, historique politique et pittoresque, sur les monuments et les curiosités de cette cité” [Lecomte]⁴⁶⁶. Это приятная для чтения книга, она написана легко, живо и совсем не грешит свойственным большинству туристических путеводителей перечислением мелких подробностей. Напротив, французский автор сперва излагает исторические сведения о памятниках, а затем украшает их каким-нибудь любопытным анекдотом.

⁴⁶² Пассаж, процитированный Вяземским, содержится в итальянском издании [Quadri 1821: 353].

⁴⁶³ Сезар Сен-Реаль (1639–1692), французский историк и литератор.

⁴⁶⁴ Оригинальное название пьесы Томаса Отуэя (1651–1685): “Venice Preserved, or a Plot Discovered”.

⁴⁶⁵ “Voltaire lui même a dit de lui: son Histoire de la Conjuration de Venise est un chef d’œuvre” [Dictionnaire des Lettres Françaises: 923] («Сам Вольтер сказал о нем: его История венецианского заговора — шедевр» — *франц.*).

⁴⁶⁶ В 1884 г. в Венеции вышел итальянский перевод у издателя Чеккини: “Venezia: Colpo d’occhio letterario, artistico, storico, poetico e pittoresco sui monumenti e curiosità di questa città”.

Леконт⁴⁶⁷ был увлеченным путешественником и хорошо знал Италию: его книга должна была стать первым томом «долгого и кропотливого» труда, посвященного Италии — “L’Italie des Gens du Monde”.

Вяземский, скорее всего, отдал предпочтение этой книге, потому что она не была скучным путеводителем, который составлял эрудит, озабоченный статистикой и детальными описаниями памятников. Леконт не тратил много слов на описания произведений искусства, а лишь кратко упоминал некоторые *великолепные* творения. Он предпочел рассказывать в книге «обо всем понемногу», что как раз отвечало склонности князя к эклектике. В этой французской книге венецианская жизнь эпохи рассматривалась сквозь призму “la grandeur de ses souvenirs” («величие ее памятников» — *франц.*). Автор подчеркивал, что каждый памятник интересен вдвойне благодаря следам, которые он оставил в истории “on a tenté à montrer ici le passé à travers le présent” [Lecomte: 1] («попытка показать здесь прошлое через настоящее» — *франц.*), то есть интерес к истории автор соединял с живостью рассказа, что отвечало вкусам Вяземского. Добавим, что французский автор обращался к людям, «у которых есть литературный вкус», чтобы «без педантизма беседовать с читателем» [Там же: 2–3]. В предисловии он предлагал использовать текст не только как справочник при осмотре памятников искусства, но и как приятное чтение до или после их посещения. Известно, что Вяземский не раз потешался над англичанами, которые путешествовали, уткнувшись в «Бедекер» и не обращая внимание на сами памятники, о которых говорилось в их путеводителях⁴⁶⁸. При этом, читая заметки князя, мы замечаем, что и сам он часто буквально следовал за указаниями французского автора и, возможно, иногда смеялся над собой за подобное смирение, столь несвойственное его независимому характеру. Кроме того, он время от времени прибегает к одной из традиционных «бюрократических» шуток и пишет: «как говорил мой Брокка»⁴⁶⁹.

⁴⁶⁷ Jules Lecomte (1814–1864), романист и журналист; он служил во флоте и после окончания службы основал издания “Navigateur” и “Revue maritime”; сотрудничал с “L’indépendance belge”, а после 1857 г. — с отделом хроники “Monde illustré”.

⁴⁶⁸ См. стихотворение «На Canal grande леди, миссы...» [ПСС: XII, 28].

⁴⁶⁹ Нам не удалось обнаружить человека с таким именем в Венеции ни в 1853 г., ни позже. С другой стороны, известно, что П. Ф. Брок (1805–1875) был высокопоставленным

Сочинение Леконта имело большое влияние на художественные вкусы князя: еще в 1863 году он чувствовал себя несколько неуверенно в оценке живописи и пластического искусства. Как ни удивительно, его вкус не стал более утонченным: взгляд привлекали грандиозное богатство мрамора, пышные украшения дворцовых сводов, пестрая архитектура великолепных фасадов Большого канала, освещенных загадочным светом луны, и при этом его никак не задевала стилистическая многоголосица. В этом смысле Леконт был близок своему русскому читателю, так как больше заботился о научно-исторической трактовке произведения искусства, чем о его художественной ценности.

Помимо книги Леконта, Вяземский, по-видимому, приобрел небольшую книгу, которая считалась классической и обязательной для прочтения всеми посещавшими Венецию иностранцами — *“Manuale ad uso del Forestiere di Venezia”* [Fontana]⁴⁷⁰. И хотя он ни разу прямо не ссылается на нее, мы предполагаем, что эта весьма полезная книга у Вяземского была, на основании одной фразы, дословно воспроизведенной в его описаниях художественных памятников⁴⁷¹. Кроме этого короткого трактата о Венеции, он явно обращался к первому тому сочинения А. Квадри *“Huit jours à Venise”*⁴⁷². Этот текст, написанный схематично для удобства читателей, иногда приближается к беглому стилю некоторых заметок князя. Приводя сведения о некоторых памятниках и произведениях искусства, Вяземский, по-видимому, использовал характеристики из этого сочинения⁴⁷³, и нам кажется очевидным, что вместе с исторической частью он должен был приобрести и первый том Квадри.

Кроме путеводителей в его распоряжении было несколько книг более общего содержания, например, сочинение венецианской

служащим Министерства финансов в Петербурге и что Вяземскому приходилось неоднократно обращаться к нему, чтобы получить необходимое продление отпуска.

⁴⁷⁰ «Справочник по Венеции для иностранцев», изданный в Венеции в 1847 г. — очень практичный справочник, где все наименования расположены в алфавитном порядке.

⁴⁷¹ Говоря о церкви Санта-Мария дель Розарио, он цитирует фразу Фонтана со стр. 107, о том, что верхний алтарь «украшен колоннами из лазурита солидного размера» [ПСС: X, 1].

⁴⁷² См. выше прим. 461.

⁴⁷³ Описывая Пала д’Оро в Сан-Марко, князь повторил характеристику Квадри: «Византийская икона» [Там же: 21].

писательницы Дж. Ренье Мишель “Origine delle feste veneziane” [Renier Michiel]⁴⁷⁴. Этот очерк предлагал читателю обзор истории Венеции от основания до падения Республики, особое внимание уделяя происхождению и развитию многочисленных патриотических и религиозных праздников, которые питали «национальную и духовную» жизнь Серениссимы и достались преемникам Венецианской республики как ее гражданское наследие. Князь несколько раз цитировал текст и, хотя скорее всего не прочел его целиком, просмотрел главы о тех праздниках, на которых побывал⁴⁷⁵.

Наконец, художник Скьявони обратил внимание князя на сочинение французского путешественника Арсена Уссэе⁴⁷⁶ «Путешествие в Венецию» (“Voyage a Venise”). По мнению Вяземского, тот представил публике «сущие небылицы» о мастерской упомянутого художника. Уссэе действительно посвятил главу своей книги посещению мастерской отца и сына Скьявони⁴⁷⁷, снабдив рассказ двумя эпизодами [ПСС: X, 17], далекими от правды. Мы не имеем возможности проверить, купил ли Вяземский эту книгу или упомянул ее только в связи с тем, что рассказали ему о ней художники Скьявони. В любом случае, речь идет о малозначительном тексте, который в фельетонной и неправдоподобной манере передавал впечатления Уссэе от пребывания в Венеции⁴⁷⁸. Автором, судя по всему, руководил не интерес

⁴⁷⁴ «Происхождение венецианских праздников» (*итал.*). Мы воспользовались венецианским изданием 1852 года, в двух томах, в то время как первое издание 1826 г. состояло из пяти томов. Вяземский один раз упоминает французское название.

⁴⁷⁵ Князь ссылается на нее, говоря о празднике Мадонна-делла-Салюте [ПСС: II, 163–172]. Также он упоминает смелое письмо Ренье в защиту Венеции от нападков Шатобриана, оскорбившего венецианцев нелюбезными замечаниями о городе во время его пребывания в нем по пути в Святую Землю [Там же: X, 17].

⁴⁷⁶ А. Уссэе (1815–1896), блестящий, но поверхностный писатель.

⁴⁷⁷ Художники Натале (1777–1858) и Феличе (1803–1868) Скьявони. Их мастерская на Большом канале была широко известна. Феличе Скьявони работал также при российском дворе, и великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II) во время путешествия по Италии заказал ему картину «Смерть Рафаэля».

⁴⁷⁸ Описание мастерской Скьявони можно прочитать в “La Jeune Fille qui se nourrit de roses” («Девушка, которая питалась розами»). Автор начинает с картины “Le Jardin des Roses”, и затем цитирует сонет Рене Ле Пэи “A Iris qui mangeait ordinairement del fleurs” («К Ирис, которая обычно ела цветы»), подобно девушке на картине Андреа Скьявони. Уссэе рассказывает, что художник Натале Скьявони позвал свою дочь, которая оказалась как две капли воды похожа на девушку с картины. Увидев удивление

к венецианской культуре и обществу, а скорее желание раскрыть тайны города, который, по мнению Уссэе, прятал от иностранца правду за сказочным фасадом.

В Венеции Вяземский также прочел «Римские письма» А. Н. Муравьева,⁴⁷⁹ написанные в 1846 г. после того, как Муравьев с другом В. И. Чарыковым⁴⁸⁰ провел зиму в Италии, ожидая возможности сесть на пароход в Неаполе и совершить традиционное для того времени путешествие в Святую Землю. Это сочинение было особенно ценно для Вяземского, так как помогло ему понять суть противоречий между двумя ветвями христианства, о чем Муравьев писал со знанием дела, так как хорошо знал и славянскую, и латинскую традиции. К этим письмам следует присовокупить и еще один русский текст, прочитанный князем в Венеции — «Из Рима в Иерусалим» Н. В. Адлерберга [Адлерберг]⁴⁸¹. Адлерберг в своем сочинении также противопоставлял два религиозных мира. Вероятно, он впервые осознал весь масштаб проблемы, когда присутствовал в Риме на благословении *Urbi et Orbi* на Пасху 1845 г., также накануне поездки в Святую Землю. Эти книги, в которых об Италии и о восточном мире говорилось с точки зрения русского, также были для Вяземского дополнительными источниками знаний о *восточном вопросе*, о противоречиях между Россией и Турцией, которые в тот момент приобрели серьезные масштабы⁴⁸². Оба русских писателя, хорошо знакомых ему лично, могли пролить свет на некоторые стороны итальянской жизни, которые могут показаться естественными для представителей Запада, но удивительны для русского.

В Венеции князь сразу хотел проникнуть в суть неизвестного ему мира, и поскольку его не преследовали приступы *скуки*, он мог свободно и методично заниматься «ремеслом туриста» [ПСС: X, 32],

Уссэе, он рассказал ему историю А. Скьявони и прекрасной Джачинты: “Le dernier souper de Giacinta”.

⁴⁷⁹ Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874), поэт и писатель, был обер-секретарем Святейшего синода.

⁴⁸⁰ В. И. Чарыков (1817–1884), писатель, чиновник высокого ранга.

⁴⁸¹ Н. В. Адлерберг (1819–1892), высокопоставленный правительственный чиновник, с 1866 по 1881 г. — генерал-губернатор Финляндии. В 1860 году он совершил паломничество в Святую Землю.

⁴⁸² Начиная формироваться коалиция против России.

которое на сей раз принесло плоды в виде подробного дневника этих месяцев.

Вероятно, Вяземский еще в первые дни начал читать книгу Леконта, и его мог привлечь пассаж с описанием “un petit jardin et une terrasse, dépendance du palazzino Gambara”⁴⁸³ [Lecomte: 3], где автор писал свою книгу. Из записной книжки князя известно, что прибыв в Венецию, Вяземские остановились в Hôtel de l’Europe, бывшем палаццо Джустиниани [ПСС: X, 49], но поскольку гостиница была довольно дорогой и неудобной для Веры Федоровны, которой приходилось подниматься по узенькой лестнице этажом выше в обеденную залу, богато убранную гостиную, князь вскоре взялся за поиски более удобного жилища⁴⁸⁴. Желая как можно дольше наслаждаться мягким средиземноморским климатом и хотя бы небольшим клочком зелени, он, возможно, вспомнил описание пристанища Леконта и стал искать дом с садом в сердце Венеции. Помог случай: как нам известно из письма А. Я. Булгакову, Пашковы сумели предложить им квартиру, отвечающую вкусам князя: «Для Венеции у нас две редкости: терраса над каналом с двумя павильонами и сад между ими и домом нашим» [Там же: 41].

В первые дни, когда Вяземский жил в Hôtel de l’Europe почти напротив церкви Мадонна-делла-Салюте, площадь Сан-Марко находилась от него в пяти минутах ходьбы, и князь не мог устоять перед ее очарованием. Он взял за обыкновение каждый день посещать этот роскошный салон восемнадцатого века, «обставленный великолепными зданиями с базиликой Св. Марка в окончном углублении» [Там же: X, 7], ср. [Lecomte: 40]. Этот салон был настолько совершенным, что, по словам Наполеона, ему «одно небо достойно служить потолком» [Lecomte: 39], а все вместе представляло собой «картину

⁴⁸³ Маленького сада с террасой, флигеля палаццино Гамбара — *франц.*

⁴⁸⁴ См. письмо 10 (22) августа 1853 из Венеции [Прил. I]. Вера Федоровна писала Павлу: “Je suis obligé de monter à un cinquieme étage pour aller diner, et me trouver serrée et pressure par soixante individus les uns moins intéressants que les autres, tant cela me met d’une humeur de chien” («Я вынуждена подниматься на пятый этаж, чтобы попасть на ужин и оказаться в толпе и сутолоке среди шестидесяти субъектов, один скучнее другого, и все это меня приводит в ужасное расположение духа» — *франц.*) [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 300].

величавую и поразительную» [ПСС: X, 7], ср. [Lecomte: 40]. Она особенно нравилась Вяземскому «часу в пятом и шестом после обеда, т. е. до обеда, когда пол и *procuratie vecchie* и *nuove* уже подернуты тенью, а фасад Базилики, с своими мозаиками, статуями, мраморным шитьем и узорами, блещет, горит, отливается, разливается огромными изящными и стройными калейдоскопами» [ПСС: X, 39]. Он добавлял, что имеет обыкновение заходить «почти ежедневно, между купаньем и обедом, любоваться этою невыразимой и выше всякого понятия картиною» [Там же]⁴⁸⁵. Вечерами он предпочитал видеть площадь без луны, потому что слабое газовое освещение лишало ее как покрыва темноты, «столь благоприятного любовным и прочим тайнам» [Там же: 8], так и волшебного сияния лунного света. Но в вечерние часы на площади было свежее, чем днем, и не думалось, что «хорошо бы раскрыть окно», а днем было «душно как в законопаченной большой зале» [Там же]. Этот грандиозный салон вечером приобретал для русских путешественников почти родной вид и напоминал княгине «залу Московского дворянского собрания» «с ступенями своими и галереями вокруг» [Там же]. Кроме того, вечером площадь оживала, появлялась толпа гостей всеобщего «вечернего раута» [Там же: 32]. Прогулявшись некоторое время, все усаживались “*devant le café Florian*” (у кафе Флориан) [Там же], чтобы насладиться мороженым. Этот обычай немного напоминал Вяземскому жизнь парижских бульваров, тем более что на площади собирался уже не высший свет Венеции, как когда-то, а разнородная публика. Князю рассказывали, что в прошлом в домах вокруг площади проходили светские приемы и что хозяйки сходили с гостями на площадь, «как в свой сад, чтобы освежиться и прогуляться» [Там же: 9].

Увы, во времена князя венецианские кафе уже не славились, как прежде, когда в них можно было встретить важных персон и знаменитых ораторов, таких, как миллионер Маруцци⁴⁸⁶, «краснобай

⁴⁸⁵ Вернувшись в Венецию после поездки в Кьоджу, он вновь был поражен уникальной красотой Пьяццетты в час заката, когда «красавица, убранная и украшенная для вечернего приема гостей своих, ожерельем блестящих огней, которые ярко отражались в зеркальном лоне воды, красовались и пылали перед нами» [ПСС: X, 15].

⁴⁸⁶ Маркиз Константин Маруцци (1784–1846), из старинной и богатой греческой семьи. Его отец Пано Маруцци (1720–1790), был назначен Екатериной II российским поверенным

Флорианского кафе» [ПСС: X, 91], который, как писал Фонтана, собирал вокруг себя толпу, слушавшую его до глубокой ночи. И во времена Вяземского в кофейнях встречались говоруны, но, по отзывам, они не стоили Маруцци. Лишенные теперь замечательных завсегдатаев, кафе еще более напоминали князю заведения парижских бульваров, где также собиралась пестрая интернациональная публика, представители всех социальных классов, но главным образом среднего сословия. Вяземский настолько привык и привязался к площади Святого Марка, что ему очень трудно было расставаться, когда наступило время отъезда.

Несмотря на все очарование и красоту площади, князь вынужден был отметить, что ее гармоничную атмосферу нарушала «ужасная музыка вокальная и инструментальная, которая дерет уши» [Там же: 8], оскорблявшая его музыкальность. Он не мог поверить, как «музыкальная натура итальянцев производит подобных мучителей и выносит подобное мученичество» [Там же]. Так что он жалел об оркестрах Лабичко, Хюнерфюрста, Штрауса, которые слушал в Германии⁴⁸⁷, и радовался, когда начинал играть австрийский военный оркестр, значительно превосходивший по качеству итальянцев. В целом можно сказать, что итальянская музыка не оправдала его ожиданий. Он читал и слышал рассказы о серенадах, которые в прошлом разбавляли весельем волшебство ночного города, и время от времени ему приходилось довольствоваться слабым отголоском этих «классических» воспоминаний:

в делах при Венецианской Республике. Константин состоял также на русской службе и был известен своим богатством и чудачествами. Его сестра Александра вышла за генерала С. П. Сумарокова.

⁴⁸⁷ В Карлсбаде Вяземский слушал Й. Лабичко (1802–1881), композитора танцевальной музыки, который в 1834 г. основал собственный оркестр и много гастролировал с ним, в том числе, в Петербурге. В альбоме Вяземского сохранились визитная карточка Лабичко, программа нескольких концертов и музыкальное сочинение, посвященное князю [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5079. Л. 149, 150]. В Дрездене он слушал композитора Х. Хюнерфюрста, сохранилась также программа концерта под управлением этого музыканта [Там же: Л. 151]. В Вене князь слушал оркестр Штрауса.

Дурасов, сын Петербургского губернатора⁴⁸⁸, давал вечером серенаду. Одни чужестранцы и приезжие возобновляют этот старинный обычай и оглашают и освещают струи канала давно умолкшими песнями и погасшими фонарями. Певцы не очень хороши, но все есть какое-то наслаждение лежать в гондоле под сводами Ponte-Rialto, особенно для русского, в ноябрьскую ночь, и слушать созвучия италийского языка, который уже сам по себе пение и мелодия. Проезжая мимо дома бывшей г-жи Benconi⁴⁸⁹ (умершей в 1839 г.), певцы неминуемо затягивают известную и знаменитую баркароллу: *la biondina in gondoleta*⁴⁹⁰, которая в честь ее была сочинена. Вот также безмертие! [ПСС: X, 71].

Вечерами путешествуя в гондоле по каналам, он словно слышал еще октавы Тассо, звучавшие над этими водами во времена Байрона. Однако к 1853 г. традиция уже почти прервалась, и Леконт в своем сочинении рассказывал, каких трудов ему стоило в 1844 г. добиться исполнения настоящей серенады в старинной манере от одного старого гондольера [Lecomte: 260, 271–274]. И в стихах 1864 г. Вяземский писал: «Не даром в тот век *gondolieri* / Певали в ночи наизусть / И мрачные сны Алигьери, / И Тасса любовную грусть, / И чудную быль Ариоста» [ПСС: XII, 79]. Помимо сожаления об утраченной возможности услышать старинные рифмы на фоне дворцов, православный князь был удивлен и возмущен: его музыкальный слух не привык к исполнению оперной музыки в итальянских католических церквях⁴⁹¹.

⁴⁸⁸ Видимо, ошибка Вяземского, ибо Дурасов не числится ни среди гражданских губернаторов, ни среди военных генерал-губернаторов Петербурга. — *Примеч. ред.*

⁴⁸⁹ Марина Кверини Бензоне (1757–1839) славилась своим гостеприимством и добродушием. «В своем палатце у Сан-Бенедетто, откуда пошло название калле, она имела обыкновение устраивать красочные приемы, на которые являлись самые замечательные чужестранцы того времени, такие как Байрон, Канова, Пиндемонте» [Tassini: 72]. Ж. Леконт сообщает, что ее салон славился благодаря интересной личности графини, которая особенно пленила Байрона [Lecomte: 621].

⁴⁹⁰ Венецианская баркарола, в честь графини Бензони написанная А. М. Ламберти (1757–1832) и положенная на музыку Ж. С. Майр (1763–1845).

⁴⁹¹ “N’en déplaise à votre catholicité, nous autres hérétiques avons été un peu choqués d’entendre au moment de la célébration des saints mystères, des aires d’opéras de Bellini, de Donizetti, et encore fort mal exécutés. Je m’attendais toujours comme couleur locale à entendre quelque cantique sacré entonné sur la mélodie du carnaval de Venise de Paganini” («Не в обиду вашему католичеству, наша братия еретиков была шокирована, когда в момент свершения святых таинств звучали арии Беллини, Доницетти, к тому же в прескверном исполнении. Я ожидал то и дело услышать какую-нибудь духовную кантику ради местного

Его друг Тургенев уже жаловался на это в письмах из Рима в 1832–1833 гг. [АБТ: 99], удивляясь, что итальянцы в римских храмах легко заменяют духовную музыку светской.

Тем не менее, и светская музыка не достигала в венецианских театрах желаемого совершенства, хотя первый контакт нашего путешественника с лирической оперой в Триесте оказался удовлетворительным: там он слушал акт «Семирамиды» и один акт «Золушки» в исполнении прославленных певцов [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1123. Брошюра 72]. В австрийских и немецких городах он научился больше ценить симфоническую музыку⁴⁹², но предпочтение все равно отдавал Россини и Доницетти. Так что в Венеции ему пришлось утешаться идеей, что итальянская лирическая музыка сохраняла на родине особую свежесть, даже когда ее исполняли посредственные артисты [ПСС: X, 8]. Во время пребывания в Венеции единственным приятным сюрпризом для его музыкальности стала поездка в Кьоджу, где он случайно застал репетицию местного оркестра, который оказался сильнее венецианских оркестров⁴⁹³.

Между тем его первым разочарованием в Венеции стало открытие, что он не сможет побывать на представлениях в «Ла Фениче», так как театральный сезон начинался после Рождества, а он не планировал так долго задерживаться в городе⁴⁹⁴. Его неудовольствие излилось в иронических замечаниях в записной книжке и в письме Булгакову: «здесь и окаянные театры под опекою святых» [Там же: 41], и «театры, как церкви, окрещены во имя какого-нибудь святого» [Там же: 15]. В Венеции он редко проводил хотя бы несколько дней без оперного спектакля, пусть и в других театрах, и уже из первой заметки после

колорита положенную на мелодию “Венецианского карнавала” Паганини»), — писал Вяземский Э. Ф. Тютчевой (1810–1894), урожденной фон Пфеффель, второй жене Ф. И. Тютчева, даме баварского происхождения и католического воспитания [ПСС: X, 32].

⁴⁹² Он оценил симфонии Бетховена и особенно увертюры Вагнера, чья музыка «не только музыка будущего, но и вечности» [Там же: 212].

⁴⁹³ «...привлекаемый звуками вошел я в большую залу della municipalità, где происходила проба вечернего концерта. Большой оркестр, составленный из городских дилетантов, разыгрывал на духовых инструментах с отменной стройностью и увлекательностью разные музыкальные пьесы» [Там же: 15].

⁴⁹⁴ Вяземские прибыли в Венецию 7 (19) августа и уехали около 10 декабря.

его приезда мы узнаем, что он дважды побывал в театре «Галло»⁴⁹⁵, где с 22 августа давали «Аттилу» Верди, и «довольно плохо» [ПСС: X, 8]⁴⁹⁶. Несмотря на неблагоприятный отзыв князя, этот спектакль был для него довольно важен, так как это, вероятно, было его первое знакомство с музыкой Верди. Он еще несколько раз ходил слушать эту оперу, как привык поступать с новыми сочинениями. Во время исполнения «Аттилы» Вяземский еще больше пожалел о закрытии «Ла Фениче», потому что там ее наверняка исполняли бы лучше [Там же: 41]. Другу Булгакову он писал, что «для необходимого продовольствия публики» дают оперы и балеты в других театрах: «...но пение и пляска довольно посредственны. Танцовщицы здесь имеют дворцы, но не имеют ног. У нашей знакомки Тальони здесь четыре палаццо, на большом канале, одно другого лучше» [Там же]⁴⁹⁷.

Его негативное суждение о местных театрах усугубилось после посещения постановки «Пуритан» [Там же: 17]⁴⁹⁸, оперы, которую он знал хорошо и потому мог он ей судить. Несмотря на все оговорки, Вяземский использовал любую возможность, чтобы послушать различные музыкальные программы: в театре «Аполло» в начале октября давали «Клятву» Меркаданте⁴⁹⁹, оперы которого часто исполнялись в России около 1820 г., и этот спектакль понравился ему больше других благодаря лучшему составу исполнителей⁵⁰⁰. В театре «Сан-Самуэле» шел «Севильский цирюльник», и хотя у всех певцов, за исключением

⁴⁹⁵ Театр находился в районе Сан-Лука и носил разные названия (сначала театр «Сан-Бенедетто», затем «Вениер»). Снесен в середине XX в.

⁴⁹⁶ В “Gazzetta di Venezia” от 7 сентября также отмечалось, что спектакль был скучным, однако сценарий получил похвальную оценку.

⁴⁹⁷ Maria Taglioni (1804–1884), прославленная балерина.

⁴⁹⁸ В “Gazzetta di Venezia” от 27 сентября также отмечалось, что постановка была слишком поспешной, и спектакль получился небрежным. “Gazzetta di Venezia” была главной газеты Венеции с 1816, когда называлась “Gazzetta privilegiata di Venezia”. С 1848 выходила под заглавием “Gazzetta di Venezia”, а с 1850 — “Gazzetta Ufficiale di Venezia”.

⁴⁹⁹ По своему обыкновению Вяземский всегда старается записывать имена певцов: «Певицы Брамбилла и Вентури-Олива неплохи» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1123. Л. 99]. “Gazzetta di Venezia” 4 октября хвалит главным образом Гаэтанину Брамбиллу, у которой было прекраснейшее контральто. Также хвалили несколько менее успешную Вентури-Оливу.

⁵⁰⁰ По мнению “Gazzetta di Venezia”, этот спектакль был подготовлен с большой тщательностью, возможно, к открытию театра «Аполло» после реставрации «с небольшим вкусом, но пока блестящей», по определению Вяземского [Там же].

Розины⁵⁰¹, были «уродливые лица», ему приятна была музыкальная свежесть любимой оперы: «Что за молодость, за веселость, за увлекательность (в этой музыке)» [ПСС: X, 21]. В 1853 г. «Севильский цирюльник» оставался для него непревзойденным шедевром, но ближе к концу своего пребывания в Венеции он посетил еще одну постановку этой оперы в театре «Аполло», настолько безжизненную, что ему даже показалось, что «мирный Россини взялся оскорблять прозу Бомарше за ее живость, изобретательность и веселость»⁵⁰².

Наконец, ему удалось найти средство против дурных постановок: слушая неоднократно «Лючию ди Ламмермур» [ПСС: X, 10; РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1123. Л. 113; Там же: Ед. хр. 1124. Л. 27]⁵⁰³, он иногда бывал тронут до слез, потому что «у него в душе пел Рубини» [ПСС: X, 22], а во время представления «Итальянки в Алжире» [Там же: 25] он переносился в Москву, где тридцатью годами раньше слушал эту оперу в исполнении Дзамбони⁵⁰⁴, Перуцци⁵⁰⁵ и мадам Анти⁵⁰⁶, которые заставили его восторгаться музыкой Россини.

Грустные воспоминания пробудило в нем представление «Паризины»⁵⁰⁷, которую «в 1835 году слушал я в Риме с таким удовольствием» [Там же: 90] в превосходном исполнении Унгер, и снова ему

⁵⁰¹ См.: [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1123. Л. 103]. «Gazzetta di Venezia» сообщает, что 24 октября партию Розины пела Джованнина Поцци, «воспитанница превосходной школы».

⁵⁰² [Там же: Ед. хр. 1124. Л. 16]. Вяземский убежден, что Россини «переживет в потомстве своих современных львов: Наполеона и Байрона» [ПСС: X, 21]. Согласно «Gazzetta di Venezia» от 29 октября 1853, «Цирюльник» был исполнен довольно плохо, потому что Розина «обращалась с маэстро, самим Россини, как со своим опекуном, — с изрядной вольностью; и в каватине она расставила ему больше одной ловушки».

⁵⁰³ Согласно «Gazzetta di Venezia» это был хороший спектакль.

⁵⁰⁴ Имена трех исполнителей опущены Шереметевым [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1123. Л. 108]. Л. Дзамбони (1767–1837) был в свое время одним из лучших исполнителей оперы-буфф в Италии и имел большой успех в итальянских театрах; с 1810 по 1819 гг. он пел в «Ла Скала», потом долго жил за границей и стяжал большой успех в России между 1820 и 1830 гг. не только в «Итальянке в Алжире», но и в «Золушке» и «Сорокоровке». Его портретом можно любоваться в музее театра «Ла Скала» в Милане.

⁵⁰⁵ Перуцци — семья итальянских певцов из Болоньи, которая уже в XVIII в. появилась в России. В газетах около 1830 года постоянно фигурирует имя певицы Перуцци.

⁵⁰⁶ См. выше, гл. II.

⁵⁰⁷ См. «Gazzetta di Venezia» от 6 декабря 1853 г., где сообщается, что «Паризине 1853 года противостоит Паризина 1838 года, более совершенно исполненная Унгер в расцвете таланта, еще живая в памяти большинства».

удалось забыть настоящее и отдаться скорби, которую эти звуки будили в его душе, ведь в его памяти запечатлелись строки:

E'delirio amor mio
Non ha speme, non desio,
E'una face che consuma
D'un sepolcro nell'orror⁵⁰⁸.

Это воспоминание совершенно заслонило спектакль 1835 г., а певица София Перуцци⁵⁰⁹ ему «так не понравилась, что отбила у него желание разведать: не дочь ли она наших московских Перуцци» [ПСС: X, 90–91]. Эти слова подтверждают, что исполнение, с точки зрения Вяземского, оказалось совсем скверным, иначе он не отказался бы от удовольствия познакомиться с певицей.

Кроме «старых знакомых» из мира оперной музыки, привычной его уху, он побывал на постановках нескольких новых опер: «Сафо» Пачини⁵¹⁰, музыка которого оказалась «блестящей и живой, если не одухотворенной» [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1124. Л. 8], а певица София Перуцци, раскритикованная им в «Паризине», выглядела достаточно хорошо в партии Сафо [Там же: Л. 91]. Наконец, ему случилось послушать оперу, которая раззадорила его иронию: он увлекся игрой слов, вышучивая главного героя и автора оперы «Марко Висконти» Антонио Педрокко⁵¹¹. Еще меньше ему нравились балеты, в то время сопровождавшие все оперные спектакли; исключением стала «Эсмеральда», которую князь смотрел много раз [Там же: Ед. хр. 1123. Л. 101, 103, 104, 113; Ед. хр. 1124. Л. 7]. Этот балет оставил у него живое воспоминание, тесно связанное с поездкой в Венецию, и спустя

⁵⁰⁸ Дуэт из второго акта «Паризины» Доницетти.

⁵⁰⁹ Ее имя фигурирует во многих оперных репертуарах тех лет. Полагаем, что она принадлежит к упомянутой выше семье.

⁵¹⁰ Дж. Пачини (1796–1867), композитор и капельмейстер, в 1840 г. написал оперу «Сафо».

⁵¹¹ Первое исполнение этой оперы состоялось 16 апреля 1853 г. в Венеции и, по мнению журналиста “Gazzetta di Venezia” от 18 апреля, имело грандиозный успех; всех певцов и автора, венецианца Антонио Педрокко, бесчисленное количество раз вызывали на сцену. Мнение Вяземского решительно не совпало с тем, что сообщает газета, он иронизировал над певцом, добавляя, что и автор был немногим лучше.

несколько лет в память о спектакле он сочинил стихотворение, посвященное его главной героине [ПСС: XI, 224–227]⁵¹².

В 1863–1864 гг. музыкальные интересы князя главным образом были сосредоточены на певице Э. Фреццолини⁵¹³, давно знакомой ему по выступлениям в России. В то время она вернулась в Венецию после почти двадцатилетнего отсутствия. Венецианцы еще хорошо помнили ее, так как в молодости она была одарена редкой чистоты голосом, а также большим драматическим и музыкальным талантом, — именно поэтому критика обошлась с ней сурово, рассудив, что она «состарилась раньше времени» [Рапофка: 109–114]. Вновь услышав ее в 1863 г., часть публики не захотела даже посетить вторую оперу с ее участием, и в результате разразилась настоящая битва за ее возвращение на сцену. Вяземский с живым интересом следил за этими событиями и в январе 1864 г. занес в записную книжку, что Фреццолини наконец могла выступить «после долгого ожидания и несмотря на протесты революционного комитета и террора манифестаций, которые разрывались, как бомбы» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 86]. Все прошло мирно и благополучно. По мнению Вяземского, голос ее еще был свеж, а техника превосходна [Там же]. Князь побывал на всех ее концертах и спектаклях [Там же: Л. 67, 68, 69, 81] и, судя по всему, этот требовательный любитель музыки остался доволен. Кроме того, он рад был возобновить знакомство с Фреццолини, которой оказал большую поддержку в 1848 г. в Петербурге.

⁵¹² «Эсмеральда (Воспоминание о Венеции)». Стихотворение посвящено внучке, Елизавете Петровне Голицыной, урожденной Валуевой. Вяземскому было дорого воспоминание об этом балете, потому что в нем танцевала единственная достойная, по его мнению, балерина, — возможно, некая Ното. Кроме упомянутых спектаклей он видел еще «Эликсир любви» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1124. Л. 2] — в 1835 г. в Вене [ЗК: 231]. В “Gazzetta di Venezia” сообщается также, что 3 октября была представлена «Луиза Миллер» Верди в театре «Сан-Самуэле», и, хотя Вяземский не говорит об этой постановке, мы предполагаем, что он ее видел. Его холодное отношение к музыке Верди, возможно, объясняет это молчание. 25 ноября (7 декабря) он слушал «Двух Фоскари» Верди [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1124. Л. 19] — без восторга, хотя, по-видимому, исполнение было хорошим [Gazzetta di Venezia: 1853, 7 dicembre]. Это единственное упоминаемое им произведение Верди, хотя представляли и «Набукко» [Gazzetta di Venezia: 1853, 26 novembre].

⁵¹³ Э. Фреццолини (1818–1884), ученица Н. Таккинарди, пела во многих итальянских театрах и за границей, в 1871 г. переехала в Париж.

Вяземский также бывал на различных вокальных и инструментальных концертах в 1853 и в 1863–1864 гг., но записывал впечатления, только если в них принимали участие знаменитые исполнители⁵¹⁴. Кроме того, он смотрел драматические постановки, но они занимали мало места в череде его культурных и духовных впечатлений⁵¹⁵.

Таким образом, в Венеции в 1853 г. князя снова, как в 1834–1835 гг., поразил уровень музыкальной культуры в стране бельканто — он скорее разочаровывал, и на фоне европейских столиц слушателю приходилось мириться с посредственным мастерством исполнителей. Несмотря на это, Вяземский был убежден, что «итальянская опера в Италии, как ни будь посредственна, имеет особенно свежий вкус *comme un petit vin du cru*, которое пьешь на месте» [ПСС: X, 8].

II

После попыток познать венецианскую жизнь в теории с помощью упомянутых выше текстов, Вяземский пожелал проникнуть в живую историю древней республики. Он охотно возвращался к былой славе города, размышляя о величии и мощи угасшей республики. Его воображение в первую очередь поразили голуби, живой символ этого прошлого:

Одни, дожившие до нынешних дней потомки древней Венецианской республики — это голуби площади Сан-Марка, которые и теперь кормятся на иждивеньи правительства. Но эти республиканцы вовсе не дикие и не кичливые, а напротив ручные и общежительные. Они гуляют по площади и встречаясь с вами только чуть-чуть отходят в сторону, чтобы дать вам пройти. Но не улетают и нимало не пугаются [ПСС: X, 26]⁵¹⁶.

⁵¹⁴ Эти спектакли практически не упоминаются в дневнике; об их посещении свидетельствуют только программки, сохранившиеся в его альбоме.

⁵¹⁵ В 1853 г. он поехал повидаться со «знакомыми из Дрездена», господином Чунгатай и его семьей [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1123. Л. 106]. «Gazzetta di Venezia» сообщает, что 20 октября в Ридотто у Сан-Моизе открылся «салон господина Чунгатай и его семьи из Квантуна». 26 октября (7 ноября) они присутствовали в театре «Сан-Бенедетто» на «Хижине дяди Тома» [Там же: Ед. хр. 1124. Л. 2] и 19 ноября (1 декабря) на спектакле марионеток [Там же: Л. 16; Там же: Ед. хр. 5079. Л. 201].

⁵¹⁶ Подобные наблюдения есть и у Леконта [Lecomte: 61].

И в записной книжке, и в одном из писем Булгакову князь уделил внимание другому «историческому» воспоминанию, к которому подтолкнул его вид крайне неудобных стульев на площади Сан-Марко, похожих, по мнению Вяземского, на «каких-то пыточных козлов, на которые, вероятно, в старину Совет Трех сажал для допроса гостей своих» [ПСС: X, 8–9].

Среди первых исторических зданий, осмотренных князем, был Дворец Дожей. Удивляет, однако, что в своих чрезвычайно скупых заметках князь жалуется, что не смог посетить «Пьомби», еще памятные ему по чтению «Моих темниц» Пеллико, и вынужден был ограничиться «Поцци». Для Вяземского даже стало неожиданностью, что заключенные этой тюрьмы не «содержались под водой в каких-то колодцах», как можно было бы заключить из ее названия [Там же: 5]. Очевидно, он не стал внимательно читать свои путеводители, где можно было найти объяснение этого необычного названия⁵¹⁷. Зато много внимания он уделил глобусу Фра Мауро 1460 г.⁵¹⁸, на котором «обозначен мыс Доброй Надежды, тогда еще не открытый» [Там же]. Этими двумя деталями князь ограничился в описании палаццо Дожей.

Из исторических достопримечательностей Вяземский заинтересовался Арсеналом, который впервые привлек его, когда он возвращался с прогулки по Городскому саду [Там же: 12–13]. В тот раз он остановился, чтобы мельком осмотреть «четыре стоящих перед ним львов», известных своим спорным происхождением⁵¹⁹. Спустя несколько недель он более тщательно изучил Арсенал с русским другом, неким Завадовским⁵²⁰. Однако и здесь легко заметить, что князю запомнилось всего несколько предметов из этого обширного морского музея. Прежде всего, его поразила модель Бучинторо, которая «имеет десятую часть подлинника. Обманчивость глаз. Не верится, чтобы

⁵¹⁷ Поначалу это были склады Дворца Дожей. По мере того, как разрасталась община у моря, эти тюрьмы перестали использоваться [Fontana: 250].

⁵¹⁸ Монах-камальдолец, в 1457–1459 гг. составил атлас мира.

⁵¹⁹ Вяземский записал после этой прогулки: «Четыре греческие льва гиметского мрамора (близ Афин). Много толков и споров о местопроисхождении этих львов, но водворены они в Венеции Франческом Морозини Пелопонезским в 1687» [ПСС: X, 13], ср. [Lecomte: 434].

⁵²⁰ См. ниже, гл. VIII.

модель, помноженная и десятью, могла бы на деле быть такого размера» [ПСС: X, 21]. Помимо Бучинторо он рассматривал орудия пытки, «принадлежавшие Francesco Carrara, Падуанскому тирану». Ему также указали на щит, «простреленный цесаревичем⁵²¹ в 1838 г. одною из арбалет, которая служила в Лепантском сражении» [Там же].

Посещения Арсенала и Дворца Дожей показывают, что князь, хотя и осматривал Венецию прилежно, не превратился в скрупулезного туриста, стремящегося запомнить все, на что указывал его Бедекер. Его внимание останавливалось на предметах, которые вызывали воспоминания, связанные с ним самим или с особенно дорогими ему людьми.

Соприкоснувшись с историей Венеции через ее памятники, он пустился на поиски традиционных обычаев венецианского народа. Один из них обнаружился на площади Сан-Марко — это был традиционный розыгрыш народной лотереи, или томбола [Lecomte: 64]. В розыгрыше участвовали представители всех социальных слоев, и Вяземский обратил внимание на то, как волновались обладатели лотерейных билетов, в то время как лица простых зрителей выражали только любопытство. У всех в руках была бумажка для записи, и они записывали выигрышные номера сами или просили записать кого-то рядом, если были неграмотными. После окончания розыгрыша можно было увидеть нищих, которые за плату показывали прохожим результаты лотереи. По этому случаю на площади царил такое оживление, что всем казалось, будто вернулись блаженные времена “sotto San-Marco, то-есть Sotto l’antica republica” [ПСС: X, 76–77], и все произносили слово “republica” особенным образом.

Лотерея доказывала, что различные слои венецианского населения ощущали свое единство, это единение проявлялось и во время некоторых религиозных праздников. Князя поразили праздник Мадонна-делла-Салюте, по случаю которого «весь город на ногах. Ход духовенства, городских властей». Несмотря на удивившее его всеобщее оживление, он отмечал, что «все это торжество ныне бледная тень того, что бывало во время оно» [Там же: 81]. Ему понравились временные переходы через Большой канал, к празднику сооруженные

⁵²¹ Цесаревич Александр Николаевич путешествовал по Италии в 1838–1839 гг., в сопровождении друга Вяземского В. А. Жуковского.

венецианцами из лодок и гондол: один служил для подхода к храму, а другой — для перехода обратно. Дома он обратился к истории этого праздника, описанной в справочнике Ренье Мишель [Renier Michiel: II, 163–171], и узнал, что праздник был учрежден «в память избавления Венеции от чумы 1631 г.» [ПСС: X, 81].

Князю хотелось узнать повседневную жизнь, по большей части спрятанную от глаз публики. Для этого, как и в Риме двадцатью годами ранее, он решил пешком углубиться в запутанные узкие улочки, несмотря на предостережения о возможной опасности таких прогулок. Едва убедившись, что единственная действительная опасность — это возможность потеряться в лабиринте улиц, Вяземский отправился туда сначала в компании гида [Там же: 10], а затем и без него. Ему приятны были такие прогулки, потому что в одиночестве он мог свободно размышлять и спокойно рассматривать то, что его больше всего заинтересовало. Со временем он хорошо узнал самые отдаленные уголки и иногда, добравшись в одну сторону на гондоле, сходил на берег и возвращался домой один, проходя «улицы преоригинальные, иногда узкие, как оружейный ствол», с их «площадями, площадками». Он был доволен, проникая в «эти кишки, в эту довольно животрепещущую внутренность Венеции, где жизнь простонародная круговращается во всей своей деятельности и простоте» [Там же: 70–71]. Путешествуя сквозь эти «кишки», он сумел подружиться с несколькими гондольерами и нищими. Один из них настолько привык каждый день видеться с князем, что забеспокоился о его здоровье, когда Вяземский несколько дней не появлялся. Излагая этот эпизод, князь шутил, что просто поменял место жительства и подружился с другими нищими [Там же: 71]. В другой раз он принял за нищего бывшего городского палача, «чьи воспоминания достойны быть переданы потомкам» [Там же].

Гуляя пешком, он заметил, что в потайных переулках еще сохранялись следы истории, которые ускользали от обычного туриста. Например, Вяземский увидел мост Кулаков, где остались «втиснуты четыре ноги, на которые становились бойцы», часто падавшие во время драки в воду, потому что на мосту в те времена еще не было

перил [ПСС: X, 7]⁵²². Кулачные бои устраивались между Каstellани и Николотти, двумя политическими партиями, существовавшими в Венецианской республике. Князь, как обычно, не стал вдаваться в историю этих двух партий и отметил только, что «первые были особенно под покровительством правительства», а «другие принадлежали к народной партии» [Там же]. Сведения о происхождении партий он наверняка почерпнул у Леконта [Lecomte: 262–267]. В другой раз, заметив на площади камни с вырезанным словом “Sacrum”, он расспросил гондольера о значении надписей и получил объяснение, что «преступник, за которым гнались, был в старину неприкосновенным, когда удавалось ему ступить на подобный камень» [ПСС: X, 7].

Вяземский интересовался историческими анекдотами и записал рассказ о мосте “Della Donna Onesta” («Честной женщины»): «На этом месте была содержательница кофейного дома и честно торговала, посетители прозвали ее donna Onesta и прозвание ее перешло к мосту» [Там же: 10]. К сожалению, неизвестно, из какой книги он позаимствовал эти сведения. Подобное объяснение названия, по сведениям Г. Тассини, можно найти в одном из сочинений Фонтана: впрочем, с ним согласны не все [Tassini: 211]⁵²³.

Во время прогулок Вяземский заметил на старинных венецианских палаццо гербы прежних владельцев — живые символы прошлого величия Республики, часто никак не связанные с их настоящим⁵²⁴. Ему запомнился дворец со старинным гербом, преобразованный в ликерную фабрику [ПСС: X, 11–12], которую он и осмотрел. В другой раз он видел дворец, на котором сохранилась вывеска лабазной торговли, хотя в нем уже ничем не торговали. В одном дворце при входе сохранились «две большие куклы, солдаты», которые остались прежними,

⁵²² В рукописи не хватает названия моста, но есть пропуск, оставленный, чтобы позднее вставить название, как князь имел обыкновение делать в записных книжках.

⁵²³ Тассини утверждает, что Фонтана описывает недавнее время, однако мост уже и в старые времена назывался мостом Donna Onesta и упоминается в 1566 г., так что вероятно, там жила женщина по имени Онеста, — это имя часто встречается в старой Венеции. Кроме упомянутых мостов Вяземский собрал сведения и о других, но его заметки отрывочны, так что трудно восстановить, какие мосты он имеет в виду.

⁵²⁴ Это обстоятельство настолько поразило князя, что он упоминает об этом в стихотворении венецианского цикла: «Смотрю ли на мрачные зданья / С гербами угасших родов» [ПСС: XII, 76].

«но мундиры на них были перекрашены в австрийский цвет» [ПСС: X, 11–12]⁵²⁵. Контрасты между традициями прошлого и новыми условиями жизни напомнили ему сходное положение острова Родос: там также можно было увидеть гербы старинных властителей на дворцах, занятых турками [Там же: 11].

25 сентября князь побывал на одном из менее торжественных празднеств, в честь церкви Св. Захарии [Renier Michiel: I, 50–53]: его удивила иллюминация с музыкой на всех боковых каналах и на набережной Скъявони. Судя по тому, что пишет Вяземский, праздник проходил довольно спокойно: по его словам, венецианцы «веселятся тихо и чинно: сидят за столиками, или расхаживают мирным шагом» [ПСС: X, 17–18]. Так что на сей раз он больше заинтересовался народным характером, чем историей праздника, и даже не упомянул текст Ренье Мишьель.

В 1863–1864 гг. он провел в Венеции почти восемь месяцев и имел возможность видеть другие важные праздники: например, знаменитую регату, которую упомянул в стихотворении второго венецианского цикла:

Регаты мне празднество нужно:
 Когда по торжественным дням
 Под веслами гондолы дружно
 Несутся по синим зыбям,
 Иль льются народные клики,
 Приветствуя громкой хвалой
 Помолвку над морем владыки
 С невестой, Царевной морской [Там же: XII, 78].

Кроме того, он несколько раз видел праздничное собрание лодок и гондол на празднике “Fresco”, который воспел в «Фотографии Венеции»:

Слетелись гондолы на Фреско,
 Стоят внимательно кругом,
 Во тьме обозначаясь резко
 Потешным, праздничным огнем [Там же: 23].

⁵²⁵ Вероятно, он имел в виду палаццо Лоредан, на котором до наших дней сохранились в нишах фасада фигуры держащих герб пажей XV в.

В далеком 1832 г. А. И. Тургенев в одном из писем из Венеции рассказывал ему, среди прочего, о веселом нраве венецианцев⁵²⁶, и князь, возможно, еще помнил тот рассказ, сочиняя стихотворение «Вакханалии», в котором отразились его впечатления от их спонтанного южного темперамента. Он был восхищен им, так же, как и в 1835 г., во время римского карнавала. Венецианцы, как и римляне, умели веселиться лучше, чем другие народы:

Увлечательность, беспечность,
Невзыскательных забав,
Шуток смех, простосердечность,
Южный ум и южный нрав [ПСС: XII, 101].

Самой же необычной из местных традиций Вяземский счел похороны. Заметив, что все венецианские кладбища расположены на островах [Там же: X, 19], Вяземский был действительно удивлен тем, что последняя прогулка венецианцев совершалась в гондоле [Там же: 21]. В Венеции «нет особенного экипажа для мертвецов. Они отъезжают домой на одном и том же извозчике, который служит и живым. Некоторые путешественники говорят о красных гондолах, которые здесь будто заменяют *corbilliard* и наши похоронные дроги». Однако князь выяснил, что это не соответствовало правде, и единственным красным пятном были одеяния священнослужителей, которые на церемонии несли специальные фонари, «но бывают они и при других обрядах» [Там же: 21–22]. Он успел побывать на одних торжественных похоронах, которые в те дни происходили в Венеции⁵²⁷. Однако в полной мере Вяземский понял необычность этого ритуала, когда умерла молодая дама, с которой он успел познакомиться незадолго до того⁵²⁸. Дальше он писал, что «гондола, в которой гроб положен, не траурная, а желтая» [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1124. Л. 2–2 об.]

⁵²⁶ См. письмо от 21 сентября (3 октября) 1832 г. [АБТ: 114–116].

⁵²⁷ См. ниже примечание об основателе Школ Милосердия.

⁵²⁸ Луиджа Соррел-Кэмерон умерла в Венеции 6 ноября 1853 г.; она была женой подполковника Дж. Пулетт Кэмерона (1806–1882), служившего офицером в Индии в 1836–1838 гг., а затем командиром гарнизона в Тебризе. Он приехал в Венецию за несколько дней до смерти жены. На обратном пути он инспектировал русские гарнизоны в Черкесии и описал это путешествие в книге “*Personal Adventures and Excursions in Georgia, Circassia and Russia*”, опубликованной в двух томах в 1882 г. В своих заметках, не

Венецианские погребальные обряды казались ему столь необычными и произвели на него такое сильное впечатление, что воспоминания о них сохранились и в стихах, написанных в Венеции в 1863–1864 гг.⁵²⁹.

Вяземский хотел узнать обо всех аспектах городской жизни и воспользовался возможностью познакомиться и с общественными учреждениями Венеции. Среди них он счел достойными упоминания прежде всего богадельню и Городскую больницу. Первая представляла собой достаточно большой дом для престарелых, где «более 800 старцев обоего пола (женщин более, нежели мужчин)» содержалось «на иждивении частных благотворений». Князь подчеркнул, что в заведении царит чистота, оценил его распорядок и управление и пришел к выводу, что подобное учреждение могло бы принести пользу не только Венеции, но и любой другой стране⁵³⁰. Столь же благоприятное впечатление произвел на него госпиталь на тысячу мест [ПСС: X, 18]⁵³¹, занимавший комплекс старинных палаццо, в которых, несмотря на новое применение, сохранилось нечто артистическое. Залы были такими просторными, что легко было забыть, что находишься в госпитале⁵³². Князь вновь отметил административную и техническую стороны⁵³³,

вошедших в Полное собрание сочинений, Вяземский удивляется, что гроб возили по каналам не на специальной лодке, а на городском «омнибусе» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1124. Л. 2–2 об.].

⁵²⁹ См. ниже, часть II, гл. IV.

⁵³⁰ «Жены и мужья, когда те и другие в числе призренных, имеют позволение сходиться только раз в неделю. Но нет опасности, чтобы народонаселение этого заведения размножалось вследствие таковых свиданий: бедные, принимаемые в нем, должны быть не моложе 60 лет. Раз в месяц имеют они позволение выходить со двора. Такой странно-приимный дом и в подобном размере был бы везде весьма замечателен, и в особенности в павшей Венеции» [ПСС: X, 18–19]. Леконт также коротко характеризует архитектурные особенности здания [Lecomte: 525].

⁵³¹ Вяземский отмечал, что в случае необходимости можно было разместить и две тысячи больных [ПСС: X, 23].

⁵³² «В Венеции все имеет вид грандиозный и артистический, потому что все эти помещения были в старину или палаццы, или храмы, или монастыри. Величина, высота зал такого обширного размера, везде такой простор, что нигде не пахнет госпиталем. Везде воздух свежий и чистый. Правда, и климат тому способствует. Здесь очищают воздух не можжевеловым курением, а открывают окна, впуская солнце и воздух» [Там же].

⁵³³ «Госпиталь основан для бедных городских, и общин, которые и содержат его определенным ежегодным взносом. Есть отделение для мужчин и отделение для женщин,

упоминая детское отделение, которое было в то время редкостью⁵³⁴. Заинтересовала его и организация медицинской помощи, и финансовое положение врачей. Памятуя, вероятно, о жестокой болезни, которая унесла жизни почти всех его детей, он записал, что седьмая часть пациентов страдала грудными болезнями⁵³⁵. Еще одним социально-медицинским учреждением Венеции был дом умалишенных на острове Сан-Серволо, но князь видел его только издалека, направляясь на остров Св. Лазаря⁵³⁶.

Для граждан Венеции и иностранцев в городе имелось немало культурных учреждений. Среди них Вяземский имел возможность оценить основанные отцом Маркантонио ди Каванисом⁵³⁷ Школы Милосердия, в которых бедные мальчики из горожан могли получить хорошее образование. На князя эта школа произвела столь благоприятное впечатление, что, побывав на похоронах ее основателя, он

подразделенные на больных, требующих лечения, и больных, требующих хирургических операций. Есть отделение и для больных платящих (большая часть даром) по 2 цв.<анцигера> с половиной в комнатах, где несколько больных, и по 4 цв.<анцигера> для больного в особой комнате, с особой прислугой» [ПСС: X, 23; РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1123. Л. 107].

⁵³⁴ Педиатрия как отдельная ветвь медицины отделилась от общей терапии только во второй половине XIX века.

⁵³⁵ «Двенадцать подлекарей, из них одна часть получает по 600 цванц.<игеров> в год, а другая только квартиру в госпитале и обед в дни дежурства» [ПСС: X, 23]. Он также записал некоторые идеи своего лечащего врача: «Намиас говорил мне, что доктор чем более обходится с больными, чем более практикует, тем менее делает, а содействует природе. Большая деятельность, большая медикаментация означает молодость науки и врача» [Там же: 24].

⁵³⁶ «В близости монастыря проезжаешь, или правильнее, проплываешь мимо острова S. Servolo, на котором больница и дом умалишенных» [Там же: 7]. Речь идет о мужской лечебнице для душевнобольных, построенной в 1734–1759 гг. Вяземский еще раз проезжал мимо острова и записал: «На возвратном пути вода была так прозрачна и зеркальна, что небеса, деревья, дома отражались в ней, как живые. Больница умалишенных на острове S. Servolo висела вверх дном в водяном пространстве, как головы несчастных ее жильцов» [Там же: 24].

⁵³⁷ М. А. Каванис (1774–1853), священник. В 1802 г. вместе с братом открыл ораторий, в 1804 — бесплатную школу, а также основал конгрегацию приходского духовенства Scuole di Carità (Школ Милосердия) [Там же: 21].

вскоре переписал из венецианской газеты некролог Каванису, чтобы сохранить память об этом человеке⁵³⁸.

В царстве островов также таилось немало сокровищ, в первую очередь монастырь мекитаристов⁵³⁹ на острове Св. Лазаря. Вяземский уже бывал на Востоке в церквях и монастырях этих монахов, в то время они были широко известны, поскольку сам Байрон провел на острове Св. Лазаря много времени, изучая армянский под руководством П. Ошера⁵⁴⁰. Князь хотел познакомиться с учителем английского поэта: о нем писали многие путешественники, которым Ошер лично показывал монастырь⁵⁴¹. Несмотря на преклонный возраст отца Ошера, Вяземский смог побеседовать с ним о его знаменитом ученике и с большим удовольствием узнал, что венецианским монахам был хорошо известен армянский Лазаревский институт в Москве⁵⁴², знаменитая в России школа восточных языков. Кроме того, на острове он смог увидеть сокровища восточного искусства, хранящиеся в монастыре: большую египетскую мумию⁵⁴³, изготовленную в Персии

⁵³⁸ [Gazzetta di Venezia: 1853, 11 ottobre; РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1125. Л. 39]. Князь сделал в тетради приписку на русском: «Я был на его похоронах».

⁵³⁹ Князь начинает описание с исторических сведений, кратко суммируя текст Леконта [Lecomte: 593]: «армянский монастырь мекитаристов, от имени основателя Меки-тара» [ПСС: X, 6].

⁵⁴⁰ Ошер (Pascal Aucher) был одним из знаменитых языковедов конгрегации: он знал турецкий, греческий, еврейский, латынь, итальянский, французский, английский, венгерский и немецкий. Он составил, в частности, несколько словарей и грамматик. Леконт описал его как благообразного старика с живыми и умными, типично восточными глазами, которые могли бы напугать, если бы не принадлежали монаху [Lecomte: 610]. Ср.: «Стол, на котором Байрон учился армянскому языку с отцом Pascal Aucher» [ПСС: X, 6], ср. [Lecomte: 593–594]. Леконт уточняет, что Байрон сотрудничал с Ошером, составляя англо-армянскую грамматику, и поясняет, что Байрон изучал армянский, потому что ему нужно было “d’occuper son esprit, de le serrer autour de quelque étude sévère” [Там же: 610] («занять его ум, сжать его вокруг какого-нибудь серьезного исследования» — *франц.*). По мнению Ошера, Байрон напрасно преувеличил трудность армянского языка [ПСС: X, 6].

⁵⁴¹ Вяземского сопровождал молодой монах, предположительно отец Сандалян, 1814 года рождения [Там же].

⁵⁴² Лазаревский институт восточных языков в Москве находился в Армянском переулке. Ныне в этом здании размещается Посольство Республики Армения.

⁵⁴³ Мумия Нарушумена или Неменхет Амен, сына египетского жреца, считается лучшей по степени сохранности мумией в европейских музеях. Она была подарена монастырю

армянскую Библию⁵⁴⁴, рамку на лощеных пальмовых листьях с надписью на бирманском языке⁵⁴⁵. В многоязычной типографии он купил армяно-русскую грамматику⁵⁴⁶ и молитву на двадцати четырех языках⁵⁴⁷: и то, и другое обошлось довольно дорого⁵⁴⁸. Вяземский еще не раз возвращался на остров, потому что в местной типографии печаталось его стихотворение «Венеция»⁵⁴⁹.

Живо заинтересовала князя библиотека Св. Марка (Марчиана) с ее рукописями и инкунабулами, за изучение которых он принялся при первом же посещении⁵⁵⁰. Известно также, что он подружился с вице-директором библиотеки. Вероятно, именно последний показал князю русско-французский словарь Татищева⁵⁵¹, экземпляр которого хранился в библиотеке. Осмотрев словарь, Вяземский предложил «ступить одной ногой в бессмертие» и передать библиотеке в дар еще одно русское издание. Позже он подарил библиотеке брошюру со своими

армянином, исполнявшим высокую должность при египетском дворе около 1825 г. [Lecomte: 595].

⁵⁴⁴ Возможно, Библия, привезенная из Индии, известная прекрасными миниатюрами с яркими красками и позолотой [Там же].

⁵⁴⁵ Индийский манускрипт о буддийском ритуале на языке пали — один из прекраснейших папирусов, украшенный золотом. Весь манускрипт состоит из двенадцати листов размером 55×100 см, исписанных с обеих сторон. Был привезен из Мадраса в 1830 г. [Там же].

⁵⁴⁶ Нам не известно, о каком именно издании говорит Вяземский.

⁵⁴⁷ Речь идет об издании “*Preces Sancti Nersis Clajensis Armeniorum Patriarchas, viginti quattuor linguis editae, Venetiis, In Insula S. Lazari, 1837*”. Однако, судя по всему, отец Ошер не был его первым издателем [Там же: 611].

⁵⁴⁸ Князь узнал, что доход от торговли направлялся на нужды армянского колледжа для юношей, который находился тогда в палаццо Пезаро и ученики которого уже в то время приезжали со всего света. Первый визит на Сан-Ладзаро произошел 21 августа (2 сентября), согласно гостевому журналу отцов-мекитаристов, где сохранилась подпись «Князь Петр Вяземский».

⁵⁴⁹ 11 (23) октября Вяземский вновь отправился на остров: подтверждение находится в гостевом журнале, где сохранилась за тот день подпись его внучки Лизы Валуевой. Вероятно, они совершили эту поездку вместе с Киндяковыми. Спустя две недели он передал отпечатанное стихотворение в библиотеку «Марчиана» (см. выше).

⁵⁵⁰ «Рукопись Тассо. Писал широко, большими буквами и довольно неправильными, вместе с рукописью отца, который также был поэт. Рукопись евангелия IX века, brèviaire кардинала Гримани, сына дожа, с прекрасными картинами» [ПСС: X, 22–23].

⁵⁵¹ Dictionnaire complet Français-Russe. Troisième édition. Traduit du Russe par I. Tatistcheff. T. 4. St. Petersburg, 1824. Этот экземпляр до сих пор хранится в библиотеке «Марчиана».

стихами: «Масляница на чужой стороне», «Песнь русского ратника», «Восьмое января» и «Венеция»⁵⁵², а затем «Живописный сборник замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития» 1853 г., изданный Плюшаром⁵⁵³, и статью Давыдова о Гоголе⁵⁵⁴.

Возможно, именно вице-директор библиотеки обратил внимание Вяземского и на некоторые рукописи, после чего тот попросил сделать несколько копий, например, с письма кардинала Пьетро Бембо⁵⁵⁵. Однако сложно сказать, зачем князю понадобилось письмо, в котором речь шла о сугубо частной проблеме. Мы предполагаем, что Вяземский хотел добавить документ 1545 г. к другим сокровищам коллекции и повысить таким образом ценность своего архива. Кроме того, он получил копию «*Annali Urbani di Venezia*» («Городские анналы Венеции») 1772–1797 гг.⁵⁵⁶ и выписки из Главного архива о прибытии графа и графини Северных⁵⁵⁷, которые приехали в Венецию 18 января 1782 г. и неделю спустя отправились в Рим, а затем в Неаполь. Дополнительные сведения о путешествии четы представителей русского императорского дома он получил от князя Клари⁵⁵⁸, у которого хранились

⁵⁵² Это издание также хранится в библиотеке «Марчиана»; к фронтиспису приклеена визитная карточка: «Князь П. А. Вяземский» с собственноручной подписью: *le prince Wiasemski*. Включенные в него стихотворения напечатаны в собрании сочинений: «Масляница на чужой стороне» [ПСС: XI, 3–7]; «Песнь русского ратника» [Там же: 40–41]; «Восьмое января» [Там же: IV, 350–351]; «Венеция» [Там же: XI, 71–75].

⁵⁵³ А. А. Плюшар (1808–1865), петербургский издатель. Книга до сих пор хранится в библиотеке «Марчиана».

⁵⁵⁴ Указанное сочинение также находится в библиотеке «Марчиана». Это статья «О значении Гоголя в русской словесности» И. И. Давыдова (1794–1863), профессора латинского языка и русской литературы Московского университета, академика [Давыдов: 1852].

⁵⁵⁵ Пьетро Бембо (1470–1547), кардинал, ученый, гуманист. В письме Бембо писал об аббатстве Св. Киприана [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5080. Л. 16]. Копия, полученная Вяземским, была подписана: «Аб. Джузеппе Валентини, Библиотекаръ — Джованни Велудо, вице-библиотекаръ — аб. Лодовико Симонетти, адъюнкт. Венеция, 17 ноября 1853».

⁵⁵⁶ [Там же: Ед. хр. 5080, брошюра 2–14].

⁵⁵⁷ Поверенный в делах в Венеции подтверждал известие о скором прибытии графа и графини Северных, Венеция 23 декабря 1781 [Там же: Ед. хр. 1136. Л. 69–70]. Речь шла о великом князе Павле Петровиче, будущем императоре Павле I, и его жене, великой княгине Марии Федоровне, урожденной принцессе Софии Вюртембергской.

⁵⁵⁸ См. гл. VIII.

неопубликованные записки его бабушки, графини Хотек⁵⁵⁹, в то время состоявшей фрейлиной при великой княгине и вместе с мужем⁵⁶⁰, посланником австрийского императора, сопровождавшей ее в путешествии. Наконец, князь заказал рукописную копию донесения графа Н. Бароцци⁵⁶¹ об отношениях между русским государством и Венецией в 1741–1797 гг.⁵⁶². Вяземский не присутствовал на заседании, на котором был зачитан этот доклад, но побывал на других чтениях в Венецианском университете, проходивших во время его пребывания в городе⁵⁶³. Он подружился и с самим Бароцци, директором одного из древнейших венецианских собраний редкостей⁵⁶⁴ и увлеченным исследователем истории, который мог помочь князю узнать больше о взаимоотношениях венецианского мира и России.

Культурная жизнь старой Венеции протекала не только в культурных учреждениях, но и на собраниях в частных домах, и в светских гостиных.

⁵⁵⁹ Возможно, супруга графа Р. Хотек фон Хотков-унд-Вогнин (1748–1823). С 1770 г. он находился на правительственной службе, в 1802 г. был назначен министром, а затем президентом Богемской Академии наук.

⁵⁶⁰ См. [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 117–120, 123–128]. Позднее князь составил заметку на основе этих французских записок с основанным на личных впечатлениях комментарием [ПСС: VIII, 149–155].

⁵⁶¹ Никколо Бароцци (1826–1906), эрудит, директор галерей и музея Коррер, автор записок по венецианской истории; совместно с Г. Берше опубликовал “Relazioni degli Stati europei lette al Senato dagli ambasciatori veneziani nel secolo 17” («Реляции Европейских государств, зачитанные Сенату венецианскими послами в XVII веке») (Venezia, 1856–1878).

⁵⁶² “Relations diplomatiques de Venise avec la Russie. Etude historique de Nicolas Barozzi d’après les documents inédits (1741–1797)” [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 130–146]. Вероятно, Вяземского очень заинтересовал этот доклад, поскольку он лично отправил его нескольким адресатам, в том числе, и Мандзони [Там же: брошюра 91]. К тому же он был в хороших отношениях с Бароцци, который сам предложил князю свое сочинение.

⁵⁶³ «Ваша светлость приглашается почтить своим присутствием заседание Венецианского Атенеума, которое состоится в два часа пополудни в четверг 14 сего месяца, и на котором Секретарь по нравственным наукам и словесности досточтимый Николо Бароцци прочитает доклад о жизни и сочинениях Кавалера доктора Винченцо Ладзари» [Там же: Л. 27]. Ладзари (1823–1864), директор музея Коррер, добившийся особенных успехов в нумизматике

⁵⁶⁴ Галерея Коррер.

Вяземский, надеявшийся, что в Венеции кроме оперы он найдет и хорошую народную музыку в жанре баркарол, вынужден был констатировать, что венецианская поэзия после падения Республики постепенно пришла в упадок. То же происходило и с культурными традициями. Князю пришлось довольствоваться воспоминаниями об интеллектуальной жизни старой Венеции или устными рассказами ее бывших участников: многие вспоминали салон госпожи Альбрицци, где собирались самые значительные люди эпохи [Lecomte: 616–620]⁵⁶⁵. Вяземскому оставалось только сожалеть, что он не имеет возможности принять участие в подобных литературных собраниях. На его долю достались лишь отголоски той эпохи, например, выступление венецианской поэтессы Вордони⁵⁶⁶, которая на вечере у доктора Намиаса читала два своих стихотворения: «Комета» и «Видение Сафо». Однако Вяземский был скорее разочарован: интонации Вордони пришлось не по нраву северному поэту — по его словам, она, расположившись на диване перед пятью или шестью слушателями, вопила и трепетала, «как Пифия на треножнике» [ПСС: X, 84]. Князя удивило, что слушатели не испытывали неловкости из-за подобной манеры чтения, и он решил, что итальянцы находили естественным «все что другим могло бы показаться преувеличенным, театральным» [Там же]. Сама Вордони показалась ему посредственной «стихотворицей», похожей на русскую поэтессу Бунину⁵⁶⁷.

⁵⁶⁵ Изабелла Альбрицци (1760–1836), урожденная Теотоки, писательница, хозяйка важного светского салона в Венеции, где бывали Фосколо, Пиндемонте, Альфьери, Байрон и Канова; ее самое интересное сочинение — “I ritratti” («Портреты»).

⁵⁶⁶ Т. Альбарелли Вордони (1800–1868), урожденная Ронер. Биография этой поэтессы приводится в книге о венецианских писательницах XIX века: «Хорошо сделаны стихи Вордони, которая в своих *sermoni e capitoli* (беседах и главах) следует и подражает вкусам Гоцци. Отдельные ее стихи были напечатаны в Падуе в 1824 году в типографии “Минерва” и предварены ее прекрасным портретом работы Натале Скьявони. Ее *Canto di Saffo* (“Песня Сафо”), менее известная, чем другие ее стихотворения, считается превосходным образцом элегической поэзии. В 1831 году в Пизе вышел сборник стихов нашей писательницы. Она также опубликовала октавы под заглавием *Un pellegrinaggio in Terra Santa* (“Паломничество в Святую Землю”), за ним последовали другие сочинения, в разное время увидевшие свет в журналах *l’Ape, il Gondoliere, il Pirata* и в подарочных сборниках» [Mocenigo: 13].

⁵⁶⁷ А. П. Бунина (1774–1828) в 1809 г. опубликовала свой первый сборник стихов «Неопытная муза», который понравился императрице, назначившей ей пенсию. В 1811 году

После тщетных попыток отыскать память о прошлом в кругу представителей образованного класса князь обратил свой взор к народу и в Кьодже нашел живое свидетельство былых традиций, о чем оставил подробную заметку:

На улице в Chioggia нашел два народные сборища: в одном несколько человек, сидя слушали чтение Orlando Innamorato. Чтец громкогласно читал с большим жаром и жестами, подкрепляя чтение объяснительными комментариями. В другой группе, менее многочисленной, чтец читал также с телодвижениями и словесными комментариями историю Наполеона и между прочим о назначении Фо-у-ке министром полиции. Толпа, составленная преимущественно из рыбаков, здесь и там слушала, казалось, внимательно. Слушательниц не было. Они расхаживали по улице или сидели в церквах [ПСС: X, 84].

В этих народных собраниях Вяземский увидел тот непосредственный и бесхитростный контакт с поэзией и культурой, недостаток которого живо чувствовался в других социальных слоях. В 1864 г., когда он сочинял цитированные выше «Вакханалии», Вяземский снова затронул тему живой заинтересованности венецианского народа в культурном наследии прошлых эпох:

На луту сидит под дровом
Повествующий рапсод,
И рассказом и распевом
Потешает он народ.
Улеглись живые волны,
Внемлют отрок и старик,
Как напев, созвучий полный,
Юга сладостный язык
Льется мерно речью плавной,
Вызывая к жизни вновь
Старины родной и славной
Были, битвы и любовь.

она стала членом «Беседы любителей русской слова», а в 1814 году заслужила особенное благоволение Александра I за «Песнь Александру Великому». В 1815 г. Бунина заболела и уже не смогла поправиться. Она выпустила еще несколько книг стихов, которые были очень хорошо приняты двором. Ее стихи очень риторичны, и их исключительный успех связан с тем, что поэтессы были редким явлением в России Александра I.

Ловят смысл и выраженья,
 Жадно слушают рассказ,
 Метким словом одобренья
 Прерываемый не раз [ПСС: XII, 100].

Словом, только народ смог уберечь некоторые традиции времен Республики, а в остальном приходилось довольствоваться пением гондольера, который под окнами госпожи Бензони затягивал “*La biondina in gondoleta*”, или вслушиваться в строки:

Vieni la barca è pronta
 Lieve un'auretta spira.
 Tutto d'amor sospira
 Il mar, la terra, il ciel⁵⁶⁸ [Там же: X, 40].

Это иллюзорное приглашение отнимало последнюю надежду встретить среди венецианских каналов знаменитых когда-то сказителей или почувствовать атмосферу старинных традиций. Обе эти песни стали для Вяземского олицетворением лучших воспоминаний прошлого и так полюбились ему, что их мотивы послужили основой для серии стихотворений из первого венецианского цикла и для нескольких стихотворений второго [Там же: XI, 84–87; XII, 94–95].

III

Преодолев растерянность первых дней, Вяземский смог оценить и художественные богатства Венеции, хотя после двадцати дней в городе он признавался подруге, Э. Ф. Тютчевой:

Je n'ai point encore commencé mon métier de touriste quand même. Je me borne à être gondolier, mais ne me suis pas encore enroulé comme galérien. J'ai peu vu des beautés classiques de Venise, sauf la basilique de St. Marc, que je visite presque chaque jour, car j'ai besoin d'avoir un lieu de prédilection qui m'attire machinalement [Там же: X, 32]⁵⁶⁹.

⁵⁶⁸ «Приди, лодка готова, / Легкий дует ветерок, / Все дышит любовью/ В море, на земле, в небесах» — *итал.*

⁵⁶⁹ «Я еще не начал свою работу в качестве туриста. Я ограничиваюсь ролью гондольера, но в галерные рабы еще не записался. Я видел мало классических красот Венеции,

Хотя князь пишет об этом с иронией, мы убеждены, что ему пришлось многое преодолеть в себе, чтобы перейти к изучению художественного наследия, тем более, что Венеция предлагала ему свои живые картины — «небо и море». Наряду с ними существовали и мертвые картины, которые для ценителей стоили живых, но князь признавался, что для него они «не очень доступны» — «потому что я близорук глазами и художественным чутьем живописи. Она меня вообще мало удовлетворяет, предпочитаю ей скульптуру и зодчество» [ПСС: X, 38]. Во взглядах на живопись Вяземский придерживался принципов, которые он высказывал в Риме, и нам придется убедиться, что в Венеции он сумел по достоинству оценить лишь несколько шедевров.

Известно, что князь первым делом осмотрел базилику Св. Марка, пришел от нее в восторг, но никак не отметил ни мозаики, ни архитектуру храма. Он упоминает только алтарный образ Пала д'Оро, незадолго до того перенесенный на привычное место после окончания реставрации [Lecomte: 94–95; ПСС: X, 5]. Возможно, это было связано с тем, что у Вяземского было описание Пала д'Оро монсиньора Белломо [Bellomo 1847]⁵⁷⁰. Затем он упоминает сокровищницу базилики, одну из богатейших в Венеции по числу драгоценностей и произведений искусства.

Мост Риальто также сразу заинтересовал его, вероятно, потому что оценить его исключительную красоту можно было без особенной художественной подготовки. Тем не менее, Вяземский пишет о нем кратко и достаточно поверхностно: об истории Риальто сказано только, что он был построен дожем Паскалем Чиконья [ПСС: X, 18], — князь снова избегает любых эстетических оценок. То же можно сказать и о церкви Сан-Джорджо-дей-Гречи, которой он уделил лишь одну строчку, отметив архитектора, но не упомянув о той мистической

кроме базилики Святого Марка, которую посещаю почти каждый день, потому что мне нужно иметь любимое место, которое механически притягивает меня» — *франц.* Джованни Белломо (1783–1858), профессор латинской классической литературы, греческой филологии и всеобщей истории в лицее Санта-Катерина, член многих научных институтов. Написал множество ученых трактатов. Известны его «Лекции по всеобщей истории».

атмосфере, которая поражает западных посетителей — эту атмосферу главным образом создают фресковые росписи храма [ПСС: X, 7]⁵⁷¹.

Следуя за Вяземским в его прогулках, приходится, как и он, довериться случаю, поскольку нельзя сказать, что он осматривал отмеченные в «Записной книжке» достопримечательности согласно какому-либо плану. Тем не менее, можно заметить, что он был верен описанному выше принципу и уделял больше внимания церквям, чем художественным галереям, иногда заходя в книжку детали, не имеющие ценности с эстетической точки зрения.

В один из первых дней он побывал в церкви Сан-Томà, где «стены и потолок пробиты ядрами во время осады в последнюю революцию» [Там же: 10]⁵⁷². Он отметил далее разнообразные коллекции: «Собрание святынь. Есть и собрание исторических автографов» [Там же]⁵⁷³, — но осмотреть их не смог, так как на самом деле «сокровищница» находилась не в самой церкви, а в пристроенной к ней капелле. Как видно, Вяземского совершенно не заботила точность его заметок.

Еще более характерно описание визита в церковь Санта-Мария-дей-Фрари, которая поразила его грандиозными размерами и пышными надгробиями дожа Фоскари, «скоропостижно умершего, когда раздался звон колокола, возвещавшего об избрании наследника его (1457)» [Там же], и Кановы. Последнее было создано по рисункам, которые сам скульптор делал для гробницы Тициана. Этот факт напомнил князю похожий сюжет из мира музыки: он вспомнил Моцарта, который писал «Реквием», не подозревая, что сочиняет отходную самому себе. Памятник Канове дал князю повод для экскурсии в историю: он «был сооружен по европейской подписке» [Там же],

⁵⁷¹ Возможно, князь, привычный к атмосфере православного храма, не почувствовал этого контраста. Он не произвел на него впечатления и позже, когда Вяземский уже ознакомился с главными венецианскими церквями. Только тогда он заметил, что в сакристии хранятся старинные греческие евангелия и латинский пергамен VI в., подтверждающий дар в пользу греческой церкви в Равенне [ПСС: X, 24].

⁵⁷² Это она из немногих церквей, о которых Леконт не сообщает никаких подробностей, так что князь обратился к другим источникам.

⁵⁷³ В книге “Guida fedele del Forestiero per la città di Venezia” сообщается, что там хранились драгоценные ювелирные изделия, от средневековых до XIX в. [Guida: 223–224].

ср. [Lecomte: 499]⁵⁷⁴, в которой приняли участие император Александр I, Голицыны⁵⁷⁵, Демидовы⁵⁷⁶, Разумовские⁵⁷⁷, Аникеевы⁵⁷⁸, наряду с многочисленными поклонниками итальянского скульптора в других странах. Вяземский нашел, что участие в создании новых художественных памятников Европы — достойный способ обессмертить свое имя, в то время как «общую страсть путешественников пачкать стены скал и зданий уродливыми начертаниями имен своих» [ПСС: X, 11]⁵⁷⁹ он осуждал. С его точки зрения, это была недостойная попытка «занести свою визитную карточку к бессмертию». Кроме того, в церкви Санта-Мария-дей-Фрари он отметил хоры «прекрасной работы, резб[у] на дереве и штучн[ую]» [Там же: 10].

Спустя несколько дней князь отправился на набережную Дзаттере вдоль канала Джудекка и осмотрел церковь Санта-Мария-дель-Розарио, которая славится своим табернаклем главного алтаря, украшенным большими колоннами из лазурита [Fontana: 107]. Их величие, а также «статуи и барельефы» работы скульптора Морлайтера усилили впечатление от «изобилия мраморов, в статуях, в колоннах, в помостах, изумительного» [ПСС: X, 11], которое царило в венецианских церквях. Интерес Вяземского вызывало преимущественно богатство отделки памятников и скульптуры, в то время как живописные работы он лишь бегло упоминал в своих заметках. Так, в Санта-Мария-дель-Розарио он только отметил картину Тинторетто⁵⁸⁰, не высказав о ней

⁵⁷⁴ Леконт перечисляет эти русские фамилии и имена всех участников подписки из других стран.

⁵⁷⁵ Сложно сказать, о каком именно Голицыне идет речь. Италию посещали многие путешественники с этой фамилией. Однако поскольку речь идет о человеке, близком к Александру I, возможно, это А. Н. Голицын (1773–1844), обер-прокурор Святейшего синода и министр просвещения.

⁵⁷⁶ Возможно, Н. Г. Демидов (1773–1828), посол, основал во Флоренции школу и приобрел в свое владение Сан-Дonato.

⁵⁷⁷ Мы полагаем, что имеется в виду А. К. Разумовский (см. выше), русский посол в Неаполе.

⁵⁷⁸ Сам Вяземский указывает, что имеется в виду О. Д. Аникеева. Единственное известие об Аникеевой мы обнаруживаем в журнале Кабинета Вьессы за 1823 г., где указана графиня Аникеев, урожденная Горчаков (см. запись за 19 июня).

⁵⁷⁹ Князь осуждал эти выходки еще и потому, что «пачкуны» нередко подвергали риску свою жизнь, не обращая внимания на грозящую им опасность.

⁵⁸⁰ Вяземский упоминает “Cristo in croce e la Maria” («Христос на кресте и Мария»), в то время как Леконт называет только “un Crucifix” Тинторетто [Lecomte: 487].

никакого мнения. При этом мраморное убранство церкви восхитило его и при следующем посещении, когда он побывал на мессе Рождества Богородицы, о чем он писал Тютчевой: «C'est une des églises les moins célèbres de Venise, et encore est-elle toute éclatante de beaux marbres de Carraro, de Sicile, de lapis etc. etc. C'est prodigieux la richesse matérielle et artistique que contiennent les églises de cette ville» [ПСС: X, 32]⁵⁸¹.

Таковыми же были для князя критерии оценки других виденных им церквей: в церкви Сан-Бьяджо он обратил внимание на грандиозный памятник адмиралу Анджело Эмо [Там же: 12]⁵⁸², в церкви Сан-Антонио — на реликварий, в котором покоились мощи Св. Саввы Иерусалимского [Там же: 15]⁵⁸³, Сан-Джованни и Паоло охарактеризовал как венецианский Пантеон [Там же: 18], ср. [Lecomte: 513]⁵⁸⁴, о церкви Иезуитов писал: «Богатство и отделка мраморов изумительные, с инкрустациями. Словно занавесы и ковры, а все мрамор — мраморный ковер у алтаря так обманчив, что примешь его за клеенку, коими постилают у нас полы»⁵⁸⁵ [ПСС: X, 18]. Два последних храма настолько

⁵⁸¹ «Это одна из менее известных венецианских церквей, и все же она сияет прекрасными сицилийскими и каррарскими мраморами, лазуритом и т. д. Поразительно материальное и художественное богатство церквей этого города» — *франц.*

⁵⁸² Вяземский подчеркивает, что памятник был работы Joseph Ferrari Torretti, в мастерской которого учился Канова. «В этой церкви есть греческий придел для матросов греческого исповедания, но вероятно униатского. В одном Иерусалиме сходятся под одну крышею разноверческие исповедания» [ПСС: X, 12–13]. Вяземский чувствовал, что две религии разделены и имеют мало точек соприкосновения.

⁵⁸³ Эта церковь не была прямо описана Леконтом. В церкви находилась часовня, посвященная Св. Савве, по легенде тело святого было похищено венецианцами. Вяземский почерпнул эти сведения у Муравьева.

⁵⁸⁴ Князь перечислил отдельные надгробия и те, которые привлекли его внимание. Скорее всего, он сверялся с Леконтом, чтобы составить свое описание, на эту мысль наводит написание имен собственных: Вяземский упоминает захоронения Мишеля Морозини [Lecomte: 518]; Леонарда Лоредана [Там же]; Андрея Вендрамини [Там же: 519]; Антуана Веньера [Там же: 520]; Аньес Веньер [Там же: 522]. Он отметил «богатую капеллу del Rosario» с превосходными «мраморными барельефами» [Там же: 520]. Выйдя из церкви, он увидел напротив «конную статую Barthelemi Colleoni, полководца, умершего в 1475» [ПСС: X, 18]; ср. [Lecomte: 525].

⁵⁸⁵ Князь следует за текстом Леконта, единственным личным замечанием было сравнение с русской клеенкой: «On est d'abord porté à croire que ses arabesques vertes et blanches qui enveloppent les colonnes, sont des étoffes lampassées comme celles don't on voit souvent recouvrir l'architecture aux jours de fête, dans les églises vénitiennes. Mais on reconnaît bientôt que tout est marbre et incrustations surprenantes; que ces draperies qui enveloppent la

пришлись по вкусу Вяземскому, что вошли в число его любимых мест в Венеции, куда он охотно возвращался, чтобы раз за разом лучше узнавать их⁵⁸⁶. Князь всегда был склонен судить о проблемах творчества совершенно особым образом. После осмотра церковью Скальци и Мадонна-делла-Салюте он приводит слова Леконта о том, что палладианская школа в пору строительства этих храмов находилась в упадке [Lecomte: 482].

Тем не менее он признавался, что его самого, русского невежду в вопросах искусства, привлекала их «величавость не без достоинства» и изумляло «неисчислимое» «внутреннее богатство мраморов во всех изделиях» [ПСС: X, 27]⁵⁸⁷. Вяземский не скрывал, что его художественный вкус формировался в те времена, когда был спроектирован и возведен Исаакиевский собор, начатый в 1819 году при Александре I и достроенный спустя сорок лет, известный богатейшим убранством, включая колонны из лазурита и малахита. Он соглашался, что врожденная апатия помешала ему отточить вкус и научиться ценить строгое западное искусство раннего средневековья. Напротив, богатство мраморной отделки венецианских церковей для него было доказательством того, что «Римская церковь была вдохновительницей искусства» [Там же: 71]. Эти размышления ясно показывают, что проблема взаимосвязи между духовными ценностями определенной эпохи и их художественным выражением не занимала князя. Нигде он не дает

chaire, sont en marbre...» [Lecomte: 525] («Сначала кажется, что его зеленые и белые арабески, обвивающие колонны, представляют собой ткани, подобные тем, которыми часто покрывают архитектуру в праздничные дни в венецианских церквях. Но вскоре вы понимаете, что все состоит из мрамора и удивительных инкрустаций; что эти драпировки, покрывающие кафедру, сделаны из мрамора...» — *франц.*).

⁵⁸⁶ Во время первого посещения в церкви Св. Джованни и Паоло он отметил надгробный памятник «последнему дожу Manini» [ПСС: X, 18], но не нашел тому подтверждения у Леконта. После второго посещения Вяземский, по-видимому, расспросил сторожа и мог увериться, что первое известие было правильным [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1123. Л. 99–100]. При следующем посещении он дополнил собранные сведения и подтвердил, что этот храм представлял собой «кладбище *doges*», коих было в нем похоронено восемнадцать [Там же: Л. 23].

⁵⁸⁷ Богатое убранство поражало его не только в храмах, но и во дворцах, особенно в палаццо Альбрицци, где «замечательны потолки с изваяниями гениев и амуров во весь рост (из terra cotta), которые в разнообразных положениях поддерживают, развертывают *draperies*, также из штукатурки. Работа очень художественная и грациозная» [ПСС: X, 70].

понять, что ренессансные и барочные церкви Венеции меньше способствуют духовной сосредоточенности, чем старинные русские церкви, которые для него были скорее музеями, чем местом для поиска духовной сосредоточенности⁵⁸⁸. Он даже заключает, что эти тенденции должны учитываться и в архитектуре православных церквей:

Вообще жаль, что и в сооружении храмов наших не держатся строже рисунка и пропорций итальянских храмов, особенно венецианских, также приравниваясь к требованиям нашего служения. У нас при каждом сооружении храма хотят что-нибудь выдумать нового, или так устроить подражание старому, что обыкновенно выходит аляповатая и какая-то обрубленная нескладница. В архитектуре главное и необходимое условие: соблюдение размеров, т. е. стройность. Всякое отступление от надлежащего размера то же, что фальшивые звуки в музыке⁵⁸⁹ [ПСС: X, 15].

И снова мы убеждаемся, что единственным мерилom художественности у Вяземского остается музыка, наивысшее проявление творчества.

В скульптуре он отдавал предпочтение Канове, работами которого любовался в музее Коррер [Там же: 27], в палаццо Пизани [Там же: 16] и в палаццо Тревес-ди-Бонфил [Там же: 17]. Но и здесь князь ограничивался замечаниями биографического и исторического характера без критических суждений. Его вкус был воспитан на неоклассической традиции, и уже в 1834 г. он писал только о красоте «Психеи» Кановы, которая нравилась ему гармоничными пропорциями⁵⁹⁰. В 1853 г. он под тем же углом рассматривал творчество современника, венецианского скульптора Дзандоменеги⁵⁹¹, в мастерской которого его привлекли «колоссальные статуи для какой-то церкви, изображающие разные христианские добродетели» [Там же: 75]. При этом он, так любивший проводить параллели и в критических статьях, и в поэзии, не

⁵⁸⁸ В этой манере осматривать памятники церковной архитектуры и судить о них нам видится еще одно подтверждение слабости религиозного чувства, характерной для духовной жизни князя.

⁵⁸⁹ Кроме упомянутых выше церквей князь посетил Санта-Мария-дель-Орто [РГАЛИ: Ф. 195. Ед. хр. 1135. Брошюры 99–100]; Сан-Якопо-даль-Орио [ПСС: X, 27]; Сан-Джоббе с надгробным памятником графу д'Аржансону (Рене де Войе де Пальми — французский посол, умер в 1651 г.) [Там же: 71]; церковь Реденторе [Там же: 15].

⁵⁹⁰ См. ниже стихотворение «Флоренция».

⁵⁹¹ Л. Дзандоменеги (1778–1850) имел мастерскую в Академии художеств [Fontana: 290; Lecomte: 635]. Прославился созданием статуи Тициана.

понимал аллегории в скульптуре: «Вообще не люблю аллегорических изображений: например, гений поэзии, ваяния, живописи? Почему живописи? Потому что держит в руках альбом. Почему та же фигура не будет изображением математики, музыки и проч.?» [ПСС: X, 75].

Таким образом и спустя двадцать лет он остается верен принципу, который был им сформулирован в Ватиканских музеях перед статуей Аполлона Бельведерского, и это неприятие настолько в нем утвердилось, что даже положительные суждения Леконта никак на него не повлияли [Lecomte: 635].

Наряду с вышеупомянутым скульптором известностью пользовался художник Феррари⁵⁹². Вяземскому понравились и созданный им надгробный памятник доктору Альетти⁵⁹³, и скульптурная группа с Лаокооном, над которой он работал в тот период в своей студии. Князю уже приходилось видеть гипсовый слепок этой работы, выставленный в 1837 г. Вероятно, здесь Вяземский снова следовал указаниям Леконта, который отмечал Феррари и считал, что со временем он достоин будет занять место в ряду мировых мастеров скульптуры [Там же: 333, 365]. На самого Вяземского произвела впечатление его оригинальная имитация античного искусства. Он также заметил, что Феррари облачал свои статуи в современную одежду [ПСС: X, 75].

Наконец, во дворцах и музеях князь любовался картинами великих мастеров и отмечал те, которые считал достойными упоминания: чаще всего в его записках повторяются имена Тициана, Тинторетто, П. Веронезе⁵⁹⁴, Беллини, Виварини, Я. Пальма и А. Скьявони. Следует,

⁵⁹² Л. Феррари (1810–1894), сын Бартоломео Феррари, также скульптора и в свою очередь сына знаменитого Феррари Торретти, учителя Кановы. У скульптора была своя мастерская на Арсенале, на Кампо-делле-Горе [Fontana: 290]. «Лаокоон» заказал ему граф Този ди Брешиа, и когда работа была выставлена в пинакотеке Брера в 1837 г., современники сочли, что она начинает новую эру в пластическом искусстве.

⁵⁹³ Ф. Альетти (1757–1836), врач и литератор, поднял на новую высоту занятия анатомией, основал медицинскую газету и руководил ее изданием [Lecomte: 295].

⁵⁹⁴ Единственное замечание о живописи, показывающее более глубокий анализ, относится к фреске П. Веронезе «Семья Дария у ног молодого Александра» в палаццо Пизани. Князю не понравилась эта живопись, напомнившая по духу Роллена (возможно, имеется в виду Шарль Роллен (1661–1741), французский гуманист и историк, преимущественно дидактический автор, который на французском формулировал принципы воспитания, составлявшиеся другими авторами на латыни) и русского Черепанова (Н. Е. Черепанов (1763–1823), профессор географии и всеобщей истории Московского

однако, отметить, что речь снова идет скорее о простом перечислении произведений искусства, чем о личных суждениях. Выделяется только запись, в которой западная и русская религиозная живопись сравниваются в том же ключе, что и архитектура России и Венеции. После осмотра Академии художеств⁵⁹⁵ он больше всего хвалил картины Беллини и Виварини и резюмировал: «Списки с них, может быть, с некоторыми православными изменениями <курсив наш. — Н. К.>, очень прилично украшали бы наши храмы» [ПСС: X, 15].

Подобное предложение, с нашей точки зрения, говорит о полном отсутствии художественного чутья, тем более что сегодня мы не можем понять и пристрастия к копиям, общепринятого в XIX в., хотя и признаем, что их нередко выполняли первоклассные художники. Хотя Вяземский был убежден, что копия оскорбительна для оригинала, как «фальшивые звуки в музыке» [Там же], он очень внимательно относился к копиям и к выполнявшим их художникам, в частности, к Натале и Феличе Скьявони⁵⁹⁶. Последний в то время работал над копией Мадонны Беллини для императора Николая I [Там же: 19]⁵⁹⁷, и Вяземский нашел ее «прекрасной». С Феличе Скьявони он сошелся довольно близко и под его руководством еще раз осмотрел Академию, галерею Манфрини [Там же: 74] и галерею Барбариго [Там же: 17]. Он безусловно доверял оценкам этого художника — академиста и последователя школы рафаэлитов, которым следовали и многие русские

университета), потому что этот способ увековечить историю ему казался слишком академичным и риторичным.

⁵⁹⁵ Прежде чем обратиться к живописи, князь дает краткую историческую характеристику: «Сей музей основан в 1807 и особенно содействием графа Leopold Cicognara (в здании прежней Scuola di Carità)».

⁵⁹⁶ Никколо Скьявони (1777–1858) и его сын Феличе (1803–1881). В письме А. Я. Булгакову Вяземский сообщал: «Как я ни плох по части живописи, а советую тебе, если будешь в Венеции, сходить в мастерскую Schiavoni-отца (и сын отличный художник) <...>. Старик Schiavoni большой охотник и большой мастер представлять женщин au nature!» [ПСС: X, 38].

⁵⁹⁷ Для императора Ф. Скьявони копировал «Апостола Петра» Беллини и другие картины. Кроме того, венецианский художник выполнил портрет маленькой княжны Четвертинской (возможно, племянницы князя, дочери его свояченицы Надежды Федоровны, урожденной княжны Гагариной (1792–1883), которая была замужем за кн. Б. А. Святополк-Четвертинским (1781–1865)). Вяземский находил работы Скьявони превосходными.

живописцы XIX в.⁵⁹⁸. В остальном князь по-прежнему шел за Леконтом, в своей книге хвалившим, в частности, швейцарского художника Л. Робера⁵⁹⁹, автора картины «Отплытие рыбаков Адриатики», моделями для которой стали жители Кьоджи [ПСС: X, 14, 16]⁶⁰⁰. Этот шедевр Робера довольно высоко ценили современники, но тот факт, что Вяземский пишет о нем, подтверждает его неспособность самостоятельно судить о живописи: он останавливается у работы, написанной в традиционном и классическом духе, но почти безо всякого интереса проходит мимо величайших шедевров венецианской школы. Князю в первую очередь недоставало независимости суждений, и, с нашей точки зрения, влияние Леконта, положительное в том, что касалось исторических сведений, выверенных французским путешественником старательно и точно, оказалось даже вредным в области искусства. Леконт постоянно высказывал субъективные и однобокие суждения в решительной манере, не допуская возражений: если не ошибаемся, он не был достаточно подготовлен, чтобы судить о художественных достоинствах живописи. Вяземский не мог увидеть этот недостаток Леконта и во всем следовал за ним. Принимая во внимание его врожденные критические способности и непокорный нрав, безоговорочное приятие точки зрения Леконта доказывает, что сам князь не мог сформулировать независимое мнение об искусстве.

Эта его слабость находит подтверждение и в увлечении художником Нерли⁶⁰¹, с которым он впервые познакомился в 1853 г. и вновь увиделся в 1863–1864 гг. [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 181]. Леконт также писал о нем [Lecomte: 633] — с большой вероятностью

⁵⁹⁸ Русским были привычны работы Брюллова, Иванова и Кипренского, очень близкие по стилю картинам обоих Скьявони. Кроме того, творчество обоих Скьявони хвалили Леконт [Lecomte: 634].

⁵⁹⁹ Л. Робер (1794–1835), художник и гравер, успешно работал в Риме и Венеции, но, будучи склонным к меланхолии, покончил с собой в Венеции. Его лучшие работы — времена года с итальянскими пейзажами — находятся в Лувре.

⁶⁰⁰ Сведения об этой картине Робера почерпнуты у Леконта [Lecomte: 603, 607–609].

⁶⁰¹ Возможно, Ф. Нерлих, известный как Нерли (1808–1878), переехал в Венецию в 1837 г., писал ведуты. Вяземский вспоминал, что Нерли написал для Жуковского «вид из комнаты, которую занимал он в приезд свой в Венецию с Цесаревичем» [ПСС: X, 16], а одна из его картин, «Возвращение с уборки винограда», «находится в петербургских дворцах» [Там же].

потому, что «он живет в Palazzo Pisani, в тех же покоях, в которых несчастный Леопольд Роберт лишил себя жизни» [ПСС: X, 16]⁶⁰². Большое внимание Вяземского к современным художникам можно объяснить и особенностями его характера: после знакомства с некоторыми из художников он находил больше личного в их творчестве и лучше начинал его понимать.

Вяземского привлекали художественные коллекции, поскольку и сам он был увлеченным коллекционером и ценил места, где «древность содержится со вкусом» [Там же: 17], а также и потому, что ему меньше мешал «комплекс близорукости», когда он мог вблизи рассмотреть отдельные предметы. Поэтому он предпочитал общедоступные или частные собрания, такие как венецианские музей Коррер⁶⁰³, коллекции палаццо Вильямс⁶⁰⁴, герцогини Беррийской⁶⁰⁵ и графа Шамбора [Там же: 19]⁶⁰⁶. Сама Венеция особенно была ему близка, потому что в этом городе культивировался вкус к «консервации»: «только в Венеции и жить этим пережившим себя величиям и властям» [Там же: 17].

⁶⁰² Помимо упомянутых выше, Вяземский познакомился также с художником Фогелем (вероятно, Фридрих Карл Фогель (1806–1865), немецкий литограф и фотограф, который родился во Франкфурте и умер в Венеции). Князь характеризовал его как приятеля Жуковского и заказал ему «фотографический портрет» внучки, Лизы Валуевой [ПСС: X, 16].

⁶⁰³ «Théodor Correr, любитель и собиратель редкостей и древностей, завещал собрание свое городу Венеции. Много любопытного и драгоценного во всех возможных родах: оружие, галлебарды, служившие в старину на праздниках духовных, обломки, принадлежности бученторо, картины известных мастеров, медали Кановы, резцы его, портрет несчастного дожа François Foscarì, прекрасный портрет Гольдони <вероятно, портрет, приписываемый Алессандро Лонги. — Н. К.>, блюда по рисункам Рафаэля, выделанные по способу, ныне уже потерянному, стрелы, шкапы, баулы отличной древней работы» [Там же: 27]. Сегодня в музее Коррер уже нет экспонатов, перечисленных князем.

⁶⁰⁴ «...с собранием редкостей, картин, старинных шкапов etc.» [Там же: 29]. Вероятно, имеется в виду палаццо Вильямс Овен (кампо Сан-Поло, дом Каппелло), где находился «особый кабинет с произведениями искусства, оружием, старинной мебелью...» [Fontana: 130].

⁶⁰⁵ «Много исторических достопримечательностей старинных и современных, особенно семейных» [ПСС: X, 17]. См. также [Fontana: 130]: герцогиня Беррийская приобрела палаццо Вендрамин у Сан-Маркуоло, на Канале Гранде.

⁶⁰⁶ Палаццо купил сын герцогини Беррийской, граф Шамбор, это бывший палаццо Бензон. Вяземский лично познакомился с Шамбором в январе 1864 г. [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 74].

IV

Князь старался охватить все впечатления, которые предлагал ему город, и кроме невероятных художественных сокровищ его очаровывала особая атмосфера Венеции, особенно ощутимая ночью. Он завел обыкновение после ежевечерней прогулки по площади провожать домой жену и отправляться с внучкой на гондоле «при свете луны вдоль различных каналов, проплывая мимо пышных дворцов, черных и молчаливых»⁶⁰⁷. Наслаждаясь каждым мгновением этих прогулок, он нежился в тусклом лунном свете и поддавался обаянию Царицы Адриатики под плавное покачивание гондолы⁶⁰⁸. Он был влюблен в эту «плавучую» и спокойную жизнь и также блаженствовал по пути домой, проплывая мимо

...великолепного и темного Георгиевского Майора, т. е. S. Giorgio Maggiore in isola, в сторону Публичного сада, которым Наполеон (опять-таки настоящий, а не филярный) осенил голову немного лысой адриатической красавицы. Очаровательно! Вдали, за Лидо и за Murazzi кипит, бушует море и грохот его до нас доходит, а нас даже несколько не укачивает, не убаюкивает лодка, которая молчаливо скользит по голубой, серебряными узорами вышитой скатерти [ПСС: X, 41].

Однако у этого очарования были и свои недостатки: Вяземский страдал без зелени в «этой бесплавной, безколесной, безсуетной, безшумной, бездейственной, но вовсе не бездушной» [Там же: 28] Венеции и с ностальгией вспоминал зеленые сады Петербурга. Он был очень восприимчив к красоте природы и исследовал все доступные ему зеленые уголки: пешком гулял по Городским садам⁶⁰⁹, откуда виден был остров Св. Елены [Там же: XII, 57–58]⁶¹⁰, и охотно задерживался там, чтобы дать волю своей фантазии. В начале декабря он представлял, что оказался в петербургском Летнем саду, посреди холодной осени, и отдавался иллюзорному бегству от южной природы, чтобы полными легкими вдохнуть суровый северный воздух. Этот зеленый оазис среди

⁶⁰⁷ См. письмо от 10 (22) августа 1852 из Венеции [Прил. I].

⁶⁰⁸ Там же.

⁶⁰⁹ Можно утверждать, что они стали одним из излюбленных мест для князя как в 1853, так и в 1863–1864 гг.

⁶¹⁰ См. стихотворение “Santa Elena”.

голубых просторов воды напоминал ему острова русской столицы, особенно когда под ногами шелестели сухие листья. С благодарностью он вспоминал Наполеона, которому «во время своего беспредельного могущества захотелось посадить несколько волос на голове лысой Адриатической красавицы, и волосы принялись и уцелели лучше, нежели железная корона на собственной его голове» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1125. Брошюра 18]⁶¹¹. В садах он с удивлением обнаружил нечто знакомое — лошадиные скачки, редкое для Венеции зрелище, не очень сочетающееся с ее «плавучей» природой. Наездники напоминали скорее «молодых Санхо Панца на каких-то Росинантах» и «на двухколесных колесницах», это было подражанием и карикатурой древних состязаний на ипподроме, что добавляло «местной краски» бегам и делало Венецию более привлекательной [ПСС: X, 5]. Князь осмотрел все общедоступные сады и, хотя вовсе не был «ботаником»⁶¹², старался время от времени запомнить какое-нибудь особенное название⁶¹³ [Там же: 28].

Чтобы освоить Венецию во всей ее «протяженности», Вяземский путешествовал и по островам лагуны, вплоть до Лидо “pour assister au coucher du Roi et au lever de la Reine” («присутствовать на закате Короля и восходе Королевы» — *франц.*) в тот момент, когда «Царь солнце великолепно лег на золото-багровом ложе и темные тирольские Альпы прекрасно рисовались из-за яркого грунта» [Там же: 15–16]. Затем он прохаживался «по уединенному песчаному берегу», дожидаясь «восхождения царицы луны» и слушая, как «море с известною и невыразимую мелодию свою разбивалось о берег и замирало в песке»⁶¹⁴ [Там же].

⁶¹¹ «Вот мой плод прогулки в общественных садах», как отмечено в записной книжке перед стихотворением “Giardino pubblico” [ПСС: XI, 80].

⁶¹² Он не смог оценить богатство «замечательных растений» Ботанического сада.

⁶¹³ Князь упоминает «дерево смерти» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1124. Л. 1].

⁶¹⁴ Князь также посетил сад Пападополи, который находился на Рива-дей-Толентини [Там же: Ед. хр. 1123. Л. 99–100, 105].

В другой раз он отправился на Торчелло, где, по-прежнему следуя указаниям Леконта, осмотрел собор⁶¹⁵, церковь Св. Фоски⁶¹⁶, старинную площадь с дворцом Подеста и дворцом Совета⁶¹⁷. Описание Торчелло не выбивается из стиля прочих венецианских заметок: замечания социально-исторического характера соседствуют в нем с художественными впечатлениями⁶¹⁸. При посещении острова Мурано именно эти интересы затмевают прочие⁶¹⁹ впечатления от островов, и Вяземский лишь бегло упоминает Бурано⁶²⁰, Сан-Франческо-дель-Дезерто⁶²¹, Сан-Кристофоро-делла-Паче⁶²², Сан-Микеле [Lecomte: 572], Маламоко⁶²³,

⁶¹⁵ В 1863 г. Вяземский посвятил Торчелло длинное стихотворение (см. ниже), в котором вернулся ко всем ключевым элементам, которые привлекли его в 1853 г. и которые он описал в дневнике: «Собор, или Dôme, начатый при епископе Orso Orseolo, в 1008 г., удивительное богатство мраморов, мозаик, лучше сохранившихся, нежели в S. Marco, le bénitier — остаток идолопоклонства — мраморная эстрада со ступенями и посреди епископальным седалищем, в окнах мраморные ставни» [ПСС: X, 77]; ср.: [Lecomte: 581].

⁶¹⁶ Рядом с Дуомо «церковь S. Fosca, составленная из развалин и обломков Римских зданий. Sansovino и Scarpagnino любовались этим храмом» [ПСС: X, 77]; ср.: [Lecomte: 581].

⁶¹⁷ «На площадке пред церквами кресла каменные, — по народному преданию, престол Атиллы, который был в Торчелло» [ПСС: X, 77]; ср.: [Lecomte: 581].

⁶¹⁸ «В городе было, сказывают, до 80 000 жителей. Теперь нет и ста. Трава растет по площадям и улицам» [ПСС: X, 77].

⁶¹⁹ «Murano, известное своими бусами, стеклянными и зеркальными изделиями. Производство не то, что в старину, когда бусы, фальшивый жемчуг были общим женским нарядом, но для бездеятельной и праздной Венеции оно и ныне довольно значительно. Церковь св. Петра и Павла <ныне Сан-Пьетро-Мартире. — Н. К.> с картинами Виварини, Palma, Тинторетта. Церковь св. Доната, известная под названием le dôme de Murano, архитектуры греко-арабской 12 века» [ПСС: X, 77]; ср.: [Lecomte: 480]. «Пол мозаичный, колонны греческого мрамора, деревянный резной и раскрашенный образ (l'ансонен в дереве), изображающий епископа св. Доната, с двумя фигурами podestà Меммо и жены его — образ 1310 года» [ПСС: X, 77]; ср.: [Lecomte: 480].

⁶²⁰ «В стороне видишь остров Бурано, который годится только разве для рифмы Мурано (славившийся некогда кружевной промышленностью)» [ПСС: X, 78].

⁶²¹ «...в самом деле пустыня после разорения бывшего монастыря» [Там же]. См. также [Lecomte: 583–584].

⁶²² «...соединенный впоследствии времени с островом S. Michel — общее Венецианское кладбище. В середине нет надгробных памятников, а просто кресты над прахом проstonародных покойников. Могилы отборные в крытых галереях с надписями по стенам и редко где барельефами» [ПСС: X, 77–78]; ср.: [Lecomte: 575].

⁶²³ Князь не приводит никаких подробностей.

Пеллестрину, Мурацци⁶²⁴ [ПСС: X, 13] и остров Сотто-Марина⁶²⁵. Более значительной оказалась поездка на Кьоджу, позволившая ему ближе узнать некоторые стороны народной жизни⁶²⁶.

⁶²⁴ Вяземский называет Мурацци «здешней китайской стеной» [ПСС: X, 13]; ср. также: «Ходил по Murazzi, устроенным тремя террасами. По одну сторону море плещет и воет, по другую молчание и спокойствие, даже почти не слышать, что за перегородкой делается» [Там же: 14]; ср.: [Lecomte: 600–601].

⁶²⁵ «...где обыкновенно здоровые и красивые девы и жены служат гребцами, тогда как отцы и мужья их сидят себе или лежат в лодке. Прежде киожжиоты и сутто-маринцы, разделенные пространством версты, жили между собой во вражде, как добрые соседи, но последняя революция прекратила это междоусобие, как и то, которое существовало между Nicoletti и Castellani» [ПСС: X, 14]; ср.: [Lecomte: 603].

⁶²⁶ «Главная церковь славится своим batisterio и кафедрой. Не знаю, часто ли с пользой и назидательностью действует последняя, но крестильница в большом употреблении. Я имел случай проверить лукавые и эпиграматические отзывы Jules Lecomte (Venise) о плодородии киожжиоток. Менее нежели в полчаса принесли для окрещения трех младенцев в деревянных ящиках со стеклами. На замечание мое одна из молодых крестных матерей с улыбкой созналась, что нет опасения, чтобы киожжиотское народонаселение скоро перевелось. Женский пол и мужской славятся здесь красотой. Женщины носят белые покровы, которые с поясницы поднимают они на голову — вроде турчанок, но лица не закрывают. Тициан любил искать здесь свои подлинники...» [ПСС: X, 13]. Во время первого посещения Венеции Вяземский также совершил экскурсию в Тревизо [Там же: 83], но она не добавила ничего нового к его венецианским впечатлениям и только заставила его еще больше ценить «безколесную жизнь» в городе гондол.

ГЛАВА VIII

ВЕНЕЦИАНСКИЕ ВСТРЕЧИ

Чтобы проникнуться духом Венеции, раскрыть детали и тонкости внутреннего устройства незнакомого города, Вяземскому нужен был живой собеседник. Князь без труда нашел знакомых, которые помогли ему удовлетворить любопытство. Круг его общения составляли в основном представители австрийского общества. Особое место принадлежало чете Стюрмер⁶²⁷, с которой князь познакомился еще в Константинополе в 1849–1850 гг. В тот период ему много дали беседы о восточном вопросе со Стюрмером, который благодаря долгому пребыванию в Турции разбирался в проблеме лучше многих. Как известно, Вяземский надеялся, что в *вопросе*, который уже объединил против России Францию и Англию, Австрия должна занять по меньшей мере нейтральную позицию — возможно, эту надежду внушали ему и беседы со Стюрмером. Вероятно, в Венеции проавстрийские настроения Вяземского формировались под влиянием Стюрмера, который, разумеется, защищал политику своего правительства в отношении Венеции.

Князь не раз бывал на вечерах у Стюрмеров и имел возможность познакомиться с другими важными лицами. Как австрийский чиновник высокого ранга Стюрмер имел доступ к высшим кругам, поэтому, когда в Венецию прибыл фельдмаршал Радецкий [Comandini: III, 368], князю было обещано знакомство с ним. Однако он напрасно провел вечер у своих австрийских друзей в ожидании Радецкого. «Вероятно, какое-нибудь недоразумение, потому что старик очень вежлив и

⁶²⁷ Австрийский дипломат Бартоломеус Стюрмер (1787–1863) в 1842 г. был возведен в графское достоинство. В 1811–1814 гг. он был секретарем австрийского посольства в Петербурге, затем служил во Флоренции, в Северной и Южной Америке. В 1816 г. назначен комиссаром от Австрии по надзору за Наполеоном на острове Св. Елены. С 1832 по 1850 гг. — австрийский посол в Константинополе. С 1815 г. был женат на Эрманс де Буте (Ermance de Boutet).

точен» [ПСС: X, 25], — уверяла его графиня Стюрмер. Вяземский был разочарован, он мечтал познакомиться со всеми знаменитостями и охотился за «большими именами», словно коллекционер. Пытаясь сгладить разочарование из-за неявки Радецкого, Стюрмер рассказал несколько интересных подробностей о старом фельдмаршале, которому «на днях минет 87 год». Несмотря на возраст, старик был полон сил, начал опять ездить верхом, а «император дал ему близ Лайбаха поместье, которое он устраивает себе на старость, когда выйдет в отставку». Стюрмер вспомнил, как однажды вместе с Радецким они перебирали имена участников наполеоновских войн, уже покойных, и австрийский военачальник, наконец, сказал: “Je suis tout honteux de vivre si longtemps” [Там же] («мне стыдно так долго жить» — *франц.*). Вяземскому, который зря провел в ожидании вечер, не представилось другого случая познакомиться с Радецким в Венеции. Однако во время его пребывания в Вероне граф Тун⁶²⁸ помог ему попасть в штаб фельдмаршала⁶²⁹, вероятно, по ходатайству того же Стюрмера.

У Стюрмеров хранилось несколько заинтересовавших князя автографов: записка султана, письмо императрицы Марии Луизы Наполеону, написанное за несколько дней до его падения, и еще одно, от императрицы к отцу⁶³⁰. Выше мы упоминали разговор Вяземского с австрийской четой о пребывании Наполеона на острове Св. Елены⁶³¹. По мнению Вяземского, в Венеции только Стюрмеры умели устроить настоящий светский прием⁶³². В их салоне князю удалось обрести новые знакомства.

⁶²⁸ Фридрих фон Тун-Гогенштейн (1810–1881), граф, брат адъютанта эрцгерцога Фердинанда [ПСС: X, 27], до 1853 г. состоял адъютантом фельдмаршала Радецкого, затем был назначен австрийским послом в Петербурге.

⁶²⁹ «В Вероне познакомился я с Радецким, который на 85 году кажется так изумительно бодр, свеж и жив. Он принял меня очень радушно и, кажется, от чистой души желает нам успехов в нашем новом 1812 годе» [Там же: 93].

⁶³⁰ «...где говорит, что Наполеон не может согласиться на мир, если не оставят ему Антверпена, и мимоходом пугает папеньку, что если войска его побьют, что весьма вероятно, потому что император сильнее, нежели был когда-либо и что весь народ одушевлен мужеством и патриотизмом, то это будет погибель Австрийской империи» [Там же: 25].

⁶³¹ См. выше, гл. VI.

⁶³² «Вечер у Стюрмер. Первый в Венеции. Разыгрывали в лотерее акварель бедного немецкого художника. Выиграла графиня Адлерберг» [Там же: 83].

В 1853 г. в Венецию приехал еще один специалист по восточному вопросу, русский консул Фок⁶³³. Он также был хорошим знакомым Стюрмеров, поскольку на протяжении многих лет служил атташе дипломатической миссии и консулом в Константинополе, пока не был назначен генеральным консулом в Александрию в Египте. С Фоком Вяземский мог подолгу беседовать о политических аспектах восточного вопроса и вместе судить о нем с позиции России.

Наряду с представителями дипломатического мира, князь познакомился с кавалером Скарелла⁶³⁴, венецианцем и знатоком местной жизни, который рассказал ему несколько любопытных и забавных эпизодов о пребывании в Венеции русского дипломата Мочениго⁶³⁵:

Имел какую-то неприятную историю в Неаполе, вышел в отставку и поселился в Венеции. Нажил большое богатство. После смерти его и жены, бывшей красавицы, вся fortuna, по назначению его, перешла в собственность воспитательным заведениям, кажется, в Корфу. Всегда повязан был огромным галстуком, вероятно, вроде приятеля Вьельгорского. Многие полагали, что он этим скрывает какой-нибудь недостаток: нарост на шее или тому подобное, но дело в том, что изъяна не было, а кутался он просто из удовольствия. Вообще был очень странен и смешон. Прозвали его *Monsieur Nigaud* (Mocenigo) [ПСС: X, 76]⁶³⁶.

Скарелла подтвердил, что русский двор был обманут при покупке галереи Барбариго⁶³⁷.

⁶³³ См. выше. Они с Вяземским тесно общались в этот период: например, вместе ездили на экскурсию в Тревизо.

⁶³⁴ Вероятно, кавалер Таддео из рода Скарелла, депутат провинциальной общины, был награжден австрийским орденом Железной короны.

⁶³⁵ Г. Д. Мочениго (1764–1839) в 1789 г. поступил на русскую дипломатическую службу как атташе русской миссии в Тоскане. В 1799 г. подал в отставку, в 1802 вновь направлен полномочным представителем на Ионические острова. Затем до 1811 г. был полномочным представителем в Сардинском королевстве, в 1812 г. переведен в Неаполь, а 1818 получил новое назначение в Турине.

⁶³⁶ В связи с этим рассказом Вяземский приводит и эпизод, ставший известным от Булгакова: «...по поводу его какой-то англичанин спрашивал Александра Булгакова, есть ли у нас дураки в России? И на ответ его, что, как везде, и у нас, вероятно, сыщутся дураки, — “А зачем тогда, — возразил он, — ваш император прибегает к услугам иностранных?”». Этот пассаж еще раз повторяется в [ПСС: VIII, 458].

⁶³⁷ «Галерея *pallazzo Barbarigo* (*Barbarigo alla terrazza*) куплена нашим императором» [Там же: X, 17]. По рассказам сына Скьявони: «Наш двор был бессовестно обманут и ограблен

Среди других знакомых Вяземского упомянем графиню Эстергази⁶³⁸, у которой хранились некоторые исторические реликвии, например, «серебряный карандаш, принадлежавший Екатерине II» [ПСС: X, 89]. По словам графини, русская императрица подарила карандаш ее предку, у которого были способности к рисованию. Екатерине этот предмет был дорог как подарок, который она получила еще будучи великой княгиней; он сопровождал ее долгие годы. Эта реликвия разбудила давнюю мечту Вяземского основательно изучить биографию императрицы⁶³⁹. Но размышление о смыслах, скрытых в подарке Екатерины, завершается в дневнике фантазией, с помощью которой князь как бы самоустраняется от подобной задачи: «Вот любопытно было бы магнетическим способом (ныне в употреблении) заставить этот *карандаш* написать свою исповедь и разведать от него все, что случилось ему написать» [Там же]. Как и в других случаях, в этом остроумном наброске остается нереализованным богатый замысел.

В этот период в Венеции проездом находился генерал Шангарнье⁶⁴⁰, и Вяземский хотел встретиться с ним. Однако, случайно заметив его в отеле Reale Danieli, он не решился ему представиться: «Хотелось идти к нему, но посовестился. Политические известности, если не знаменитости, не то, что литературные и артистические, к которым доступ всякому свободен» [Там же: 13]. Иногда застенчивость не позволяла князю удовлетворить любопытство, хотя он стремился знакомиться с самыми известными лицами Европы и расширять свой жизненный опыт. Мы уже упоминали графа де Шамбора, который поселился в Венеции после вынужденного отъезда из Франции. В 1853 г. князь

в покупке галереи Барбариго alla terrazza. Картины, не стоящие золотого наполеона, были заплачены по 100 наполеонов. Во всем собрании только несколько хороших подлинников. В подобных заочных покупках как не обратиться правительству к лучшим художникам и составить из них подобие присяжного суда. Бруни был прислан в Венецию для укладки картин, когда покупка была уже совершена» [ПСС: X, 74].

⁶³⁸ Возможно, Мария Анна Эстергази де Галанта (1795–1866), урожденная фон Вейссенвольф, вдова графа Балинта (Валентина) Эстергази де Галанта (1786–1838) [Там же: 22].

⁶³⁹ Задолго до этой встречи Вяземский намеревался написать биографию императрицы, но проект остановился на стадии подготовки материалов.

⁶⁴⁰ Генерал Н. Шангарнье (1793–1877) с 1848 г. был генерал-губернатором Алжира, затем командовал Национальной гвардией, с 1851 по 1859 гг. был изгнан из Франции. В Венеции находился с коротким визитом с 8 по 11 сентября.

побывал только в его дворце, лично они встретились только десять лет спустя⁶⁴¹.

Огромную роль в истории Венеции играла многочисленная греческая община, центром которой была церковь Сан-Джорджо-дей-Гречи. Князь познакомился с ее архиереем, и тот несколько раз навещал его дома [ПСС: X, 29]. Лечил князя в Венеции еще один грек, доктор Намиас⁶⁴², видная фигура венецианской культурной жизни. Вяземскому он был очень симпатичен. В 1853 г. Намиас стал одним из самых близких друзей князя, показывал ему венецианские учреждения и знакомил с интеллектуальной жизнью города⁶⁴³. Не исключено, что именно доктор Намиас представил Вяземскому доктора Дж. Велудо, заместителя директора библиотеки Св. Марка (Марчиана)⁶⁴⁴.

Среди дам, встреченных в Венеции, отметим мадам Норден⁶⁴⁵, по-видимому, знакомую ему по Петербургу, леди Сорель — она долго жила в Венеции, и Вяземский встречался с ней еще раз в 1864 г.⁶⁴⁶,

⁶⁴¹ См. выше. С графом де Шамбором познакомил его в 1864 г. Фернан де Лафероннэ. Он был сыном дипломата Пьера-Луи-Огюста де Лафероннэ (1777–1842), который отошел от политической жизни после революции 1830 г. Оба они были хорошо знакомы с З. Волконской. Возможно, благодаря этой общей дружбе Вяземский получил приглашение к графу де Шамбору.

⁶⁴² Г. Намиас (1810–1873) — доктор медицины, автор многочисленных медицинских трудов, в 1859 г. получил премию Медицинского института Ломбардии. Доктор Намиас назначил Вяземскому купания, в целебные свойства которых князь верил безгранично. Позднее под наблюдением доктора проходило лечение виноградом. В записной книжке сохранилось немало рекомендаций доктора Намиаса. Эта часть не включена в ПСС.

⁶⁴³ См. выше о посещении Оспедале и чтении поэтессой Вордони своих стихов на вечеру у доктора Намиаса.

⁶⁴⁴ Дж. Велудо (1811–1889), с 1850 г. служил ассистент в библиотеке Св. Марка, сотрудник журнала “*Il gondoliere*”, занимался исследованиями по археологии, истории и литературе. Автор ряда биографий, трудов по литературе и греческим древностям.

⁶⁴⁵ В тексте шереметевского издания написано *M. Nordin*, но в рукописи ясно читается *M.me Nordin*. Вероятно, имеется в виду жена чрезвычайного посла и полномочного министра Швеции и Норвегии при русском дворе. “*Gazzetta di Venezia*” сообщает, что в октябре генерал Норден провел в Венеции несколько дней, в то время как Вяземский виделся с мадам Норден в сентябре [ПСС: X, 13]. В книге посещений монастыря Сан-Ладзаро-дельи-Армени сохранилась запись Елены Сергеевны Норден, урожденной Щербатовой.

⁶⁴⁶ Нам не удалось установить личность этой женщины, у Шереметева ее фамилия расшифрована как *Sorres*. В “*Gazzetta di Venezia*” неоднократно упоминается леди Соррель, землевладелица. Сведения о 1864 г. см. [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 181].

а также графиню Пизани⁶⁴⁷. Только эта итальянка смогла пленить его своей красотой⁶⁴⁸, и мы предполагаем, что именно она могла быть адресатом стихотворения 1853 г. «Венецианке».

Осенью 1853 г. в Венеции находилось немало русских путешественников. Еще в первые дни своего пребывания в городе Вяземские встретились со старыми знакомыми, Пашковыми⁶⁴⁹. Судя по всему, эта встреча всем была приятна, и Пашковы предложили князю, который не хотел оставаться дальше в Hôtel de l'Europe, переселиться к ним на калле Барбьер в палаццо, выходящее на Большой канал. Две семьи жили вместе «в дружбе и уединении» [ПСС: X, 41].

Их внучка Лиза Валуева проводила счастливые часы в обществе дочерей Пашкова, они развлекали князя «русскими и итальянскими песнями» [Там же]. К этому русскому острову в венецианской лагуне причаливали в те месяцы и другие путешественники из России: Строгановы⁶⁵⁰, родственница Пашковых княгиня Васильчикова⁶⁵¹

⁶⁴⁷ О Пизани нет точных данных, возможно, это жена Джованни Джузеппе (1815–1880), Тереза Эвелина Беренгарио (1831–1900). Вяземский упоминает только, что она была дочерью врача [ПСС: X, 83].

⁶⁴⁸ «Красавица черноглазая и белозубая. Много живости, веселости и простодушия» [Там же].

⁶⁴⁹ Мария Трофимовна Пашкова (1807–1887), урожденная графиня Баранова, супруга генерал-лейтенанта Михаила Васильевича Пашкова (1802–1863). У них была большая семья: дочери Александра (1829–1916, замужем за В. В. Апраксиным, 1822–1898), Екатерина (1833–1910, замужем за П. И. Озеровым, 1812–1881), Юлия (1840–1895, замужем за И. М. Судьенко, 1830–1892), Мария (1836–1910, замужем за кн. В. Д. Голицыным, 1815–1888), Леонилла (1842–1884), Ольга (1843–1908, замужем за Н. Н. Бутурлиным, 1836–1894); сын Николай (1830–1887). Мать семейства, которую друзья звали Мери, дружила с Вяземским; о ней упоминает в своих письмах А. И. Тургенев; см. [ОА: IV, 132, 148]. Д. Ф. Фикельмон писала: “Une belle figure de bal c’est Madame Paschkoff; elle est grande, bien faite, gracieuse et noble dans ses mouvements”; “à côté de sa beauté elle a le charme de la bienveillance” [Kauchtschischwili 1968: 114, 157] («Прекрасная бальная фигура — мадам Пашкова; она высока, хорошо сложена, грациозна и благородна в движениях»; «помимо красоты в ней есть очарование доброжелательности» — *франц.*).

⁶⁵⁰ Согласно “Gazzetta di Venezia”, Александр Строганов — видимо, генерал-лейтенант А. Г. Строганов (1795–1891). Он прибыл в Венецию с женой Наталией (1800–1855), урожденной графиней Кочубей [ПСС: X, 21], как подтверждает запись в журнале монастыря Сан-Ладзаро-дельи-Армени.

⁶⁵¹ Татьяна Васильевна Васильчикова, урожд. Пашкова (1793–1875), вдова генерала от кавалерии Иллариона Васильчикова (1777–1847). Дочь — вероятно, Ольга Илларионовна (1833–1868), болевшая чахоткой.

с больной дочерью, графиня Адлерберг [ПСС: X, 22]⁶⁵², госпожа Свистунова⁶⁵³, госпожа Красовская [Там же: 13]⁶⁵⁴, графиня Орлова-Денисова [Там же: 28]⁶⁵⁵, госпожа Туркуль [Там же: 13]⁶⁵⁶ и мадам Больвиллье (Больвиллерс) [Там же]⁶⁵⁷, родственница семьи Убри, госпожа Болдырева [Там же: 49]⁶⁵⁸ — подруга Булгакова, некая госпожа Киндякова⁶⁵⁹. Общение Вяземского со всеми этими людьми было поверхностным и не оставило заметного следа. Однако графиня Воронцова⁶⁶⁰, по-видимому, увлекла князя, и в ее компании он провел несколько вечеров [Там же: 24].

Князь также был заинтригован впечатляющими результатами спиритических сеансов княгини Изабеллы Гагариной [Там же: 79]⁶⁶¹

⁶⁵² Мария Васильевна Адлерберг (1797–1870), урожденная Нелидова, жена министра императорского двора В. Ф. Адлерберга (1791–1884) [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1124].

⁶⁵³ Надежда Львовна Свистунова, урожденная графиня Соллогуб (1815–1903), жена А. Н. Свистунова (1808–1872) (В “Gazzetta di Venezia” также упоминается Надежда Свистунова). В 1841 г. Вяземский посвятил стихотворение «Шутка» «Графине Соллогуб — ныне Свистунова» [ПСС: IV, 252–253]. В альбоме Вяземского сохранилась ее визитная карточка [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5079. Л. 188].

⁶⁵⁴ “Gazzetta di Venezia” сообщала о прибытии некоей Дарьи, вдовы русского генерала. Возможно, имеется в виду Дарья Андреевна Красовская, урожд. Глазунова (1805–1855), вдова генерала Афанасия Ивановича Красовского (1781–1843).

⁶⁵⁵ Возможно, Елена Ивановна Орлова-Денисова, урожденная Черткова (1830–1891), замужем за полковником М. В. Орловым-Денисовым (1823–1863) (сведения по “Gazzetta di Venezia”). В начале октября 1853 г. запись об их визите появляется в книге посещений Сан-Ладзаро.

⁶⁵⁶ Возможно, жена И. Л. Туркула (1796–1856), министра и статс-секретаря Царства Польского.

⁶⁵⁷ Сестра П. Я. Убри (1774–1847), русского дипломата французского происхождения.

⁶⁵⁸ “Gazzetta di Venezia” сообщает о прибытии Елены Павловны Болдыревой, урожденной фон дер Пален (1820–1872), «жены русского генерала» — Аркадия Африкановича Болдырева (ум. в 1858), и ее сестры Юлии Павловны Самойловой, урожденной Пален (1803–1875). Вместе с ними остров Сан-Ладзаро посетил подполковник Александр Львович Киндяков (1805–1884).

⁶⁵⁹ Вероятно, Екатерина Павловна Киндякова, родственница Пашковых, либо Софи.

⁶⁶⁰ Согласно “Gazzetta di Venezia”, это А. К. Воронцова-Дашкова (1786–1854), жена дипломата И. И. Воронцова-Дашкова. См. выше, гл. III.

⁶⁶¹ Предположительно имеется в виду Изабелла Гагарина, урожд. Валевская (1800–1886), жена князя Сергея Сергеевича Гагарина (1795–1852), обер-гофмейстера, директора Императорских театров.

в доме ее дочери: «Николай Муханов⁶⁶² спрашивал стол о выигрышном номере рулетки, о дне и часе, когда им играть, и согласно с полученными указаниями выиграл в Гомбурге несколько тысяч франков» [ПСС: X, 79].

Еще больше поразил его тот факт, что «Софья Киселева⁶⁶³ по совету пророческого стола совершенно обратилась на истинный путь: перестала играть, оплакивает прежнюю жизнь, каждый день бывает у обедни, часто у исповеди и причастия» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1124. Брошюра 8]. Подобные контрасты, по-видимому, показались князю сомнительными, и он не позволил увлечь себя оккультными науками.

Приятным сюрпризом для князя стал приезд в Венецию княгини Клари, урожденной Фикельмон [ПСС: X, 81, 83]⁶⁶⁴. В этой красавице он узнал черты не только матери, но и бабушки, Элизы Кутузовой⁶⁶⁵, потому что она «с успехом поддерживает плечистую славу бабушки» [Там же: 83] своими манерами и элегантностью. Князь провел много приятных часов у князей Клари⁶⁶⁶, которые по обыкновению останавливались на зиму в своем венецианском палаццо. Петр Андреевич не раз навещал их и в 1863–1864 гг. [РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 169]⁶⁶⁷.

Среди русских путешественников в Венеции он особенно отмечал Завадовского⁶⁶⁸, в компании которого посетил Арсенал. По-видимому, они провели много времени вместе — об этом говорит стихотворение

⁶⁶² Николай Алексеевич Муханов (1802–1871), в 1823–1830 гг. — адъютант петербургского генерал-губернатора, занимал ряд государственных должностей, был знаком с Пушкиным и многими писателями пушкинского круга.

⁶⁶³ См. выше, гл. V.

⁶⁶⁴ Элизабетта фон Клари-унд-Альдринген (1825–1878), единственная дочь графини Долли Фикельмон [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1124. Л. 14, 16].

⁶⁶⁵ Подразумевается Е. М. Хитрово, дочь М. И. Кутузова.

⁶⁶⁶ Князя Клари приобрели палаццо Приули-Бон в Дзаттере, напротив Джудекки. Лето семья проводила в поместье в Теплице.

⁶⁶⁷ Сохранился маршрут поездки по Венето до озера Гарда, составленный для Вяземского родственницей княгини Клари; князь собирался осмотреть этот маршрут до отъезда в Мерано [Прил. I].

⁶⁶⁸ Вероятно, граф В. П. Завадовский (1798–1855), высокопоставленный правительственный чиновник и сенатор. В 1824 г. он женился на польской красавице Е. М. Влодек. Сохранилось несколько посвященных ей стихов Вяземского; князь называл ее «Цветком севера». Завадовский недолго оставался в Венеции, 27 ноября 1853 г. он зарегистрировался в журнале посещений флорентийского Кабинета Вьессе.

второго венецианского цикла, где Завадовский представлен человеком, освоившим венецианский образ жизни⁶⁶⁹. Зато сильное раздражение князя вызывала мысль о пребывании за границей некоего Зайцевского⁶⁷⁰. Князь негодовал, что подобные персонажи представляют Россию на Западе, в то время как «России почва совершенно по нем» [ПСС: X, 27], и только там их образ жизни ни у кого не вызовет недоумения. В связи с этим Вяземский размышлял о судьбе Пушкина, который обожал Италию, ее литературу и музыку, но так и не добился разрешения на выезд из России, тогда как пресловутый Зайцевский «не выезжает из Италии». Князя удивляли эти странности русских судеб [Там же].

Вяземскому были знакомы и служащие русского консульства в Триесте — Микели⁶⁷¹, Фруска⁶⁷² и Кассини⁶⁷³. Последний был, наряду со Стюрмером, одним из самых близких его знакомых в это время. Он хорошо знал венецианское и австрийское общество и помог князю узнать некоторые особенности местной жизни:

Девицы Фоскари получали до кончины от австрийского правительства по несколько цванцигеров в месяц на пропитание, и брали по цванцигеру на водку от путешественников, показывая им дворец своих предков. Другой потомок какого-то дожа и теперь торгует зажигательными спичками

⁶⁶⁹ В стихотворении «Николаю Аркадьевичу Кочубею» Вяземский жаловался, что для наслаждения поэтической красотой Венеции необходима хорошая погода, в противном случае легко скатиться к прозе, как Завадовский: «Здесь жить невозможно, здесь город таковский, / Чтоб в лавочку сбегать, — садися ты в лодку» [ПСС: XII, 32].

⁶⁷⁰ Возможно, Ефим Петрович Зайцевский (1801–1861), поэт и морской офицер, капитан второго ранга, умер в Неаполе. В 1851–1853 гг. был генеральным консулом Российской империи в Королевстве Обеих Сицилий, а затем атташе миссии в Неаполе. Писал стихи в элегическом жанре.

⁶⁷¹ Был вице-консулом в Триесте.

⁶⁷² Был вице-консулом в Венеции.

⁶⁷³ Павел Викторович Кассини (1797–1875), граф, генеральный консул в Триесте, а позднее — в Риме. Его отец, Виктор Иванович Кассини (Vittorio-Maria-Gioachino Carizucchi di Cassini, 1754–1811), также состоял на русской дипломатической службе. П. В. Кассини с 1824 г. был женат на Элизабет Лой. Вяземский знал его отца, так что в Павле Кассини видел старого знакомого, рядом с которым мог чувствовать себя непринужденно. В Венеции он встречался с неким Клейстом, знакомым Свистуновой [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1124. Брошюра 16; ПСС: X, 91]. Согласно “Gazzetta di Venezia”, это мог быть Вильгельм Клейст из Дрездена с женой Элизой, урожденной де Медем.

на Piazza. Впрочем, многие богатые фамилии раздают ежегодно богатые милостыни. <...> Венециане вообще худые хозяева и немногие и из богатейших не кончают разорением [ПСС: X, 91].

Второй визит в Венецию был даже более богат на встречи и знакомства, но мы не располагаем материалами, чтобы восстановить все их обстоятельства: сохранились только визитные карточки без каких-либо комментариев. В 1864 г. Вяземскому было трудно писать, и за исключением нескольких строк все записи в его записной книжке сделаны чужой рукой. Почти все письма князь диктовал жене, но те из них, которые имеются в нашем распоряжении, не добавляют ничего нового к картине его отношений с Италией⁶⁷⁴.

Красота Венеции произвела на Вяземского неизгладимое впечатление, особенно очарован он был видом с колокольни Сан-Марко «с ее роскошным поясом островов. Вдали Падуя. Виченские горы — Тирольские с их снежными кокошниками» [Там же: 24]. По пути на Торчелло прекрасные виды навевали мысли о Востоке, потому что «в тумане, Тирольские горы, под снежными шапками, напомнили Ливанские горы со своими снежными нахлобучками» [Там же: 77].

Как мы покажем в дальнейшем, этими утренними видами, как и красками заката, и в 1853, и в 1863–1864 гг. были вдохновлены многие строки Вяземского о королеве Адриатики. Вместе с тем стихи служат ценным дополнением к дневнику его первого венецианского путешествия. Этот дневник интересен как документальный текст на фоне скудных данных об итальянском путешествии 1834–1835 гг. Когда князь наслаждался природными и художественными богатствами города, он, не выходя из роли туриста, подмечал множество деталей и записывал все, что казалось ему достойным внимания. В первом итальянском дневнике нигде не упоминаются книги, которые он мог использовать в качестве путеводителей. Во второй части дневника князь часто ссылается на сочинение Леконта. По нашему мнению,

⁶⁷⁴ Среди лиц, встреченных князем в путешествии 1863–1864 гг., отметим графа ди Буоль Шаунштейн, маркизу Строцци, герцогиню Альдобрандини, урожденную де Ньюжен, мистера Джеймса Д. Харрокса, графиню Джейн Паллавичини, урожденную де Ньюжен, кавалера де Тоггенбрюк (высокопоставленного австрийского чиновника), княгиню Жюли Обренович, урожденную Хуньяди, графиню Эрдоди, графиню Эмо Каподилиста, урожденную Орести [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 21–26, 91, 181].

именно следование оценкам этого французского автора является ее главным изъяном. Вяземскому была свойственна некоторая инертность, и иногда он предпочитал повторять чужие суждения, особенно когда речь шла о вещах, не относившихся к области его интересов. Тем не менее, мы не можем не оценить живой ум шестидесятилетнего поэта. Он без усталости исследовал отдаленные уголки Венеции и наслаждался ими с юношеской непосредственностью, которой и сегодня дышат его заметки.

II. ИТАЛИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

ГЛАВА I

ЗНАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

При изучении взаимоотношений Вяземского с культурным миром Италии в первую очередь возникает вопрос о знании языка. Широко распространено утверждение, что русским очень легко дается изучение иностранных языков. Действительно, в XIX в. почти все представители образованного класса в России говорили на нескольких иностранных языках, поэтому потребность в переводах была ниже, чем в других странах⁶⁷⁵.

Следовательно, можно предполагать, что чтение итальянских текстов сравнительно легко давалось тем, кто владел латинским и французским. Однако стоит избегать обобщений, и в случае Вяземского мы вряд ли ошибемся, если скажем, что у него не было особенных языковых способностей. Как и все представители его социальной страты, он свободно владел французским, на котором говорил дома. С детства у него были французские гувернеры, потому что его отец, восторженный поклонник Вольтера и французской культуры, желал, чтобы сын овладел языком в совершенстве, так что даже свои первые юношеские стихи князь сочинял на французском, а не на русском. Позже он написал по-французски несколько статей⁶⁷⁶ и сочинение “*Lettres d’un Vétéran Russe de l’année 1812 sur la question d’Orient publiées par P. d’Ostafievo*” [ПСС: VI]⁶⁷⁷.

⁶⁷⁵ Ло Гатто писал, что, учитывая легкость, с которой славянские народы читают на иностранных языках, образованный класс не особенно нуждался в переводах» [Lo Gatto 1921: 69–70].

⁶⁷⁶ Ср. “Incendie du Palais d’Hiver”, опубликованную в “Gazette de France” 18 февраля 1838 г., и итальянский перевод этой статьи в “Gazzetta Privilegiata di Milano” от 16 и 17 мая 1838 г.

⁶⁷⁷ Первый тираж этого сочинения был отпечатан в Лозанне в 1855 г.; русский перевод, выполненный П. И. Бартевым (1829–1912), опубликован в [ПСС: VI].

Французских воспитателей время от времени сменяли немецкие и английские учителя, однако, на наш взгляд, они не оставили большого следа в интеллектуальном развитии юноши⁶⁷⁸. Немецкий был в эту эпоху необходим тем, кто желал получить высшее образование⁶⁷⁹. Однако на основании опубликованных сочинений Вяземского мы заключаем, что он обращался к немецкому, только если определенный текст не был опубликован на другом языке. Кроме того, для оценки языковых способностей Вяземского показателен его уровень знания английского. Изучение этого языка должно было особенно прийтись ему по сердцу, поскольку по материнской линии Петр Андреевич имел ирландские корни⁶⁸⁰ и гордился своим происхождением. Тем не менее, из переписки 1838 г., когда он впервые посетил Англию, мы узнаем, что князь этим языком не владел⁶⁸¹. В этой связи интересно его признание:

⁶⁷⁸ Образование князя было бессистемным, и его отцу не удалось подобрать воспитателей, которые имели бы на него достаточное влияние. Поначалу отец отправил его учиться в Петербург, в иезуитский пансион, где Вяземский провел несколько месяцев 1806 г., а затем вернулся в Москву. Тогда отец поместил его в пансион профессора химии Рейса, в то время преподававшего в Московском университете, а впоследствии открывшего аптеку; по этой причине литературные друзья Вяземского говорили, что его отец, вероятно, хотел сделать из него лекаря. В доме Рейса юный князь брал уроки у лучших университетских профессоров, таких как Рейнгардт и И. Ф. Буле.

⁶⁷⁹ До войны с Наполеоном многие профессора Московского университета были немцами. Перечислим лишь несколько знаменитых имен: профессор философии И. Ф. Буле; профессор политики Х. А. Шлёцер, мировая знаменитость; профессор истории, статистики и географии И. А. Гейм, ректор университета. Известно также, что не все они преподавали свои науки на русском языке.

⁶⁸⁰ Мать Вяземского Е. И. О'Рейли (1762–1802) в 1786 г. вышла замуж за князя Андрея Ивановича Вяземского, получив развод от первого мужа по фамилии Quine. Вяземский чтит память матери, которую почти не знал, и периодически навещал ее могилу на Введенском кладбище. В 1857 г. он сделал в записной книжке заметку о посещении могилы матери [ПСС: X, 172], а в 1869 г. написал стихотворение «Введенские горы» [Там же: XII, 411–414]. Можно предполагать, что сокровенная любовь Вяземского к матери также проявилась в стихотворении «Матери от детей» [Там же: 138]. Во время поездки в Англию он отметил в записной книжке встречу с О'Рейли, возможно, родственником по матери, и обещал себе изучить семейный архив [ЗК: 253]. Познакомившись в Брайтоне с леди Морган, он отметил их общее ирландское происхождение и назвал ее *la muse de l'Irlande* [Там же: 245].

⁶⁸¹ Вяземский выехал из Парижа с Тургеневым 5 сентября 1838 г.; 6-го они добрались до Булонь-сюр-Мер и в полночь отплыли в Фолкстон; далее по Темзе они плыли до Лондона, куда прибыли 7 сентября; после недолгого пребывания в столице Вяземский

Сегодня первый мой урок английского языка. Хотя мой язык и без костей, но не переломашешь его на английский лад. Надобно уметь свистеть, шипеть. Сперва выучиться нанизывать бусы языком, а там уж английские слова. Да и вовремя начал я, за неделю до отъезда <28 сентября. — Н. К.>, а вот уже три недели, что я здесь <в Брайтоне. — Н. К.> праздну шатаюсь [ЗК: 249].

Если столь скромные усилия Вяземский приложил к освоению «материнского» языка, весьма вероятно, что также не особенно старался он выучить и итальянский, тем более что мог считать знание французского и латыни достаточным подспорьем для его понимания⁶⁸². Интерес Вяземского к итальянскому языку все же поддерживала его любовь к итальянской музыке. Кроме того, друг князя А. И. Тургенев побуждал его обратиться к этому языку⁶⁸³, не раз цитируя строки Анджело д'Эльчи⁶⁸⁴ и Дж. Б. Касти⁶⁸⁵. Последний для русских поэтов от Батюшкова [ЗК: 131] до Пушкина⁶⁸⁶ был одним из любимых итальянских авторов.

9-го добрался до Брайтона. В путевых заметках того времени он признавался, что вынужден был беседовать с некоей мисс Портер «через переводчицу» [ЗК: 245]; с прочими англичанами он всегда общался по-французски.

⁶⁸² Вяземский изучал латынь, впрочем, не столь увлеченно, как многие другие русские писатели его поколения. Из иностранных языков он очень хорошо знал польский. Он с большим рвением принялся за его изучение, как только узнал о своем назначении в Варшаву в канцелярию Н. Н. Новосильцева. За три года, проведенные в Варшаве, его знание языка улучшилось. Подтверждением тому служат работы Вяземского о Мицкевиче, интерес к Ф. Моравскому, Ю. Немцевичу, И. Красицкому и стихотворение «Станция»; см. [Wytrzens 1957: 56].

⁶⁸³ Тургенев впервые побывал в Италии в 1804 г. [Письма А. Тургенева Булгаковым: 47–48]. В письме 6 (18) декабря он сообщал другу К. Я. Булгакову из Венеции, что планировал ехать дальше, но с сожалением вынужден был отказаться от этих планов из-за болезни своего спутника А. С. Кайсарова, а также из-за сложностей с получением визы.

⁶⁸⁴ См. его письмо Вяземскому 14 (26) мая 1819: «Не помню, знаешь ли ты по-итальянски? Если знаешь, то советую тебе, яко сатирику и поэту, выписать: “Satire di Angelo d’Elci Fiorentino”. Firenze <sic!>, у Piatti, 1817» [ОА: I, 233]. Тургенев сравнивал стихи этого поэта с произведениями Ювенала, Горация и Персия, цитируя строфы из его сатир.

⁶⁸⁵ См. письмо 5 (17) августа 1819: «...купи Casti, полное издание в трех частях» [Там же: 282]. Дж. Б. Касти (1724–1803) в 1778 г. посетил Петербург и был принят с большими почестями Екатериной II, что не помешало ему высмеять императрицу вместе с ее двором в «Татарской поэме» (1787). Вяземский последовал совету Тургенева и купил в Варшаве “Les animaux parlants” Касти [Нечаева 1937а: 89].

⁶⁸⁶ Биолато Миони доказывает, что Касти в те годы привлек внимание Пушкина, который читал его по-итальянски, как показывают “Gli animali parlanti” («Говорящие животные»),

В сочинениях Вяземского, написанных до его пребывания в Варшаве, время от времени встречаются пассажи на итальянском: чаще всего это короткие фразы или характерные выражения, которые можно обнаружить у большинства писателей той эпохи. То же самое можно сказать о польском периоде его жизни и нескольких годах, непосредственно следующих за ним⁶⁸⁷. К этому времени, по-видимому, относится и приведенная Вяземским строфа из стихотворения В. да Филикайя⁶⁸⁸, которой были вдохновлены несколько байроновских строк. Князь решил процитировать ее на итальянском, и эти четыре стиха на данный момент — самый длинный текст на итальянском, обнаруженный нами в последнем издании записных книжек Вяземского⁶⁸⁹.

Тем не менее, именно в эти годы князь заслужил звание «благодетеля» итальянской культуры в России благодаря живому участию в публикации итальянской грамматики, увидевшей свет в 1822 г. [Valerio]. В тот год Вяземский в унынии и печали проводил время между Москвой и Остафьевым, переживая неудачу на государственной

“Le novelle galanti” («Галантные новеллы») и “П роема tartaro” («Татарская поэма»), обнаруженные среди «аккуратно прочитанных им книг» [Biolato Mioni: 274].

⁶⁸⁷ См.: “cavalier servente” [ПСС: VII, 189]; “dilettante” [Там же: VIII, 277–280]; “cosa rara” [Там же: 401]; “imbroglio” [Там же: IX, 141]; “e sempre bene” [Там же: 49; Звенья 1936: VI, 250]; “Tutto il mondo è fatto come la nostra famiglia” [ОА: III, 235]; в похвалу певицы Боргондио он в 1819 г. писал: “Borgondio la divina, Catalani la regina” [Le conservateur impartial]; “influenza” [Письма Вяземского к Булгакову: VI, 253]; “frutti di mare” [Письма Шевырева: 181]; любопытная запись: «Суворов писал к адмиралу Рибасу: Invincibile Doria, è tempo per vostra eccellenza da far prigioniere l’ successor del Barbarossa, — devotissimo schiavo — Al. Souvarow» [ЗК: 56]. Имеется в виду адмирал О. М. Дерибас (1751–1800), итальянец по происхождению, отличившийся в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Позже он предложил построить город и порт Одесса.

⁶⁸⁸ В. Филикайя (1642–1707). Ср.: «Поэт 17-го века написал 6 сонетов и одну canzone (канцону) на бедствия отечества. Байрон подражал или лучше сказать перевел этот сонет в своем Пилигриме» [ЗК: 48].

⁶⁸⁹ Сонет LXXXVII «К Италии»: “Italia! Italia! o tu cui feo sorte — Dono infelice di bellezza, ond’hai — Funesta dote d’infiniti guai — Che in fronte scritti per gran doglia porte etc.” [Filicaja: I, 160] («Италия! Италия! О твоя судьба / Несчастный дар красоты, откуда у тебя / Гибельное приданое бесконечных бед, / Которые написаны на вратах великой боли, и т. д.» — *итал.*). По нашему мнению, запись была сделана в 1821–1822 гг., когда была составлена «Грамматика» Валерио, в которой приводится отрывок из этого сонета. См. ниже.

службе в Польше. Стремясь выйти из этого состояния и победить скуку вынужденного бездействия, он плодотворно занимался литературными трудами. Его увлечение итальянским языком вспыхнуло вновь, возможно, под влиянием новой грамматики, автор которой почти наверняка некоторое время служил учителем в доме Вяземских⁶⁹⁰. Князь со свойственной его темпераменту горячностью выступил защитником этой книги и написал о ней заметку [СО 1822: XXIX, 129–131]⁶⁹¹. Книга вышла в первую неделю нового года, и можно сказать,

⁶⁹⁰ О нем мало что известно. Он упомянут также у Г. Ф. Баруффи в «Осенних странствиях и сочинениях» [Baruffi 1840: 200] (вероятно, они познакомились в доме Вяземского). М. Т. Каченовский (1775–1842), профессор истории и журналист, издатель «Вестника Европы», в № 8 журнала опубликовал краткую «аннотацию»: “Grammaire italienne, simplifiée et reduite à 24 leçons par Monsieur Félix Valerio.

Messieurs les souscripteurs sont priés de faire retirer les exemplaires pour lesquels ils ont souscrit chez Monsieur Valerio, au carrefour Czernishoff, maison de Son Excellence le Prince Wiazemsky, entre la Nikitskaya et la Twerskoy.

On trouve Monsieur Valerio chez lui, tous les jours, depuis 7 jusq' à 9 heures du matin.

On peut se procurer cet Grammaire chez M. Valerio et chez tous les libraires étrangers à Moscou” («Итальянская грамматика, упрощенная и сокращенная до 24 уроков господином Феликсом Валерио).

Просим господ подписчиков получить экземпляры по подписке у господина Валерио, в Чернышевом переулке, в доме Его Светлости Князя Вяземского, между Никитской и Тверской.

Господина Валерио можно застать дома ежедневно с 7 до 9 часов утра.

Приобрести эту грамматику можно у г-на Валерио и во всех иностранных книжных лавках Москвы») [ВЕ 1822: № 8, 317]. Продажа сочинений в частных домах в то время была распространенной практикой. Даже «Кавказский пленник» Пушкина, издателем которого был Н. И. Гнедич, продавался у него дома.

⁶⁹¹ «Капитан Валерио, с честью служивший во французском войске с 1805 до 1821 года, отличный похвальными свидетельствами начальства и ранами, лучшим украшением воина, был принужден, вследствие политических происшествий и частных неудач, искать пристанища в России. Ныне в Москве, занимаясь воспитанием юношества, старается он в трудах скромных, но почтенных, употребить в пользу себе и другим жизнь, доселе проведенную в довольстве и в блестящем рассеянии военной славы. Переворот тяжкий и сносный лишь для тех, кои в приобретении познаний запаслись достоинством, не подлежащим ни превратностям судьбы, ни своенравию людей и самого счастья, которое непостоянно, как и они. <...> Господин Валерио издал здесь Итальянскую Грамматику. Главное достоинство учебной книги есть ясность, точность и простота, и полное изложение правил преподаваемой в ней науки. Предлагаемая Грамматика, по свидетельству итальянцев, способных судить о ней основательно, соединяет все сии преимущества. Языку научиться можно без пособия учителей по теории, но произношению нельзя было выучиться по грамматикам, доселе изданным. Г. Валерио, чувствуя

что Вяземский буквально «мучил» ею своих друзей до конца 1822 г., переживая за издательский успех грамматики [ОА: II, 254–273]⁶⁹².

Горячая кампания в защиту грамматики Валерио свидетельствует об импульсивном характере князя, а составленное им объявление, в котором расписывались достоинства сочинения, стало поводом для серьезной ссоры с друзьями. История грозила приобрести опасный политический оттенок, поскольку, по мнению окружающих, встав на защиту иммигранта Валерио, Вяземский обнаружил свои симпатии к либеральным идеям⁶⁹³.

Вяземский и Тургенев и в дальнейшем будут активно интересоваться итальянским языком. В 1826 г. в качестве эпитафии к стихотворению «Коляска» [ПСС: IV, 146–153] князь выбирает фразу на итальянском, позаимствованную из «Жизни Витторио Альфьери». Есть

сколь правильное произношение необходимо для совершенного знания языка и сколь оно драгоценно в изучении языка звучного, каков итальянский, старался заменить в своей книге сей общий недостаток, и, излагая правила, оттенки и изменения итальянского произношения, успел, кажется, по возможности, в намерении своем, — изобразить звуки посредством письма. Рассуждение о поэзии и выбор стихотворений лучших стихотворцев итальянских придают новое достоинство произведению, заслуживающему уважение любителей языка, прославленного творениями Данта и Тасса, и признательность желающих ему научиться. — Упомянув о положении автора, мы без сомнения возбудим к его книге и внимание просвещенных соотечественников наших, коим приятно будет и в сем случае доказать, что часто преследуемое гонениями истинное благородство характера и полезная деятельность находят в России ревностных ценителей и поощрительное возмездие» [ПСС: I, 96–97].

Одной из самых слабых сторон книги, на наш взгляд, является именно фонетическая транскрипция, в которой автор часто вынужден был использовать английские слова, чтобы объяснить звуки итальянского. Кроме того, мы отметили, что в целом материал грамматики слишком краток и упрощен и не позволяет изучить язык досконально. Оригинальный вклад автора заключается, по нашему мнению, в демонстрации применения правил на удачно подобранных примерах.

⁶⁹² Экземпляры грамматики, отправленные Тургеневу, почти никто не покупал. Прежде чем уехать на отдых, Тургенев передал их лучшему книгопродавцу Петербурга Сен-Флорану, но и ему не удалось продать ни одного экземпляра [ОА: II, 273, 300].

⁶⁹³ См. письмо А. Тургеневу: «Что значит в письме: *свободомыслие*, которое не совсем у места в объявлении о грамматике? Что за эликсир такой *свободомыслия*, которого здесь нужна капля, там две, а где и чайная ложечка? Свободомыслие — способ мыслить свободного человека и потому везде у места; оно — стихия, а не композиция. Притом же тут дело не о “Грамматике”, а о Валерио, который, брошенный бурей обстоятельств на чужую землю, может по образованию, полученному в отечестве, добывать хлеб свой почетным образом» [Там же: 259].

основания полагать, что это одно из немногих произведений, прочитанных Вяземским по-итальянски под руководством учителя, поскольку о нем он оставил также небольшую заметку⁶⁹⁴. Эта запись скорее относится к разряду литературных “pro memoria”, так как князь хотел просто зафиксировать прочитанное, не пускаясь в критические оценки. Выбор фразы для эпиграфа доказывает, что русский читатель проникся духом книги Альфьери, итальянского писателя, предпринявшего долгое путешествие через всю Европу, чтобы справиться с внутренней тревогой. В «Коляске» Вяземского путешествие становится символом *скуки*. Это стихотворение он предполагал включить в состав поэмы, посвященной душевой тревоге, которая терзала его после неудачи на служебном поприще. Спустя несколько месяцев он написал вторую главу этой поэмы под названием «Станция» [ПСС: IV, 32–41]. В ней свое состояние неудовлетворенности он выразил по-итальянски словами Данте⁶⁹⁵. Впрочем, цитата не является свидетельством большего сближения князя с итальянской литературой через язык, поскольку он в примечании пояснил, что идея была подсказана ему Россини, в опере «Отелло»⁶⁹⁶ обогатившим поэзию музыкой. Это замечание показывает, что основным каналом знакомства с итальянским языком были оперные либретто. Мы можем привести несколько примеров, подтверждающих, что по крайней мере слова любимых каватин князь знал наизусть и даже использовал их в каламбурах⁶⁹⁷.

⁶⁹⁴ См. ниже.

⁶⁹⁵ В стихотворении Вяземский приводит слова “Nessun maggior dolore” («Нет больше боли»), а в примечаниях поясняет, что у Данте за этими словами следуют строки “Che ricordarsi del tempo felice / Nella miseria” («Чем вспоминать счастливое время / В несчастье»), и, подобно ему, вспоминает, находясь в России, порядок, царивший на польских станциях.

⁶⁹⁶ См.: «В нотах его <Россини> есть мрачность и глубокость Данта» [Вяземский 1958: 183].

⁶⁹⁷ Например, говоря о «Цирюльнике», он рассказывал об обеде, на котором гостям «удобно было петь с Фигаро из оперы Россини: Cito, cito, piano, piano (то есть *сыто, сыто, пьяно, пьяно*)» [ПСС: VIII, 375], модифицируя итальянское “zitti, zitti” («замолчите») ради ассонанса и игры слов; см. также рассказ о том, как двое русских обманывали третьего игрока в карты, итальянца, подсказывая друг другу по-русски, с какой карты ходить, на мотив каватин “I tanti palpiti” («Много ударов сердца») или “Il più triste dei mortali” («Самый грустный из смертных») из оперы «Танкред» Россини, и итальянец удивлялся музыкальности русских и тому, что все время проигрывает [Там же: 314].

Но помимо каламбуров, вдохновленных миром музыки, Вяземский старался приправить итальянским свои остроты⁶⁹⁸; он чувствовал обаяние этого языка, особенно в сатирических выражениях⁶⁹⁹, которые ему хотелось сохранить в своих записях. Наряду с ироническими замечаниями в его записной книжке, среди переписанных им афоризмов на английском и других иностранных языках, можно обнаружить и записи на итальянском⁷⁰⁰, которые доказывают, что он находился в постоянном контакте с этим культурным миром. Интерес к языку подогрели заграничные путешествия Тургенева, когда тот совершенствовался в изучении итальянского языка⁷⁰¹. Усердные занятия принесли плоды между 1832 и 1835 гг., когда Тургенев, живя в Италии,

См. также письмо Вяземского и Пушкина к В. Ф. Вяземской, где князь цитирует каватину из «Сороки-воровки»: “*Neppur l'estremo amplesso, questa è troppa crudeltà*”, и просит ее как знающую итальянский язык оценить правильность цитаты [Пушкин: XVI, 14]. Дочь Вяземского Мария также изучала итальянский [АБТ: 232]. Князь вспоминает, что Рубини в 1838 г. пел в Брайтоне с большим чувством арию “*Il mio Tesoro intanto*” из «Дон Жуана» Моцарта и “*Tu vedrai la sventurata*” из «Пирата», особенно куплет “*Ah, non sia per sempre odiata / La mia memoria io spero <...> miei tormenti del mio tradito amor*” [ЗК: 246]; а также финал «Лючии ди Ламмермур» в исполнении А. Тамбурины: “*Ella a mio sangue / Io l'ho tradita*” [Там же: 303]. В 1853 году, слушая в венецианском театре Аполло «Двух Фоскари» Верди, он замечал, что музыка была «вердиевата, то есть витиевата» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1124. Л. 8], запись 25 ноября (7 декабря).

⁶⁹⁸ См.: «Один женатый этимолог уверял, что в русском языке много сходства и созвучий с итальянским. Например, итальянец называет жену свою: *mia cara*, а я, про свою, говорю: моя кара» [ПСС: VIII, 492]. А в письме от 12 (24) декабря 1821 он рассказывал о жившем в Москве итальянце, также в связи с итальянской музыкой: «Был в Москве всем известный и во многих домах очень хорошо принятый итальянец Осип Негри. N. N. говорил ему, что он и без спиртуозных напитков всегда под хмельком. — Как же так? — «Да, разумеется: *vous êtes né gris*» <Прим. изд.: Непереводаемая игра звуков: вы рождены пьяным.>. Он же ему: «Тебе никак нельзя петь дуэт с красавицей твоею». (Он был влюблен в певицу из Итальянской оперы.) — А почему же? — “Потому, что ты вечно *Ocín*»» [Там же: 447].

⁶⁹⁹ См.: «В Риме были две статуи: одна древняя Марфорио, другая новейшая Пасквино. Стояли они друг против друга. Долго служили они для разных вывесок и выходов сатирических. Статуя Марфорио задавала вопрос, на который другая отвечала остротой и пасквиладю. Лет сорок тому или более, Марфорио спрашивает соседа своего, что думает он о святейшем отце? Пасквино отвечает: *padre sì, ma sancto, no*» [Там же: 433].

⁷⁰⁰ Ср.: “*Ah! senza amare / Andare sub mare / Col sposo del mare / Non può consolare*” [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1111. Л. 5].

⁷⁰¹ Едва приехав во Флоренцию, он сразу же связался с учителем итальянского Дж. Пепе (1779–1849; был знаменит тем, что дрался на дуэли с Ламартином), с которым читал

уже способен был слушать проповеди, тонко и точно оценивая способность отдельных ораторов выражать свои мысли [АБТ: 142, 244]⁷⁰².

Благодаря пространным письмам Александра Ивановича князь продолжал следить за его успехами и вынужден был подтянуть свой уровень языка, чтобы понимать итальянские цитаты, требовавшие определенной подготовки⁷⁰³. Тургенев присылал ему и целые сочинения на итальянском, среди прочего — несколько трактатов по коммерции⁷⁰⁴, нужных Вяземскому в его роли вице-директора департамента внешней торговли⁷⁰⁵. Наряду с книгами по коммерции, Тургенев присылал князю и литературные новинки — некоторые из них имели второстепенное значение⁷⁰⁶, другие были фундаментальными для понимания итальянского мира в России; среди последних отметим сочинения Пеллико. В архиве князя мы обнаружили заметку на итальянском, написанную, вероятно, сразу после прочтения воспоминаний Пеллико. Она показывает, что Вяземский определенно способен был прочитать текст на итальянском и отчасти оценить его красоту,

Данте; так же он поступил в Риме (к сожалению, нам неизвестно имя его учителя, с которым он читал Тассо, Ариосто и Макиавелли (письмо 6 (18) января 1833) [АБТ: 149]). Осенью 1833 г., вернувшись во Флоренцию, он возобновил занятия с Пепе, обогатив программу современным автором, Никколини [Там же: 373].

⁷⁰² Он слушал главным образом выступления священника из Кьети Дж. Вентуры (1792–1861), проповедника и писателя.

⁷⁰³ В письмах приведены несколько стихов из «Неистового Роланда» [АБТ: 107, 117, 140, 178]; несколько стихов Giovanni Giraud (1776–1834) [Там же: 138, 145]; «Рай» Данте [Там же: 190] «Танкреди» Никколини [Там же: 373].

⁷⁰⁴ F. Algarotti “Frammento dagli effetti dell’industria”; G. Filangeri “Delle leggi politiche ed economiche”; P. Verri “Il commercio in genere, sulle tariffe, sul bilancio commerciale, degli elementi del commercio”, а также сочинение Паолетти (вероятно, Фердинандо (1717–1803), тосканского агронома).

⁷⁰⁵ Ср. письмо Жуковского Тургеневу от 15 (27) января 1833 из Веве: «Получил любезное письмо от Вяземского. Он вице-директор департамента торговли! Смех, да и только! Славно употребляют у нас людей» [Письма Жуковского к А. И. Тургеневу: 273].

⁷⁰⁶ Упоминается “Saggio di nomenclatura familiare, col frequente riscontro delle voci napoletane alle italiane” К. Меле (1792–1841), автора дидактических книг и переводчика книги де Местра “Le Lépreux de la cité d’Aoste” («Прокаженный из Аосты») [АБТ: 177].

поскольку он отметил несколько самых трогательных эпизодов из «Моих темниц»⁷⁰⁷.

⁷⁰⁷ Ср. [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1113. Л. 182], заметки от 11 (23) июня 1835: “Io amo appassionatamente la mia patria, ma non odio alcun'altra nazione”; “...io sperai di morire. Sì; l'espressione è esatta: sperai”.

“Maroncelli non mise un grido. Quando vide che gli portavano via la gamba tagliata, le diede un'occhiata di compassione, poi, voltosi al chirurgo operatore, gli disse: «Ella m'ha liberato d'un nemico, e non ho modo di remunerarnela». V'era in un bicchiere sopra la finestra una rosa. «Ti prego di portarmi quella rosa» mi disse. Gliela portai. Ed ei l'offerse al vecchio chirurgo, dicendogli: «Non ho altro a presentarle in testimonianza della mia gratitudine». Quegli prese la rosa, e pianse”.

“Non era bella, ma dotata di tale espressione di gentilezza, che i contorni alquanto irregolari del suo volto sembravano abbellirsi ad ogni sorriso, ad ogni moto de' muscoli”.

“La donna, quando è ciò che debb'essere, è per me una creatura sì sublime! Il vederla, l'udirli, il parlarle, mi arricchisce la mente di nobili fantasie”.

“Eppure... (gli eppure sono indispensabili per dipingere l'uomo, ente sì composto) fra quelle voci femminili ve n'avea di soavi, e queste — e perché non dirlo? — m'erano care. Ed una di quelle era più soave delle altre, e s'udiva più di rado, e non proferiva pensieri volgari. Cantava poco, e per lo più questi soli due patetici versi:

Chi rende alla meschina
la sua felicità?”

Перевод: «Я страстно люблю свою страну, но не ненавижу никакой другой народ»; «...Я надеялся умереть. Да; выражение точно: я надеялся».

«Марончелли не кричал. Когда он увидел, что его отрубленную ногу отнимают, он одарил ее сострадательным взглядом, затем, повернувшись к оперировавшему хирургу, сказал ему: “Ты освободил меня от врага, и я не в силах отплатить вам”. В стакане над окном была роза. “Пожалуйста, принесите мне эту розу”, — сказал он. Я принес ему. И он подал ее старому хирургу, сказав: “Мне больше нечего представить вам в свидетельство моей благодарности”. Он взял розу и заплакал».

«Она не была красива, но наделена таким выражением доброты, что несколько неправильные черты ее лица, казалось, украшались каждой улыбкой, каждым движением мускулов».

«Женщина, когда она такая, какой должна быть, для меня такое возвышенное существо! Видя ее, слыша ее, разговаривая с ней, мой разум обогащается благородными фантазиями».

«И все же... (они необходимы для изображения человека, такого спокойного существа) среди тех женских голосов были сладкие, и эти — а почему бы и не сказать? — они были мне дороги. И один из них был мягче других, и реже слышался, и не высказывал пошлых мыслей. Пел он мало, и в основном эти две патетические строчки:

Кто вернет бедняжке
ее счастье?»

В этом месте Вяземский прервался, потому что поставил характерный росчерк, который использовал вместо подписи, но затем продолжил: “L'innocenza è veneranda, ma quanto lo è pure il pentimento! Il migliore degli uomini, l'uomo-Dio, sdegnava egli

Итак, во время своего первого путешествия в Италию Вяземский хорошо знал язык, чтобы читать на нем книги, которых у него не было во французском переводе. В то же время он не мог свободно изъясняться по-итальянски, хотя нет сомнений, что простой разговор

di porre il suo pietoso sguardo sulle peccatrici, di rispettare la loro confusione, d'aggregarle fra le anime ch'ei più onorava? Perché disprezziamo noi tanto la donna caduta nell'ignominia? Ragionando così, fui cento volte tentato di alzar la voce e fare una dichiarazione d'amor fraterno a Maddalena. Una volta avea già cominciato la prima sillaba vocativa: "Mad!...". Cosa strana! il cuore mi batteva, come ad un ragazzo di quindici anni innamorato; e si ch'io n'avea trentuno, che non è più l'età dei palpiti infantili. Non potei andar avanti. Ricominciai: "Mad!... Mad!...". E fu inutile. Mi trovai ridicolo, e gridai dalla rabbia: "Matto! e non Mad!".

"E che sono questi carbonari?" "Li conosco così poco che non saprei dirvelo".

Arrossii e poi arrossii d'aver arrossito..."

Пер.: «Невинность достойна уважения, а тем более раскаяние! Разве гнушался грешниц самый лучший из людей — Богочеловек, разве не уважал Он их стыда, разве не причислял Он их к тем, кого Он больше уважал? Почему же мы так презираем женщину, впавшую в бесславию?»

Рассуждая так, я сотни раз пытался возвысить голос и выразить братскую любовь Маддалене. Раз уже произнес я первый слог ее имени: "Мад!.." Странное дело! Сердце забилось у меня как у влюбленного пятнадцатилетнего мальчика, а мне уже тридцать один год — возраст, не совсем подходящий для этих ребяческих трепетаний сердца.

Дальше первого слога не мог идти. Снова начал: "Мад!.. Мад!.." и бесполезно. Я показался самому себе смешным и вскричал в досаде: "Глупый! А не Мад!" <Здесь непереводимое созвучие слов. В подлиннике: "Matto, e non Mad">».

После еще одного перерыва он продолжил: "Louis 17 dans la Prison de Pellico.

— Quando non vedo il mio amante, mi annoio dappertutto fuorché qui.

— Ne sai tu il perché?

— Non lo so.

— Te lo dirò io: perché ti lascio parlare del tuo amante".

(«Людовик XVII в "Темницах" Пеллико.

— Когда я не вижу своего милого, я только здесь и не скучаю.

— Ты не знаешь, почему это?

— Не знаю.

— Я тебе скажу — почему. Потому что я не мешаю говорить тебе о твоём возлюбленном». — *франц., итал.*)

Эти выписки ставят нас перед вопросом, мог ли Вяземский делать их после чтения «Темниц», присланных ему Тургеневым из Италии. Ответ неясен, так как между выписками Вяземского и письмом Тургенева прошло всего двадцать два дня. Позже он также прочел "Dei doveri degli uomini" («Об обязанностях человека»), но во французском издании, хотя своей дочери Надиньке советовал прочесть эту книгу по-итальянски, см. [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Брошюра 105].

в состоянии был понять⁷⁰⁸. Можно даже предположить, что князю удалось бы гораздо глубже проникнуть в культурный мир Италии, если бы он мог провести месяцы в Риме в ином расположении духа. Если его соприкосновение с итальянской культурой оказалось поверхностным, в этом был виноват не языковой барьер, но исключительно его внутреннее состояние.

Вероятно, в 1834–1835 гг. Вяземский немного усовершенствовал знание языка, хотя и общался главным образом с людьми, прекрасно знавшими французский. За двадцать лет, прошедших между первой и второй поездкой в Италию, он должен был углубить свое знание предмета, о чем свидетельствует обнаруженная в Остафьевском архиве тетрадь, куда в 1853 г. он записывал свои языковые упражнения. В письме Булгакову из Венеции Вяземский подтверждал, что старается изо всех сил, «потее» над итальянской грамматикой [ПСС: X, 37]⁷⁰⁹, а в дневник того же периода он переписывал песни «Ада», прочитанные «с учителем» [Там же: 12]. Он уверял, что стихи Данте даются ему без труда: записи в дневнике подтверждают эти слова, так как в переводе отдельных стихов почти нет неточностей или неправильно подобранных слов [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1125. Л. 3]. Однако мы знаем, что он также пользовался тогда двуязычным изданием с французским переводом Ратисбона⁷¹⁰ и, следовательно, трудные места прояснял с помощью французского словаря. Правописание

⁷⁰⁸ В этой связи можно привести эпизод из народной жизни, свидетелем которого Вяземский стал в Риме (ср. Прил. I, письмо из Рима без даты), и публичное чтение поэтом Белли сонета, написанного в честь князя. Белли, который должен был прочесть Вяземскому сонет, и в самом деле сначала сомневался именно из-за языковых сложностей. Княгиня Волконская убедила его, что князь сможет его понять, и только тогда поэт, писавший на романеско, согласился. Как известно, Белли читал свои сонеты с выразительной интонацией, сопровождая чтение мимикой, и мы полагаем, что его исполнительское искусство могло облегчать понимание текста. В то же время в 1853 году Вяземский часто общался с представителями простого народа [ПСС: X, 12, 14, 18, 19, 70], а в 1864 году написал стихотворение «Старый гондольер» [Там же: XII, 84–87], где утверждал, что гондольер рассказал ему о своих приключениях на море и в лагуне, а он переложил их в стихи.

⁷⁰⁹ “Io sudo — io ho sudato — io suderò!” («Я потею, я потел, я буду потеть» — *итал.*)

⁷¹⁰ Л. Г. Ратисбон (1827–1900), писатель и публицист, библиотечарь Фонтенбло. Мы знаем, что князь приобрел перевод Ратисбона в конце 1852 г. в Дрездене [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1122. Брошюра 1].

Вяземского в те годы также было вполне корректным, если судить по тетради с отрывками из прозы, — судя по исправлениям, это были диктанты⁷¹¹. Наконец, можно упомянуть его венецианские стихотворения, в которых встречаются итальянские слова: в частности, “*Per obbedir la*” доказывает, что русский поэт проникся духом народа Венеции и смог уловить оттенки его необычного диалекта [ПСС: XI, 80, 84; XII, 26, 28, 57, 82, 94, 97, 102–103, 114].

В целом наш анализ показывает, что Вяземский постоянно интересовался итальянским языком, и это делало его важным посредником в личных итальянско-русских контактах. В его архиве сохранились письма от итальянцев, живших в России или за границей, которые писали ему на родном языке. Письма часто незначительны по содержанию, но они подтверждают, что в Петербурге было известно о том, что князь владеет итальянским языком, и это побуждало итальянцев, чаще всего представителей художественного мира, обращаться к нему с различными просьбами⁷¹².

В путешествиях и долгих зарубежных поездках Вяземский производил на окружающих впечатление широтой кругозора, блестящим умом и боевитым духом, который побуждал его прямо высказывать свою позицию в международных политических спорах. Он писал polemические статьи, которые стремился публиковать в местных газетах⁷¹³, соглашался на предложения быть официальным корреспондентом литературных журналов⁷¹⁴, а его поэтические сочинения публиковались в иностранных переводах⁷¹⁵. К сожалению, и здесь Вяземский

⁷¹¹ См. короткий прозаический отрывок на итальянском с различными исправлениями “*Cincinnati trovandosi in villa...*” («Цинцинат находится на вилле...»), что дает основание полагать, что это диктант, так как в нем встречаются ошибки, исправленные другой рукой [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1155. Л. 1].

⁷¹² В архиве хранятся только письма, адресованные Вяземскому, и до настоящего момента нам не удалось, к сожалению, обнаружить письма князя на итальянском или французском языках, отправленные его итальянским корреспондентам (см. три итальянских письма Баруффи [Прил. II]).

⁷¹³ См. статью Вяземского в “*Gazzetta Ufficiale di Venezia*” [Прил. I].

⁷¹⁴ См. письмо Л. Делатра Вяземскому с приглашением к сотрудничеству в журнале “*Les Beaux Arts*” и такое же предложение от Я. Крешини от падуанского журнала “*L'Euganeo*” [Прил. II].

⁷¹⁵ См. следующую главу.

оставался заложником своих эклектических установок, он легко отзывался на все культурные стимулы, но не шел далее тех знаний, которые казались ему достаточными, чтобы составить собственное и независимое мнение. Редко он увлекался настолько, чтобы углубиться в проблему и досконально в ней разобраться. По этой причине князь, несмотря на достаточно хорошее знание итальянского языка, не может быть отнесен, как мы покажем в следующих главах, к числу русских знатоков Италии XIX в.

ГЛАВА II

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СОЧИНЕНИЯХ ВЯЗЕМСКОГО

Как литературный критик Вяземский в первую очередь уделял внимание французской литературе; творчество отдельных ее представителей он знал досконально. Кроме того, он писал о немецкой и польской литературах, о некоторых английских и американских авторах. Касался он и итальянской литературы, — впрочем, не штудируя ее так же глубоко, как французскую. Тем не менее, его усилия на этой ниве заслуживают внимания. Его заметки об итальянской литературе в основном относятся к годам, проведенным по возвращении из Варшавы в Москве и Остафьеве, то есть к весьма плодотворному периоду литературного творчества первой половины его жизни.

Русские литераторы преимущественно интересовались итальянскими классиками, а главными источниками их критических суждений служили “La Littérature du midi de l’Europe” («Литература южной Европы») Сисмонди [Sismondi]⁷¹⁶ и „Histoire littéraire d’Italie” («Литературная история Италии») Женгене [Ginguené]⁷¹⁷; обе эти книги имелись и в распоряжении князя. Между 1820 и 1840 гг. возрастал интерес русской публики к итальянским писателям, неоднократно предпринимались попытки перевести их основные произведения. Благодаря этому не только наиболее просвещенные читатели стремились расширить свои познания в итальянской литературе, но и критики все чаще обращали к ней свои взоры.

Итальянская литература интересовала многих друзей Вяземского, и мы уже упоминали в этой связи заслуги Александра Тургенева, который часто ссылался на итальянских авторов. Кроме того, нельзя

⁷¹⁶ Жан-Шарль-Леонар Симонд де Сисмонди (1773–1842) — швейцарский экономист и историк.

⁷¹⁷ Пьер-Луи Женгене (Ginguené, 1748–1816) — французский литератор и историк.

забывать, что одним из лучших друзей Вяземского был Пушкин, любовь которого к итальянской поэзии хорошо известна. К кругу ближайших друзей князя принадлежал Батюшков, который был, пока его разум не затмила болезнь, одним из самых горячих пропагандистов итальянских литературных ценностей в России.

Постепенно в России появлялось все больше литераторов — поклонников Италии, самыми заметными среди них считались С. Е. Раич⁷¹⁸, И. И. Козлов, С. П. Шевырев. Беседы с ними, несомненно, могли вдохновить князя на то, чтобы и самому лучше узнать итальянскую литературу. Такая возможность появилась у него благодаря покупке «Новелл» Боккаччо во французском переводе Мирабо [Vossacse]. Поначалу создается впечатление, что Вяземский всерьез собирался взяться за чтение и разбор этого произведения. Во всяком случае он, по-видимому, внимательно изучил справку о Мирабо в «Биографиях современников» [Biographie nouvelle]. Приведенные в ней сведения заставили его усомниться в авторстве перевода, поскольку в «Биографиях современников» упоминался лишь перевод Тибулла, «напечатанный под именем Мирабо», но и в этом случае было неясно, действительно ли перевод был выполнен самим французским писателем⁷¹⁹. Между тем, анализ записи Вяземского показывает, что «проверка» биографической справки о Мирабо помогла удовлетворить любопытство, но не более того. Ограничившись этим, в своей заметке он просто пересказал «Обращение к читателю», которое предваряло французское издание.

В первую очередь Вяземский с присущей ему иронией укоряет французов, что своим «офранцузенным» и «облагороженным» переводом они исказили подлинник [ЗК: 71]. Он недоумевает, отчего на них «нападут <...> целомудренные опасения, совестьливость», когда они имеют дело с текстом на иностранном языке, и осуждает этот род гордыни, поскольку переводчику следовало бы смиренно «покориться» оригиналу, спрятать «свой ум» и «свои мнения», дабы свободно царил дух оригинала. К сожалению, в собственной оценке князь не идет дальше, ограничиваясь общими рассуждениями о методах

⁷¹⁸ Известны его переводы с итальянского и с латинского.

⁷¹⁹ Мирабо считают настоящим переводчиком Боккаччо.

перевода, которые часто повторяются в его критических статьях, несмотря на все его преклонение перед французской культурой.

По мере того, как Вяземский развивает свою мысль, становится очевиднее, что в юные годы он не получил достаточно системного образования. Впрочем, и позднее ему не удалось выработать в себе привычку к последовательным занятиям. Его критика перевода не шла дальше внезапных озарений, не подкреплённых методичной подготовкой. В своих заметках он просто воспроизводит утверждение французского переводчика, что итальянцам свойственно преувеличивать заслуги Боккаччо. Мирабо не находил в его прозе выдающегося содержания, а от эстетических оценок воздерживался, поскольку оценить ее могли только итальянцы. Вяземский придерживается тех же формулировок и замечает, что Боккаччо принадлежит в итальянской прозе то же место, что Петрарке в поэзии. Разумеется, князь не решается давать стилистическую оценку произведению, которое читал во французском переводе. Он снова следует за мнением переводчика, утверждавшего, что успех «Декамерона» был обусловлен историческими условиями XIV в., в то время как в конце XVIII в. содержание новелл уже не вызвало бы большого интереса. Мирабо считал, что творение Боккаччо излишне затянуто, и взял на себя смелость сократить его, адаптировать для современников, сведя до нескольких строк описание флорентийской чумы [Воссасе: I, L]. Этому самовольному решению переводчика князь нашел весьма ироничную аналогию: сокращения Мирабо напомнили ему решительные действия генерала Еропкина по усмирению Чумного бунта 1771 г. в Москве [ЗК: 71]⁷²⁰.

К сожалению, неизвестно, была ли у Вяземского возможность сравнить краткую версию Мирабо с оригиналом. Тем не менее, мы склонны считать, что Вяземский был знаком с полным текстом, — в противном случае эта курьезная аналогия, характерный образец остроумия князя, не могла бы прийти ему на ум. Неизвестно, сколько и какие страницы «Декамерона» прочел Вяземский: с уверенностью можно только утверждать, что он знал сказку о трех кольцах,

⁷²⁰ Речь идет о бунте в Москве 15–17 сентября 1771 г., вызванном эпидемией чумы и бездействием властей, жестоко подавленном генералом П. Д. Еропкиным. О нем см. также стихотворение «Дружеская беседа» [ПСС: IV, 99–100].

приведенную «Лессингом в его Нафане Мудреце» [ЗК: 71]. По нашему мнению, он скорее бегло изучил книгу, ведь сам он говорил о себе: «Я нашел сходство между собою и Лейбницем. Он читал много, mais il redoutait les livres dont le poids et la masse relentissent la lecture⁷²¹ <...> Я много читаю, но не хочу *всего* читать» [ПСС: X, 124–125].

В конце своих кратких заметок Вяземский упоминает лафонтеновские подражания новеллам Боккаччо, включенные во французское издание «Декамерона». «Басни» Лафонтена также кажутся князю «холодными, растянутыми»: «искры веселости» мелькают в них лишь изредка, а потому в них мало жизни. Здесь оценка выглядит более самостоятельной, поскольку Вяземский достаточно хорошо знал Лафонтена, — жанр басни ценили все русские писатели этого времени. Перевод Мирабо, помимо прочего, давал ему возможность сравнить подражания и оригинал [ЗК: 71].

Князя восхищал разносторонний талант Боккаччо, который был не только новеллистом и выдающимся ученым, но также и политиком, «поверенным в важных делах и посольствах, возложенных на него правительством» [Там же]. К тому же в последний период жизни «посвятил он себя духовному званию» [Там же], — так по ошибке Вяземский характеризует уединенную и созерцательную жизнь Боккаччо в поздние годы. По мнению князя, подобные противоречия в жизни средневекового человека лишь делали его характер более цельным, в то время как в XIX в. «на жизнь человека» хватало единственного рода деятельности, а перемены в ней происходили только из-за смены политической ситуации [Там же].

Вяземский мимоходом говорит также о поэзии Боккаччо, которую Мирабо в «Обращении к читателям» называет посредственной, и отмечает только, что Боккаччо был изобретателем итальянской октавы [Там же]⁷²²; ср.: [Sismondi: 14]. Кроме того, он перечисляет некоторые поэмы из греческого цикла — «Фезеиду» и «Филострата». Среди латинских сочинений Боккаччо он ограничивается упоминанием без каких-либо критических замечаний «О генеалогии богов» и «О горах,

⁷²¹ «...но опасался книг, вес и объем которых замедляют чтение» — *франц.*

⁷²² Вяземский добавляет, что октава была присвоена «всеми эпопеями италянскими, гишпанскими и португальскими» [Там же].

лесах и реках», из романов называет «Филоколо» и «Фьямметту», лишь кратко характеризуя героиню последнего романа [ЗК: 71]⁷²³.

Таким образом, Вяземский придерживался взглядов, изложенных в «Литературе южной Европы» Сисмонди. Из этой книги он почерпнул несколько биографических фактов, подогревших его интерес к Боккаччо. Он видел в великом итальянском писателе прежде всего выдающегося распространителя культуры, поскольку Боккаччо прививал в Италии «любовь к познаниям и к греческому языку» [Там же].

В целом эта заметка фрагментарна и подтверждает лишь, что князь хотел больше узнать об итальянской литературе и зафиксировать в памяти основные факты⁷²⁴.

Среди его поверхностных наблюдений обращает на себя внимание интересная отсылка к пушкинской поэме «Граф Нулин», которую Вяземский называет «сказкой Боккаччо XIX века». Замечание это, во-первых, позволяет установить дату самой заметки, поскольку «Граф Нулин» был написан в 1825 г. и впервые опубликован в 1827. Не исключено, что Пушкин читал Вяземскому поэму в рукописи, но это не могло произойти ранее сентября 1826 г., когда поэт вернулся в Москву по окончании ссылки в Михайловском. Поэтому мы склоняемся к мысли, что запись была сделана в конце 1826 или, самое позднее, в начале 1827 г.⁷²⁵. Если мы не ошибаемся, князь — первый, кто сравнил сюжет поэмы Пушкина с новеллами Боккаччо. Это не удивительно: блестящее воображение Вяземского при встрече с новым текстом помогало ему находить аналогии. Оригинальность его догадки не умаляет даже опубликованный вскоре после выхода поэмы ответ

⁷²³ Здесь Вяземский ссылается на Сисмонди, который писал, что английский перевод «Фезеиды» принадлежит Чосеру, отцу английской поэзии, а затем его переработал Драйден [Sismondi: 14–17].

⁷²⁴ Кажется, князь начал размышлять об этом, так как в то время его интересовала личность Мирабо. В заметке он внезапно переходит к рассуждениям о французском революционере, а затем вновь возвращается к изданию новелл Боккаччо и отмечает, что французский автор хотел закончить свое издание персидской сказкой «Chatem Thai». В ней его заинтересовал следующий фрагмент: «Старику явилась женщина красоты чудесной, в наготe; он взял ее за руку, и она исчезла. С той поры он помешался и твердил беспрестанно: J'ai vu jadis et je voudrais revoir encore» [ЗК: 72] («Я некогда увидел и хотел бы видеть вновь» — *франц.*).

⁷²⁵ См. примечание В. С. Нечаевой [Там же: 396].

Пушкина на выпады критиков, упрекавших его произведение в безнравственности. В нем Пушкин задается вопросом, возможно ли, что его критики лишь по именам знают творцов шуточных повестей — Ариосто, Боккаччо и других писателей, а потому не признают, что шуточная безнравственность не умаляет художественной ценности написанного [Пушкин: XI, 156].

Почему «Графа Нулина» можно было назвать рассказом в духе Боккаччо? Прежде всего, поэма эта создавалась Пушкиным в особых условиях: пребывая в сельском уединении, подобно десяти рассказчикам в новеллах «Декамерона», поэт мог дать волю фантазии, не беспокоясь о внешнем окружении. В то время Пушкин с живым интересом изучал Шекспира и, перечитав «Лукрецию», «довольно слабую поэму» английского писателя [Там же: 188], высказал шуточное предположение, что мировая история могла бы пойти иным путем, если бы Лукреция дала Тарквинию пощечину. Тогда он решил сочинить пародию на творение Шекспира и за два утра написал короткую поэму «Граф Нулин», сюжет которой основан на истории, произошедшей якобы незадолго до того в одном из соседних имений.

К сожалению, не зная, какие именно новеллы «Декамерона» читал Вяземский, мы не можем развить его сопоставление. Впрочем, оно, по нашему мнению, было самым общим и не подразумевало точных аналогий, за исключением морально-содержательной. Вяземский, не вдаваясь в детальный анализ, использует сопоставление для полемики с русскими критиками, которые, не заметив этой параллели, могли бы искать в поэме Пушкина «романтизм, байронизм», и не понимали, что ее сюжет просто был отражением живого пушкинского воображения [ЗК: 72]⁷²⁶.

Несколько месяцев спустя Вяземский написал критическую заметку о статье С. Е. Раича в альманахе «Северная лира» [Раич: 39–43], в которой проводилась параллель между Петраркой и Ломоносовым. Интерес Вяземского к Петрарке обнаруживается уже в записи о Боккаччо, где князь отмечает, что тот был другом «целомудренного Петрарки» [ЗК: 71]. Что касается Раича, он пытался установить сходство

⁷²⁶ Вяземский употребляет термин «приапизм» — от Приапа, греческого бога плодородия и, стало быть, «сексуальности».

между итальянским писателем и отцом русской поэзии. По мнению Пушкина, подобное сопоставление, могло бы быть «любопытным и остроумным», потому что оба писателя заложили основы литературы своих стран, тем более, что истинную славу им обеспечило их поэтическое мастерство, хотя уже при жизни они стали знамениты благодаря разнообразной общественной и научной деятельности [Пушкин: XI, 48].

Заметка Вяземского позволяет заключить, что с предложенной Раичем идеей такого сравнения он в общем был согласен, но вместе с Пушкиным оспаривал некоторые утверждения русского литератора. Не согласен он был с тем, что стихи Ломоносова отличаются «исключительной свежестью и силой», обусловленной влиянием античных авторов, и не считал, что тот «умел счастливо перенести в свои творения много, очень много итальянского и даже некоторые, так называемые, *concetti*⁷²⁷» [ПСС: II, 29]. Вяземский не соглашался с этим утверждением и, рассуждая о происхождении и ценности *concetti* как источника обогащения итальянской поэзии, приходил к заключению, что изысканность *concetti* в целом служила «безобразной прикраской» итальянских стихов и что, если Ломоносов и перенес их в русскую поэзию, это лишь ослабило ее выразительность. Искусственность стиха Ломоносова, по мнению Вяземского, объясняется дурным вкусом XVIII в., отдававшего предпочтение панегирической поэзии, безраздельно царившей в эту эпоху. Кроме того, у Ломоносова не было подражателей, которые сравнились бы с ним в поэтическом мастерстве, как не было и здоровой литературной критики, без которой невозможно отточить вкус и эстетическую форму [Там же]⁷²⁸. В нем слишком видно следование формальным предписаниям Буало, воспринятым через образцы немецкой поэзии, подражавшей в то время французской школе. Словом, так называемое благотворное влияние Италии лишь дополнительно утяжелило русский стих, а приведенная Раичем строфа «Похвальной Оды III» не могла убедить читателей в справедливости

⁷²⁷ Концепции, идеи — *итал.*

⁷²⁸ Пушкин же просто ограничился тем, что подверг сомнению аргументацию Раича [Пушкин: XI, 48].

его утверждений, потому что для русских была лишним примером искусственного стиля Ломоносова.

Если Вяземский обратил внимание, главным образом, на ошибочную интерпретацию *concelli*, то Пушкин отмечал у Раича нелепое сопоставление любви Петрарки к Лауре и уважения Ломоносова к Петру Великому и императрице Елизавете Петровне. Желая выдержать сравнение до конца, Раич указывал, что Петрарка написал латинскую поэму «Африка», в то время как у Ломоносова соответствующее латинское сочинение отсутствовало. Наконец, он тонул в бесполезных подробностях, размышляя, к примеру, что мог бы ответить Ломоносов королю Роберту Неаполитанскому, если бы тот спросил его, а не Петрарку, почему тот не представился французскому королю Филиппу [Пушкин: XI, 48]. Остановившись на этих примерах, Пушкин оспаривал достоинства статьи Раича.

В заметке Вяземского нам хотелось бы обратить внимание на пассаж, который помогает прояснить авторские установки: князь осуждал Раича за попытку сравнить двух писателей, в то время как «в характеристических сравнениях двух авторов бывает более полуистин, чем истины; более изысканности, насильственности, чем естественных прикосновений» [ПСС: II, 28]. В подтверждение он ссылается на авторитет Ривароля, который на представленное ему сравнение Расина и Корнеля отвечал: «По моему мнению, можно сравнение наших трагиков сократить таким образом: общее в них, что тот и другой писали трагедии; разность, что одного звали Фома Корнель, другого Иван Расин» [Там же: 28–29]. При этом сам князь нередко проводил аналогии, повинувшись интуиции, почти мимоходом [Kauchtschishwili 1963: 112–125]. С его точки зрения, ошибка Раича заключалась в попытке шаг за шагом проанализировать возможные параллели между двумя авторами, рискуя впасть в комизм. Возможно, Вяземский не принял этот опыт, потому что подобные сопоставления выявляли ограниченность и опасность его собственных аналогий, которыми он часто гордился.

В конце концов он не отказывал сочинению Раича в литературных достоинствах, хваля его за хороший язык и знание итальянской литературы, а также за то, что он привлекал внимание русских литераторов к итальянской поэзии. Возможно, и сам он намеревался способствовать

более глубокому знакомству между двумя мирами и с этой целью написал свою заметку. Мы считаем, что она представляет собой заготовку, которую в дальнейшем предполагалось включить в более подробный очерк об итальянской литературе, тем более, что князь обыкновенно брался за более масштабные задачи, только собрав достаточное количество материалов по теме. Между 1821 и 1830 гг. он подбирал многочисленные материалы о самых разных литературных тенденциях, намереваясь затем написать полноценные очерки; однако эти проекты практически не были реализованы, за исключением монографии о Фонвизине [ПСС: V]⁷²⁹.

Эти две заметки — самое значимое из написанного князем о Боккаччо. Он не раз будет обращаться к фигуре Петрарки, но его личность и творчество он упоминает лишь кратко и мимоходом. Рассмотренные нами заметки, тем не менее, проливают свет на тесную духовную связь между Пушкиным и Вяземским. Несмотря на разлуку друзей в период ссылки Пушкина, их мысли нередко совпадали, а художественные вкусы были достаточно близкими. Анализируя «Графа Нулина», Ло Гатто задается вопросом, почему у Пушкина сильное впечатление от Шекспира вылилось в желание пародировать его поэму «Лукреция». Ученый дает такой ответ: «Превращать предмет острого интереса в объект пародии — соблазн, которым Пушкин часто поддавался» [Lo Gatto 1960: 302], и мы полагаем, что эта характеристика может быть отнесена и к Вяземскому. При чтении его писем порой возникает впечатление, что чем больше его вдохновляло какое-то явление, тем более легко он шутил над ним; см., например, описание римского карнавала 1835 г.⁷³⁰

Вяземский не раз упоминает Петрарку и в одной из записей сравнивает итальянского поэта с русским — Нелединским-Мелецким⁷³¹, изящные стихи которого нередко представляли собой переработку французского оригинала или просто стихотворения на случай. Вяземский

⁷²⁹ К наиболее развернутым работам князя также можно отнести статью о сонетах Мицкевича, предисловие к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина, сравнение Языкова и Гоголя, монографию о В. А. Озерове, некрологи И. И. Дмитриеву и П. А. Плетневу.

⁷³⁰ См. письмо от 21 февраля (5 марта) [Прил. I].

⁷³¹ Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1751–1828). Вяземский посвятил ему очерк «Ю. А. Нелединский-Мелецкий» [ПСС: II, 180–194].

ценил его как образованного человека, типичного представителя русской культуры конца XVIII столетия и большого друга своего отца. Разумеется, как о поэте он был о нем невысокого мнения, и оттененное иронией сопоставление имеет в данном случае скорее биографический характер, потому что единственной точкой соприкосновения между двумя поэтами была склонность Нелединского воспевать прелесть женской красоты, постоянного предмета его страсти в поэзии и в жизни. По мнению князя, в душе этого поэта горел неугасимый жертвенный огонь перед кумиром женского пола; кумиры быстро сменяли друг друга; но служение каждому было одновременно бескорыстным и пламенным. Вяземский с иронией резюмировал, что разница между Нелединским и Петраркой состояла в том, что у итальянского поэта в жизни была только одна Лаура, а у Нелединского — несколько Лаур. Вяземский и в других случаях называл его «Нелединский, этот наш Петрарк», всегда, однако, подразумевая именно его преданность прекрасному полу⁷³². Самого Петрарку Вяземский упоминал в том числе и в стихах именно как певца любви к женщине. Как видно, его представление об итальянском поэте было несколько поверхностным, и только в 1865 г. в его поздней любовной лирике, вдохновленной необычайной красотой графини Ламздорф⁷³³, можно обнаружить непосредственные отсылки к поэзии Петрарки.

Наряду с Боккаччо и Петраркой, русские читатели знали творчество Тассо, главным образом «Освобожденный Иерусалим». Сколько мы знаем, одна из первых попыток перевести несколько песен поэмы

⁷³² «Нелединский, этот наш Петрарк, своими песнями, дышащими нежностью глубокого и тонкого чувства, особенно восхищался постепенностью и верностью трех последних стихов. Кажется, стихи Шувалова не переводимы на русский язык стихами. Доказательством тому, между прочим, служит и то, что Нелединский, так сочувствовавший этим стихам и так набивший руку на переводы, не пытался их перевести. Можно приблизительно передать следующим образом смысл этих стихов (повторяем, смысл, а не душу, не прелесть): “Эта непобедимая любовь, которую ношу в груди, о которой не говорю, но о которой все вам свидетельствует, есть чувство чистое, пламень небесный. Питаю ее в себе, но, увы! напрасно. Не хочу быть апостолом обольщения: я был благополучен, встречая вашу взаимность, проживу свой век несчастным, если вы меня не полюбите, умру со скорби, если полюбите другого”» [ПСС: VIII, 186].

⁷³³ Мария Ивановна Ламздорф (урожд. Бек, 1839–1866) — падчерица П. П. Вяземского, «приемная» внучка поэта.

прямо с итальянского была предпринята в 1808 г. К. Н. Батюшковым⁷³⁴. В известных нам материалах Вяземского его перевод не упоминается, отсылок к нему нет и в переписке 1817 г., когда Батюшков был занят составлением нового сборника своих сочинений, куда включил и перевод Тассо. Видимо, Вяземский тогда был настолько поглощен подготовкой к скорому отъезду в Варшаву, что не обратил на него внимания. Батюшков познакомил русских с некоторыми деталями творческого пути Тассо: в своем стихотворении «К Тассу» он воспевал как творения, так и источники вдохновения поэта [Батюшков: 80–83]⁷³⁵.

Как мы писали выше, имя Тассо было на слуху благодаря Байрону и мадам де Сталь, которые прославили серенады, наполнявшие воздух над венецианскими каналами октавами о Танкреде и Армиде. После 1813 г. с Тассо познакомились и русские любители музыки, примкнувшие к сонму европейских поклонников итальянской оперы и восторгавшиеся каватинами Россини из оперы «Танкред».

Первая документально подтвержденная встреча Вяземского с итальянской поэмой XVI в. относится в 1819 г., когда он прочел ее французский перевод, выполненный Баур-Лормианом [Baour-Lormian]⁷³⁶. К сожалению, приходится признать, что знакомство это оказалось совершенно бесплодным. Мы считаем, что, полностью поглощенный новым для него миром Варшавы, он без большого внимания отнесся к шедевру Тассо. Собственно, за чтение он принялся, случайно купив французский перевод поэмы в одной из книжных лавок польской столицы [Нечаева 1937б: 89]. Князь счел перевод «весьма хорошим», вопреки обычно свойственной ему привычке к критике. Кроме того, отзыв противоречил его негативной оценке французских переводчиков [ОА: I, 359]. После чтения этой версии «Освобожденного

⁷³⁴ Батюшков хорошо знал итальянский язык, потому что обучался в петербургском пансионе, открытом итальянцем. В 1817 г. он написал элегию «Умиравший Тасс» с эпиграфом из трагедии «Торризмондо» [Батюшков 1955: 266–270]. Наряду с Тассо он вдохновлялся стихами Петрарки, Ариосто и Касти. Первый русский перевод поэмы был выполнен с французского языка М. И. Поповым в 1772 г.

⁷³⁵ В XIX в. в Италии появилось множество сочинений, вдохновленных творчеством и личностью Тассо, известностью пользовалась книга Дж. Компаньони «Le veglie di Tasso» («Бдения Тассо», Париж, 1800).

⁷³⁶ Современники сильно критиковали этот перевод.

Иерусалима» он не знал, «что может быть скучнее поэмы эпической» [ОА: I, 359].

В годы уединения, проведенные между Остафьевым и Москвой, Вяземский не был обременен душевно, а потому более, чем в Варшаве, расположен серьезно отнестись к этому произведению итальянской литературы. Непосредственным поводом снова стал альманах Раича, во второй части которого на суд русских читателей были представлены его переводы нескольких песен «Освобожденного Иерусалима». Ознакомившись с новой версией перевода и более пристально изучив эстетические и стилистические проблемы, которые в нем выдвинулись на первый план, Вяземский написал еще один критический комментарий [ПСС: II, 29–30]. Его размышления касались главным образом формальных аспектов, он попытался оценить сложности, с которыми столкнулся бы любой русский переводчик в попытке передать итальянскую октаву.

Раич использовал двенадцатистрочную строфу, которую критики того времени не считали подходящей для передачи октав Тассо, тем более что октаву уже опробовал в своей лирике Жуковский. Однако Вяземский признавал, что подобрать поэтическую форму, соответствующую стихам Тассо, было бы сложно в любом случае. Он считал русскую рифму слишком бедной, а потому итальянская октава оказывалась «неприступна для большого творения. Александрийский стих слишком важен <для итальянской поэмы. — Н. К.> и утомителен со временем» [Там же]. Взвесив эти доводы, князь заключил, что выбранная Раичем форма была, вероятно, единственным оправданным вариантом.

Пушкин не отозвался отдельно на заметку по поводу «Иерусалима» Раича, однако известно, что считал его скверным стихотворцем, да и сам Вяземский невысоко ценил талант Раича. Несмотря на это, князь готов был признать, что его усилия все же заслуживают одобрения. Он считал, что стихи переводчика «часто живы и сочны, почти всегда звучны и вообще хороши. В отрывке: *Смерть Свенона*, язык вернее, строже и зреее, чем в прежних опытах: в нем гораздо менее и почти вовсе не находится прежде встречавшихся заимобразных оборотов Жуковского, которые могут быть хороши у него,

потому, что они его коренные, но становятся погрешными, когда они пересежены на чужую почву» [ПСС: II, 30]. Сегодня мы строже судим перевод Раича, но в эпоху Вяземского он стал заметной вехой в знакомстве широкой образованной публики с красотами итальянской поэзии. Отзыв князя следует оценивать именно в этом контексте, тем более что он и сам благодаря этой версии перевода заново открыл шедевр, который несколькими годами ранее не показался ему значительным.

Через несколько лет еще один литературный единомышленник князя, С. П. Шевырев, решил взяться за новый перевод этой поэмы итальянского Чинквеченто. В 1831 г. Шевырев находился в Италии, где ближе познакомился с языком и проблемами итальянского поэтического искусства. Не случайно он не сразу приступил к переводу, решив сначала проанализировать проблему в статье «О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение» [Шевырев 1831a]. Чтобы доказать, что подобное действительно возможно, он включил в статью фрагмент перевода «Иерусалима», над которым работал в то время. Шевырев в своей статье полемизировал с Раичем и упрекал за отказ от октавы в переводе; однако создается впечатление, что сам он отклонялся от проблемы, ведь никто не отрицал саму возможность использовать октаву в русской версии. Раич просто принял расхожую точку зрения, согласно которой с тех самых пор, как Жуковский начал использовать октавы, они воспринимались в России как форма для лирических стихотворений, а не для длинных поэм, разделенных на песни.

Мнения литераторов о новом переводе Тассо разделились. И. И. Дмитриев призывал Вяземского сопоставить его с переводом Раича и спрашивал: «...находите ли вы в метрах и поэтическом языке Шевырева музыкальность, силу и выразительность, которой, по словам его, недостает в русской поэзии нашего времени» [Письма Дмитриева: 182]. В самом деле, нельзя утверждать, что версия Шевырева качественно превосходит вариант Раича. Оба были весьма посредственными поэтами, а для подобного труда требовался мастер поэтического искусства, а не просто рядовой литератор, вооруженный благими намерениями. Поэтому Вяземский принял сторону Дмитриева и, даже будучи другом Шевырева, к которому второй критик не

испытывал большой симпатии, признавал, что новое русское издание «Иерусалима» ничем не лучше предыдущего. Более того, он ругал перевод Шевырева за большое количество неточностей, отзывающихся «Мерзляковым, который, по словам Жуковского, *побирался у соседей*, когда настоящее слово, слово собственное, не ложилось под перо, или не могло уломаться в стих» [Письма Вяземского к Дмитриеву 1868: 642]. Заботясь о чувствах своего приятеля, он сожалел, что «Шевырев пустился на подобную проказу, потому что в нем есть ум, знания, способность, и, держась дороги своей, мог бы идти хорошо и далеко. Он — не поэт, а литератор в роде Баранта. Критические статьи его всегда заслуживают внимания» [Там же].

Вместе с тем эти переводческие опыты пробудили всеобщий интерес к «Освобожденному Иерусалиму» и подвигли самого Вяземского с большим вниманием отнестись к поэме, хотя мы убеждены, что она была знакома ему с юных лет. Судя по всему, у его отца был экземпляр лучшего творения Тассо: упоминания о нем изредка встречаются в сочинениях князя, что указывает на некоторое знакомство с ним еще до покупки перевода Баур-Лормиана в Варшаве [ЗК: 47; ПСС: II, 123]⁷³⁷.

С нашей точки зрения, Вяземский справедливо видел в Раиче пропагандиста итальянской культуры в России и надеялся, что его знания и любовь к итальянской литературе смогут ближе познакомить соотечественников с самыми заметными ее представителями, предлагая их вниманию «в прозаических переводах и критическом рассмотрении лучших писателей итальянских, стихотворцев и прозаистов» [ПСС: II, 30]. С другой стороны, он подчеркивал, что переводить поэзию всегда менее полезно, чем прозу, хотя переводчики легко поддаются соблазну рифмы. Необходимо учитывать, напоминал Вяземский, что

⁷³⁷ Князь пишет о М. М. Хераскове (1733–1807), который подражал Тассо в поэме «Россиада» (1799), посвященной взятию Казани Иваном Грозным, и негодует, что подобный автор побеспокоил память Тассо [ПСС: VIII, 27–28]. На соседних страницах князь делает и другие отсылки к Тассо, в частности в связи с общими рассуждениями о европейской литературе. См. также упомянутое выше стихотворение «Черные очи» [Там же: IV, 42], в котором глаза прекрасной девушки пламенеют, как «песни Торквато», а также стихотворения «К Кокошкину и Мерзлякову» (1814) [Там же: III, 53], «К перу моему» (1816) [Там же: 123]. Еще одна отсылка к Тассо содержится в стихотворении “Kennst du das Land” (1836) [Там же: IV, 120], где он сравнивает Жуковского и Тассо, называя первого «наш Торквато».

«могущество стихотворства так сильно, что, забывая о подлиннике, мы судим перевод, как оригинальное творение; переводы в прозе полезнее, более действуют на язык, на который переводят, более пускают идей, образов в обращение и всегда совершеннее знакомят и сближают литературы и языки. На переводчике в стихах лежат две неволи, а и с одною справиться тяжело» [ПСС: II, 30].

Оценки Вяземского обусловлены особым состоянием русского литературного мира той эпохи; поскольку возраст новой национальной литературы исчислялся всего лишь одним столетием, писатели стремились обогатить и разнообразить структуру поэтического и литературного языка через максимальное сближение его с языком народным. Кроме того, рассматривалась и возможность обогащения языка через труд переводчиков, которые вынуждены были привносить в русский язык понятия, доселе славянскому миру не знакомые, а потому не имевшие словарного соответствия. Мы убеждены, что вклад итальянской литературы в этом смысле мог бы быть значительным, если бы вся Россия не находилась под почти абсолютным влиянием французской и немецкой культур.

До сих пор других значимых записей Вяземского о классической итальянской литературе не обнаружено. Обращает на себя внимания и тот факт, что у него нет ни одной заметки о Данте. Личность и произведения автора «Божественной комедии» князь упоминает неоднократно, однако без какой бы то ни было оценки. На наш взгляд, здесь проступает еще одно свойство характера нашего автора: вероятно, он считал творение и саму личность Данте слишком масштабными и сложными, чтобы углубиться в их изучение, полагаясь лишь на собственную блестящую интуицию. А может быть, он был слишком развлечен иными планами, чтобы взяться за серьезный анализ «Божественной комедии».

Вяземский, вероятно, достаточно хорошо знал творение Данте и даже охотно упоминал знаменитые строки, например, терцину из третьей песни «Ада»: “Lasciate ogni speranza...” («Оставь всякую надежду...») [ОА: I, 200, 244; II, 40]. Однако эти стихи были широко известны и входили в культурный багаж эпохи, посему знакомство с ними не доказывает глубокого понимания произведения Данте.

Вместе с тем удивительно, что в этот период еще не существовало полного перевода «Божественной комедии» на русский язык, в начале XIX в. были переведены только некоторые части поэмы.

Вяземский и его друзья понимали значительность этой лакуны и в то же время осознавали, какую сложность представляет создание достойного русского перевода. Поэтому все надеялись, что Батюшков примется за эту работу в Италии, где его поэтическое искусство могло бы легко подчиниться ритму дантовских терцин. По некоторым сведениям, Батюшков действительно начал переводить поэму, но по необъяснимой причине в конце концов сжег рукопись [ОА: II, 217; Стурдза]. Творение Данте искушало всех русских знатоков Италии, а С. П. Шевырев в 1843 г. обещал Вяземскому опубликовать две песни «Ада» в «Москвитянине» [Письма Шевырева: 142]. По некоторым сведениям, он перевел не только этот маленький фрагмент «Божественной комедии», но рукописи обнаружены не были.

Русским читателям пришлось ждать до 1855 г., когда был опубликован перевод «Ада», созданный Д. Е. Мином в 1844–1855 гг.⁷³⁸ Его одобрил не только Вяземский [ПСС: VII, 26], но и Александр II, сохранивший любовь к Италии, которую он впервые посетил в 1838–1839 гг.

Цитата 1819 г. доказывает, таким образом, что Вяземский знал «Божественную комедию» во французском переводе [ОА: I, 200]. Однако, по нашему мнению, у него был и оригинал на итальянском, возможно, приобретенный в Варшаве. Мы уже упоминали стих «Божественной комедии», приведенный в стихотворении «Коляска» 1826 г. В заметке этого периода Вяземский обнаруживает достаточное знание жизни величайшего итальянского поэта. Можно предполагать, что он изучил страницы, посвященные жизни и творчеству Данте, в «Литературе южной Европы» Сисмонди. Пушкин также был убежден, что Вяземский хорошо знал мир Данте; в одном из писем 1825 г. он обращал внимание князя на то, как важно постигнуть универсальное значение

⁷³⁸ Д. Е. Мин (1818–1885), профессор и проректор Московского университета. Перевод переиздавался многократно.

произведения Данте: «В Италии, кроме Dante единственно не было романтизма. А он в Италии-то и возник. Что ж такое Ариост?»⁷³⁹.

Кроме того, известно, что Тургенев, живя в Италии, читал Данте с учителем. Он в очередной раз привлек внимание Вяземского к «Божественной комедии», процитировав в Монте-Кассино терцины, в которых поэт воспеваает подвиги святого Бенедикта и западное монашество [АБТ: 190]. Можно ли считать совпадением, что вскоре после этой цитаты в одном из ответных писем Вяземского появилась строфа из «Сказок Испании и Италии» де Мюссе [Musset], в которой язык Данте уподоблен музыке серафимов?⁷⁴⁰ Вяземский несколько лет хранил в памяти эти строки [ЗК: 193], в них отразилась важная для него идея: поэзия, согласно французскому поэту, тем совершеннее, чем ближе она к музыке, а Данте смог приблизиться к ней больше, чем любой другой поэт⁷⁴¹.

Князь, интересовавшийся всем понемногу, и о Данте составил общее представление, — такой вывод можно сделать на основе изученных нами материалов. По-настоящему он погрузился в мир поэмы только в 1853 г., когда в Венеции читал «Божественную комедию» с учителем. Как мы указывали выше, изучение шедевра Данте стало для него полезным языковым упражнением, а иногда давало повод к рассуждениям об эстетике и стиле. Князь и в самом деле отмечал в «Записной книжке», что песни «Ада» показались ему простыми и понятными: судя по всему, он не столкнулся с большими сложностями при разборе стихов Данте. У Вяземского, несомненно, был широчайший кругозор, но ему не доставало теологической и философской подготовки, чтобы проникнуть в мир западного средневековья. Слишком кратким было пребывание в иезуитском пансионе, чтобы предполагать наличие у него подобной культуры, она никак не проявила себя в его сочинениях. Тем не менее, мы обнаружили ценную заметку, которая помогает оценить, насколько он смог понять Данте. Вяземский отметил VIII песнь «Ада» и выделил в ней двадцать седьмой

⁷³⁹ Письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому от 25 мая / около середины июня 1825 [Пушкин: XIII, 184].

⁷⁴⁰ Письмо П. А. Вяземского А. И. Тургеневу от 6 февраля 1833 [ОА: III, 224].

⁷⁴¹ Остальные цитаты из Данте выглядят совсем случайными и лишены всякого литературного значения [ПСС: VIII, 406, 440].

стих “E sol quand’io fui dentro parve carga”⁷⁴² как «абсолютно гомеровский», потому что в нем соединились «изобретательность и простота». Поначалу замечание Данте удивило князя бесполезностью, но затем он оценил всю глубину стоявшего за ним размышления и наконец, понял, что идея груза была здесь чрезвычайно важна, ведь никто не обратил внимания, что Вергилий был тенью, в то время как Данте был живым существом. Поэтому лодка, которая должна была перевезти их на другой берег, отяжелела из-за его веса больше, чем из-за всех находящихся в ней теней грешников. Вяземский добавлял, что «следующая терцина дополняет» этот стих [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1125], развивая идею необычного груза, который предстоит перевезти через Стикс.

Даже если у Вяземского не было ясного представления о дантовском мире, разделенном на круги, поэтическое воображение позволило ему в полной мере насладиться глубоким символизмом дантовского творения. Эти несколько строк, до настоящего времени обойденные вниманием исследователей, подтверждают, что он в зрелом возрасте глубоко проникся произведением Данте и, должно быть, испытал истинную духовную радость от его чтения. Месяцы в Италии были благотворны для его поэтического дара, и соприкосновение с Данте, вероятно, тому способствовало⁷⁴³.

Значение фигуры Ариосто в творчестве Вяземского невелико: его имя только упоминается среди других перечисленных нами итальянских авторов, как и некоторые сцены из «Неистового Роланда». Перевод главного произведения Ариосто, отзывы о котором мы снова обнаруживаем в переписке Вяземского и Дмитриева [Письма Дмитриева: 170], также принадлежал Раичу⁷⁴⁴. Тургенев в письмах из Италии обильно цитировал Ариосто [АБТ: 117, 140, 145, 178], однако заметной реакции князя на них не последовало⁷⁴⁵. Мы считаем, что

⁷⁴² Inferno, песнь VIII, 27 («...и лишь тогда ладья / Впервые показалась отягченной»).

⁷⁴³ См. стихотворение «Верона» [ПСС: XII, 111–113], в котором он вспоминает тень поэта-изгнанника по случаю своего последнего посещения города в 1864 г.

⁷⁴⁴ Переводы Раича были опубликованы в «Телескопе» в 1832–1833 и 1837 гг.

⁷⁴⁵ Здесь Вяземский не сходится с Пушкиным, который с вниманием отнесся к творению Ариосто, интересовавшему его проявлением *народности* [Пушкин: XI, 37–38, 40]. Пушкин также подражал Ариосто [Там же: 145].

Ариосто не повлиял на интеллектуальное и художественное формирование нашего поэта. В его сочинениях также мимоходом упоминаются Аретино [ПСС: II, 127], Макиавелли [ОА: II, 63], Пико делла Мирандола [ПСС: VIII, 128], Винченцо да Филикайя и Гольдони [ЗК: 48]⁷⁴⁶, однако их след в творчестве князя не заметен⁷⁴⁷.

Среди итальянских сочинений живой интерес Вяземского вызвала автобиография Витторио Альфьери (французский перевод [Alfieri 1809]). Мы не можем точно определить, когда именно Вяземский прочел ее, однако считаем, что это произошло в годы одиночества после возвращения из Варшавы. Книга Альфьери проникнута беспокойством и досадой на судьбу, столь схожими со *скукой*, в то время мучившей князя. Кроме того, известно, что Вяземский романам предпочитал сочинения биографического и философского характера. Автобиография Альфьери привлекла его внимание, когда он задумал большую поэму «Путешествие», чтобы спастись от «скуки», заставлявшей его чувствовать себя пленником, которому закрыты все дороги⁷⁴⁸. Князь питал насущную потребность в книгах о путешествиях⁷⁴⁹, поэтому европейские впечатления бунтаря Витторио Альфьери представляли для него самое привлекательное чтение. К сожалению, в заметках упомянуты лишь самые яркие и впечатлившие его эпизоды книги.

Пребывание Альфьери в России все еще представляет собой большую загадку. Кроме нескольких строк, которые поэт посвятил этому путешествию в автобиографии, о нем ничего не известно, и исследование

⁷⁴⁶ Князь приводит фразу Вольтера о том, что явление Гольдони в театре заслуживает названия поэмы Триссино: «Италия, освобожденная от готов» (1546–1547). В 1853 г. в Венеции он осматривал дом и портрет Гольдони.

⁷⁴⁷ К прямым источникам его сочинений мы можем добавить антологию итальянских писателей, приложение к «Грамматике» Валерио. В ней, кроме упомянутых авторов, были произведения Л. Метастазियो, Саннадзаро, Л. Алеманни, А. Каро, А. Маркетти, М. Казаротти, Парини, Кьябрера, Герардо де'Росси, Ф. Реди, Дж. делла Каза, Дж. Касциани, Фругони, Бергола, П. Ролли, Монти [Valerio: 244–271].

⁷⁴⁸ Стихотворению «Коляска» также предшествует эпитафия из «Моей жизни» Альфьери: «Ma non trovando mai un po' di pace se non se nel moto e divagazione del correr la posta...» [ПСС: III, 394] («Но, не находя нигде покоя, кроме как в движении и рассеянии, даваемом путешествием...» — *итал.*). Вероятно, князь прочел «Жизнь» около 1826 г., когда было написано это стихотворение.

⁷⁴⁹ В те годы он также прочел «Италию» леди Морган, см. письмо от 7(19) сентября 1821 из Остафьево [ОА: II, 221].

на эту тему сегодня представляется весьма сложным. В России в это время выходило несколько газет, в «Санкт-Петербургских ведомостях» примерно в это время имеется лишь упоминание об отъезде из столицы некоего пьемонтского графа. По нашему мнению, только случай может натолкнуть исследователей на новый след в этих поисках.

Альфьери отправился в Россию, чтобы встретиться с русскими товарищами по Туринской академии. К сожалению, даже имена этих русских остаются неизвестны. До наших дней дошли некоторые печатные материалы более позднего времени, и мы можем причислить к русским знакомым Альфьери туринского периода только князя Н. Б. Юсупова⁷⁵⁰, который в России стал покровителем итальянской культуры и искусства и всю жизнь оставался горячим поклонником Альфьери. Поэтому нам остается лишь вместе с Вяземским обратиться к тем скудным сведениям, которые можно почерпнуть в самой «Жизни» Альфьери.

Князь записал, что Альфьери прибыл в Петербург в конце мая 1770 г. в сезон белых ночей, которые показались ему невыносимыми: *«мысли были так перепутаны в голове его от усталости и несносного света, <...> что он не умел бы отвечать на вопрос: что за день в неделе, что за час в сутках и в какой край света забросило его тогда»* [ПСС: V, 207]. Россия показалась ему медвежьим углом и сразу не понравилась. Есть основания полагать, что князь внимательно прочел автобиографию Альфьери, но она произвела на него неприятное впечатление из-за антирусских настроений, проявившихся у итальянского писателя при первой встрече с его родиной. Альфьери уделил лишь несколько строк великой восточной империи и посетил только самый европеизированный ее город, так как доехать до Москвы не решился. Вяземский в конце почти дословно перевел не слишком доброжелательные слова Альфьери: *«За исключением бород и лошадей, ничто не нравится ему в этом азиатском лагере, обстроенном вытянутыми в ряд лачужками. Никого он не видал и не хотел видеть даже из старых русских товарищей своих по Туринской академии»* [Там же].

⁷⁵⁰ Князь Н. Б. Юсупов (1750–1831) дипломат, библиофил, любитель искусства, коллекционер и меценат.

Русские в целом очень гордились своей страной и не допускали критики со стороны представителей Запада. Страх Альфьери, что, «забравшись в такую даль, нужно ему будет *тысячу лет, чтобы опять возвратиться в Европу*» [ПСС: V, 207], должен был выглядеть для них оскорбительно. Однако, кажется, Вяземский в тот момент был милостив к иностранному автору. Книга Альфьери, вероятно, оказалась созвучна настроению князя, а ирония итальянца могла показаться ему похожей на его собственную. Кроме того, между 1821 и 1828 гг. русский поэт придерживался либеральных взглядов по отношению к русскому правительству, поэтому понимал, что подобная реакция могла объясняться политическими убеждениями Альфьери. Экономические и социальные условия жизни в России в то время беспокоили и Вяземского, который желал, чтобы некоторые явления исчезли из общественной жизни его страны. И хотя князь не обладал «непреклонным характером» Альфьери, он в состоянии был понять протест представителя западного мира против институций, которые казались невыносимыми даже русским. Наконец, поведение Альфьери извиняло то обстоятельство, что «и в других странах и других столицах был он равно причудлив и недоброжелателен», поэтому русские могли простить «неблагоприятный отзыв своенравного и раздражительного поэта» из Италии [Там же: 207–208]⁷⁵¹.

Эта запись была сделана в те годы, когда Вяземский размышлял о русской литературе и о влиянии на нее западных литератур и собирал материал для монографии о Фонвизине. Именно тогда он обратил внимание на то, как важен был контакт с западным миром для первого крупного русского драматурга, и отмечал с сожалением, что в конце XVIII в. между русскими и их западными соседями не сложился плодотворный культурный обмен, хотя возможностей для него представлялось немало [ПСС: V, 9–10]⁷⁵². Кроме того, ему казалось невероятным,

⁷⁵¹ Около 1858–1859 гг. Вяземский записал еще одну остроумную реплику Альфьери: «Кто-то изъявлял Альфьери удивление, что он изменил своим республиканским мыслям. “Ах, — ответил он, — je connaissais les grands, je ne connaissais pas les petits”» [ПСС: X, 204] («Ах, я знал великих, но не знал маленьких»). Вяземский обладал способностью сохранять для себя те идеи, которые были близки его внутреннему миру.

⁷⁵² Наряду с Альфьери князь называет Вольтера, Дидро, Бернардену де Сен-Пьера, которые вступали в прямое или косвенное взаимодействие с Россией примерно в то же время.

что его соотечественники отпустили Альфьери из России, не пообещавшись с ним и не узнав его драматургии [ПСС: V, 9–10], но он забывал, что все драматические произведения Альфьери были написаны позже. Тем не менее, у нас создается впечатление, что и сам Вяземский не слишком внимательно изучал драматические произведения итальянского поэта и что узнал и оценил его в первую очередь благодаря автобиографии. В 1841 г. он вновь просил Тургенева прислать ему свежий французский перевод «Жизни» Альфьери [Alfieri 1840] под редакцией А. де Латура [ОА: IV, 138, 140]: возможно, это произведение, наряду с «Адольфом» Б. Констана, принадлежало к разряду книг, к которым он время от времени возвращался, чтобы утихомирить свою «скуку».

Кроме того, в Венеции он прочел “Misogallo” («Галлофоб») [Alfieri 1823] и выписал оттуда несколько стихов, превознося истинное, с его точки зрения, понимание свободы и обрушиваясь на французов, которые, не сумев научить свободе итальянцев, рассчитывали взять на себя роль судей в борьбе Польши и России⁷⁵³. И в старости дух Альфьери восхищал его так же, как в 1820-е гг., когда он впервые прочел его автобиографию.

Из современных ему итальянских писателей князь знал Мандзони и после прочтения «Обрученных» сделал запись, из которой видно, что этот исторический роман его весьма заинтересовал [ПСС: VIII, 32–33]. Лично познакомившись с автором в 1835 г., он иногда упоминал о нем в своих трудах, размышляя о развитии русской литературы и сравнивая ее с западной [Kauchtschischwili 1962: 448–450]. Мандзони был достаточно известен в России, отрывки его пьес переводил в 1830–1831 гг. И. И. Козлов. Так что у Вяземского была возможность составить достаточно полное впечатление о великом итальянском

⁷⁵³ Венеция, 4 (16) марта 1864, из Альфьери: “Irato sempre; e non maligno mai: — la mente e il cor meso in perpetua lite (Suo ritratto)” («Всегда негодую, но никогда не строю козни: — мой разум и сердце в вечной ссоре со мной (Его портрет)» — *итал.*); “Schiavi or siam, sì; ma schiavi almen frementi: — Non quali, o Galli e il foste, e il siete voi; — Schiavi, al poter qual ch’ei pur sia, plaudenti (I Francesi non possono insegnare libertà agl’Italiani)” («Да, мы теперь рабы; но все же беспокойные рабы: — А не такие, какими, о Галлы, и были вы, и остаетесь; — Рабы, которые одобряют любую власть, какая б ни была (Французы не могут научить итальянцев свободе)» — *итал.*) [РГАЛИ: Ф. 195. Ед. хр. 135. Брошюра 186].

писателе XIX столетия, но, к сожалению, мы снова обнаруживаем, что его интерес был несколько ограничен. Мандзони привлек внимание князя лишь как автор исторического романа и, возможно, товарищ по несчастью, поскольку и его судьба подвергала суровым испытаниям.

Среди современных итальянских авторов Вяземский, вероятно, лучше всех знал Пеллико. Он глубоко понял личность мученика Шпильберга, как можно судить по одной из самых удачных его статей — «Языков и Гоголь» [ПСС: II, 304–334]. Пеллико, по-видимому, единственный итальянский автор, о котором Вяземский составил собственное мнение, проведя достаточно точную аналогию между моральной ролью итальянского мученика и позицией Гоголя, хотя и не разработав глубже это сравнение [Kauchtschischwili 1963a: 112–125].

Таким образом, Мандзони и Пеллико были для него главными представителями итальянской литературы его времени, и он, следуя в русле общеевропейских тенденций⁷⁵⁴, именно им уделял более всего внимания.

Наши исследования должны ограничиться на данный момент этими контактами князя с итальянской литературой. В то же время мы убеждены, что дальнейшие исследования смогут обогатить эту картину. Мы считаем, что Вяземский как литератор и интеллектуал играл в отношении итальянской литературы ту роль, которую подсказала ему ситуация: его личное обаяние и блестящий, беглый стиль письма, увлекавший современников, помогали привлечь читателей эпохи и друзей к литературному миру Италии. К тому же некоторые стихи и прозаические сочинения князя были переведены на итальянский⁷⁵⁵.

⁷⁵⁴ См. Письмо четвертое, графу, кавалеру Якопо Граберг да Хемсе: “Pellico e Manzoni riassumono quasi tutta la presente letteratura italiana per la massima parte dei semplici eruditi del Settentrione” [Baruffi 1840: 230] («Пеллико и Мандзони олицетворяют почти всю сегодняшнюю итальянскую литературу для большей части рядовых образованных людей Севера» — *итал.*).

⁷⁵⁵ Первый итальянский перевод, обнаруженный нами, — описание пожара Зимнего дворца в Петербурге, опубликованное в “Gazzetta privilegiata di Milano” 16 и 17 мая 1838 г. В архиве ИРЛИ также хранится итальянский перевод воспоминаний о П. А. Плетневе “In memoria di P. Pletnev”, сделанный в 1866 г. К сожалению, автор перевода неизвестен, не указаны даже инициалы. Известно только, что перевод был напечатан в Петербурге, а значит, автор принадлежал к многочисленной общине итальянцев, живших в столице, из которых некоторые состояли в переписке в Вяземским. Ни в одном из изученных нами писем нет упоминаний об этом. Возможно, Вяземский собирался послать мемориальный очерк итальянским литераторам, среди которых у Плетнева было

Интересы Вяземского в области итальянской литературы обнаруживают в очередной раз несовершенство его амбиций как литератора и критика. На протяжении всей жизни он был открыт к литературным новинкам из Италии⁷⁵⁶, старался изучать язык, чтобы иметь возможность судить о литературе, но в своих трудах не шел дальше беглых заметок по прочтении очередного произведения. Князь собрал достаточное количество материала, который мог быть впоследствии переработан во что-то большее, но ограничился неясными проектами, так и не нашедшими воплощения. К итальянской литературе он подходил с позиций светского человека, который стремился завести знакомство с умными и интересными людьми, а с некоторыми из них даже сумел подружиться. Среди литературных мастеров он восхищался Боккаччо. Однако более важными и результативными были встречи с Мандзони и Пеллико, поскольку с ними ему удалось коротко познакомиться в Италии. Подобные контакты были для него гораздо важнее, так как оживляли интерес к самим писателям и их сочинениям.

Как мы уже указывали, письма, на наш взгляд, составляют самую значимую часть сочинений князя, благодаря наличию адресата-собеседника; то же самое можно сказать и о произведениях, создатели которых были ему лично знакомы: они оказывались в орбите его внимания, а их ценность возрастала именно благодаря личному знакомству с автором.

немало друзей. В 1864 г. Н. Бароцци перевел стихотворение «Фотография Венеции», и сам князь отправил его итальянским знакомым. Мы уже упоминали статью Вяземского, напечатанную в "Gazzetta Ufficiale di Venezia" 1844 г. [Прил. I]. В Остафьевском архиве нами обнаружено письмо с переводом стихотворения Вяземского, подписанное Анжеликой Палли-Бартоломеи (1798–1875), создательницей блестящих экспромтов на итальянском, греческом и французском. Князя также приглашал к сотрудничеству падуанский литературный журнал "L'Euganeo" (см. Прил. II, письмо Я. Крешини), но его содержание показывает, что князь не откликнулся на предложение.

⁷⁵⁶ Ценным источником для знакомства с итальянской литературой был журнал "Exilé", который в 1832 г. выпускала в Париже на двух языках группа итальянских эмигрантов, среди которых были Маррончелли и Пеполи. Тургенев сообщал Вяземскому, что подписался для него на этот журнал, см. письмо 9 июля 1833 г. из Женевы [АБТ: 232]. Однако в списке подписчиков, приведенном в самом журнале, мы не обнаружили имен Тургенева или Вяземского. В журнале публиковались очерки о крупнейших итальянских классиках и новости о достижениях современной итальянской литературы.

ГЛАВА III

РОЛЬ ИТАЛИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ВЯЗЕМСКОГО

В рамках нашего историко-литературного исследования нам не раз приходилось характеризовать политические взгляды Вяземского на разных этапах его жизни. Мы показали, как постепенно угасали в нем либеральные устремления и как наконец он превратился в консерватора, послушного воле императорского двора⁷⁵⁷. Детальный анализ этого аспекта жизни князя при изучении его отношения к Италии целесообразен по двум причинам. Во-первых, он провел в стране несколько месяцев в период серьезных политических перемен, во-вторых, эхо революционных событий в Италии докатилось до России как раз в тот период, когда Вяземский был особенно восприимчив к подобной проблематике.

Идеалы рождавшихся в Италии тайных обществ и, в частности, карбонариев проникали в Россию с юга, главным образом через Одессу. В этом портовом городе укрывались политические эмигранты, которые надеялись обрести в России новую родину и способствовать рождению здесь новых тайных сообществ. Кружками, распространявшими в России передовые социально-политические идеи, интересовались многие друзья Вяземского. Однако князь, верный определенному традиционалистскому пониманию своих обязанностей аристократа и богатого помещика, опасался отойти от служения интересам государства. Он не присоединялся к подобным течениям,

⁷⁵⁷ В 1864 г. Вяземский, поздравляя императрицу Марию Александровну с Пасхой, сообщает ей, что вскоре едет в Мерано и затем готов будет “*prêt à aller partout où Vous daignerez m’appeler. J’ose prier V. M. de me faire connaître ses ordres par M-r Titoff qui sera toujours à même de savoir où me trouver*” [ПСС: X, 249] («...готов отправиться туда, куда Вы изволите меня позвать. Осмеливаюсь просить Ваше Величество передать свои приказания через господина Титова, который будет знать, где меня найти» — *фр.анц.*).

хотя и не отвергал априори всех постулируемых новыми сообществами принципов.

С такими настроениями Вяземский прибыл в Варшаву, где политическая обстановка накалялась в тот момент из-за усиления русского гнета и методов управления «верноподданного» Новосильцева и его подчиненных, исполнителей воли великого князя Константина Павловича.

Князь был чуток к чужому страданию и потому переживал творящиеся несправедливости и понимал негодование притесняемых поляков. В такой обстановке он оказался в большей степени подвержен оппозиционным настроениям. Посещая в основном польские круги, он понимал значение освободительного движения, которое поднялось и набирало силу в Италии. Из Варшавы он смотрел на эти тенденции новыми глазами, однако если известие о волнениях в Неаполе его воодушевляло, то мысль об ответных репрессиях пугала, так что он поспешил поскорее сообщить о них друзьям в России [ОА: II, 44]. Новости о неаполитанских событиях с необыкновенной скоростью распространились в польской столице, и в мятежных душах поселилась надежда. Известие о намерениях австрийцев предпринять решительные действия против восставших ужаснула всех [Там же: 103, 105, 112]; в Варшаве опасались, что Неаполю угрожает участь Польши [Там же: 167]. Как вспоминает Вяземский в автобиографии, в те дни он живо обсуждал эти вопросы с Нессельроде⁷⁵⁸:

Во время Неаполитанского восстания, разумеется, был я за неаполитанцев и веровал в победу их; он был за австрийцев и не сомневался, что они одолеют противников. Однажды, рано утром, приходит он ко мне. Я еще спал. Он будит меня. Удивленный и несколько встревоженный неожиданным и ранним посещением его, спрашиваю: что́ такое случилось? Как же, отвечает он, смеясь: не догадываешься ты? Я пришел уведомить тебя, что австрийцы вступили в сдавшийся им Неаполь [ПСС: II, XVII] (см. об этом также: [ЗК: 178]).

⁷⁵⁸ Граф Ф. К. Нессельроде (1786–1868) с 1813 г. был адъютантом великого князя Константина Павловича (1779–1831) в Варшаве, и Вяземский позднее в переписке будет называть его «Нессельроде варшавский».

Несмотря на победу австрийцев, в Варшаве не теряли надежды и продолжали жить в ожидании грядущего освобождения. В этой обстановке жившие в польской столице русские прогрессисты решились представить царю проект освобождения крестьян. Вяземского, судя по всему, друзья попросили принять участие в этом проекте. Реакция царя была неблагоприятной, вследствие чего князь был немедленно отстранен от службы при Новосильцеве и вынужден вернуться в Россию.

Принятые в отношении него меры привели к перелому, который сказался на всей дальнейшей жизни Вяземского. После вынужденного возвращения в Москву им овладела непобедимая «скука», постепенно он замкнулся в себе и утратил всякий интерес к новым политическим тенденциям⁷⁵⁹. Можно утверждать, что в первые годы после возвращения в нем еще живы были прогрессивные устремления, но никакие новые идеи их уже не питали. В остафьевском уединении он погрузился в напряженную литературную работу, найдя в ней выход из морального кризиса, охватившего Россию после восстания 14 декабря 1825 г., а затем начал размышлять о возможности получить официальное прощение. После того, как он вернулся к государственной службе, перелом в нем свершился окончательно, и постепенно он оторвался от всех идей, которые потенциально могли противоречить генеральной линии правительства.

Внутренняя эволюция Вяземского происходила медленно, и несмотря на периодическое пробуждение прежних либеральных воззрений, его реакционные взгляды становились все более прочными. Под знаком этой медленной и сложной трансформации прошли первые десять лет его государственной службы в новой должности (1830–1840). В тот период он еще сохранял некоторую независимость суждений,

⁷⁵⁹ *Примеч. ред.* По-видимому, автору остались неизвестны работы Ю. М. Лотмана о Вяземском, в частности большая статья «П. А. Вяземский и движение декабристов», напечатанная в сборнике: Ученые записки Тартуского гос. университета. 1960. Вып. 98. (Труды по русской и славянской филологии. [Т.] 3.), практически недоступном тогда на Западе. В ней Лотман показывает, что не только в варшавский период, но и позднее в 1820-е гг. Вяземский был одним из самых либерально настроенных людей, близким к декабристам, а его реакция на события 14 декабря была радикально-антиправительственной, и на этот момент падает пик его либеральных настроений.

не теряя внутренней связи с друзьями, которые подверглись преследованиям или были сосланы. Такими были его настроения в 1833 г., когда он получил книгу С. Пеллико «Мои темницы» и письма А. И. Тургенева, в которых тот призывал Вяземского обратить самое пристальное внимание на сочинение итальянского страдальца [Kauchtschishwili 1963a: II, 7–22]. Вяземский прочел книгу внимательно, о чем свидетельствуют выписки в его записной книжке⁷⁶⁰, и скорее всего согласился с другом, что правильно будет отправить ее в Сибирь в утешение несчастным ссыльным. Кроме того, читая книгу, он проникся глубоким сочувствием к Пеллико, с которым смог познакомиться лично в 1835 г. Эта встреча положила начало искренней дружбе, чуждой политике — впрочем, и сам Пеллико к тому времени отказался от беспокойных идеалов юности⁷⁶¹.

Во время первой поездки в Италию князь был слишком занят личными тревогами, чтобы предаваться размышлениям о политике. В его записной книжке и переписке эти вопросы вообще не затрагиваются, за исключением краткого упоминания графа Даниэле Дзаппи⁷⁶² из Болоньи, замешанного в революционных выступлениях в этом городе, а также ремарки об австрийских солдатах. Даже политическое положение Папского государства, к тому моменту уже весьма напряженное, кажется, не занимало его мысли. Единственным косвенным свидетельством этой ситуации можно считать ироническое замечание о монсиньорах-генералах, которых можно было встретить в римских гостиных⁷⁶³.

Три поездки в Париж в 1838–1839 гг. также не пробудили в Вяземском большого интереса к прогрессивному движению. Напротив, столица Франции разочаровала последователя Вольтера: республиканские чаяния, народные манифестации, ученые лекции профессоров-эрудитов ему не понравились, и пребывание в Париже только

⁷⁶⁰ См. выше, ч. II, гл. II.

⁷⁶¹ После встречи с Пеллико Вяземский прочел по-французски «Обязанности человека» (вероятно, не в первый раз).

⁷⁶² См. выше, ч. I, гл. III.

⁷⁶³ См. письмо от 4 (16) декабря 1834 из Рима [Прил. I].

укрепило его консервативные взгляды⁷⁶⁴. Наконец, в 1840 г. Вяземский пережил очередную потерю, а каждый удар судьбы отзывался в нем дальнейшим отступлением на консервативные позиции. За десять лет, прошедших между смертями Надиньки и старшей дочери Марии, после похорон которой князь отправился на Восток, его взгляды только укрепились. В Константинополь он приехал уже пламенным патриотом, убежденным в миссии *Святой Руси*. Он с недоверием взирал на другие державы, которые были далеки от русских проблем, и стал твердым сторонником самодержавия. Согласно не слишком доброжелательному определению Белинского⁷⁶⁵, Вяземский был реакционером, однако мы убеждены, что политические убеждения князя в большей степени объяснялись свойствами его характера, а не социальной ролью. Вследствие личных особенностей он не смог сделать себе имя в литературе и смирился со службой “*dans les douanes*” («в таможенном ведомстве» — *франц.*), которая совершенно не отвечала его наклонностям [ЗК: 169]⁷⁶⁶. Он был застенчив и долгие годы избегал большого света, страдал от комплекса неполноценности, так как считал себя некрасивым⁷⁶⁷ и был очень близорук. Физический страх

⁷⁶⁴ Подлинный страх любых перемен овладел им с того момента, как ему пришлось вместе с Тургеневым выпрыгивать из окна аудитории в Сорбонне после лекции Лерминье, чтобы спастись от студентов, возмущенных высказыванием лектора. После этого он перестал понимать восторги Тургенева перед революционными выступлениями во Франции. Князю они напоминали о пережитом испуге, он желал, чтобы ничего не менялось в привычном порядке вещей.

⁷⁶⁵ В. Г. Белинский в письме к Н. В. Гоголю от 15 июля 1847 г. называет Вяземского «князь в аристократии и холоп в литературе» [Белинский: 633–641].

⁷⁶⁶ Мы должны отметить также, что назначение товарищем министра народного просвещения застало его врасплох, и он не успел осознать, какая ответственность легла на его плечи. Поэтому он не смог оправдать надежд, которые связывали с его положением в министерстве все люди культуры. См. письмо от 1 (13) сентября 1855 г. к В. П. Титову, в котором он признается, что в свои шестьдесят три года не чувствует себя годным для поста заместителя министра [ПСС: X, 159–161]. В 1858 г. он вышел в отставку, понимая, что не может достойно выполнять эту роль.

⁷⁶⁷ См. у Д. Ф. Фикельмон: “Wiasemsky, quoique d’une laideur excessive, a toute la fatuité d’un bel homme; il fait la cour à toutes les femmes et toujours avec l’espoir d’un succès. Mais on lui veut du bien parce que il a de la douceur dans des manières et de l’esprit malgré une certaine teinte de pédanterie” (запись от 11 августа 1830) [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2939. Л. 4]. («Вяземский, хотя и очень некрасив, обладает в полной мере самодовольством красивого мужчины; он ухаживает за всеми женщинами и всегда с надеждой на успех.

заставлял его вытеснять из сознания революционные идеи, в попытке сберечь здоровье, и без того слабое из-за расстроенной нервной системы⁷⁶⁸. Этот сложный психопатологический комплекс обусловил моральное состояние шестидесятилетнего Вяземского — консерватора, светского человека, попустительствовавшего всему, что помогало ему обеспечить себе спокойную жизнь без сильных потрясений⁷⁶⁹.

В заграничных путешествиях он поначалу интересовался политическими событиями лишь из академического интереса. Однако, превратившись в защитника традиционных институций, он начал отстаивать их со всей горячностью своего темперамента. В таком настроении, с такими политическими и социальными взглядами Вяземский в 1853 г. прибыл в Венецию. Выше мы уже отметили, что он не обнаружил большого сочувствия к политическому положению древней венецианской республики и встал на сторону угнетавших ее австрийцев. Он был убежден, что угнетаемые *должны* сами найти способ жить в гармонии со своими правителями, поскольку всякий протест не только бесполезен, но и ставит под угрозу будущее народа. Уже тогда Вяземский занял позицию, которая окончательно определится в 1863 г. в отношении Польши, когда князь выступит в защиту права сильного⁷⁷⁰. В 1853 г. он не стал вдаваться в анализ политического положения Венеции, а просто принял его как факт, из-за которого этот исключительный город лишился части очарования. К тому же во время первой поездки в Венецию он настолько был увлечен самим городом, что его заботило лишь одно — увидеть все его красоты. Единственный намек на притеснения, которым подвергались граждане Венеции, связан в его записях с личной неприязнью к «нелюбезному» губернатору

Но его все любят за обходительность и остроумие, несмотря на некоторую склонность к педантизму» — *франц.*). После первого сурового урока на государственной службе им руководили страх и скрупулезная исполнительность в официальных делах.

⁷⁶⁸ Душевное спокойствие было необходимо, чтобы его организм мог противостоять бессоннице; см. стихотворение «Бессонница», в котором поэт описывал мучения долгих бессонных ночей и нервную раздражительность, преследовавшую его до конца дней [ПСС: XI, 406–407].

⁷⁶⁹ См. ниже, гл. IV.

⁷⁷⁰ Стихотворение «Оправдание» [Там же: XII, 18–20].

Горцковскому⁷⁷¹. Из политических новостей Вяземского в те месяцы занимало обострение дел на Востоке: европейские страны не желали понять, что Россия — не просто держава, которая стремится к экспансии, это святая нация, *Святая Русь*, миссия которой — бороться против иноверцев Оттоманской Порты. С этих позиций он защищал дело родины перед европейской коалицией, особенно негодуя против возмутителей спокойствия из дворца Тюильри.

В первом цикле венецианских стихов упоминания политической ситуации редки и проникнуты благожелательной снисходительностью. Основная тематика цикла связана с очарованием венецианской лагуны.

В 1858 г., отказавшись от поста товарища министра, Вяземский совершил еще одну поездку за границу и вновь провел зиму в Италии, на сей раз в Ницце⁷⁷². Весной 1859 г., в преддверии австро-французской войны, князю захотелось взглянуть на будущий театр военных действий, и он отправился в Геную⁷⁷³, чтобы вблизи оценить настроения перед началом кампании. Он беспрепятственно доехал до Генуи, наводненной итальянскими и французскими солдатами и офицерами. Город и в самом деле представлял собой очень оживленную картину. Толпа бурлила, ему показалось, что он очутился на настоящей ярмарке, «а в особенности военной, где много красного товара, то есть красных панталонов»⁷⁷⁴. Чтобы разведать общественные настроения, он по обыкновению смешивался с толпой и общался с офицерами и солдатами. По его впечатлениям, все с нетерпением ждали начала атаки на неприятелей-австрийцев⁷⁷⁵. Вновь соприкоснувшись с итальянцами, князь в очередной раз обнаружил искреннюю симпатию к ним и не слишком благожелательное отношение к французам. Он отметил, что и сами пьемонтцы не особенно жалуют французам и встали под их знамена, только чтобы изгнать общего

⁷⁷¹ К. Горцковский фон Горцков (1778–1858), генерал, принимавший участие в наполеоновских войнах, с 1846 был комендантом крепости Мантуя, а с 1849 — губернатором Венеции.

⁷⁷² См. ниже.

⁷⁷³ «Отправился в мальпосте в Геную понюхать французам» [ПСС: X, 219].

⁷⁷⁴ См. письмо 1 мая 1859 [Прил. I].

⁷⁷⁵ См. письмо от 2 мая 1859 [Там же].

врага. В начале мая они сетовали, что австрийцы медлят с началом наступления и что «доселе были только маленькие стычки, escarmouches между сардинцами и австрийцами без всякого результата» (письмо 2 мая 1859 [Прил. I]), из-за которых войска могли растерять первоначальный пыл.

«Кампания 1859 года», как сам Вяземский шутливо называл свою поездку, проясняет еще одну сторону его характера: как ему в живописи трудно было увидеть общую композицию картины, так не всегда удавалось сразу оценить масштаб исторических событий. Мы показали, что на протяжении всей жизни он собирал богатый исторический материал, который мог бы пролить свет на многие политические события. Проведя тщательный анализ отдельных фактов, князь мог бы взяться за обобщающую работу, но, к сожалению, он так к ней и не приступил. В данном случае он был убежден, что, преодолев физический страх и оказавшись в гуще событий, сможет выяснить подробности происходящего, оценить атмосферу за кулисами театра действий, прощупать народные настроения и узнать мнение некоторых влиятельных людей. Таким образом, в вопросах политики он действовал так же, как и в туристических поездках, где использовал этот метод, чтобы лучше узнать тот или иной город. Затем он отправился в Турин, где надеялся с помощью Г. Ф. Баруффи⁷⁷⁶ познакомиться с государственными людьми, чтобы лучше понять политические мотивы, побудившие пьемонтцев выступить против Австрии. Известно, что в Венеции Вяземский был скорее расположен к австрийцам, а теперь, вероятно, хотел проверить, не было ли впечатление, составленное им в те годы, ошибочным.

В Турине князю удалось познакомиться с крупными парламентариями Сардинского королевства: Дж. А. Плана⁷⁷⁷, К. Б. Моска⁷⁷⁸ и

⁷⁷⁶ См. письмо Г. Ф. Баруффи 22 мая 1859 г. [Прил. II]. Баруффи (1800–1875), профессор философии позитивизма в Туринском университете и муниципальный советник городской коммуны, прославился книгой о путешествиях “Pellegrinazioni” («Паломничество»). Осенью 1839 г. он побывал в Петербурге и Москве, где познакомился с Вяземским, которому его представил Пеллико [Kauchtschischwili 1963a: VI, 62–87]. Баруффи испытывал большое уважение и симпатию к князю, что подтверждают публикуемые нами в Прил. II письма.

⁷⁷⁷ Вероятно, Дж. А. Плана (1781–1864), математик и астроном.

⁷⁷⁸ К. Б. Моска (1792–1867), выдающийся инженер-конструктор из Турина, сенатор с 1848 г.

Ф. Саули⁷⁷⁹; эти сенаторы, как и Баруффи, могли прояснить для него текущее положение дел⁷⁸⁰. К сожалению, нам неизвестны подробности их встреч, и единственным источником по этому вопросу до настоящего времени остается письмо Баруффи. Нельзя не отметить противоречия между интересом, который должны были представлять для него эти беседы, и общим разочарованием от поездки в Турин, о котором он пишет жене. Этот город показался ему безжизненным, в то время как Генуя предстала особенно живописной благодаря кипению военной жизни. На самом деле визит в Турин должен был оказаться интереснее благодаря людям, с которыми он там познакомился, в то время как генуэзские знакомства были совершенно случайными. Нам даже кажется, что князь хотел скрыть этот факт за рассказом о тяготах путешествия. В целом Вяземский остался доволен поездкой по Сардинскому королевству и вернулся в Ниццу с убеждением, что лично разобрался в политической ситуации и может подробно ее представить.

По возвращении Вяземский принялся за стихотворение «Мое мнение о нынешней войне» [ПСС: XI, 321–323]; ведь, как он признавался в письме сыну⁷⁸¹, он не мог открыто обсуждать эту тему ни с кем из окружающих. В стихах князь выражал едва ли не удовлетворение по поводу международного кризиса, потому что ни Франция, ни Австрия, ни Пьемонт не пришли на помощь России в войне против Турции. Он весело и тонко иронизировал над тем, как прежние друзья ополчились друг на друга, и никому не желал ни победы, ни поражения, поскольку поражение в этой битве стало бы возмездием тому, кто отказал в помощи России. Наконец, как русский он мог с позиций стороннего наблюдателя взирать на международную борьбу, потому что пули предназначались не его соплеменникам, а одному из врагов его родины. Находясь в Ницце, он вместе со своей страной мог сказать: «...у моря сидя, погоды / С спокойною бодростью ждать» [Там же: 322],

⁷⁷⁹ Ф. Саули (1807–1893), маркиз, генуэзец, посол в Лондоне в 1849 г., затем в Тоскане и, наконец, в Петербурге. Также был губернатором Тосканы после 1859 г.

⁷⁸⁰ Вяземский хотел встретиться и с Л. А. Мелегари (1805–1881), но из вышеупомянутого письма Баруффи следует, что встреча не состоялась, и что Мелегари просил Баруффи передать князю свои извинения.

⁷⁸¹ См. письмо 30 апреля (11 мая) 1859 г. [Прил. I].

поскольку у России были свои внутренние заботы и не было резона искать себе новых проблем, а тем более «штопать чужое белье» [ПСС: XI, 322]. Родина должна была вести себя мудро, не вмешиваться в эти вопросы, поскольку в подобном случае ей пришлось бы пойти на заключение дружеского союза с одной из воюющих сторон, что непременно значило оказаться в подчиненном положении и расплачиваться по чужим счетам. Так что и в этой войне за независимость Вяземский оставался верен себе, не занимая ничьей стороны, хотя, по большому счету, из всех стран именно к Италии он относился с наибольшей симпатией. При этом в стихотворении князь показывает, что не забыл пьемонтцам сражения на Черной речке, где они атаковали русских.

Здесь стоит сделать отступление и отметить еще одно расхождение между письмами князя и его дневниковыми записями — в данном случае имеющими лирическую форму, ведь и стихи иногда выполняют роль дневника. В письмах ощущается человеческое тепло: он с симпатией отзывается о пьемонтцах, только австрийцев считая истинными виновниками происходящего. В то же время в стихах он выступает под маской холодного резонера, который смотрит на проблему в ее историческом измерении: западные народы по сути своей вероломны — они всегда готовы раскрыть друг другу объятья, чтобы столь же легко предать друг друга при первом удобном случае.

Из писем о «кампании 1859 года» и этого стихотворения мы можем заключить, что князь с безразличием отнесся к итальянскому Рисорджименто: вероятно, он не видел в нем острой необходимости, а войны и восстания пугали его. Вяземский достаточно долго жил в Италии, чтобы знать, что волновало все людские сердца. В Ницце он также познакомился с некоторыми представителями политических кругов Сардинского королевства и из первых уст узнал, какие проблемы стояли перед Италией в те годы. Среди сардинских политиков был граф ди Сальмур⁷⁸², «говорят, правая рука Кавура по делам иностранным» [Там же: X, 217]. Согласно оценке Вяземского, это был «человек умный, но кажется сухой», хотя и крайне общительный [Там же].

⁷⁸² Руджеро Габалеоне ди Сальмур (1806–1878), выходец из Савойи, с юных лет дружил с Кавуром, занимал различные государственные посты, с 1860 г. был сенатором.

Сальмур провел в Ницце несколько недель, князь виделся с ним много раз и расспрашивал главным образом об Австрии. К сожалению, пока у нас мало сведений на этот счет. Самым характерным для мировосприятия нашего автора представляется его ссылка на ироническое замечание Сальмура о Маццини, которого тот назвал «большим мимиком и лицедеем», потому что во время своих путешествий он переодевался «во все наряды — даже женские» [ПСС: X, 217].

После нескольких посещений Италии князь начал больше внимания уделять местным политическим событиям. В этой связи его интерес привлекло сочинение по общей истории Италии, составленное ученым, знавшим тех же людей, с которыми встречался Вяземский, а упоминание знакомых персон всегда вызывало в нем определенное любопытство⁷⁸³.

Затем он начал делать выписки из газет о политических событиях в Италии: с удовольствием в очередной раз давая волю антиавстрийским настроениям, он записал слова Карла Альберта «Италия справится сама!», в ответ на давние слова Меттерниха: «Италия — всего лишь географическое понятие» [Там же: 119]. Эта запись сделана за несколько месяцев до отъезда из Венеции и еще раз доказывает, что Вяземский рассматривал политические проблемы в двойной оптике: для него священным было право сильного (взаимоотношения Австрии и Венеции), однако положение Австрии на карте Европы как великой державы и соперницы *Святой Руси* он оценивал иначе.

Иной раз князь интересовался и сугубо итальянскими проблемами: так, он упоминает о дискуссиях в пьемонтском парламенте по поводу изгнания иезуитов и упразднения монастыря “Dames du Sacré Cœur” в Сардинском королевстве. Эти споры прервал один из депутатов, заявив: “Si nous perdons le temps à supprimer quatre moines, nous ne supprimerons jamais les Allemands” [Там же]⁷⁸⁴. Как обычно, Вяземский не занимает определенной позиции в этом вопросе и только

⁷⁸³ По-видимому, он обращался к шеститомному “Beiträge zur Italienischen Geschichte” (Berlin, 1853–1857) А. В. Ремона (A. V. Reumont). Как и Вяземский, его автор в качестве секретаря миссии во Флоренции познакомился с Вьессе, Дж. Каппони, Никколини и Джусти, а в Риме — с Бунзенем.

⁷⁸⁴ «Если мы будем тратить время на подавление кучки монахинь, мы никогда не подавим немцев» — франц.

записывает приведенную журналистом реплику. То же самое происходит несколько лет спустя, когда он пишет об отношении к Италии Наполеона III, которого называли “l'exécuteur testamentaire d'Orsini”⁷⁸⁵. Однако все эти записи князя имеют крайне отрывочный характер и только подтверждают эклектичный склад его личности, на который мы неоднократно указывали.

Наконец, Вяземский обращает внимание на статью Монталамбера “Le Pape et la Pologne” [Montalembert]. Она вызвала его интерес, поскольку в Европе он чувствовал себя обязанным защищать *Святую Русь* от всех иностранных нападков. Заметки о французской статье заслуживают внимания, так как содержат размышления о папе римском и Броффериио. Князь обратил внимание на противоречия в статье Монталамбера, которые, с его точки зрения, ясно показывали неспособность представителей западного мира справедливо судить о политике Российской империи. По мнению Вяземского, всякий считал себя вправе использовать польский вопрос как “terrain neutre de toutes les déclamations”: “Aussi voyez comme les déclamateurs, les rhéteurs emphatiques, les faiseurs de phrases de toute couleur, des principes les plus opposés, les Lamartine, les Michelet, les Victor Hugo, les Montalembert, les Favres etc. etc. se précipitent, se ruent, se confondent autour de cette question”⁷⁸⁶ [ПСС: X, 261].

Еще более возмутительной показалась ему папская речь, произнесенная 24 апреля 1863 г. в защиту Польши и против России и горячо одобренная Монталамбером. С точки зрения последнего, Папа был “sublime à voir. Sa magnifique voix avait atteint un diapason formidable: (Француза всегда поражает и восхищает театральность) elle tonait. Se soulevant sur son trône, il semblait de son bras étendu lancer un foudre invisible (то-то и дело, что invisible и даже impossible), la sainte colère

⁷⁸⁵ «Исполнителем завещания Орсини» — франц. Ф. Орсини (1819–1858), патриот. Вяземский в письме упоминал письмо Орсини из заключения, в котором он предавал судьбу Италии в руки Наполеона III.

⁷⁸⁶ «Нейтральную территорию для любой демагогии»; «Посмотрите, как болтуны, напыщенные риторы, фразеры всех мастей, отстаивающие совершенно противоположные принципы, все эти Ламартины, Мишле, Виктор Гюго, Монталамберы, Фавры и т. д. и т. д. и т. д. спешат, оттесняют друг друга, суетятся вокруг этого вопроса» — франц. Папой в это время был Пий IX (Джованни Мария Мастаи Ферретти). Анжело Броффериио (1802–1866) — юрист, патриот, масон, литератор.

qui le remplissait avait empourpré son front, sous sa couronne de cheveux blancs, et transfiguré ses traits” [ПСС: X, 261–262]⁷⁸⁷. Еще больше рассердило князя, что Монталамбер не стеснялся апеллировать к Брофферио, одному из самых яростных врагов Святого Престола. Французский автор цитировал слова этого туринского депутата в поддержку понтифика, вставшего на защиту поляков: “...quand je vois, говорит Брофферио, un vieillard fatigué, malade, *sans ressources, sans armée*, sur le bord de sa tombe, maudire un potentat parcequ’il égorge un peuple, je me sens ému dans tout mon être” [Там же: 262]⁷⁸⁸. Здесь Вяземский прерывает чтение французской статьи, и предается размышлениям о польском вопросе: «Во-первых, викарию Иисуса Христа не подобает и неприлично проклинать. Этого мог не знать Брофферио, l’un des adversaires les plus acharnés du St.-Siège⁷⁸⁹, но не мог не знать Монталамбер, один из ревностнейших поклонников и защитников Св. Престола; а во-вторых, именно потому, что папа старец без всяких *средств* и *войска*, нет ни малейшего мужества, нет никакой храбрости в запальчивом порыве его безрассудного суесловия» [Там же]. Вяземский продолжает возмущаться поддержкой Польши со стороны Святого Отца и Монталамбера, отказываясь видеть в польском народе исключительную, «безгрешную» нацию, как того хотелось бы французскому эссеисту. С точки зрения Вяземского, поляки были виновны в том, что пролили кровь ни в чем не повинных русских, и она требовала отмщения [Там же: 262–263].

Эти размышления интересуют нас исключительно потому, что князь вынужден был анализировать некоторые моменты итальянской истории в эпоху, когда папа был светским владыкой значительных территорий и защищал притесняемую Польшу в ее противостоянии России.

⁷⁸⁷ «...великолепен. Его прекрасный голос звучал поразительно глубоко, <...> он гремел. Казалось, что, подымаясь с трона, он метал рукой невидимые молнии (то-то и дело, что невидимые и даже невозможные), священный гнев, которым он преисполнился, заставил его лоб побагроветь, исказил его черты» — *франц.*

⁷⁸⁸ «Когда я вижу, как утомленный, больной старец, без всяких средств, без войска, на краю могилы, проклинает властелина, который душил народ, я тронут до глубины души» — *франц.*

⁷⁸⁹ «Один из ожесточенных врагов Св. Престола» — *франц.*

Таким образом, итальянская политика в этих построениях играла случайную роль. С другой стороны, они показывают, что в старости Вяземского беспокоили исключительно собственные убеждения, и он совершенно разучился ставить себя на чужое место. Это, однако, не исключает его знакомства со спецификой итальянских проблем. Известно, что после посещения Мандзони в 1863 г. он с некоторой иронией отметил, что ломбардский писатель помолодел «с восстановлением Италии» [ПСС: X, 241]⁷⁹⁰.

Ограниченность взглядов Вяземского еще сильнее бросается в глаза при анализе его отношения к Гарибальди, на фигуру которого он вынужден был обратить внимание. В записной книжке обнаруживается только одна запись с упоминанием итальянского героя, но на ее основании невозможно сделать никаких выводов [Там же: 248]. Более ясно его взгляды иллюстрирует стихотворение 1866 г. [Там же: XII, 283–286]. Оно относится к разряду «Заметок», по жанру близких к ироническим эпиграммам. Именно в этом регистре князь оценивает Гарибальди, малозначительного, по его мнению, героя: «В историю, по крайней мере, / Героем вряд ли вступит он» [Там же: 283]. Не сомневаясь в искренности и личной смелости Гарибальди, он отказывает ему в талантах настоящего политика и оценивает как слабого стратега:

Болтун, корреспондент всемирный,
 Всем пишет, всех заговорил,
 И, генерал довольно мирный,
 Он пролил множество чернил [Там же: 283–284].

По мнению Вяземского, Гарибальди допустил серьезные ошибки:

Что ж сделал он? Раскрытой дверью
 Он ворвался в соседний дом
 <...>
 С Кавуром фокусы устроив,
 Неаполь шляпой он накрыл [Там же].

⁷⁹⁰ В той же беседе он затронул и польский вопрос, попытавшись раскрыть перед Мандзони точку зрения русских. По возвращении в Венецию князь написал о Польше статью для “Journal des Débats” и отправил копию Мандзони.

Поэт с негодованием вспоминает, что кому-то пришло в голову уподобить этого «итальянского болтуна» Джорджу Вашингтону, который, по мнению Вяземского, добыл свободу своего народа в тяжелой борьбе, в то время как Гарибальди все досталось легкой ценой. Наконец, он упрекает современников, что они всегда готовы склониться перед новыми идолами вместо того, чтобы положиться на мудрость времени и позволить истории определить, достоин ли человек быть причисленным к мировым героям:

Всех этих выскочек удачи
Обманчив и пролетен сон;
И не глубок их след горячий,
И скоро простывает он [ПСС: XII, 285–286].

Возникает подозрение, что не слишком благожелательное отношение к Гарибальди объясняется личной неприязнью князя к человеку без родословной, который оказался способным актером на подмостках мировой политики:

К тому ж он слишком театрально
Рубахой красной приодет.
В плаще, под шляпой и небрежно
Платком он шею обвязав,
Так и глядит, что неизбежно
Его оттиснет фотограф [Там же: 283],

— и ждет, что ему будет рукоплескать простой народ. Тем не менее, мы достаточно знаем нрав и характер князя, чтобы понимать, что резким словам не стоит придавать абсолютного значения: эти стихи могли родиться, когда его вывели из себя активные действия Гарибальди, но нас совершенно не удивило бы, если бы при публикации второй части записных книжек Вяземского обнаружили более взвешенные оценки произошедшего.

Большее понимание и открытость к проблемам итальянской политики, как кажется, обнаруживаются во втором цикле венецианских стихов, хотя фундаментальный для князя принцип стабильности отношений между угнетателями и угнетенными остается неизменным. Венеция осталась гордой непокоренной львицей, запертой в темнице:

Как сон прошли века победы,
 Все поглотил поток времен,
 И где торжествовали деды,
 Там внуков ждал печальный плен [ПСС: XII, 42]⁷⁹¹.

Но состояние этого города князь чувствует точнее, потому что на каждом шагу видит «крылатого льва», который не может лететь вперед и ищет утешения в минувшем, где остались его слава и величие, запечатленные в памятниках архитектуры и в прозрачных водах лагуны⁷⁹². Также и мысль самого князя погружена в прошлое, тем более что будущее не сулит лучших времен. Эта позиция удивительным образом яснее всего выражена в стихотворении «И я желал бы зреть Венецию свободной...», где обнадеживающий тон снижается уже во втором стихе: «Но жизнью собственной, ее преданьям сродной» [Там же: 66]. Зная, что прошлое воскресить невозможно, князь вопрошает:

Не лучше ль протерпеть, мужаясь, злую долю,
 Чем плен свой променять на новую неволю? [Там же: 67].

Таким образом, теоретически Венеция имела право мечтать о свободе, — однако, зная, что ей не стать независимой, князь предпочитал ее угнетенное положение неясным переменам, которые могли бы уменьшить очарование королевы Адриатики: ведь ей пришлось бы объединиться с Пьемонтом, а к нему князь не испытывал особой политической симпатии:

От покровителей свободы ты не жди.
 В опале сохраняй хоть отблеск славы личной;
 Как знамя падший вождь, свой лоскут багряничной
 И ты сберечь умей на царственной груди [Там же].

Рассуждая обо всех международных проблемах с точки зрения личных пристрастий, Вяземский провел последние годы жизни в отрыве от эпохи и жил вне своего времени⁷⁹³.

⁷⁹¹ Из стихотворения «Федору Ивановичу Тютчеву».

⁷⁹² См. стихи: «Но не вперед летит крылатый сон: / Обратный путь мечтам здесь предназначен» (из стихотворения «Ее Императорскому Величеству» [ПСС: XII, 51]).

⁷⁹³ С такой же иронией и отвлеченным интересом он говорил о «вопросе Шлезвиг-Гольштейна» [Там же: 71].

Даже находясь поблизости от Италии в решающие годы ее новой истории, он следил за тем, как разворачивались события, но оставался безразличен к происходящему. Подобная позиция князя не удивительна: после «перелома» сфера политики была чужда его внутреннему миру. Вяземского задевали мелкие социальные вопросы, но он не способен был увидеть их в широкой перспективе. Он уже не мог стряхнуть физический страх перед попытками общественного обновления, а потому везде искал традиционных концепций и привычек, которые, как ему представлялось, могли спасти будущее человечества. Именно в отношении итальянской политики эта позиция обнаруживается особенно ясно: в Италии речь шла тогда не о восстании против традиционных институтов власти, как во Франции, а о том, чтобы остаться верными монархическому принципу, в едином королевстве. Тем не менее, князь выражал крайнее недоверие к освободительному движению, потому что оно непременно несло с собой какие-то перемены. Его любовь и живое сочувствие к итальянскому народу не помогли ему преодолеть этот страх, и даже светская власть папы не казалась ему предосудительной. Из такой политической позиции явно видно, что он не покидал пределов собственного маленького мирка, особенно в последние годы жизни, и больше всего заботился о том, чтобы вопросы, которые противоречили его взглядам, не поколебали достигнутого им психического и физического равновесия.

ГЛАВА IV

ИТАЛИЯ В ПОЭЗИИ ВЯЗЕМСКОГО

И русские, и европейские критики единодушны во мнении, что поэзию Вяземского сложно отнести к одному из традиционных направлений XIX в.: можно сказать, что он понемногу взял от каждого из течений, так и не примкнув ни к одному из них. Как бы то ни было, поэзия для него — способ самовыражения, с помощью которого он в определенные моменты жизни прояснял сомнения, мысли, тревоги, личные переживания. Он нуждался в письме так же, как в разговорах, и когда личное общение с близкими было невозможно, брался за перо и сочинял для них длинные письма. Иногда переживания были столь яркими, что мысль, не находя выражения в прозе, обращалась к поэзии. Неслучайно среди всех поэтических форм Вяземский отдавал предпочтение *посланиям* в стихах, модному в то время жанру, который согласовывался с его вкусом и не противоречил стилю, близкому к классической традиции⁷⁹⁴.

Поэтическое наследие Вяземского достаточно обширно, поскольку охватывает шестьдесят девять лет творческой деятельности (1808–1877). Особенно насыщенными были периоды между 1820 и 1830 гг. и эпоха зрелости. Однако в годы первого путешествия в Италию и непосредственно после него Вяземский писал мало из-за тяжелых приступов «скуки», настигшей его в период болезни дочери Прасковьи и продлившейся несколько лет. Зато весьма плодотворными для его лирики оказались две поездки в Венецию, где на его душевное состояние благотворно влияла безмятежная атмосфера города «без колес». Мы попытаемся проследовать за Вяземским в его поэтическом путешествии по Италии, не углубляясь, однако, в критический анализ, который выходит за рамки данного исследования.

⁷⁹⁴ См. стихотворения: «А. А. Перовскому», «К Батюшкову», «К Жуковскому», «К партизану поэту» [ПСС: III].

Впервые оказавшись в Италии в 1834 г., Вяземский был поражен величественной панорамой Альп, которая вдохновила его на один из самых поэтических пассажей записной книжки [ЗК: 225–226]. Впоследствии во время поездок в Швейцарию⁷⁹⁵, в Венецию и в Мерано он наслаждался видом горных ручьев, ледников и вообще горными пейзажами. В Венеции он восхищался видом предгорий Альп, обрамляющих город [ПСС: X, 14, 24], и сочетанием теплых цветов южной природы и высоких заснеженных пиков. В Мерано он слушал музыку водопадов, которая доносилась до него даже посреди города:

Стремятся шумные потоки,
И голоса их в гул один
Слились, то близкий, то далекий
(«Меран» [Там же: XII, 117–118]).

Не менее удивительным впечатлением стала для него в 1834 г. Флоренция, где он впервые почувствовал, что даже в ноябре природа может быть живым источником вдохновения:

Там город Флоры соимянный
И баснословный как она
(«Флоренция» [Там же: IV, 192]).

Это видение помогло поэту понять, что здесь сама природа стала вдохновительницей совершенного искусства:

Там мрамор мыслит и трепещет,
В картине дышет пламень чувств.
Там речь — поэзии напевы [Там же],

— и сам он написал стихотворение «Флоренция», в котором природа выступает как фон для творческого самовыражения и делает человека более восприимчивым к любви:

Но ничего там русской девы
Я упоительней не знал [Там же].

Подобное смешение поэтических элементов станет характерной чертой его пейзажной лирики. Вяземский и прежде писал стихи, темой которых была панорама города («Петербург» [Там же: III, 157–160]),

⁷⁹⁵ См. стихотворения: «Горы под снегом» и «Картина» [ПСС: XI].

однако они относились к жанру морально-философской лирики и были плодом долгих и горьких раздумий поэта.

Рим вдохновил Вяземского вследствие его особого душевного состояния лишь на создание стихотворения «Роза и кипарис», написанного во время прогулки в Тиволи и мало интересного с историко-биографической точки зрения:

Вот вы и я: подобье розы милой,
 Цветете вы и чувством и красотой;
 Я кипарис угрюмой и унылой,
 Воспитанный летами и грозой
 («Роза и кипарис» [ПСС: IV, 197]).

Эти стихи могли быть написаны где угодно, и за исключением кипариса, типично южного растения, в них нет и следа итальянского влияния. Рим как поэтическая тема появился спустя много лет, когда Вечный город стал для Вяземского символом перенесенных там страданий. В 1845 г., вероятно, к десятой годовщине смерти дочери князь написал стихотворение «Рим» [Там же: 287–288]⁷⁹⁶, в котором размышлял об историческом значении имени Вечного города:

Рим! всемогущее, таинственное слово!
 И вековечно ты, и всегда ты ново! —

и о его историческом величии:

Все, что́ есть жизнь ума, все, что души есть страсть —
 Искусство, мужество, победу, славу, власть, —
 Все выражало ты живым своим глаголом,
 И было ты всего великого символом.

Следовательно, он сохранил живое воспоминание о городе, который был когда-то культурным центром античного мира и повсеместно утверждал свои законы. Князя восхищало универсальное значение имени города, однако еще больше он чувствовал свою связь с ним из-за пережитой там потери. Он не мог найти в себе силы вновь посетить

⁷⁹⁶ Обычно стихотворение датируется 1845 г., что правдоподобно, поскольку это годовщина смерти Прасковьи. Л. Я. Гинзбург в сборнике «Стихотворения» (с. 279) относит его к 1846 г., так как впервые оно было опубликовано в «Московском литературном и ученом сборнике» за тот год.

Рим: в 1859 г. друзья почти уговорили Вяземского вернуться туда, но в последний момент он отказался от поездки. Возможно, идея путешествия пробудила в нем воспоминание о месяцах, проведенных в Риме, и тогда он написал стихотворение «К Риму» [ПСС: XI, 462–463]⁷⁹⁷. В нем памятники древнего и современного Рима оказываются лишь грандиозной рамой для дорогого уголка на кладбище, хранящего память о самых мучительных часах жизни поэта:

Родное место есть мне на твоём кладбище,
На сем кладбище царств, столетий и племен.

Этими стихами завершается поэтическое воспоминание о первой поездке в Италию, которое, за исключением «Флоренции», принесло довольно скудные творческие плоды.

Зато огромное значение для лирики Вяземского имели две поездки в Венецию, потому что сам город, по его мнению, был живой поэзией, вдохновлявшей всякого наделенного чувствами художника. Проведя несколько недель в Венеции, Вяземский писал А. Я. Булгакову:

Для Венеции у нас две редкости: терраса над каналом с двумя павильонами и сад между ими и домом нашим. <...> барышни поют итальянские и русские песни, я курю сигару и разучившись волочиться за земными красавицами, волочусь за небесною и в любви объясняюсь с луною, пока еще прозою, но рифмы уже бурчат во мне и скоро будет извержение... [Там же: X, 41].

Полноценная панорама города представлена в стихотворении «Венеция», в котором сменяются оживленные картины улиц, каналов, архитектуры, повседневной жизни необыкновенного города:

Экипажи — точно гробы,
Кучера — одни гребцы.
Рядом — грязные труппы
И роскошные дворцы («Венеция», 1853 [Там же: XI, 71]).

⁷⁹⁷ Это стихотворение традиционно относят к 1862 г., так как впервые оно было напечатано в сборнике «В дороге и дома», который увидел свет в Москве в 1862 г. Мы считаем, что оно было написано скорее в 1859 г., когда Вяземский отменил поездку в Рим, но опубликовано три года спустя. В 1863 г. он должен был сопровождать сына в Рим, но вновь отказался от этих планов.

В этих стихах мы встречаем знакомые описания со страниц записной книжки:

Тенор здесь хрипит рулады,
Там скрипит скрипач слепой
Так, что все оглохнуть рады,
Только б дать ушам покой.
Кофе пьют, едят *сорбети*
И свою балуя лень,
Юга счастливые дети
Так проводят праздный день [ПСС: XI, 73].

Затем поэт разворачивает перед нами картину пестрого общества, населяющего Венецию:

Здесь, как в пестром маскараде,
Разноцветный караван,
Весь восток в своем наряде:
Грек, накинув долиман,
Турок феску нахлобуча —
И среди лиц из разных стран,
Голубей привольных куча,
А тем паче англичан [Там же].

Упоминание английских туристов подстегивает иронию Вяземского:

Все они несут под мышкой
Целый пук карандашей,
Телескоп с дорожной книжкой,
Проверяя все по ней [Там же].

Наконец, в заключительной части он дает волю своему раздражению на губернатора Венеции Горцковского⁷⁹⁸, не поблагодарившего его за визит вежливости. Личная обида впервые подталкивает князя встать в политическом конфликте на сторону венецианцев:

⁷⁹⁸ Карл Горцковский (1778–1858) — о нем и об отношении к нему Вяземского см. выше, прим. 771. В 1849–1858 гг. был военным и гражданским губернатором Венеции. Известен также своим запретом представить в Венеции первый вариант оперы Верди «Риголетто».

Но одно здесь спорит резко
 С красотою здешних мест:
 Наложил лихой Тедеско⁷⁹⁹
 На Венецию арест
 <...>
 Тут пятой Горшковский давит
 Цепью скованного льва... [ПСС: XI, 75].

Здесь поэт занимает определенную политическую позицию, которая отличается от нейтрального и почти безразличного тона его записных книжек. Кроме того, упоминание Горшковского помогает примерно датировать это сочинение, поскольку 29 ноября (10 декабря) 1853 г. Вяземский сделал негодующую запись о невежливости генерал-губернатора Венеции.

Венецианский пейзаж преобладает во многих стихах этих двух циклов, в частности «К Венеции» [Там же: 79]⁸⁰⁰ или в другом коротком стихотворении, в котором он представляет город как «Царицу красоты» [Там же: 82], любующуюся собой в прозрачных водах лагуны, как в зеркале. В стихотворении «Фотография Венеции» 1863 г. [Там же: XII, 21–24] повторяются картины 1853 г., но образ города в нем воссоздается через описание общей атмосферы, а не реальных городских картин:

Пловучие дворцы и храмы,
 Как бы на якоре суда,
 Как будто ждут, чтоб ветер попутной
 Расшевелил их паруса! [Там же: 22]

Архитектура Венеции приобретает почти сказочный облик:

Резец твердыням этим мрачным
 Дал мягкость, выпуклость и грань,
 И словно кружевом прозрачным
 Сквозит их каменная ткань [Там же].

⁷⁹⁹ Немец — *итал.*

⁸⁰⁰ Первая и последняя строка стихотворения заимствованы из поэмы И. Ф. Богдановича (1743–1803) «Душенька», написанной в 1775 г.

Эти строки показывают, почему Вяземский любил называть себя «скромным поэтом-фотографом»⁸⁰¹: он действительно хотел точно передать читателям свои впечатления, чтобы позволить им издалека увидеть подобие фотографии места. Известно, что, едва получив экземпляры из многоязычной типографии Сан-Лазаро, Вяземский поспешил отправить это стихотворение русским друзьям, — вероятно, потому что считал его одним из самых удачных, хотя и признавался Плетневу, что вдали от родины сложно сочинять хорошие стихи [Плетнев: 500–501]. По-видимому, «Фотография Венеции» понравились и итальянским друзьям Вяземского, что подтверждает перевод Н. Бароцци, уже тогда вышедший в Венеции⁸⁰², — его экземпляр князь послал и самому Мандзони [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 91].

В 1863 г. Вяземский также пишет «Торчелло» [ПСС: XII, 91–93], в котором пейзажная зарисовка перетекает в воспоминание об исторических событиях:

Древле славное Торчелло
Выплывает из лагун:
В этот край нагрянул смело
Божий бич, свирепый гунн [Там же: 91].

Стихотворение относят ко второму венецианскому циклу, но мы полагаем, что первый его набросок мог быть создан еще в 1853 г.; возможно, что оно было полностью написано в то время⁸⁰³. Первые строки:

Облака все реже, реже,
Мир стряхнул ночную тень,
И ноябрьской негой свежей
Южный утренюет день...

⁸⁰¹ Ср. «Нет, чуждых мне не похищая прав, / Не забываясь гордо, снимок бедный, / С живой картины отпечаток бледный, / Вам подношу, смиренный фотограф» («Ее Императорскому Величеству», 1864 [ПСС: XII, 51–54]).

⁸⁰² “Fotografia di Venezia del principe Wiasemski”, Venezia, Tipografia del Commercio Imperiale, 1864.

До сих пор автор перевода оставался неизвестен, но по инициалам N. V. не составило труда определить, что это Бароцци, с которым Вяземский много общался в 1863–1864 гг.

⁸⁰³ Вероятно, это объясняется тем, что стихи не вошли в сборник «В дороге и дома» 1862 г., который включал все остальные стихотворения о Венеции 1853 г.

— очень напоминают описание экскурсии на Торчелло 1853 г.: «Сегодня в 10-м часу утра отправился в Torcello. Утро свежее, но прекрасное и светозарное, вода блестит, а вдали, в тумане, Тирольские горы, под снежными шапками»⁸⁰⁴.

Как уже показал Г. Вытженс [Wytrzens 1961: 46–72], первое издание сочинений Вяземского нередко грешило небрежностью датировок, и нам не раз пришлось констатировать, что князь не заботился о хронологической точности. Если бы это стихотворение относилось к 1863 г., Вяземский должен был бы совершить еще одну поездку на Торчелло ровно десять лет спустя, в те же ноябрьские дни. В этом случае он, вероятно, упомянул бы о своем предыдущем визите.

К пейзажной теме относятся и некоторые послания в стихах — жанр, к которому князь часто обращается в старости; среди них отметим стихотворения «Ее Императорскому Величеству» [ПСС: XII, 51–54], «Эрнестине Федоровне Тютчевой» [Там же: 76–79] и «Федору Ивановичу Тютчеву» [Там же: 41–43]. В последнем он вспоминает о сильных холодах, установившихся в Венеции в январе 1864 г.:

Вот и крещенские морозы!
Точь-в-точь на невском берегу:
Метет метелица на Пьяцце
Как на Царицыном лугу.

Этот мороз настолько порастил Вяземского, что он сделал о нем запись в книжке 1863–1864 гг., хотя в те годы редко комментировал повседневные события. Оказавшись словно среди русской зимы, он, вероятно, был рад иллюзии пребывания на невских берегах. Известно, что иногда он уставал от южного климата и мечтал об атмосфере родных мест. Уже в 1853 г. он время от времени находил уединение в Городском саду:

Когда, пресытившись природой южной,
Родных воспоминаний след ловлю... [Там же: XI, 80].

Он бродил среди растительности, окрашенной в осенние цвета, и представлял себя в петербургском Летнем саду:

⁸⁰⁴ См. запись от 31 октября (12 ноября) 1853 г. [ПСС: X, 77].

Люблю бродить в саду и думой дальней
 Иных дорожек хладный грунт топтать
 И в осени, красавице печальной,
 Черты давно знакомые встречать [ПСС: XI, 80].

Иллюзия во время этой прогулки была столь сильна, что, вернувшись домой, он сочинил эти стихи, в записной книжке представив их как «плод *его* прогулки в Городском саду» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1124. Л. 104].

В 1863–1864 гг. Вяземский вновь упоминает сады, расположенные рядом с островом Св. Елены (“Santa Elena” [ПСС: XII, 57–58]), но лишь в связи с Наполеоном, который приказал разбить общественные сады напротив этого острова, а затем, после трагической развязки своей судьбы, оказался заточен на одноименном острове.

Князь использовал любую возможность, чтобы поразмышлять о событиях, имеющих исторический интерес, но в то же время заметно, что темы, навеянные тоской по родным берегам, редки, и напротив, он часто воспевает красоты южной природы.

В средиземноморских странах Вяземского пленяла прежде всего красота ночи — ею он восхищался и на Босфоре, и в Венеции. Многие его стихи посвящены очарованию ночи, и он не раз восторгается ею в записной книжке 1853 г.: «Ночь лунная, небо и море как зеркало, освещенное огнями. Грешно не сказать им спасибо и не воспользоваться праздником, которым они тебя угощают <...> Очаровательно!» [Там же: X, 41].

Вяземский запечатлел «Ночь в Венеции» в стихах, где ночь вновь напоминает об историческом прошлом: в ее загадочной атмосфере сильнее ощущается величие угасшей республики, распространявшей свое влияние до самого Востока [Там же: XI, 76–78]. В воображении поэта смешиваются воспоминания о ночах на Босфоре и пленительные виды Венеции.

Кроме того, есть “Notturmo” («Ноктюрн» [Там же: XII, 33–34]), в котором сочетаются тема ночи и тема любви, два часто взаимосвязанных мотива в поэзии Вяземского. Венецианский «Ноктюрн» был

вдохновлен красотой княгини Кларии⁸⁰⁵, которая в глазах поэта воплощала очарование волшебной ночи в венецианской лагуне⁸⁰⁶.

И все же больше всего Вяземский любил Венецию за ее уникальное морское положение. Князь всегда питал страсть к морю, которое было для него одним из самых эффективных лечебных средств, в целительную силу которого он свято верил. Так, в 1835 г. он настаивал, чтобы жена внимательно отнеслась к выбору места, где Надинька могла бы принимать морские купания, необходимые, с его точки зрения, для поправки ее здоровья⁸⁰⁷. Как мы упоминали выше, сам князь провел в 1838 г. несколько недель в Брайтоне и аккуратно отмечал в записной книжке, сколько раз он успел искупаться в Англии. В 1853 г. он ехал в Венецию с тем же намерением, поскольку надеялся, что и осенью сможет наслаждаться морскими купаниями в теплом южном климате⁸⁰⁸.

Наряду с почти языческой любовью к морю, в нем была развита особая чувствительность к этой стихии. Море влекло его мелодичным и вечно изменчивым ритмом, своими красками, бескрайним простором и внезапными переменами настроения, которые часто превращали его в опаснейшего врага людей. В Венеции он написал два стихотворения о море. В первом музыка моря навевает поэту длинное поэтическое размышление:

Море — целая поэма,
Вечно-новое сказанье
Поэтических чудес!
<...>
Есть на все свой отголосок
И на все есть своей напев
<...>

⁸⁰⁵ Елизавета Александрина Фикельмон, княгиня Кларии.

⁸⁰⁶ Мотив ночи присутствует в большинстве пейзажных стихотворений обоих венецианских циклов.

⁸⁰⁷ См. письмо 15 (27) апреля 1835 из Генуи и письмо 26 апреля (8 мая) из Вены [Прил. I].

⁸⁰⁸ В неизданной части записной книжки нами обнаружены все записи 1853 г. о купаниях, которые он совершал в Венеции. Очевидно, он считал их обязательными для восстановления здоровья и успокоения нервной системы. Исключение этих записей при публикации уменьшило ценность записной книжки как личного документа.

Льются звучные октавы
 <...>
 Вековые голоса... [ПСС: XI, 88–89].

Во втором оно — обманчивая стихия, которая манит человека видимым спокойствием, а потом заставляет рисковать жизнью. Вяземский и в самом деле дважды пережил злоключения на море: в 1838 г. он снова оказался на пароходе «Николай» и стал свидетелем пожара на борту. Князь помогал тушить огонь, а потом спасался сам. В стихах 1853 г. он описал этот страшный эпизод [Там же: 91–93]:

На костре плавучем море
 Ночью видело меня.

Вспоминая ужасающую картину, он призывал на помощь красноretchие Данте, который один мог бы передать ее в поэзии:

... живописец ада,
 Здесь твоя бы кисть нужна [Там же: 92].

В 1850 г. он рисковал жизнью в Эгейском море, и опасность была еще серьезнее:

Знал я на море не мало
 Качек, ветров, непогод:
 Чуть совсем не докачало
 Нас на дно Эгейских вод [Там же: 91].

Второе приключение окончательно разрешило его сомнения относительно путешествий по морю:

Нет, с волною ненадежной
 Не вступаю в тесный брак:
 Холостой я, осторожный,
 Сухопутный я моряк [Там же].

Он продолжал страстно любить море, но уже «платонической любовью»⁸⁰⁹, потому что не хотел больше быть «морьяком».

Иная функция у моря в стихотворении «Рыбак» [Там же: 94–97]. Главная фигура здесь — рыбак, чья жизнь находится во власти капризных волн:

⁸⁰⁹ См. также письмо 7 мая 1859 из Генуи [Прил. I].

В море он пустился рано,
Победив дрему и лень:
Море было так стеклянно,
Так безоблачен был день [ПСС: XI, 95].

Это стихотворение, несомненно, навеяно посещением Кьоджи, где поэт наблюдал за местными рыбаками и их женами. На него произвела большое впечатление выразительность лиц этих сильных и здоровых людей; он присматривался к повседневным привычкам местных жителей, судьба которых зависела от моря. На обратном пути в Венецию он обратил внимание на необычное зрелище: «Уже недалеко от Венеции возвышается из воды маленькая часовня с лампадою перед образом Богоматери, которая (т. е. лампада) служит вероятно и маяком для пловцов. Прекрасная мысль и умильное сочетание!» [Там же: X, 15]. Это «сочетание» дало материал для стихотворения, состоящего из двух частей: в первой рассказывается история рыбака, который вышел в море и был застигнут внезапным штормом:

И недавно так ручное
Море, дикое теперь,
Пасть раскрыв, при страшном бое,
Ощетинилось как зверь [Там же: XI, 95].

Вторая часть посвящена описанию рыбацкой деревни, откуда женщины с тревогой следят за лодкой, бьющейся на волнах. Им остается уповать лишь на Мадонну и на лампаду, зажженную перед ее образом:

Сердобольная Мадонна!
Помощь нам свою яви
<...>
О, утешь нас, утешитель!
Да сойдет на нас с небес
Мирный ангел, вождь-хранитель [Там же: 96].

Во втором цикле встречается и другое похожее стихотворение — «Старый гондольер» [Там же: XII, 84–87], в котором значительную роль также играет народный элемент. На сей раз поэт представляет беседу со старым гондольером, который повествует о своих приключениях:

И по морям, и по лагунам
 Я рыскал, — смелый волк морской,
 Смеясь и ветрам, и бурунам,
 И зною дня, и тьме ночной [ПСС: XII, 84].

Однако не только природа вдохновляла поэта в те месяцы, которые он прожил в Венеции. Жизнь в этом городе предоставляла его наблюдательности широчайшую гамму тем. Среди первых отметим гондолу: этот транспорт помогал чужестранцу насладиться венецианской жизнью, наконец освободив его от мучительной тряски в экипаже:

...колыбелью зыбкой
 Меня укачивает сладко [Там же: XI, 83].

Поэта пугает открытие, что мирная колыбель служит также для перевозки к месту последнего успокоения. С этого момента в его поэзии каюта гондолы приобретает зловещие очертания гроба:

А на гондоле кузов черный,
 Как гроб страшилищем стоит [Там же].

Этот мотив повторяется в первом и втором циклах, что доказывает — за десять лет с 1853 г. его видение Венеции не изменилось:

Накинут на гондолу фельце,
 Он — черный гроб, иль колыбель,
 Дней наших первая обитель,
 Или последняя их цель [Там же: XII, 96].

Из этих стихов мы узнаем, что необычные венецианские похороны в старости казались Вяземскому менее страшными, чем прочие траурные церемонии:

Здесь, где серебряная влага
 Разливает путь немой,
 Дроги — смерти колымага —
 Не стучат по мостовой;
 Здесь в затишьи и прохладе
 Свеж почивших мирный сон,
 Меньше ужаса в обряде
 Тихих, плавных похорон... [Там же: 89].

Религиозный мотив в эти годы по-прежнему связан с образом, вокруг которого строились размышления князя в 1853 г.:

И день, и ночь горят лампы
 Пред ликом Девы Пресвятой,
 Звезды надежды и отрады
 Скорбящим телом и душой [ПСС: XII, 74].

В 1863–1864 гг. князь не забыл и о том, что ему так и не довелось в прошлый приезд послушать в гондоле исполнение октав Тассо, оты- вающихся эхом под сводами каналов. На сей раз он снова вынужден был довольствоваться современными баркаролами. В обоих циклах мы находим стихи, написанные размером самых известных венециан- ских песен, в то время входивших в репертуар гондольеров: “La bion- dina in gondoleta”⁸¹⁰ [Там же: 94–95] и “Vieni la barca è pronta”⁸¹¹ [Там же: XI, 84–87].

Не меняются и его художественные предпочтения: сердце го- рода — по-прежнему пьяцца Сан-Марко с собором и палаццо Дожей. Даже в мельчайших деталях обнаруживаются отголоски впечатлений 1853 г.: тогда с горьким сожалением смотрел он на старинные дворцы, которые в славном прошлом Светлейшей республики были родо- выми гнездами старинной аристократии. Эта мысль не дает ему покоя и во время второго визита в Венецию:

Печально видеть, как в казармы
 Здесь обращаются дворцы;
 Как здесь солдаты и жандармы
 В чертогах Фоскари жильцы.
 Ну, словно, царские и мантии, и бармы
 Своей ремесленной рукой
 В солдатскую шинель перекроил портной [Там же: XII, 65].

Тем не менее, во втором цикле мы видим некоторую эволюцию, по- скольку князю удается ближе узнать простых венецианцев.

В 1853 г. Вяземский завязал первые знакомства с представите- лями итальянского простонародья и наблюдал их жизнь во время

⁸¹⁰ «Блондинка в гондоле» — *итал.*

⁸¹¹ «Приди, лодка готова!» — *итал.*

религиозных и светских праздников. Кроме того, во время второй поездки он увидел знаменитую регату [ПСС: XII, 78], народные праздники на островах венецианской лагуны («Вакханалия» [Там же: 98–101]), смог побродить в народной толпе. Стихотворение “Per obedir la” [Там же: 102–104] демонстрирует, что его ироничный ум проник в суть венецианского характера. Он обнаружил, что венецианцы убеждены в своей способности «вертеть, как хочешь, целый свет», отвечая на все вопросы “per obedir la” («как вам будет угодно» — *итал.*):

По утру спросишь о погоде:
 «Per obedir la, хороша».
 Спроси о бедности в народе:
 «Per obedir la, нет гроша».
 Какая вонь у вас в канале!
 «Per obedir la, вонь и есть».
 Бог деток дал тебе, Пасквале?
 «Per obedir la, дочек шесть».
 Я ночью слышал три удара:
 «Per obedir la, гром гремел»;
 Я видел зарево пожара:
 «Per obedir la, дом сгорел» [Там же: 102].

Диалог в стихах продолжается в том же духе, пока лирический герой не спрашивает, не потопила ли буря барку, и слышит в ответ «Per obedir la, и с людьми», и тогда он восклицает:

О, баста, баста, грудь изныла
 От ваших слов; провал возьми! [Там же: 103].

Это подобие потешного стиха, вероятно, было навеяно песнями народных сказителей, которых князь мог слышать во время праздников на островах и в Кьодже.

Стихотворения из второго цикла обладают определенной биографической ценностью ввиду отсутствия иных источников, которые позволили бы судить о чувствах и впечатлениях Вяземского в период его пребывания в Венеции, тем более, что в записных книжках он оставил лишь несколько кратких и разрозненных заметок об этом периоде.

В 1863–1864 гг. князь часто высказывал в стихах свои политические взгляды, и в этом мы также не отмечаем заметной эволюции по

сравнению с 1853 г. Отношение Вяземского к политическому положению венецианцев осталось снисходительно-безразличным. Храня верность прежним убеждениям, князь выражает свои идеи в форме басни:

Зачем здесь лев с орлом раздоре?
Всем общинной дан Божий свет.
Зачем же в добровольном горе
Любви евангельской здесь нет? [ПСС: XII, 64].

Схожие образы встречаются и в других стихах:

И я желал бы зреть Венецию свободной,
<...>
В величьи царственном и блеске старины,
Когда отважный лев носился над морями... [Там же: 66].

Таким образом, он остался верен принципу невмешательства в политические вопросы западной Европы, тем более, что его русская душа не могла проникнуться «утилитарными» взглядами, которыми западные политики руководствовались в принятии решений.

Во втором венецианском цикле наибольший интерес представляет небольшая группа стихотворений, посвященных последнему путешествию Вяземского через провинцию Венето. Эти стихи играют роль путевых заметок, дополняющих записи, впервые публикуемые нами в приложении.

При сопоставлении стихотворений и заметок из записной книжки обнаруживаются такие же расхождения, как и между записной книжкой 1834–1835 гг. и синхронными с ней письмами. Записные книжки всегда более лаконичны, в них отмечены только самые выдающиеся впечатления поездки; в то же время стихотворения показывают, что путешественник находился в глубоком контакте с природой, искусством и историей и был хорошо знаком с местной ситуацией.

Князь покинул Венецию в сопровождении одного лица, нам не известного, и пустился в путешествие вдоль реки Брента, воспетой Пушкиным в «Онегине». Он не удержался от восторженного описания ее берегов:

Пестреют гнезда свежих вилл,
 <...>
 Сады улыбочиво глядят,
 Цветов обилье, блеск и нежность
 Земною радугой горят [ПСС: XII, 105].

Это стихотворение подтверждает, что представление князя об Италии не изменилось со времен первого путешествия 1834–1835 гг.

В следующих стихах вновь повторяется идея, еще тогда сформулированная им на пути домой из первой поездки в Италию:

Здесь рай! Счастливые создания,
 Здесь люди без забот живут:
 Они, как будто, наказанья
 За грех Адамов не несут... [Там же].

Подобные размышления вновь пробудились в Вяземском, когда он обозревал мирные и счастливые селения на берегах Brenty. Как и в 1835 г., он приходил к выводу, что детям Юга повезло больше, чем детям Севера, потому что природа щедро делилась с ними своими дарами. Эта благодатная природа делала Италию и итальянский образ жизни родными для Вяземского, натура которого сопротивлялась любым ограничениям и чужда была любым систематическим усилиям. Кроме того, атмосфера Венеции оказала благотворное влияние на его нервную систему, и в этих стихах, возможно, скрывается благодарность природе, которая была так добра к нему.

Осмотрев в Стра виллу Пизани с садом и оранжереями, он отправился в Падуя, посетил базилику Святого Антония, но не зафиксировал значительных подробностей. Узнать эти детали можно только из записных книжек, так как в стихах Падуя не упоминается — очевидно, город не особенно заинтересовал князя.

Судя по путевым заметкам, Виченца также не тронула его, удостоились воспоминания только театр «Олимпико» и Ротонда Палладио. В то же время благодаря стихам мы знаем, что вид этого города, наполовину средневековый, наполовину ренессансный, поразил князя, когда с высоты церкви Мадонна-ди-Монте-Берико он увидел его необычайный облик:

Красива и горда Виченца
 В своем разорванном венце,
 С улыбкой светлою младенца
 На смуглостарческом лице [ПСС: XII, 107].

Необыкновенную красоту города оттеняла «вечно молодая» природа Венето, вдохновлявшая «счастливых» художников всех времен, и в особенности «крестного отца» Виченцы, Палладио. В творении Палладио Вяземский наслаждается видом возрожденной во всем великолепии античности:

Театр Олимпико! Эллады
 Здесь зодчий образ воскресил:
 Царя Эдипа ищут взгляды,
 Ждешь, чтоб Софокл заговорил [Там же: 108].

Созерцающий поэт забывает об окружающей действительности и мысленно переносится в те эпохи, когда мир был «храмом красоты».

Недолго пробыв в Виченце, Вяземский на поезде отправляется в Верону и в следующем стихотворении передает впечатления от этого новейшего технического изобретения. Тема техники появляется в поэзии Вяземского после смерти Надиньки⁸¹². С присущей ему иронией старого консерватора он дает оценку техническому новшеству:

Берешь билет, поспешно с ношей
 Бежишь, чтоб взвесили ее,
 И гильденов, и зильбергрошей
 Пригоршни высыплешь за все.
 <...>
 Сквозь давку полезай в вагон,
 Где ждут тебя, как сельди в бочке,
 Шесть джентльменов и барон [Там же: 109].

Далее он сетует на стук и скрип колес, которые стремительно уносят его, разрушая впечатления, вдохновлявшие на поэзию и творчество; люди перестали ценить даже искусство Палладио, потому что место художественных дарований заняли умения «механиков и кузнецов».

Недолгий переезд приводит Вяземского в Верону, и здесь снова заметны расхождения между записной книжкой и его лирикой.

⁸¹² См. «Наш век» [ПСС: IV, 259–261]; «Не даром здесь вода, везде вода...» [Там же: XII, 70].

В стихотворении «Верона» поэт рисует прекрасную историческую панораму, навеянную видами Адидже и, возможно, моста Скалигеров, арки которого князь посетил во время предыдущих визитов в Верону. Однако в записных книжках просто перечислены памятники, которые ему удалось увидеть в городе за день.

После Бренnero это был первый город, облик которого представлялся путнику типично итальянским. Любуясь Вероной, стоящей на берегах Адидже, Вяземский замечает, что в этом месте река имеет право не называться Эчем, как того хотелось бы немцам:

Ей это имя в стыд и горе:
 Чтоб это имя не носить,
 Спешит она в глубоком море
 Его с собою потопить.
 Вот почему она так рвется,
 И вид так гневен и суров... [ПСС: XII, 111].

Он обращается к историческим размышлениям, ведь каждый памятник здесь хранит в себе следы прошлого. Верона для князя была символом борьбы между гвельфами и гибеллинами и напоминала о Данте, укрывшемся за ее стенами [Там же: 112–113]. Среди великолепных памятников славного прошлого появляется и трагическая фигура Джульетты (у Вяземского — Жюльетты), жертвы непримиримой борьбы двух враждующих городских кланов:

Ромео! Страстная Жюльетта!
 <...>
 И с песнью жавронка, — поэта
 Рассказ еще волнует нас [Там же: 112].

Эти стихи в творчестве Вяземского стоят особняком, поскольку содержат точные отсылки к событиям итальянской истории, доказывая, что автор имел об этом периоде достаточно хорошее представление. На следующий день Вяземский направился на озеро Гарда, которое впервые видел в 1835 г. за пеленой дождя [ЗК: 230]. Приехав поездом в Дезенцано, он пересел в экипаж до Сало. Эта часть путешествия подробно описана в записной книжке, дополнением к которой стали последние два стихотворения из данной группы. В первом из них поэт изображает побережье озера и альпийский пейзаж, которым любителю

издалека. Ввиду того, что один берег находился под властью итальянцев, а другой был немецким, князю показалось, что само озеро взывает к путешественнику, требуя от него сделать политический выбор и отдать предпочтение той или иной стороне. Подобное политическое положение казалось поэту предосудительным и преступным по отношению к самой природе, поэтому он призывал путников не поддаваться этому призыву. Туристы должны были испытывать на себе только влияние прекрасной природы, не заботясь ни о Ламарморе⁸¹³, ни о Бенедике⁸¹⁴, потому что оба были неправы. Князь воспользовался случаем, чтобы помянуть недобрым словом короля Сардинии, которому не мог простить передачу Ниццы французам в обмен на Милан⁸¹⁵.

Наконец, в последнем стихотворении этого поэтического дневника Вяземский представляет природные красоты побережья Гарды, отдав предпочтение его итальянской стороне. В стихах поэт в последний раз запечатлел фотографический образ Италии, описав озеро и очаровательные городки Мадерно, Рива, Тремозине, через которые пролегла его дорога на Роверето. Князю удалось передать свой восторг перед пейзажами и сожаление по поводу скорой разлуки с ними:

Поэзией и вдохновеньем
Здесь упивается мечта,
Любуясь с тайным наслажденьем
На живописные места [ПСС: XII, 116].

Даже в окружении природы Вяземский не смог подавить искушения обыграть итальянское название: «Салò (но не читайте сàло)» [Там же] — как видно, каламбуры легко давались ему и в старости.

Итак, можно утверждать, что эти стихи проникнуты духом, свойственным всем произведениям Вяземского: поэт не уверен в себе,

⁸¹³ Альфонсо Ферреро Ламармора (1804–1878) — сардинский, затем итальянский государственный и военный деятель.

⁸¹⁴ Людвиг Август фон Бенедек (1804–1881) — австрийский военачальник.

⁸¹⁵ См. стих. «Lago di Garda — яхонт синий...»: «Равно ей, кто б страной ни ведал / Хоть Гибелин из хладных стран / Хоть новый Гвельф, что Ниццу предал, / Чтобы в подарок взять Милан» [ПСС: XII, 115]. Далее автор, как обычно, не отдает предпочтения ни Ламарморе, ни австрийскому генералу Бенедеку, сохраняя нейтральную позицию, отразившуюся в стихотворении «Мое мнение о нынешней войне»; предвзятым было только его отношение к Сардинскому королевству.

стыдится своих истинных чувств и часто скрывает их за маской иронии. Как в прозе, так и в стихах, он пишет «обо всем понемногу», его подвижный ум не может остановиться на одном предмете и легко увлекается самыми разными темами. Нельзя обнаружить в них и подлинной эволюции: за редкими исключениями, мотивы поэзии не меняются на протяжении всего его творческого пути.

Прибытием в Роверето завершается последний этап путешествий Вяземского по Италии. Пребывание в Италии не оказало на его поэтическое творчество, конвенциональное и нередко академичное, того же влияния, какое имело на многих других авторов, для которых посещение Италии знаменовало решительный творческий поворот⁸¹⁶.

В Италии он писал свои стихи так же, как и в любом другом месте, и мы не отметили больших отличий в пейзажной лирике, созданной им в Италии, Швейцарии или Германии, если не считать различий в природе, в темпераменте местных жителей, в традициях: язык, форма, рифма в них остаются неизменными. Итальянские стихи имеют по этой причине прежде всего биографическую ценность, дополняя сведения из записной книжки, подтверждая и уточняя их.

В поэзии второго венецианского цикла виден не только интерес к художественным и историческим особенностям города, но и литературные реминисценции. Кажется, что тени великих итальянских классиков — Данте, Петрарки, Тассо, Ариосто⁸¹⁷ — неизменно сопровождали князя, пока он плыл в гондоле вдоль каналов и дворцов. Эти стихотворения подтверждают, что основные произведения названных писателей входили в литературный и культурный багаж князя, хотя его заметки об итальянской литературе имели отрывочный характер и не несли в себе следов серьезного критического анализа. Вероятно, подлинное знание Вяземского об итальянском мире были глубже, чем можно судить на основе анализа его творений, который мы попытались провести максимально тщательно.

⁸¹⁶ Вяземский как поэт не испытал прямого влияния литературных течений XIX в., за исключением идеи “l’art pour l’art”, которая побуждала его усиливать природную склонность к изысканности слога и образов.

⁸¹⁷ Критики также видят некоторое влияние Петрарки в поздних стихах, посвященных графине Ламздорф (см. выше, ч. II, гл. II).

ГЛАВА V

ВЯЗЕМСКИЙ И ИТАЛЬЯНСКАЯ МУЗЫКА

Мы не раз указывали на то, какую значительную роль в жизни Вяземского играла музыка. В ней он видел самое чистое из искусств, единственное, способное возвеличить душу, оторвать ее от всего мирского и вознести к Богу.

В путешествиях по Италии князь видел много произведений живописи и, как мы имели возможность убедиться, склонен был сопоставлять их с музыкой. Это сравнение Вяземский развернул в заметке «Музыка и живопись», где постулировал, что музыка — искусство независимое, а живопись таковым не является, так как подражает материальному миру. Поэтому в живописи все «вещественно», но представляет собой оптический обман, в то время как в музыке живое «почти не осязается чувством <...> Музыка творение первобытное и только из угождения прихотям, или недостаткам человеческим сошла она в искусство. Шум ветров, ропот волн, треск громов, звучные и томные переливы соловья, изгибы человеческого голоса, вот музыка довременная всем инструментам» [ПСС: VIII, 11]. В музыке вдохновение проявляет себя свободно, без распоряжений «человека, минутного хозяина в жизни. Душа порывается от радости или печали, она выливается в восклицание, или стон. <...> она просто не могла утаить их в себе» [Там же: 12], — так рождается музыка.

По этой причине музыка не могла быть низведена до статуса ремесла, тем более, что у Вяземского было «аристократическое» понимание искусства, и он не желал признавать, что оно могло служить источником заработка, потому что всякая мелодия спонтанно рождается в человеческом сердце. Музыка была даже выше поэзии, которую он называл «ангелом в одежде человеческой», потому что «ангелы, херувимы, серафимы <...> не живописуют силы Божией, а воспевают ее» [Там же: 13].

Вяземский преклонялся перед музыкой, и она стала «одна и нераздельна (*une et indivisible*)» [ПСС: VIII, 13] с самой его жизнью. Его любовь к музыке была столь сильна, что однажды, будучи больным, он все-таки велел отвезти себя в театр, чтобы послушать «Сороку-воровку». Булгаков, его друг и любитель музыки, напоминал Вяземскому, что тот обладает «шестым чувством» музыки, которое приятели между собой шутя называли «Россинизмом» [Итальянский театр]. В путешествиях, как только позволяли обстоятельства, князь выбирал для долгих остановок такие места, где можно было слушать хорошую музыку, и в последние годы жизни по этой причине отдавал предпочтение Бад-Гомбургу, выбрав его своей постоянной резиденцией.

Когда Вяземский говорит о музыке, он обычно подразумевает оперу, главным образом итальянскую, его любимым композитором в этом жанре был Россини. В Москве произведения Россини исполняли итальянские артисты, приезжавшие по приглашению меценатов — Юсупова, Голицына, Долгорукова, Апраксина, в домашних театрах которых ставились оперные спектакли. Симфоническая музыка — отдельный вид искусства, князь упоминает о ней только мимоходом в последние годы жизни, когда он подолгу жил за границей. В России он, вероятно, мало ею интересовался, несмотря на многочисленные московские и петербургские концерты с хорошими исполнителями, о которых писали в разделе музыкальной хроники газеты того времени.

Опера была для князя источником радости и внутреннего подъема, а в тяжелый варшавский период, возможно, служила единственным утешением. Всякий раз, когда становилось известно о скором приезде итальянского музыканта, князь с энтузиазмом сообщал об этом своим корреспондентам, передавая все, что ему было известно о степени виртуозности, темпераменте и музыкальности исполнителя. Он выказывал определенные познания в вокальной технике, возможно, усвоив уроки А. Я. Булгакова, музыканта-самоучки, который имел возможность совершенствоваться во время пребывания в Неаполе.

Первой итальянской певицей, которую Вяземский слушал в Варшаве, стала Джентиле Боргондио⁸¹⁸, которая настолько впечатлила

⁸¹⁸ Джентиле Боргондио (*Gentile Borgondio*, 1780–1830) родилась в Брешии в дворянской семье. Обладая прекрасным контральто, она пела в Варшаве, в Петербурге, в Москве и во

его прочувствованным исполнением партии Танкреда в одноименной опере Россини, что он немедленно взялся за написание «афишки» на французском для публикации в петербургском “*Conservateur impartial*”⁸¹⁹, чтобы подготовить столичную публику к прибытию «божественной Боргондио». Слушая итальянское пение, он представлял озаренную солнцем землю юга [ОА: I, 266] и страдал только от того, что его далекие друзья не могли разделить с ним «нежные до лакомства» напевы исполнительницы⁸²⁰.

Горячность Вяземского даже привела к полемике — прежде всего потому, что петербургские и московские газеты не хотели сразу принять статью, которую сочли чрезмерно комплиментарной из-за заключительной фразы «Каталани — Царица, Боргондио — Богиня»⁸²¹. Кроме того, петербургские итальянцы не разделяли его восторгов относительно Боргондио, считая, что он не объективен. Они уверяли, что певица Сесси⁸²², в то время выступавшая в русской столице, превосходила протее Вяземского⁸²³. Тогда князь с присущим ему пылом

многих европейских городах.

⁸¹⁹ См.: [Le conservateur impartial]. Статья Вяземского написана на французском языке. До 1824 г. “*Conservateur*” был официальной газетой столицы, затем стал называться “*Journal de St. Petersbourg*”.

⁸²⁰ См. письмо А. Я. Булгакову 5 (17) июня 1819 г. [Письма Вяземского к Булгакову: IV, 516]. В письме от декабря 1818 он упомянул представление «Танкреда» в Варшаве [Там же: 514].

⁸²¹ См.: [Le conservateur impartial]; имеется в виду Анжелика Каталани.

⁸²² Марианна Сесси (1776–1847) выступала в России в 1821 и в 1828 гг. 21 февраля 1828 г. «Северная пчела» сообщала: «Известная певица, г-жа Марианна Сесси, которая во многих столицах Европы приобрела себе известность и с удовольствием была слушана в Петербурге, ныне возвратилась из-за границы в здешнюю столицу и даст концерт в пятницу, 24 февраля, в Большом Театре, в 7 часов вечера. <...> Г-жа Сесси имеет голос громкий, выработанный, чрезвычайно приятный и отличную методу пения. Подобно многим отличным певицам, она умела сохранить всю чистоту своего голоса, не взирая на долговременное отдаление от благословенного климата Италии» [СП: 1828, № 22]. Программа включала песни собственного сочинения, опубликованные «Бриткопфом и Гертелем» в Лейпциге: “*Dieci canzonette italiane*” (Десять итальянских песенок). Неприятие Вяземским Сесси, по-видимому, было необоснованно, и, по мнению «Сына Отечества», она пользовалась большим успехом в столице [СО: 1818, № 45, 321–323]. В то же время Ф. Ф. Вигель упоминает, что Сесси была нехороша собой и пела «неприятным образом. Сила и чистота были в ее голосе, но ничего выразительного» [Вигель: II, 180].

⁸²³ См. письмо А. Тургенева 5 (17) августа 1819 [ОА: I, 279–280].

вступил в схватку, чтобы защитить Боргондио от любых нападков, которые могли повредить ее успеху в Петербурге:

Скажи своим петербургским итальянцам, что они настоящие Włochi⁸²⁴ (Welck's), как мы их здесь, в Польше, называем. Боргондио нет и тридцати лет⁸²⁵; она воспитанница истинной новой школы, предписывающей в пении строжайшую простоту; в Италии за малейшую прикрасу, за легчайшее расписывание (я так перевел *broderie*, понял ли бы?) освистят актрису. Вена славится своим изящным вкусом в музыке. Ваши петербургские итальянцы обрусели, уши их заиндевелись. Карачиоли говорил о парижских ушах, *qu'elles étaient doublées de maroquin*⁸²⁶, а о петербургских плодах, что дозревали одни печеные яблоки⁸²⁷.

Споры на эту тему занимают значительную часть переписки Вяземского и Тургенева 1819–1820 гг. [ОА: I–II], и князь успокаивается только когда Тургенев сообщает ему, что выступления Боргондио увенчались успехом и были хорошо приняты публикой [Там же: I, 361, 366]. Вероятно, Вяземский столь горячо поддерживал Боргондио, потому что итальянская певица на некоторое время позволила ему забыть о преследовавшем его в Варшаве ощущении изоляции и полностью отдаться любимому виду искусства. Несмотря на увлеченность, он достаточно трезво судил о вокальной технике Боргондио. Тургенев же, в те годы настроенный несколько скептически, позднее, за границей, вспоминал ее как исполнительницу, которая умела придавать голосу искренность и теплоту [Письма А. Тургенева Булгаковым: 265].

Вторым большим событием несколько недель спустя после отъезда Боргондио стало прибытие певицы Каталани⁸²⁸, и, несмотря на

⁸²⁴ Włochy — польское название Италии.

⁸²⁵ Вяземский ошибается, ей было уже 40.

⁸²⁶ «Что они подбиты сафьяном» — *франц.*

⁸²⁷ См. письмо 15(27) августа 1819 [ОА: I, 290].

⁸²⁸ Хотелось бы прояснить недоразумение: в 1915 г. был опубликован ряд интересных писем [Вересаев: 541–544], из которых следует, что между 1820 и 1830 гг. Каталани посещала Россию несколько раз. Письма из одесского собрания «Редмондини» ошибочно были атрибутированы Анжелике Каталани, в то время как они с большой долей вероятности принадлежат невестке Каталани, Аделине или Аделаиде, которая не раз посещала Россию в 1824 и 1828 гг. и бывала в Одессе. Об этом свидетельствует переписка Вяземского с Тургеневым [ОА: III, 28] и с женой, а также петербургская пресса [СП: 1828, № 21] и итальянские источники [Biolato Mioni: 262].

прежние сомнения относительно таланта Анжелики, князь в первые дни был словно в бреду. Услышанное показалось ему выше человеческих способностей: голос Каталани можно было уподобить только «Илиаде»: «Никакого выражения на человеческом языке нет для передания того, что чувствуешь при ее пении. Голос ея — Гомер, повелевающий небом, землей и адом» [ОА: I, 363], в то время как голос Боргондио был подобен только «Энеиде»⁸²⁹.

Он слышал, как Каталани, исполняя в частном доме гимн Г. Р. Державина на музыку Ф. Антониони, посвященный Александру I, «Ты возвратился, благодатный», пустила из своего «огненного горла» «несколько молний». Каталани любила включать в репертуар национальные произведения, потому что знала — их звуки вызовут неистовый восторг партера, тем более, что ее мощный голос придавал исполнению особый подъем. На протяжении следующих недель князь жил только ради Каталани: «Я сам перехожу к верховной ключнице душ, ушей, воображений — к Каталани» [Там же].

В его первых пылких отзывах нет и следа критической оценки, как и упоминаний об особой технике этой исполнительницы, которая в определенном смысле была ее слабым местом. Вяземский спорил с критиками, называвшими Каталани «фокусницей» из-за того, что она добивалась драматического эффекта не только за счет артистизма. Задерживаясь на одной ноте, позволяя себе играть с трелями, она варьировала созданную композитором мелодию. Возможно, те русские, у которых не было возможности посетить крупные театры Западной Европы, не в состоянии были компетентно судить о технической стороне исполнительского мастерства. В этом смысле варшавский период обогатил опыт Вяземского, тем более, что он смог провести несколько дней с А. Я. Булгаковым, который также жаждал услышать Каталани. В письме к Тургеневу, где Вяземский писал о пребывании Булгакова в Варшаве, он вновь возвращается к оценке артистизма и вокальных данных Боргондио и предрекает: «Поверь, что не только сессисты, но и каталанисты, ни говори, а Боргондио можно

⁸²⁹ «Я ее слышал! — Кого? Стыдись спрашивать: — Каталани! Если голос Боргондио — Энеида, то ее — Илиада. Есть какая-та творческая сила, какое-то богатырство сверхчеловеческое» (письмо Вяземского Тургеневу 15 (27) ноября 1819 [ОА: I, 352]).

всегда слушать, а может быть, ее и долее Каталани заслушаешься» [ОА: I, 372].

Вероятно, Булгаков указал ему на недостатки ловкой «фокусницы», а сам Вяземский запомнил, что у певицы была достаточно ограниченная программа, поскольку, как он подчеркивал, она исполняла всегда одни и те же произведения: “Son regina” Портогалло⁸³⁰, «Вариации» Роде⁸³¹ и “La placida campagna”⁸³² [ЗК: 227], по выражению А. О. Смирновой «самую лучшую из всего, что она пела» [Смирнова: 110].

В Петербурге, в Царском Селе, в Павловске [Письма Вяземского к Дмитриеву 1866: 1705]⁸³³ и Москве [Письма Дмитриева: 138] Анжелика Каталани имела исключительный успех, и современные поэты наперебой стремились воспеть ее таланты: В. Л. Пушкин, Шаликов, Иванчин-Писарев⁸³⁴ сочиняли стихи в ее честь. Утонченные умы ценили ее концерты как событие духовного порядка, а встреча певицы с самым прославленным русским композитором первой трети XIX в. Д. С. Бортнянским была столь волнующей, что ни он, ни она не смогли сдержать слез.

Поэтому князь следил за триумфом Каталани в России как старый знакомый, который с волнением наблюдает за судьбой своих протеже, а вернувшись в Польшу, с нетерпением ждал ее визита, чтобы вновь рукоплескать ее успехам в Варшаве. К сожалению, ее триумф в этом городе по пути в Европу не состоялся из-за сложного политического

⁸³⁰ “Son regina” — ария из оперы «Семирамида» композитора Марко Антонио Портогалло.

⁸³¹ Пьер Роде (1774–1830), французский скрипач и композитор.

⁸³² Ария Винченцо Пучитты (1778–1861) на народную тему стала известной благодаря Каталани.

⁸³³ См. также [Письма Карамзина к Дмитриеву: 290]. Успех Каталани в России подтверждается “Gazzetta di Milano”: госпожа Каталани пела в присутствии их величеств и 7 августа дала публичный концерт в зале Филармонии.

⁸³⁴ Василий Львович Пушкин (1766–1830) — поэт, дядя А. С. Пушкина по отцу, автор сентиментальной лирики, писавший в гладком и цветистом стиле. Дружил с Вяземским и был любим за остроумие. Князь П. И. Шаликов (1767–1852) — эпитон карамзинской школы, поэт чрезмерно слащавого стиля. Шаликов редактировал «Дамский журнал» (1823–1833), с 1813 по 1837 редактировал также «Московские ведомости». Николай Дмитриевич Иванчин-Писарев (1795–1849) — ярый борец с галломанией, автор посредственных стихов, историк-дилетант, в 1827 г. написал «Дух Карамзина»; известна была его коллекция предметов искусства. Он сочинил в честь Каталани длинное стихотворение [СО: 1820. № 33, 325–326].

положения и роста напряжения между русским и польским обществами, особенно заметного в то время. Огорченному Вяземскому пришлось сообщить другу, что Каталани вынуждена была уехать, так и не появившись перед публикой польской столицы, зрители довольствовались выступлением других певиц, прибывших в Варшаву, среди прочих — и самой Сесси⁸³⁵.

Князь внимательно следил за успехами Каталани и превратностями ее выступлений. Его интеллектуальные интересы в тот момент были главным образом сосредоточены на успехе этой певицы, и это подтверждает, что музыка занимала главенствующее положение в его духовной жизни. Исследуя биографию Вяземского, мы отмечаем, что эта особенность его натуры продолжала играть важную роль и в дальнейшем. После вынужденного возвращения в Москву осенью 1821 г. именно музыка займет главное место в его внутреннем становлении.

Кроме того, его возвращение в Москву удачно совпало по времени с появлением настоящего центра музыкальной жизни в московском доме супругов Е. П. Луниной и М. Риччи, как можно заключить из письма А. Я. Булгакова к брату:

Я провел прекрасный вечер вчера у Лунина. Ну, брат, как Ричи поет, заслушаться надобно. *Nous étions en petit comité*, и он, видя все страстных охотников, не жалел ни своего, ни жениного голоса, пел раз с 8; давно я так не ликовал в музыке; уж меня так тешили, что после ужина даже дали трубку, и я, покуривая, слушал славную музыку. *Je le prendrai au mot, et certes j'irai le voir souvent. Lui Ricci a l'air très comme il faut, malgré la langue de vipère de Bogolouboff qui prétend qu'il aura été chanteur à quelque théâtre d'Italie* [Письма А. Булгакова: 571]⁸³⁶.

Атмосфера этого дома служила Вяземскому утешением от скуки, когда он пытался забыть о причиненных ему несправедливостях. Вскоре он стал одним из завсегдатаев этого гостеприимного дома и проводил вечера, упиваясь музыкой вместе с Александром Булгаковым. Вместе

⁸³⁵ В письме Тургеневу от 20 августа (1 сентября) 1820 г. Вяземский упоминал также певицу *Самри*: «урожденная полька, в большой милости у здешнего патриотизма, но, впрочем, и с дарованием, хотя старым» [ОА: II, 51].

⁸³⁶ «Я поверю ему на слово и, конечно, буду часто ходить смотреть на него. У него, то есть у Риччи, вид весьма порядочного человека, несмотря на злоязычие Боголюбова, который утверждает, будто бы он был певцом в одном из итальянских театров» — *франц.*

с четой Риччи выступали братья Матвей и Михаил Виельгорские, музыканты-любители, аккомпанировавшие певцам. Для исполнения всегда выбирали любимую музыку Вяземского, и особенным успехом пользовались дуэты супругов.

С не меньшей радостью Вяземский побывал на спектаклях итальянской труппы, гастролировавшей в Москве в 1821 г. В эти часы он был так счастлив, что забывал обо всех горестях:

Такое наслаждение в Москве невероятно. По музыке Россини можно Богу молиться: она шевелит душу и вливает какую-то весеннюю похоть в кровь. Не понимаю Батюшкова! Как скучать в отечестве Россини и его музыки! Я от них почти Москву полюбил. Московские вислоухи мало понимают: боюсь, что опера не удержится; впрочем, на зиму все станет. Я на днях, шутки в сторону, заснул с «Туркою в Италии», бредил о нем всю ночь и проснулся с ним. Никакая поэзия надо мною действия того не в силах сделать. Стихи и вообще слово тем и ограниченнее музыки, что они ее полнее. Музыка намекает, но зато поле ее намеков — безбрежность. Слово много высказывает, но не все, и потому всегда наткнешься на *нельзя*. Приезжай в Москву зимою, хоть для Россини: право, тут есть живая вода⁸³⁷.

В те месяцы он имел также возможность послушать «Золушку» и «Сороку-воровку» Россини [ОА: II, 233; Письма Вяземского к Булгакову: V, 100], но не просто наслаждался музыкой — в одном из писем Булгакову он анализирует сильные стороны и способности исполнителей [Письма Вяземского к Булгакову: V, 100–101], показывая, что его суждения уже вышли за рамки простого увлечения. Со свойственной ему горячностью Вяземский взял на себя роль покровителя итальянской музыки в Москве и поддерживал меценатов, подписавших контракт с итальянской труппой, в то время как публика, в массе проникнутая галломанией, отдавала предпочтение французскому театру [ОА: II, 276–277].

Триумфом для итальянской музыки стал приезд в Москву княгини Зинаиды Волконской. По словам М. Д. Бутурлина⁸³⁸, «где бы ни жила

⁸³⁷ См. письмо Тургеневу 22 ноября (4 декабря) 1821 [ОА: II, 227].

⁸³⁸ Михаил Дмитриевич Бутурлин (1807–1876), историк и мемуарист, долго жил в Италии; певец-любитель.

княгиня, она возбуждала всеобщий восторг и удивление своими сведениями, литературным талантом <...>, но более всего пением (контральтовым голосом) и игрою на своем домашнем театре» [Записки Бутурлина: 640]⁸³⁹. Вскоре ее московский дом стал культурным центром, объединившим вокруг себя представителей интеллектуальной и культурной среды. А. Н. Муравьев вспоминал это блестящее общество: «В великолепных залах Белосельского дома, как бы римского палацца, оперы, живые картины и маскарады часто повторялись во всю эту зиму, и каждое представление обставлено было с особенным вкусом, ибо княгиню постоянно окружали италианцы, которые завлекли ее и в Рим» [Муравьев: 11].

К итальянскому окружению Волконской вскоре примкнул граф Риччи, который исполнял у нее дома “D’un bell’uso di Turchia”⁸⁴⁰, вызывая единодушные овации слушателей, а также Барбьери⁸⁴¹, иногда выступавший дуэтом с Риччи. Вяземский с головой ушел в мир, где «музыка проникала во все поры» и “on était saturé d’harmonie” [ОА: III, 223] («мы были пропитаны гармонией» — *франц.*), а все остальное бледнело перед этими воспоминаниями.

Дом Волконской как центр музыкальной жизни привлек и Пушкина, как только ему было позволено прервать ссылку и выехать из Михайловского. В годы, вынужденно проведенные вдали от Москвы и Петербурга, великий поэт страдал от недостатка музыкальных впечатлений; лишь в одесский период приятное разнообразие в его жизнь вносили оперные постановки местного театра⁸⁴². Любовь к итальянской музыке была одним из важнейших элементов в тесной дружбе

⁸³⁹ В 1819 г. Вяземский встречался с Зинаидой и в Варшаве, где княгиня радовала его своим пением, которое он сравнивал с голосом Боргондио [ОА: I, 318]. Обе певицы обладали контральто.

⁸⁴⁰ Дуэт из оперы “Il Turco in Italia” («Турок в Италии») Россини.

⁸⁴¹ Возможно, речь идет о художнике Микеланджело Барбьери (1787–1867).

⁸⁴² Биолато Миони пишет об успехах опер Россини в Одессе и о том, что Пушкин, «слыша ее множество раз, запомнил наизусть слова либретто» [Biolato Mioni: 252]. О представлениях опер Россини в Одессе также сообщает “Gazzetta di Milano” в 1820–1823 гг. Наряду с Россини слушали «Коррадино» С. Павези; «Клару и Адольфо» В. Пучитты; «Хитрость против хитрости» и «Открытую войну» П. Дж. Гульельми; «Тебальдо и Изоллина» Ф. Морлакки; «Торвальдо и Дорлисса» и «Зелмиру», менее известные оперы Россини; «Элизу и Клаудио» Меркаданте.

Пушкина и Вяземского⁸⁴³, и они не упускали возможности вместе послушать итальянскую оперу, которую в результате знали в мельчайших подробностях. Кроме того, оба поэта были лично знакомы с рядом оперных исполнителей. Об этом свидетельствует архив Вяземского, где хранятся визитные карточки и письма итальянских артистов, которые лично благодарили его за помощь, оказанную тем, кто оказался в трудном положении вдали от родины [РГАЛИ: Ф. 195. Ед. хр. 1582, 2110–2111, 2266, 2630, 5083].

К сожалению, не все разделяли энтузиазм поэтов, и князю трудно было видеть, что его соотечественники не спешат вознаградить итальянскую музыку заслуженными аплодисментами. В 1828 г. он активно вступил в борьбу с галломанией, которую отстаивали «официальные» круги традиционалистов обеих столиц. Этот вопрос он поднял в статье, посвященной разнице между французскими и русскими журналами:

У нас журналы и публика редко сходятся в речах своих: она мало занимается тем, что их тяготит; они почти никогда не догадываются, или догадываются задним числом о том, что у нее на сердце и на языке. Какому же тут быть живому разговору? Приведем пример: во все пребывание итальянской оперы в Москве гостиные наши были наполнены *дилетантами*; Россини был у всех в помине, — и Неаполь не был музыкальнее Москвы, по крайней мере, на словах. По целому получасу гости на вечеринках не садились за работу, то есть, к зеленым столам, жарко споря о превосходстве Cenerentola над Barbiero di Siviglia и soprano над contralto. Междуусобие Пиччинистов и Глукистов возобновлено было у нас, и несогласия доходили не до шутки. Между тем журналы московские были вовсе не заражены этою меломанической лихорадкой, которая овладела всеми. Итальянский язык, итальянская музыка, итальянская драматургия не имели отголоска в периодических изданиях: хотя все умы обращены были тогда к югу, но стрелка журнального компаса, верная своей природе, не сворачивалась с северного полюса молчания и бесстрастного хладнокровия [ПСС: II, 71].

В остафьевский и московский периоды музыка и в самом деле оказалась жизненно необходимым элементом, она вернула Вяземскому

⁸⁴³ 14–15 (26–27) августа 1825 Пушкин пишет Вяземскому: «Твои письма <...> точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини» [Пушкин: XIII, 210].

силы заниматься работой, писать критические статьи, сочинять стихи, среди которых есть и высшие достижения его лирики. Его морально и духовно поддерживало то высокое искусство, к которому достойна была приблизиться только поэзия.

Музыка придавала ему мужество не только в годы московской «ссылки». Она смягчила первые трудные месяцы в Петербурге после возвращения на государственную службу. Вяземский неуютно чувствовал себя перед лицом большого света столицы, ощущал себя едва ли не блудным сыном, вернувшимся в тот мир, откуда его изгнали. Поэтому он находил утешение в интеллектуальной и музыкальной среде столицы, избегая двора. Позади остался «волшебный замок» княгини Волконской, навсегда исчезнувший из России после ее отъезда в Италию. Кроме того, в Москве не осталось больше музыкальных меценатов, и центр музыкального мира переместился в столицу.

Наконец, в Петербург незадолго до этого приехала графиня Фикельмон⁸⁴⁴, также страстная поклонница итальянской музыки, и Вяземский мог надеяться, что влияние жены австрийского посланника, близкой подруги императрицы, наконец-то приведет к победе итальянского вкуса над галломанией.

Его надежды отчасти оправдались, и вместе с Пушкиным он побывал на достойной постановке «Сороки-воровки», о которой с удовлетворением писал жене [Пушкин: XIV, 14]. После того, как Вяземский получил пост в департаменте внешней торговли, музыка стала для него необходимым отдыхом, позволявшим забыть о сухом мире цифр и финансовых отчетов. Вечерами он упивался «Севильским цирюльником», который покорила оперные сцены Петербурга в 1830 г. [ЗК: 176–177, 179]⁸⁴⁵. Перед оперой или после он имел обыкновение заезжать к графине Фикельмон, чтобы делить с ней радости и разочарования, которые приносили эти спектакли. Жена посла делилась с ним

⁸⁴⁴ См. ч. I, гл. III. Она пишет в дневнике: “La musique italienne a pour moi un charme tout particulier, elle me rappelle tous les moments et toutes les épisodes de ma première jeunesse” [Kauchtschischwili 1968: 108] («Итальянская музыка имеет для меня особое очарование, она напоминает мне все моменты и все эпизоды моей ранней юности» — *франц.*). В ее дневнике часто упоминается итальянская опера и итальянские певицы.

⁸⁴⁵ «Северная пчела» сообщала, что это был самый успешный спектакль года.

воспоминаниями об Италии, и они, скрепя сердце, мирились с тем уровнем постановок, который могла предложить русская столица.

Итак, музыка, в особенности итальянская, была для Вяземского едва ли не смыслом жизни: по дороге из Рима в Петербург он использовал любую возможность, чтобы послушать оперу, надеясь забыть в театре свое горе и найти утешение, чтобы жить дальше.

Поэтому музыка была для него совершенным мерилom для оценки произведения искусства, поэтического совершенства или чудес природы. Хотя мы и не можем увидеть в поэзии князя прямого влияния музыкальной техники, мы полагаем, что легкость, с которой ему удавалось придать стиху регулярный, ровный и элегантный ритм, связана с его музыкальностью. Музыкальное чувство влияло на его эстетическое восприятие и помогало уложить впечатления от цветов, ароматов, звуков и образов в спонтанно рождавшийся ритм. Отметим, что он стремился уловить все оттенки гармонии, обязательные для симфонической музыки, однако аккорды для него оставались лишь аккомпанементом мелодии. Он не стал активным музыковедом, как его друг Булгаков, который долго сотрудничал с музыкальным разделом «Северной пчелы». Его страсть к музыке отвечала внутренней потребности, но даже в этой, самой близкой для него области, он не сумел подчинить свой интерес систематической работе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

П. А. Вяземский рос в культурной среде, испытавшей заметное влияние Франции, и в ранней молодости преклонялся перед идеями Просвещения. Получив несколько бессистемное образование, он сблизился с окружением Карамзина, который после смерти отца стал его опекуном, и это предопределило путь Вяземского в русской культуре.

Проводя много времени подле выдающегося писателя, Вяземский имел возможность познакомиться со многими литераторами той эпохи: его близкими друзьями стали И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин и многие другие. Большинство этих писателей пошло с литературной традицией классицизма, считая ее преодоленной, и двигалось в русле сентиментально-романтических тенденций, которые в этот период развивались в России. Карамзинисты создали в 1815 г. кружок «Арзамас», с прогрессивными настроениями которого с этого момента будет связана жизнь Вяземского, питавшего симпатии к либеральным идеям.

Самая тесная дружба связывала его с Пушкиным, которому он оставался верен и в годы ссылки. Вяземский приветствовал публикацию первых его больших сочинений. Живя в Москве в 1820-е гг., он посещал главным образом салон З. А. Волконской, в доме которой собирались знаменитые поэты, литераторы, художники и ученые этого времени. Он начал сотрудничать с литературными журналами, и современники ценили его блестящий стиль, его мнение подчас имело решающее значение для судеб прозы и поэзии в России. Подолгу живя вне столицы, он поддерживал дружеские связи в переписке, и сегодня она позволяет нам проследить за развитием его идей и разносторонних интересов. Переписка составляет ценную часть его наследия, привлекая внимание ученых, которые хотят лучше понять мир русской культуры и ее взаимоотношения с западной традицией.

В настоящем исследовании, наряду с изучением личности П. А. Вяземского, мы сосредоточились на анализе влияния Италии на его интеллектуальное формирование, а также на его контактах с некоторыми представителями итальянского мира.

С нашей точки зрения, живой ум и способность оценить самые значительные события своего времени делали князя Вяземского одной из самых интересных фигур первой половины XIX в. Эти стороны его натуры особенно ярко проявились в письмах, которые представляют нам галерею образов, очерченных бегло, но при этом почти всегда выявляющих их характерную суть. Поэтому переписка Вяземского сегодня — один из самых ценных документов для анализа социальной, политической и культурной ситуации пушкинской эпохи, с ее кризисом, вызванным мощным влиянием западных идей, проникавших в Россию в результате наполеоновских войн. Мы видим, что все представители русской интеллигенции искали равновесия в этом столкновении России и Запада, стремясь обрести свою позицию и способствовать внутреннему и внешнему развитию своей родины. В этом контексте взаимоотношения Вяземского с Италией показали нам значимым эпизодом.

Италия стала первой страной, где Вяземский смог более внимательно проанализировать свое отношение к западному миру, на который с момента первой поездки за границу он смотрел как на идеальную родину русской интеллигенции. Как и большинство его соотечественников, он видел во Франции родину идей, а в Италии — страну ярких красок, которая стимулирует воображение и вдохновляет бельканто. После почти пятимесячного пребывания в Италии на смену первоначальным представлениям князя о ней пришла симпатия к стране и ее обитателям. Его связь с Италией стала глубже и значительнее после того, как ему пришлось пережить здесь самую большую потерю своей жизни. И хотя ему случалось останавливаться или жить в других странах даже дольше, в этих поездках его не покидало ощущение временного пристанища, в то время как уезжая из Италии он оставлял с ней часть своей души, словно «родился и умер здесь»⁸⁴⁶. Эти слова он написал в 1835 г., несколькими неделями ранее покинув Рим, сыгравший роковую роль в его самых личных переживаниях. Разлуку с Италией смягчало только итальянское пение, которым он окружал себя повсюду. Слушая эту музыку, он мысленно переносился на свою вторую родину.

⁸⁴⁶ Письмо 25 апреля (7 мая) 1835 г. из Вероны [Прил. I].

Хотя мы рассматривали ограниченный во времени период жизни и творчества Вяземского, в нем отразились важнейшие черты его личности. От природы одаренный блестящим, даже, возможно, чрезмерно живым умом, он иногда становился заложником собственных способностей; умел быстро ухватить суть, но часто удовлетворялся поверхностными выводами об определенном предмете, не пытаясь углубиться в более детальное изучение и анализ. Вяземского можно было бы назвать автором ненаписанных произведений, потому что, принимаясь за новую тему, он неизменно испытывал желание проанализировать ее в историческом очерке, биографии или монографии — но никогда не переходил от слов к делу⁸⁴⁷.

Его познания в итальянской литературе не были широкими, но их нельзя назвать мимолетными и поверхностными: отсылки к некоторым итальянским авторам присутствуют в его публицистике и поэзии на протяжении всей жизни. Ввиду особого душевного склада Вяземского интерес к Италии, хотя и живой, не оставил характерного отпечатка в его творчестве, поскольку первую его встречу с Италией омрачило горе. Не случайно Павел Вяземский, публикуя некоторые документы из архива отца, писал:

В переписке моего отца за 1834–1835 год ничего о Пушкине и о литературе не нахожу: в то время отец мой был совершенно озабочен болезнью сестры моей, княжны Прасковьи Петровны, скончавшейся в Риме в 1835 году [Пушкин по документам: 427].

Невзирая на эти лакуны, мы убеждены, что Вяземского следует причислить к тем русским писателям, которые, не будучи специалистами по Италии, более всего приблизились к ней и прониклись ее духом. Сам он признавался, что эта страна была для него словно роман, который он время от времени открывал, чтобы перечитать несколько страниц, и никогда не уставал, потому что всякий раз обнаруживал нечто новое. В этом идеальном романе было «всего понемногу», и, читая его, Вяземский мог наслаждаться теплым климатом, роскошной природой, живым темпераментом обитателей Италии. Все это заставило его полюбить страну, которая, по его мнению, не знала буржуазной

⁸⁴⁷ Он намеревался написать очерки о Наполеоне, Екатерине II, Петре Великом, Карамзине, Шевыреве.

посредственности немцев или интеллектуального высокомерия французов, хотя и предала свою врожденную музыкальность, — ведь ни в одной европейской стране ему не доводилось слышать таких захудалых оркестров, как в Италии.

Политические взгляды Вяземского также яснее вырисовываются в свете его взаимоотношений с Италией: безразличие по отношению к ее политическому положению подтверждает растущее в нем отторжение от либеральных идеалов юности. Старость в Венеции он уже встречает человеком, который видит мир только таким, каким ему хочется его видеть. Закрывшись от всех прогрессивных веяний, он превратился в ревностного охранителя традиционной концепции царской монархии. Благодаря сатирическому таланту его полемические сочинения неустанно привлекали внимание современников. Но если в юности его сатира была, главным образом, обращена против его соперников в писательском деле, то позже он направил ее против политиков передового толка. Эти настроения проявили себя и в его венецианских путешествиях, когда он пламенно отстаивал позиции России в восточном и польском вопросах.

Духовная жизнь князя также более явно вырисовывается после первой поездки в Италию. В Риме ему пришлось пережить самый серьезный внутренний кризис в жизни. После бесплодных попыток вырвать дочь из объятий смерти он осознал, что религия не приносит ему никакого утешения. С этого времени он все меньше внимания будет уделять глубоким религиозным вопросам, обходясь внешним соблюдением обрядов. Во время его поездок в Венецию он, как законопослушный подданный, заботится и о выполнении религиозного долга, но его размышления относятся исключительно к формальной стороне отдельных церковных ритуалов.

Наконец, Италия открыла для него значение изящных искусств в жизни западных стран. Однако мы с удивлением должны констатировать, что, даже отдавая себе отчет в своей некомпетентности в этой сфере, он не предпринял никаких усилий, чтобы восполнить пробелы в знаниях. Напротив, он легко формулировал рекомендации для русских мастеров, желая, чтобы художники и архитекторы копировали западные картины и церкви с «православными вариациями». Эта

сторона интеллектуального облика князя, до сей поры обойденная вниманием, приобретает значение, если рассматривать ее как элемент сложного умственного устройства этого человека, который всю жизнь двигался по изначально заданным траекториям, лишь изредка от них отклоняясь. Ограниченность его художественных суждений выглядит почти нарочитой, особенно если сравнить с суждениями А. И. Тургенева, обладавшего врожденным художественным вкусом. Можно добавить, что подобный подход характерен для Вяземского и в других сферах: в музыке он остался поклонником Россини, в литературе хранил верность идеалам эстетики карамзинизма, а в философии — умеренному вольтеровскому скептицизму.

В Италии князь также познакомился со многими представителями интернационального светского общества: как в Риме, так и в Венеции мы встречаем его в важнейших салонах XIX столетия, где он был желанным гостем благодаря блестящему умению поддерживать светскую беседу. Он до последних дней жизни оживлял любое собрание тонкими замечаниями, каламбурами, галантными и остроумными афоризмами. Публикуемые письма, с нашей точки зрения, обогащают знания об этой стороне его личности. При знакомстве с ними образ князя столь живо рисуется перед нами, что легко вообразить его в светской гостиной XIX в. С этой точки зрения Венеция была для него идеальным местом, потому что сама площадь Святого Марка являла собой наиболее блестящий салон эпохи.

С 1820 по 1864 гг. мысли князя часто обращались к Италии, но не ограничиваясь этим, он также старался пропагандировать в России изучение итальянского языка, литературы и музыки. Не раз он вступал в полемику с соотечественниками, чтобы защитить честь итальянского певца, способствовать продаже итальянской грамматики, привлечь внимание и пробудить интерес к шедеврам итальянской литературы.

Нет сомнений, что Италия обогатила интеллектуальный и духовный багаж Вяземского. Кроме того, благодаря умению привлекать собеседников на свою сторону он стал важным культурным посредником между Италией и Россией. Его многочисленные личные контакты делали русскую жизнь ближе для представителей высшего европейского общества, а в России его письма и литературные труды, обогащенные живой беседой, поощряли знакомство с западной культурой.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ПИСЬМА И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ П. А. ВЯЗЕМСКОГО ИЗ ПУТЕШЕСТВИЙ ПО ИТАЛИИ

ПИСЬМА ИЗ ПОЕЗДКИ 1834–1835 гг.

1. П. А. Вяземский — <Карамзиным>⁸⁴⁸

Любек. 16 (28) ав<густа> 1834

Мы благополучно прибыли сюда вчера вечером. Пашенька выдержала хорошо плавание и, по крайней мере, по-видимому, ей не хуже и она не слабее, хотя и испытала морскую болезнь в несколько приемов. У нас были сутки и особенно же одна ночь очень тяжелые, качка сильная, но ветер не противный и потому мы доплыли до Травемюнда в трое суток с половиною. Мы все более или менее страдали. Я пролежал целые сутки на палубе, а жена пролежала почти все время в каюте. Машенька также была в числе лежачих.

Бодрее всех были Пашенька и Надинька, которая была потешницею всей компании и перебила даже лавку у чревоушателя Александра⁸⁴⁹, спутника нашего. Народ был у нас на пароходе неважный, но очень добрый, ласковый и услужливый. Здесь нашли мы Свербеевых, которые возвращаются к Вам на нашем пароходе и везут это письмо. Завтра отправляемся мы в Гамбург, а оттуда прямо в Ганау, чтобы не сбиваться разногласием советов, мнений и докторов, а предаться в руки Коппа, о котором говорил нам Жуковский. Голова идет кругом от всех толков, каждый советует свое место и своего доктора. <...>⁸⁵⁰ Во все время плавания провожал нас петербургский жар

⁸⁴⁸ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 7–8.

⁸⁴⁹ По всей вероятности, речь идет о миме и чревоушателе Никола-Мари-Александре Ваттемаре, который стал популярен в России под псевдонимом Александр.

⁸⁵⁰ Пропущена приписка Веры Федоровны на французском языке.

и только в Любеке встретила нас довольная свежая погода и дождь. О дорожных впечатлениях своих не говорю, потому что их нет. Все для меня в каком-то тумане и заслоняется одною мыслью, а прояснится разве только тогда, когда взойдет день выздоровления Пашеньки. Надобно же мне было в первый раз в жизни выехать за границу и в таком расположении духа. Пишите нам в Гамбург *poste restante*, а я уже дам знать туда, куда переслать ко мне письма.

У Вас ли еще Павлуша? Поцелуйте и благословите его за меня. И он сидит у меня на сердце тяжелою заботою. Как устроится он на новом месте и в новой участи своей? Да совершается воля Господня! Это, разумеется, общее заключение каждого во всякое время и во всех делах жизни, но в моих обстоятельствах оно точно имеет особенное значение, и рассудку и душе моей нечего сказать иного. Одним разом ближайшие сердцу связи вырвались из моей воли и не от меня уже зависит управлять ими и хранить их, остается только в сокрушении и умилении духа молиться за них и предать себя и их Божьему промыслу.

Не помню просил ли я Вас брать Павлушу по воскресеньям и праздникам к себе, когда возвратитесь в город. Мы так условились о том с Стендером. Простите, милый и сердечный друг. Молитесь за нас. Обнимаю Вас и ваших всюю душою, также и Жуковского, к которому прошу передать это письмо, потому что писать особенно к нему на сей раз нечего, а буду писать из Ганау.

Еще раз всех вас обнимаю.

2. П. А. Вяземский — П. П. Вяземскому⁸⁵¹

<Приписка к письму Надежды Петровны П. П. Вяземскому>

Гамбург. 20 авг<уста> (1 сен<тября>) 1834.

Здравствуй друг мой Павел. Часа через два выезжаем из Гамбурга и едем в Ганау, чрез Ганновер, Гетинген, Кассель. Следуй за нами, по крайней мере, по карте. Очень мне жаль, что ты не с нами для совершения практического курса географии. Гамбург очень милый город,

⁸⁵¹ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4105. Л. 1-2.

живой, так и кипят улицы народом, виды и окрестности прелестные. Скажи Александру Карамзину⁸⁵², что ему только бы и жить в Гамбурге, можно целый день шататься на площадях и на гуляниях с неугасимой сигаркою во рту, петь немецкие песни и передразнивать прохожих. Впрочем, он мог бы здесь служить и по своей артиллерийской части, только нужно запастись ему брюшком. Все пушкари и вообще все войско здешнее такие пузанчики что любо.

Напиши мне, вывезены ли все вещи наши в таможеню, определились ли к местам своим Федотка, Егорка etc. etc.⁸⁵³ и все ли уже сделано, как приказано было пред отъездом нашим. Прости, мой милый друг. Обнимаю тебя от всей души. Бог с тобою и с нами!

3. П. А. Вяземский — П. П. Вяземскому⁸⁵⁴

<Приписка к письму Надежды Петровны, Прасковьи Петровны и Веры Федоровны П. П. Вяземскому из Ганау>

Франкфурт. 5 (17) сен<тября>.

Вот тебе, мой друг Павлуша, длинное письмо от сестер твоих. Мне на сей раз сказать тебе нечего, кроме того, что поживаем в Ганау порядочно тихо, уединенно, но, надеюсь, с пользою для здоровья Пашеньки. Большой перемены к лучшему еще ожидать нельзя. Сегодня только минула неделя, как Копп начал лечить ее, но он имеет надежду овладеть болезнью, а я имею полную уверенность к нему. Я приехал сюда на несколько часов, а в конце недели приеду еще раз с Машенькою. Город, кажется, очень хорош, и в настоящее время ярмонки, много курьезностей, как то: уродов, зверей, восковых фигур и шарлатанов, но я еще ничего не успел видеть. Нас удивляет и печалит, что мы еще не получали ни строчки ни от кого из вас, а особенно же от тебя.

⁸⁵² Александр Карамзин (1815–1888) — второй сын Н. М. Карамзина. Учился в Дерптском университете, затем поступил в военную службу.

⁸⁵³ Слуги Вяземских, которых они не взяли с собой; с ними отправились две горничные — Параша и еще одна девушка, имя которой неизвестно.

⁸⁵⁴ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4107. Л. 3.

Маменька и сестры твои уверяют, что ты не писал из Таиц⁸⁵⁵, а дождался торжественности открытия колонны, я за тебя заступаюсь и спорю, что если ты только здоров, то верно писал к нам спустя неделю по нашем отъезде, как и было условлено у нас с тобою. Увидим, кого ты оправдаешь, меня или их. Нечего повторять мне, как непротитительно и грешно тебе будет лениться, или забывать писать к нам. Надинька одна потешница наша. Бог знает откуда берет она все, что лезет у нее из головы, но нельзя быть ее забавнее, даже и Пашеньку заставляет она смеяться и хохотать. Поздравляю тебя с завтрашним днем рождения маменьки, а ныне с именинами Лизаньки⁸⁵⁶.

Обнимаю и благословляю тебя от души. Бог с тобою и с нами! *Faites bien je vous en prie, mes compliments à M.r Stender*⁸⁵⁷.

4. П. А. Вяземский — П. П. Вяземскому⁸⁵⁸

Ганау. 19 сентября (1 октября) 1834

Я очень рад, что ты оправдал меня пред маменькою и пред сестрами, мой друг Павлуша, и написал нам до тридцатого числа. Теперь ожидаем второго письма и там следующих, и признаться, давно поджидаем. Сделай милость, устройся так, чтобы писать нам, по крайней мере, три раза в месяц, например, первого числа каждого месяца, десятого и двадцатого или как хочешь, но только заведи порядок и держись его. Не требуем всегда больших писем. Когда немного у тебя лишнего времени или нет особенного расположения чернить белую бумагу, давай нам просто весть о здоровьи своем и о том, как поживаешь и как идут занятия твои, и как доволен тобою г<осподи>н Стендер.

У нас идет все помаленьку и благодаря Бога довольно хорошо. Доктор Копп доволен Пашенькою, и мы, следовательно, довольны Коппом, а я и очень доволен Ганау. Не знаем еще, долго ли здесь пробудем.

⁸⁵⁵ Таицы — царское имение в 16 верстах от Царского Села.

⁸⁵⁶ Елизавета Карамзина (1821–1891) — младшая дочь Н. М. Карамзина.

⁸⁵⁷ «Кланяйся господину Стендеру» — *франц.*

Стендер был хозяином пансиона, куда Вяземский определил сына на время своего отсутствия.

⁸⁵⁸ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 9–10.

Завтра уезжаю отсюда дня на три. Хочу погулять по Рейну. Благо, что нашелся здесь товарищ, который принуждает меня ехать, не отлагая, а то я все собирался и все откладывал, между тем время уходит, дни становятся короче и ночи холоднее. Осень все еще хороша, но теперь осень осенняя, а то была летняя, каникулярная. Недавно только перестал я купаться в желтых водах Майна. Сейчас были у нас три трубадурики, сестры, скитающиеся по городам с своими гитарами, арфой и песнями. Они играли и пели у нас в комнате Пашеньки, которая слушала их с удовольствием, а они приняли за то с большим удовольствием наш талер. В тихом Ганау эти уличные виртуозы редкость, но, например, во Франкфурте на всех перекрестках, площадях, дворах, пред всеми окнами гудят, трубят, поют, бренчат с раннего утра до позднего вечера. Каждый слушающий дает несколько грошей, если хочет, и дело с концом. Известие твое о смерти Муханова⁸⁵⁹ нас поразило и сердечно опечалило. Полно, правда ли? На всякий случай скажу тебе, чтобы вперед давал ты нам только те известия, которые не подлежат уже сомнению, а особенно же когда дело идет о неприятном известии. С нетерпением ожидаем письма от тетеньки Карамзиной и Жуковского. Я недавно писал ему, оставив письмо у Маркелова франкфуртского⁸⁶⁰. Дам тебе еще совет писать не спеша. В письме твоем много таких ошибок, которые остались от ветренности твоей. Пощади мое родительское самолюбие. Ты знаешь, что на многих почтах имеют худую привычку распечатывать и читать чужие письма, и ты легко можешь попасть на дурное замечание в орфографическом отношении у европейских правительств.

Прости, мой милый друг. Обнимаю и благословляю тебя от полноты души и молю Бога о твоем здоровьи и просвещении ума и сердца твоего. Нежно поцалуй ручки за меня у тетеньки и обними братцев⁸⁶¹, Лизу⁸⁶² и Жуковского.

⁸⁵⁹ Александр Алексеевич Муханов (1802–1834), полковник, камергер, литератор.

⁸⁶⁰ Иван Иванович Маркелов (1799–1871), с 1820 по 1842 гг. первый секретарь русской миссии во Франкфурте-на-Майне.

⁸⁶¹ Младшие кузены Карамзины.

⁸⁶² Елизавета Николаевна Карамзина.

Смирновым мой сердечный поклон. Faites je vous prie, bien mes compliments á monsieur de Stender et priez le de me dire comment vont vos études et votre conduite⁸⁶³.

5. П. А. Вяземский — <П. П. Вяземскому и Карамзиным⁸⁶⁴>

<Ганау> 14 (26) октября 1834.

Доктор Копп начал говорить об отъезде нашем. Ганауский карантин наш подходит к концу. Надобно же мне было пред отправлением в дальнейший путь досмотреть соседственный Рейн, который я видел только с одного боку. Мы положили ехать с Машею в субботу 6(18)-го в *Рюдесгейм*, ночевать там, в понедельник осмотреть *Рейнгау*, торжественно на ослах объездить *Нидервальд*, к вечеру переплыть в *Бинген*, провести в нем ночь и на другое утро, дождавшись парохода из *Майнца*, пересечь в него и пуститься с ним в *Кельн*. Возвратный путь хотели мы там обдумать, соображаясь с погодою и рассчитывая время, ибо нам должно было к воскресенью, то есть к нынешнему дню, явиться в Ганау к имениннице своей. Коляска была заказана к шести часам утра, но с вечера поднявшаяся буря с проливным дождем грозила нам, что утро вечера может быть мудренее. Так и было. Мы уступили необходимости и остались дома. В воскресенье погода немного прояснилась, и, чтобы поставить на своем, переменили мы только план нашей поездки и после обеда отправились во Франкфурт⁸⁶⁵.

⁸⁶³ «Передавай поклоны господину Стендеру и попроси его сообщить мне о твоих занятиях и поведении» — *франц.*

⁸⁶⁴ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 3–6. Место и адресат указывается по содержанию. Письмо написано на листке с изображением города Ганау.

⁸⁶⁵ В «Записных книжках» также опубликован фрагмент под названием «Поездка в Германию 1835», содержащий следующие записи: «Октябрь 1835. Воскресенье 7/19 приехали в 6 час. вечера в Франк<фурт>. Искали Лагрене, уехали в Париж. Маркеловы. Театр. «Русалка», 1-я часть — волшебная опера без волшебства. Театр битком набит. Приютились в ложе Маркеловой.

Понедельник. В 10 часов утра выехали в Майнц, в нанятой коляске пароу за 7 гуль<денов>. Дорогою ели виноград Гоктеймский. В два часа с чем-то были в Майнце и остановились «У трех корон». Трактир плохой, обед плохой. После обеда поехали в коляске в Favorite [Фаворит], укрепление — тополи посажены на месте казнения разбойников. —

Вечером успели еще быть в театре и видеть «Дунайскую русалку». Оркестр и певцы порядочные, хотя лучшие и не пели, но театр вообще беден, и волшебная опера с превращениями была запросто представлена без волшебства и без превращений. На другой день поехали мы в *Майнц*.

Погода нам довольно благоприятствовала, и, покушав на высотах *Гохгейма*, прославленного вином своим, свежего, при нас сорванного винограда, который сладко таял во рту нашем, как прохладный и благоуханный сахар, мысленно уже душились мы и прыскались вдали ожидающею нас *кельнской водою* (на камердинерском языке называемую *о ди колонь*) и высокомерно радовались, что переупрямили осень. В Майнц приехали мы к обеду, то есть в час, и сели за общий стол. Старый француз тут председательствовал и риторствовал, порочил

Театр, библиотека. — Пиши журнал кто хочет, а я слуга покорный. Ничего нет скучнее, особливо же при трактирном пере и нервах в беспорядке от дождя, от <...>

1835. *Четверг 18/30 октября*. Выехали из Ганау в 4 1/2 после обеда» [ЗК: 235].

В рукописи этим фрагментам предшествует заметка на французском, не вошедшая в издание:

«Samedi matin — 8h à Wiesbaden — coucher a Wiesbaden. Dimanche Rüdeshheim, coucher à Bingen. Lundi matin vers les huit heures le bateau à vapeur, coucher à Cologne. L'après midi à Bonn. Mercredi Coblentz. Jeudi s'embarquer pour Mayence. Vendredi Wiesbaden auberge à la poste. Coblentz *Hosch* <?>, Mayence Rheinischer Hof» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1115. Л. 1] («Суббота утро — 8 часов в Висбадене — ночевка в Висбадене. Воскресенье Рюдесгейм, ночевка в Бингене. В понедельник около восьми утра посадка на пароход, ночевка в Кельне. Вторник в Кельне. Вечер в Бонне. Среда Кобленц. Четверг отплытие на Майнц. Пятница Висбаден, почтовая гостиница. Кобленц *Хош* <?>. Майнц *Рейнская гостиница*» — *франц., нем.*).

В заметке на французском речь идет о первой поездке Вяземского по Рейну в обществе «товарища», имя которого, к сожалению, до сих пор не установлено. Князь упоминает о ней в письме к сыну от 19 сентября (1 октября) 1834 г. Он пишет, что они отправятся «к концу недели и, поскольку первый день поездки здесь суббота», мы полагаем, что это могло быть 23 сентября (4 октября). Вторая заметка на русском относится к экскурсии в компании Марии, описанной в настоящем письме и полностью совпадающей с указанными в письме датами.

В издании «Записных книжек» редактор задается вопросом о том, как Вяземский мог совершить эту короткую поездку по Германии осенью 1835 г., если 8 сентября он еще был в Петербурге, а 25 ноября уже вернулся [ЗК: 441]. Мы считаем, что поездка состоялась не в 1835, а в 1834 г., как доказывают совпадающие даты в письме и в заметке. Также совпадают дата и время отъезда из Ганау, отмеченные в записной книжке за 1834 г. [Там же: 222]. Кроме того, в Остафьевском архиве сохранились письма Вяземского за 1835 г. из Петербурга, доказывающие, что всю осень он провел в столице.

французское министерство и в особенности нападал на Сульта⁸⁶⁶, обвиняя его в лихоимстве и в совершенном расстройстве французской армии, говоря, что нет в ней ни одной путной лошади. Другой собеседник довольно умеренно, но, однако же, с твердостью защищал и Сульта, и образование французской армии, говоря, что она вовсе не в таком худом положении, что он недавно возвратился из Франции, объехал многие места, в коих расположены военные квартиры, имел случай расспрашивать офицеров и солдат о средствах и о содержании их и убедиться, что все в надлежащем порядке и достаточном благоустройстве. Француз стоял все на своем и, хотя наружностью своею никак не походил на военного, говорил о военном деле весьма положительно и, казалось, со сведениями и опытностью. Тут разговор и прения стали живее, но с соблюдением отменной вежливости с той и другой стороны. Занимательно было видеть, как каждый старался выведать, с кем он имел дело: старик — не вступил ли он в спор с офицером французской армии, а тот с каким-нибудь карлистом, бывшим, может быть, некогда, участником в правлении. Пошла речь об артиллерии. Старик утверждал, что французская артиллерия не имеет равной себе ни в каком государстве Европы и далеко превзошла все прочие, исчисляя все выгоды, коими она пользуется пред другими от многих нововведений и открытий еще неизвестных в других армиях. Противник возражал, что превосходство французской артиллерии было, в самом деле, несомненно до 14-го года, но что с того времени многие последовавшие преобразования в некоторых европейских армиях довели равномерно и их артиллерии до степени совершенства, не уступающей ни в чем французской. Тут французское самохвальство взяло вверх над недоброжелательством к нынешнему положению Франции и военной силы ее и открыло залп со всех батарей своих, впрочем, все с большою осторожностью, заражая орудия свои аттической или французскою солью учтивых перифраз и действуя холостым огнем, чтобы не ранить противника, не забывая при том и принудить его если не сдаться, то, по крайней мере, обмолвиться и выказать, и высказать себя. На многократные требования старика

⁸⁶⁶ Николая Жан де Дьё Сульта (1769–1851), герцог Далматский, генерал и политический деятель.

наименовать те артиллерии, которые могут сравниться с французскою, состязатель после некоторых довольно искусных движений для сохранения безличности своей должен был, однако же, дать определенность выставленному им мнению и сказать, что, например, прусскую и русскую артиллерию можно смело признать равного достоинства с французскою, и начал также исчислять подробно все преобразования, коими она усовершенствовалась в последнее время. Француз частью добился до цели своей, заставив противника своего, по крайней мере, до половины приподнять забрало свое, и, кажется, был доволен победою своею. Вслед за тем, узнав уже решительно, что имеет дело с прусским офицером, обратил речь на общее благоустройство Пруссии, на счастье иметь одного короля, а не многих министров, самоуправно господствующих под прикрытием конституционной ответственности министерской, и, повернув лафеты свои, навел их на Луи-Филиппа, признавая, однако же, в нем и отменный ум, и отменную тонкость.

Сам же до конца сохранил свою безыменность, и только после узнал я, что он был некогда богатый человек, участвовал в разных денежных спекуляциях и оборотах и, вероятно, именно в поставках военных, обчелся в своих сложениях и умножениях и оставил Францию, женат на англичанке, которая сидела возле него за столом и подливала вино ему, говоря, что нужно ему промочить горло, перегоревшее от прения слов в живом и жарком споре, и что, наконец, он приехал на зиму в Майнц, живет в *гостинице под тремя звездами*, где говорит и говорить будет за четырех, NB, французов, то есть на немецкий счет, по крайней мере, за восемь, а на английский — за шестнадцать, NB, английских болтунов, потому что, если подвести под общий народный счет, то и вычислить нелегко, сколько пойдет английских односложных звуков на один французский период.

Эта застольная драматическая сцена была очень занимательна и хорошо разыграна: она несколько приправила обед наш довольно плохой и частью подогретый, потому что пришли мы немного поздно. Между прочим француз рассказал забавный анекдот: в военное время и в самое ожидание сражения какой-то офицер приходит к начальнику своему и просится в отпуск, говоря, что получил он

известие о болезни папеньки своего. Начальник согласившись на просьбу его сказал: *Père et mère honoreras, afin que tu vives longuement*⁸⁶⁷.

Кстати и чтобы не забыть, я здесь узнал новое слово Ал<ександра> Льв<овича> Нарышкина⁸⁶⁸. В последний проезд его чрез Майнц предлагали ему прогулку на горы вдоль Рейна: *non, non*, отвечал он, *avec la montagne comme avec les femmes, j'aime à être à leurs pieds*⁸⁶⁹.

Майнц довольно красиво выстроенный город, расположенный по берегу Рейна в виду впадения в оный Майна. Мост чрез Рейн, соединяющий город с древним укреплением (Castelle), ныне возобновленным и простонародно называемым Кассель, и ряд мельниц, построенных на самой или в самой реке вдоль моста и занимающих около половины его, дают живописное зрелище. Мы осматривали место, называемое *Favorite*, на высоте, обсаженной аллеями и красиво расположенной для прогулок пешком и в колясках. Это сборное место городских жителей летом по воскресеньям. Кругом седая древность высовывает голову свою из развалин и остатков римского *вседержавия*, которое имело здесь свои военные постои. Следы его исполинского величия сталкиваются повсюду с новейшими следами наполеоновского *вседержавия*. Рим и Наполеон! В обширности сих двух имен поглощаются впечатления современные. Вам показывают новые укрепления, с искусством воздвигнутые, по ним ходят прусские и австрийские часовые, но вы их не видите, потому что в глазах у вас торчат две огромные тени: Рим и Наполеон! Потом поехали мы поклониться другому памятнику, который также имеет право присоединиться к сей *вседержавной* чете и едва ли еще не занять над ними первое место. Говорю о памятнике родоначальника книгопечатания, *Иоганна Гензефлейша фон Зоргелоха*, прозванного *Гутенбергом*, по имени жительства его на *добррой горе*. Недаром судьба сунула его на гору. И ему дьявол мог бы, показывая с нее *все царства мира и славу их*, сказать: *все сие отдаю тебе!* Жаль, что памятник человека, который более всех

⁸⁶⁷ «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле» (Исход 20: 12) — *франц.*

⁸⁶⁸ Александр Львович Нарышкин (1760–1826), с 1799 до 1819 г. директор Императорских театров.

⁸⁶⁹ «Нет, нет, с горами как с женщинами, — я предпочитаю быть у их ног» — *франц.*

способствовал *гласности*, не стоит в городе на *гласном* месте, на площади, а, напротив, как будто таится за оградой на тесном дворе, хотя и принадлежащем публичному Casino и, впрочем, воздвигнутый на самом том месте, где стоял дом его.

В журнале моем, который передам печати⁸⁷⁰, будет при сей верной оказии много философических суждений о книгопечатании, две-три эпиграмматические выходки на Полевого и Булгарина⁸⁷¹ и проч<ие>, и проч<ие>, и все то, что при таком случае сказать можно и даже должно, когда дело идет о том, чтобы раскормить книгу, которую выводишь на рынок для продажи. Но здесь этот труд был бы лишний, и мы пойдем далее. В библиотеке, в которой, впрочем, мы не видали книг, поверя на слово, что их 80,000, и в числе оных несколько первенцев печатания, как, например, Псалтырь 1459, Библия 1462 года, показывали нам несколько замечательных картин известных маляров, но и тут смотрел я более на слово, нежели собственными глазами, ибо, во-первых, становилось уже темно, а во-вторых, я вообще в живописи темный человек. В изящных искусствах живопись для меня есть последнее. Как ни будь картина превосходна, но все она подражание, фокус-покус искусства, который вам показывает в картоне своем город, лес, море, человека. Но выйди на улицу и все это увидишь еще в лучшем виде. В статуях все же более истины и действительности: в поэзии более жизни, движения и обмана. В музыке, но о музыке говорить нечего, ибо она не есть подражание, а создание, полный мир, в котором душа, не отделяясь от тела, живет новою, постороннюю жизнью, совершенно отдельною от вседневной. Новый театр очень красив и снаружи, и внутри. Расположением зала напоминает и Александрийскую, и Михайловскую. Последние лучи заходящего солнца прекрасно осветили пред нами соборный храм. Красное здание, как бы тонким пламенем залитое, горело так ярко, что казалось храмом солнца. Тут мы с солнцем и простились. Оно заперлось и с той поры уже не показывалось нам. Представьте себе тьму холодную,

⁸⁷⁰ В старом каталоге РГАЛИ числился отдельный дневник о поездке по Италии, но обнаружить его не удалось.

⁸⁷¹ После закрытия «Московского телеграфа» Вяземский часто нападал на Н. А. Полевого (1796–1846) и Ф. В. Булгарина (1789–1859).

в которой пробуждают Вас, сказывая, что пробило пять часов и пора вставать. Зачем, не на охоту ли на медведя в сибирских лесах? Нет, для романтической прогулки по Рейну на пароходе. Он отходит в шесть часов утра, а в нынешнюю пору года еще не рассветает, а в нынешнюю пору года комната в немецком трактире словно погреб, когда печь еще не вытоплена.

Делать нечего, в ожидании мороза по коже от рейнских романтических восторгов сырой холод подирает тебя, при тусклом свете сальной свечки спешишь одеться, прибрать свои пожитки, выпить без вкуса кофе, чуть обеленное жидким молоком, (ибо я еще ни одной ложки *сливок* в Германии не видал), расплатиться за ночлег и за харч с трактирщиком и после всех сих прозаических приготовлений начать свою поэтическую Одиссею. Наконец мы выходим на улицу, и первое впечатление сего долгожданного дня есть *дождливое*. С дождем сели мы на пароход, и дождь провожал нас почти вплоть до Кобленца, ибо подобно эмигрантам мы далее Кобленца не ходили. Нас так порядочно вспрыснуло на дороге, что уже было нам не до колоньской воды. Зло подшутило над нами небо. Оно показало нам Рейн и живописные берега его со скалами, которые громоздятся одна на другую и с замками и развалинами, которые гнездятся на сих скалах, как бригадир Дурасов⁸⁷², по уверению Ростопчина⁸⁷³, показывал картины свои, держа руку пред свечою, вместо того, чтобы держать ее за свечою для лучшего отражения света. Небо же, заслонив солнце облаками, водило нас по рейнской картинной галерее. Назло ему я не сходил с палубы и обязан Рейну несколькими живыми впечатлениями. Надобно было довольствоваться видами на первом плане картины: в перспективе не видать было ничего, да и вблизи нередко облака ходили по уступам гор и загоразивали зрение. Не стану исчислять Вам все замки, развалины, города, местечки, которые мелькали пред нами: все это найдете Вы после в напечатанных письмах моих к Вам, а пока, если Вам невтерпеж, то можете отыскать в книге господина *Шрейбера*.

⁸⁷² Можно предположить, что речь идет о Николае Алексеевиче Дурасове, владельце подмосковного имения Люблино.

⁸⁷³ Граф Федор Васильевич Ростопчин (1763–1826), московский губернатор во время Отечественной войны.

Замечу Вам только, что Вы не должны верить страху его (у страха глаза велики), когда он говорит о крутом повороте Рейна и прибавляет: *où la Tour des Rats sort menaçante de ses flots*⁸⁷⁴. Воля Жуковского и Шрейбера⁸⁷⁵, это страшилище разве для одних мышей и может пригодиться для мышеловки. Не знаю, водятся ли еще там крысы, но знаю, что я мокрою крысою проплыл мимо ее. Разнообразное течение Рейна очень живописно. То разливается он озером, крепко и кругом запертый скалами: глаз не видит исхода ни в какую сторону. То разливается он прямым и узким каналом, и небо, над ним вставленное в продолговатую раму, также вытянуто полоскою, то вдруг заворачивает он в какой-то глухой переулочек. Стены вдоль боков его обиты то черными плитами, то зелеными виноградниками, то словно разноцветными обоями, по коим выпукло расписаны здания городов, сельские жилища, здесь уединенная часовня, там обломки древних укреплений, и под скалами, то есть вдоль их подошв, с обеих сторон тянутся прекрасные шоссе, по коим нельзя сказать, что скачут, хотя бы картина была от того живее, но также тянутся почтовые коляски, ибо *la poésie a ses licences*⁸⁷⁶, *mais* даже и в поэзии нельзя позволить себе заставить скакать немецкую почтовую лошадь.

Впрочем, если нет ничего живописного в немецкой почте (то ли бы дело пустить тут русскую тройку), то немецкие высокие фуры, род сараев на колесах, довольно картинно безобразны. На пароходе нашем, как в Ноевом ковчеге, было много всякой всячины, а особенно же англичан, которые образуют какую-то необходимую принадлежность Рейна. Англичане — приписные души всех пароходов, всех общих столов и в особенности рейнских. Между прочими был один с нами с зеленым зонтиком на глазах: один уже он проглазел в Швейцарии и дощуривал остальной на Рейне. Часто они сидят все время в каюте, уткнув нос в карту или в печатный руководитель, и только

⁸⁷⁴ «Где возвышается мышиная башня, угрожая кораблям» — *франц.* Aloys Schreiber (1763–1841), автор “Handbuch für Reisende am Rhein” (французский перевод: *Manuel des voyageurs sur le Rhin [Schreiber]*), где упоминается легенда о Мышиной башне (*нем.* Mäuseturm) на Рейне.

⁸⁷⁵ По мотивам легенды о Мышиной башне В. А. Жуковский создал балладу «Суд божий над епископом», перевод одноименной баллады Р. Саути.

⁸⁷⁶ «Поэзия допускает вольности, но ...» — *франц.*

к сведению принимают, что тут стоит такой-то замок, такая-то гора, и, едва взглянув на живую природу, опять принимаются за печатную. Неимоверно, что встречаешь англичан и англичанок, это настоящий роман Бульвера⁸⁷⁷ в лицах: *Рейнские пилигримы*. Пред целью плавания нашего небо несколько очистилось, и Кобленц явился нам в довольно ясном виде. Мы пристали во втором часу. Пароход высадил нас на берег, принял несколько новых путешественников и пустился далее. Тут мне жаль стало, что я не остался при первом намерении и не мог совершить весь пароходный поход. Но вскоре имел случай утешиться, ибо небо опять нахмурилось, и дождь перемежался только малыми отдыхами.

Остановились мы в новом трактире на берегу Рейна, называемом Bellevue и не самозванце. Вид из него на мост и на огромный *Эренбрейтштейн* очень живописен. Обед наш за общим столом не имел ничего драматического. Прозаические немцы ели за обе щеки с отменным добродушием, и только после обеда взобрались мы на высокую скалу, или на несколько высоких скал, друг на друга взгромоздившихся и в недавнем времени заново укрепленных, так что ныне *Эренбрейтстенская* крепость — едва ли не вторая после гибралтарской в числе известных неприступных крепостей. О военном достоинстве ее судить не могу, но местоположение ее живописно и величественно, и устройство ее должно было стоить исполинских трудов. Вообще все эти крепости, кажется, построены задним умом, на случай появления нового Наполеона. Хороши были бы они в его время и в преграду ему, но теперь от кого обороняться? Да и польза укрепленных мест очень верно была определена подмосковным мужиком в разговоре с Нелединским. Нелединский ехал из Москвы в первых числах сентября 1812 года перед самую сдачею столицы. В деревне, где остановился он кормить лошадей, окружили его крестьяне и начали расспрашивать о военных действиях и что будет с Москвою. Он, разумеется, успокаивал их и говорил, что Кутузов хочет поставить сильные укрепления на дороге, чтобы не допустить француза в Москву. «Ну, а как пойдет

⁸⁷⁷ Эдвард Бульвер-Литтон (1803–1873), английский писатель, автор книги “The Pilgrims of Rhine” (в русском переводе — «Рейнские пилигримы»).

француз по другой дороге?» — спросил один из мужиков, и Нелединский не знал, что отвечать.

В Кобленце, кроме крепости, почти нечего смотреть. Вечером были мы в театре. Давали фарсу Коцебу, но игра актеров не столько забавляла нас, как публика, которая была совершенно по-домашнему. Никогда не видал я такого свободного обхождения, уличные, грязные мальчишки бегали по зале, лазили по столбам и печам, чтобы повыше сесть и лучше видеть, радуясь дурачеством актера, который в самом деле играл с отменной и непринужденною веселостью; публика не смеялась, не хохотала, а взвизгивала, рычала, вскакивала с места. Убранство театра и опрятность его напомнила мне наши губернские театры. Освещение такое, что только достаточно было видно, что темно. Впрочем, большинство партера состояло из гарнизонных солдат. Мы наняли коляску до Франкфурта, чтобы на обратном пути осмотреть несколько замечательных мест по Рейну. В Кобленце имели мы лонлакея, который служил Мещерским⁸⁷⁸, ездил с ним по всем развалинам и остался ими очень доволен. Да, не прощу себе, что забыл прочесть в Кобленце лучшую русскую эпиграмму, написанную генералом Юзефовичем⁸⁷⁹. Во время французского правления сооружен был в Кобленце фонтан в 1812 г. и начертана на нем, по приказанию префекта, надпись похвальная Наполеону и грозная России. По вступлении русских войск в город Юзефович велел сохранить эту надпись, но прибавить к ней: “Vu et approuvé par le général Russe commandant à Coblenz — Josephowicz”⁸⁸⁰.

Утром часов в восемь, 10 (22)-го числа, пустились мы по левому берегу Рейна. Об этом походе сказать нечего, кроме того, что мы в дождь видели, по сухому пути сквозь тот же туман и мокрую серую завесу места, которые накануне сквозь дождь видели мы с воды. Есть ли какое-нибудь различие в сухопутном дожде и речном, сказать утвердительно не могу. Знаю только, что в ясную погоду прогулка эта должна быть пленительна, хотя с реки видишь одну фасаду декорации

⁸⁷⁸ Имеется в виду Е. Н. Карамзина и ее супруг П. И. Мещерский. Они приехали в Кобленц до приезда Вяземского.

⁸⁷⁹ Дмитрий Михайлович Юзефович (1777–1821) — генерал-майор русской армии.

⁸⁸⁰ «Просмотрено и одобрено русским генералом, комендантом Кобленца — Юзефович» — франц.

берега, а ехав по берегу,ходишь иногда в кулисы и теряешь из виду полноту картины. Между *Св. Гоаром* и *Обер-Везелем* находится пещера, пред которою коляска останавливается, из пещеры выходит молодец с трубою и пистолетом и начинает трубить и палить. Тут есть удивительное эхо: труба раздается по скалам, как труба последнего суда или голос Графа Литты⁸⁸¹, когда он говорит о колонне Александровской, а пистолет как батарейный залп из шести орудий. Несмотря на дождь и грязь, и хоть бы англичанам так поступить, влезли мы на *Рейнштейн*, древний Бург, подновленный на старый лад прусским принцем Фридрихом, племянником короля. В нем много германских древностей, и расположен он очень хорошо. Вид из него даже и при ясном небе не должен быть обширен и разнообразен.

Вечером приехали мы в *Бинген*, где и ночевали. На другое утро переехали мы на лодке чрез Рейн и по знаменитой *Бингенской дыре*, и снова мимо мышеловки, в *Ассмансгаузен*, известный своими красными винами, коих благородные выходцы пребывают в моем остафьевском погребе. В Ассмансгаузене сели мы на ослов, но не без труда и почти не без драки, так сильно было соревнование не между ослами, но между ословожатыми о чести иметь нас седоками. Я уже в первый поход свой отсиделся на осле и братски обошелся с ним, но Машенька не тотчас могла обослатиться, правда, что и седло ее было неисправно и настоящего вожатого осла ее не было, а с старухою, которая заступила вместо сына должность штальмейстерскую, у осла того ладов не было. Но, наконец, явился настоящий ословодец, и все пришло в порядок.

Спасибо ослам, можно сказать, что они нас одни и вывезли. Прогулка наша по *Нидервальду* довольно удалась. Небо не было чисто, но, по крайней мере, не было дождя, и Машенька могла получить понятие о картине, которая развивается пред глазами с возвышения *храма* и с высоты, называемой *Россек*. Я же уже ее видел в хорошую погоду в первую поездку свою. Взобравшись на ослах из *Ассмансгаузена*, на

⁸⁸¹ Граф Джулио Ренато Литта, известный в России как Юлий Помпеевич Литта (1763–1839), государственный деятель, обер-камергер, первый шеф Кавалергардского полка. Председательствовал в Комиссии по строительству Александровской колонны. Был известен своим громким, звучным басом.

них же спустились мы и в Рюдесгейм. Тут пересели мы в ожидавшую нас коляску и по правому берегу Рейна отправились мы в *Бибрих*, где пообедали и осмотрели прекрасный замок Герцога Нассавского. На станции *Гамтерсгейм*, где дали лошадям нашим закуску, то есть хлеб с водою, нашел я в трактирщике некоторую аналогию с Байроном. Во-первых, он хром и, вероятно, очень обижается своим природным недостатком, что было и с Байроном. Мур⁸⁸² приписывает хромоте его и досаде на нее дикость характера его и неприязненное расположение к обществу. Только Байрон дерзко оскорблял законы общежития в отечестве своем, а этот в своем трактире, впрочем, тот и другой — часто нараспев. Каждый раз, что трактирщик входил в нашу комнату или ковылял мимо нас, он отпускал нам под нос громкие рулады — и как другой поет со страха, он пел с досады и с видимым намерением оказать нам пренебрежение. Впрочем, ожесточение его против нас, вероятно, еще и тем усилилось, что в оба посещения наши мы ничего в трактире его не брали. Вечером того дня и все под проливным дождем приехали мы во Франкфурт, а на другой день, т<о> е<сть> 12-го числа, приехали к обеду в Ганау. Наш поход в Кобленц совершенно вроде эмигрантского, затеян он был не вовремя и совершен неудачно.

Дома также ожидало нас неприятное впечатление. Пашенька простудилась без нас и более кашляла. По словам Коппа, простуда эта не имела никакого действия на коренную болезнь ее, но все-таки стала поперек выздоровлению и несколько задержала ход его. Ожидаем хорошей погоды, чтобы пуститься в путь. Все у нас к отъезду готово, и доктор советует и торопит нас ехать при первой возможности.

По собранным сведениям здесь и в Риме от княгини Зинаиды Волконской поедем через Мюнхен и, следовательно, через Тироль. На дороге мешкать не станем, ибо, по всем догадкам и наблюдениям, зима будет ранняя и суровая.

Погода в Петербурге не может быть хуже, чем здесь дней уж с пятнадцати. В именины Пашеньки, т<о> е<сть> 14(26)-го небо подарило ее русским гостинцем — снегом. Во все это время барометр был хуже Гоголевского Начальника отделения: тот, по крайней мере, *мог унизиться до всего, но до подлости никогда*, а этот унизился до невероятной

⁸⁸² Речь идет о биографии Байрона, написанной Томасом Муром.

подлости, так и лежал в грязи ничком и теперь с трудом начинает выкарабкиваться из лужи своей.

<приписка от 16 (28)-го октября>

Я получил письма, посланные через пароход и взятые у Грознова⁸⁸³, а также и письмо ваше от 27-го сент<ября> с почтою, но письма вашего от 15-го сен<тября>, посланного по почте, не имею. Теперь пишите в Рим, адресуя письма в русскую миссию. Сейчас, разбирая письма ваши, вижу, что есть одно письмо от 14-го сент<ября>, следовательно, то самое, о котором говорил Андрей Николаевич⁸⁸⁴ в пироскафном письме, ошибившись одним днем. Всего ваших писем по почте три, а с пироскафным четыре. Все-таки мало, Павлуша! Хотя и верю более неисправности почт, нежели твоей. Радуюсь тому, что тебе хорошо у г<осподи>на Стендера, тем более, что вижу в этом доказательство, что и он тобою доволен. Это служит мне большим утешением в горести быть розно с тобою. Вот опять начнется наша кочевая жизнь, опять полезем с Машенькою на затыжки, а для перемены иногда и на козлы. Жаль мне Гану! Бесцветность его, тишина, однообразие хорошо сливались с полинявшими оттенками духа моего и с чувствами, притупевшими для новых впечатлений.

Даже и этот поэтический сон, который должен наяву совершиться со мною и перенести меня недели чрез две в Рим, не забирает меня, не подливает ничего хмельного в мою сонную воду. Господи Боже мой, если за год, за четыре месяца тому сказали бы мне, что я буду в Риме, да я бы опьянел от одной этой мысли, а теперь предо мною уже и бутылка откупорена, и чаша в руках моих, а губы и не шевелятся, и не тянутся к ней. Между тем не имею и *утешения* сказать себе, что на меня действует болезнь Пашеньки, что не будь этой тоски на сердце, все расцвело бы в глазах моих и чувства мои распустились бы на вольном воздухе и под новыми небесами. Нет, я просто отупел, зачерствел, отжил свой век. Какая-то холодная дурь захватила меня как льдом, и конец всему. Как солнце лучами своими ни разыграйся на мне, но не растопить ему этого льда, а разве только вытянуть сосульки. Подношу

⁸⁸³ Неустановленное лицо.

⁸⁸⁴ Имеется в виду Андрей Николаевич Карамзин (1814–1854).

особенно Жуковскому эту *арзамасскую сосульку* и прошу его скушать на мое здоровье. Где Пушкин? У нас здесь служила нам одна немочка, которая несколько похожа на жену его и потому в большой милости у всех нас, и особенно у меня, несмотря на мою ледовитость.

6. П. А. Вяземский — <Карамзиным>⁸⁸⁵

Мюнхен. 27 окт<ября> (8 нояб<ря>) 1834

Мы приехали сюда 23 о<ктября> (4н<оября>) в пять часов утра, час довольно неблагоприятный и не благоутодный, но дело в том, что мы думали приехать 26 о<ктября> (7 н<оября>) поздно вечером и обочились, вот что значит русская карета по горам с немецкими лошадьми, которые вовсе не горские, а просто горькие. Остановились мы в гостинице *Золотого Оленя*, лучшей в городе, но едва ли не худшей из всех немецких гостиниц, по крайней мере нам доньше известных, и на беду нашу битком уже набитой, так что мы должны были кое-как цыганским табором расположиться в трех нечистых чуланах с дымящимися печами. Мюнхен славится, и по справедливости, своими изящными зданиями.

Художества живут здесь в храмах, но приезжие в хлевах. Таким образом, первое впечатление Мюнхена на нас было самое неблагоприятное.

К неудачам, нас ожидавшим, должно причислить и то, что Гагарина не было в городе, и письмо, которым уведомлял я его о нашем приезде, не застало его здесь и отправлено было к нему в деревню фельдмаршала Вреде, у которого он гостил. Вчера он возвратился. Теперь мы еще не решились, как ехать далее: на долгих ли или на медленных, то есть с фурманами или на почтовых, а между тем собираемся ехать завтра. Погода опять прекрасная и во всю дорогу нам очень благоприятствовала. Несмотря на то, я не очень доволен здоровьем Пашеньки. Кашель ее снова несколько усилился. Тоскую по Гану и был бы рад возвратиться в мирный свой карантин, хотя Рим и в виду. Озабочен я и мыслью о возвращении моем. Срок приближается, а между тем и половина дела моего еще не сделана. Прежде трех

⁸⁸⁵ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 24–25.

недель, или около того, не будем на месте, надобно же будет недели две и более, чтобы устроиться, то есть устроить своих на житье. Сделайте одолжение, поговорите о том с Сер<геем> Сер<геевичем> Кушниковым⁸⁸⁶ *от себя* для передачи Дм<итрию> Гав<риловичу> Бибикову⁸⁸⁷, к которому буду писать из Рима. Спросите, как лучше поступить: писать ли мне официально к графу Канкрину⁸⁸⁸ и просить отсрочки, или дело может и так обойтись. С другой стороны, мне совестно, что *черная работа* департамента лежит в отсуствии моем на Бибикове.

Я нимало не был бы в претензии, если назначили бы второго вице-директора, тем более, что по штату должны быть два вице-директора. Писать мне о том неприлично: это была бы неуместная выходка великодушия и самоотвержения, похожая на притворство, но клянусь Вам совестью, что говорю без всякого обратного помышления и нашел бы весьма натуральным и согласным порядком, если так бы поступлено было. Можете отвечать за меня смело, и я прекословить и жаловаться не буду. Объяснитесь за меня в этом смысле с кем следует и как заблагорассудите, и, если что сделаете и что узнаете, уведомьте меня, пожалуйста, немедленно в Рим, адресуя письма в русскую миссию. Более двух месяцев отсрочки мне, вероятно, не нужно. Главное, *зондировать* в этом, а о прочем сказать можно, если бы стали делать затруднения и представлять, что без вице-директора более обойтись нельзя. *En tout cas il n'est pas nécessaire de compliquer la question, si elle peut se résoudre tout simplement*⁸⁸⁹. Мюнхен прекрасный город, не столько в целом устройстве своем, сколько по многим частям и содержащимся в нем прекрасным зданиям. Царь-художник и царь-поэт⁸⁹⁰ (менее стихами, нежели делами) много занимается украшением

⁸⁸⁶ Сергей Сергеевич Кушников (1765–1839), племянник Н. М. Карамзина, петербургский гражданский губернатор.

⁸⁸⁷ Дмитрий Гаврилович Бибииков (1792–1870), видный государственный деятель; в то время был директором департамента внешней торговли,

⁸⁸⁸ Граф Егор Францевич Канкрин (1774–1845), российский государственный деятель немецкого происхождения, генерал от инфантерии, министр финансов России в 1823–1844 гг. Начальник Вяземского.

⁸⁸⁹ «Во всяком случае не стоит усложнять дело, если его можно разрешить просто» — *франц.*

⁸⁹⁰ Речь идет о короле Баварии в 1825–1848 гг. Людвиге I (1786–1868); одно из его стихотворений было переведено на русский язык Тютчевым. Людвиг I стремился превратить Мюнхен во «вторые Афины».

города и обогащением его памятниками искусств древности и германской старины. Новый дворец уже отстроенный, но еще не отделанный, будет единственный в своем роде. Комнаты прекрасно расписаны, и вся живопись представляет картины, коих содержание взято из германских новейших поэтов и древней народной поэмы «Нибелунген». И мысль прекрасная, и исполнение изящное. Везде только и видишь мрамор, золото и живопись. Музеи ваяния (glyptothèque) и живописи (pinacothèque) содержат богатые собрания, и последний будет полнейшим памятником германской школы, и все это царь строит из своих карманных денег. Город также отчасти способствует и назначил уже одну улицу, давно отстроенную, в подарок королю (в день серебряной свадьбы), чтобы дать ему удовольствие сломать до подошвы все дома и украсить ее новыми зданиями на свой вкус.

Теперь город несколько похож на залу, в которой много богатой мебели и разных драгоценных вещей, кое-как и пока расставленных. Все это, вероятно, придет в порядок к золотой свадьбе. Мюнхен может быть признан приготовительным курсом к Риму. Есть на что посмотреть и чему поучиться. А теперь родство с Афинами еще более утвердит и усилит здешнюю любовь к изящному. Не знаю, что будет из этого греко-баварского союза в политическом отношении, но в художественном он очень кстати. Я видел архитектора *Кленца*⁸⁹¹, правую руку короля в поэтическом совете его: он на днях возвратился из Греции и, вероятно, более всех решил вопрос перенесения столицы греческого царства (совестно сказать *королевства*) в Афины, которые будут застроены и возобновлены по планам его. Разговор его очень занимателен и для немецкого художника жив и полон движения. Особенно же теперь так и пышет от него греческим солнцем. Не имея лба приятеля нашего Тургенева, который ездил к Вальтеру Скотту, не прочитав ни одного романа его и плохо зная по-английски, не решился я итти на поклонение к Шеллингу с пустым ртом и отчасти пустою головою. Я не так гляжу в тусклом затмении духа своего, чтобы могло хотеться мне показываться в люди. Потому и мало жалею о том, что здешнее общество еще в разброде по деревням и на охоте. Жалею однако же, что не застал здесь и нашего Лерхенфельда

⁸⁹¹ Лео фон Кленце (Leo von Klenze, 1784–1864), немецкий архитектор, художник и писатель.

и нашей красавицы Крюднер⁸⁹². Обедаю обыкновенно у Гагариных⁸⁹³, а вечером бываю у *Тютчева*, который женат на здешней вдовушке⁸⁹⁴. У них собираются члены дипломатического корпуса и кое-кто из здешних жителей. Чайник и две восковые свечи на столе и приятный разговор: вот стихии их маленького салона. Нашли мы здесь и Кутузовых⁸⁹⁵, то есть брата с сестрами. Они проведут зиму в Мюнхене. Здоровье сестры все в одинаковом положении. Гагарины очень хорошо живут и приветливы к нам по-родственному. Они довольно скучают немецким Римом и жалеют о настоящем, к которому так привыкли. В день приезда нашего умер здесь французский посланник *Vaudreuil*⁸⁹⁶, молодой человек тридцати четырех лет. В числе тех, которые могут заступить место его, именуют и Лагрене. Это было бы хорошо для нашей Птички⁸⁹⁷, потому что Дармштадт, по общему мнению, наименее скучнейшая из немецких клеток. Здешняя опера очень хороша. Удалось мне наконец видеть “*Robert le Diable*”⁸⁹⁸. Прекрасная музыка, не такая шумная и воспалительная, как музыка *de la muette*⁸⁹⁹, но не менее увлекательная. Опера содержанием своим не слишком благочестива. В одной сцене, например, черт стоит пред образом Богоматери и занимает почетное место. Слышны пение и игра органа в церкви. Но, впрочем, конец дело венчает, и все приходит в надлежащий порядок, черта посылают к черту, и церковные двери растворяются.

⁸⁹² Граф Максимилиан Лерхенфельд (1772–1809), баварский дипломат; его внебрачная дочь, Амалия, в которую был влюблен Тютчев, была замужем за российским дипломатом А. С. Крюднером (1786–1852), или Криденером, как произносили его фамилию в России, и. о. поверенного в делах русского посольства в Мюнхене.

⁸⁹³ Князь Григорий Иванович Гагарин (1782–1837), дипломат, поэт и покровитель искусства, и его жена Екатерина Петровна, урожденная Соймонова (1790–1873).

⁸⁹⁴ Графиня Элеонора Ботмер (Eleonore Sophie Louise Christine Gräfin von Bothmer; 1800–1838), в первом браке Петерсон, во втором браке Тютчева — первая жена поэта Ф. И. Тютчева.

⁸⁹⁵ Аркадий Павлович Голенищев-Кутузов (1812–1859), сенатор, статс-секретарь по делам Царства Польского, отец поэта Арсения Аркадьевича Голенищева-Кутузова (1848–1913).

⁸⁹⁶ Граф Alfred de Vaudreuil (1798–1834), в 1833 г. был назначен торговым атташе в Баварии.

⁸⁹⁷ Варвара Ивановна Дубенская (1812–1901), по прозвищу Птичка, вышла замуж за Л. Лагрене, первого секретаря посольства Франции в Петербурге; в 1834 г. он получил перевод во французскую миссию в Дармштадте.

⁸⁹⁸ Опера Дж. Мейербера.

⁸⁹⁹ По всей вероятности, имеется в виду опера Д. Обера “*La muette de Portici*” («Немая из Портичи»).

Погода здесь такая, что никто не запомнит подобной. Ходим целый день по улицам в одном сюртуке или фраке, как посреди лета. Что делается у Вас?

По здешним соображениям Герцог Лейхтенбергский согласится жениться на Доне Марии⁹⁰⁰. В ожидании руки дочери Дон Педра принял он шпагу его, которую тот завещал ему и привез сюда некто Bayard⁹⁰¹, к великому соблазну и огорчению здешней Загряжской⁹⁰², старухи Setto⁹⁰³, отъявленной легитимистки, которая вынести не может, что посланец Дон Педра носит и марает сие чистое и безукоризненное имя. О делах Греции вести все довольно худые. Русский солдат, который держал одною рукою ружье, а другою кивер на молитве, отвечал попу, замечающему ему, что он не крестится: да нельзя батюшка, веры то мы грецкой, а артикул у нас немецкой. Тоже и с Грециею. Баварцы между тем мрут там от *беспивия*. Теперь послали туда пивные запасы, и с тех пор стало им полегче. Баварцы самый пивопитейный народ, и здешнее пиво славится. С этой стороны я гожусь в баварцы. Я так же отяжелел, одурел, как от пивного похмелья. Вы из писем моих, надеюсь, чувствуете, как я отекаю мыслями и пальцами: не могу разогнуть их, все скорчено. Если письма мои вами так же туго читаются, что, впрочем, и быть должно неминуемо, как они мною туго пишутся, то искренно соболезную вам. Глаза ваши и внимание закряхтеть должны порядочно. Простите великодушно и пожалейте. Право, мне еще тяжелее, нежели вам. Вы можете отложить письмо в сторону: я себя отложить не могу и беременен сам собою до тошноты и до несносности.

31 о<ктября> (12 н<оября>). Кашель Пашеньки задержал нас здесь долее нежели хотелось. Теперь он, слава Богу, несколько поутих против прежнего, и завтра утром продолжаем свой путь. Не скрою от вас,

⁹⁰⁰ Донна Мария да Глория (1819–1853) с 1833 г. была королевой Португалии, в декабре 1834 г. заключила брак без явки, а в январе 1835 г. лично с Августом, герцогом Лейхтенбергским (1810–1835).

⁹⁰¹ Возможно, Ф. М. Байярд (1768–1836?), граф Вантери, автор интересного сочинения о французской дипломатии.

⁹⁰² Екатерина Ивановна Загряжская (1779–1842), влиятельная фрейлина императорского двора, тетка Н. Н. Пушкиной по матери.

⁹⁰³ Возможно, жена графа А. фон Четто (1756–1847), баварского дипломата итальянского происхождения (де Четтис), который женился на Ариане фон Цвайбрюкен (1785–1857).

что я опять в большом упадке духа. Даже и вера моя в Коппа пошатнулась. Напрасно, кажется, прослал <sic> он нас в Рим, слишком надеявшись на твердое основание, которое он положил выздоровлению Пашеньки. Путешествие в эту позднюю пору года не может быть полезно, путь дальний, хорошо если там не придется нам иметь нужду в докторе и можно будет просто продолжать начатое им, но, если случайности дороги или самой болезни вынудят нас прибегнуть к доктору, то нет сомнения, что все старое лечение будет отложено и верх дном опрокинуто. Как взять на себя и отстаивать заочное руководство, не зная, не изменилась ли в чем болезнь и сам Копп не переменял ли бы лечение? В Ганау светил нам свет, теперь опять входим в тьму, опять идем на удачу. Тоска и страх неведения тяготят душу мою, и этот Рим давит меня. Самая дорога уже несносное бремя. Опять тащиться с лишком две недели, опять холодные ночлеги, опять обеды на волю Божию, все это и здоровым нехорошо, а с больною еще хуже, все это и с вольным беззаботным сердцем тяжело, а когда и без того кошки по сердцу скребут, то, право, никаким видам, никакой природе, никаким чудесам рад не будешь. Ежеминутная пытка, да и только.

Так это-то чужие края! говорю я себе, так это-то веселье, против коего издают запретительные постановления, чтобы сдуру и с жадности не захлебнулся народ! Ну, признаюсь, есть от чего удерживать и на что кидаться. На беду и то, что мы вовсе писем от вас не получаем. Вероятно, по отъезде нашем пришли они в Ганау и отправлены в Рим, но когда до нас дойдут и дойдут ли?

Нечего сказать: плохо, грустно и тяжело, по крайней мере пока, что вперед будет. Теперь простите, милые и сердечные друзья. Обнимаем вас от всей души, а тебя, мой друг Павлуша, благословляю. Бог с вами и с нами! Как ни худо, а могло бы быть хуже, следовательно, благодарение Богу. Пишите к нам поскорее в Рим. Целую ручки у нежной матери милой двойчатки.

Передайте Брею⁹⁰⁴ мой мюнхенский поклон. Лерхенфельд возвратился, но Крюднерши не увидим.

⁹⁰⁴ Камиль Югон де Брей, камергер и секретарь баварской дипломатической миссии в Петербурге.

7. П. А. Вяземский — <П. П. Вяземскому и Карамзиным>⁹⁰⁵

Рим. 4 (16) д<екабря> 1834.

Мы у пристани, ехать более некуда. Здесь должна совершиться над нами воля провидения. Мы въехали в вечный град 30 н<оября> (12 д<екабря>) часу в четвертом перед обедом. Пашенька довольно хорошо выдержала дорогу от Флоренции до Рима, хотя трамонтана дула на нас почти во все время и трактиры, служившие нам прибежищем от нее, слывут худыми даже и на итальянский размер. Въехав в Рим на Corso, встретили мы Катеньку, Софию и Николиньку⁹⁰⁶, и таким образом семейно вошли в покои, нас ожидавшие. Кня<гиня> Зинаида⁹⁰⁷ с попечительностью сестры, или нежной матери, устроила наше жилище и приготовила все удобства так, что мы были совершенно дома с первого шага и с первой минуты. Следовательно, впечатления нашего водворения были благоприятные и благовестительные для будущего. Дай-то Бог.

Пашенька еще отдыхает, не принялась за продолжение ганауского лечения, и потому сказать еще нечего о ней, ни о действии римского воздуха, которым она пользоваться не начинала, не выезжая еще из дома, и потому, чтобы дать ей на покое собраться силами, растроченными дорогою, и потому, что в воздухе есть что-то холодное и несколько суровое, то есть, разумеется, говоря по-итальянски. Мы нашли, что Катенька очень поправилась, и все семейство благополучно здравствует. Не нужно говорить о радости нашей о перемене плана их, которая дает нам семейную жизнь в Риме. Первое мое посещение было им в день приезда нашего и развалинам Колизея часу в десятом вечера, отправив их на раут к Гурьеву. Мне хотелось видеть в первый раз сей обширный труп древнего Рима при лунном сиянии. Луна и была на небе, или, лучше сказать, в календаре, но не гостеприимная, не *Карачиольская* (Карачиоли⁹⁰⁸ говорил, что итальянская луна есть

⁹⁰⁵ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 26–29.

⁹⁰⁶ Сводные племянницы Вяземского София Карамзина и Екатерина Мещерская, урожд. Карамзина. Николинька — сын Мещерской, внук Карамзина.

⁹⁰⁷ Зинаида Волконская.

⁹⁰⁸ См. прим. 280.

северное солнце), а мутная и сыроватая, или репная, как говорит Пушкин, и я не удостоился угощения ее. Сторожа с факелами также не было. Видно ни он, ни луна не ожидали англичан, обыкновенных гостей своих, а обо мне не подумали. Таким образом, аудиенция была дана мне запросто, и я мог только дивиться обширности сей застроенной пустыни. Вчера в полночь, от Мещерских взял с собою Машеньку и Софию Николаевну, поехал я опять в Колизей в надежде луны и факелов, но попытка была опять неудачная. Луна только дразнила нас из простокваши облаков, а развалин не освещала, а Custode⁹⁰⁹ опять пошел спать. Мы побродили с час по обломкам под конвоем папских солдат и при свете сального огарка, и я возвратился домой, не получив еще раз полного впечатления.

На другой день приезда, под чичеронством Софии Николаевны, был я в храме св<ятого> Петра от подошвы до маковки. Что сказать вам о нем? Да ничего. Оно короче и яснее. Дело в том, что, не будь он на краю города, я желал бы заходить в него каждый день. Не потому, что он мне более всего нравится, я еще не знаю того, но чувствую необходимость *обжиться* с ним и в нем, чтобы иметь о нем понятие, не только чувство. Вообще мир искусства есть особенный мир с своими стилями, с своим климатом, с своею атмосферою: пока они не проникли во все поры, не растворили организма, ты все пребываешь посторонним и чужим. Красоты природы имеют для всех общий язык, каждому понятный, язык простого чувства (потому и предпочитаю их красотам искусства, *кроме музыки*), но красоты искусства таинства, в которые нужно быть посвящену не только промыслом, но и временем, и прилежным служением. Оттого и боюсь не успеть созреть и уехать отсюда не постриженным.

Сегодня едем в Ватикан знакомиться с статуями при свете факелов и под предводительством Торвальдсена.

Пишу к вам у открытого окна, чтобы согреться, хотя и день не теплый, но все-таки на дворе теплее, нежели в комнате моей, в которой нет ни печи, ни камина. Вечером ставлю жаровню перед тем, чтобы лечь спать, а там зажигаю свечу и закурываю сигарку. Таким образом, затопив баню свою, говорю: пар костей не ломит. У вас, я думаю, при

⁹⁰⁹ «Сторож» — итал.

мысли об этом паре мороз по коже подирает за меня, тем более, что мороз у вас не за плечами. Вчера лазил я на Капитолий и был у госпожи Летиции: две исторические развалины, та и другая пережила не только себя, но и потомство свое. Или не признавать новейшей истории, или должно согласиться, что Госпожа Летиция одна из замечательнейших древностей нынешнего Рима. Это живая волчица, которая вскормила Ромула и многих Ремов: один из них, Jérôme, был моим водителем к ней. Странно было слышать слово Матап и думать, что эта Матап — мать Наполеона, который в гробнице своей св. Елены спит за тридевять земель и за тридевять веков от нас. Вот что топит и разогревает Рим: таких подтопок нигде не найдешь и нигде не были бы они на своем месте. Летиция худощавая, слепая, желтая, безногая женщина и худо говорит по-французски, хотя и могла бы натореть в школе французской империи. Но, видно, она догадывалась, что не стоит того научиться и ненадолго далась ей французская грамота. Разговор наш был не исторический, но надеюсь, что в другой раз удастся мне повыть с волчицею. Виноват, два раза, приветствуя и прощаясь, поцеловал ее сухую лапу. Хотелось отведать, что за вкус. — Рядом со мною в нашем доме знаменитый Стендаль. С виду толстый приказчик. Я еще не познакомился с ним, но хочу заострить французский мадригал и задрать его.

5(17)-го <декабря>. Вчерашнее посещение наше в Ватикане было точно нашествие варваров. Более двадцати пяти русских нахлынуло на святыню юга. Швейцарская стража готовилась к отпору и насилию впустила нас, потому что позволение дано было на меньшее число посетителей. Мы обежали на скорую ногу это мраморное народонаселение, живоноснейший квартал Рима. Тут обитает мужественный возраст вечного града: в других кварталах возраст ребяческий и ветхий, разумеется, за исключением разбросанных здесь и там великих мумий древности, забальзамированных славою и религиею истории, которые также живут нетленною жизнью. Только на минуту останавливали нас пред аристократическими именами этого народонаселения. Худой способ для изучения народа. Нужно обозреть все степени общества, чтобы хорошо понять вышины его. К тому же и смотреть должно не так, как мы смотрели, из среды кочевого *раута* нашего. Мы

выходили, так сказать, стена на стену, русский раут на мраморный раут. Да и *стеновод* наш, знаменитый здешний *Висконти*⁹¹⁰, был, по крайней мере, для меня, настоящий душегубец. Французский болтун с итальянской декламацией. Он ничего не объяснял, ни с кем не знакомил, а только трещал в ушах и не давал смотреть своими глазами.

Гораздо было бы лучше сдуру пялить глаза и просто ротозейть, нежели таким образом щурить и ломать глаза по команде. Потому и не ждите от меня отчета в новом знакомстве. На первый раз скажу только, что Бельведерский Аполлон не свел меня с ума, может быть, именно оттого, что *Висконти* и *tutti quanti*⁹¹¹ командовали по преданию и кстати бы: *в обморок!* и что Аполлона показывают с шарлатанством *et pour la bonne bouche*⁹¹² на закуску. Конечно, правильно, красиво, стройно, божественно, но без выражения, то есть человеческого, бесстрастно. Это не бог поэзии, разве дидактической поэзии, бог *de l'art poétique de Voileau*, бог тераменовского рассказа⁹¹³. Говорят: какое спокойствие, благородство, убеждение в своей силе, в своей божественности! Согласен, но мне какое до того дело? На здоровье ему, что он бог и чувствует себя богом. Я не бог и, следовательно, сочувствовать ему не могу. Бог христианства доступен понятиям и нервам моим потому, что он любил и страдал человечески.

Оттого и лучше понимаю я беседу с учениками, распятие, нежели вознесение, лучше понимаю или, правильнее, лучше чувствую Бога Сына, нежели Бога Отца и Святого Духа. Да и что за мудрость дать мрамору величество и самонадеянность, благородство осанки и олимпийскую фешенебельность.

*Le marbre est nommé le bois dont on fait les Dieux*⁹¹⁴. Но заставьте мрамор быть человеком, двигаться человечески, плакать, радоваться, стонать, размышлять, чувствовать, бороться самому с собою духовно, или сам-друг рукопашно, вот это дело другое. Тут художник — создатель, жизнедавец. А этот Аполлон ни с места, *il fait la belle*

⁹¹⁰ Пьетро Эрколе Висконти (1802–1880), археолог, профессор Римского университета.

⁹¹¹ «И все остальные» — *итал.*

⁹¹² «Приберегают напоследок» — *франц.*, буквально «чтобы оставить приятный вкус».

⁹¹³ Терамен — наставник Ипполита в пьесе Ж. Расина «Федра». Речь идет о его монологе о гибели Ипполита.

⁹¹⁴ «Мрамор — это именно тот материал, из которого сделаны боги» — *франц.*

*jambe*⁹¹⁵ и только! Мы с Катенькою за него поссорились. Она готова с ним перемигиваться и *относится* к нему, забывая священные обязанности супружества. Худой пример и для Сонюшки, которая готова *сесть на него верхом, с'est tout dire*⁹¹⁶. Я уверяю Катеньку, что Аполлон нравится ей, потому что он стройный мужчина: мне же именно потому, может быть, он и не нравится. *Je n'aime pas les beaux hommes. Je ne les comprends pas*⁹¹⁷. Наденьте на Аполлона кавалергардский мундир с лосинными панталонами и поставьте его на часы во внутренний караул, и прекрасно! Но не говорите мне, что это бог Омира, Софокла, Державина, Байрона. В них нет ничего общего. Повторяю, если быть ему богом поэзии, то разве богом французского александрийского стиха: если хорошенько вслушаться в него, то, может статься, услышишь: *oui, c'est Agamemnon, c'est ton Roi qui t'éveille*⁹¹⁸, но более ничего. Мне же, кажется, он сквозь зубы промолвил что-то о крещенском параде: я застегнул грудь свою и сказал: картина, а не человек! и начал сравнивать его с Дантесом, с Моргенштерном⁹¹⁹, с Александром Николаевичем Карамзиным и с другими записными красавцами и признался, что он всех их лучше.

А Колизей, луна и факел мне опять в третий раз не удались. Уж добьюсь я свидания с луною, с этою вековой кокеткою в ее вековечном будуаре. Впрочем, если и пришлось бы мне сегодня оставить Рим, то я избежал уже поговорки: был в Риме, а папы не видал! И для меня *le Pape a été plus infallible que la lune*⁹²⁰. Я видел его в собрании кардиналов надевающего шляпу на нового кардинала. Как подумаешь, что была эта шляпа во время оно и что она ныне. То же, что академические кресла во Франции при отцах наших и что при нас! Прикрытие головы и пристройство — с позволения сказать — задницы к месту были в свое время европейским событием. Теперь это дело домашнее, и на новوشляпии кардинала была только наша братья, англо-русские ротозей, а Рим и в ус не дул. В антрактах церемонии

⁹¹⁵ «Красуется» — франц.

⁹¹⁶ «Этим все сказано» — франц.

⁹¹⁷ «Я не люблю красивых мужчин. Я их не понимаю» — франц.

⁹¹⁸ Цитата из драмы Расина «Ифигения».

⁹¹⁹ Моргенштерн, по всей вероятности, шведский дипломат.

⁹²⁰ «Для меня папа был непогрешимее луны» — франц.

духовный адвокат читал докладную записку о причтении к лику блаженных усопшей сардинской королевы из дома Бурбонов. После будут производить дело о причтении ее к лику святых. Тогда явится, что простонародно называют *l'avocat du diable*⁹²¹, а по-настоящему *le protecteur de la foi*⁹²², который станет оспаривать права ее и опорочивать деяния, представляя, что и эта святость с грехом пополам. Тогда суд решит, чья сторона взята, и подпишет приговор. Папа — старичок толстоносый: вот что более поразило меня в наружности его, весьма простой. Впрочем, он, сказывают, человек добрый и весьма ученый богослов. Несмотря на свои семьдесят лет, бодр и свеж и может быть долголетен, хотя по каким-то кабалистическим исчислениям, оправдавшимся прежними примерами, ему не должно дожить до 1835 года. Я был здесь на двух раутах, на двух всемирных соборах, шестого числа у нашего министра, а вчера у нашего петербургского Людольфа. Оба занимают прекрасные дворцы. Наш живет великолепно.

Я познакомился с некоторыми членами дипломатического корпуса, между прочими с прусским Бунсенем и австрийским Лютцовым. С римлянами нечего много знакомиться, а римлянки по большей части худо говорят по-французски.

Римские рауты, как и петербургские: толкотня, мороженое и пустословие.

Изумительных красавиц я не видал или, по крайней мере, не разглядел еще в этом сыром бору незнакомых лиц. Наша министерша⁹²³ слывет здесь красавицею: я еще не проникнут этим слухом. С большим удовольствием увидел я здесь петербургское свое отношение: Бобо-Потоцкую⁹²⁴. Она ведет художественную жизнь во всяком отношении: много худа в жизни ее, потому что она часто хворает и сидит дома, занимаясь живописью. Вчера познакомился я с всеязычным Мезофанти⁹²⁵ и, разумеется, говорил с ним по-русски. Выговором

⁹²¹ «Адвокат дьявола» — франц.

⁹²² «Защитник веры» — франц.

⁹²³ Жена посла, т. е. княгиня Гагарина, урожд. Соймонова (см. выше).

⁹²⁴ Мария Александровна Потоцкая (см. выше). Вяземский сочинил для нее стихотворение «Роза и кипарис».

⁹²⁵ Кардинал Джузеппе Гаспаро Мезофанти (1774–1849), известный полиглот.

и ужимками, и всею наружностью напомнил он мне *Рушковского*⁹²⁶, который также был, кажется, многоязычен. Что за мир эта ватиканская библиотека. Три часа битых ходили мы и стояли на холодном мраморном полу, так что застудил я себе ноги и дотерпелся до ужасной колики, от которой насилу заблаговременно убрался я, не совершив ватиканского поношения. Благо, что Италия — откровенная земля в этом отношении: я легко мог бы внести свою лепту в кучи богатства, разбросанные по всем улицам и площадям, но, из уважения к русской застенчивой природе своей, я благополучно вошел в первую лавочку и разделался с Ватиканом.

8 (20) *д<екабря>*. Спасибо за письма ваши с Кривцовым и за прежние. Благодарю Бога и вас за добрые вести, и особенно тебя, мой друг Павлуша, за то, что говоришь мне о себе и говорят мне о тебе.

Между тем донесу тебе на Пашеньку, что она находит твои русские письма очень глупыми, а французские — утешься — очень милыми и сердится на меня, думая, что ты пишешь по-русски из угождения мне. Итак, разрешаю тебе писать к нам всегда по-французски, надеясь, что ты и без того довольно упражняешься в русском языке. Вообще я не доволен, что твои письма слишком отзываются поспешностью и потому небрежны, с описками, пропусками.

Зачем ждать тебе последней минуты до отправления письма? Пиши исподволь заблаговременно, веди род журнала в своей переписке. Все же можешь ты иметь каждый день двадцать минут свободных для изготовления письма своего. А то так и чувствуешь, что ты пишешь бегом и задыхаешься: малой же ты, слава Богу, не воздушный, а тяжел на подъем, оттого письма твои и сбиваются часто на коровий галоп.

Когда будешь у тетеньки, сходи к Виельгорским⁹²⁷ и поблагодари их обоих за письма. Отвечать мне им нечего, потому что из писем моих к Вам все узнают они, что узнать можно. Михаилу Виельгорскому дай прочесть это письмо. Жалею, что только в декабре получил

⁹²⁶ Иван Александрович Рушковский (1763–1832), московский почт-директор.

⁹²⁷ Граф Матвей Юрьевич Виельгорский (1794–1866), музыкант-любитель, достигший в игре на виолончели высокого уровня; граф Михаил Юрьевич Виельгорский (1788–1856), композитор, был дружен с писателями пушкинского круга.

письмо его от первого сентября, и потому не мог заблаговременно написать по просьбе его в департамент. Впрочем, он возвратился в Петербург в свите императрицы и, следовательно, нечего было и хлопотать. *О поэзии небес и воздуха Италии* (про которую он пишет) не могу ни спорить с ним, ни согласиться. Он счастливее, он увидел Италию в цветущую пору, сердце его рассветало вместе с здоровьем жены, он слышал Lablache и la Malibran⁹²⁸.

Я вижу Италию зимою, конечно, нет трескучей прозы нашей русской зимы, но нет, однако же, упоения, есть удовольствие сравнения, и только, тепло и хорошо заглядывая в календарь, но небеса пока без поэзии, сердце у меня не совершенно спокойно, и всего слышал я только с тех пор, что за границую петербургскую M-elle Carl и петербургскую M-elle Melas. Таким образом, я все еще под влиянием домашних впечатлений и не сложил с себя ветхого человека.

Пока Италия для меня прекрасный музей, но не прекрасная земля. *Ich kenn noch nicht das Land*⁹²⁹ и уеду до весны, следовательно, и не узнаю. Кому дан палац <sic>, кому два, а кому шиш: это моя доля.

Хорош Жуковский, сердится на меня, что я не пишу к нему, а сам ни слова. Будто я к нему не пишу, писавши к вам? К чему дубликат? Нового ничего не выдумую. А он отчего не пишет, тем более, что и Вы ни слова об нем не говорите. Что делает *хромоногий бес*?⁹³⁰ Жалею, что нет его здесь, чтобы водить меня по римским кровлям. Не отвечаю ему, надеясь, что он уже в дороге.

Простите, милые и сердечные друзья. Обнимаю вас и благословляю тебя от души, друг мой Павлуша. Что это сделалось с Бибиковым? Получил ли он письмо мое из Флоренции?

⁹²⁸ Бас Луиджи Лаблаш и сопрано Мария Малибран.

⁹²⁹ «Еще не знаю страну» — нем.

⁹³⁰ По всей вероятности, речь идет о Николае Ивановиче Тургеневе, который был хромоног и имел арзамасское прозвище Варвик из одноименной баллады Жуковского, где Варвик — злодей. Прямо называть имя декабриста-эмигранта в почтовой переписке не рекомендовалось.

8. П. А. Вяземский — <П. П. Вяземскому и Карамзиным>⁹³¹

<Рим. декабрь 1834>

<...> Проходили жандармы, попы, никто не мешался в это постороннее дело. Площадь обставлена была зрителями, никто не думал унять драку. К стыду своему признаюсь, что и я оставался если не бесстрастным, то, по крайней мере, бездейственным зрителем, но, не зная языка достаточно, чтобы усостыжить и убедить толпу даром слов, мне нужно было бы объясняться общим ручным и кулачным языком, на который отвечали бы мне *мостовым языком*, как Карлу X, и разговор вышел бы неравен. Наконец, на место сражения пришла мать несчастного мальчишки, поколотила его несколько со своей стороны и отослала так к лекарю. Чтобы образовать понятие свое о римской черни, впрочем, и не одной черни, но отчасти и о среднем состоянии, должно изучать ее в детском возрасте. Есть точно что-то дикое в этом племени, кочующем на улицах: они или дерутся, или просят милостыню, или всенародно под крышею неба пакостят памятники, здания, фонтаны, все куда присесть можно.

В иных местах вездесущность полиции может быть доведена до крайности, но здесь крайность противоположная, и также это зло. А что полиция не мешает публике рядить и судить в театре, хоть ей угодно, это мне очень любо. Я был третьего дня при открытии театра после поста: была и новая опера, и новая труппа. Надобно было слышать, что за шум подымался при каждой неудачной ноте певца или певицы. Несколько сот голосов подхватят ошибку и передразнивают ее по-своему. Вдруг общий хохот, вдруг общий *ату его!* зато, если вырвется стройная, благозвучная фраза, так и задушат ее налету взрывом общего восторга. И какое это дает понятие о музыкальном чувстве народа! Здесь это не частное выражение нескольких знатоков, за коими толпа хлопает ушами и руками! Нет, это повсеместное электрическое движение! Одна мысль, один *ой-ой*, один *ах* во всей зале. Зато уже как и должны быть обстреляны здешние актеры: с непривычки можно умереть под залпом негодования. Здесь и глазом не

⁹³¹ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 22–23. Начало письма отсутствует.

мигнут. Римский партер отличается своею выразительностью. Славная *Malibran* была сначала освистана здесь, но после превознесена и препрославлена, и в Болонье с восторга оборвали платье ее на клочки, так что маэстро ее должен был прикрыть ее своим плащом, как дочери Ноя отца своего. На другой день дорогою ценою продавали в городе оторванные лоскутки. Новый Рим перенес в оперу форум предков своих. Тут еще он владычествует и законодательствует, казнит и милует, совершает Капитолийские торжества и тарпейские казни. Представленная опера: «Паризина»; музыка Доницетти, кажется, не очень хороша, впрочем, я видел только второй акт. В нем понравился мне один дуэт. *Унгерн* пела часть свою превосходно. В пении ее много драматического чувства и выражения. Голос ее точно плакал иногда.

При открытии театра римский губернатор угощает публику своим иждивением. В ложу входят слуги в богатой ливрее с факелами в руках и разносят даром мороженое и разные сласти. Странно нашему брату видеть прелата в ложе. Еще страннее встречать военного министра в сутане. Петербургское гвардейское народонаселение отвечает здесь разномундирным попам, а в салонах *Monsignori*⁹³² то, что наши генералы и флигель-адъютанты. Впрочем, по моему мнению, здешнее общество есть точно *la campagne désolée de Rome*⁹³³: так и обдает пустынею и унынием развалин.

Старожилы говорят, что это действие первого впечатления, но что после, когда обживешься, то все это заговорит, пока непонятною, жизнью. Может быть! Но и то правда, что убранство европейского общежития не к лицу Риму и здесь не нужно. У Вас здесь есть открытые дома: Колизей, Пантеон, храм св. Петра, есть свои праздники: солнечный день, лунная ночь, есть свои говоруны и краснобаи вековечные: разбросанные развалины, есть свои заманчивые красавицы: статуи и картины; есть свои городские вести, дневные сплетни: соблазнительная хроника Неронов, Мариев, а если Вы очень любопытны, то можете по горячим следам добраться до Ромула. Здесь до Рождества Христова и по Рождестве Христовом то, что в другой столице: третьего дня и вчера. *Сегодня* есть только слово несколько пустое, а *завтра*

⁹³² «Монсеньоры» — *итал.* Представители высшего католического духовенства.

⁹³³ «Запустелая деревня Рима» — *франц.*

не имеет смысла, ибо здесь время не идет, а стоит, и *завтра* есть *вчера*, помните, не *сегодня*, потому что *сегодня* одна условная математическая точка, не имеющая ни пространства, ни образа. Самый папа, который все-таки еще великое слово, великий знак в настоящем пробеле, велик именно сиянием вчерашних лучей. Как здешний небосклон долго и по захождении солнца сохраняет еще яркие, теплые оттенки сгоревшего дня, так и на умственном небосклоне великие события неизменно и по закату своем отражаются еще живо, жарко и многоцветно.

Особенно в этом смысле кстати вспомнить слово Карачиоли: здешняя луна есть солнце иногородное. Здешние тени действительнее, осязательнее, воплощенное животрепещущей и дородной сущности транстиберийской или, говоря проще, остального мира. Оттого и папа для меня, со своим прозаическим лицом и толстым носом и несколько актерским одеянием есть явление величественное и разительное. В нем нет ничего грядущего и мало настоящего, нет того, что поражает и пробуждает внимание наше в лицезрении других владык, так сказать, беременных судьбою царства и народа своего, но зато сколько слоев минувшего лежит на этом живом острове! Какая обширная тень падает с него, не сияние, это правда, но все-таки много объемлющая. А если вдруг, чем черт не шутит, расшевелится какой-нибудь Наполеон под этим нынешним папским саваном и пойдет вооруженным крестом (какой-нибудь Ламене⁹³⁴ под тиарою) мутить мир, как тот мутил шпагою, то Вы увидите — не дай Бог увидеть — что папа еще не умер. Кстати: он и в самом деле не умер, хотя предсказывали смерть его. То-то весело ему было слышать, как часы добились двенадцатый час 1834 года, ибо он, разумеется, знал о народной примете, которая оправдалась двумя предместниками его. Сказывают, старика это тревожило, тем более, что он подвержен кружениям головы, а другие говорят, и падучей болезни, следовательно, и без предисловной болезни смерть могла легко нагрязнуть до него до последней минуты.

Я здесь почти никуда не езжу, то есть в большой свет: по следам Тургенева, бываю иногда по вечерам у Горация Вернета. Он живой болтун, дочь-невеста очень мила и хорошая музыкантша, мать добрая

⁹³⁴ Наверно, имеется в виду аббат Фелисите Робер де Ламенне.

и почтенная женщина, старик отец Карл Вернет⁹³⁵, славный создатель лошадей, теперь выезжает на каламбурах.

22 де<кабря> 1834 (3 ян<варя> 1835). Ныне назначен другой директор французско-римской академии, и Вернеты возвращаются во Францию. Оттого и дом их расстроился, но прежде он, сказывают, был один из приятнейших в Риме. Я познакомился с Брюлловым, возвратившимся из Болоньи, где он списывает картины для государя. Мы заключили с ним вчера договор: я должен написать ему стихи, а он напишет мне картину.

Вот Вам отчет во всем прочем. О главном сказать нечего хорошего. Пашеньке лучше, нежели во Флоренции, но все еще хуже, нежели в Ганау. Она начала пить ослиное молоко. Нынешняя зима не римская, — по крайней мере, была пока не римская, следовательно, главное средство лечения — воздух — было еще недействительно.

Обнимаю вас всех и благословляю Павлушу от души. Бог с вами и с нами. Что скажет нам 1835 год?

9. П. А. Вяземский — П. П. Вяземскому <и Карамзиным>⁹³⁶

Рим. 14 (26) ян<варя> 1835.

Поздравляю тебя, любезный друг Павел, с повышением твоим в шестой класс. Мы, кажется, с тобою теперь сравнялись. И я чуть ли не чиновник шестого класса. По крайней мере, Александр Ефимович Измайлов⁹³⁷, наверно, был этого класса. Стало быть, честолюбие твое может возрадоваться. Еще более поздравляю тебя с тем, что совершенный тобою подвиг стоил тебе труда, как ты описываешь. Труд твой более меня радует, нежели самое возвышение. Это полезный перелом в твоём умственном сложении, который, надеюсь, пойдет впредь тебе. Только смотри, не отдыхай на лаврах своих и трудись более и более. Дело не в том, что ты лишний год останешься в училище и будешь повторять два года одно и то же: это меня не пугает.

⁹³⁵ Художник К. Верне (1758–1836), баталист, жанровый живописец, анималист.

⁹³⁶ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 11–12.

⁹³⁷ Александр Ефимович Измайлов (1779–1831), чиновник, литератор.

Напротив, по-моему, лучше было бы просидеть долее на одном, потому что не все же выученное тобою в один год так уже вросло в тебя, что повторение старого ничего не прибавит тебе: но главное в том, что ты должен был вон из кожи лезть, а для тебя оно очень хорошо, ты слишком залежался в коже своей, нужно было встряхнуть ее немного.

Виноват, а я все не очень верю большим твоим успехам в немецком языке, то есть достаточным, и советую тебе как можно более и прилежнее упражняться в нем. Но однако же и не слишком обнемчурься и совершенствуй себя в русском языке. Не знаю, от небрежности ли или от неведения, волею или неволею, но в твоих русских письмах встречаются непростительные неисправности. Извините меня, лавронский победитель шестого класса, что я осмеливаюсь укорительным голосом тревожить Вас в упоении заслуженного торжества. Но таков, сказывают мне, был обычай в Риме: за колесницею победителя посреди кликов благодарной толпы раздавалось всегда несколько голосов, которые должны были напомнить победителю, что и он человек.

Зато в награду подвигов твоих порадую тебя доброю вестью. Пашеньке получше. Эти три последние недели она очень беспокоила нас. Надеюсь, что теплый, благорастворенный воздух, который нас окружает, что солнце, которое так празднично, так светло воскресно светит нам с неба голубизны невыразимой, и весна, которая здесь не за горами, а за плечами, дадут установиться ее нынешнему хорошему расположению.

В надежде на милость Божию и римского неба помышляю об отъезде своем. Не знаю еще, какой путь избрать, западный или восточный. Секретарь здешнего посольства Фурман, переведенный в Царьград советником, предлагает мне отправиться с ним морем. Оно и гораздо дешевле и, может быть, скорее. Этот путь меня очень соблазняет. Весело перескочить из одного Царьграда в другой, но пугает меня одесский карантин.

На всякий случай пишу сегодня к Д. Г. Бибикову и прошу его, сделать, что можно, в пользу сокращения чистилища моего. Поговорите и Вы, любезные друзья, с Д. Н. Блудовым⁹³⁸, только если милость будет,

⁹³⁸ Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864), государственный деятель, министр внутренних дел (1832–1838), знакомый Вяземского по «Арзамасу».

нужно поспешить предписанием в Одессу, потому что, когда письмо мое дойдет до вас, я уже, может быть, буду на море. Следовательно, медлить нечего. И Вы во всяком случае пишите мне уже в Одессу. Весело мне будет обнять тебя, мой милый Павлуша, и вас, любезнейшие друзья; но куда тяжело будет расставаться с здешними.

Не говорю уже о том, что оставлю Рим и Италию, не познакомившись с ними, что не увижу Неаполя, который в трех часах от меня⁹³⁹. Вот что значит служба! Право, немногие приносили ей такую жертву, как я. И я Регул⁹⁴⁰ в малом масштабе, право, Регульчик хоть куда! Одна надежда моя впереди, что Бог сжадется надо мною, войдет в мое горестное положение и отпустит меня с того света доглядеть то, что ныне у меня сквозь глаза прошло. А уж в здешней жизни, видно, не иметь мне удачи. Дожить до моих лет сиднем, там вдруг переехать Европу из одного края на другой и все-таки ничего не видать, ни до чего, так сказать, не дотронуться, это уже чересчур оскорбительно, и судьба во зло употребила власть, которая дана ей, смеяться над людьми.

Если мне написать путешествие свое, то оно в самом деле может быть очень замечательно и оригинально исчислением всего того, что я не видал. Назову книгу мою: *промахи моего путешествия*, а эпитафией выберу: *по усам текло, а в рот не попало*.

27 (15) го <января 1835 г.>. Поздравляю тебя с нашею тринадцатилетнею Надеждою.

Мы ее праздновали сегодня вечером шарадами в действии. Я представлял старуху и, сказывают, был очень недурен, так что она и вся домашняя публика наша остались мною чрезвычайно довольны. Машенька продержала меня вчера на бале у австрийского посла до пятого часа утра. Я никого не знаю и никого знать не хочу, брожу как тень бесприютная в этой итальянской дичи и в этом мачтовом лесе англичан и англичанок, которые завладели Римом, и молчу так, что язык присохнет. Хорош был бы Рим, если очистить его от римлян и англичанок, а от них густеет благорастворенный воздух и коптится голубое небо. Вчера один из этих англичан подошел к хозяину графу Лютцову и требовал от него кавалера для дочери своей, а г<граф> Лютцов

⁹³⁹ Вяземский ездил на Везувий в феврале, в Неаполь в марте [ЗК: 229].

⁹⁴⁰ Имеется в виду Марк Атилий Регул, древнеримский политический деятель.

ни его, ни ее не знал. Умора видеть, как эти заморские чудаки ходят взад и вперед по залам под ручку попарно. Римлян в обществе почти вовсе не видать: их можно счесть единицами, а англичан дюжинами, с тринадцатым в придачу даром.

Вообще нет ничего скучнее и бесплоднее римских гостиных, по крайней мере, для меня. Конечно, и моя скука действует тут в свою меру, но и при хорошем расположении духа нашел бы я то же. Нет никакой жизни, никакой общей связи, нет ни внутренней теплоты, ни наружного блеска, разговора никакого, даже и о впечатлениях неба, искусств, драгоценностей древности, потому что Рим именно тем, чем он Рим, для римлян не существует, так глубоко их невежество и усыпление, а солнце нужно им только как грелка, чтобы заменить жаровни, которыми они отапливают комнаты. Сбережение угольев и только. Феб для них не бог света, а дешевый истопник. Правда, что солнце могло и приглядеться им, и чувство наслаждения притупиться.

Впрочем, полагаю, что это ничтожество господствует только в высшем классе, но в *mezzo ceto*, то есть в верхнем среднем состоянии, есть более движений умственной жизни, сколько удалось мне заметить, по крайней мере, более общежития и веселости, коей отсутствие в вершинах общества не есть признак какой-нибудь зрелости или *крепкой думы*, а просто тупости. На них нашел столбняк, и только. И Михел-Анджелова статуя нема и неподвижна, но ей сочувствуешь, как ни гляди на болвана, ничего не придумашь за него и разве сам оболваниться. Обнимаю и благословляю тебя, от души, мой друг Павлуша.

Обними всех за меня и за нас. Пашенька написала к тебе длинное письмо, которое отправится с следующей почтойю.

10. П. А. Вяземский — П. П. Вяземскому⁹⁴¹

Рим. 21 фев<раля> (5 марта) 1835.

Сегодня, милый друг мой Павлуша, день рождения нашей бедной Пашеньки. Ей минуло восемнадцать лет. Поздравления неуместны, потому что нечего сказать хорошего о здоровье нашей милой страдальцы. Остается нам только молиться за нее, а еще более за нас, чтобы

⁹⁴¹ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 13–15.

Бог подкрепил силы наши и утвердил души наши в вере и в безропотной покорности к его святой воле. Мы давно без письма от тебя. Сделай милость, не ленись, во-первых, ради нас, а во-вторых, ради себя. Совесть твоя не может быть покойна, если будешь лениться писать к нам. Зная, что ты нежно любишь нас, я уверен, что ты должен дорожить этою обязанностью и отрадою, следовательно, виновата тут одна беззаботливость, которую ты должен держать в руках, не предаваясь ей.

Ты, вероятно, знаешь от Жуковского, что, по милости государя, имею позволение продлить еще на некоторое время пребывание мое за границую. Грустно мне отдалить свидание мое с тобою, но еще грустнее было бы расстаться с Пашенькою в настоящем ее положении. Надеюсь за тебя на милость Божию, надеюсь, что будешь здоров и употребишь время разлуки нашей с пользою для себя и к удовольствию моему. Жуковский писал мне, что тобою довольны, и ты поймешь, как отрадна для нас такая весть и как нужна нам подобная отрада в грусти нашей быть розно с тобою и видеть болезнь сестры твоей.

Со вчерашнего дня Рим утих после безумного и бешеного карнавала. Надобно быть самому в этом вихре, в этом извержении римской веселости, чтобы иметь понятие о нем. Вообрази себе все народонаселение, которое объелось дурману, с утра нарядится в шутовское платье, нахлынет в одну улицу, скачет, воеет, ревет, визжит, кидает шарики из печеной муки и таким образом проводит целую неделю. Нельзя выйти на улицу без маски вроде тех, которые употребляют в фехтовании, потому что прохожие, проезжающие, сидячие с мостовой, из карет, из окошек, с балконов так закидают этими конфетами, что избьют лицо, и того смотри, ослепят или окривят, особенно когда носишь очки. Даже и бедная Пашенька принуждена была прикрываться забралом, когда, ехав кататься за город, попадала она неволью под эту перекрестную картечь.

И это бешенство обхватывает не одну чернь: все разряды общества, мужчины и дамы, старые и малые, все настроены на один лад, у всех одна мысль, у всех одно движение — закидать встречного и поперечного. С непривычки сердиться сначала, не понимая, по какому праву в такой-то день каждый мальчишка, каждый незнакомец может позволить себе подбежать к тебе прямо под нос и кинуть в лицо целую

горсть какой-то дряни, так, что не пройдешь ста шагов и очутишься настоящим мельником, шляпа, платье, коляска, все в муке. Но вскоре, однако же, так обстрелят тебя, что и заранят, кажется даже, что иначе и быть не может. Признаюсь, я не был увлечен этим потоком, вероятно, от расположения духа, который не был настроен на веселость, но, глядя на других, понимаю, что в этой веселости есть что-то заразительное, и чужестранцы не хуже коренных римлян приходили в бешенство после второго или третьего приема. Например, надобно было видеть Мещерского, он как угорелый бегал по улице с корзиною этих confetti под рукою и кидал во все стороны. Об англичанах и говорить нечего. Многие из них за тем в Рим приезжают. Но в самом деле зрелище любопытное и удивительное. Подобное трезвое пьянство целого народа ни с чем сравниться не может, и точно трезвое, потому что ни одного пьяного в толпе не найдешь. Весь этот шум, вся эта буря обходится без малейшего постороннего шума, без малейшей драки. Полиции нечего слова молвить. Выпадет пушка, восставая пред бегом лошадей, и все кареты разъедутся и очистят улицу. Эскадрон папской кавалерии пронесется по улице раз на рысях, другой вскачь, и поток народа, разлившись по обеим сторонам улицы, ждет бега лошадей. Вдруг мостовая зазвучит под копытами табуна лошадей, обвешенных позвонками, подстрекаемых иглами, горящим трутом, народ приветствует радостными и торжественными кликами передовую лошадь, которая на другом конце улицы должна одержать победу, обшикает, заушает запоздавших лошадей, и десять минут спустя на улице уж нет следов *белой горячки*, точно *белой*, которая тут бушевала.

В продолжение дня карнавал еще проказничает, но это уж не римский карнавал, это наши святки, это веселость, которую вы уже встречали, которую можете встретить вне Рима, но то, что происходит в Риме от третьего до шестого часа, того не поймете вы и воображением, того не постигнул бы и Данте, если вместо Ада захотел он создать желтый дом. Более всего замечательна здесь общая детская, так сказать, *животная* веселость, которая в назначенный день, в назначенный час и до какого-то часа обдает угаром все народонаселение города. В этой веселости нет ничего замысловатого, нет никакой задней мысли: просто народ взбесится, как бесятся дети и жеребята.

В масках нет почти никогда карикатуры на общество, на нравы, не говоря уже о политических намеках, которые здесь не были бы позволены. Рим в такой-то час наряжается в шутовское платье, запасается мучными конфетами и идет на часы, как солдат на свою стойку. Часы выстроены, и дело с концом. Замечательно также и добродушие народа, и добросовестность его в этом случае, особенно же когда подумаешь, что этот народ раскален южным солнцем, что в жилах его кровь клокочет кипятком, что руки его срослись с стилетами, что он порою тигр, что предки его на самом том же месте любовались потешным зрелищем рукопашного боя мучеников с кровожадными зверями: тут же этот народ разнузданный, как только можно, которому стоило бы захотеть и поставить верх дном вековечный Рим со всеми его вековечностями, он невинно дурачится себе, прыгает как школьник, выбежавший из класса, брыкается и ржет, как жеребенок, выпущенный на луг из конюшни. Зрелище народа в залах Зимнего дворца в первый день января, конечно, очень любопытно стройностью, или, лучше сказать, неподвижностью своею: но тут вы видите Каспийское море, которое затянуло льдом, и объясняете себе сей феномен законами природы и местоположением. Здесь, напротив, это поток кипящей лавы, которая предписала себе границы, которая могла бы затопить всю страну и вместо того ребячески забавляется тем, что вспрыскивает платья прохожих и пачкает лица их. В доказательство, что все это делается чинно, и как будто должное, следует прибавить к этой картине церемониальный проезд прелата-губернатора римского и единственного римского сенатора в парадных каретах сквозь эту шутовскую толпу и за ними французского посла, который один из всего дипломатического корпуса пользуется правом проехаться в мундире рядом с арлекинами и другими скоморохами всех цветов и всех покровов.

Но вся эта мучная *белая горячка* ничего в сравнении с последними часами карнавала, когда вечером жирного вторника разыграется, разгорится *огненная горячка* так называемых *moscoletti*⁹⁴². Когда все обойдется порядком своим: мучная перестрелка, беготня, визг, вой масок, скачка лошадей, — для последнего дня наддано еще два часа бешенства. В одну минуту вся улица *Corso* вроде нашей Невской перспективы,

⁹⁴² «Свечи» — *итал.*

но уже ее и битком набитая народом и экипажами, вдруг загорится мириадами мириад грошевых свечек.

Окошки, балконы, пешие, конные, коляски, кареты все это одни и те же подсвечники, а вместе с тем и гасильники, потому что все зажигается и все тушит друг у друга. На длинных шестах навязаны длинные тряпки, чтобы со второго этажа задувать свечки на улице и с улицы на балконах и в окнах второго этажа. Как нет никакой степени сравнения между порывами иногородной веселости и извержениями римской карнавальной веселости, так и здесь нет сравнения между бешенством прежних дней и напряжением этого бешенства в последние часы его пароксизма. Там бесились люди, а здесь бесятся черти. По улице народ кидается на лошадей, на коляски, чтобы задуть свечки, вырвать из рук, и как скоро задует, кругом раздается в тысячу голосов вой: *senza moccolo! senza moccolo!*⁹⁴³ указывают на вас пальцами, дразнят вас разными рожами. Вся эта веселость сосредоточена в одном движении и в одном крике: задуть свечу и зареветь *senza moccolo*, но надобно видеть и слышать, с каким упоением, с какими переливами в движении и в голосе разнообразят они эту однообразную веселость. И зрелище прекрасное! Огненный поток, который зыблется в воздухе непрерывными струями! Всенародная, под открытым небом, движущаяся, безумная всеобщая! Надобно удивляться и добронравию римских лошадей, так дышлом и прорезывают сей поток, так люди и кидаются на лошадей и под лошадей, и нет ни одной беды. Мы проехали с Мещерскими всю улицу в коляске, я на козлах с кучером, неподвижный зритель, они, т<о> е<сть> Катенька и София в коляске с Давыдовыми, действующими, оборонительными и иногда наступательными лицами, так из рук у них и вырывали, вскакивая на подножки, на запятки, свечки, платки, коими задували они свечки у прохожих, не дотрагиваясь до других вещей, которые не входили в состав войны за *moscoletti*.

Вздумалось бы народу, и он мог бы ограбить всех, которые имели только что-нибудь на себе. Но нет, я уверен, что ничего постороннего не было тут похищено. Есть же воры в Риме, конечно, есть, но общее римское чувство так сильно в эту минуту, что и воры, и душегубцы,

⁹⁴³ «Без свечки» — *итал.*

которые тут случатся, только о том и думают, как бы задуть более свечек, говоря: *Les affaires sérieuses à demain*⁹⁴⁴. Из рапорта, поданного губернатору, известно, что ни одно несчастье, ни один беспорядок, подлежащий полицейской расправе, не случился в эту суматоху. Отправив карнавал, караван англичан и русских начал тянуться в Неаполь. Мещерские также едут на днях. Грустно, а делать нечего. Между тем, на дворе месяц март, худший месяц в году непостоянством погоды и самый опасный для болезни Пашеньки.

Прости, я победил тоску свою, чтобы описать тебе карнавал. Обнимаю и благословляю тебя от всей души. Бог с тобою и с нами! Обними за меня тетеньку, братцев и сестрицу. *Faites bien mes compliments à M.r Stender et remerciez le de ma part des soins qu'il a pour vous*⁹⁴⁵.

23 ф<евраля> 7 м<арта>.

Машенька и сестры нежно тебя обнимают. Они писали к тебе кажется на прошедшей неделе.

11. П. А. Вяземский — П. П. Вяземскому⁹⁴⁶

Рим. (16) 28 марта 1835.

Все кончено, друг мой Павлуша. Наша незабвенная Пашенька кончила страдальческую жизнь свою 11(23) мар<та> в девять часов вечера. Не за нее плакать должны мы, но за себя. Оставив свет, она немного потеряла, но мы, остающиеся, сделали потерю невозвратную, ничем не заменимую. Не говорю уже о нас, то есть обо мне и матери твоей, но и вы, для которых жизнь еще начинается, вы в сестре лишились навсегда друга надежного, который был бы вам полезен и благодетелен во всех случаях и во всех обстоятельствах жизни вашей. Она вас так нежно, так заботливо любила. Зрелость рассудка ее, верность чувства, готовность забывать себя всегда за других, которая не изменилась в ней и в болезни ее, сохранились в ней до последнего дня страданий ее, были порукою того, чем была бы она для нас, а в особенности для вас.

⁹⁴⁴ «Серьезные дела отложим на завтра» — *франц.*

⁹⁴⁵ «Поклонись месье Стендеру и передайте ему мою благодарность за его заботы о тебе» — *франц.*

⁹⁴⁶ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 17–18.

Больно мне, милый друг, что мы не с тобою и не можем плакать вместе. Помню слезы наши в Петербурге, когда мы получали с тобою худые вести из Москвы, и понимаю, как тебе должно быть теперь тяжело и горестно. Карамзины заменят нас на это время при тебе и разделят грусть твою. Мы скрывали от тебя положение Пашеньки, но она уже давно подавала мало надежды на выздоровление, а доктора уже и совсем отчаивались в ней. Она же не имела никакого опасения до последней минуты и была совершенно спокойна духом. Наш священник был выписан из Флоренции и по желанию ее два раза исповедывал и причащал ее. За час до кончины ее соборовали маслом, и она была совершенно в памяти, но не знала, что это обряд приготовительный к смерти. В последние полчаса мысли ее начинали мешаться, но все не выходило из круга обыкновенных и окружающих ее понятий. Расставание же ее с жизнью было совершенно бесстрадальное, и вообще нельзя сказать, чтобы она сильно мучилась ни в продолжение болезни своей, ни во время кончины. Она более изнемогала от болезни, нежели боролась с нею. За несколько часов маменька твоя, смотря, как тяжело она дышет, плакала над нею, и бедная Пашенька с чувством нежности и покорности сказала ей слабым и угасшим голосом своим: не плачьте маменька, что же делать!

Это чувство, это расположение было в ней неизменно. Никогда не жаловалась она с нетерпением на болезнь свою, иногда унывала, думая о будущем и говоря, что она уверена, что никогда совершенно не выздоровеет, но ни разу не роптала. Вечный ответ ее посторонним, нам и докторам, когда спрашивали ее о здоровьи был: *assez bien, je vous remercie*⁹⁴⁷. Доброта души ее была необыкновенная.

В чувствах ее было что-то такое верное, благородное, чистое, высокое, сколько сострадательности, сколько заботливой любви и самоотвержения. Тело ее предали мы земле на иностранном кладбище⁹⁴⁸.

14 (26) м<арта>. Если тебе придется быть когда-нибудь в Риме, ты в нем не будешь совершенно чужой, а найдешь родную могилу и слезы наши, которые и нас сроднили навсегда с Римом, так, что тяжело будет расстаться с ним.

⁹⁴⁷ «Довольно хорошо, благодарю вас» — франц.

⁹⁴⁸ На кладбище Тестацчо.

Не решено еще, как и в который день выедем отсюда, но, разумеется, не медля нимало. Может быть, я поеду один вперед, а маменька останется с сестрами, которым советуют купаться в море, особенно Надиньке. Впрочем, мы здоровы. Надеюсь, что и ты перенесешь как должно скорбь свою. Не предавайся слишком отчаянию и унынию. Продолжай заниматься уроками с твердостью и бодростью: лучшее развлечение в скорби есть усердное исполнение обязанностей. Обними за нас нежно тетеньку, братцев и Лизу. Прощай. Будь здоров и покорен. Чрез месяц не с большим надеюсь обнять тебя.

<приписка на конверте> Прежде прочесть Жуковскому.

12. П. А. Вяземский — В. Ф. Вяземской⁹⁴⁹.

Флоренция. 12 (24) ап<реля> 1835.

Я приехал сюда благополучно сегодня утром в 9 часов, следовательно, был сорок часов в дороге, хотя во все время выходил из коляски всего не боле как на полтора часа. Это для оправдания пред опекуном-дядькою-мамушкою Тургеневым. С Жоржем мы не дрались и не ссорились⁹⁵⁰. Но ссорился я часто с самим собою. Были минуты такие тяжелые, что я не знал, что делать, хоть бежать с места сражения и возвратиться к вам. Я сам и Вы слишком на меня надеялись, отпустив меня одного в дорогу. Разве я не знал и ты не знала, что у меня нет ни твердости, ни бодрости, ни покорности. Впрочем, дело сделано и теперь кое-как обойдется. Сначала вышло у меня довольно крови из носу и довольно слез из глаз, и голова стала свободнее, и сердце отлегло немножко. Не опасайтесь, я совершенно здоров.

Я уже не застал бедного Скарятин⁹⁵¹. Он умер вчера утром, апоплектическим ударом. Кровь кинулась, видно, из груди в голову. Накануне было ему гораздо лучше, и доктора надеялись, что он может еще протащиться лето. Сегодня отпевали его. Наш священник приехал сегодня и поспел только к отпеванию. Тело везут в Ливорно.

⁹⁴⁹ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Л. 73–74.

⁹⁵⁰ Жорж — слуга Вяземского.

⁹⁵¹ Ф. А. Скарятин (см. выше).

Виельгорская очень огорчена и смущена. Она едет теперь в Мюнхен в начале той недели, с ветуринами⁹⁵² в двух своих каретах, их одиннадцать человек, три раза в сутки их кормят, и обходится около 170 франк<ов> в сутки, следовательно, вдвое дешевле вашего, потому что их вдвое более вашего. Стало непременно должно тебе написать Мокали⁹⁵³, или, по крайней мере, с римскими ветуринами сторговаться по здешним ценам.

Великанов⁹⁵⁴ едет с Виельгорской, а ты сочтись с женою его, которая остается в лавке. Салтыкова едет десятого мая, очень желает с тобою здесь увидиться. Княжна Мария очень похудела, а другая все не очень здорова. Видел я Орловых. Все очень ласковы, принимают живое участие и много о вас спрашивают.

Когда получишь ответ от Коппа, пришли мне его в Вену. Я предпочитал бы для вас пароходную езду, потому что с Рейна вам недалеко будет заехать в Ганау или во Франкфурт, куда можете выписать Коппа. Не иначе должно возвратиться в Петербург, как определивши порядочно, что должно делать для здоровья Надиньки. Из известных докторов нам Копп более всех заслуживает доверенность, следовательно, с ним и должно нам советоваться.

О себе: я более прежнего остаюсь в прежних мыслях. Куда-бы-нибудь в тихое пристанище, было бы только чем жить. Для жизни деятельной я более не гожусь. При случае не забудь поговорить с г<графом> Г<урьевым> и спроси мнение его об этом. Можно же бы выдумать место вроде места Засса⁹⁵⁵.

Скажи Давыдову, что я с одним человеком говорил о памятнике, который он заказывает, и мне заметили, что мрамор не может на открытом воздухе выдержать зимы нашей. Это справедливо. Лучше заказать бронзовый. Кланяйся от меня Волконской и всем домашним, Тургеневу, Кривцову. *Mes tendres et affectueux hommages à M.me de Mortemart*⁹⁵⁶.

⁹⁵² *Итал.* veturino — извозчик.

⁹⁵³ Вдова Мокали — владелица колясок во Флоренции.

⁹⁵⁴ Иван Ильич Великанов (умер в 1874), бывший слуга В. С. Трубецкого, владелец мраморных карьеров и поставщик России.

⁹⁵⁵ По всей вероятности, речь идет о шведском коммерческом атташе из русской миссии в Неаполе.

⁹⁵⁶ «Нежный, сердечный поклон г-же де Мортемар» — *франц.*

Сейчас еду. Послезавтра утром должен быть в Генуе. Что Ваша поездка в *Чивита-Векия*, состоялась ли? Не забудьте заказать Лебедеву⁹⁵⁷ другую картину, а между тем велите еще сделать простой список могилы с доскою и с кипарисом, как они есть. Можно заказать и не Лебедеву это. Тут не нужно красивой работы.

Обнимаю Вас, моих милых, от всей души. Не беспокойтесь обо мне. Мне теперь будет легче. Впрочем, я совершенно здоров, могу спать в коляске и сплю хорошо. Тяжела была первая разлука с Римом. Теперь уже я с Флоренциею расстаюсь, а тут жалеть нечего.

13. П. А. Вяземский — В. Ф. Вяземской⁹⁵⁸.

Генуа. 15 (27) ап<реля> 1835.

Вчера приехал я в Геную. Еду хорошо, но все довольно тихо. Причины тому дурная погода, поминутный дождь, темные ночи, худая дорога, усталость лошадей, измученных английскими караванами, которые поднялись в эту сторону, так что я на одной почте, как бы по-великороссийски, прождал лошадей более трех часов, к тому же и коляска тяжеленька, а между тем и судьба моя тяжела, и во всем написано мне на роду не иметь удачи. Я думаю, что и мой Жорж не очень расторопен и, может быть, зажиливает водку у почтальонов так, что они навеселе едут, а он не смеет слишком понукать их. Но я вам обещался не ссориться с ним и пока молчу. Пожалуй, он еще вызвал бы меня на дуэль, если я стал бы сомневаться в честности его.

Здесь я ночевал, потому что сряду четыре ночи ехал и боюсь утомиться, да к тому же не к чему и очень спешить. Я остановился здесь у нашего генерального консула Гейдекена, который добрейший человек в свете и так уже меня угощает и честит, что любо. Я искал канезу⁹⁵⁹ *<sic>* и просил Закревскую помочь мне, но здесь никто не знает о дешевых, про которые ты мне говорила, потому и купил только один для Машеньки за двадцать два франка. Оставлю у Гейдекена записку для Мещерской, чтобы она научила, где найти, и тогда он купит

⁹⁵⁷ Михаил Иванович Лебедев (1812–1837), художник. Работал и умер в Италии.

⁹⁵⁸ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Л. 75–76.

⁹⁵⁹ Франц. *canzou*, рус. канзу — косынка.

и перешлет к Вам. Что за прелестный край я проехал, а еще многое проспал и проехал ночью, между прочим проспал кривую колокольню Пизы, и только выехав из города, вспомнил о ней.

Дорога между Пизою и Люкою и далее, точно сад, удивительно обработанный, города красивые, а подъезжая к Генуе, еще лучше. Огороды роз. Берег дорогою красивей каstellамарского, но залив не так хорош, нет островов и вода что-то тусклее. Я нашел здесь Соболевских, отца и сына Joseph⁹⁶⁰, мать его недавно здесь умерла. Они уже давно живут в Генуе. В Риме точно наш Забьело⁹⁶¹, с женою, и теперь они должны быть еще там. Ты отыскала бы их. Если проедешь чрез Флоренцию, дай тотчас знать о себе Орловым. Они очень меня просили о том.

Вообрази себе, что здесь уже едят клубнику, как у нас в июне. Бедная Пашенька, то-то было бы это лакомство по ней. Гейдекен возил меня вчера в оперу Anna Volen. Я надеялся, что музыка сладостно растрогает меня и развлечет или отвлечет слезы мои, но не знаю, я остался равнодушен, оттого ли, что музыка мне не очень нравилась, или певцы довольно посредственны, или от усталости, но, не дождавшись конца, я поехал домой спать и выспался очень хорошо так, что я отдохнул и освежился.

Если вам купаться в море, то где-нибудь в другом месте, а не в Травемюнде, где вода мало солонa. Выезжая из России, может быть, выгодно, оставаться в Травемюнде, чтобы не заезжать далеко, но вы, которые уже далее, то все же равно должно ехать и, следовательно, выбрать можно место, где море действительнее, например в Добранск⁹⁶², или где-нибудь по дороге вашей, или вблизи дороги.

⁹⁶⁰ Граф Игнатий Соболевский (Sobolewski; 1770–1846) — министр и статс-секретарь Царства Польского.

⁹⁶¹ По всей вероятности, К. С. Забелло (1805–1862).

⁹⁶² Название добавлено по изданию [Вяземский 2023]. Составитель В. Перельмутер, опираясь на публикацию Н. М. Каухчишвили, сверил тексты по архивным источникам и уточнил некоторые прочтения. Отмеченный фрагмент снабжен следующим примечанием: «Так Вяземский в шутку называет немецкий курорт Доберан (Добран), название которого имеет славянское происхождение» [Там же: 302]. — *Ред.*

Получили ли Вы мое письмо из Флоренции? Если Кокошкин⁹⁶³ забыл послать его, то вытребуйте чрез Кривцова⁹⁶⁴.

Я купил несколько серебряных филограмов, но все довольно дорого. Цветы дешевы. Закревская закажет их мне и консул перешлет в Петербург. Если что тебе нужно здесь заказать, то можешь писать чрез Кривцова к Гейдекену. Кораллов здесь мало работают, и не место их заказывать. Сажусь завтракать, а там в коляску. Погода все неблагоприятная, холодно, ветрено, и поминутно дождь. Потому и Генуи не увидел я в красе, как и все прочее. Такова судьба моя. Мне теперь легче, и еду покойнее. Грустно, но не задыхаюсь от грусти. Простите, мои милые.

Обнимаю вас от всей души. Всем общим знакомым мой поклон, а в особенности доброй мамушке нашей Александре Ивановне. Надеюсь, что вы уже писали ко мне в Вену и будете писать. Еще раз нежно вас обнимаю. Не забудьте комиссий, которые я записал пред отъездом.

14. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне Вяземской>⁹⁶⁵.

Турин. 16 (28) ап<реля> 1835.

Вот сюда я приехал как следовало, то есть часов в девятнадцать из Генуи.

Ночью проехал я Нови Суворовское и Маренго Бонапартовское. Во всю ночь лил дождь и сегодня целый день как из ушата. От дождя ли или от чего другого, но Турин показался мне каким-то губернским или провинциальным Петербургом. Ничего нет итальянского ни в глазах, ни в ушах. Впрочем, Обресковы⁹⁶⁶ и другие, которых я у них видел, говорят о какой-то туринской красивой природе. Обрескова очень поправилась здоровьем, подобрела и посвежела. Они живут довольно уединенно, как и все. Все дома принимают, и потому нигде

⁹⁶³ Николай Александрович Кокошкин (1792–1873), дипломат, с 1834 по 1839 гг. был поверенным в делах во Флоренции, с 1839 по 1853 гг. в Турине, с 1853 по 1860 гг. в королевстве Обеих Сицилий.

⁹⁶⁴ Павел Иванович Кривцов (1806–1844), дипломат, первый секретарь российского посольства и глава русских художников в Риме.

⁹⁶⁵ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Л. 77–78.

⁹⁶⁶ Александр Михайлович Обресков (1789–1885) — дипломат, в 1831–1838 гг. посланник в Турине.

никого нет. У него по вечерам собирается вист, она сидит за столом своим сперва с детьми своими и сестрами, там с обеими сестрами в ожидании, что кто-нибудь подъедет. Так видел я сегодня, и так, сказала она мне, бывает обыкновенно, за исключением карнавала, одной поры года, в которую бывают балы. Дом их очень хорош, красиво убран, и, кажется, живут они очень порядочно. Обресков меня продержит еще завтрашний день, потому что Бакунин⁹⁶⁷ болен, и он должен сам переписывать депеши. Обрескова сказывала мне, что здесь нет ничего отменно хорошего и отменно дешевого из туринских изделий, кроме шелковых материй, да и те немного в чем дешевле петербургского. Честь приложена, а от убытка Бог избавил, и здесь я ничего для вас не куплю.

Если и у вас такая погода, то невесело разъезжать вам по римским окрестностям. Я забыл купить во Флоренции соломенную шляпу для Карамзиной, M.me Mortemart сказывала, мне, что у отца ее близ Флоренции работают прекрасные шляпы и дешевле против прочих. Справься у нее. Нельзя ли заказать, и тогда привези с собою или вели переслать чрез Ливорно с прочими вещами нашими. Попроси Бруцци или M.r Wladimir⁹⁶⁸ сказать M.me Conti мое извинение, что я не зашел проститься с ними, но я так был расстроен, что совестно было в люди показаться. Скажи также Жиоржери, что я очень жалею, что не простился с ним и не поблагодарил за все одолжения. Если Маша хочет обратно иметь ноты свои от M.me Laroche⁹⁶⁹, то пускай она попросит к<нягиню> Зенаиду, а M.r Wladimir, вероятно, опять забудет. Узнайте порядочно, точно ли Засс хочет оставить Неаполь, только не надобно его спрашивать, а стороною и не сказывая, с какою целью. Мне в Неаполе не хотелось бы жить, но можно бы место его распространить на всю Италию и быть коммерческим агентом по всему Средиземному морю, тогда из пустого места, где нечего делать, можно бы устроить место весьма важное и полезное со временем для выгод нашей торговли, которая теперь во всем краю этом упала, а могла бы

⁹⁶⁷ Вероятно, Семен Павлович Бакунин (1802–1864), секретарь дипломатической миссии, который в 1835 г. просил о возвращении в Россию.

⁹⁶⁸ Неустановленные лица.

⁹⁶⁹ Дочь художника Верне, жена П. Делароша.

подняться и оживиться, если заботиться о направлении, которое должно дать нашим негоциантам, вовсе не знающим здешнего края. Только такого рода занятия мысленные и требующие одних соображений могут еще быть по силам моим, а никакая администрация мне не в мочь. Я нравственно и душевно расслаблен и никогда уже не поправлюсь. Я крепко верю, что мой план не устроится, потому что один успех его мог бы меня несколько успокоить и удовлетворить, но по крайней мере буду стараться о приведении оногo в исполнение, а там увидим после, что остается мне делать.

Что процесс мой?⁹⁷⁰ Прошу Тургенева не упускать его из вида и держать записки, которую оставил я ему при отъезде.

<приписка>

17 (29) Remerciez M.me de Mortemart pour la connaissance de Silvio Pellico que je lui dois. Je l'ai trouvé tel que son ouvrage simple, cordiale, parlant de ce qu'il avait souffert avec reconnaissance, heureux d'avoir été malheureux. Il mène une vie très retirée au sein de sa famille et ne regrette que ses compagnons d'infortune qui sont encore restés captifs, malgré ce que les journaux viennent d'annoncer. Dites a M.me de Mortemart que je compte lui écrire de Vienne: où j'aurai probablement plus de temps à moi⁹⁷¹. Сегодня вечером еду. Завтра утром должен я быть в Милане. Погода все еще несносная, а дождь не утихает.

Простите, мои милые. Обнимаю вас от всей души. Жаль мне вас, жаль себя, жаль Рима. Ни одно светлое чувство не проникает в душу, которая не умеет походить на душу.

Silvio Pellico. Впрочем, и несчастье не одно, как и я ему говорил: Son malheur pouvait avoir et a eu un lendemain⁹⁷².

⁹⁷⁰ О каком судебном процессе пишет Вяземский, прояснить не удалось.

⁹⁷¹ «Поблагодарите м-м де Мортемар за знакомство с Сильвио Пеллико, которым я ей обязан. Я нашел его таким же, как и его сочинение — простым, сердечным, с благодарностью говорящим о своих страданиях, счастливым тем, что он был несчастен. Он ведет очень уединенную жизнь в кругу семьи и сожалеет только о товарищах по несчастью, которые еще остаются в плену, несмотря на недавние известия в газетах. Передайте мадам де Мортемар, что я рассчитываю написать ей из Вены, где у меня вероятно будет больше времени» — *франц.*

⁹⁷² «На смену его несчастью мог прийти новый день, и он пришел» — *франц.*

15. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне и дочерям>⁹⁷³

Милан. 18 (30) ап<реля> 1835

Вчера выехал я в десять ч<асов> вечера из Турина, а сегодня приехал сюда в час перед обедом. Я очень рад, что г<раф> Стакельберг⁹⁷⁴ удержал меня до завтра и буду спать в постели, а не в коляске. Погода все несносная, холодная, дождливая, и у меня такой насморк, что мочи нет. Наградили вы меня этою комиссиею. Измучишься от дороги, измучишься от опасения ответственности, а мне и за себя теперь ответствовать не хотелось бы, а тут заботься и ответствуй за семью, тряпки и разные марания, которыми навьючили меня, как осла, и которые непременно нужно довести в целости. Ну, а как не доведу их? Что мудреного? Я человек пропадший. А все это бабушка хлопотунья, мамушка наша и всеобщая Александра Ивановна. В Вене постараюсь откланяться учтивым образом, особенно если еще много нададут пакетов. И теперь в спину прет, и некуда ног протянуть.

Я нашел в графе Стакельберге любезнейшего, вежливейшего, ласковейшего старика. Понаслышке я совсем не так судил о нем. Что ни говори, а тотчас узнаешь барина старой школы. Бедный очень страдает подагрой и пуще всего бессонницею. Собираются они ехать в Искию на лето. Милан очень красивый город, был я в соборе; не храм св. Петра, а великолепен в своем роде, хотя великолепие несколько игрушечное, вроде этих шахматных штук из кости, удивительны тонкостью и многосложностью узорчатой работы. Строение готическое, а нет угрюмого величества готического, скорее что-то китайское, или Рососо, как сказал бы сын маршала Мезона⁹⁷⁵. Видел отстроивающиеся мраморные ворота, arc de Simplon⁹⁷⁶, начатые французами. Здание прекрасное, но жаль, что не на месте, на пустынном и некрасивом краю города, пред обширную площадь, или лугом, род Девичьего поля, так что сдается, что ворота тут отрабатываются, а по

⁹⁷³ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Л. 79–80.

⁹⁷⁴ Граф Густав Оттонович фон Штакельберг (1766–1850) — русский дипломат; чрезвычайный посланник и полномочный министр (посол) в королевстве Обеих Сицилий.

⁹⁷⁵ Nicolas Joseph Maison (1771–1840), генерал и политический деятель.

⁹⁷⁶ Триумфальная арка.

окончании перенесут их куда следует. Наполеон, сказывают, хотел преобразовать или обстроить этот луг, тогда ворота могли бы прикнуть к чему-нибудь. Есть здесь и новейший Колизей или, по крайней мере, Амфитеатр, также руки французов, l'arena, для бега лошадей, людей и разных игр на суше и на воде, ибо, когда нужно, сцена Амфитеатра заливается водою.

Ездил я смотреть дом Самойловой⁹⁷⁷, которая поехала в Петербург. Много роскоши и вкуса и любопытен картинами, портретами и бюстами своими. Сказывают, что она назначает наследником своим Фирса Голицына⁹⁷⁸, который был здесь у нее. В городе и в народе ее очень любят. В сентябре обещалась она возвратиться. — Сейчас ложусь спать, выпив липового чая, чтобы выпотеть свой насморк, благо, что незачем было ходить в театр, по той причине, что играют не в Скале, дают Anna Volena, и поет наша Шоберлехнер.

19 apr<еля> (1 мая). Сегодня познакомился я с Манзони, но не без труда. К<нягиня> Зинаида дала мне от кого-то письмо к *Азельо*⁹⁷⁹, который был женат на дочери его и овдовел, а теперь хочет в другой раз жениться⁹⁸⁰ и потому, кажется, не в ладах с бывшим тестем, так что он письменно учтивым образом отказался познакомить меня под предлогом болезни своей и болезни Манзони, который будто никого не принимает. Впрочем, и графиня Стакельберг говорила мне, что он стал очень нелюдим после несчастья его. Таким образом, послал я от себя к нему просить позволения быть у него, и он назначил мне свидание сегодня. Он очень хорошо меня принял, очень жив и любезен в разговоре и изъясняется по-французски с большою свободою. Я около часа пробыл у него. Жаль, что не имею времени записать наш разговор, а после боюсь забыть.

Лазил я сегодня и на верхушку собора. Вообразите себе мраморную гору, которую обработали и выточили как шашку. Все мрамор внутри

⁹⁷⁷ Речь идет о знаменитом доме на улице Боргонуово графини Юлии Павловны Самойловой.

⁹⁷⁸ Князь Сергей Григорьевич Голицын (1803–1868), стихотворец и музыкант. В обществе он был известен под прозвищем Фирса.

⁹⁷⁹ Массимо д'Адзельо (1798–1866), итальянский государственный деятель Рисорджименто. См. [Прил. II].

⁹⁸⁰ Д'Адзельо был женат на старшей дочери Мандзони Джулии.

и снаружи. Все статуйки, розасы, башеньки, шпицы и проч<ее> и проч<ее> с подошвы до крыши.

Сейчас еду далее, отзавтракав или, лучше сказать, плотно отобедав у графа.

Это четвертое письмо к вам: первое из Флор<енции>, второе из Генуи, третье из Турина. Теперь будете несколько дней без письма, до Вены дней пять езды. Где-то за Пизою купил я соломенную шляпу от ожидаемого зноя, а здесь купил теперь шапку. Погода все еще осенняя. Насморк мой полегче. Но, вероятно, коляска опять приведет его в первобытное состояние. Тяжело быть в дороге в такую погоду. Простите. Обнимаю вас, мои милые, от всей души. Кланяюсь всем нашим. Надеюсь и жду вести от вас в Вене.

16. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне и дочерям>⁹⁸¹

Милан. 19 ап<реля> (1 м<ая>) 1835.

Сейчас еду далее и оставляю здесь письмо к Вам у г<рафа> Стакельберга, который отправит его с австрийским курьером вместе с канзу Машеньке из Генуи. Обнимаю вас, мои милые, от всей души.

17. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне и дочерям>⁹⁸²

Вена. 25 ап<реля> (7 мая) 1835.

Наконец дотащился я вчера утром до Вены, более четырех суток с половиною ехал я от Милана. Дождь и холод преследовали меня до самой границы Италии, и только в Германии отыскал я солнце и жар. Как мне странно и грустно было перевалиться в немчизну и слышать немецкий язык на первой почте за границую. Не много времени, а много скорби так сроднили меня с Италиєю, что кажется, я никогда не выезжал из нее, что в ней родился я, в ней и умер.

Эта часть Германии, которую я проехал, очень живописна, и что за деятельность! Весь народ на ногах на работе, все стихии на работе;

⁹⁸¹ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Л. 81.

⁹⁸² Там же: Л. 85–86.

сажени воды даром не протечет, а приводит в движение колеса фабрик. Как все хорошо обстроено, деревни, города. Все одеты, старые и малые, и нигде не сквозит, как в нашей благословенной Италии. Голая природа — ни на лицо, ни наизнанку.

Нищих мало, и которые и есть, точно драные, слепые, недужные, не заглушают вас криками, а смиренно сложат руки просительно и, творя молитву, ожидают, чтобы вы бросили им что-нибудь Христа ради. Все это хорошо, с одной стороны философической и экономической, зато, выехав из Италии, не жди уже поэтических впечатлений. Все проза, которая дельнее, сочнее поэзии, убеждает, но не шевелит. Мне казалось, что в Италии оставил я первобытного человека до падения его: он не знает труда, потому что трудиться не для чего, стоит ему протянуть руку или губы, чтобы сорвать плод, стоит протянуться, чтобы отогреться на солнце; не знает он стыда, потому что греха не знает в блаженном невежестве своем, бесчинствует невинно и не прикрывает тела своего, потому что не знает выражения: *грешное тело*, — которое уже избрела нравственная цивилизация человека по падении его.

Здесь же человек, как уже во вторую эпоху свою, снискивает хлеб свой в поте лица своего, искупает уже немощь и грехи свои работою, сгибается под ярмом нужд, обязанностей, законов. Разумеется, более нравственного достоинства в этой второй эпохе, но зато более уныния и в самом довольстве, купленном дорогою ценою пожертвований и усиленных трудов.

Вероятно, проведу я здесь дня три и продолжу потом свое курьерское отправление, также подобно человеку по падении, то есть созданному в коляске под ношею обязанностей и депешей и снискивающему прогонные деньги свои пожертвованием спокойствия и удобства протянуться в коляске и остановиться ночевать, когда хотелось бы. Но план дороги переменялся. Я здесь нашел графа Александра Гурьева, который едет на Любек и там сядет на пароход. Он расчел мне, что это средство гораздо удобнее и сократит время. А на его расчеты положиться можно. Он говорит не на ветер, и слова его вес имеют. Так сделаю и я, тем более, что здесь оставляют на мою волю ехать как хочу. Таким образом поеду на Дрезден и на Берлин, а 19-го <нового> с<тиля> сажусь на пароход. Не бойся за меня парохода и горестных

воспоминаний его. Я и в коляске не менее под их всеобъемлющим и почти непрерывным влиянием и к тому же всегда один.

Да и мне не по силам и не по летам эта курьерская скачка, а тут пришлось бы почти безвыходно скакать дней двенадцать, а дороги в России должны быть еще очень неисправны. Татищева⁹⁸³ я еще не видал. Он нездоров. Вероятно, увижу сегодня. Первое лицо, встретившее меня, было Евгения Гагарина⁹⁸⁴, который все очень добр, ласков и услужлив. Горчаков⁹⁸⁵ также. Вчера возил он меня в *Прагер*, здешние *Cascade*⁹⁸⁶, куда в пять часов после обеда съезжается весь блестящий венский свет, и называл он мне все лица этого волшебного фонаря, так что я теперь видел все блестящие верхушки здешнего общества. Одних Лихтенштейнов и Лихтенштейних в колясках и вершами насчитал он мне штук двенадцать.

Видел я Киселеву⁹⁸⁷, которая очень дружески мне обрадовалась. Сегодня везет она меня на какую-то скачку лошадей и предлагает ехать в субботу с собою на какой-то пикник за город. Она очень желает с тобою встретиться и собирается в конце месяца ехать на Рейн. Она мало переменялась, только, кажется, стала тучнее, но как переменялась сестра ее Нарышкина⁹⁸⁸! Узнать ее нельзя. Здесь и Мария Пушкина⁹⁸⁹, видел я ее только на гулянии вчера. Я нашел здесь два твои письма от тринадцатого и шестнадцатого апреля.

Итак, вы теперь, вероятно, тащитесь. Бедные, жаль мне вас. Желаю, по крайней мере, чтобы путь ваш лежал по любопытным местам и мог бы доставить тебе несколько развлечения в грусти и скуке твоей. Разумеется, мне будет большая отрада соединиться с вами скорее в Петербурге, но, однако же, прошу и требую не спешить чрез силу, а особенно, если Копп велит остаться где-нибудь подольше для Надиньки. На первое время с меня довольно будет и Павлуши. Я не буду

⁹⁸³ Предположительно, Дмитрий Павлович Татищев (1767–1845), дипломат.

⁹⁸⁴ Евгений Григорьевич Гагарин (1811–1866), сын дипломата Григория Ивановича Гагарина.

⁹⁸⁵ Как установил В. Перельмутер, имеется в виду князь Александр Михайлович Горчаков (1798–1883) — соученик Пушкина по Царскосельскому лицей, дипломат, в 1833–1838 гг. советник посольства в Вене [Вяземский 2023: 310] — *Ред.*

⁹⁸⁶ Знаменитый парк во Флоренции.

⁹⁸⁷ Софья Станиславовна Потоцкая, в замужестве Киселева (1801–1875).

⁹⁸⁸ Ольга Станиславовна, в замужестве Нарышкина (1802–1861).

⁹⁸⁹ Предположительно речь идет о Марии Александровне Мусиной-Пушкиной (1801–1853).

один. О деньгах также не беспокойся. Что нужно будет, вышлю из Петербурга, куда назначишь. Если паче чаяния ты еще в Риме, то знай, что буду писать тебе во Франкфурт на имя Маркелова, а ты уже пиши ко мне в Петербург. Если ты еще в Риме, не забудь трости моей с Везувия у того, который делает нам стол из разных камней.

Простите, мои милые. Обнимаю Вас от всей души.

18. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>⁹⁹⁰

Вена. 26 ап<реля> (8 м<ая>).

На всякий случай, пишу тебе еще в Рим, чтобы сказать тебе, что завтра вечером выезжаю из Вены на Дрезден, Берлин и Любек. С дороги буду писать тебе во Франкфурт на имя Маркелова. Имели ли вы предосторожность, заключая условие с ветурином, предоставить себе возможность, разумеется, с уплатою какой-нибудь неустойки, разделаться с ними до Любека, если Копп предпишет купания не в Травемюнде, а в другом месте. Во всяком случае, купания в Травемюнде, как я уже заметил тебе, мало действительны и для вас, и без того проезжающих из края в край Европы и, следовательно, имеющих удобность выбрать по дороге в Россию другое место, не предоставляя никакой выгоды ни в экономии времени, ни в экономии денег. Жаль, если ты и мамушка наша Александра Ивановна упустили это обстоятельство из виду. Это вас свяжет.

Простите, обнимаю вас от всей души. Желал бы я еще завтра до отъезда иметь письмо от вас, чтобы мысленно искать вас и знать, где найти.

19. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>⁹⁹¹

Дрезден. 2 (14) <1 (13)> мая 1835.

Наконец дотащился я сюда в четыре часа утра. Опять около суток лишних проехал я. На беду и коляска задерживала меня, какой-то проклятый винт ломался, и я потерял за ним несколько часов. Да и

⁹⁹⁰ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Л. 87.

⁹⁹¹ Там же: Л. 90–91.

Жорж не поспешен. На месте он очень хорош, домосед, держит все в порядке и мастер укладывать, зато, когда сам уложится на козлах, так уже не шевелится. Подозреваю, что он и обсчитывает почтальонов, немного и меня, но очень немного, потому что деньги выдаю ему в самый обрез. Дрезден кажется мне веселеньким городом, много зелени, много садов, много улиц вроде московской Садовой.

Вот мой нынешний день: лег спать в четыре часа, проспал до десяти, поехал к Шредеру⁹⁹², от него к графу Строганову⁹⁹³, там в *Grüne Gewölbe*, или *saveau vert*⁹⁹⁴, великолепное собрание игрушек разных веков, род кунсткамеры очень любопытной, тут же царская сокровищница, вблизи оружейная, огромные галереи, обвешанные древними оружиями и обставленные деревянными лошадьми, на коих сидят древние рыцари, или, по крайней мере, доспехи их с шлемами и забралами, и все исторические, то, что носили и в чем сражались рыцари и князья саксонские. Тут же шпага Петра Великого, мирно сомкнувшаяся с шпагою Карла 12-го, шляпа Петра и плетъ его, и бархатное седло, и длинные сапоги Наполеона, служившие ему в сражении под Дрезденом. Сапоги прорезаны сзади, видно, так промокли, что иначе снять их с ног нельзя было. Странно, что и седло бархатное и точно старинное. Эта оружейная прекрасная и любопытная. Древность в лицах, или в забралах (*visières*) и на ногах. После пошел я в знаменитую картинную галерею. В первый раз смотрел я на Рафаэля и на Корреджио с чувством, родившимся во мне от римских воспоминаний. Что-то знакомое, родное. Обедал я у Шредера. Да, забыл еще одно важное посещение: был у нашего Вагнера⁹⁹⁵, который все тот же и в доказательство сидит больной дома, потому что расшибся, упав с коляски, или с коляскою, которою правил. Люцероде⁹⁹⁶ уже здесь не застал, он отправился в Петербург с семейством своим, но надеюсь

⁹⁹² Андрей Андреевич Шредер, с 1829 по 1857 полномочный министр при Ганноверском, Саксонском королевском, Саксен-Веймарском и Саксен-Альтенбургском дворах.

⁹⁹³ Возможно, Григорий Александрович Строганов (1770–1857), дипломат.

⁹⁹⁴ «Зеленый свод» — нем. и франц.

⁹⁹⁵ Неустановленное лицо.

⁹⁹⁶ Барон Карл Люцероде (1797–1864) в 1833 г. был назначен чрезвычайным послом и полномочным министром короля Саксонии при русском дворе, где он служил прежде секретарем посольства.

сойтись с ним на пароходе. Я очень рад буду этому товарищу. После обеда поехал за город к памятнику Моро⁹⁹⁷ на том самом месте, где оторвало ему ноги, рядом с императором Александром. И памятник — род отрубленного туловища: четвероугольный, неуклюжий камень с медным шлемом на верхушке. Памятник безобразный, но, впрочем, и слава Моро не совершенно чистая.

Окрестностей и видов я не очень разглядел, становилось поздно, да и шел дождь. Я переносу дождь из столицы в столицу. Куда ни приеду, дождь за мною, и дорогою он мне довольно верный товарищ. Заезжал в некоторые лавки, возвратился домой, где Гульянов⁹⁹⁸ говорил мне о своих иероглифах и читал свои французские стихи графине Ферзен⁹⁹⁹. Кончил вечер у Строгановых, где нашел сына Алексея¹⁰⁰⁰, Сумарокова¹⁰⁰¹, Кружановскую и Лазза¹⁰⁰², который тоскует и плачет по Петербурге. Возвратился домой около полночи и пишу к вам письмо.

Завтра встаю в шестом часу утра и надеюсь выехать часу в седьмом и быть в Берлине послезавтра утром. Вот вам новый и верный отчет. Грустно, что не знаю наверно, где мысленно и душевно вас искать. Завидую, что вы будете в моем Ганау. Как не любить Ганау? Там мы надеялись, там я было ожил после тоски и страха петербургского. Разумеется, я нигде не был истинно счастливее, как там в среднюю часть нашего пребывания.

Я писал два раза из Вены чрез Кривцова. Вероятно, ты условилась с ним, куда пересылать к тебе письма. Сделай милость, не скупись, если ты лишними дневками в городах, которые захочешь немного осмотреть, и потеряешь дней десять или пятнадцать, и издержишь лишних семьсот или восемьсот франк<ов>: то беда невелика. Тем более, что твои две тысячи, которые я взял у Торлония, вероятно, во всей целости доведутся до Петербурга. Не забудь расчесться и с Toussaint,

⁹⁹⁷ Вяземский имеет в виду Жана Виктора Моро (1762–1813), французского генерала, в 1813 г. перешедшего на русскую службу и смертельно раненного в сражении при Дрездене.

⁹⁹⁸ Иван Александрович Гульянов (1789–1841), египтолог, аккредитованный при русских посольствах на Востоке.

⁹⁹⁹ Возможно, фрейлина Луиза фон Ферзен.

¹⁰⁰⁰ Возможно, Алексей Григорьевич Строганов (1797–1879).

¹⁰⁰¹ Возможно, Сергей Павлович Сумароков (1793–1875), генерал от артиллерии.

¹⁰⁰² Неустановленные лица.

и с Коппом за переписку. Простите, мои милые. Обнимаю вас от всей души. — Здесь воспоминание ганауское, ночной крикун, который вдобавок и трубит. Дайте что-нибудь нашему в Гану. Еще раз обнимаю вас.

20. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰⁰³.

Берлин. 3 <15> мая 1835.

Сегодня утром приехал я сюда и в полночь еду, чтобы вернее попасть в Любек на пароход. Все уговаривают меня остаться на завтрашний день, уверяя, что я все-таки вовремя успею. Но я знаю свою удачу. И теперь боюсь еще опоздать. Хорош я буду, если растеряю часть пакетов и упущу пароход. Чего доброго? — с моей судьбы станется. Я здесь ничего не видел, потому что нечего видеть, кроме города, который красив, и уголок петербургский, но с лучшими зданиями. *Живу под липами*¹⁰⁰⁴. Обедал я у Рибопиеров¹⁰⁰⁵, которые собираются в Петербург, отпустив великую княгиню, которую скоро сюда ожидают с Сологубовой и Чичериной. Великий князь будет после. Они едут в Карльсбад. Император и императрица поехали в Москву на месяц. Будет там выставка. Видел я Мансуровых¹⁰⁰⁶, Озеровых¹⁰⁰⁷. Бедная подруга Пашеньки в болезни и на водах была верна ей, и в смерти¹⁰⁰⁸. Здесь Кноринг, который назначен на место Депрерадовича¹⁰⁰⁹, но едет еще на воды и, может быть, с год пробудет за границею за болезнью. Ожидают сюда Смирновых¹⁰¹⁰. Он причислен к здешней миссии, но

¹⁰⁰³ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Л. 92–93.

¹⁰⁰⁴ Знаменитый бульвар Унтер-ден-Линден, где Вяземский остановился в отеле «Санкт-Петербург», располагавшемся в доме № 31.

¹⁰⁰⁵ Александр Иванович Рибопьер (1781–1865), в те годы был чрезвычайным посланником и полномочным министром в Берлине; женат на Екатерине Михайловне Потемкиной.

¹⁰⁰⁶ Возможно, Александр Павлович Мансуров (1788–1880), генерал, военный агент при посольстве в Берлине до 1851 г. Женат на Аграфене Ивановне Трубецкой.

¹⁰⁰⁷ Иван Петрович Озеров (1806–1880), дипломат, с 1835 г. секретарь посольства в Берлине.

¹⁰⁰⁸ Неустановленное лицо.

¹⁰⁰⁹ Владимир Карлович Кнорринг (1784–1864) и Николай Иванович Депрерадович (1767–1843), генерал-адъютанты.

¹⁰¹⁰ Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россет, с мужем выехала из Петербурга незадолго до возвращения Вяземского.

также год будет в отпуске, и, вероятно, зиму проведут они в Италии. Она, сказывают, очень переменялась и слаба. Видел я здесь Долгорукую¹⁰¹¹, сестру Потоцкой, и нахожу, что она ничуть не хуже того, что была. Графиня Петерман умерла¹⁰¹². Из Дрездена ошибкою поставил я 2 (14), я писал от первого. Слышу топот коней на дворе. А немецкие почтальоны только тут и спешат, пока еще не едут. Впрочем, в Пруссии езда немного поспоснее. Где и как тащитесь вы, мои милые. Что у вас за погода? Здесь холодно, я вчера ночью так продрог, что нужно было мне выйти из коляски, чтобы согреться в комнате. К сожалению, проехал я чрез Потсдам сегодня слишком рано и ничего не осмотрел.

Простите, мои милые. Обнимаю вас от всей души.

21. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰¹³.

Любек. 6 (18) м<ая> 1835.

Со вчерашнего дня утром я в Любеке. На этот раз не опоздал, но удача моя не в удачу. Парохода еще нет из Петербурга, и, следовательно, завтра не отправляемся. Таким образом, придется на худой конец просидеть здесь дня четыре, а чего доброго и гораздо более, если правда, как слышно, что пароход не вышел из Петербурга за льдами. Невесело здесь ждать. Жаль мне, что я еще суток не прожил в Дрездене, чтобы осмотреть окрестности и саксонскую Швейцарию, жаль, что, торопясь, не заехал в Гамбург. Кроме скуки, неловко мне и приехать поздно в Петербург с своим курьерским отправлением, тем более, что я избрал незаконную дорогу и что мое отступление от общего обыкновения могло быть оправданно одним успехом, то есть тем, что я на пароходе приехал бы двумя или тремя днями ранее или, по крайней мере, к тому же сроку. Конечно, все, что я везу, не к спеху, и беды нет, но все что-то неладно и нескладно. А теперь я попал, как в мышеловку. Надобно ждать парохода. Товарищи мои в ожидании к<нязь>

¹⁰¹¹ Екатерина Александровна Долгорукова (1803–1852), урожденная Салтыкова, жена генерала Ильи Андреевича Долгорукова.

¹⁰¹² Неустановленное лицо.

¹⁰¹³ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Л. 94–95.

Андрей Горчаков и граф Гурьев. Других никого еще нет. Завтра ожидают Левенштерна¹⁰¹⁴ флорентийского.

Вообще, полагаю, что нас на пароходе будет немного. Жалею, что нет Люцероде. Вероятно, он отправился сухим путем. Мы будем на Александре, а с Вами приехали мы, кажется, на Николае. Я, признаюсь, рад, что не буду на том же, хотя и не знаю, чему радуюсь. Море все-таки будет то же, и воспоминания те же. Ни от него, ни от них никуда не уйдешь. Как благоприятен был тогда наш приезд в Любек. Морская победа была одержана, и все, чего опасались мы на море, обошлось хорошо. Вообще весь путь наш до Ганау был путь к надежде, и почти все пребывание наше в нем — подкрепление и возрастание надежды. С самого же выезда нашего из Ганау началось падение, и пошло все хуже и хуже. Тут был несчастный перелом. Пожалуй, говоря после доктора, что болезнь все-таки оставалась неотвратима. Не верю. Сужу о болезни Пашеньки по своей болезни, по болезни души. Мне было легче. В Петербурге я был убит душевно. В Ганау душевно ожил. Выезд из Ганау был снова для меня удар, вторичный приговор к смерти. Рим сначала несколько развлек меня, но ни на минуту не было на душе той ясности, тех сладостных ощущений, того спокойствия и упования, как в Ганау. Все это не могло быть игрою случая. Нет, верю душе своей и предчувствиям своим. Раненый в руку или ногу предчувствует же болью перемену погоды. Почему же раненой душе не иметь также способности угадывать свою погоду?

Я был сегодня в ортопедическом институте и видел маленьких Гагариных и Голицыну. Гагарины, кажется, очень поправились, особенно старшая, которая довольно и выросла. Но больно смотреть на бедную Голицыну, которая лежит неподвижно в живом гробе своем. Лицом она очень свежа и здорова. Надзирательница даже говорила мне, что ей лучше, но от других слышал я, что нет надежды выпрямить ее. Каково же это страдание нескольких лет, если без пользы. Вообще, кажется, что это лечение должно иметь пагубное действие на умственность, и Гагарины (особенно старшая) и Голицына показались мне как будто напуганные, одурелые. Немудрено, что это вечная

¹⁰¹⁴ Барон Владимир Иванович Левенштерн (1777–1858), генерал-майор. Вероятно, Вяземский познакомился с ним во Флоренции.

неволя физическая, вечная давка телесная стесняет развитие и свободу нравственной силы. Эти дети находятся как под вечным наказанием, не понимая и не имея возможности понимать, что это наказание должно со временем быть им в пользу. Тяжела смерть, но тяжела и жизнь, купленная этой ценою, особенно же если окончательно жизнь все-таки не окупится. Жестокое положение родителей в этом случае. Олсуфьеву, сказывают, гораздо лучше.

Я еще раз буду там до отъезда и тогда всех их увижу.

Дорогою читал я переписку M.me Campan avec la reine Hortense¹⁰¹⁵. Очень интересна. Ту и другую сердечно полюбишь. Прочтите ее, если где найдете. Особенно же ты, Машенька, прочти и угадай, что я в этой переписке нашел сходного с тобою и со мною. Еще прочел я новый роман de Georges Sand: André. Это уже не для Машеньки. Читал я его с большим удовольствием и сладкими слезами. Мне так странно было плакать о другом. Удивительно, что за прелесть и свежесть в этом романе. Дело о цветочнице и много речи о цветах. И весь роман благоухает как цветок. Два тома имеют общее заглавие: Андрей, но бог знает почему. Во втором совершенно другая история и другие лица, и он гораздо хуже первого. Так, что трудно верить, что он писан тем же автором. Тут, вероятно, просто плутовство книгопродавческое, чтобы принудить купить и заплатить два тома вместо одного. Есть у меня еще “Le Père Goriot” Бальзака, который мне очень хвалили. Дорогою прочитал я еще “La Reine Hortense en Italie, en France et en Angleterre pendant l’année 1831”¹⁰¹⁶. Интересно, особенно как выражение материнской любви, но сторона историческая и политическая довольно бледна и маловажна. Если знать бы наверно, что вы будете в Траве-мюнде, я оставил бы вам эти книги здесь в Любеке. Впрочем, могу переслать их к вам и после с пароходом. Невольное заарестование мое в Любеке послужит к одному: родит во мне нетерпение попасть скорее в Петербург, чего бы не было без этого, несмотря на желание мое обнять бедного Павлушу и поплакать с ним. Странное дело, мне не

¹⁰¹⁵ Речь идет о книге “Correspondance inédite de Madam Campan avec la Reine Hortense” (Paris, 1835), содержащей переписку между Гортензией де Богарне, королевой Голландии, и ее воспитательницей Жанной-Луизой Кампан.

¹⁰¹⁶ Книга 1831 г. с записками и воспоминаниями королевы Гортензии.

только больно и тяжело думать о Петербурге, но как-то и неловко и стыдно. Противно показаться мне туда, как после неудачи. Это сожаление посторонних для меня тягостно и прискорбно. Равнодушие совершенно чуждых сносно *et me met à l'aise*¹⁰¹⁷. Но быть на сцене плачущим лицом пред зрителями, хотя искренно сострадающими тебе, но состраданием в деле для них постороннем, это возлагает какую-то обязанность на скорбь и ставит ее в некоторую зависимость.

Сердцу нужно делиться радостью своею с каждым встречным и поперечным, это придает живость радости, но скорбью ни с кем делиться не можно и не должно, разумеется, иначе как с теми, для коих скорбь эта общая, но тогда уже не делиться ею, а каждый несет ее сполна, хотя и пополам, но не раздельно.

22. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰¹⁸.

Любек. 8 (20) мая.

О пароходе все еще нет *ни слуху, ни духу*. Вот четвертый день, что сижу здесь, как рак на мели, и бог знает, долго ли еще просижу. Какова судьба моя во всем. Точно есть какой-то особенный исполнительный департамент в правлении судьбы, который о том только и заботится, чтобы во всем перечить мне и ставить верх дном все, что ни предприму. Кажется, довольно бы с судьбы было рубить меня топором, не прокалывая еще в добавок непрерывными булавками. Не могу сказать, как *Lauzun*¹⁰¹⁹, который после долгого заточения проезжая по какому-то опасному месту, на совет выйти из кареты отвечал: “*Ces malheurs là ne sont pas faits pour moi*”¹⁰²⁰. Для меня так все несчастья впору.

Одолжил меня Гурьев советом своим ехать на пароходе. Если я прямо отправился бы из Вены, как следовало, то был бы я уже в Петербурге сегодня или завтра. Надобно же мне было наткнуться на этого *двуфонарного Диогена* и последовать ему. Где вы, мои милые,

¹⁰¹⁷ «Меня успокаивает / не стесняет» — *франц.*

¹⁰¹⁸ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3269. Л. 96–97.

¹⁰¹⁹ Имеется в виду Антонин Номпар де Комон, герцог Лозен (1623–1723), фаворит Людовика XIV.

¹⁰²⁰ «Эти несчастья не для меня» — *франц.*

и что вы? У нас здесь несносный холод и вечно пасмурное небо, так что и гулять не хочется. В Гамбург не еду из экономии и с тем, чтобы допивать медленно чашу горечи и скуки и не дать судьбе случая изобрести еще какую-нибудь штуку против меня. Я попался в когти ее в Любеке и держусь смиренно, пока не выпустит. Выбиваться не буду. Знаешь ли, что наш бедный Габбе¹⁰²¹ в Зонненштейне, тут, где был Батюшков? Он в Одессе повторил историю Раевского. Ольга Нарышкина мне рассказала. Впрочем, он, сказывают, в самом деле с ума сошел. Теперь ему полегче, то есть он потише, но мало надежды на выздоровление. Родные желали бы взять его к себе в Россию, но позволение вывезти его за границу было дано только с тем, чтобы навсегда запретить ему возвращение, и Нарышкины не знают, успеют ли выпросить отмену этого приказа. Как Воронцовым мужу и жене¹⁰²² не стыдно после таких историй смотреть еще на людей. А чего доброго они еще по-своему счастливы и в чести.

Новый пароходный товарищ приехал в Гамбург: Ломоносин¹⁰²³. А Люцероде, видно, не будет. Жаль.

22-го. Наконец пароход прибыл сегодня, и послезавтра отправляемся. Полную неделю высижу здесь. Порядочно. Видел я сейчас Свистунова¹⁰²⁴, который вышел в отставку и едет за границу на несколько лет. Он говорит, что в Петербурге такой холод, что страх, и пароход не выходил за льдами. Жалею, что не видал Матушевича¹⁰²⁵. Он

¹⁰²¹ Петр Андреевич Габбе (1796 – после 1841), протеже великого князя Константина Павловича, впавший, однако, в немилость из-за открытой критики государственной политики. Талантливый литератор, друг Вяземского, в 1833 г. он заболел расстройством психики и получил разрешение выехать за границу с условием не возвращаться в Россию. Его дальнейшая судьба неизвестна.

¹⁰²² Возможно, речь идет о М. С. Воронцове, который имел отношение к высылке Габбе за границу.

¹⁰²³ Сергей Григорьевич Ломоносин (1799-1857) – русский дипломат, лицейский товарищ Пушкина.

¹⁰²⁴ Комментарий В. Перельмутера: «Вероятно, Алексей Николаевич Свистунов (1808–1872) — один из знакомцев Пушкина; Вяземский повстречался с ним, когда тот ехал в Штутгарт, где прожил около трех лет; в 1838 г. стал сослуживцем Вяземского по министерству финансов» [Вяземский 2023: 320]. — *Ред.*

¹⁰²⁵ Комментарий В. Перельмутера: «Граф Адам Фаддеевич Матушевич (1795–1842) — российский дипломат, Вяземский разминуслся с ним в Любеке, когда Матушевич направлялся к новому месту службы — в Неаполь» [Там же: 321]. — *Ред.*

только что проехал чрез Любек ночью. Весь Петербург, сказывают, опустел и еще опустеет. Я очень рад этому. Чем менее знакомых, тем лучше. Просторнее и свободнее дышать. Фикельмонты уже выехали.

Ломоноссин также несколько дней прождал здесь с нами, мы уже думали с ним отправиться сегодня назад в Берлин и ехать сухим путем, если не пришел бы пароход. Он назначен *chargé d'affaires*¹⁰²⁶ в Бразилию. С Смирновыми разъедемся на море. Они отправились с вторым пароходом. Погода здесь скверная. Вероятно, и у вас такая же, потому что это общее действие кометы. Больно думать мне о вас в дороге в холод и в дождь. Если простоит, судя по началу, и все лето дурное, то не выгодны будут морские купания.

23-го. Итак, простите до Петербурга. Надеюсь найти там письмо от тебя и, разумеется, сам напишу тотчас. Теперь курьерская совесть моя успокоилась, но зато сердце опять заныло. Вся тяжесть петербургской жизни отозвалась во мне предчувствием, и, кроме желания увидеть и обнять Павлушу, ничто меня там не радует. Делать нечего.

Простите. Обнимаю вас, мои милые, от всей души. Не забудь спросить у Маркелова, что должна ты ему заплатить за мои письма. В Любеке я тебя рекомендовал Шлецеру¹⁰²⁷. Он получил известие от Toussaint¹⁰²⁸, что какой-то наш ящик отправлен сюда. Велю оставить его здесь до приезда твоего. Может быть, будет легко и выгоднее тебе захватить все с собою. Еще раз дайте себя нежно обнять. Завтра отправляемся из Травемюнда. Стало, если пароход пойдет хорошо, в четверг, то есть 16 (28)-го можем быть в Петербурге.

¹⁰²⁶ Поверенным в делах — *франц.*

¹⁰²⁷ Карл фон Шлёцер (1780–1859), дипломат и композитор; российский консул в Любеке.

¹⁰²⁸ Неустановленное лицо. По всей вероятности, был дельцом, занимавшимся пересылкой грузов и финансовыми операциями.

ПИСЬМА Е. А. КАРАМЗИНОЙ 1834–1835 гг.

1. П. А. Вяземский — <Е. А. Карамзиной>¹⁰²⁹.

Рим. 18 (30) м<арта> 1835.

Что сказать мне Вам о себе, милый друг? Вы понимаете скорбь мою, которую и Вы испытали, но Вы не можете понять моих страданий, потому что Вы в возвышенности и мужестве души вашей умеете хранить покорность к провидению. А я и мыслями и чувствами возмущаюсь под ударом, нас постигнувшим. Чувством воплю против жестокости его, мыслью борюсь с прошедшим и в сей борьбе перебираю день за днем, как будто бы мог я еще всплыть по началу его и переделать по-своему. Впрочем, я иначе скорбь и понять не могу, разумеется, в себе: во мне покорность была бы равнодушие или, по крайней мере, бесстрашие. К стыду и к унижению души недуг этот, без сомнения, пройдет в свое время.

Сделайте одолжение, поберегите Павлушу. Его одиночество, или сиротство в чужой толпе училища пугает меня. Он так нежно любил бедную Пашеньку и очень сильно чувствует печаль. Со временем потеря эта будет для него и для сестер еще важнее.

Теперь мое дело кончено и собираюсь в путь. Не знаем еще, как едем и поедем ли вместе. Доктора советуют, и очень настоятельно, особенно же Надиньке, морские купания. Теперь вопрос: где, в Средиземном ли море или в другом? Прошедшее мало обнадеживает на будущее и разуверяет в пользе и в действительности принимаемых средств, но все-таки должно делать, что по-видимому и по человеческим понятиям делать надлежит. На днях это решится, но, во всяком случае, я на днях намерен ехать прямо и безостановочно в Петербург. Скажите о сем Д. Г. Бибикову.

Простите, милый друг. Грустно, но с неизменною нежностью и живостью чувства, не утраченную в скорби, обнимаю Вас и всех ваших. Мысленно мы у Вас и у Павлуши. Милая Пашенька была так же Ваша, как и наша.

¹⁰²⁹ РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 40–41.

Обнимаю Жуковского. Получил ли он первое письмо мое, которое адресовал я к нему, не зная, как теперь здоровье Ваше. Мы пока здоровы.

2. П. А. Вяземский — <Е. А. Карамзиной>¹⁰³⁰.

Неаполь. 26 марта (7 апреля) 1835.

Вы удивитесь получить известие от нас из Неаполя, куда приехали мы третьего дня вечером. Вот объяснение. Граф Гурьев предложил мне курьерское отправление из Рима на Вену на пути в Россию, а эта курьерская поездка начинается Неаполем. Таким образом и приехали мы сюда, я, жена, Машенька и Тургенев, на несколько дней посмотреть на здешние чудеса, а более всего отвести грустную душу с вашими и нашими. Не сердитесь на них, а на нас, если нынешнее письмо будет не узаконенной меры, а гораздо короче. Мы отняли у них все время, и завтра отправляются они с нами в Помпей, Салерно, Пестум и проч<ее> и проч<ее>. Простите. Обнимаю Вас и ваших, Павлушу и Жуковского от всего сердца. Дайте знать Д. Г. Бибикову, что я уже на обратном пути, но определить в точности срок приезда моего в Петербург не могу, потому что это будет зависеть от миссий, через которые проеду.

ПИСЬМО КНЯГИНЕ ЗИНАИДЕ ВОЛКОНСКОЙ

П. А. Вяземский — З. А. Волконской¹⁰³¹

Hanau, le 15 (27) Septembre 1834

Savez-vous, chère Princesse, que nous avons quitté la Russie, que nous sommes en Allemagne et que nous nous acheminons vers Vous, c'est-à-dire vers Rome ? C'est la mauvaise santé de ma seconde fille qui a motivé notre voyage. Nous sommes venus tout droit à Hanau, pour consulter le docteur Kopp qui nous avait été fortement recommandé par Joukoffski

¹⁰³⁰ РГАЛИ: Ф. 248. Оп. 2. Ед. хр. 59. Л. 32.

¹⁰³¹ Там же: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 300.

et par les médecins de Pétersbourg. Dieu merci, nous avons jusqu'à présent tout lieu de nous féliciter d'avoir suivi cette indication. Comme la saison était trop avancée pour aller aux eaux (vu que nous n'avons quitté Pétersbourg que le 11 (23) août, la crainte pour l'état de la poitrine de Pauline ne s'étant prononcée qu'en Juillet) M.r Kopp nous a retenus ici pour étudier la maladie et pour baser le traitement qu'il aurait à suivre. Nous sommes ici depuis près de trois semaines et nos craintes pour la poitrine se sont dissipées, la santé de Pauline s'améliore lentement, mais cependant d'une manière assez satisfaisante et si Dieu le donne nous pourrions nous remettre en route dans le courant du mois prochain. C'est à Rome que l'on nous conseille de passer l'hiver et je m'y prends d'avance pour venir me placer avec tous les miens sous votre protection tutélaire. Donnez-Vous, je Vous prie la peine, d'éclairer mon inexpérience et de me guider dans les mesures que j'aurai à prendre. C'est à cette fin que je prends la liberté de vous poser quelques questions en Vous priant de m'y faire répondre par quelqu'un des Vôtres et surtout par le Comte Ricci, s'il se trouvait à Rome pour le moment. Je compte trop sur son amitié pour douter de la bonne volonté qu'il mettra à me rendre service et pour me faire scrupule de m'appeler tout franchement à son obligeance. Voici de quoi il s'agit :

Nous aurons besoin d'un appartement de quatre chambres exposées au soleil : ceci est une condition indispensable pour la santé de ma fille, et comme de raison, dans le quartier le plus salubre de la ville. Comme condition de second ordre, et dans l'intérêt économique, nous désirerions être logés à bon compte, car Vous savez que nous n'avons pas d'argent de trop et que notre voyage a dû déjà nous imposer des sacrifices assez pénibles. Pour arriver à ce double but c'est-à-dire pour être logés confortablement et économiquement devons-nous prendre, (ou arrêter d'avance) un appartement dans un hôtel garni, ou bien chercher un dans une maison privée et <нрзб.> nous monter tant soit peu en ménage, avoir une cuisinière etc. A combien pourrait monter le mois d'une manière ou de l'autre ? J'entends bien sans aucune recherche, ni rien que le nécessaire et une honnête aisance. Notre ménage est composé de ma femme, de nos trois filles et de deux femmes de chambres. Quant à moi, je ne fais que les accompagner, une fois que la santé de Pauline sera remise ou du moins en bon train, que je les aurai établies, que j'aurai salué Vous et mon patron, je me prendrai

de retourner dans mon foyer et dans mes douanes, car je n'ai obtenu qu'un congé de quatre mois et craindrais de passer pour de la contrebande, si je me présenterais <sic> plus tard. Ma famille fera probablement un séjour de quatre à cinq mois à Rome, de novembre jusqu'en avril. Quelle serait la meilleure route, c'est-à-dire la plus commode et la moins coûteuse à prendre pour se rendre directement à Rome, de Francfort par exemple ? Vous qui connaissez les grandes routes de l'Europe en tout sens, comme je connais la route de Moscou à Ostafiewo, Vous avez certainement parcouru bien de fois cette distance et par terre et par eau, et par poste et *sur des longues* (comme on dit dans notre bon Moscou *na dolgich*) ou avec un *vetturino*, et nul mieux que Vous ne saurait me dire l'exacte vérité. Je m'en remets donc à Vous en pleine et franche confiance et ne Vous adresse pas même les formalités de rigueur, pour Vous demander pardon de l'ennui que je Vous cause et de la peine que je Vous donne.

Je juge d'après moi et comme l'absence n'a porté aucune atteinte aux sentiments que je Vous avais voués à l'époque d'heureuse mémoire de Votre séjour à Moscou, j'aime à croire que la bienveillance que Vous m'avez témoignée est aussi du petit nombre des choses de ce monde que les révolutions physiques, sociales, romantiques et fantastiques de nos jours ont laissé *in statu quo*. Je n'ai aucune nouvelle à Vous donner de la Russie, et encore moins de Hanau, qui est une très bonne ville, mai hermétiquement fermée. Je viendrais respirer librement et chaudement auprès de Vous et me *dégermaniser*, ou me *dépomme de terriser* dans le pays *wo die Zitronen blühen*. Toute ma famille se joint à moi pour Vous dire combien nous serons heureux de Vous revoir et pour Vous présenter nos hommages bien sincères et bien dévoués. J'attends avec impatience et reconnaissance préalable Votre supplément bienveillant au guide du voyageur, car j'ai plus de foi en Vous qu'en le conseiller de guerre de S. A. le duc de Saxe-Gothe.

Adressez-moi, je Vous prie, Vos renseignements à *Hanau* (près de Francfort sur le Main) *poste-restante*. Mes hommages à Madame Votre Sœur et mes amitiés au cher comte Ricci.

(Архив Волконского из собрания барона Б. К. Леммермана в Риме)

<перевод>

Ганау, 15 (27) сентября 1834

Знаете ли вы, любезная княгиня, что мы покинули Россию, что мы в Германии и направляемся к Вам, то есть в Рим? Наше путешествие вызвано плохим здоровьем моей второй дочери. Мы приехали прямиком в Ганау для консультации с доктором Коппом, которого нам очень рекомендовал Жуковский и петербургские врачи. Слава Богу, до сих пор мы можем только радоваться, что последовали этому совету. Так как было уже поздно ехать на воды (мы покинули Петербург только 11 (23) августа, поскольку опасения по поводу грудной болезни Полины были высказаны лишь в июле), господин Копп оставил нас здесь, чтобы изучить болезнь и обосновать лечение, которого нужно будет придерживаться. Вот уже три недели мы здесь, и опасения по поводу ее легких рассеялись, здоровье Полины улучшается медленно, но вполне удовлетворительно, и дай Бог, мы сможем отправиться в путь в наступающем месяце. Нам рекомендуют провести зиму именно в Риме, и я хлопочу заранее, чтобы вместе со всей семьей прибегнуть к Вашей защите и покровительству. Молю Вас взять на себя труд просветить мою неопытность и указать, какие шаги мне следует предпринять. Для этого позволю себе задать несколько вопросов и прошу найти ответ через кого-то в Вашем кругу, в особенности через графа Риччи, если он сейчас находится в Риме. Я слишком уверен в его дружбе, чтобы сомневаться, что он охотно окажет мне услугу и не постесняюсь прямо просить его об одолжении. Вот о чем идет речь:

Нам нужна квартира в четыре комнаты на солнечной стороне — это необходимое условие для здоровья моей дочери, — и, разумеется, в самом здоровом районе города. Затем, в интересах экономии мы хотели бы найти недорогое жилище, поскольку, как вы знаете, у нас нет лишних денег и наше путешествие уже болезненно сказалось на наших финансах. Чтобы выполнить оба условия, то есть разместиться с комфортом и экономно, нам нужно будет нанять или внести залог за квартиру в меблированном отеле, либо найти оную в частном доме и <нрзб.> обзавестись мало-мальски приличной горничной, кухаркой и т. п. Во сколько мог бы обойтись месяц при том или ином варианте

устройства? Я имею в виду взять нечто простое, где будет все необходимое и достаточные удобства. Наша семья состоит из моей жены, трех дочерей и двух горничных. Сам я лишь сопровождаю их, и как только здоровье Полины восстановится или по крайней мере пойдет на поправку, как только я устрою их, поприветствую Вас и моего патрона, я отправлюсь обратно к своему очагу и своим таможенным делам, поскольку я получил отпуск только на четыре месяца и побаиваюсь, что придется пробираться контрабандой, если явлюсь позже этого срока. Моя семья, вероятно, останется в Риме на четыре или пять месяцев, с ноября по апрель. Какой наилучший путь, в смысле удобства и дешевизны, чтобы добраться напрямую до Рима, например, из Франкфурта? Вам дороги Европы знакомы во всех деталях, как мне знаком путь из Москвы в Остафьево, и вы, конечно, не раз преодолевали это расстояние и по суше, и по воде, и почтовыми и, как говорят в нашей доброй Москве, «на долгих», или же с помощью *vetturino*¹⁰³², и никто лучше вас не откроет мне всей правды. Вверяюсь вам полностью и простодушно, обойдусь даже без положенных формальностей, чтобы просить Вас простить меня за неудобство, которое я Вам доставляю, и за хлопоты, в которые ввергаю Вас.

Я сужу по себе, и поскольку разлука несколько не изменила чувств, которые я питал к вам в счастливо-памятное время Вашего пребывания в Москве, хочется верить, что благосклонность, которую Вы мне выказывали тогда, относится к тем немногим предметам в этом мире, которые после всех физических, социальных, романтических и фантастических революций нашего времени остались *in statu quo*. Мне нечего рассказать Вам нового о России или о Ганау, городе очень симпатичном, но герметично закрытом. Я приеду, чтобы свободно и радостно дышать подле Вас и дегерманизироваться, или декартофелизироваться в стране, wo die Zitronen blühn. Все мое семейство присоединяется ко мне и передает, что мы будем счастливы вновь увидеться с Вами и лично засвидетельствовать наше искреннее и преданное почтение. Заранее с нетерпением и признательностью ожидаю я Вашего любезного дополнения к гиду путешественника, потому что к Вам у меня доверия больше, чем к военному советнику Его Высочества

¹⁰³² «Извозчика» — *итал.*

герцога Саксен-Гота. Прошу направлять Ваши рекомендации в Ганнау (рядом с Франкфуртом-на-Майне), до востребования. Мое почтение госпоже Вашей сестре и дружеские приветы дорогому графу Риччи.

ПИСЬМА ИЗ ПОЕЗДКИ 1853 г.¹⁰³³

1. П. А. Вяземский — <П. П. Вяземскому>¹⁰³⁴.

Венеция. 10 (22) августа 1853.

Вот мы и в Венеции и благополучно прибыли сюда железною и морскою дорогою в пятницу 7 (19). Повторять общие места не хочу, а собственные впечатления привести в порядок еще не успел, а потому на этот раз в фразы не пущусь. Фразы впереди. Вообще, после Босфора, после Константинополя первый взгляд на адриатическую царицу не зарождит особенный восторг. Но внутренняя жизнь города очень оригинальна и вообще мне нравится. Я уже два раза купался. Лиза¹⁰³⁵ начнет свои купания завтра. Вода очень тепла, и можно надеяться, что около четырех недель еще так простоит. Пока остановились мы в гостинице Европа, но за дороговизною переезжаем в частный дом, только на Gran Canale, но в надежде, что хозяин не такая grande каналья. Вечером сидим и кушаем мороженое на Piazza S. Marco в огромном салоне, набитым людьми, где никого не знаешь. Жену отводим домой, а с Лизою пускаемся в гондоле при месячном сиянии по разным каналам мимо черных, безмолвных и великолепных дворцов. Гондолы мне более по нутру, чем карета. Здесь нашли мы Мери Пашкову¹⁰³⁶ с дочерьми, и, кажется, они заменят нам карльсбадских Пашковых¹⁰³⁷.

¹⁰³³ Можно предположить, что эти три письма адресованы сыну, князю Павлу Петровичу, и его жене, Марии Аркадьевне (1819–1889), урожд. Столыпной, в первом браке Бек, в 1848 г. ставшей женой П. П. Вяземского.

¹⁰³⁴ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 300.

¹⁰³⁵ Внучка Елизавета Петровна Валуева.

¹⁰³⁶ Мария Трофимовна Пашкова, урожд. Баранова (1807–1887).

¹⁰³⁷ Имеются в виду Александр Васильевич Пашков (1782–1868) и его супруга Екатерина Петровна (урожд. Киндякова).

Чрез несколько дней будем мы жить с ними в одном доме. Мы писали Вам из Вены. Адресуйте нам письма на имя Frusca, consul de Russie à Venise.

Нежно Вас и детей обнимаю¹⁰³⁸.

2. П. А. Вяземский — <П. П. Вяземскому>¹⁰³⁹.

Венеция. 3 (15) ноября 1853.

Мы полагали сегодня выехать из Венеции, но Лиза простудилась, страдает зубною болью, и отъезд наш на несколько дней отложен. Вы очень лениво пишете нам, и давно нет от вас письма. К<нягиня> Изабелла Гагарина¹⁰⁴⁰ сказала нам, что вас ожидают в Карлсруэ. Она опечалила нас известием о несовершенном здоровье милой Марии¹⁰⁴¹. Но как эти вести старые, мы надеемся, что теперь ей лучше. Мы, вероятно, едем на Мюнхен. Хорошо, если бы там нашли мы строчку от вас с уведомлением, куда к вам приехать — в Баден ли или в Карлсруэ? Здесь много русских: Свистунова, гр<афиня> Воронцова, графиня Адлерберг¹⁰⁴² — кроме Пашковых и Васильчиковых. Свербеевского¹⁰⁴³ письма с векселем я еще не получал, и пишем в Дрезден, чтобы отправили их к тебе. Только прошу их не проругать даже и в том случае, если говорящий стол (как то было, говорят, с Мухановым) укажет тебе неверный выигрыш. А что скажешь ты о восточных делах? С тех пор, что дерутся, еще менее добьешься толку. Мы с Стюрмером толкуем, толкуем и ничего заключить не можем. Идут переговоры, — следовательно, дойдет до драки. Началась драка, — следовательно, есть надежда на успехи переговоров. Вот вкратце смысл всего, что журналы говорили и говорят.

¹⁰³⁸ Следует приписка Веры Федоровны.

¹⁰³⁹ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 302.

¹⁰⁴⁰ Княгиня Изабелла Адамовна Гагарина, урожд. Валевская (1800–1886), жена кн. С. С. Гагарина, директора Императорских театров.

¹⁰⁴¹ Княгиня Мария Аркадьевна Вяземская.

¹⁰⁴² Екатерина Николаевна Адлерберг (урожд. Полтавцева) (1821–1910).

¹⁰⁴³ Возможно, речь идет о Дмитрие Николаевиче Свербееве (1799–1874).

Мы на днях писали Мери. Вы и она изволите молчать. Вас и детей нежно обнимаю¹⁰⁴⁴.

3. П. А. Вяземский — <П. П. Вяземскому>¹⁰⁴⁵

Милан. 2 (14) дек<абря> 1853.

Надеемся выехать сегодня из Милана, а если не успеем, то завтра едем на Мюнхен, но как и когда туда доберемся, еще неизвестно. До нынешнего дня погода нас баловала, но теперь она балуется и падает мокрый снег. Напишу Вам из Мюнхена. Жена немного кряхтит и дует, но я не унываюсь. Вчера ездил я в Certosa di Pavia и любовался ее красотой и художественною роскошью.

Нежно обнимаю Вас и детей.

ПИСЬМА ЖЕНЕ, ВЕРЕ ФЕДОРОВНЕ. 1859 г.

1. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰⁴⁶.

Генуя. 1 мая.

Благополучно приехал, благополучно ехал, спокойно, не устал, ночью спал мало, но мой сосед спал за двух, и даже за трех. Видел тысячи французов, обедал с десятками офицеров. Видел Estancelin¹⁰⁴⁷, видел наших Козлов, видел и вижу теперь Анжело¹⁰⁴⁸, который у меня сидит и с которым сейчас еду в оперу. Vive la joie! on n'est jeune qu'une fois¹⁰⁴⁹.

А Любовь Федоровна¹⁰⁵⁰ рада, что меня нет и изволит уписывать клубничку и земляничку так же, как и мой сосед спал, то есть за трех. На здоровье!

¹⁰⁴⁴ Следует приписка Веры Федоровны.

¹⁰⁴⁵ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 4108. Л. 303.

¹⁰⁴⁶ Там же: Ед. хр. 3272. Л. 218.

¹⁰⁴⁷ Возможно, L. Ch. A. Estancelin (1823–1906), французский политический деятель.

¹⁰⁴⁸ Неустановленное лицо.

¹⁰⁴⁹ «Да здравствует радость! Мы молоды лишь раз» — *франц.*

¹⁰⁵⁰ Любовь Федоровна Полухтова, урожд. княжна Гагарина, сестра Веры Федоровны.

Кланяюсь ей, Щербатовым¹⁰⁵¹ и Голицыной. Скажи последней, что по желанию ее будут теперь выходить два раза в день военные bulletins. Стало быть, будет ей чем кормить свою воинскую лихорадку.

Когда будешь писать в Петербург, пиши на пакет *par la France et affranchis les lettres pour qu'elles ne passent pas par l'Autriche*¹⁰⁵².

Нежно тебя обнимаю, будь здорова и не сиди, то есть не лежи, дома.

2. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰⁵³

Генуя. 2 Мая 1859.

Воля твоя, извини, — оно и не очень нежно, и не очень вежливо — а должен я признаться, что очень рад, что я теперь не в Ницце, а в Генуе. Во-первых, город сам по себе любопытный, и я вовсе не помнил его. Был я в некоторых палацках и церквах и любовался их красотой и великолепием. Есть места и прогулки в городе самые живописные. А что теперь за движение, за волнение, вообразить нельзя. Сегодня, когда я проснулся, мне казалось, что я в Ницце, когда подымается ветер и море бурлит. А это бурлили голоса народа, который толпится на улице с утра до ночи. Настоящая ярмонка, а в особенности военная, где много красного товара, то есть красных панталонов. Сколько я мог разведать в кратких разговорах с этими красными панталонами, они все очень охотно идут драться и с нетерпением желают встретиться с белыми балахонами¹⁰⁵⁴. На нас они крепко надеются. Вообще нахожу, что они все очень вежливы от офицера до солдата; ни в котором не случилось мне заметить французского самохвальства, напротив, что-то степенное, хотя и очень живое. Правда, что я по большей части все наткался на алжирские войска, которых непрерывная деятельность, труды и опасность должны были более образумить и нравственно воспитать, нежели парижская жизнь. Вчера разговорился

¹⁰⁵¹ Возможно, полковник Сергей Александрович Щербатов (1804–1871) и его жена Прасковья Борисовна, урожд. княжна Святополк-Четвертинская (1818–1899), племянница Веры Федоровны.

¹⁰⁵² «Через Францию и франкируй письма так, чтобы не шли через Австрию» — *франц.*

¹⁰⁵³ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3272. Л. 219–222.

¹⁰⁵⁴ Имеется в виду австро-итало-французская война: «красные панталоны» относятся к итало-французским войскам, «белые балахоны» — к австрийским.

я с капралом, который очень хорошо знал генуэзскую историю и в котором году жил такой-то дож. Правда, что другой спрашивал меня, далеко ли до Австрии, потому что многие из них полагают, что побывают и в Вене, разумеется, это говорят солдаты.

Во здешнем народе большого энтузиазма к французам не замечаю, любопытство, да, как обыкновенное любопытство народа пред каждым новым зрелищем. Мне это подтвердил и один штаб-офицер, который говорил, что в Франции на дороге встречали они гораздо более энтузиазма, нежели здесь. Вначале война была непопулярна, но действия австрийского правительства всех возмутили и возбудили общее негодование.

Все не надивятся, как австрийцы потеряли столько дней и не поспешили напасть на Пьемонт до скопления французских войск. Доселе были только маленькие стычки, *escarmouches*¹⁰⁵⁵ между сардинцами и австрийцами без всякого результата. И здесь много пустых слухов. Ожидают сюда Наполеона, даже в четверг. Если так, то дождусь приятеля. Завтра, может быть, поеду в Турин. Отправление железною дорогою неверно, потому что отправляются войска, и тогда публики не допускают. Скажи Щербатову, что напрасно не приехал он со мною (опасности от встречи с неприятелем нет ни малейшей). Минута здесь очень интересная. Он нашел бы здесь свой Алжир и даже своих турков, которые здесь, впрочем, очень смирные.

Я купил коралловые вещи, кажется, не очень хорошо и довольно дорого: шесть всего на ни сем русских золотых штучек. Руководитель мой Анжело, который здесь вообще мой ангел-хранитель.

Вчера в театре в конце балета, была выставлена подвижная колонна, на которой стояла кукла, представляющая Италию, осененную французскими и сардинскими знаменами. Не очень замысловато, но чувства много, и публика была довольна.

Разберешь ли мое маранье? Пишу при свечах и на дурном столе. Если не поленишься, выпиши из письма моего *les actualités* и сообщи их от меня Титову.

Самому писать мне нет времени.

Это мое второе письмо к тебе.

¹⁰⁵⁵ «Стычки» — франц.

Очень нежно обнимаю и отправляюсь с моим ангелом в Casino — и в славный здешний кафе Concordia. — Турель сказал мне, что отправил к тебе ситец.

3. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰⁵⁶

Gênes, 3 мая <1859>

А я главное и забыл тебе сказать, что я два твои яичка дорогою скушал и с благодарностью. Впрочем, нового пальпитантного ничего нет.

Сейчас отправлюсь по железной дороге в Турин. Оттуда напишу, если не попаду в плен, тогда, может быть, из Спильберга. Прости. Жаль, что нет весточки от тебя. Надеюсь, что ты благодаря Бога здорова и что все благополучно.

Нежно обнимаю.

4. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰⁵⁷

Турин. 4 мая <1859>.

Трудный поход совершили мы из Генуи в Турин. Вчера выехали по железной дороге в два часа после полудня и часу в седьмом должны были бы здесь быть, а между тем приехали сюда только сегодня в четыре часа пополудни.

Мы ночевали в Александрии, потому что за множеством французских войск, которые перевозили, нас перевозить не хотели. Мы в Александрии точно бивуакировали, в скверном трактире и в скверной комнате, потому что все битком набито французскими войсками. Говорю мы, потому что я сочтался старым французом, кажется, очень добрым человеком. Сын его один из главных деятелей в компании русских железных дорог.

Видел я Стакельберга и сейчас еду к нему обедать. Дело теперь — как выехать из Турина. По той же дороге ехать не хочу, боюсь новых остановок. Стакельберг мне это обещал устроить. Нежно тебя обнимаю. Я веду такую военную жизнь, что хочу отпустить себе усы.

¹⁰⁵⁶ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3272. Л. 223.

¹⁰⁵⁷ Там же: Л. 224.

5. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰⁵⁸.

Турин, четверг 5 мая <1859>¹⁰⁵⁹

Мне самому кажется, что я уже бог весть когда выехал из Ниццы. И мне совестно, что я так загулялся и тебя долго одну оставляю. Да и грустно мне, что все это время я без вести от тебя. Жаль, что не условились мы, что ты напишешь к Анжело. Напрасно проехал я в Турин и оттого должен был потерять целый день в Александрии. Но как было не думать, что здесь найду много любопытного и животрепещущего. Не тут-то было. После Генуи Турин кажется глухим монастырем. Даже и красные панталоны не рябят в глазах. Вместо того буду обедать сегодня у Стакельберга, с новобрачною соседкою нашею, бывшей Лубяновской¹⁰⁶⁰, а теперь не знаю, как назвать ее.

Кажется, нового ничего нет. По крайней мере, до меня не доходило. Городских вестей много, но все пустые. Официального ничего нет, кроме того, что австрийцы усиливаются. Пойду к Рустем Бею¹⁰⁶¹. Авось, он что-нибудь да скажет мне. Надеюсь завтра выехать отсюда с Жадовским, не знаю еще, какою дорогою. Но все же в воскресенье или в понедельник думаю быть в Ницце. Между тем, можешь приняться за сборы к отъезду. По возвращении моем надобно будет поспешить.

С отъезда моего я каждый день писал тебе. Может быть, завтра в дороге не удастся написать: стало быть, не беспокойся.

Нежно тебя обнимаю.

¹⁰⁵⁸ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3272. Л. 226.

¹⁰⁵⁹ На бланке гостиницы *Hôtel Feder* — Turin et Gênes.

¹⁰⁶⁰ Возможно, Анастасия Федоровна Лубяновская (1812–1889), бывшая замужем за маркизом Кордеро-ди-Монтеземоло.

¹⁰⁶¹ Рустем Бей (1810–1895), сын итальянцев, родившийся в Гамбурге, служил в турецком министерстве иностранных дел и с 1856 по 1860 был поверенным в делах в Турине.

6. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰⁶².

Генуа. Пятница <6 мая 1859>.

Имею честь донести, что я благополучно возвратился в Геную и не подвергался нападениям австрийцев, которые, кажется, вообще ни на кого не нападают, разве только на себя. Кроме маловажных стычек, кажется, ничего не было. А между тем французские силы все валят и все с каждым днем и с каждым часом более и более приваливают. Я сегодня встал в половине пятого часа и довольно устал. Стало быть, прощай. Выеду отсюда завтра или послезавтра. Нежно обнимаю.

7. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰⁶³.

Генуа. Суббота <7 мая 1859>.

Жадовский сегодня отправляется морем. Но я по морю не ездук. Я только воспеваю его. Думаю выехать завтра или в понедельник и, если можно, ночевать на дороге, чтобы, не нанимая коляски, дешевле увидеть корнишу днем. Вот тебе цветок из великолепной виллы Паллавичини. Императора ожидают сюда в среду. Жаль, а я не дождусь его.

Нежно тебя обнимаю. Жадовский везет тебе букет от меня.

ПИСЬМО НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ. 1859 г.

1. П. А. Вяземский¹⁰⁶⁴.

Ницца 30 апр<еля> (12 мая) 1859.¹⁰⁶⁵

Возвратившись с похода, спешу Вас успокоить и удостоверить, что я благополучно совершил свой поход и не попал к австрийцам в руки. Я очень доволен своею поездкою в Геную и в Турин. Особенно первая

¹⁰⁶² РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3272. Л. 229.

¹⁰⁶³ Там же: Л. 230.

¹⁰⁶⁴ Там же: Ед. хр. 4108. Л. 293.

¹⁰⁶⁵ На бланке гостиницы *Hôtel de France Chez Isotta* — Gênes.

потешила меня своим движением. Вообразить себе нельзя этот шум, эту военную лагерную пестроту посреди древних, уже отживших и снова оживших мраморных дворцов, которые как будто спросонья глядят и дивлятся на все то, что кругом их делается. Жаль, что я не мог дожидаться приезда Наполеона, он сегодня должен быть в Генуе, где готовилась ему великолепная встреча, иллюминация и проч^{<ее>} — а вот предстоит нам и другой поход, но мирный. Хотим дать время дорогам очиститься от прибывающих войск и на будущей неделе отправиться в Швейцарию и потом в Стутгарт... у меня еще рябит в глазах от красных панталонов, которые мне попадались тысячами на каждом шагу, и я еще не совершенно отдохнул от своей тревожной и бивуачной жизни. Из этого шума и волнений попал я в Ниццу как в монастырь, так здесь все тихо и неподвижно. Все почти разъехались и остальные разъезжаются... Над нами живут две миссы, которые с утра до вечера разучивают итальянские арии, и этот итальянский вопрос ужаснее первого. А что говорит Павел об этом вопросе?

Вероятно, пускается в парадоксы, но тут не доходило бы у нас чуть не до драки, как по восточному вопросу. Хотелось бы мне послушать и Тютчева, то-то распевает он. Здесь слушать некого.

ПИСЬМА ЖЕНЕ, ВЕРЕ ФЕДОРОВНЕ. 1863 г.

1. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰⁶⁶.

Милан. Понедельник <23 ноября 1863 г.>¹⁰⁶⁷.

Спасибо за письмо. Павел отправил ящик в Венецию Casa Barbier на свое имя. Поговори с графиней Паллавичини, которая обещала отстранить таможенные затруднения. Ночи мои не хуже, чем в Венеции. Вчера опять были мы в опере, давали Норму. Был я у Манцони. Погода хорошая. Много хожу. Дам знать по телеграфу, в который день выедем. Нежно тебя обнимаю.

¹⁰⁶⁶ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3272. Л. 21.

¹⁰⁶⁷ Датируется по содержанию.

2. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰⁶⁸.

Милан <24 ноября 1863 г.>¹⁰⁶⁹.

Сейчас едем в Chartreuse и к обеду возвратимся. Вероятно, отправимся отсюда послезавтра, т<о> е<сть> в четверг, а может быть, и в пятницу, в ожидании моей фотографии и сапогов, которые по старой памяти и историческим преданиям заказал я сыну знаменитого Ронкети¹⁰⁷⁰. Что у Вас делается? Здесь хорошо, но свежо на дворе и в комнатах. Я вчера писал тебе и благодарю за письмо, сейчас полученное. Нежно тебя обнимаю.

3. П. А. Вяземский — <Вере Федоровне>¹⁰⁷¹.

Милан. Среда <25 ноября 1863 г.>¹⁰⁷².

Кажется, положительно отправляемся в пятницу в 12 часов, следовательно, должны быть в Венеции к одиннадцати часам вечера. Вышли гондолу, вели протопить комнаты и на всякий случай приготовить что-нибудь поесть.

Сейчас лазили мы на верх Миланского Дома, т<о> е<сть> разумеется, не Павел и я, а я с Борелем¹⁰⁷³. Впрочем, я на самый верх не лазил. Каждый вечер бываем в театре и каждый день деньги значительно убывают. За две свои комнаты плачу девять франк<ов>. На прочее цены невысокие в гостинице, но внешние издержки уносят деньги. Нежно тебя обнимаю.

¹⁰⁶⁸ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3272. Л. 22.

¹⁰⁶⁹ Датируется по содержанию.

¹⁰⁷⁰ Имеется в виду сапожник Ансельмо Ронкетти. С тех пор, как Наполеон заказал у него пару сапог, он стал очень известным. Его ремесло продолжил сын Джованни.

¹⁰⁷¹ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3272. Л. 23.

¹⁰⁷² Датируется по содержанию.

¹⁰⁷³ Неустановленное лицо.

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ВЕНЕТО И НА ОЗЕРО ГАРДА ВЕСНОЙ 1864 г.¹⁰⁷⁴

Поездка на lago di Garda и в Меран.

21 мая 1864. В половине часа выезд из Венеции до ст<анции> Доло. В коляске мимо г<орода> Доло по направлению реки Brenty ко дворцу императора¹⁰⁷⁵.

Посетили граф<иню> Мольтке¹⁰⁷⁶. Дворец и сад в Стра. Замечателен зал с хорами.

Оранжерея всех существующих сортов лимонных деревьев, между ними сорт сладких лимонов.

Падуа. Базилика Св. Антония, громадное строение с замеч<ательными> древними памятниками. Алтарь St. Felix¹⁰⁷⁷ весь в древн<их> фресках. Против него белая мраморная колоннада алтаря Св. Антония с горельефами Сансовино. Ботанический сад: Кедр Ливанский. Был у граф<ини> Каподилиста, урожденной графини Орестис.

Виченца. Сад гр<афа> Сальви и Театр Олимпийский, построенный Палладио. Вечер в театре Diurno — представление акробатов.

22 мая. Прогулка по окрестностям. Развалины великолепной Ротонды Palladio. Вилла и сад гр<афа> Рамбальдо. Церковь Мадонны на monte Verico. Аркады до самого города.

Верона. Piazza dei Signori. Памятники фамилии Скаллигеров. Собор с картиною Тициана: Успение. Зал в палатце юстиции с троянским конем и памятником одного из потомков семейства Тита Ливия. Позорный камень для банкротов. У входа две египетские статуи. Церковь Св. Амброзия (близ отеля) Piazza Bra с древнею ареною. Сад графа Justi¹⁰⁷⁸ с древними кедрами; одному считают до тысячи лет. Церковь Св. Зено, патрона провинции. Огромная статуя Зено, седьмого архиепископа Веронского, работы XII века, той же работы

¹⁰⁷⁴ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 182.

¹⁰⁷⁵ Речь идет о дворце Пизани в Стра.

¹⁰⁷⁶ Возможно, Мария фон Мольтке.

¹⁰⁷⁷ Имеется в виду Капелла Сан-Феличе с фресками Альтикиеро.

¹⁰⁷⁸ Сад и дворец Giusti.

двенадцать раскрашенных статуй апостолов и Христа. Вечером в театре Ристори¹⁰⁷⁹ представление фокусников.

23 Мая. Переезд утром в Desenzano и оттуда в коляске в Сало. Шоссе вьется между небольшими возвышенностями. Тут и там развалины доминиканских монастырей. Впереди поднимаются тирольские Альпы. В Сало начинаются лимонные сады, они тянутся по левому берегу Гардского озера почти до северной его оконечности. Прогулка на лодке по озеру до виллы, где живет бывший английский посланник в Турине Гудсон¹⁰⁸⁰, а теперь удивший рыбу в озере. Три колоссальные кариатиды лежат в саду.

24 Мая. Утром переезд из Сало в Гарньяно (в коляске 15 фр<анков> и полтора франка pour boire¹⁰⁸¹). Дорога постоянно идет между виноградными и лимонными садами по берегу озера. Деревни Toscolano, Maderno и перед самым въездом в Гарньяно имение графа Беттони; палаццо огромное, но постройки казарменной. Большое собрание картин, между которыми есть или, по крайней мере, считаются несколько Корреджий, Гвидо Рени и венецианской школы. Имение очень богатое. Прежде собиралось до двух <нрзб.> лимонов, но около трех лет болезнь деревьев сократила сбор этого до 1/10 доли. Лучший сорт десять фр<анков> сотня. Из Гарньяно пароход в Limone мимо дер<евни> Tremosine, на высокой скале белеется церк<овь> Мадонны di Monte di Castille¹⁰⁸². Памятник погибшим при взрыве парохода в 1859 году. Озеро сложивается между отвесными утесами в левой стороне шоссе, высеченное в скале, напоминает corniche¹⁰⁸³ из Ниццы в Геную. Направо громадный утес, упавший с вершины горы в озеро. За ним Riva, городок на северной оконечности озера. Сообщение из Limone в Riva только по озеру на лодке. Оно с виду смирное, но при ветре особенно вспылчиво. Виргилий в «Георгиках» сказал о нем: «Fluctibus et fremitu adsurgens Benace marino»¹⁰⁸⁴. Римляне называли

¹⁰⁷⁹ Театр был основан в 1837 г. и в 1856 назван в честь актрисы Аделаиды Ристори.

¹⁰⁸⁰ James Hudson (1810–1885).

¹⁰⁸¹ «Чаявых» — франц.

¹⁰⁸² Церковь Santuario di Montecastello или Madonna della Stella.

¹⁰⁸³ «Дорога вдоль обрыва» — франц.; букв. «горный выступ, хребет».

¹⁰⁸⁴ «О Бенак, как море, вздымающий волны» (цит. по: Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М., 1979. Пер. С. В. Шервинского).

его: “Iacus Venacus”. Ночной переезд по горам из Ривы в *Rovereto* мимо озера Loppio¹⁰⁸⁵. Rovereto очень чистенький и большой город. Станция железной дороги.

25 мая утром. Чрез Трент в Ботцен или Bolzano. Готическая церковь и два сада. Приехали в Меран в шестом часу вечера.

Итальянские пароходы не ходят к австрийским берегам, а австрийские к итальянским. Подплывая на четырехвесельной лодке к Риве, нас порядочно подкачивало.

СТАТЬЯ, ОПУБЛИКОВАННАЯ В “GAZZETTA UFFICIALE DI VENEZIA” 2 ЯНВАРЯ 1864 г.¹⁰⁸⁶

Siamo abituati in Russia alla malevolenza della stampa francese, e ne facciamo poco conto. Le passioni, in generale, e precipuamente le passioni politiche, non odono, e per di più, non vogliono udire il linguaggio dell'imparzialità e della verità. Sarebbe dunque inutile confutare tutte le stravaganze, le maligne bassaggini e le calunnie, che i giornali si compiacciono d'ammonticchiare nelle loro colonne rispetto alla lotta deplorabile, che i Polacchi han fatto nascere, e che la Russia si vede a malincuore obbligata di combattere, s'ella non vuole abdicare e deporre a pie' degli insorti la sua dignità come Stato, e il suo onore come nazione. Ma v'hanno casi, in cui il silenzio del disprezzo, non è sufficiente, né è possibile. Il fatto seguente ne porge una prova: “*La Gazzetta di Mosca*” aveva pubblicato nel Numero di ottobre, la descrizione e il disegno di un pugnale avvelenato, vero strumento di *torture*, adoperato dai *gendarmi impiccatori*, guardia d'onore, istituita in Polonia dal sedicente Governo nazionale, ch'altro non è, in

¹⁰⁸⁵ Озеро Лоппио был почти полностью осушено в середине XX в.

¹⁰⁸⁶ Эта статья, переписанная Вяземским в записную книжку 1864 г. [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 86–87], в “*Gazzetta Ufficiale di Venezia*” опубликована без подписи, но в рукописи сопровождается пометкой: «Моя статья, опубликованная в *Gazzetta Ufficiale di Venezia* n. 1, за субботу, 2 января 1864 года». Конечно, маловероятно, что Вяземский написал статью в такой форме по-итальянски, мы не считаем, что он мог знать итальянский в таком совершенстве. Редактировать итальянский вариант ему мог помочь Н. Бароцци.

sostanza, se non il *Comitato di salute pubblica*. Di triste memoria; colla differenza che il Comitato rivoluzionario francese aveva il coraggio di mostrarsi in piena luce, mentre invece il Comitato pseudonimo e anonimo in Polonia si nasconde nell'ombra, e non ha al suo servizio se non *bravi* oscuri e poco esigenti; assoldati al prezzo d'una o due zwanziche al giorno.

“*L'Opinion Nationale*”, nel suo Numero del 16 novembre, riprodusse l'articolo russo; permettendosi una leggera modificazione nella traduzione, e segnatamente quella di porre nelle mani de' Russi l'arma adoperata dai polacchi, e di dire, rovesciando completamente il senso dell' articolo della “*Gazzetta di Mosca*”, che il Governo che armava i suoi agenti di simili pugnali avvelenati, era il Governo russo. Il giornalista francese ebbe di più l'imprudenza di congratularsi col giornalista russo pel coraggio, ch' egli ebbe di denunciare al pubblico quest' atto barbaro del suo Governo. Il sig. Katkoff compilatore della “*Gazzetta di Mosca*”, poco riconoscente a questo elogio del suo onorevole confratello, inviò a Parigi la procura richiesta, a fine d'intentare processo ne' Tribunali contro *l'Opinion Nationale*. Ignoriamo ancora l'esito di tale pratica.

Si ammette di buon grado in Russia la divergenza delle opinioni e delle simpatie e in ogni questione politica internazionale. Le simpatie per la causa politica possono essere un affare di convinzione, e possono essere tanto coscienziose e di buona fede, quanto quelle, che si palesavano favorevoli alla Russia. Ma la menzogna è sempre menzogna. E gli avvocati che si servono di codesti argomenti per difendere la loro causa, oltre all'essere colpevoli di fellonia, sono ancora inavvedutissimi. Ei disonorano e perdono, a vista della gente sensata e onorata, la causa, che assunsero di difendere.

<перевод>

Мы в России привыкли к недоброжелательному отношению французской прессы и мало обращаем на него внимание. Страсти, и в особенности страсти политические, не слышат и, более того, не хотят слышать слов беспристрастности и правды. Потому нет смысла опровергать все домыслы, злонамеренные глупости и клевету, самодовольно возводимые в газетных колонках по поводу печального противостояния, затеянного поляками, которое Россия вынуждена вести, если она не желает отречься и сложить к ногам восставших достоинство своего государства и честь своей нации. Однако в некоторых

случаях обойтись одним презрительным молчанием недостаточно и невозможно. Следующее происшествие служит тому доказательством: «Московские ведомости» в октябрьском номере обнародовали описание и рисунок отравленного кинжала, настоящего орудия пыток, которое используют жандармы-вешатели — почетная гвардия, учрежденная в Польше так называемым Национальным правительством, которое в сущности есть ничто иное, как печально известный *Комитет общественного спасения*; с той только разницей, что французский революционный Комитет не боялся показать себя при свете дня, в то время как скрывающийся за псевдонимом и анонимный Комитет в Польше прячется в тени и имеет в своем распоряжении только темных и нечистых на руку *bravi*¹⁰⁸⁷, нанятых за пару цванцигеров в день.

“L’Opinion Nationale” в номере от 16 ноября перепечатала русскую статью, однако позволила себе в переводе слегка изменить ее смысл, а именно: переложила оружие поляков в руки русским и, полностью исказив смысл статьи «Московских ведомостей», заявила, что именно русское правительство вооружало своих агентов отравленными кинжалами. Французскому журналисту даже хватило безрассудства похвалить русского журналиста за смелость, с которой он изобличил перед читателями эти варварские действия своего правительства. Господин Катков, редактор «Московских ведомостей», не слишком признательный за похвалу уважаемому собрату по цеху, направил запрос в Париж, чтобы начать судебное разбирательство против “L’Opinion Nationale”. Результат этого дела нам пока неизвестен.

Мы в России легко признаем расхождение мнений и симпатий по любым вопросам внешней политики. Симпатии в этом политическом вопросе могут быть основаны на убеждениях и могут быть столь же добросовестными и искренними, как и у тех, кто занял сторону России. Но ложь остается ложью. И адвокаты, которые прибегают к таким аргументам, чтобы защитить свою позицию, не только виноваты в подлоге, но и весьма неосмотрительны. С точки зрения людей здравомыслящих и наделенных честью, они позорят и проигрывают то дело, которое взяли защищать.

¹⁰⁸⁷ «Разбойники, наемные убийцы» — *итал.*

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОМУ ОТ ИТАЛЬЯНСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

ПИСЬМА МАССИМО Д'АДЗЕЛЬО

1. Массимо д'Адзельо — П. А. Вяземскому¹⁰⁸⁸.

*<Милан. 30 апреля 1835 г.>*¹⁰⁸⁹.

Jeudi.

Je vous écris de mon lit, où l'on m'a consigné, et où je me trouve bien contrarié d'un contretemps venu si mal à propos pour moi.

Quant à la visite que vous désirez faire à M. Manzoni, quand même je serais bien portant, ce serait avec un extrême regret que je devrais vous dire qu'elle ne serait pas possible en ce moment. Vous savez peut-être, Monsieur, que Manzoni est toujours assez souffrant et il se refuse constamment à tout ce qui peut le faire sortir de ses habitudes ordinaires. Il est bien pénible pour moi, je vous assure, de devoir répondre de cette manière à l'empressement des personnes qui veulent bien s'adresser à moi pour connaître Manzoni, et cette prière je la sens au double cette fois-ci, et je vous prie, Monsieur, de croire qu'avec la meilleure volonté il ne dépend pas de moi de faire ce que vous paraissez désirer, et ce que vous me demandez, avec de si bienveillantes expressions.

Agréez M. le Prince, les sentiments d'estime et de profond respect avec lesquels

J'ai l'honneur d'être

Votre dévoué et obéissant

Maxime Azeglio.

¹⁰⁸⁸ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5082. Л. 235.

¹⁰⁸⁹ Датируется по содержанию. Письмо адресовано "M.r le Prince Wiasemski, <Hôtel de> la Ville, n.4".

<перевод>

Четверг

Я пишу вам из постели, где мне предписано оставаться, и весьма раздосадован этой помехой, столь некстати для меня возникшей.

Что касается визита, который Вы желаете нанести г-ну Мандзони, я, хотя и приветствуя это желание, с большим сожалением вынужден сообщить вам, что это в настоящий момент невозможно. Вам, вероятно, известно, милостивый государь, что Мандзони все еще весьма нездоров и по-прежнему отказывается ото всего, что может заставить его изменить повседневным привычкам. Мне очень жаль, уверяю вас, отвечать подобным образом на просьбы людей, которые изволят обращаться ко мне, чтобы познакомиться с Мандзони, а в сем случае я вдвойне сочувствую этой просьбе, и я уверяю Вас, сударь, что при всем моем желании не от меня зависит исполнить то, чего вы желаете и о чем просите меня в столь любезных выражениях.

Примите, господин князь, мое глубочайшее уважение, с которым имею честь быть

Преданным и покорным Вам
Maxime Azeglio.

2. Массимо д'Адзельо — П. А. Вяземскому¹⁰⁹⁰.

*<Милан. 1 мая 1835 г.>*¹⁰⁹¹.

Vendredi

Une indisposition qui m'oblige à garder la chambre me met dans l'impossibilité, Monsieur, de Vous présenter mes hommages en personne. J'éprouve un bien vif regret d'être obligé de vous offrir des excuses au lieu de services; s'il vous arrivait pourtant de visiter encore notre ville, je nourris l'espoir d'être plus heureux alors.

Daignez agréer l'expression de la haute considération avec laquelle
J'ai l'honneur d'être

Votre Obéissant Serviteur
Maxime Azeglio.

¹⁰⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5082. Л. 236.

¹⁰⁹¹ Датируется по содержанию.

<перевод>

Пятница <1 мая 1835>

Нездоровье, вынуждающее меня соблюдать домашний режим, не позволяет мне, милостивый государь, лично засвидетельствовать Вам мое почтение. Горько сожалею я, что вынужден предлагать вам свои извинения вместо услуг; если Вам случится снова посетить наш город, надеюсь, что буду я более удачлив.

Примите мое глубокое почтение, с которым
имею честь оставаться

Вашим верным слугой
Maxime Azeglio.

ПИСЬМА ЛУИ ДЕЛАТРА-ЛАКУРА¹⁰⁹²

1. Луи Делатр-Лакур — П. А. Вяземскому.

<Рига. осень 1842 г.>¹⁰⁹³.

Mon Prince,
nous venons de publier, M. Pescantini et moi, un petit recueil intitulé *Au bord de la Baltique*, dans lequel vous trouverez différentes pièces qui Vous intéresseront particulièrement, telles que *mes ardeurs à S. Pétersbourg*, les vers à Liszt, la *Cataracte de la Narva* et enfin quelques chapitres d'un ouvrage sur la musique par M. Pescantini. Nous vous avons destiné six exemplaires de ce recueil, mais comme on ne peut guère compter sur l'exactitude de M. Hauer chez qui ils sont déposés, je crois que si vous voulez bien les accepter il faudra que Vous les fassiez réclamer.

M. Hauer demeure à la Perspective de Nevsky.

Nous serions heureux si vous vouliez bien distribuer les exemplaires que vous ne garderez pas à vos illustres amis M. Joukowski, Latinski et Ouvaroff.

¹⁰⁹² Л. М. Лакур-Делатр (1815–1893), французский литератор, долго жил в Италии.

¹⁰⁹³ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1827. Л. 1–2. Датируется по содержанию.

Je dois quitter Riga dans une quinzaine de jours, je serai à Paris vers le mois de décembre. Je ne manquerai pas d'aller trouver M. de Tolstoi et M. Marmier avec lesquels j'aurai le plaisir de m'entretenir de vous. M. Pescantini se rappelle à votre bon souvenir. Il va retrouver Liszt à Berlin.

Veillez présenter mes très humbles respects à Madame la Princesse Wiazemsky et agréer l'assurance de ma reconnaissance et de mon dévouement.

J'ai l'honneur d'être de votre Excellence le dévoué serviteur

L. Delâtre

P. S. Si vous voulez m'honorer de vos ordres veuillez m'écrire à Dresde où je ferai un court séjour avec M. Pescantini.

<перевод>

Князь,
мы с господином Пескантини¹⁰⁹⁴ недавно опубликовали небольшой сборник под названием *Au bord de la Baltique*¹⁰⁹⁵ (На берегу Балтики), где найдете вы различные сочинения, которые вас смогут особенно заинтересовать, такие как *мое восхищение С. Петербургом*¹⁰⁹⁶, стихотворения *Листу*¹⁰⁹⁷, *Нарвский водопад*¹⁰⁹⁸ и наконец несколько глав сочинения о музыке месть Пескантини. Мы отложили для Вас шесть экземпляров сборника, однако ввиду того, что нельзя совершенно надеяться на точность господина Гауэра, у которого они хранятся, полагаю, что если Вы желаете получить их, Вам придется послать за ними.

Г-н Гауэр проживает на Невском проспекте.

¹⁰⁹⁴ Федерико Пескантини (1802–1875), патриот из Романьи, эмигрировал во Францию, где стал редактором газеты “L'Exilé”.

¹⁰⁹⁵ Pescantini et Delâtre. *Au bord de la Baltique*; poésie et prose. Riga, 1842.

¹⁰⁹⁶ Вероятно, речь идет о переводе стихотворения Вяземского «Петербург» [ПСС: III, 157–160].

¹⁰⁹⁷ В архиве сохранился автограф перевода стихотворения Вяземского «Листу» — «переложено с русского из князя Вяземского» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5315. Брошюра 3]. См. текст: [ПСС: IV, 266].

¹⁰⁹⁸ В архиве также сохранился перевод «Нарвского водопада» [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5315. Брошюра 1, 2]; см. текст: [ПСС: III, 408–409].

Мы будем рады, если Вы разделите экземпляры, которые не пожелаете оставить у себя, между Вашими славными друзьями, господами Жуковским, Латинским¹⁰⁹⁹ и Уваровым¹¹⁰⁰.

Я должен покинуть Ригу через пару недель, к декабрю месяцу я буду в Париже. Я не премину навесить г-на Толстого¹¹⁰¹ и г-на Мармье¹¹⁰², с которыми я имел удовольствие беседовать у Вас.

Г-н Пескантини поручает себя вашему доброму воспоминанию. Он навесит Листа в Берлине¹¹⁰³.

Соблаговолите передать мое нижайшее почтение Госпоже Княгине Вяземской и уверения в моей признательности и преданности.

Честь имею быть преданным слугой Вашего сиятельства

Л. Делатр

P. S. Если вы желаете оказать мне честь своими приказаниями, извольте писать в Дрезден, где я ненадолго остановлюсь у месье Пескантини.

2. Луи Делатр-Лакур — П. А. Вяземскому¹¹⁰⁴.

<Париж, 26 февраля 1843 г.>

Mon Prince,

Vous avez dû être étonné de mon long silence après la promesse que je vous avais donnée de vous écrire dès mon arrivée à Paris. C'est que mon retour dans cette capitale qui devait avoir lieu dans les premiers jours de novembre dernier, a été retardé de plusieurs mois par des stations assez prolongées à Riga, à Berlin, à Dresde. Dans toutes ces villes j'ai reçu un

¹⁰⁹⁹ Мы не нашли сведений об этом лице, известен только врач Иван Григорьевич.

¹¹⁰⁰ Граф Сергей Семенович Уваров (1786–1855), член общества «Арзамас», с 1833 по 1849 гг. занимал пост министра народного просвещения.

¹¹⁰¹ Вероятно, Яков Николаевич Толстой (1791–1867), атташе русского посольства в Париже, литератор, член «Зеленой лампы» и декабристских обществ, потом агент русского правительства в Париже.

¹¹⁰² Ксавье Мармье (1809–1892), французский литератор, автор путевых заметок, близкий друг Тургенева, см. [ОА: IV, 140].

¹¹⁰³ Лист приехал в Россию в 1842 г., выступал с концертами в Петербурге и Москве, Вяземский познакомился с ним лично. На подарочном издании указана дата 3 (15) мая 1842 г.

¹¹⁰⁴ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1827. Л. 3–4.

accueil bienveillant et cordial et je ne m'en suis éloigné qu'à mon grand regret. Enfin, rentré dans ma ville natale, une de mes premières pensées a été de vous écrire; mais auparavant j'ai voulu voir vos amis (qui sont devenus les miens) MM. Marmier et de Tolstoy, avec lesquels j'ai eu le plaisir de causer de vous dans les termes que me dictait mon coeur.

L'intérêt que vous avez bien voulu prendre à mes travaux littéraires m'enhardit à vous entretenir d'une publication à laquelle je serai appelé à prendre part et qui, je le crois, est très digne de votre attention. C'est un journal fondé par notre célèbre éditeur M. Léon Curmer et ayant pour titre *Les Beaux Arts*. La politique en sera exclue, mais, en revanche, tous les arts, toutes les sciences, y auront droit de cité et y viendront imposer, discuter leurs intérêts et leurs théories. On y examinera leur origine, leur progrès et leur état actuel non seulement en France mais dans toute l'Europe. Nous avons déjà des correspondants dans toutes les capitales de l'Allemagne et de l'Italie, mais nous désirerions en trouver un aussi à S. Pétersbourg. Votre pays offre souvent des faits importants que la presse parisienne néglige et dont nous voudrions instruire nos lecteurs. La Russie aussi a eu et a encore des artistes distingués: témoins, les Jegoroff, les Brulow, les Orłowski, mais leurs ouvrages et leurs noms mêmes sont ignorés chez nous. Vous possédez des monuments remarquables, des collections de tableaux en chefs d'œuvre dont nos voyageurs ne nous ont jamais parlé et dont nous aimerions nous procurer une description raisonnée. Personne mieux que vous ne pourrait s'acquitter de cette tâche difficile et nous osons espérer que vous voudrez bien l'assurer si non en totalité du moins en partie et que Vous nous autoriserez à vous inscrire sur la liste de nos correspondants étrangers, où figurent déjà les noms de MM. Varnhagen von Ense, Börne, Rückert, Manzoni etc.

Dès que le premier numéro des *Beaux Arts* aura paru nous vous en enverrons un exemplaire avec prière de le montrer et de le recommander à vos amis. Nous avons aussi l'intention de faire hommage d'un exemplaire de notre Revue à S. M. L'Empereur.

Le recueil de mes poésies paraîtra vers la même époque que les *Beaux Arts* et peut-être le recevrez-Vous en même temps.

Veuillez me rappeler au souvenir de Madame la Princesse de Wiasemsky et lui présenter mes respectueux hommages.

En attendant que vous veuillez bien nous honorer d'une réponse, permettez-moi de Vous renouveler l'assurance du profond respect avec lequel J'ai l'honneur d'être, Mon Prince,

Votre très humble et très affectionné serviteur

Louis Delâtre

49, Rue Richelieu chez M. Curmer

<перевод>

Князь,

Вас должно было удивить мое долгое молчание после обещания писать вам сразу после прибытия в Париж. Дело в том, что мое возвращение в эту столицу, которое должно было состояться в начале ноября, запоздало на несколько месяцев из-за длительных остановок в Риге, Берлине, Дрездене. Во всех этих городах ожидал меня доброжелательный и сердечный прием, и я с сожалением покидал их. По возвращении, наконец, в родной город, одной из первых моих мыслей было написать Вам; но прежде желал я повидать Ваших друзей (которые сделались и моими), гг. Мармье и Толстого, с которыми я имел удовольствие беседовать о Вас в выражениях, которые подсказывало мне сердце.

Интерес, который Вы изволили выказать к моим литературным трудам, придает мне смелости привлечь Вас к изданию, в котором я призван принять участие и которое, полагаю, весьма достойно вашего внимания. Это журнал, основанный нашим знаменитым издателем, господином Леоном Кюрмером, именуемый "Les Beaux Arts" («Изящные искусства»). Политика будет исключена из него, но взамен все искусства, все науки займут в нем по праву свое место и соберутся в нем, чтобы заявить о себе, выставить на суд свои интересы и свои теории. В нем будут рассматриваться их происхождение, их развитие и их текущее состояние не только во Франции, но и во всей Европе. У нас уже есть корреспонденты во всех столицах от Германии до Италии, но мы хотели бы найти такового и в Санкт-Петербурге. Ваша страна часто предлагает важные темы, которые парижская пресса игнорирует и относительно которых мы хотели бы просветить наших

читателей. Также в России были и сейчас еще имеются видные художники: например, Егоров¹¹⁰⁵, Брюллов, Орловский, но их произведения и даже их имена у нас неизвестны. Вы обладаете замечательными памятниками, коллекциями шедевров живописи, о которых наши путешественники никогда не сообщали, и детальное описание которых мы желали бы получить. Никто лучше вас не может справиться с этим сложным заданием, и мы осмеливаемся надеяться, что Вы сможете его исполнить если не полностью, то хотя бы отчасти, и что Вы позволите включить Вас в список иностранных корреспондентов, который включает уже имена господ Фарнхагена фон Энзе¹¹⁰⁶, Бёрне¹¹⁰⁷, Рюкерта¹¹⁰⁸, Мандзони и т. д.

Как только появится первый номер “Beaux Arts”, мы пришлем вам экземпляр с просьбой представить его и рекомендовать вашим друзьям. Мы также намереваемся преподнести один экземпляр нашего журнала в дар Его Величеству Императору.

Сборник моих стихов появится в то же время, что и “Beaux Arts” и, возможно, вы получите его одновременно.

Извольте напомнить обо мне княгине Вяземской и передать ей выражения моего глубокого почтения.

Ожидая, когда Вы почтите нас ответом, позвольте вновь заверить Вас в моем глубоком уважении, с которым

имею честь быть, мой князь,

Вашим покорнейшим и верным слугой

Луи Делатр

Рю Ришелье, 49, у г-на Кюрмера¹¹⁰⁹

¹¹⁰⁵ Вероятно, Алексей Егорович Егоров (1776–1851), профессор живописи.

¹¹⁰⁶ Карл Август Фарнхаген фон Энзе (1785–1858), немецкий писатель и дипломат.

¹¹⁰⁷ Карл Людвиг Бёрне (1786–1837), немецкий литератор и публицист.

¹¹⁰⁸ Фридрих Рюкерт (1788–1866), поэт и востоковед.

¹¹⁰⁹ Анри Леон Кюрмер (1801–1870), издатель и писатель; на протяжении трех лет издавал “Beaux Arts”, однако сотрудничество с Вяземским и другими русскими, упомянутыми Делатром, не состоялось.

ПИСЬМО Ж. КРЕШЕНИ¹¹¹⁰Ж. Крешини — П. А. Вяземскому¹¹¹¹.*<Падуя. 22 декабря 1843>.*

A Son Excellence

Monsieur le Prince Wiasemsky – St. Pétersburg.

Monsieur le Prince,

Peut-être n'aurez-vous pas tout à fait effacé de la mémoire, Monsieur le Prince, cette Adèle qui en 1837 eut plusieurs fois l'honneur de chanter à la Cour de Russie, et que j'ai eu le malheur de perdre une année après dans un village près de Kieff. Je me rappelle bien moi, son mari, et n'oublierai jamais toutes les bontés dont Vous daignâtes nous combler tous les deux; c'est pourquoi j'ose me présenter à Vous, Monsieur le Prince, pour vous supplier d'une faveur particulière. Après bien des vicissitudes je retournai en Italie, et me fixai à Padoue, lieu de ma naissance, ville antique et renommée par civilité et sciences, où une société de professeurs de cette célèbre Université, et d'hommes savants se détermina de publier un nouveau Journal de sciences, lettres et beaux-arts. Mais pour le rendre plus varié et plus intéressant que ceux qui ont déjà été mis au jour en Italie, il fut décidé qu'on y joindrait un Supplément étranger où l'on ferait un recueil de la fleur des sublimes génies étrangers, dont les productions, par les difficultés de la distance, ne parviennent que très rarement jusqu'à nous.

C'est donc pour atteindre ce but qu'en ma qualité d'éditeur j'ai adressé quelques lettres urgentes aux lettrés étrangers les plus distingués, et je ne pouvais certainement pas oublier Votre illustre nom, Monsieur le Prince, que j'ai toujours entendu célébrer en Russie, et à juste titre, comme celui du premier écrivain et poète du Nord.

Quelle que soit la composition (prose ou vers) que Vous daignez m'accorder, elle sera imprimée en quelle langue que ce soit conforme à

¹¹¹⁰ Жакопо Крешини (1798–1848), писатель и типограф; с 1844 по 1848 гг. был издателем журнала "L'Euganeo", а с 1846 по 1848 сотрудничал в издании "Caffè Pedrocchi" («Кафе Педрокки»).

¹¹¹¹ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2111. Л. 1–2. На бланке "Journal Euganeo – Sciences, lettres, beaux-arts, variétés et Supplément étranger" («Журнал Эуганео — Науки, словесность, искусства, разное и Иностранное приложение»).

l'original, et, si Vous le permettez (sic), elle sera ensuite religieusement traduite par un distingué écrivain d'Italie.

La même faveur que je réclame de Votre bonté, Monsieur le Prince, je la demande aussi à S. Altesse Monsieur le Prince Grégoire Wolkonsky qui Vous fera parvenir la présente, ainsi que le programme du nouveau Journal. J'ose espérer qu'avec l'aide de deux si illustres Personnages de pouvoir être honoré de quelques écrits; et ce serait très utile, par exemple, la description de quelques fêtes sacrées, nationales, etc., etc., une revue de tous les ouvrages les plus importants qu'on publie à St. Pétersbourg et à Moscou; enfin tout ce qu'il peut y avoir de plus varié et de plus intéressant.

De cette manière le nouveau Journal italien peut devenir le centre d'une coalition littéraire, et resserrer en une seule famille les Génies des Nations les plus cultivées, parmi lesquelles, et à bon droit, resplendit dans ce siècle l'Empire de la Russie.

J'ai l'honneur d'être avec un profond respect
de Votre Excellence, Monsieur le Prince,
très humble et très obéissant serviteur

Jacques Crescini

<перевод>

Его сиятельству
князю Вяземскому — Санкт-Петербург.

Князь,
Возможно, Вы не стерли совсем из своей памяти, господин князь, ту Адель¹¹¹², которая в 1837 году многократно имела честь петь перед русским двором, и которой я, к несчастью, лишился год спустя в деревне неподалеку от Киева. Я, ее муж, помню и никогда не забуду той заботы, которой Вы изволили окружить нас обоих; именно поэтому я дерзаю обратиться к Вам, господин князь, чтобы просить Вас об особой милости.

¹¹¹² А. Крешини, урожденная Менегини, умерла 26 марта 1838 г. в деревушке Толиголово в шестистах верстах от Москвы («Gazzetta di Venezia» от 24 апреля 1838). Вероятно, была довольно молода, так как в некрологе о ней сказано «во цвете лет». В Остафьевском архиве сохранилось два письма Адели: одно без даты из Москвы, второе от 2 декабря 1837 г., незадолго до ее отъезда из России. Из письма следует, что она была знакома с Вильегорскими, Долли Фикельмон, Булгаковым и другими друзьями Вяземского.

После многих перипетий вернулся я в Италию и поселился в Падуге, на родине, в старинном городе, известным цивилизованностью и науками, где общество профессоров знаменитого университета и ученых мужей решило издавать новый журнал о науках, литературе и искусствах. Но дабы сделать его более разнообразным и более интересным, чем те, что уже существуют в Италии, было решено присовокупить к нему *Иностранное приложение*, где будет собран цвет иностранных талантов, произведения которых, по причине расстояний, крайне редко достигают нас.

Чтобы достичь этой цели, я в качестве редактора направил несколько срочных писем к виднейшим иностранным литераторам и, конечно, не мог забыть Ваше славное имя, господин князь, похвалы которому я всегда слышал в России, и по заслугам, как первому писателю и поэту Севера.

Какое бы произведение (прозу или стихи) вы ни изволили мне предложить, оно будет напечатано на том языке, который будет соответствовать оригиналу, и, если Вы позволите (*sic*), затем бережно будет переведено каким-либо выдающимся писателем Италии.

О той же милости, которой я прошу от Вашей доброты, господин князь, я прошу также у его светлости господина князя Григория Волконского, который передаст Вам настоящее письмо вместе с программой нового журнала. Смее надеяться, что при поддержке двух столь знаменитых людей я буду иметь честь получить несколько сочинений; и было бы очень полезно, например, иметь описание религиозных или национальных праздников, и т. д., и т. п., обзор всех наиболее значимых изданий, публикуемых в Санкт-Петербурге и в Москве; наконец, всего, что может быть самого разнообразного и интересного.

Таким образом, новый итальянский журнал сможет стать центром литературной коалиции и собрать в единую семью гениев самых культурных наций, среди которых с полным правом сияет в этом веке Российская империя.

Имею честь быть с глубоким уважением
Вашего сиятельства, господина князя,
нижайшим и покорным слугой

Жак Крешини

ПИСЬМА ДЖ. Ф. БАРУФФИ¹¹¹³

1. Дж. Ф. Баруффи — П. А. Вяземскому¹¹¹⁴.

<С. Петербург. 2 октября 1839 г.>¹¹¹⁵.

Hôtel de Paris n. 34
mercoledì alle 9 di mattina

Eccellenza,

Reduce or ora dalla mia rapida visitina all'antica necropoli degli Czar, e desiderando profittare del tempo utile per tornarmene al dovere in Torino, oso pregarla a volermi far tenere quanto prima le sarà possibile, quei brevissimi cenni sulla presente letteratura russa che Ella mi promise con tanta cortesia, avvertendo di segnare con un asterisco ad esempio od altro segno, quelle cose che Ella crederà aver io saputo vagamente da altra sorgente, giacché userò il massimo scrupolo. La ringrazio di questo ed altri favori ricevuti: Le sue letterine furono consegnate, la prima al Signor Direttore generale delle poste con cui ho scambiato una sola parola per la scala, essendo egli occupatissimo; e l'altra a quella Signorina che mi fu detto essere una specie di Corinna, e che mi duole infinitamente di non aver mai trovato in casa, le sarà consegnata dalla famiglia Brandenbourg che la conosce da vicino.

Oso pregarla per giunta, e perdoni questa mia indiscrezione, di compiacersi di far tenere il qui acchiuso bigliettino dal Sig[no]r Professore Fischer del giardino botanico, giacché egli stesso me ne incaricò nella mia partenza per Mosca. Mi perdoni tanti disturbi, ne accusi la sua sola bontà, perciò mi comandi per Torino, e mi creda di tutto cuore

Della Eccellenza Vostra devotissimo ed affezionatissimo servitore

G. F. Baruffi.

P. S.: spero partire sabato per Lübeck.

¹¹¹³ Джузеппе Франческо Баруффи (1801–1875), писатель, натуралист, популяризатор науки. Знакомый Сильвио Пеллико.

¹¹¹⁴ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5082. Л. 224.

¹¹¹⁵ На пачке писем, некоторые из которых приведены ниже, имеется собственноручная заметка Вяземского: «Три письма Баруффи, одно написано из Петербурга в 1840». Князь, очевидно, ошибся, так как Баруффи был в Петербурге в 1839 г.

<перевод>

Ваше сиятельство,

Едва вернувшись после краткого посещения старинного царского некрополя и желая с пользой распорядиться временем на обратном пути к моим обязанностям в Турине, решаюсь просить Вас соблаговолить передать мне, сколь возможно скорее, кратчайшее описание современной русской литературы, которое Ваше сиятельство обещали мне столь любезно, и прошу пометить к примеру астериском или другим знаком те места, которые, по Вашему разумению, могут мне быть отдаленно известны из другого источника; затем что я приложу к делу всяческое тщание.

Благодарю Вас за эту и другие Ваши любезности: Ваши письма были переданы, — первое господину почт-директору, с которым мне удалось только обменяться двумя словами на лестнице, поскольку он был чрезвычайно занят¹¹¹⁶; а второе — той синьорине, о которой мне рассказали, что она своего рода Коринна, и которую к моему бесконечному огорчению мне ни разу не удалось застать дома, — письмо ей передаст семья Бранденбург, близко ей знакомая.

Осмеливаюсь просить Вас сверх того и прошу простить мою бесцеремонность, соблаговолить принять приложенную к письму записку от господина профессора Фишера¹¹¹⁷ из ботанического сада, которую он поручил передать, когда я отправлялся в Москву. Простите мне все эти хлопоты, виною тому лишь Ваша доброта, поэтому распоряжайтесь мной в Турине и примите сердечные уверения в том, что я остаюсь

покорным и верным слугой вашей светлости,

Дж. Ф. Баруффи.

P. S: в субботу я надеюсь отправиться в Любек.

¹¹¹⁶ А. Я. Булгаков.

¹¹¹⁷ Вероятно, Александр Григорьевич Фишер фон Вальдгейм (1803–1884), профессор естественных наук Московского университета и президент ботанического общества.

2. Дж. Ф. Баруффи — П. А. Вяземскому¹¹¹⁸.

Torino 1840 aprile 9

Eccellenza,
memore delle gentili accoglienze ricevute nello scorso autunno dalla S. V. graziosissima, godo con vero piacere della favorevole occasione in cui il Signor D'Oliveira, ministro Brasiliano presso la Corte Imperiale di S. Pietroburgo, viene a stabilirsi in questa metropoli, per richiamarmi alla sua preziosa memoria e presentarle i miei rispetti.

Il Signor D'Oliveira, a parte il suo posto eminente, è persona dotta che desidera conoscere di presenza i letterati e scienziati che onorano il nome russo. E benché io non abbia l'onore di conoscerlo che per riflesso del mio illustre concittadino il sommo geometra Signor Commendatore Plana, credo che la E. V. amerà farne la personale conoscenza. Profitterò con piacere della prima occasione che mi si presenterà per farle tenere alcune copie della seconda lettera della mia Pellegrinazione, ossia rapida visita alle due metropoli dell'Impero russo. Per pura negligenza dello stampatore, non mi sarà fatto averne alcune copie che tra pochi giorni, eppure con mio dispiacere non ho ancora potuto soddisfare prima d'ora a questo dovere.

Vedrà in essa, che non ho dimenticato il principe Wiasemski e quella sua stupenda descrizione dell'incendio ecc. non meno che la Signora Paulof, e il signor Tourgueneff ecc. e spero che in complesso i russi non dovranno essere malcontenti della mia breve visitina, benchè abbia procurato di essere vero ed imparziale.

Silvio Pellico fu molto lieto della bella accoglienza che volle farmi la V. E. e si compiacque molto del breve articolo del celebre Pouskine, di cui ella mi parlò, benché io sia ripartito dalla Russia privo di quel prezioso documento.

Favorisca accettare i saluti del Signor Silvio, il quale è appena medio-cormente in salute. Per me poi la prego specialmente a conservarmi nel numero dei suoi ammiratori, aspettando con viva impazienza qualche lieta occasione, in cui possa mostrarle col fatto la mia stima e riconoscenza.

Oso sperare dalla sua somma gentilezza che non vorrà dimenticarmi presso quelle cortesissime persone che ho avuto specialmente la sorte

¹¹¹⁸ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5082. Л. 225.

di conoscere presso della E. V.: il Signor Tourgueneff, Consigliere Fischer, Conte di Maistre ecc. ecc. e il ... Conte di Montalto, Segretario della Legazione Sarda.

Ho l'onore di protestarmi con ossequiosa considerazione della E. V. Devotissimo ed obbligatissimo servitore

G. F. Baruffi

<перевод>

Турин. 9 апреля 1840 г.

Ваше сиятельство,
Памятуя о любезном приеме, оказанном мне прошлой осенью вашей светлостью, с удовольствием пользуюсь возможностью, представившейся в связи с тем, что господин Д'Оливейра¹¹¹⁹, бразильский представитель при императорском дворе в Санкт-Петербурге, переезжает в эту столицу, чтобы поручить себя Вашему драгоценнейшему воспоминанию и засвидетельствовать Вам свое почтение.

Господин Д'Оливейра, помимо своего высокого положения, — ученый человек, желающий лично узнать литераторов и ученых, которые делают честь имени русских. И хотя я удостоился знать его только через моего знаменитого соотечественника и выдающегося представителя точных наук господина командора Плана, полагаю, что Ваше сиятельство пожелает познакомиться с ним лично. Я с удовольствием воспользуюсь первой же возможностью, чтобы предоставить Вам несколько копий второго письма о моем странствовании¹¹²⁰, то есть о моем кратком посещении двух столиц Российской империи. По нерадению типографа лишь через несколько дней получу я несколько экземпляров, и все же к моему неудовольствию я до сих пор не смог исполнить этот долг.

¹¹¹⁹ Кандидо Батиста де Оливейра (1801–1865), профессор бразильской военной школы; политик и дипломат, с 1832 по 1835 г. был полномочным министром на Сардинии, а позднее — министром иностранных дел.

¹¹²⁰ Баруффи издал ряд путевых заметок, включающих рассказ о его пребывании в Москве и Петербурге [Baruffi 1841–1843]. В них упоминается также Вяземский.

Вы убедитесь, читая заметки, что я не забыл князя Вяземского и его великолепное описание пожара и пр.¹¹²¹, как и госпожу Павлову¹¹²² и господина Тургенева и т. п., и надеюсь что в целом русских не должен огорчить мой краткий визит, хотя я старался быть правдивым и непредвзятым.

Сильвио Пеллико был очень рад прекрасному приему, который изволило мне оказать Ваше сиятельство, и выразил удовольствие по поводу краткой статьи знаменитого Пушкина¹¹²³, о которой Вы изволили мне сообщить, хотя я уехал из России, не имея при себе этого драгоценного документа.

Благоволите принять приветствия синьора Сильвио, здоровье которого едва можно назвать удовлетворительным. Что касается меня, то я особо прошу включить меня в число Ваших почитателей и ожидаю с нетерпением какого-нибудь счастливого случая, при котором смогу доказать Вам на деле мое уважение и признательность.

Осмеливаюсь надеяться, что Вы в своей утонченной любезности не забудете обо мне, беседуя с учтивыми людьми, которых мне выпала удача встретить в Вашем доме: с господином Тургеневым; канцлером Фишером, графом де Местром и т. д., и т. п. и графом Монтальто, секретарем миссии Королевства Сардинии.

Примите уверения в почтительном уважении, Вашего сиятельства покорнейший слуга

Дж. Ф. Баруффи.

¹¹²¹ Имеется в виду статья Вяземского: "Incendie du Palais d'Hiver" в "Gazette de France" 18 fev. 1838 [Vjazemskij 1838].

¹¹²² Каролина Карловна Павлова (1807–1893), урожденная Яниш, жена писателя Н. Ф. Павлова (1805–1864), рассталась с ним в 1852 г. и уехала из России, с 1861 г. жила в Дрездене. Павлова была талантливой поэтессой и переводчицей. Баруффи получил в подарок ее сборник "Les Préludes", опубликованный в 1839 г. в Париже, куда вошли переводы из Жуковского, Языкова, Баратынского, Дельвига. В 1830 г. Вяземский написал стихотворение «В альбом Каролине Карловне Яниш» [ПСС: IV, 90–91].

¹¹²³ Речь идет о предисловии, написанном Пушкиным в 1836 г. к новому русскому переводу «Об обязанностях человека» и опубликованном тогда же в третьем томе «Современника».

3. Дж. Ф. Баруффи — П. А. Вяземскому¹¹²⁴.

Torino il 15 agosto 1840

Eccellenza,

Ho dovuto tardare finora a spedirle il qui unito volumetto intorno alla mia breve visitina alle due metropoli dell'Impero russo, e ciò non avendo mai trovato un sicuro ricapito. Prego la S. V. a voler ritenere per sé uno dei due volumetti qui uniti, e compiacersi di far rimettere l'altro al Sig.r Dottore Florio, medico in capo del nuovo ospedale militare che ella conosce.

Certamente che la descrizione del mio viaggio è un po' superficiale e naturalmente inesatta, ignorando io la lingua russa, ed avendo specialmente avuto pochissimo tempo e pochi mezzi a mia disposizione. Ma la E. V. è indulgente per un piccolo viaggiatore pari mio, che è obbligato a vedere le cose correndo. Spero che la S. V. non avrà a male di trovarsi citata qualche volta in questo mio opuscolo (molto sparso in Italia), e la prego di volermi pure fare presente ai Sig.ri Conte de Maistre, di Tourgueneff, Fischer, Valerio ecc. ecc., i cui nomi sono pure citati con onore, unitamente a quello della gentile poetessa Moscovita la Signora Pauloff di cui ho notato le opere datemi dal Sig.r Tourgueneff. Se la E. V. mi indica qualche sicura favorevole occasione, potrei ancora spedirLe altre copie, unitamente alle descrizioni degli altri miei viaggi che si stanno appunto ristampando in Torino nel momento, e che fanno seguito a questo di Russia. Io spero sempre di poterla vedere in Torino con una parte almeno di sua famiglia; e perché non nel prossimo settembre in cui si adunano in Torino i dotti italiani e parecchi stranieri a concilio scientifico? Forse avrà ella ricevuto un mio bigliettino di saluto, mesi sono, da un ministro americano venuto in Pietroburgo.

L'amico Pellico che sta mediocrement bene di salute m'incarica di riverirla distintamente.

Lietissimo della presente graziosa occasione in cui mi è dato di richiamarmi alla sua preziosa memoria, la prego a non dimenticarmi, e favorirmi se mi crederà tanto felice di poterla servire, di qualche suo

¹¹²⁴ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5082. Л. 226–227.

comando, mentre godo dell'onore singolare di potermi rinnovare pieno la mente e il cuore della più alta stima e rispetto.

Della Eccellenza Vostra devotissimo e obbligatissimo servitore

G. F. Baruffi, professore di filosofia nella R. Università di Torino

<перевод>

Турин, 15 августа 1840

Ваше сиятельство,

Мне пришлось откладывать до сих пор отправку книжицы о моем коротком посещении двух столиц Российской империи, не имея надежного адреса доставки. Прошу Ваше сиятельство сообразоваться оставить у себя один из двух экземпляров, приложенных к письму, и передать второй синьору доктору Флорио¹¹²⁵, главному врачу нового военного госпиталя, известному Вам.

Конечно, описание моего путешествия несколько поверхностно и естественно грешит неточностями, поскольку я не знаю русского языка, и в особенности потому, что в распоряжении у меня было совсем немного времени и немного средств. Но Ваше сиятельство будет снисходителен к рядовому путешественнику вроде меня, вынужденному все осматривать на бегу. Надеюсь, Ваше сиятельство не будет сердиться, что я иногда ссылаюсь на Вас в этом сочинении (весьма распространенном в Италии), и прошу изволить напомнить обо мне господам графу де Местру, Тургеневу, Фишеру, Валерио¹¹²⁶ и т. д., и т. п., чьи имена также упомянуты с уважением, а также и любезной московской поэтессе госпоже Павловой, сочинения которой, переданные мне г-ном Тургеневым, я особо отметил. Если Ваше сиятельство изволит указать мне какую-либо надежную оказию, я мог бы отправить еще экземпляры, вместе с описанием других моих путешествий, которые сейчас печатаются в Турине и которые состоялись после России.

¹¹²⁵ П. Флорио с 1810 г. был на русской службе и хорошо знал Вяземского с варшавских времен. В 1842 г. он приехал в Турин и привез с собой письмо Вяземского для С. Пеллико и для Баруффи.

¹¹²⁶ Ф. Валерио, автор итальянской грамматики. См. ч. II, гл. I.

Я по-прежнему надеюсь увидеть Вас в Турине по крайней мере с частью Вашей семьи; почему бы не в нынешнем сентябре, когда в Турине собираются итальянские ученые и многие иностранцы на научное совещание? Возможно, Вы получили мою приветственную записку несколько месяцев назад через американского министра, прибывшего в Петербург.

Друг Пеллико, здоровье которого относительно благополучно, поручил мне передать Вам свое нижайшее почтение.

Счастливым нынешним удобным случаем, чтобы напомнить Вам о себе, прошу Вас не забывать меня и, если пожелаете, оказать мне счастье быть Вам полезным каким-либо поручением, в то время как я наслаждаюсь особой честью вновь наполнить ум и сердце глубоким почтением и уважением к Вам.

Преданнейший и покорнейший слуга Вашего сиятельства,

Дж. Ф. Баруффи, профессор философии в Королевском
университете Турина

4. Дж. Ф. Баруффи — П. А. Вяземскому¹¹²⁷.

Tourin, le 22 mai '59

Mon excellent et cher Monsieur le Prince!
Votre aimable lettre datée de Nice le 1 (13) mai, m'est arrivée le 20 à Turin, et je m'empresse d'y répondre, car je vois que ma réponse vous retrouvera déjà peut-être à Stuttgart. Je Vous remercie donc d'abord beaucoup pour vos bonnes expressions à mon égard et pour le précieux portrait que je garderai dans le trésor de mes correspondances et souvenirs de voyages. Vous avez été si bon pour moi à St. Pétersbourg, que je ne puis pas oublier votre aimable accueil et je regrette bien vivement que ma petite position sociale ne m'ait pas accordé de Vous témoigner mieux ma reconnaissance lors de Votre passage par Turin.

J'espère bien d'aller Vous faire une visite à St. Pétersbourg quand le chemin de fer reliera votre grande capitale à l'Europe. Monsieur l'architecte Cavos m'a écrit dernièrement que cette route sera terminée dans deux ans.

¹¹²⁷ РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1409. Л. 1.

Les personnes que Vous avez vues à Turin en passant, MM. les Sénateurs Plana, Mosca et Sauli, m'ont demandé de vos nouvelles, car ils désiraient vous faire une visite à votre hôtel. J'ai aussi vu le professeur Melegari au quel j'ai annoncé votre passage en Piémont. M. Melegari regrette aussi de ne Vous avoir vu à Turin. J'espère, et je Vous le souhaite de grand cœur, que votre repos actuel vous fera du bien et vous procurera une suite d'années longues et gaies, au milieu de votre aimable et chère famille. Puissiez-vous embrasser les fils de vos fils et leurs enfants! *Et nati natorum et qui nascentur ab illis!* Je suis donc sûr que Vous m'attendrez dans votre patrie, car Vous êtes encore bien éloigné du bel âge de Votre illustre ami Humboldt. Vous me recommandez de vous adresser ma lettre à M.r le Ministre Titoff. J'ai connu un M.r Titoff Ministre à Constantinople en 1841 ou en 1846, car j'ai visité deux fois la Capitale de la Turquie, avec M.r Tecco, Ministre Sarde. Je me rappelle que ce jeune Ministre russe m'a accueilli parfaitement dans sa villa sur le Bosphore, et que nous avons causé sur la physique etc. etc. Si votre digne compatriote et ami se rappelle encore, par un heureux hasard, de ma pauvre personne, j'ose Vous prier, mon Prince, de lui présenter mes respects.

Vous connaissez notre état actuel et le bruit des premiers chocs de nos armées est arrivé sans doute à vos oreilles. On ne peut pas prévoir l'issue de ce grand drame, la liberté peut-être en profitera, mais l'humanité devra tristement en gémir. Puisse cette sanglante période être rapide et courte, et la paix succéder enfin à ces scènes de barbarie! Depuis plusieurs siècles la raison a purgé du jugement de Dieu le règlement des querelles privées; quand donc verrons-nous la politique internationale monter pour le bon sens et l'humanité, au niveau de sa simple jurisprudence!...

Quand on a le bonheur de se rencontrer quelquefois avec des personnes si riches d'esprit et de cœur comme Vous, mon Prince, on se laisse aller librement aux expansions et il paraît qu'on se retrempe...

Agréez, Monsieur le Prince, l'expression des sentiments les plus dévoués de votre humble et affectionné serviteur.

G. F. Baruffi

<перевод>

Турин. 22 мая 1859.

Мой превосходный и дорогой князь!

Ваше любезное письмо, отправленное из Ниццы 1 (13) мая, прибыло ко мне 20 числа в Турин, и я спешу ответить на него, так как вижу, что мой ответ застанет вас, возможно, уже в Штутгарте. Я прежде всего благодарю Вас за добрые выражения в мой адрес и за драгоценный портрет, который я сохраню среди ценнейших писем и памятных вещей из моих путешествий. Вы были так добры ко мне в Санкт-Петербурге, что я не могу забыть Ваш дружеский прием и сожалею, что мое невысокое общественное положение не позволило мне лучше засвидетельствовать Вам мое почтение в период Вашего пребывания в Турине.

Я очень надеюсь навестить Вас в Санкт-Петербурге, когда железная дорога соединит Вашу великую столицу с Европой. Господин архитектор Кавос¹¹²⁸ недавно писал мне, что эта дорога будет достроена через два года. Лица, которых Вы видели проездом в Турине, господа сенаторы Плана, Моска и Саули, спрашивали меня о Вас, так как они желали навестить Вас в отеле. Я также встречался с профессором Мелегари, которого я предупредил о Вашем визите в Пьемонт. Месье Мелегари тоже весьма жалеет, что не увиделся с Вами в Турине. Я надеюсь и желаю Вам от всего сердца, чтобы Ваш нынешний отдых был благотворен и обеспечил Вам череду долгих и радостных лет в кругу Вашей любезной и дорогой семьи. Желаю, чтобы Вы смогли обнять детей Ваших детей и их потомство! *Et nati natorum et qui nascentur ab illis!*¹¹²⁹ Я уверен, что Вы будете ждать меня у себя на родине, ведь Вы еще далеки от почтенного возраста Вашего прославленного друга Гумбольдта¹¹³⁰. Вы рекомендуете адресовать Вам мое письмо господину министру Титову¹¹³¹. Я познакомился с господином

¹¹²⁸ Альберто Кавос (1801–1863) — знаменитый архитектор русских театров в царствование Николая I и Александра II, академик архитектуры.

¹¹²⁹ «И дети детей, и те, кто родится от них» — лат.

¹¹³⁰ Александр фон Гумбольдт (1769–1859) — путешественник и ученый.

¹¹³¹ Владимир Павлович Титов (1807–1891) — дипломат, долгие годы служил полномочным министром в Константинополе, а затем в Вюртемберге. Позднее занял высокий

Титовым, министром в Константинополе, в 1841 или 1846 году, поскольку я дважды посещал столицу Турции с г-ном Текко¹¹³², министром Сардинского королевства. Я помню, что этот молодой русский посол превосходно принимал меня на своей вилле на Босфоре, и что мы беседовали о физике и т. д., и т. п. Если Ваш достойный соотечественник по счастливой случайности помнит о моей ничтожной персоне, осмелюсь просить Вас, мой князь, передать ему мое почтение.

Вы знаете наше нынешнее положение, и гул первых залпов наших орудий наверняка достиг ваших ушей. Невозможно предвидеть развязку этой большой драмы, возможно, свободе это будет на пользу, но человечеству, к несчастью, придется страдать. Пусть этот кровавый период будет быстрым и коротким, и мир наконец придет на смену этим сценам варварства! Вот уже много веков разум обходится без Божьего суда в разрешении частных споров; когда же, наконец, увидим мы международную политику, которая стремится к здоровому смыслу и человечности, к уровню простой юриспруденции!..

Когда имеешь счастье изредка встречаться с людьми, столь одаренными умом и сердцем, как Вы, мой князь, свободно пускаешься в откровенность, и это словно придает сил...

Извольте принять, мой князь, выражение самых преданных чувств от Вашего покорного и верного слуги

Дж. Ф. Баруффи

правительственный пост. Вяземский ближе познакомился с Титовым во время своего пребывания в Константинополе, в 1849 и 1850 гг. адресовал ему стихотворения ко дню рождения [ПСС: IV, 346, 358–359].

¹¹³² Р. Текко (1802–1867) — дипломат, долго жил на Востоке, занимал пост полномочного министра Сардинского королевства в Константинополе; в 1856 г. был послом в Мадриде, а в 1863 отправлен на покой; знаток языков, изучал аналогии между баскским и восточными языками.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ХРОНОЛОГИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ П. А. ВЯЗЕМСКОГО ПО ИТАЛИИ

ПУТЕШЕСТВИЕ 1834–1835 гг.

11 (23) августа – Вся семья Вяземских с двумя женщинами из прислуги выезжает из Петербурга в Кронштадт, откуда на следующий день в шесть часов утра отплывает на пароходе «Николай»; только сын Вяземского Павел возвращается в Петербург.

15 (27) августа – Прибытие в Травемюнде; двухчасовая остановка и отбытие в Любек, где семья на полтора дня останавливается в “Hôtel du Nord”. Вяземский знакомится со средневековым ганзейским городом, который мог напомнить ему прибалтийские города, виденные во время частых поездок в Ревель.

17 (29) августа – Переезд в Гамбург, двухдневная остановка с посещением Альтоны. Вяземский восторгается бурлящей жизнью города; вместе с тем, его впервые удивляет забавная чопорность прусских военных.

20 августа (1 сентября) – Переезд в Ганновер и очередная остановка в утомительном путешествии.

24 августа (5 сентября) – Отъезд из Ганновера, короткие остановки в Касселе, Геттингене, Марбурге и Фридберге и прибытие 27 августа (8 сентября) в Ганау, где Вяземские останутся до конца октября на лечении у доктора Коппа.

5 (17) сентября – Вяземский едет во Франкфурт, чтобы забрать корреспонденцию у секретаря русской миссии И. И. Маркелова. Он возвращается в город 8 (20) сентября и, по-видимому, посещает осеннюю ярмарку.

23 сентября (5 октября) – Вяземский, совершает поездку по Рейну, осматривая Висбаден, Рюдесхайм, Бинген, Кельн, Бонн, Кобленц, Майнц. 29 сентября (11 октября) возвращается в Ганау, по пути ненадолго заехав во Франкфурт.

7 (19) октября – Князь с дочерью Марией предпринимает еще одну поездку вдоль Рейна, но доезжает только до Кобленца из-за плохой погоды. 12 (24) октября он возвращается в Ганау.

18 (30) октября – Вяземские выезжают из Ганау, чтобы через Ашаффенбург, Вюрцбург, Оксенфурт, Уффенхайм, Нордлинген, Донауверт добраться до Мюнхена. В дороге Вяземский впервые находит возможность оценить порядок и спокойствие сельской местности и средневековых городков Германии.

23 октября (4 ноября) – Семья Вяземских приезжает в Мюнхен и на неделю останавливается в гостинице “Zum Goldenen Hirschen”. Здесь Вяземский знакомится с великосветским обществом западного города, с его художественными шедеврами, посещает постановки «Отелло» Россини и «Роберта-дьявола» Мейербера.

1 (13 ноября) – Отъезд из Мюнхена, путешествие вдоль озер Кохельзее и Вальхензее через Инсбрук, Штайнах, Больцано, Тренто, Верону, Мантую, Модену и Болонью. В Модене Вяземский слушает оперу «Тибальд и Изолина» Морлакки, в Вероне и Болонье любит достопримечательностями.

11 (23) ноября – Вяземские отправляются во Флоренцию и 13 (25) ноября знакомятся со светской жизнью Флоренции на балу у Понятовских.

17 (29) ноября – Прием у князя де Монфор; затем Вяземский наносит визит Каролине Мюрат, осматривает галерею палаццо Питти, виллу Демидовых и совершает прогулку по парку Кашине. Во время этого посещения города музыкальная жизнь Флоренции также не остается без внимания.

25 ноября (7 декабря) – Отъезд из Флоренции; по пути остановки в Сиене, Буонконvento, Больсене и Витербо. Переночевав в последний раз в Рончильоне и отобедав в Ла Сторта, Вяземские въезжают

в Рим 30 ноября (12 декабря) и встречаются с родственниками, Карамзиными-Мещерскими. Не теряя времени, князь отправляется знакомиться с художественным миром Рима и в первый же вечер едет осматривать Колизей; затем семейство селится в палаццо Конти на площади Минервы.

1 (13) декабря – Посещение собора Св. Петра и прогулка на холм Пинчо, чтобы полюбоваться видом на пьядцу дель Пополо.

3 (15) декабря – После посещения Капитолия Вяземский отправляется вместе с Жозефом Бонапартом к госпоже Летиции Бонапарт, которая воскрешает в его воображении фигуру Наполеона. Вечером вновь посещает Колизей.

4 (16) декабря – Вяземский узнает, что «рядом с ним живет Бейль-Стендаль»; он посылает ему записку, вероятно, не зная, что тот незадолго до этого уехал в Чивитавеккью.

Вся русская колония собирается на чай у Давыдовых, а затем отправляется в Ватиканские музеи, чтобы при свете факелов осмотреть художественную галерею. В роли гида выступает археолог П. Э. Висконти, который обращает особое внимание гостей на Аполлона Бельведерского. Знакомство с кардиналом Меццофанти. Прежде чем вернуться домой, князь вновь останавливается у Колизея.

6 (18) декабря – Вяземский вместе с многими другими русскими отправляется на музыку к Гурьевым.

7 (19) декабря – Вяземский присутствует на консистории в Ватикане; вечер проводит на балу у неаполитанского посланника Лудольфа, знакомится с прусским дипломатом Х. К. Й. Бунзенем и австрийским фон Лютцовом.

11 (23) декабря – Вяземский впервые является на приеме у княгини Боргезе.

12 (24) декабря – Стендаль возвращается в Рим; вероятно, Вяземский знакомится с ним вскоре после этого.

13 (25) декабря – Дочь Вяземского Мария и кузены Карамзины-Мещерские получают приглашения на папскую мессу.

13 (25) декабря – Дочь Вяземского Мария и кузены Карамзины-Мещерские получают ложу на спектакль «Паризина» Доницетти с Каролиной Унгер в главной партии.

21 декабря (2 января) – Вяземский знакомится с художником Брюлловым.

22 декабря (3 января) – Вяземский узнает, что Орас Верне снят с поста директора Французской академии в Риме. Он расстроен, так как не сможет больше проводить «тихие вечера» в гостях у Верне. Княгиня Волконская дает в честь Вяземского обед и представляет ему Дж. Дж. Белли и Я. Ферретти.

25 декабря (6 января) – Вероятно, князь побывал в Ватикане на мессе праздника Богоявления. Вечером у Гурьевых нарядили елку, чтобы отпраздновать русское Рождество. Помимо представителей русской колонии Рима, на празднике в числе итальянцев были семьи Боргезе, Орсини и Дель Драго.

26 декабря (7 января) – Графиня Потоцкая приглашает Вяземских на парадный обед. В тот же день устраивается большой бал в доме Боргезе, на котором точно присутствуют старшая дочь Вяземского и Карамзины-Мещерские.

28 декабря (9 января) – Мария, София Карамзина и Давыдовы совершают прогулку верхом, возможно, в компании князя. Вечер все вместе проводят у Вяземских.

31 декабря (12 января) – Вся русская колония отмечает Новый год праздничным обедом, на котором присутствует дочь Вяземского Мария.

1 (13) января – Карамзины-Мещерские обедают у Вяземских, чтобы отпраздновать первый день года; вечером по просьбе княгини Волконской Дж. Дж. Белли сочиняет сонет в честь графа М. Риччи; посол Гурьев устраивает большой прием, на который является дочь Вяземского Мария.

3 (15) января – Известно, что Стендаль побывал на повторном представлении «Паризины» в театре Аполло.

5 (17) января – Мария Вяземская смотрит постановку «Сомнамбулы» Беллини в театре Валле. Нам неизвестно, был ли на этом спектакле сам Вяземский, но с уверенностью можно утверждать, что он слушал эту оперу в Риме. Из календаря А. Мартино следует, что Стендаль в этот день вновь уехал в Чивитавеккью.

6 (18) января – Вяземский еще раз посещает ватиканскую базилику.

7 (19) – Князь предположительно совершает конную прогулку на виллу Дориа-Памфили. Примерно в это время он также посещает мастерские художника Верне и скульптора Торвальдсена.

8 (20) января – Стендаль возвращается в Рим и вечером присутствует на балу у Торлониа, где также побывала и дочь Вяземского Мария в сопровождении отца или матери.

9 (21) января – Все проводят вечер у Давыдовых.

12 (24) января – Известно, что О. Верне ненадолго уезжает из Рима.

14 (26) января – Князь посещает бал у австрийского посланника Лютцова.

15 (27) января – Вяземские приглашают друзей отпраздновать день рождения Надиньки, в честь которой сам Вяземский разыгрывает шарды. Вечером Гурьевы организуют торжественный обед, на котором присутствует А. Торлониа с братом. Вероятно, Вяземский и Стендаль были среди приглашенных.

17 (29) января – В театре «Аполло» дают «Семирамиду» Россини с примадонной Каролиной Унгер; Вяземский, вероятнее всего, видел эту постановку, но мы не знаем точно, в какой день.

18 (30) января – Часть русской колонии посещает Палатин, в то время как другие отправляются верхом на прогулку в Остию и Кастель-Фузано: обедают в трагтории некоего Шпильмана <?>.

19 (31) января – Карамзины-Мещерские присутствуют в Сикстинской капелле на торжественной церемонии с участием Папы Римского; вечером все собираются на балу маркизы Терци, урожденной Голицыной.

21 января (2 февраля) – Вяземский, вероятно, присутствует на празднике Канделора в Сикстинской капелле; затем с семьей отправляется гулять на Пинчо; вечером — большой бал у графини де Комон, урожденной Голицыной.

22 января (3 февраля) – Софья Карамзина и, возможно, сам Вяземский приглашены на виллу княгини Волконской и после обеда осматривают сад и аллею делле Римембранце.

23 января (4 февраля) – Все проводят вечер в доме Боргезе, где встречаются О. Верне, вернувшегося незадолго до этого в Рим.

26 января (7 февраля) – Известно, что в театре Валле прошла премьера “Chi dura vince”, композитор Л. Риччи, либретто Я. Ферретти.

28 января (9 февраля) – А. Мартино сообщает, что Стендаль вернулся в Рим.

30–31 января (11–12 февраля) – Вяземский вместе со всеми членами русской общины отправляется на экскурсию в Тиволи.

1 (13) февраля – Давыдовы приглашают друзей провести вечер у них дома.

2 (14) февраля – Первое представление в театре Валле “Pazza per amore” маэстро П. А. Коппола. Вяземские снова побывали на балу у маркизы Терци.

3 (15) февраля – Вся русская колония обедает у посла, чтобы быть представленными наследному принцу Карлу Александру Саксен-Веймар-Эйзенахскому (1818–1901), сыну великой княгини Марии Павловны (1786–1859), жены Карла Фридриха (1783–1853); вечером бал у Евдокии Гурьевой.

4 (16) февраля – После прогулки верхом с Карамзиными-Мещерскими все обедают у Вяземских; после обеда князь в компании художника Бруни сопровождает С. Карамзину и Надиньку на прогулке по Колизею; Мария с отцом или с матерью явилась на балу у Торлониа, где также побывал Стендаль.

5 (17) февраля – Днем компания русских посещает Римский Форум; вечером все собираются у Карамзиных.

6 (18) февраля – Утренняя прогулка верхом; вечером все собираются у Карамзиных.

7 (19) февраля – Некоторые члены русской колонии посещают мавзолей Кая Цестия; среди них точно был и Вяземский.

10 (22) февраля – Вяземский в одиночестве уезжает в Неаполь.

11 (23) февраля – Князь поднимается на Везувий; в этот день он соби-
рался в театр Фонда на «Сомнамбулу» с Малибран, но певица вслед-
ствие происшествия с каретой повредила руку и вынуждена была
отложить выступление.

12 (24) февраля – Вяземский возвращается в Рим.

13 (25) февраля – Семья является на бал у князя Боргезе.

14 (26) февраля – Вяземский впервые побывал на виа дель Корсо,
чтобы увидеть римский карнавал; вечером большой бал у маркизы
Энглси.

16 (28) февраля – Семья присутствует на большом балу у графини Чини.

17 февраля (1 марта) – Утро посвящено прогулке верхом, а вечером
все отправляются на бал-маскарад.

18 февраля (2 марта) – Вяземские на виа дель Корсо наблюдают за тор-
жественным кортежем римского губернатора и парадом карнаваль-
ных повозок.

19 февраля (3 марта) – Все вновь отправляются на Корсо на праздник
со свечами *мокколи* и лошадиные бега; ранним вечером идут на кон-
церт в палаццо Синибальди.

21 февраля (5 марта) – Вяземские приглашают всех друзей отпраздно-
вать день рождения Пашеньки; З. А. Волконская и М. А. Потоцкая
развлекают больную пением.

26 февраля (10 марта) – Карамзины-Мещерские уезжают в Неаполь.
В это время в Рим приезжает А. И. Тургенев.

11 (23) марта – Умирает дочь Пашенька.

14 (26) марта – В Риме проходят похороны Пашеньки.

26 марта (7 апреля) – Вяземский с женой, дочерью Марией и Тургеневым едет в Неаполь, откуда совершает экскурсии в Помпеи, Салерно, Пестум, Амальфи, Кастелламаре, Сорренто, Капри в обществе Карамзиных-Мещерских и барона Розена. 31 марта (12 апреля) все возвращаются в Неаполь.

1 (13) апреля – Вера Федоровна и Мария поднимаются на Везувий, в то время как Вяземский наносит визит князю Камальдоли.

2 (14) апреля – Вяземские и Тургенев отправляются в Рим, куда прибывают 3 (15) апреля.

10 (22) апреля – Вяземский выезжает из Рима и через Понте Чентино 12 (24) апреля добирается до Флоренции.

12 (24) апреля – Выезд из Флоренции и 14 (26) апреля прибытие в Геную с остановками в Пизе, Ла Специи и Пьетрасанте.

15 (27) апреля – Отъезд из Генуи.

16 (28) апреля – Прибытие в Турин и знакомство с Сильвио Пеллико. На следующий день Вяземский отправляется в Милан.

19 апреля (1 мая) – Отъезд из Милана, где Вяземский успеваает провести час с Мандзони.

24 апреля (6 мая) – Прибытие в Вену после долгого путешествия вдоль озера Гарда до Вероны, через провинции Венето; в Филлахе Вяземский пересекает австрийскую границу, чтобы добраться до столицы через Земмеринг.

27 апреля (9 мая) – Отъезд из Вены и прибытие 1 (13) мая в Дрезден.

2 (14) мая – Отъезд из Дрездена и 3 (15) мая прибытие в Берлин. Вяземский выражал сожаление, что не смог посетить Потсдам.

4 (16) мая – Выезд из Берлина в направлении Любека.

5 (17) мая – Прибыв в Любек, Вяземский останавливается в Hôtel du Nord в ожидании парохода, который выходит из Травемюнде 12 (24) мая.

ПУТЕШЕСТВИЕ 1853 г.

4 (16) августа – Вяземский с женой и внучкой Лизой Валуевой выезжает из Вены на поезде, на следующий день они прибывают в Лайбах (Любляну).

5 (17) августа – Из Любляны в девять вечера выезжают почтовым дилижансом в Триест.

6 (18) августа – Прибытие в Триест, где в это время встал на якорь русский корвет.

7 (19) августа – Вяземские на пароходе отправляются в Венецию и останавливаются в Hôtel de l'Europe.

15 (27) августа – Вяземские посещают православную литургию в церкви Сан-Джорджо-дей-Гречи.

21 августа (2 сентября) – Вяземский с г-жой Больвилье посещает армянский монастырь на острове Сан-Ладзаро.

22 августа (3 сентября) – Князь впервые поднимается на кампанилу собора Сан-Марко.

24 августа (5 сентября) – Несмотря на внезапное похолодание, Вяземский совершает прогулку вдоль канала Джудекка.

25 августа (6 сентября) – Посещение церковей Сан-Тома и Санта-Мария-Глориоза-дей-Фрари.

26 августа (7 сентября) – Вяземский посещает церковь Санта-Мария-дель-Розарио и палаццо Фоскари и восхищается их красотой.

28 августа (9 сентября) – Прогулка к Кампо-ди-Марте, вечером — площадь Сан-Марко.

29 августа (10 сентября) – Князь совершает прогулку пешком вдоль набережной Рива-дельи-Скьявони до городских садов, осматривает церковь Сан-Бьяджо и отправляется в отель Reale Danieli, где встречается с мадам Норден: здесь он мельком видит генерала Шангарнье. Затем он оставляет визитную карточку Дону Хуану, графу ди Дамето.

30 августа (11 сентября) – Вяземский совершает поездку в Кьоджу, с остановками в Маламокко, Пеллестрине, Мурацци и Соттомарина. Около 15 сентября он посещает Академию художеств.

9 (21) сентября – Князь посещает мастерскую художника Нерли.

10 (22) сентября – Наблюдает в Лидо закат. В эти дни он также посещает дворцы Пизани, Тревес и дворец герцогини Берри.

12 (24) сентября – В театре Сан-Самуэле смотрит «Пуритан» Беллини.

13 (25) сентября – Наблюдает народный праздник в честь Св. Захарии.

14 (26) сентября – Осматривает церковь Св. Джованни и Паоло и соседнюю с ней богадельню Casa di ricovero.

16 (28) сентября – Посещает дворец графа де Шамбора.

19 сентября (1 октября) – Совершает поездку на остров Св. Елены; вечером смотрит в театре «Аполло» «Клятву» Меркаданте.

20 сентября (2 октября) – Осматривает церкви Иезуитов и Санта-Мария-дель-Орто, совершает прогулку по саду Пападополи и проводит вечер у супругов Стюрмер.

21 сентября (3 октября) – Первая встреча со Строгановыми.

22 сентября (4 октября) – Князь посещает праздничную обедню по случаю тезоименитства австрийского императора.

24 сентября (6 октября) – Вяземский смотрит в театре «Сан-Самуэле» балет «Эсмеральда».

29 сентября (11 октября) – Посещение Арсенала; вечером смотрит «Севильского цирюльника» в театре «Сан-Самуэле».

1 (13) октября – Вяземские принимают у себя Строгановых.

2 (14) октября – Вяземский присутствует в церкви Санта-Мария-дель-Розарио на отпевании Дона Марк'Антонио ди Каваниса, основателя Школ милосердия.

6 (18) октября – Встреча с графиней Эстергази; вечером Вяземский отправляется на долгую прогулку в гондоле и возвращается домой пешком.

7 (19) октября – Вяземский принимает у себя Фока, генерального консула Российской империи в Египте, с которым он познакомился во время поездки в Константинополь.

8 (20) октября – Смотрит в театре «Сан-Самуэле» «Лючию ди Ламмермур» Доницетти.

9 (21) октября – Посещает библиотеку Св. Марка и палаццо Дожей; вечером осматривает Китайскую выставку.

10 (22) октября – Доктор Намиас показывает Вяземскому Городскую больницу.

11 (23) октября – Новая поездка на остров Сан-Ладзаро с внучкой Лизой Валуевой, о чем сохранилась запись в гостевой книге острова; предположительно слушает вечером «Итальянку в Алжире» Россини в театре «Аполло».

12 (24) октября – Проводит вечер у супругов Стюрмер.

14 (26) октября – Второй вечер у Стюрмеров, ждали фельдмаршала Радецкого. Князь не скрывает своего разочарования тем, что встреча не состоялась.

15 (27) октября – Граф Тунн обещает Вяземскому представить его Радецкому, когда тот будет в Вероне.

16 (28) октября – Посещение музея Коррер, церковей Скальци и Сан-Якопо.

17 (29) октября – Посещение палаццо Мочениго, где жил Байрон, Ботанического сада и Гетто.

19 (31) октября – Вяземский отправляется в Гетто за покупками в местных лавках; посещает палаццо Вильямс и один из дворцов, принадлежащих балерине Марии Тальони. Начинает вечер в компании Стюрмеров и заканчивает у генерального консула Кассини. Между 20 октября (1 ноября) и 25 октября (6 ноября) он посетил палаццо Альбицци, церковь Сан-Джоббе, а вечером участвовал в исполнении серенады на гондоле.

26 октября (7 ноября) – Посещает постановку «Дяди Тома» в театре «Галло» в Сан-Бенедетто.

27 октября (8 ноября) – Вяземский со Скьявони посещает галерею Манфрини; вечером отправляется в театр «Сан-Самуэле» на «Любовный напиток» Доницетти.

28 октября (9 ноября) – Посещает мастерские скульпторов Дзандомеги и Феррари; вечер вновь проводит у Стюрмеров.

29 октября (10 ноября) – Присутствует при розыгрыше лотереи перед зданием Лоджетты и затем посещает палаццо графини Вимпфен.

31 октября (12 ноября) – Поездка на Торчелло, Мурано, Бурано, Сан-Кристофоро-делла-Паче, Сан-Микеле, Сан-Франческо-дель-Дезерто. Снова смотрит «Лючию ди Ламмермур», заканчивает вечер у графини Эстергази. В эти дни вновь посещает библиотеку Св. Марка.

3 (15) ноября – После посещения Монетного двора снова слушает «Любовный напиток».

4 (16) ноября – Смотрит постановку «Сафо» Пачини.

9 (21) ноября – На празднике Мадонна-делла-Салюте в первый раз встречает княгиню Клари-Альдринген, урожденную Фикельмон.

10 (22) ноября – Экскурсия в Тревизо с Фоком.

12 (24) ноября – Вяземский является на прием к Стюрмерам. В эти дни доктор Намиас приглашает домой венецианскую поэтессу Вордони, чтобы представить ее князю.

16 (28) ноября – Вяземский посещает княгиню Клари; вечером слушает концерт тирольской музыки.

17 (29) ноября – В театре «Сан-Самуэле» представляют «Марко Висконти» венецианского композитора Антонио Педрокко, князь присутствует на этом спектакле.

18 (30) ноября – Вяземский смотрит представление театра марионеток.

19 ноября (1 декабря) – Визит к графине Эстергази; вечером слушает «Севильского цирюльника» в театре «Аполло».

20 ноября (2 декабря) – Вяземский проводит вечер у Стюрмеров.

21 ноября (3 декабря) – Князь слушает в театре «Аполло» «Паризину» Доницетти.

22 ноября (4 декабря) – Прогулка в городском саду. Вечер князь проводит в гостях у генерального консула Кассини.

23 ноября (5 декабря) – Визит к княгине Клари.

24 ноября (6 декабря) – Вяземский начинает готовиться к отъезду; вечер проводит в театре «Аполло», где дают спектакль «Двое Фоскари» Верди.

25 ноября (7 декабря) – Князь спокойно проводит день дома, пишет дневник.

29 ноября (9 декабря) – Отъезд из Венеции. В тот же или на следующий день в Вероне Вяземского представляют Радецкому; 30 ноября (10 декабря) он приезжает в Милан, где останавливается в Hôtel de la Ville.

1 (13) декабря – Поездка в Павийскую Чертозу.

2 (14) декабря (или самое позднее на следующий день) – Отъезд из Милана в Мюнхен через Комо, Кьявенну, Шплуген, Кур.

29 декабря (10 января) – Вяземский встречается с сыном Павлом в Карлсруэ.

ПУТЕШЕСТВИЕ 1859 г.

Весной Вяземский находится в Ницце; когда становится ясно, что приближается война с Австрией, он решает поехать в Геную, чтобы оценить настроения, царящие в городе. Он прибывает в город 20 апреля (1 мая).

22 апреля (4 мая) – Выезжает в Турин, где остается до 24 апреля (5 мая): здесь он встречает Дж. Ф. Баруффи, с которым познакомился в 1849 г. в России.

25 апреля (7 мая) – Вяземский снова в Генуе, откуда выезжает в Ниццу 28 апреля (9 мая).

30 апреля (12 мая) – Князь из Ниццы сообщает в письме сыну Павлу, что доволен краткой поездкой в Пьемонт.

ПУТЕШЕСТВИЕ 1863–1864 г.

В первые дни сентября 1863 г. Вяземский приезжает в Венецию с женой и сыном Павлом, вероятно, в обществе племянницы, Веры Четвертинской.

15 (27) сентября – Вяземский и Павел совершают поездку на остров Св. Лазаря. До 19 ноября 1863 г. Петр Андреевич точно находится в Венеции, что подтверждают его дневниковые записи от 8 (20 октября) и 22 октября (2 ноября).

8 (20 ноября) – Князь находится в Милане, как можно заключить из квитанции за пару туфель, выписанную у обувного мастера Джованни Ронкетти. Сначала сын Вяземского, а затем и он сам селятся в Hôtel de la Ville; вечером 21 ноября в театре «Ла Скала» слушают «Лючию ди Ламмермур», 22-го — «Норму» Беллини, 23-го — вероятно, «Трубадура» в театре «Каркано», 24-го — «Фламандских беженцев» композитора Франко Фаччо, вечер 25 ноября, возможно, проводят на «Доне Буцефале», а 26-го снова на «Лючии ди Ламмермур» в «Ла Скала». Новая встреча с Мандзони.

12 (24) ноября – Едет в Павийскую Чертозу и 13 (25) ноября поднимается на крышу Миланского собора.

15 (27) ноября – Возвращается в Венецию.

20 декабря (1 января) – Вяземский по-прежнему в Венеции, в дневнике он записывает, что в городе стоит исключительный холод.

21 декабря (2 января) – В “Gazzetta Ufficiale di Venezia” опубликована статья Вяземского.

2 (14) января 1864 года – Вяземский смотрит «Сомнамбулу» с Эрминией Фреццолини в главной роли в театре «Галло» в Сан-Бенедетто.

7 (19) января – Князя представляют графу де Шамбору.

7 (19) февраля – Вяземский смотрит постановку «Лючии ди Ламмермур» с Э. Фреццолини в театре «Галло» в Сан-Бенедетто.

11 (23) февраля – Присутствует в театре «Аполло» на концерте-бенефисе Э. Фреццолини.

17 (29) февраля – Вяземский отправляет Шевыреву в Париж статью для французской газеты в защиту русской политики в Польше.

19 февраля (2 марта) – Вяземский желает получить ответ относительно указанной статьи.

2 (14) марта – Отсылает сыну сочинение “La question d’Orient et M.r Pelletan”.

4 (16) марта – Та же статья отослана Мандзони.

25 марта (5 апреля) – Князь отправляет перевод своего стихотворения «Из фотографий Венеции» графине Эмо Каподилиста, урожденной Орести, в Падую. В мае он отправляет этот перевод и Мандзони, возможно, вместе со статьей Бароцци “Relations diplomatiques de la République de Venise avec la Russie”. На Страстной неделе Вяземский посещал службы в соборе Сан-Марко.

27 марта (8 апреля) – Вяземский вновь в Милане и вечером 29 марта (10 апреля) присутствует в «Ла Скала» на турнире в честь принца Умберто. 31 марта (12 апреля) возвращается в Венецию (см.: [РГАЛИ: Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1135. Л. 14–16]).

19 мая (31) мая – Полиция выдает пропуск для запланированной Вяземским поездки по провинции Венето.

21 мая (2 июня) – Выезжает из Венеции в Доло; продолжает путешествие в экипаже вдоль Бренты до императорской виллы в Стра; в Падуе осматривает базилику Святого Антония и вечером приезжает в Виченцу.

22 мая (3 июня) – Осматривает город и на поезде отправляется дальше в Верону.

23 мая (4 июня) – Отсюда в экипаже отправляется в Дезенцано и Салó.

24 мая (5 июня) – Выезжает из Салó, путешествует через Тосколано, Мадерно, Гарньяно, Тремозине, Лимоне, Риву. Ночью добирается до Роверето.

25 мая (6 июня) – Уезжает из Роверето и после короткой остановки в Тренто и Больцано вечером прибывает в Мерано, где его уже ждет жена; вместе они около месяца живут на Вилле Питтель.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АБТ – Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским. Т. I: 1814–1833 годы / Под ред. и с примеч. Н. К. Кульмана // Архив братьев Тургеневых. Вып. VI. Пг., 1921.

Адлерберг – Из Рима в Иерусалим: Сочинение графа Николая Адлерберга. СПб., 1853.

Альбом Иванчина-Писарева – Альбом Н. Д. Иванчина-Писарева // Старина и новизна. 1905. Книга десятая. С. 470–540.

Барсуков – *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. Кн. 5. СПб., 1892.

Батюшков – *Батюшков К. Н.* Сочинения. М., 1955.

Белинский – *Белинский В. Г.* Избранное. М., 1959. Т. II.

Белли – *Белли Д. Д.* Римские сонеты / Пер. Е. М. Солоновича. М., 2021.

Вересаев – *Вересаев В. В.* Пушкин в жизни: Перед женитьбой // Наша старина. 1915. Т. VI.

Волконская – *Волконская З. А.* Князю П. А. В.<яземскому> на смерть его дочери // Русский архив. 1867. № 2. Стб. 313.

Воспоминания маркизы де Креки – [Рец.] Воспоминания маркизы де Креки с 1702 по 1802. Четвертый том // Московский наблюдатель. 1835. Апрель. Кн. III.

Вяземский 1836 – *Вяземский П. А.* Новая поэма Э. Кине // Современник. 1836. Т. 2. С. 267–284.

Вяземский 1868 – *Вяземский П. А.* Воспоминания о Булгаковых // Русский архив. 1868. Т. III. № 9.

Вяземский 1900 – [*Вяземский П. А.*]. Послание князя П. А. Вяземского к канцлеру князю А. М. Горчакову из Эмса в Баден-Баден // Русский архив. 1900. № 1. С. 148.

Вяземский 1929 – *Вяземский П. А.* Старая записная книжка / Ред. и примеч. Л. Я. Гинзбург. Л., 1929.

Вяземский 1937 – Письма П. А. Вяземского из Парижа 1838–1839 гг. / Публ. В. С. Нечаевой // Литературное наследство. Т. 31–32: Русская культура и Франция. М., 1937. С. 120–148.

Вяземский 1958 – *Вяземский П. А.* Стихотворения / Под ред. Л. Я. Гинзбург. Л., 1958.

Вяземский 2023 – *Вяземский П.* Итальянские стихи, записки, письма / Сост., вступит. ст. и примеч. В. Перельмутера. М., 2023.

Вигель – *Вигель Ф. Ф.* Записки / Ред. и вступит. ст. С. Я. Штрайха. М., 1928. Т. 1–2.

Гиллельсон – *Гиллельсон М. И.* Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон // Временник Пушкинской комиссии, 1967–1968. Л., 1970. С. 14–32.

Греч – *Греч Н. И.* Новости литературные // Сын Отечества. 1820. № 33. Записки Бутурлина — Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина. III // Русский архив. 1897. № 1. С. 579–652.

ЗК – *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848) / Изд. подгот. В. С. Нечаева. М., 1963.

Итальянский театр – Итальянский театр // Северная пчела. 1828. № 28. 6 марта.

К автобиографии Вяземского – К автобиографии кн. П. А. Вяземского (Отзывы о ней Я. К. Грота и самого князя П. А.) // Старина и новизна. 1909. Книга тринадцатая. С. 27–36.

Каухчишвили 2003 – *Каухчишвили Н. М.* Берлин — город моего прошлого // Europa Orientalis, XXIII. Vol. 2. Salerno, 2003.

Кочеткова – *Кочеткова Т. В.* Стендаль и Вяземский // Вопросы литературы. 1959. № 7. С. 148–155.

Муравьев – *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871.

Нечаева 1937а – *Нечаева В. С.* Вяземский в Париже в 1838–1839 // Литературное наследство. Т. 31–32: Русская культура и Франция. М., 1937.

Нечаева 1937б – *Нечаева В. С.* Французская литература и Вяземский в преддекабрьскую эпоху // Там же.

Николаева – *Николаева Т. М.* [Рец.:] N. Kauchtschischwili. La narrativa di I. S. Turgenev. Problemi di lingua e arte. Milano, 1969 // Труды по знаковым системам. 6: Сборник научных статей в честь Михаила Михайловича Бахтина (к 75-летию со дня рождения) / Отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1973. С. 549–552. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 308)

ОА – Остафьевский архив князей Вяземских / Изд. графа С. Д. Шереметева; под ред. В. И. Саитова. СПб., 1899–1913. Т. I–V.

Письма А. Булгакова – Из писем Александра Яковлевича Булгакова к его брату. 1820-й год // Русский архив. 1900. № 12.

Письма Вяземского к Булгакову – Из писем князя П. А. Вяземского к А. А. Булгакову (1818–1820) // Русский архив. 1879. № 4–6.

Письма Вяземского к Дмитриеву 1866 – Письма к И. И. Дмитриеву: 1816–1836 // Русский архив. 1866. № 11–12.

Письма Вяземского к Дмитриеву 1868 – Письма к И. И. Дмитриеву Князя Петра Андреевича Вяземского // Русский архив. 1868. № 4–5.

Письма Вяземского к Жуковскому – Из писем князя Вяземского к Жуковскому // Русский архив. 1900. № 2–3.

Письма Вяземского к Киселеву – Архив графа П. Д. Киселева: Собственноручные письма князя П. А. Вяземского графу П. Д. Киселеву // Русская старина. 1896. № 12.

Письма Вяземского к Северину – Собственноручные письма князя П. А. Вяземского к Д. П. Северину // Русская старина. 1896. № 1.

Письма Вяземского к Смирновой – Письма князя П. А. Вяземского, из Петербурга в чужие края, к А. О. Смирновой // Русский архив. 1888. № 4.

Письма Гоголя – Письма Н. В. Гоголя / Под ред. В. И. Шенрока. СПб., 1901–1902.

Письма Дмитриева – Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому // Старина и новизна. 1898. Книга вторая. С. 117–263.

Письма Жуковского к А. И. Тургеневу – Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу (1829–1844) // Русский архив. 1895. № 12.

Письма Карамзина к Дмитриеву – Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / Изд. Я. Грот и П. Пекарский. СПб., 1866.

Письма Карамзина к Вяземскому – Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому. 1810–1826 (Из Остафьевского архива) / Изд. с предисл. и примеч. Н. Барсукова. СПб., 1897.

Письма Пеллико 1866 – Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива. IV. Письма Сильвио Пеллико и Варнгагена фон Энзе // Русский архив. 1866. № 3.

Письма Пеллико 1868 – Выдержки из бумаг Остафьевского архива. 2. Два письма Сильвио Пеллико // Русский архив. 1868. № 3.

Письма А. Тургенева Булгаковым – Письма А. И. Тургенева Булгаковым / Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. А. А. Сабурова; под ред. И. К. Луппол. М., 1939.

Письма Шевырева – Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому / С предисл. и примеч. П. М. Барсукова // Старина и новизна. 1901. Книга четвертая. С. 1–222.

Письмо из Флоренции – Письмо [А. И. Тургенева] из Флоренции в Симбирск // Московский наблюдатель. 1835. Т. II.

Плетнев – Сочинения и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1875. Т. III.

ПСС – *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений / Изд. гр. С. Д. Шереметева. СПб., 1878–1896. Т. I–XII.

Пушкин – *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.

Пушкин по документам – Пушкин по документам Остафьевского архива и по личным воспоминаниям П. А. Вяземского // Русский архив. 1884. № 4.

Пушкин 1952 – Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь.

Раич – *Раич С. Е.* Петрарка и Ломоносов // Северная лира на 1827. М., 1827. С. 39–43.

РГАЛИ: Российский государственный архив литературы и искусства.

Смирнова – *Смирнова А. О.* Записки. СПб., 1895. Т. 1.

СО – Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Николаем Гречем.

СП – Северная пчела: газета политическая и литературная.

Стурдза – *Стурдза А. С.* «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания // Москвитянин. 1851. Ч. VI. № 11, 21.

Сытин – *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1952.

Трилунный 1831 – *Трилунный* [Струйский Д. Ю.]. Обзорение замечательнейших концертов // Литературная газета. 1831. № 21.

Трилунный 1831a – *Трилунный* [Струйский Д. Ю.]. Худо быть близоруким // Литературная газета. 1831. № 25.

Тургенев – *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники. Л., 1964.

Хроника недавней старины – Хроника недавней старины: Из архива кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876.

Хроника русского – [Тургенев А. И.] Хроника русского в Париже // Современник. 1842. Т. XXV.

Шевырев 1831 – *Шевырев С. П.* Итальянские театры. Письмо из Рима // Телескоп. 1831. Ч. 1.

Шевырев 1831a – *Шевырев С. П.* О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение // Телескоп. 1831. № 11–12.

Adlerberg – *Adlerberg N. V.* En Orient, impressions et réminiscences. S. Petersbourg, 1867.

Alfieri 1809 – Vie de Victor Alfieri, écrite par lui-même, et traduite de l'italien, par M. ***. Paris, 1809.

Alfieri 1840 – Mémoires de Victor Alfieri, d'Asti, écrits par lui-même, et traduits de l'italien par Antoine de Latour. Paris, 1840.

- Alfieri 1823 – *Alfieri V.* Le Misogallo en prose et en vers. Geneve, 1823.
- Antologia Vieusseux.
- Biographie nouvelle – Biographie nouvelle des contemporains ou Dictionnaire historique et raisonné. T. XIII. Paris, 1824.
- Artom Treves – *Artom Treves G.* Anglo-Fiorentini di cento anni fa. Firenze, 1953.
- ASF – Archivio di Stato di Firenze.
- Baruffi 1840 – *Baruffi G. F.* Pellegrinazioni Autunnali ed Opuscoli. Torino, 1840.
- Baruffi 1841–1843 – *Baruffi G. F.* Cenni di una pellegrinazione autunnale da Torino a S. Pietroburgo. Torino, 1841–1843.
- Bascapé – *Bascapé G. C.* I palazzi della Vecchia Milano. Milano, 1945.
- Baour-Lormian – *Le Tasse Torquato.* La Jérusalem délivrée / Par Pierre Baour-Lormian. Paris 1796.
- Bellomo – *Bellomo G.* La Pala d'oro dell'I. R. Patriarcale basilica di San Marco. 1847.
- Belli – *Belli G. G.* Sonetti. Milano, 1952. T. I–III.
- Beyle 1933–34 – *Beyle H.* [Stendhal]. Oeuvres complètes. Correspondance. Paris: Le Divan, 1933–1934. T. V.
- Beyle 1935 – *Beyle H.* [Stendhal]. Courrier Anglais. Paris: Le Divan, 1935. T. II.
- Biolato Mioni – *Biolato Mioni A.* Puškin e l'Italia // Alessandro Puškin – nel primo centenario della morte / A cura di E. Lo Gatto. Roma, 1937. P. 283–284.
- Boccace – Nouvelles de Jean Boccace / Traduction libre par Mirabeau. Paris, 1802. Vol. 1–4.
- Bunsen – *Bunsen Ch. C. J.* Aus seinen Briefen und nach eigenen Erinnerungen geschildert von seiner Witwe. Leipzig, 1868.
- Cannetti – *Cannetti A.* La musica teatrale a Roma cento anni fa // Annali della R. Accademia di S. Cecilia. 1925–1926.

Capponi – *Capponi G.* Lettere di Capponi e di altri a lui / Raccolte e pubblicate da Alessandro Carraresi. I–VI. 1884–1890. Firenze, 1890.

Clementi – *Clementi F.* Il Carnevale romano II. Città di Castello, 1838.

Colombi – *Colombi E.* Zenaide Wolkonsky a Palazzo Poli // Orazio VIII. 1956. T. V–VI. P. 33–38.

Comandini – *Comandini A.* L'Italia nei cento anni del secolo XIX. Milano, 1903–1917.

Cronia – *Cronia A.* La conoscenza del mondo slavo in Italia, bilancio storico-bibliografico di un millennio. Padova, 1958.

Dictionnaire des Lettres Françaises – Dictionnaire des Lettres Françaises: Le dix-septième siècle. Paris, 1954. T. II.

Dizionario del Risorgimento – Dizionario del Risorgimento, I–IV. 1931–1937. T. III.

Fables russes – Fables russes, tirées du Recueil de M.r Kriloff et imitées en vers français et italiens per divers auteurs, précédées d'une introduction française de M.r Lemontey et d'une préface italienne de M.r Salfi, Paris, 1825. 2 vol.

Filicaja – *Filicaja (da) V.* Opere. Milano, 1834.

Fondo Capponi – Fondo Capponi // Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze.

Fontana – *Fontana G.* Manuale ad uso del Forestiere di Venezia. Venezia, 1847.

Giusti – *Giusti W.* Bastioni Wern // Urbe. XVI (1953). Vol. V–VI; XVII (1954). Vol. I.

Gandini – *Gandini A.* Cronistoria dei teatri di Modena. Modena, 1973. T. II.

Gazzetta di Genova.

Gazzetta di Milano.

Gazzetta Piemontese.

Gazzetta Privilegiata di Milano.

Gazzetta di Venezia.

- Guida – Guida fedele del Forestiero per la città di Venezia. Venezia, 1852.
- Ginguéné – *Ginguéné P. L.* Histoire littéraire d'Italie. Paris, 1805–1815. Vol. 1–9.
- Grunwald – *Grunwald (de) C.* La vie de Metternich. Paris, 1838.
- Janin – *Janin J.* Voyage en Italie. Paris, 1839.
- Kauchtschischwili 1962 – *Kauchtschischwili N.* Alcune considerazioni su un incontro tra P. A. Vjázemskij e Alessandro Manzoni // *Aevum*. 1962. Fasc. V–VI. P. 443–462.
- Kauchtschischwili 1963 – *Kauchtschischwili N.* Anselmo Ronchetti e i suoi amici russi // *Il Risorgimento*. 1963. № 15. P. 20–30.
- Kauchtschischwili 1963a – *Kauchtschischwili N.* Silvio Pellico e la Russia. Milano, 1963. 158 p.
- Kauchtschischwili 1966 – *Kauchtschischwili N.* Alcune lettere di Zinaïda Volkònskaja a P. A. Vjázemskij // *Aevum*. 1966. Fasc. I–II. P. 125–137.
- Kauchtschischwili 1968 – *Kauchtschischwili N.* Il Diario di Dar'ja Fedorovna Ficquelmont. Milano, 1968.
- Kauchtschischwili 1969 – *Kauchtschischwili N.* La narrativa di Ivan Turgenev. Problemi di lingua e arte. Milano, 1969. XV.
- Kauchtschischwili 1977 – *Kauchtschischwili N.* I. S. Turgenev e l'Italia // *Miscellanea Turgeneviana / Nina Kauchtschischwili*. Istituto Universitario di Bergamo. Bergamo, 1977. P. 77–287.
- Lady Morgan – *Lady Morgan*. L'Italie / Traduit de l'anglais. Paris, 1821.
- Lamartine – *Lamartine A.* Oeuvres poétiques complètes. Paris, 1963.
- La Martinella.
- La Perseveranza.
- Lecomte – *Lecomte J.* Italie des Gens du monde. Venise; Paris, 1844.
- Le Conservateur impartial. 1819. 8 (20) août. № 63.
- Lo Gatto 1921 – *Lo Gatto E.* La fortuna di Dante nel mondo: III. In *Russia // Italia che scrive*. 1921. Vol. IV.

Lo Gatto 1931 – *Lo Gatto E. L'Italia e le letterature slave // Studi di letterature slave. Roma, 1931. T. III. P. 148–168.*

Lo Gatto 1960 – *Lo Gatto E. Puškin. Storia di un poeta e del suo eroe. Milano, 1960.*

Méry – *Méry J. Scènes de la vie italienne. Bruxelles, 1837.*

Metternich – *Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'État. Paris, 1881.*

Mocenigo – *Mocenigo F. N., conte. Scrittrici veneziane del secolo XIX. Venezia, 1887.*

Montalembert – *Montalembert Ch. F. Le Pape et la Pologne. Paris, 1864.*

Musset – *Musset A. Contes d'Espagne et d'Italie. Paris, 1830.*

Musset 1957 – *Musset A. Poésies complètes / Texte établi et annoté par Maurice Allem. Paris, 1957*

Orloff 1819–1821 – *Orloff G. Mémoires historiques, politiques et littéraires sur le royaume de Naples. Paris, 1819–1821. 5 vol.*

Orloff 1821–1823 – *Orloff G. Essai sur l'histoire de la musique en Italie, depuis les temps plus anciens jusqu'à nos jours. Paris, 1821–1823.*

Orloff 1823 – *Orloff G. Essai sur l'histoire de la peinture en Italie depuis les temps les plus anciens jusqu'à nos jours. Paris, 1823.*

Orloff 1824 – *Orloff G. Voyage dans une partie de la France, ou lettres descriptives et historiques, adressées à la Comtesse Sophie de Stroganoff. Paris, 1824.*

Panofka – *Panofka E. Voci e cantanti. Firenze, 1871.*

Potocka – *Memorien der Gräfin Potocka (1794-1820). Leipzig, 1899. Bd. I.*

Prokesch – *Prokesch A., von Osten. Mes relations avec le duc de Reichstadt. Paris, 1878.*

Puschin – *Racconti poetici di Alessandro Puschin, poeta russo / Tradotti da Luigi Delâtre. Firenze, 1856.*

Quadri 1821 – *Quadri A. Otto giorni a Venezia. Venezia, 1821. T. II.*

Quadri 1831 – *Quadri A.* Abrégé de l'histoire de la République de Venise, divisé en huit époques. Venise, 1831.

Quinet – Napoléon. Poème / Par Edgar Quinet. Paris, 1836.

Reboul 1836 – *Reboul J.* Poésies. Paris, 1836.

Reboul 1857 – *Reboul J.* Nouvelles poésies. Paris, 1857.

Regli – *Regli F.* Dizionario biografico dei più celebri artisti. Torino, 1860.

Renier Michiel – *Renier Michiel G.* Origine delle feste veneziane. Venezia, 1852.

Rossi – *Rossi Gius. M.* Nuova guida di Verona e della sua provincia. Verona, 1854.

Schreiber – *Schreiber A. W.* Manuel des voyageurs sur le Rhin. Heidelberg, 1819.

Simond – *Simond L.* Voyage en Italie et en Sicile. Paris, 1828. T. I–II.

Sismondi – *Simonde de Sismondi J. C. L.* De la littérature du Midi de l'Europe. Paris, 1813.

Tassini – *Tassini G.* Curiosità veneziane. Venezia, 1915.

Wytrzens 1957 – *Wytrzens G. P. A.* Vjazemskij und Polen // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1957/58. Bd. 6. P. 46–72.

Wytrzens 1961 – *Wytrzens G.* Pjotr Andreevič Vjazemskij. Wien, 1961.

Valerio – *Valerio F.* Grammaire italienne simplifiée et réduite à 24 leçons. M., 1822.

Valéry – *Valéry A.* Voyages historiques et littéraires en Italie. Bruxelles, 1836.

Vjazemskij 1838 – *Vjazemskij P. A.* Incendie du Palais d'Hiver // Gazette de France. 1838. 18 fev.

Volkonsky – Œuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky. Paris et Karlsruhe, 1865.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ НИНЫ КАУХЧИШВИЛИ НА ТЕМУ РУССКО-ИТАЛЬЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Монографии

1. Silvio Pellico e la Russia. Milano: Vita e pensiero, 1963. 158 p.
2. L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjžemskij. Milano: Vita e Pensiero, 1964. XI. 390 p.
3. Il Diario di Dar'ja Fedorovna Ficquelmont. Milano: Vita e Pensiero, 1968. 227 p.

Статьи и публикации в сборниках и периодических изданиях

1. Alcune considerazioni su un incontro tra P. A. Vjžemskij e Alessandro Manzoni // *Aevum*. 1962. Fasc. V–VI. P. 443–462.
2. Stendhal et Tourguéniev à Florence en 1833 // *Stendhal Club*. 1962. № 15. P. 267–270.
3. Anselmo Ronchetti e i suoi amici russi // *Il Risorgimento*. 1963. № 15. P. 20–30.
4. Alcune lettere di Zinaida Volkònskaja a P. A. Vjžemskij // *Aevum*. 1966. Fasc. I–II. P. 125–137.
5. Il cardinale G. Mezzofanti nei rapporti col mondo culturale russo dell'800 // *Studi in onore di Arturo Cronia*. Padova, 1967. P. 261–278.
6. I. S. Turgenev e l'Italia // *Miscellanea Turgeneviana / A cura di Nina Kauchtschischwili*. Bergamo: Istituto Universitario di Bergamo, 1977. P. 77–287.
7. G. Papini e L. N. Tolstoj // *Contributi italiani all'VIII Congresso internazionale degli Slavisti (Zagreb-Ljubljana 1978)*. Roma, 1978. P. 191–205.

8. La cultura russa e l'Italia: introduzione // La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze al russo. Milano: Cisapino, 1979. P. 347–361.
9. Tra Russia ed Italia. Appunti da un diario di viaggio di G. Quarenghi // Studi in onore di Ettore Lo Gatto / A cura di Antonella D'Amelia. Roma: Bulzoni, 1980. P. 107–117.
10. La prose romantique russe en l'Italie // Le romantisme russe et les littératures néolatines / A cura di Jan Bonamour et M. Colucci. Firenze: Le Lettere, 1987. P. 121–142.
11. Tematica e motivazioni strutturali nella novella “fantastica” di Turgenev // Turgenev e l'Italia / A cura di Alessandro Ivanov. Geneve: Slatkine, 1987. P. 63–79.
12. Turgenev und Italien // Zeitschrift für Slawistik. 1987. Bd. 32. P. 434–440.
13. П. А. Флоренский и итальянское Треченто // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1989. Vol. 35. № 1–2. P. 45–59.
14. Dante, Anna Achmatova e Florenskij // Atti del Convegno nel centenario della nascita di Anna Achmatova. Torino 12–13 dicembre 1989. Torino: Edizioni dell'Orso, 1992. P. 171–191.
15. Tra architettura e poesia: dalla città dell'eroe al “Poema senza eroe”: l'architetto bergamasco G. Quarenghi e San Pietroburgo // Giacomo Quarenghi e il suo tempo. Bergamo: Moretti e Vitali, 1995. P. 9–23.
16. Il destino dei Cosacchi del Don, I cosacchi in Italia. 1944–1945 // Atti del Convegno di Verzegnis / Ed. Andrea Moro. Tolmezzo, 2008. P. 313–318.
17. П. А. Флоренский и итальянский ренессанс // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв. / Под ред. О. Б. Лебедевой, Н. Е. Меднис. Томск: Изд. Томского университета, 2009. С. 5–14.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ НИНЫ КАУХЧИШВИЛИ И ИЗДАНИЙ О НЕЙ (1959–2021)*

Монографии

1. Silvio Pellico e la Russia. Milano: Vita e pensiero, 1963. 158 p.
2. L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjázemskij. Milano: Vita e pensiero, 1964. XI, 390 p.
3. Il Diario di Dar'ja Fedorovna Ficquelmont. Milano: Vita e pensiero, 1968. 227 p.
4. L'immaginario nell'opera artistica. Milano-Varese: Istituto Editoriale Prealpino, 1968. 87 p.
5. La narrativa di Ivan Turgenev. Problemi di lingua e arte. Milano: Vita e Pensiero, 1969. XV. 223 p.
Рец.: *Николаева Т. М.* [Рец.:] N. Kauchtschischwili. La narrativa di I. S. Turgenev. Problemi di lingua e arte. Milano, 1969 // Труды по знаковым системам. 6: Сборник научных статей в честь Михаила Михайловича Бахтина (к 75-летию со дня рождения) / Отв. ред. Ю. Лотман. Тарту, 1973. С. 549–552. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 308).
6. Mat' Marija: il cammino di una monaca. Vita e scritti / Nina Kauchtschischwili; note a cura di Adalberto Mainardi, monaco di Bose. Magnano: Qiqajon, 1997. 242 p.

Статьи и публикации

1. Note sul "Gore ot uma" di Aleksandr Sergeevič Griboedov // Aevum. 1959. Fasc.1–2. P. 66–144.
2. L'arte di Boris Pasternàk // Aevum. 1960. Fasc. 3. P. 234–252.
3. Il poeta Pasternàk // Vita e Pensiero. 1960. № 8. P. 552–560.

* Составители Эльда Гаретто, Розанна Казари, Франческа Мельци д'Эрил Каухчишвили.

4. Alcune considerazioni su un incontro tra P. A. Vjâzemsjij e Alessandro Manzoni // *Aevum*. 1962. Fasc. V–VI. P. 443–462.
5. Stendhal et Turgéniev à Florence en 1833 // *Stendhal Club*. 1962. № 15. P. 267–270.
6. Anselmo Ronchetti e i suoi amici russi // *Il Risorgimento*. 1963. № 15. P. 20–30.
7. Alcune lettere di Zinaïda Volkònskaja a P. A. Vjâzemsjij // *Aevum*. 1966. Fasc. I–II. P. 125–137.
8. Considerazioni sull'istruzione nella narrativa di Cechov // *Vita e Pensiero*. 1965. № 11. P. 900–908.
9. A proposito della “Bella Georgiana” del Goldoni // *Studi Goldoniani*. 1968. № 1. P. 135–142.
10. Il cardinale G. Mezzofanti nei rapporti col mondo culturale russo dell'800 // *Studi in onore di Arturo Cronia*. Università degli Studi di Padova. Padova, 1967. P. 261–278.
11. “La Bella Georgiana”. Tragikomödie von Carlo Goldoni // *Bedi Kartlisa. Revue de Kartvéologie*. 1970. № 27. P. 179–186.
12. La funzione artistica dei nomi propri // *Ricerche slavistiche*. 1970–1972. Vol. XVII–XIX. P. 273–290.
13. Il tema della notte nel romanticismo e la “Gruzinskaja noč” di A. S. Griboedov // *Ricerche slavistiche*. 1973–1974. Voll. XX–XXI. P. 227–244.
14. О художественных функциях личных и собственных имен // *Русский язык за рубежом*. 1974. № 1. P. 87–88.
15. Relations culturelles italo-géorgiennes // *Atti del primo Simposio Internazionale sull'Arte Georgiana*. Bergamo. 28–30 giugno 1974. Milano 1977. P. 1–6.
16. I. S. Turgenev e l'Italia // *Miscellanea Turgeneviana / Nina Kauchtschischwili*. Istituto Universitario di Bergamo. Bergamo, 1977. P. 77–287.
17. La dynamique du geste dans l'art figuratif (méthode de lecture) // *Bedi Kartlisa. Revue de Kartvéologie*. 1978. № 36. P. 300–308.
18. G. Papini e L. N. Tolstoj // *Contributi italiani all'VIII Congresso internazionale degli Slavisti*. Zagreb-Ljubljana 1978. Roma, 1978. P. 191–205.

19. Tra Russia ed Italia: Appunti da un diario di viaggio di G. Quarenghi // Studi in onore di Ettore Lo Gatto / A cura di Antonella D'Amelia. Roma: Bulzoni, 1980. P. 107–117.
20. La cultura russa e l'Italia: introduzione // La traduzione letteraria dal russo nelle lingue romanze e dalle lingue romanze al russo. Milano: Cisalpino, 1979. P. 347–361.
21. L'opera di Dostoevskij: A Bergamo il quarto congresso internazionale di studi // Vita e Pensiero. 1980. № 10. P. 62–67.
22. Turgenev europeista // Turgenev e la sua opera. Colloquio italo-sovietico: Atti dei Convegni Lincei № 44. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1980. P. 105–128.
23. Le portrait littéraire chez Dostoevskij // Actualité de Dostoevskij. Genova: La Quercia ed., 1982. P. 197–213.
24. Alcuni aspetti specifici della poetica dostoevskiana // Problemi attuali di critica dostoevskiana. Milano: Istituto lombardo di Scienze e Lettere, 1983. P. 33–55.
25. Insegnamento della storia della letteratura: problemi del corso istituzionale // La letteratura russa: Problemi e prospettive. Genova: La Quercia ed., 1982. P. 63–80.
26. Il cromatismo e il testo letterario: Note per una lettura della lirica di Blok // Ricerche in laboratorio e intervento nella società: Orientamento e prospettive della psicologia in Italia. Milano, 1982. P. 510–530.
27. La musica e il testo letterario // Mondo slavo e cultura italiana: contributi italiani al IX Congresso Internazionale degli Slavisti. Kiev 1983. Roma: Il Veltro. 1983. P. 188–207.
28. Художественные приемы Тургенева в рассказе «Три встречи» // Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the U.S.A, XVI. New York, 1983. P. 97–112.
29. L'icône dans l'œuvre dostoevskienne // Dostoevskij und die Literatur. Köln-Wien: Bohlau Verlag, 1983, P. 123–146.
30. Alcuni aspetti specifici della poetica dostoevskiana // Problemi attuali di critica dostoevskiana: Atti del Convegno tenuto a Milano il 14 e 15 Maggio 1982. Milano: Istituto Lombardo di Scienze e Lettere, 1983. P. 33–55.

31. Gogol' pittore e ritrattista // Gogol e la sua opera: Atti dei Convegni dei Lincei № 58. Roma, 1983. P. 123–150.
32. Riflessioni intorno al 'Mir iskusstva' // 'Mir Iskusstva'. Roma: Ed. e/o, 1984. P. 43–54.
33. Il colore e l'opera poetica di A. A. Blok // Atti del Symposium Aleksandr Blok / A cura di E. Bazzarelli e J. Křesàlková. Milano, 1984. P. 215–239.
34. О художественных приемах у Гоголя // Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the U.S.A. Vol. XVII. Issue dedicated in part to Nikolai Gogol on the 175th Anniversary of his Birth. New York, 1984. P. 49–67.
35. F. M. Dostoevskij e la tradizione filosofica russa // Dostoevskij e la sua opera: Atti dei Convegni dei Lincei № 69. Roma, 1985. P. 49–68.
36. Architectul tarului-Giacomo Quarenghi // Seculul. № 20. 1986. P. 66–70.
37. "L'eterna attesa" nella cultura contemporanea // Quaderni del Dipartimento di Linguistica e Letterature comparate. Bergamo, 1985. P. 129–144.
38. La cultura e l'unità dei cristiani in Pavel Florenskij // Studi ecumenici. 1986. № 3–4. P. 321–346.
39. Pavel Florenskij: tappe di una formazione // Studi ecumenici. 1986. № 3–4. P. 377–389.
40. La prose romantique russe en Italie // Le romantisme russe et les littératures néolatines / Ed. Jean Bonamour et M. Colucci. Firenze: Le Lettere, 1987. P. 121–142.
41. Tematica e motivazioni strutturali nella novella "fantastica" di Turgenev // Turgenev e l'Italia / A cura di Alessandro Ivanov. Genève: Slatkine, 1987. P. 63–79.
42. Pavel Florenskij teologo e cultore di cose artistiche // Strumenti critici. 1987. № 1. P. 113–150.
43. Turgenev und Italien // Zeitschrift für Slawistik. 1987. № 32. P. 434–440.
44. A. Belyj e V. Solov'ev: Riflessioni su un ricordo incancellabile // Europa Orientalis, VI. Salerno, 1987. P. 95–134.

45. P. A. Florenskij tra antichità e mondo moderno // Contributi italiani al X congresso internazionale degli slavisti (Sofia, 1988) / Europa Orientalis, VII. Salerno, 1988. P. 431–449.
46. Nel cammino di un popolo – il dramma della fede // Presbiterium. 1988. № 5. P. 329–339.
47. Mat' Marija madre-eroina dei nostri giorni // Servitium: quaderni di spiritualità. 1988. № 22. P. 95–134.
48. Конференция в Бергамо [о П. Флоренском] // Наука и религия. 1988. № 6. С. 56–57.
49. Il risveglio della chiesa russa // La rivista del clero italiano. 1989. № 2. P. 133–140.
50. П. А. Флоренский и итальянское Треченто // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1989. № 35 (1–2). С. 45–59.
51. La prospettiva rovesciata in alcuni racconti di A. S. Puškin // Alessandro Puškin nel 150o anniversario della morte. Milano: Istituto Lombardo Accademia di Scienze e Lettere, 1989. P. 129–153.
52. Cattolici a rischio nella Berlino nazista // Jesus. 1990. № 2. P. 76–78.
53. Problemi di metodologia: A proposito di 'Naplastovanije egejskoj kul'tury' di P. A. Florenskij // Filologia e letteratura nei paesi slavi: Scritti in onore di Sante Graciotti. Roma, 1990. P. 423–441.
54. La radicalità spirituale come sorgente di solidarietà: A proposito dello starčestvo russo // Dalla tolleranza alla solidarietà. Milano: Franco Angeli, 1990. P. 71–77.
55. P. A. Florenskij, Sidzurelisa da modernis esacheb [П. А. Флоренский. О древности и современности — на грузин. яз.] // Spektri, I. 1991. P. 51–57.
56. Мемуарные записи в художественной литературе // Андрей Белый — мастер слова-искусства-мысли. Paris: Atheneum, 1991. С. 9–78.
57. Борисов-Мусатов — живописец и Андрей Белый // Андрей Белый — мастер слова-искусства-мысли. Paris: Atheneum, 1991. С. 179–202.
58. Recenti pubblicazioni sul cristianesimo in Russia // Cristianesimo nella storia. Bologna: Edizioni Dehoniane (EDB). № XIII. 1992. P. 171–189.

59. Dante, Anna Achmatova e Florenskij // Atti del Convegno nel centenario della nascita di Anna Achmatova: Torino 12–13 dicembre 1989. Torino: Edizioni dell'Orso, 1992. P. 171–191.
60. Borisov-Musatov e A. Belyj. Simbolismo o simbolismi? // Studi slavistici offerti a Alessandro Ivanov nel suo 70. Compleanno / A cura di Marialuisa Ferrazzi. Udine: Università degli studi di Udine. 1992. P. 181–199.
61. Caratteri del monachesimo russo // Cristianesimo nella storia: ricerche storiche esegetiche teologiche. 1992. № II. P. 383–399.
62. Теория имен Флоренского и древнерусский ономастикон в художественной литературе XIX века // Русский язык за рубежом. 1992. № 1. С. 84–89.
63. Русский монастырь и русская культура // Оптина пустынь: монастырь и русская культура. Материалы Международного симпозиума в г. Бергамо, 19–23 апреля 1990 г. / Под ред. Н. М. Каухчишвили, Н. К. Бонецкой / Институт русского языка РАН. М.: Помовский и партнеры, 1993. С. 9–19.
64. Цветовая гамма и предметный мир в «Белой гвардии» Михаила Булгакова // *Euroa Orientalis*, XII. 1993. P. 301–322.
65. Два представителя русской религиозной философии начала нашего века: Павел Флоренский и Владимир Эрн // Священник Павел Флоренский: освоение наследия / Под ред. Н. М. Каухчишвили и Н. К. Бонецкой. М.: Помовский и партнеры, 1994. С. 144–167.
66. Московская философско-математическая школа и духовно-литературная среда начала XX века // *Russian literature*. 1994. Т. XXXVI. С. 317–334.
67. П. А. Флоренский от древности к стилю модерн // П. А. Флоренский и культура его времени. Marburg: Blaue Horner Verlag, 1995. С. 39–52.
68. Tra architettura e poesia: dalla città dell'eroe al 'Poema senza eroe': l'architetto bergamasco G. Quarenghi e San Pietroburgo // Giacomo Quarenghi e il suo tempo. Bergamo: Moretti e Vitali, 1995. P. 9–23.
69. Spiritualità e bellezza: dialogo a distanza con la cultura russa: Nil Sorskij e l'escicismo // Atti del II Convegno ecumenico internazionale

- di spiritualità russa. Bose 21–24 settembre 1994 / A cura di A. Mainardi. Magnano: Edizioni Qiqajon, 1995. P. 21–38.
70. Некоторые моменты «культурного взрыва» в России // «Свое» и «чужое» в литературе и культуре / *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, IV. Тарту, 1995. С. 25–44.
71. La Russia e Roma: alcune riflessioni sui rapporti ecumenici tra chiese cattolica e ortodossa // *Cristianesimo nella storia*. Bologna: Edizioni Dehoniane (EDB). 1996. № 1. P. 121–152.
72. Гоголь — художник и живописец // *Вопросы классической филологии*. 1996. Т. XI. С. 130–156.
73. Letteratura e architettura: sintesi o conflitto? // *Testo letterario e immaginario architettonico* / A cura di R. Casari. Milano: Jaca Book, 1996. P. 155–156.
74. San Sergio e la santità russa // *San Sergio e il suo tempo: Atti del I Convegno ecumenico internazionale di spiritualità russa*, Bose 15–18 settembre 1993 / A cura di N. Kauchschischwili e A. Mainardi, prefazione di E. Bianchi. Magnano: Edizioni Qiqajon (Comunità di Bose), 1996, P. 17–33.
75. Florenskij, Bachtin, Lotman (dialogo a distanza) // *Slavica Tergestina*. № 4. Trieste, 1996, P. 65–80.
76. Tradizione religiosa e sollecitazioni illuministe nella cultura russa del settecento, in Paisij, lo starec: Atti del III Convegno ecumenico internazionale di spiritualità russa “Paisij Veličkovskij e il suo movimento spirituale”. Bose, 20–23 settembre 1995 / A cura di A. Mainardi. Magnano: Qiqajon, 1997. P. 27–44.
77. От Гоголя до Достоевского — причем тут Бахтин? // *Bahtin in humanistične vede: zbornik prispevkov z mednarodnega simpozija v Ljubljani, 19–21 oktobra 1995*. = *Bakhtin and the Humanities: Proceedings of the International Conference in Ljubljana. October 19–21 1995*. Ljubljana, 1997. P. 225–238.
78. Русская «география душевная» и эмиграция (мать Мария Скобцова) // *Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара*. Тарту, 1997. С. 119–131.

79. Незабываемая встреча // Вышгород (Таллинн). 1998. № 3. С. 190–194.
80. Fra Tartu e Bergamo: L'incontro con un grande maestro // Jurij Lotman. Il girotondo delle muse. Saggi sulla semiotica delle arti e della rappresentazione / A cura di Silvia Burini. Bergamo: Moretti e Vitali, 1998. P. 13–18.
81. La luce dello Spirito nella tradizione religiosa russa // Atti del IV Convegno ecumenico internazionale di spiritualità russa “Da Sarov a Diveevo. San Serafim e il rifiorire del monachesimo in Russia nel XIX secolo”. Borse 18–21 settembre 1996 / A cura di A. Mainardi. Magnano: Edizioni Qiqajon, 1998. P. 39–60.
82. “Svoe”, “Čužoe” e Optina Pustyn’: un tentativo di lettura retrospettiva della cultura russa // Atti del V Convegno ecumenico internazionale di spiritualità russa “La Grande Vigilia. Santità e spiritualità in Russia tra Ignatij Brjančaninov e Ioann di Kronstadt”. Borse 17–20 settembre 1997 / A cura di A. Mainardi. Magnano: Edizioni Qiqajon, 1998. P. 57–72.
83. Андрей Белый и Николай Васильевич Бугаев // Москва и «Москва» Андрея Белого / Сост. М. Л. Спивак, Т. В. Цивьян. М.: Изд. центр Рос. гос. гуманит. ун-та, 1999. С. 45–57.
84. Н. А. Бердяев и мать Мария // Записки русской академической группы в США. 1999. Т. XXIX. С. 73–106.
85. Spirito di libertà come scelta di vita: Nikolaj Berdjaev // Atti del VI Convegno ecumenico internazionale di spiritualità russa “L'autunno della Santa Russia. Santità e spiritualità in Russia in un tempo di crisi e persecuzione (1917–1945)”. Borse 16–19 settembre 1998 / A cura di A. Mainardi. Magnano: Edizioni Qiqajon, 1999. P. 231–250.
86. Мусор или красота, по поводу «Идиота» Достоевского // Studia literaria polono-slavica. 1999. Т. IV. С. 181–194.
87. Св. Нино и роль женщины в Византии первых веков // Caucasia. 1999. Т. III. С. 54–58.
88. Повествовательная проза Матери Марии // Russian Literature. 2000. Т. XLVI. № IV. С. 437–451.

89. Звучность художественного текста // Музыка и незвучащее / Ред. В. В. Иванов; Е. В. Пермяков; Т. В. Цивьян. М.: Наука, 2000. С. 159–166 (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт мировой культуры).
90. Santa Nino e la donna nel mondo bizantino // Santa Nino e la Georgia: Pontificium Ateneum Antonianum. Roma, 2000. P. 51–60.
91. География, либо художественная канва «Бесов» Достоевского // Slavica Tergestina. № 8. Trieste, 2000. P. 37–52.
92. Лубочная изобразительность в «Бесах» Достоевского // Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri / A cura di G. Pagani-Cesa e Ol'ga Obuchova. Venezia, 2000. P. 189–203.
93. Religione e politica nella vita di tre donne degli anni trenta: Edith Stein, Simone Weil, Mat' Marija // Alle radici della divisione: una rilettura dei grandi scismi storici. Milano: Ancora, 2000. P. 133–151.
94. L'idea di sobornost' e la cultura russa: riflessioni preliminari // La notte della chiesa russa: Atti del VII Convegno ecumenico internazionale di spiritualità russa “La chiesa ortodossa russa dal 1943 ai nostri giorni”. Borse 15–18 settembre 1999 / A cura di A. Mainardi. Magnano: Edizioni Qiqajon. 2000. P. 191–208.
95. Анаморфоза или искаженность как художественный прием по теориям Флоренского и Балтрушайтиса в повестях Н. В. Гоголя // Europa Orientalis, XIX. Salerno, 2000. P. 185–200.
96. Il Kukul'nyj teatr dei coniugi Efimov // Europa Orientalis, XIX: Spettacolo e vita quotidiana nella Russia moderna / A cura di Antonella D'Amelia. Salerno, 2000. P. 275–294.
97. Провинция в некоторых повестях Н. С. Лескова // Русская провинция: миф-текст-реальность. М.; СПб., 2000. С. 233–240.
98. Getsa kao simultanost (A. Belyj i M. Bulgakov) // Simultanizam: Zagrebački pojmovnik kulture 20. stoljeća / Red. A. Flaker, Ja. Vojvodič. Zagreb: Filozofski fakultet u Zagrebu, 2001, P. 69–84.
99. Три деятеля современной культуры в Грузии: П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн, А. В. Ельчанинов // Caucasica. 2001. Т. IV. С. 57–66.

100. Значение наследия Флоренского при поисках актуальной точки зрения в современном культуроведении // Pavel Florenskij — Tradition und Moderne. Frankfurt a M.: Peter Lang, 2001. S. 363–380.
101. La donna e la spiritualità russo ortodossa // Quaderni 'Ecumenismo e dialogo'. Torino, 2001. P. 89–95.
102. La santità laica nella letteratura russa // Forme della santità russa: Atti dell'VIII Convegno ecumenico internazionale di spiritualità ortodossa. Sezione russa. Borse 21–23 settembre 2000 / A cura di A. Mainardi. Magnano: Edizioni Qiqajon, 2002. P. 255–278.
103. Mat' Marija Skobcova e il problema del monachesimo russo dopo la rivoluzione // Vie del monachesimo russo: Atti del IX Convegno ecumenico internazionale di spiritualità ortodossa. Sezione russa. Borse 20–22 settembre 2001 / A cura di A. Mainardi. Magnano: Edizioni Qiqajon, 2002. P. 291–308.
104. La donna e la spiritualità russo ortodossa // Per una riconciliazione delle memorie: Le chiese cristiane d'Oriente. Vol. 2. Quaderni "Ecumenismo e Dialogo № 6 / A cura di Stefano Rosso e Emilia Turco. Torino, 2002. P. 89–96 (Commissione interregionale per l'ecumenismo e il dialogo Piemonte–Valle d'Aosta).
105. La "2ª Sinfonia" di Andrej Belyj // Linguistica e Filologia. № 14: Problemi di metodologia e interpretazione. In onore di Monica Beretta. Università degli Studi di Bergamo. 2002. P. 213–234.
106. Некоторые замечания о художественном пространстве в творчестве Михаила Булгакова // Булгаковский сборник, IV: Материалы по истории русской литературы XX века. Таллинн, 2002. С. 11–19.
107. Iosif Brodskij emigrante russo e cittadino del mondo // Atti del convegno "Iosif Brodskij, un crocevia fra culture: Italia e oltre nella poesia e nella prosa di Iosif Brodskij (Venezia, 25–26 maggio 2000) / A cura di Alessandro Niero e Sergio Pescatori. Milano: MG, 2002. P. 113–127.
108. Иконные горки и структура некоторых приемов у Достоевского (предварительные замечания) // Sine arte, nihil: Сборник

- научных трудов в дар профессору Миливое Йовановичу / Ред.-сост. К. Ичин. М.: Пятая страна, 2002. С. 142–154.
109. Святость, юродство, странничество и старчество Матери Марии // Мать Мария <https://mere-marie.com/fate/svyatost-yurodstvo-strannichestvo/>
110. Берлин — город моего прошлого // *Europa Orientalis*, XXIII. Vol. 2. Salerno, 2003, P. 21–37.
111. Il pellegrinaggio in Russia e in occidente, in *Optina Pustyn'* e la paternità spirituale // *Atti del X convegno ecumenico internazionale di spiritualità ortodossa, sezione russa. Bose 19–21 settembre 2002* / A cura di A. Mainardi. Magnano: Qiqajon, 2003. P. 211–234.
112. La formazione di Pavel Florenskij e il testo letterario // *Humanitas*. 2003. Vol. 58. P. 555–573.
113. Бесконечность русской земли: причем тут провинция? (предварительные замечания) // *Russian Literature*. 2003. Vol. LIII. P. 113–125.
114. Флоренский в Грузии // *Caucasica*. 2003. № 7. С. 125–135.
115. Campagna vs. città: Ivan S. Turgenev e Ivan A. Gončarov // *Arcipelago*. 2003. № IV. P. 37–52.
116. Динамика пространства и провинции в художественной литературе (предварительные соображения) // *Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты*. М.: Моск. гос. ун-т [и др.], 2004. С. 519–532.
117. Орнитологические метафоры и сравнения у Достоевского // *Лотмановский сборник, III* / Ред. Л. Н. Киселева и др. М.: ОГИ, 2004. С. 327–339.
118. Der “kleine” Widerstand: Berliner Erinnerungen (1925–1940) // *Freiburger Rundbrief* 2004. № 3. P. 194–200.
119. Гоголь – Достоевский – Гоголь // *Russian literature*. 2004. Vol. LVI. P. 213–228.
120. Время как творческий импульс // *Антропология культуры*. М.: Вердана, 2004. С. 279–292.
121. Dal testo alla biografia interiore // *Percorsi drammaturgici e teatrali*. Bergamo: Bergamo University press, 2004. P. 63–81.

122. “L’occidente, con le sue categorie razionali, non riesce ad abbracciare la bellezza” / Dialogo con Nina Kauchtschischwili – Silvia Burini e Gian Piero Piretto // eSamizdat. 2004. Vol. II. № 3. P. 9–13.
123. Душевная биография и петербургские районы Достоевского // Петербург столица русской культуры / A cura di A. D’Amelia. Salerno: Europa Orientalis, 2004. Vol. 2. P. 83–98.
124. Андрей Белый и внутренняя биография. Предварительные замечания // Europa Orientalis, XXIV. Salerno, 2005. P. 35–46.
125. Мандельштам и Малевич (предварительные соображения) // Argumentum. Budapest, 2004. P. 400–412.
126. Андрей Белый и экспрессионизм // Deutschland, Italien und die slavische Kultur der Jahrhundertwende: Phänomene europäischer Identität und Alterität // Trierer Abhandlungen zur Slawistik. 2005. Bd. 6: Peter Lang. S. 231–244.
129. Preghiera e silenzio interiore // La preghiera di Gesù nella spiritualità russa del XIX secolo: Atti del XII Convegno ecumenico internazionale di spiritualità ortodossa, sezione russa, Bose, 16–18 settembre 2004 / A cura di A. Mainardi. Magnano: Qiqajon, 2005. P. 293–306.
130. Le porte regali: iconologia e spiritualità in Pavel Florenskij // Andrej Rublev e l’icona russa: Atti del XIII Convegno ecumenico internazionale di spiritualità ortodossa, sezione russa, Bose, 15–17 settembre 2005 / A cura di A. Mainardi. Magnano: Qiqajon, 2006. P. 243–258.
131. La lingua necessaria: una scelta negata // Lingua, alterità, identità: Atti del Convegno internazionale tenutosi presso l’Università degli Studi di Bergamo il 24 e 25 novembre 2005 / A cura di M. Caratozzolo, F. Melzi d’Eril e F. Venier. Dintorni. Rivista di letterature e culture dell’Università degli Studi di Bergamo, 2006. P. 97–107.
132. Nikolaj Leskov e lo spirito missionario: parola di un uomo, parola di Dio // Le missioni della chiesa ortodossa russa: Atti del XIV Convegno ecumenico internazionale di spiritualità ortodossa, sezione russa, Bose, 18–20 settembre 2006 / A cura di A. Mainardi. Magnano: Qiqajon, 2007. P. 141–154.

133. Последнее сочинение П. А. Флоренского «Оро»: поэтика судьбы // На меже меж Голосом и Эхом: Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян / Сост. Л. О. Зайонц. М.: Новое Издательство, 2007. P. 188–202.
134. Il mondo reale come organizzazione dello spazio // La tecnica e il corpo. Riflessioni su uno scritto di Pavel Florenskij / A cura di B. Antomarini, S. Tagliagambe. Milano: Franco Angeli, 2007. P. 25–37.
135. Dostoevskij e il denaro // ASB. Quaderno № 20. Milano, 2007. P. 15–29.
136. Santa Nino e il monachesimo nel mondo bizantino // Quaderni di Camaldoli № 36: Monachesimo e trasfigurazione tra oriente e occidente / A cura di R. Nardin e N. Valentini. Bologna: Edizioni Dehoniane, 2008. P. 77–90.
137. Раиса Маритэн и русская диаспора Парижа // Europa Orientalis, XXVII. Salerno, 2008. P. 165–177.
138. La prospettiva rovesciata di P.A. Florenskij: Teoria e ideologia // Interdipendenza. 2008. № 9–10. P. 33–37.
139. Il destino dei Cosacchi del Don // I cosacchi in Italia. 1944–1945: Atti del Convegno di Verzegnis / A cura di Andrea Moro. Tolmezzo, 2008, P. 313–318.
140. Una madre spirituale tra rivoluzioni e persecuzioni: l'igumena Famar' Mardžanašvili (1869-1936) // La paternità spirituale nella tradizione ortodossa: Atti del XVI Convegno ecumenico internazionale di spiritualità ortodossa, Bose, 18–21 settembre 2008 / A cura di S. Chialà, L. Cremaschi, A. Mainardi. Magnano: Qiqajon, 2009. P. 243–259.
141. В творческой лаборатории Великого Инквизитора // F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues / Ed. K. Kroo and T. Szabò. Budapest, 2009. P. 228–235.
142. П. А. Флоренский и итальянский ренессанс // Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв. / Ред. О. В. Лебедева, Н. Е. Меднис. Томск: Изд. Томского университета, 2009. С. 5–14.

143. Metafore e similitudini ornitologiche nell'opera di F. M. Dostoevskij // Dostoevskij e la tradizione / A cura di M. Caratozzolo. Bari: Stilo, 2010. P. 19–44.
144. Jurgis Baltrušaitis e Pavel Florenskij: considerazioni preliminari // Quaderni di PsicoArt. 2010. № 1. P. 1–20.
145. М. В. Юдина — «свое» и «чужое» // М. Юдина. Нереальность зла: переписка, 1964–1966 гг. М.: Росспен, 2010. С. 620–631.
146. Андрей Белый: «Ветер с Кавказа» // Il territorio della parola russa. Immagini / A cura di R. Casari, U. Persi. M. C. Pesenti. Salerno: Europa Orientalis, 2011. P. 15–23.
147. Profilo di spiritualità. Mat' Marija, Simone Weil, Edith Stein // Donne di desiderio. Nina Kauchtschischwili tra oriente e occidente / A cura di Lucia Fagnoni. Cantalupa (Torino): Effata' editrice. 2015. P. 9–124.
148. Due voci della spiritualità orientale: santa Nino e Tamara Mardžanišvili // Donne di desiderio. Nina Kauchtschischwili tra oriente e occidente / A cura di Lucia Fagnoni. Cantalupa. (Torino): Effata' editrice. 2015. P. 125–141.

Вступительные статьи, редакторская работа

1. Miscellanea Turgeneviana // Istituto Universitario di Bergamo. Bergamo, 1977.
2. Historical Introduction // Art and Architecture in Medieval Georgia. Louvain-la-Neuve: Institut Supérieur d'Archéologie et d'Histoire de l'Art de l'Université Catholique. Collège Erasme. 1980. P. 9–24.
3. Prefazione // Andrej Belyj: tra mito e realtà. Teoria e pratica letteraria. Milano: Unicopli, 1984. P. V–XIV.
4. Presentazione // P. A. Florenskij. Attualità della parola. La lingua tra scienza e mito / A cura di Elena Treu. Milano: Guerini e Associati, 1989. P. 9–17.
5. Introduzione // Pavel Florenskij, Il sale della terra: vita dello starec Isidoro. Magnano: Qiqajon, 1992. P. 5–15.
6. Оптина Пустынь: монастырь и русская культура. Материалы Международного симпозиума в Бергамо. 19–23 апреля 1990.

- Вып. I / Ред. Н. М. Каухчишвили и Н. К. Бонецкая. М.: Помовский и партнеры, 1993. 337 с.
7. Священник Павел Флоренский: освоение наследия // Материалы Международного симпозиума в Бергамо, 19–23 апреля 1990. Вып. II / Ред. Н. М. Каухчишвили и Н. К. Бонецкая. М.: Помовский и партнеры, 1994.
 8. Prefazione // Vladimir Soloviev. Scritti letterari: saggi inediti di letteratura ed estetica. Cinisello Balsamo: Edizioni San Paolo, 1995. P. 5–23.
 9. P. A. Florenskij e la cultura della sua epoca: Atti del Convegno internazionale Università degli Studi di Bergamo 10–14 gennaio 1988 / A cura di Michael Hagemester e N. Kauchtschischwili. Marburg: Blaue Horner, 1995.
 10. San Sergio e il suo tempo: Atti del I Convegno ecumenico internazionale di spiritualità russa, Bose 15–18 settembre 1993 / A cura di N. Kauchtschischwili e Adalberto Mainardi. Magnano: Qiqajon, 1996. P. XI–XV.
 11. Introduzione // Vladimir Solov'ev. La Sofia: l'Eterna Sapienza mediatrice tra Dio e il mondo. Cinisello Balsamo: Edizioni San Paolo, 1997. P. 5–14.
 12. Pavel Florenskij nel Duemila. Prefazione // Pavel A. Florenskij. La sapienza dell'amore. Teologia della bellezza e linguaggio della verità / A cura di N. Valentini. Bologna: Edizioni Dehoniane, 1997. P. 9–21.
 13. Prefatà // Pavel Florenskij, Perspectiva inversà si alte scrievi. Bucaresti: Humanitas. 1997. P. 9–22

Рецензии

Michaela Böhmig. Das russische Theater in Berlin, 1919–1939. München: Otto Sagner, 1990 // Ricerche slavistiche. 1991. № 38. P. 383–388.

О Нине Каухчишвили

1. Dalla forma allo spirito: scritti in onore di Nina Kauchtschischwili / A cura di Rosanna Casari, Ugo Persi, Gian Piero Piretto. Milano: Guerini e Associati, 1989. P. 363.

2. Кафедра русской литературы Тартуского университета. Поздравление с 90-летием // <https://www.ruthenia.ru/document/547873.html>
3. Il territorio della parola russa. Immagini / A cura di R. Casari, U. Persi. M. C. Pesenti = Территория русского слова. Образы / Сост. и ред. Розанна Казари, Уго Перси, Мария Кьяра Пезенти. Salerno: Europa Orientalis, 2011. 303 с. [Вся книга посвящена памяти Н. Каухчишвили; см. особенно вступ. ст. редакторов — с. 6–14 и первый — мемориальный — раздел: Русское слово в 'бергамской школе' Н. М. Каухчишвили, с. 25–51].
4. Donne di desiderio. Nina Kauchtschischwili tra oriente e occidente / A cura di Lucia Fagnoni. Cantalupa (Torino): Effata' editrice. 2015. 236 p.
5. Нина Каухчишвили: Научное наследие, культурное завещание, воспоминания / Ред. Уго Перси, Андрей Полонский. Belgorod; Bergamo, 2021. 220 с.

Некрологи

1. Некролог на сайте Свято-Филаретовского института // <https://sfi.ru/sfi-today/news/otoshla-ko-gospodu-bolshoj-drug-pravoslavnoj-cerkvi-prof-nina-mihajlovna-kauhchishvili.html>
2. *Casari Rosanna*. Памяти Н. М. Каухчишвили, 1919–2010 // *Dostoevsky Studies*. 2012. № 16. P. 252–254.
3. *Додеро Марица*. Нина Михайловна Каухчишвили (20.VIII.1919–4.I.2010) // *Мир русского слова*. 2010. № 2.
4. *Талалай М. Г.* Русская Италия: памяти ушедших // *Берега*. СПб., 2010. Вып. 13. С. 37–40; библиография работ Н. М. Каухчишвили, составленная Ф. Мельци д'Эрил: С. 38–40.

TABULA GRATULATORIA

Associazione culturale Italia Russia di Bergamo

Vladimir Alexandrov

Ambrogio Barbieri

Giulia Baselica

Maria Cristina Bragone

Marco Caratozzolo

Rosanna Casari

Stefano Citterio

Comunità monastica di Bose

Mario Corona

Antonella d'Amelia

Giovanna Decio

Patrizia Deotto

Pia Dusi

Fagnoni Lucia

Marialuisa Ferrazzi

Giancarlo Ganzerla

Elda Garetto

Rita Giuliani

Francesca Gori

Caterina Graziadei

Jean Philippe Jaccard

Robert L. Jackson

Nana Kavtaradze

Ljubov' Kisseljova

Claudia Lasorsa

Bernadette Majorana

Fausto Malcovati

Nicoletta Marcialis

Emilio Mari

Gabriele Mazzitelli

Francesca Kaucisvili Melzi d'Eril

Elena Kaucisvili
Mikhail Kaucisvili
Laura Micheletti
Tatiana Nicolescu
Ugo Persi
Maria Chiara Pesenti
Adalberto Piovano
Gian Piero Piretto
Maria Plioukhanova
Andrej Polonskij
Damiano Rebecchini
Laura Rossi
Claudia Scandura
Ivan Verc
Maria Zappa

KOKKUVÕTE

NINA KAUCHTSCHISCHWILI. ITAALIA PJOTR VJAZEMSKI ELUS JA TEOSTES

Raamatu autor Nina Kauchtschischwili (1919–2010) oli silmapaistev Itaalia slavist, kaugel väljaspool Itaalia piire tuntud Bergamo ülikooli slavistikakateedri asutaja, autoriteetne vene-itaalia kultuuri- ja kirjandussidemete spetsialist, arvukate Ivan Turgenevit, Fjodor Dostojevskit, Pavel Florenskit, Andrei Belõid jt käsitlevate teoste autor. Ta sündis Berliinis ja oli pärit 1919. aastal Venemaalt emigreerunud gruusia-vene perekonnast. Tema tööelu möödus Itaalias, kuhu pere asus elama 1940. aastal. Ta õpetas Milano, Bari, Torino ja Bergamo ülikoolis.

1980. aastate lõpust alates oli Nina Kauchtschischwili tihedalt seotud Tartuga, pidas Tartu ülikoolis loenguid, hoidis lähedasi suhteid Juri Lotmani ja teiste vene kirjanduse kateedri liikmetega ning aitas arendada kateedri ja Itaalia slavistide vahelisi suhteid.

Tema monograafia „Itaalia Pjotr Vjazemski elus ja teostes“, mis anti välja 1964. aastal Itaalias, on oluline tähis vene-itaalia kirjandus- ja kultuuri-sidemete uurimise valdkonnas ning üks esimesi selleteemalisi süstemaatilisi uurimusi. Aastate möödudes ei ole teos oma tähtsust kaotanud ja tänu Kauchtschischwili õpilaste ja sõprade jõupingutustele antakse see nüüd välja venekeelsena.

Vürst Pjotr Vjazemski (1792–1878) oli tuntud vene luuletaja ja memuarist ning elu teisel poolel ka riigitegelane, rahvahariduse ministri asetäitja. Ta oli Nikolai Karamzini sugulane, Vassili Žukovski ja Aleksandr Puškini lähedane sõber, tundis isiklikult peaaegu kõiki vene, poola, prantsuse ja itaalia 1810.–1860. aastate kirjanikke ning jättis endast maha ulatusliku epistolaarse pärandi. Tutvumine Vjazemski märkmeraamatute ja kirjavahetusega võimaldas Kauchtschischwilil hinnata kirjaniku panust vene kultuuri levitamisse läänes. Olles veendunud, et itaalia kultuur mõjutas Vjazemskit vähemalt sama palju kui prantsuse kultuur, seadis

uurija endale eesmärgiks kirjeldada võimalikult üksikasjalikult, kui avar oli vürsti suhtlusring Itaalias ja milliste silmapaistvate isiksustega ta oma reise ajal tutvus. Sel eesmärgil pöördus autor arvukate Venemaa ja Itaalia arhiivimaterjalide poole (mis peegeldus ka tema essees Pjotr Vjazemski ja Alessandro Manzoni suhete kohta). Ulatuslikult on kasutatud selle ajastu vene ja itaalia ajakirjandust ning eelkõige mitmekõitelist väljaannet „Vjazemskite vürstiperekonna Ostafjevo arhiiv“.

Monograafia jaguneb kahte ossa, milles autor taastab üksikasjalikult Vjazemski Itaalia reise kronoloogia ja konteksti alates 1834.-1835. aasta saatuslikust esimesest reisist, mille ajal suri tema tütar Praskovja. Kauchtschischwili kirjeldab detailselt Vjazemski kohtumisi Firenzes ja Roomas ning nendest linnadest saadud muljeid, lisades kirjeldustele eredaid tsitaate märkmeraamatutest. Erilisel kohal on kujutuspildid Veneetsiast, kus Vjazemski elas pikemat aega aastal 1853 ja eriti aastatel 1863-1864. Suurt tähelepanu on pööratud Veneetsia arhitektuuri ja teatrielu tajumisele; kaasatud on ka Vjazemski nende aastate ulatuslik luulelooming, milles tihti kerkivad esile pildid Itaaliast.

Raamatu teine osa „Itaalia Vjazemski loomingu“ on täielikult pühendatud kirjaniku loomingu Itaalia teema analüüsile, tema suhtumisele itaalia keelde, ajalukku, kujutavasse kunsti, kirjandusse, aga ka muusikasse, mis mängis tema elus väga olulist rolli.

Monograafiat rikastavad kolm lisa: vürsti avaldamata kirjad pojale ja teistele pereliikmetele, talle saadetud Itaalia ja Prantsuse tegelaste kirjad ning tema Itaalia reise kronoloogia.

Vjazemski Itaaliast saadetud kirjad pojale, naisele ja poolõele aitavad samuti mõista tema meeleolu, hingelist seisundit nendel kuudel ja aastatel. Sel moel annab Kauchtschischwili lugejatele võimaluse mitte ainult veeta need kuud koos Vjazemskiga, vaid tutvuda ka tema epistolaarse pärandi olulise fragmendiga. Teine lisa sisaldab kirjaniku, kunstniku ja poliitiku Massimo d'Azeglio, literaat Jacopo Crescini, naturalisti ja poliitikategelase Giuseppe Fancesco Baruffi ning teiste kirju.

Vjazemski Itaalia reise koestik võetakse kokku kronoloogias, mis hõlmab kõiki kolme reisi: esimest sõitu peatumistega peamiselt Firenzes ja Roomas aastatel 1834-1835, teist käiku Veneetsiasse aastal 1853 ja viimast,

kümme aastat hiljem taas Veneetsiasse tehtud reisi, mis sisaldas ka lühiajalisi viibimisi Milanos, Vicenzas, Veronas ja Meranos.

Uurimuse edenedes joonistub välja üha selgem ja sügavam pilt Vjazemski mitmekesisest huvidest. See lubab näidata tema isiksust kui „üht vene 19. sajandi kirjanduse ja kultuuriajaloo kõige originaalsemat ja huvitavamat inimest“, nagu kirjutab Kauchtschischwili.

SUMMARY

NINA KAUCHTSCHISCHWILI. ITALY IN P. A. VYAZEMSKY'S LIFE AND WORKS

Nina Kauchtschischwili (1919–2010) was a prominent Italian Slavist scholar, a major specialist in Russian-Italian cultural and literary relations, well-known in Italy and abroad, author of several essays on Ivan Turgenev, Fyodor Dostoevsky, Pavel Florensky, Andrey Bely and others. She founded the Department of Slavic Studies at Bergamo University. Born in Berlin from a Georgian-Russian family that emigrated from Russia in 1919, her professional life was spent in Italy, where the family settled in 1940. She taught at the universities of Milan, Bari, Turin and Bergamo.

Since the late 1980s, Nina Kauchtschischwili was closely connected with Tartu, delivered guest lectures at Tartu University, maintained friendly relations with Yuri Lotman and other members of the Department of Russian Literature and contributed to the development of contacts between the Department and Italian Slavists.

Her monograph “Italy in P. A. Vyazemsky’s Life and Works”, published in Italian in Milan in 1964, is an important milestone in the field of Russian-Italian literary and cultural studies and one of the first systematic researches on this topic. It is a work that has not lost its significance over the years, so now, through the efforts of her students and friends, it is published in Russian.

Prince Peter Vyazemsky (1792–1878) was a Russian poet and memoirist; in the second half of his life, he was a statesman, fellow minister of public education. He was a relative of Nikolai Karamzin, a close friend of Vasily Zhukovsky, Alexander Pushkin, and personally knew several Russian, Polish, French and Italian writers of the 1810–1860s; his extensive epistolary legacy is of remarkable value. The acquaintance with Vyazemsky’s notebooks and correspondence allowed Kauchtschischwili to evaluate the writer’s contribution to the spread of Russian culture in the West.

Convinced that Italian culture had influenced Vyazemsky no less than French culture, she set herself the goal of bringing to light as much details as possible about the environments with which the prince had interacted in Italy, presenting prominent figures of different nationalities with whom he had met and communicated during his Italian travels. For this purpose, starting from a research on the relationship between Vyazemsky and Alessandro Manzoni, Kauchtschischwili examined a huge amount of Russian and Italian archival materials, the coeval Russian and Italian press and, primarily, the multi-volume edition of the "Ostafievsky Archive of the Princes Vyazemskys".

The monograph is divided into two parts. In the first the author reconstructs in detail the chronology and context of Vyazemsky's Italian travels, starting with the first, fateful visit in 1834–35, during which his daughter Praskovia died. Nina Kauchtschischwili describes in detail his meetings in Florence and Rome, his impressions of these cities, accompanying the descriptions with vivid quotes from the notebooks. A special place is occupied by the image of Venice, where Vyazemsky lived in 1853 and then in 1863–64. Much attention is paid to the perception of Venetian architecture and to the theatre activity. Vyazemsky's extensive poetic work of those years, in which various images of Italy often emerge, is also considered.

The second part of the book – "Italy in the works of Vyazemsky" – is entirely devoted to the analysis of the Italian theme in the writer's work, to his relations to the Italian language, history, fine arts, literature, as well as to music, which played a very important role in his life.

The monograph is enriched by three appendices: unpublished letters from the prince to his son and other family members, letters to him from Italian and French personalities, and a chronology of his Italian travels.

Vyazemsky's letters from Italy to his son, to his wife, to his half-sister also help to penetrate his mood, his state of mind in those months and years. Thus, Nina Kauchtschischwili gives readers the opportunity not only to spend these months with Vyazemsky, but also to get acquainted with an important fragment of his epistolary heritage. The second appendix includes letters from Massimo d'Azeglio, politician and writer, the writer

Jacopo Crescini, the naturalist and politician Giuseppe Francesco Baruffi and others.

The outline of Vyazemsky's Italian travels is summarized in the "Chronology of Vyazemsky's Travels in Italy," covering all three trips: the first, with a stay mainly in Florence and Rome in 1834–1835, the second – in Venice in 1853, and the last – ten years later, again in Venice and with short visits to Milan, Vicenza, Verona and Merano. The fourth's and fifth's appendices contain the lists of Nina Kauchtschischwili's publications.

As the book progresses, an increasingly clear and deep picture of Vyazemsky's varied interests emerges, allowing us to learn about the personality of "one of the most original and interesting people in the history of Russian literature and culture of the 19th century," as Nina Kauchtschischwili writes about him.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Адзолино ди Баньо В. 63
Адзолино Д. Б. 63
Адлерберг В. Ф. 211
Адлерберг Е. Н. (Полтав-
цева Е. Н.) 389
Адлерберг М. В. (Нелидова М. В.)
208, 211
Адлерберг Н. В. 44, 165
Александр I 36, 66, 69–71, 85, 120,
128, 134, 189, 193, 195, 299, 374
Александр II 26, 40, 62, 86, 159,
164, 177, 248
Александра Федоровна 54
Алеманни Л. 251
Альбрицци И. (Теоки И.) 188
Альбарелли Вордони Т. (Ро-
нер Т.) 188, 436
Альетти Ф. 197
Альфьери В. (Alfieri V.) 188, 251–
254
Аникеева О. Д. (Горчакова О. Д.)
193
Анненков П. В. 99
Анти, певица 50, 172
Антонмарки Ф. К. 124
Антонолини Ф. 299
Апраксин А. С. 296
Апраксин В. В. 210
Апраксин С. С. 32
Аретино П. 251
Ариосто Л. 52, 169, 227, 238, 243,
249–251, 294
Аттила 203
Ашбернем Б. 56
Байрон Дж. Г. 27–28, 33, 48, 103,
128, 142, 169, 172, 184, 188, 222,
243, 331, 343, 435
Байяр Ф. М. 337
Бакунин С. П. 365
Бальзак О. де 378
Бальмен А. А. 125
Барант П. де 246
Баратынская О. И. 65
Баратынский Е. А. 26, 418
Барбьери М. 96, 303
Бароцци Н. 187, 256, 280, 439
Барсуков Н. П. 20
Баргенов П. И. 219
Баруффи Дж. Ф. (Baruffi G. F.) 21,
223, 231, 255, 264–265, 414–424,
437
Батюшков К. Н. 26, 30–31, 221,
234, 243, 248, 274, 302, 380
Баур-Лормиан П. Ф. М. (Baour-
Lormian P.-M.-F.) 243, 246
Беззубов В. И. 18
Бей Р. 394
Белинский В. Г. 261
Белли Дж. Дж. (Belli G. G.) 77, 80–
82, 230, 428

* В указатель включены имена, встречающиеся в книге на страницах 9–439. В случаях, когда в тексте встречается написание имени как кириллицей, так и латиницей, оно расположено в кириллической части списка, а латинский вариант дан в скобках. Имена, написанные в книге только латиницей, приведены в конце списка.

- Беллини В. (Bellini V.) 169, 197–198, 434, 438
- Белломо Дж. (Bellomo G.) 191
- Белый А. 14
- Бембо П. 186
- Бенедек Л. А. фон 293
- Бензоне М. К. (Bensoni M. K.) 169
- Бентивольо П. 58
- Беранже П. Ж. де 128
- Беренгарио Т. Э. 210
- Бернарден де Сен-Пьер Ж.-А. 253
- Бёрне К. Л. (Börne K. L.) 408, 410
- Бертола А. 251
- Берше Г. 187
- Бетховен Л. В. 170
- Бибииков Д. Г. 42, 54, 113, 334, 351, 382–383
- Биолато Миони А. (Biolato Mioni A.) 26, 221, 298, 303
- Бирон Д. 64
- Бирон П. 64
- Блудов Д. Н. 351
- Богарне Г. де (Бонапарт Г.) 378
- Богарне А., герцог Лейхтенбергский 337
- Богданович И. Ф. 279
- Боккаччо Дж. (Boccasse G.) 73, 234–238, 241, 256
- Боргезе А. М. (Ла Рошфуко А. М. де) 87, 427
- Болдырев А. А. 211
- Болдырева Е. П. (Пален Е. П. фон дер) 211
- Бомарше П.-О. 172
- Бонапарт Жером 64, 72, 130, 341, 427
- Бонапарт К. (Мюрат К.) 127–129, 426
- Бонапарт Л. (Рамолино Л.) 126–127, 130–132, 341, 427
- Боргезе К. 87
- Боргезе, семья 428
- Боргезе Ф. 87
- Боргондио Дж. 97, 296–299, 303
- Бортнянский Д. С. 71
- Ботмер Э. (Bothmer E. von, Петерсон Э., Тютчева Э.) 336
- Брамбилла М. 171
- Брей Ю. де 338
- Брок П. Ф. 162
- Брофферио А. 268–269
- Бруни Ф. А. 26, 83, 101, 138, 430
- Брюллов К. П. (Brulow K.) 25, 117, 138, 350, 408, 410, 428
- Буало Н. 239
- Булгаков А. Я. 27, 31–32, 35, 38, 45, 69, 81, 97–98, 125, 166, 170–171, 198, 207, 222, 230, 277, 296–297, 299–302, 306, 412, 414–415
- Булгаков К. Я. 81, 221, 301
- Булгарин Ф. В. 325
- Буле И. Ф. 220
- Бульвер-Литтон Э. 328
- Бунзен Х. К. И. фон (Bunzen C. K. J. von) 133–135, 267, 427
- Бунина А. П. 188–189
- Буоль-Шауэнштейн К. Ф. 214
- Бурьенн Л. А. Ф. де 125
- Буте Э. де (Boutet E. de, Стюрмер Э.) 125, 205–206, 434–436
- Бутурлин Д. П. 55–57
- Бутурлин М. Д. 56–57, 302–303
- Бутурлин Н. Н. 210
- Бутурлина Елена Д. 57
- Бутурлина Елизавета Д. 57

- Бутурлина М. Д. 56–57
Вагнер Р. 170
Валабрег (Valabregue P.) 72
Валентины Дж. 186
Валери А.-К. (Valéry A.-C.) 28–29, 47
Валерио Ф. (Valerio F.) 222–224, 251, 419–420
Валуев П. А. 40, 152
Васильчиков И. В. 210
Васильчикова Т. В. (Пашкова Т. В.) 210
Ваттемар Н.-М.-А. 315
Вашингтон Дж. 271
Великанов И. И. 361
Великодная И. 16
Велудо Дж. 186, 209
Вендрамини А. 194
Веневитинов Д. В. 26
Вентура Дж. 227
Вентури-Олива, певица 171
Веньер Антуан 194
Веньер Аньес 194
Вергилий 145, 250, 399
Верди Дж. 171, 174, 226, 278, 437
Вересаев В. В. 298
Верне К. 350
Верне Л. (Деларош Л., Ларош Л.) 88–90
Верне Г. (Верне Орас, Vernet Emile Jean Horace) 89, 138, 428, 349, 430
Веронезе П. 197
Виварини Б. 197–198, 203
Дю Вивье, певица 71
Вигель Ф. Ф. 50, 297
Виголо Дж. 77
Виельгорские 412
Виельгорский Матвей Ю. 65, 302, 345
Виельгорский Михаил Ю. 64–65, 71, 302, 345
Виктор Амадей III 105
Виктурьен де Рошшуар А. X. 87
Вимпфен Ф. Э. Л. фон 157, 436
Висконти П. Э. 102, 342, 427
Виельгорская Л. К. (Wielhorsky L. K.) 64–65, 361
Власов М. А. 77
Влодек Е. М. (Завадовская Е. М.) 212
Волконская З. А. (Wolkonsky Z.) 13, 26, 32, 63, 75–84, 90, 96, 101, 111, 113, 138, 144, 209, 230, 302–303, 305, 307, 331, 339, 383–388, 428, 430–431
Волконский Г. П. (Wolkonsky G. P.) 412–413
Вольтер 13, 26, 32, 63, 75–84, 90, 96, 101, 111, 113, 138, 144, 209, 230, 302–303, 305, 307, 331, 339, 361
Воронцов-Дашков И. И. 61
Воронцов М. С. 380
Воронцова-Дашкова А. К. 211
Вытженс Г. (Wytrzens G.) 29, 38, 147, 149, 154, 221, 281
Вьессе Дж. П. (Vieusseux G. P.) 62, 193
Вяземская В. Ф. (Гагарина В. Ф.) 35, 39–40, 65, 110, 113–114, 151–152, 166, 200, 214, 226, 315, 317–318, 360–381, 390–399, 407, 432, 438–439
Вяземская М. А. (Столыпина М. А., Бек М. А.) 388–390
Вяземская М. П. 40, 42–43, 100, 103, 113, 152, 226, 261, 315, 317,

- 320–321, 330, 332, 340, 426–430, 432
- Вяземская Н. П. 40–43, 101, 110, 113, 151, 229, 261, 283, 291, 315, 317–318, 352, 360–361, 371, 382, 429–430
- Вяземская П. П. 34, 37, 39–43, 46, 48, 50, 73–74, 82–83, 88, 109–112, 144, 146–148, 274, 276, 309, 315–319, 331–333, 338–339, 345, 350, 353–354, 358–359, 363, 375, 377, 382, 384, 386–387, 431
- Вяземский А. И. 220
- Вяземский А. П. 109
- Вяземский Д. П. 109
- Вяземский Н. П. 109
- Вяземский Павел П. 37, 39–42, 75, 111–112, 151, 166, 242, 309, 316–333, 338–360, 371, 378, 381–382, 388–390, 396–397, 425, 437–439
- Вяземский Петр П. 109
- Гааз Ф. П. 140
- Габалеоне ди Сальмур Р. 266–267
- Габбе П. А. 380
- Гагарин Г. И. 29, 44, 82, 333, 336, 371
- Гагарин Е. Г. 371
- Гагарин С. С. 211, 389
- Гагарина Е. П. (Соймонова Е. П.) 336, 344
- Гагарина И. А. (Валевская И. А.) 211, 389
- Гагарина Н. Ф. (Святополк-Четвергинская Н. Ф.) 198
- Гагарины 65, 377
- Гальяни Ф. 100
- Гарибальди Дж. 270–271
- Гейдекен К. Е. 114, 362–364
- Гейм И. А. 220
- Гербель Н. В. 142
- Герцен А. И. 63
- Гёте И. В. фон (Goethe J. W. von) 25, 28, 72, 142
- Гинзбург Л. Я. 13, 276
- Гитлер А. 11
- Глинка С. Н. 31
- Гнедич Н. И. 223
- Гоголь Н. В. 14–15, 26, 40, 77, 92, 107, 111, 153–154, 186, 241, 255, 261
- Голенищев-Кутузов А. А. 336
- Голенищев-Кутузов А. П. 336
- Голицин Д. В. 32
- Голицын А. В. 152
- Голицын А. Н. 121, 193
- Голицын В. Д. 210
- Голицын Д. М. 296
- Голицын М. А. 67–68, 86
- Голицын С. Г. 369
- Голицын С. М. 67
- Голицын Ф. А. 67–68
- Голицына-Суворова М. А. 145
- Голицына Екатерина М. (Комон Е. М. де) 430
- Голицына Елизавета М. (Терци Е. М.) 85–86, 429–430
- Голицына Е. П. (Валуева Е. П.) 152, 174, 185, 210, 388–389, 433, 435
- Голицына Н. И. (Кутайсова Н. И.) 41
- Голицыны 85
- Головкина Н. Ю. 68
- Гольдони К. 251
- Гомер 66, 103, 299, 343
- Гораций 221
- Горцковский фон Горцков К. 157, 263, 278–279

- Горчаков А. И. 377
Горчаков А. М. 62–63, 121, 371
Горчаков К. 65
Горчаков М. М. 68
Гоци К. 188
Граберг да Хемсе Я. 255
Грибоедов А. С. 35
Григорий XVI 106–107, 344, 429
Гриффони У. 128
Грот Я. К. 71
Гудсон Дж. (Hudson J.) 399
Гуиди Баньо Д. 63
Гульельми П. Дж. 303
Гульянов И. А. 374
Гумбольдт А. фон (Humboldt A. von) 422–423
Гурьев А. Д. 68, 113, 121, 239, 361, 370, 377, 379, 383
Гурьев Н. Д. 26, 82, 86–87, 100, 239, 428
Гурьева Е. П. 430
Гурьева М. Д. (Нарышкина М. Д.) 26, 69, 86–87
Гурьевы 427–429
Гутенберг И. 324
Гюго В. (Hugo V.) 268
Д'Адзельо М. 120, 144, 368, 403–405
Д'Аламбер Ж. Л. 120
Д'Аржансон Р. де Войе де Пальми 196
Д'Артуа Г. Ш. граф де Шамбор 200, 208–209, 434, 438
Д'Эльчи А. 221
Давыдов Д. В. 69, 84
Давыдов И. И. 186
Давыдов Л. В. 84
Давыдов П. Л. 65
Давыдова А. В. (Лихачевская А. В.) 84
Давыдовы 96, 357, 427–430
Далль'Окка Ф. 117
Данте А. (Dante A.) 29–30, 73, 94, 169, 224–225, 227, 230, 247–250, 294, 355
Дантес Ж. Ш. 103, 343
Де Мерик, певица 115
Де России Г. 251
Деларош П. 89
Делатр-Лакур Л. 405–410
Делатр Л. (Delâtre L.) 21, 231
Делла Каза Дж. 251
Дель Драго, семья 428
Дельвиг А. А. 26, 418
Демидов А. Н. 129
Демидов Н. Г. 193
Демидов Н. Н. 71, 129
Депрерадович Н. И. 375
Державин Г. Р. 81, 103, 299, 343
Дерибас О. М. 222
Джексон Р. Л. 14
Джюльяни М. 71
Джустини Дж. 267
Дзамбони Л. 172
Дзандоменегги Л. 196, 436
Дзаппи Д. 58, 260
Ди Монтекатини Э. 58
Дидро Д. 253
Дини Д. Ф. 57
Дмитриев И. И. 123, 125, 241, 245–246, 250, 300
Долгоруков В. А. 296
Долгоруков И. А. 376
Долгоруков Ю. В. 32
Долгорукова Е. А. (Салтыкова Е. А.) 376

- Доницетти Г. (Donizetti G.) 58, 81,
97, 169–170, 428, 435–436
- Достоевский Ф. М. 14–15
- Драйден Дж. 237
- Дубенская В. И. 336
- Дурасов Н. А. 326
- Дюма А. 140
- Егоров А. Е. (Jegoroff A. J.) 408,
410
- Екатерина де Риччи, святая 128
- Екатерина II 66, 167, 208, 309
- Еропкин П. Д. 235
- Жадовские 394
- Женгене П.-Л. (Ginguené P.-L.)
233
- Жуковский В. А. (Joukowski V. A.)
26, 32–33, 37, 39–40, 109, 134–
135, 137, 177, 200, 227, 244–246,
274, 315–316, 319, 327, 333, 346,
354, 360, 383, 405, 407, 418
- Журдан Ж. 56
- Забелло К. С. 363
- Завадовский В. П. 212–213
- Загряжская Е. И. 337
- Зайцевский Е. П. 213
- Закревская А. Ф. (Толстая А. Ф.)
114–115, 362, 364
- Закревский А. А. 114
- Замойский В. 69
- Засецкая Ю. Д. 69
- Зенон Веронский 398
- Зервос С. 159
- Иван IV 246
- Иванов А. А. 26, 104
- Иванчин-Писарев Н. Д. 97, 300
- Измайлов А. Е. 350
- Измайлова А. И. (Голицына А. И.)
67
- Инконтри А. 62
- Иордан Ф. И. 26
- Италинский А. Я. 133
- Каванис М. А. ди 183–184, 434
- Кавос А. 421, 423
- Кавур К. Б. 266
- Казаротти М. 251
- Кайсаров А. С. 27, 221
- Кампан Ж. Л. 378
- Камуччини В. 138
- Канкрин Е. Ф. 334
- Канова А. (Canovae A.) 26, 49, 73,
169, 188, 192, 194, 196, 200
- Каподилиста Э. (Орестис Э.) 214,
398, 439
- Каппони Дж. (Carroni G.) 60–63,
129, 267
- Каппони М. (Фаринола М.) 62
- Каппони О. (Римеди О., Инкон-
три О.) 62
- Карамзин А. Н. 42, 103, 317, 332,
343
- Карамзин Н. М. 30, 39, 40, 78, 300,
307, 309, 317, 334
- Карамзина Е. А. (Кольва-
нова Е. А.) 30, 37, 39–40, 111–
112, 382–383
- Карамзина Е. Н. (Мещерская Е. Н.)
39, 67, 75, 84–85, 87, 90, 103–
105, 109–110, 114, 116, 128, 135,
145, 318–319, 329, 339, 357, 362
- Карамзина С. Н. 39, 64, 67, 75, 84–
85, 87–88, 90, 103–105, 109–110,
114, 116, 128, 135, 145, 318–319,
329, 339, 357, 362, 428, 430
- Карамзины 82, 315–316, 320–353,
359, 427–431
- Караччиоло Д. (Караччиоли Д.,
Caracciolo D.) 100, 106, 298,
339, 349

- Караччиоло Ди Белла К. 100
Карл Альберт 267
Карл Фридрих 430
Карл X 92, 347
Карл XII 373
Карл Б. (Carl B.) 97, 346
Каро А. 251
Кассиани Дж. 251
Кассини В. И. (Carizucchi di Cassini V.-M.-G.) 213
Кассини П. В. 213, 435, 437
Касти Дж. Б. 221, 243
Каталани Анжелика (Catalani A., Валабрег-Каталани А.) 52, 71–73, 97, 297–301
Каталани Аделина (Аделаида) 298
Каухчишвили М. Г. 9, 11, 364
Каухчишвили Г. М. 10
Каухчишвили Е. 9
Каухчишвили С. Г. 10
Каченовский М. Т. 223
Квадри А. (Quadri A.) 160, 163
Киндяков А. Л. 185, 211
Киндякова Е. П. 211
Кинэ Э. (Кине Э., Quinet E.) 126–127, 131
Кипренский О. А. 26, 138
Киселев П. Д. 121
Киселева Л. Н. 17
Киселева С. С. (Потоцкая С. С.) 121, 371
Клари-унд-Альдринген Э. фон 212
Клейст В. 213
Клейст Э. (Медем Э. де) 213
Кленце Л. фон (Klenze L. von) 335
Кнорринг В. К. 375
Козлов И. И. 26, 234, 254
Кокошкин Н. А. 63, 85, 127–128, 364
Кокошкин Ф. Ф. 246
Коломби Э. (Colombi E.) 77, 80
Комон де ла Форс М. К. 86
Комон А. Н. де, герцог Лозен 379
Компаньони Дж. 243
Констан Б. 254
Константин Николаевич, вел. кн. 159
Константин Павлович, вел. кн. 66, 258, 380
Конти М. 77
Копп И. Г. (Корр J. H.) 40, 43, 110–111, 315, 318, 320, 338, 361, 372, 375, 384, 386, 425
Коппола П. А. 430
Корнелиус П. фон 135
Корнель П. 240
Корреджо 122, 399
Коцебу А. фон 329
Кочеткова Т. В. 37, 76, 81
Красицкий И. 221
Красовская Д. А. (Глазунова Д. А.) 211
Красовский А. И. 211
Креки Р.-К.-В. де (Créquy R.-C.-V. de) 120
Крешини А. (Менегини А.) 411–412
Крешини Ж. (Crescini J.) 411–413
Крешини Я. 231, 256
Кривцов П. И. 85, 105, 345, 361, 364, 374
Крылов И. А. 35, 62
Крюднер А. М. (Лерхенфельд-Кеферинг А. М. фон) 44, 336, 338

- Крюднер А. С. (Криденер А. С.)
44, 336
- Кульман Н. К. 68–69
- Кугузов М. И. 212, 328
- Кушников С. С. 334
- Кьябрера Г. 251
- Кюрмер А. Л. (Curmer A. L.) 408–410
- Кюстин А. де 21, 146
- Лабицкий Й. 168
- Лаблаш Л. 97, 346
- Лагрене Л. 336
- Ладзари В. 187
- Ламармора А. Ф. 293
- Ламартин А. де (Lamartine A. de)
140, 144, 226, 268
- Ламберти А. М. 169
- Ламенне Ф. Р. де 349
- Ламздорф М. И. (Бек М. И.) 242, 294
- Лас Казас Э. 124, 129
- Латинский (И. Г.?) 407
- Латур А. де 254
- Лафероннэ П.-Л.-О. де 209
- Лафероннэ Ф. де 209
- Лафонтен Ж. де 236
- Ле Пэи Р. 164
- Лебедев М. М. 362
- Левенштерн В. И. 377
- Лейбниц Г. В. 236
- Леконт Ж. (Lecomte J.) 161–163, 166–167, 169, 175–176, 179, 182, 184, 188, 191–199, 203–204, 214
- Леммерманн Б. К. 83, 385
- Леопарди Дж. 63
- Леопольд II, великий герцог Госканы 55
- Лерминье Э. 261
- Лерхенфельд М. 335–336, 338
- Либри Г. 56
- Лист Ф. (Liszt F.) 405–407
- Литта Ю. П. (Литта Дж. Р.) 330
- Ло Гатто Э. (Lo Gatto E.) 219, 241
- Ловердос Д. 159
- Лой Э. (Кассини Э.) 213
- Локк Дж. 66
- Ломбардо С. 159
- Ломоносов М. В. 238–240
- Ломоносов С. Г. 380–381
- Лонги А. 200
- Лоредан Л. 194
- Лотман Ю. М. 15, 17–19, 259
- Лоу Х. 125, 128
- Лубьяновская А. Ф. (Кордеро-ди-Монтеземоло А. Ф.) 394
- Лудольф Д. К. 87, 427
- Луи Симон 55
- Луи-Филипп I 322
- Лунина Е. П. (Риччи Е. П.) 81, 301–302
- Лурье С. 17
- Лучи К. 57
- Людвиг I Баварский 43–44, 334
- Людовик XIV 379
- Лютцероде К. 373
- Лютцов Р. фон 90–91, 344, 352, 427, 429
- Мадзони К. 48
- Майр Ж. С. 169
- Макиавелли Н. 227, 251
- Максимилиан Саксонский 55
- Малибран М. 97–99, 346, 348
- Мандзони А. 11, 120, 144–145, 187, 254–256, 270, 280, 368, 404, 408, 410, 432–433, 438–439
- Мандзони Дж. 368
- Мансуров А. П. 375

- Мария Александровна, императрица 257
- Мария Анна Саксонская, великая герцогиня Тосканы 55
- Мария Антония Испанская 105
- Мария Каролина Бурбон-Сицилийская 200
- Мария Павловна, вел. кн. 430
- Мария Федоровна, вел. кн., императрица 186
- Мария II Португальская 337
- Мария-Луиза Австрийская 206
- Марк Атилий Регул 352
- Маркелов И. И. 319–320, 372, 381, 425
- Маркетти А. 251
- Мармье К. (Marmier К.) 406–409
- Мартино А. 430
- Маруцци А. П. (Сумарокова А. П.) 168
- Маруцци К. 167–168
- Маруцци П. 167
- Магушевич А. Ф. 49, 120, 380
- Маццини Дж. 267
- Медичи К. де 128
- Мейербер Дж. 336
- Меле К. 227
- Мелегари Л. А. (Melegari L. А.) 265, 422–423
- Меллер-Закомельский А. П. 86
- Мельци д'Эрил Каухчишвили Ф. 17
- Менотти Ч. 58
- Мерзляков А. Ф. 246
- Мери Ж. (Méry J.) 64, 67, 69, 72, 130, 132–133
- Меркаданте С. 303, 171, 434
- Местр К. де 145, 227, 419–420
- Метастазιο Л. 251
- Меттерних К. фон 72, 267
- Меццофанти Дж. Г. 136–138, 344, 427
- Мещерские 96, 100, 110, 340, 357–358, 427–431
- Мещерский Н. И. 67
- Мещерский Н. П. 75, 339
- Мещерский П. И. 39, 75, 329, 355
- Микеланджело Буонарроти 73
- Мин Д. Е. 248
- Минц З. Г. 18
- Мирабо О. Г. Р. 234–237
- Мицкевич А. 221
- Мишле Ж. (Michelet J.) 268
- Мольтке М. фон 398
- Монталамбер Ш. Ф. де (Montalembert С. F. R. de) 268–269
- Монти В. 251
- Монфор М. де 129
- Моравский Ф. 221
- Морган С. (Оуэнсон С., Morgan S.) 28, 220, 251
- Моргенштерн, шведский камергер 103, 343
- Морлайтер Д. М. 193
- Морлакки Ф. 48, 303, 426
- Моро Ж. В. 374
- Морозини М. 194
- Морозини Ф. 176
- Мортемар М. А. де (Mortemart М. А. de) 87–88, 143, 147, 361, 365–366
- Моска К. Б. (Mosca К. В.) 264, 422–423
- Моцарт В. А. 32
- Мочениго Г. Д. 207
- Мрочковская-Балашова С. 55
- Мур Т. 331
- Муравьев-Апостол И. М. 63, 66–67

- Муравьев А. М. 66
 Муравьев А. Н. 165, 194, 303
 Муравьев Н. М. 66
 Муравьева Е. Ф. (Колокольцева Е. Ф.) 66
 Муравьева П. В. (Грушецкая П. В.) 67
 Мусина-Пушкина М. А. 371
 Муханов А. А. 319
 Муханов Н. А. 212
 Муханов П. А. 86
 Мюссе А. де (Musset A. de) 29, 249
 Намиас Г. 209, 435–436
 Наполеон I Бонапарт 41, 78, 120, 124–126, 128–132, 166, 172, 189, 206, 220, 309, 328–329, 341, 373, 397, 427
 Наполеон II 133
 Наполеон III 268, 392, 396
 Нарышкин А. Л. 324
 Нарышкин Л. А. 121
 Нарышкина М. А. (Святополк-Четвертинская М. А.) 69
 Нарышкина О. С. (Потоцкая О. С.) 121, 371, 380
 Натова Н. А. 14
 Негри О. 226
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 241–242, 328
 Немцевич Ю. 221
 Ненчони П. (Пуччи П.) 59, 67
 Ненчони Э. 59
 Нерлих Ф. 199
 Нессельроде Ф. К. 258
 Нечаева В. С. 13, 36, 50, 89, 150, 221, 237, 243
 Нибур Б. Г. 133
 Никколини Дж. Б. 227, 267
 Николаева Т. М. 12
 Николай I 21, 36, 134, 154, 198
 Новосильцев Н. Н. 29, 221, 258–259
 Номпар де Комон Ф. Э. 86
 Норден Е. С. (Щербатова Е. С.) 209, 433
 Норов А. С. 12
 О’Рейли Е. И. 220
 Обер Д. 336
 Обренович Ж. (Хуньяди Ж.) 214
 Обресков А. М. 115, 364–365
 Овербек И. Ф. 135, 138
 Одоевский В. Ф. 125
 Озеров В. А. 241
 Озеров И. П. 375
 Озеров П. И. 210
 Озерова Е. П. 85
 Оливейра К. Б. де (Д’Оливейра К. Б., D’Oliveira K. B.) 416–417
 Орлов-Давыдов В. П. 65
 Орлов-Денисов М. В. 211
 Орлов Г. В. (Orloff G.) 62, 84
 Орлова-Денисова Е. И. (Черткова Е. И.) 211
 Орлова Н. В. 65
 Орловский А. О. (Orlowski A. O.) 139, 408, 410
 Орловы 65, 67, 361, 363
 Орсини, семья 428
 Орсини Ф. 268
 Остерман-Толстой А. И. 70
 Отуэй Т. 161
 Ошер П. (Aucher P.) 184–185
 Павези С. 303
 Павел I 186
 Павлов Н. Ф. 418
 Павлова К. К. (Яниш К. К., Paulof K. K.) 416, 418–420

- Паганини Н. (Paganini N.) 169–170
- Паллавичини Дж. (Нюжен Дж. де) 214
- Палладио А. (Palladio A.) 291, 398
- Палли-Бартоломеи А. 256
- Пальма Я. 197
- Панина М. А. 75
- Паолетти Ф. 227
- Парини Э. 251
- Паролетти В. 50
- Паста Д. 48
- Пачини Дж. 173, 436
- Пашков А. В. 388
- Пашков М. В. 210
- Пашков Н. М. 210
- Пашкова А. М. (Апраксина А. М.) 210
- Пашкова Е. М. (Озерова Е. М.) 210
- Пашкова Е. П. (Киндякова Е. П.) 388
- Пашкова Л. М. 210
- Пашкова М. М. (Голицына М. М.) 210
- Пашкова М. Т. (Баранова М. Т.) 210, 388
- Пашкова О. М. (Бутурлина О. М.) 210
- Пашкова Ю. М. (Судиенко Ю. М.) 210
- Педрокко А. 173, 436
- Педру I 337
- Пеллико С. (Pellico S.) 11, 21, 37, 66, 116, 143–145, 176, 227, 229, 255–256, 260, 264, 366, 414, 416, 418–419, 421, 432
- Пепе Дж. 226–227
- Перельмутер В. 16, 363, 371, 380
- Перовский А. А. 274
- Перри П. А. 117
- Перси У. 17
- Персиани Ф. (Persiani F., Такки-нарди Ф.) 130
- Персий 221
- Перуцци С. 172–173
- Пескантини Ф. (Pescantini F.) 405–407
- Петр I 42, 309, 373
- Петрарка 235, 238, 240–243, 294
- Пизани Дж. Дж. 210
- Пий IX 268
- Пико делла Мирандола Дж. 251
- Пиндемонте И. 169, 188
- Пинелли Б. 139
- Плана Дж. А. (Plana G. A.) 264, 422–423
- Плетнев П. А. (Pletnev P.) 241, 255
- Плиний 25
- Плюшар А. А. 186
- Погодин М. П. 99, 111
- Полевой Н. А. 325
- Полухтова Л. Ф. (Гагарина Л. Ф.) 390
- Понятовская И. (Риччи И., Ricci I.) 58
- Понятовская К. (Дзаппи К., Zappi K.) 58
- Понятовские 426
- Понятовский Дж. 58
- Понятовский К. 58
- Понятовский С. 57
- Попов М. И. 243
- Портогалло М. А. (Португал М. А., Portugal M. A., Simão M. A.) 71, 300
- Потемкина Е. М. 375

- Потоцкая М. А. (Potocky M., Салтыкова М. А.) 68, 83, 96, 104, 344, 428, 431
- Потоцкий Б. С. (Potocky B.) 83
- Потоцкий С. О. 69
- Поцци Дж. 172
- Прокеш фон Остен А. 133
- Протасова Е. И. 39
- Пулэтт Кэмерон Дж. 181
- Пучитта В. 300, 303
- Пуччи Дж. 59–60, 62
- Пушкин А. С. (Puschin A.) 20–21, 32, 35, 45, 54, 65, 81, 109–110, 115, 125, 144, 150, 153, 212–213, 221, 223, 226, 234, 237–241, 249–250, 289, 303–305, 307, 309, 333, 340, 371, 380, 418
- Пушкин В. Л. 300
- Пушкина Н. Н. 333, 337
- Радецкий Й. 158, 205–206, 435, 437
- Раевский Г. Ф. 380
- Разумовская М. Г. (Вяземская М. Г., Голицына М. Г.) 121, 389
- Разумовский А. К. 121, 193
- Разумовский Л. К. 121
- Раич С. Е. 234, 238–240, 244–246, 250
- Раньери А. 63
- Расин Ж. 103, 240, 342–343
- Ратисбон Л. Г. 230
- Ратти, певец 27
- Рафаэль Санти 25, 49, 122, 200
- Рахманов Г. Н. 85
- Рахманова Е. А. (Волкова Е. А.) 85
- Ребуль Ж. (Reboul J.) 139–140
- Реди Ф. 251
- Реймонт А. 62
- Рейнгардт Ф. Х. 220
- Рейсс Ф. Ф. (Рейс Ф. Ф.) 220
- Рейтерн Е. 135
- Ремон А. В. (Reumont A. V.) 267
- Рени Г. 49, 399
- Ренье Мишель Дж. (Renier Michiel G.) 164, 178, 180
- Репнина Е. Н. 85
- Рибопьер А. И. 375
- Ривароль А. 240
- Ринуччини Э. 64
- Ристори А. 399
- Риччарди Ф. (граф Камальдоли) 145, 432
- Риччи Д. 58
- Риччи Л. 430
- Риччи М. (Ricci M.) 81–82, 301–303, 388, 428
- Робер Л. 199–200
- Роберт Мудрый 240
- Роде П. 71, 300
- Роджерс С. 28, 52
- Розен Е. Ф. 86, 114
- Роллен Ш. 197
- Ролли П. 251
- Ронкетти А. 119, 397
- Ронкетти Дж. 397, 438
- Россини Дж. 81, 97, 170, 172, 225, 296–297, 302–304, 435
- Ростопчин Ф. В. 326
- Руссо Ж.-Ж. 120
- Рушковский И. А. 137, 345
- Рюкерт Ф. (Rückert F.) 408, 410
- Саксен-Веймар-Эйзенахский К. А., принц 430
- Салтыков И. Д. 85
- Салтыкова Е. П. (Строганова Е. П.) 85
- Самойлов Н. А. 117

- Самойлова Ю. П. (Пален Ю. П.,
Перри Ю. П., Морне Ю. П. де)
117, 211, 368
- Саннадзаро Я. 251
- Сансовино Я. 159, 398
- Сантти Л. 158
- Саули Ф. (Sauli F.) 265, 422–423
- Саути Р. 327
- Свербеев Д. Н. 69, 389
- Свербеевы 315
- Свистунов А. Н. 211
- Свистунов А.Н. 380
- Свистунова Н. Л. (Соллогуб Н. Л.)
211
- Святополк-Четвертинский Б. А.
198
- Северин Д. П. 35, 118, 123
- Сен-Реаль С. 161
- Сен-Флоран, книгопродавец 224
- Серман И. 3. 14
- Серристоры Л. 59–62
- Сесси М. 297, 301
- Симон Л. 28
- Симонетти Л. 186
- Сисмонди Ж. де (Sismondi J. de)
233, 236–237, 248
- Скалигеры (Скаллигеры) 398
- Скарятин Ф. Я. 84–85, 360
- Скобцова Е. Ю. (Кузьмина-Кара-
ваева Е. Ю., мать Мария) 15
- Скотт В. 129, 135, 335
- Скьявони А. 164–165, 197
- Скьявони Н. 164, 188, 198
- Скьявони Ф. 164, 198
- Смирдин А. Ф. 137
- Смирнова А. О. (Россет А. О.)
123, 146, 300, 375
- Смирновы 320
- Соболевский И. (Sobolewski I.)
363
- Соколова О. И. (Гербель О. И.)
142
- Солонович Е. М. 80
- Сорезина Видони Дж. 57
- Соррел-Кэмерон Л. 181
- София Баварская 44
- Софокл 343
- Софья Палеолог 68
- Сталь А-Л. Ж. де 27, 243
- Стендаль (Бейль М.-А.,
Beyle M.-H.) 76–79, 86, 104,
120, 427–430
- Стендер (Stender), хозяин панси-
она 316, 318, 320, 341, 358
- Степанищева Т. С. 17
- Строганов А. Г. 210, 374
- Строганов Г. А. 373
- Строганов П. А. 85
- Строганова Н. (Кочубей Н.) 210
- Строганова С. 62
- Строгановы 434
- Струве Г. 14
- Струйский Д. Ю. (Трилунный)
141–142
- Стурдза А. С. 248
- Стюрмер Б. 125, 156, 205–206,
434–436
- Суворов А. В. 222
- Судиенко И. М. 210
- Сульт Н. Ж. де Дьё 322
- Сумароков С. П. 168, 374
- Сухозанет Н. О. 66
- Сытин И. Д. 47
- Таккинарди Н. (Tacchinardi N.)
130, 174
- Талейран-Перигор Л.-Н. де 64

- Талейран-Перигор Ш. М. де 64, 136
- Талейран-Перигор Э. де 64
- Тальони М. (Taglioni M.) 171, 435
- Тамброни К. (Tambroniae K.) 49
- Тамбурины А. 171
- Тассини Г. (Tassini) 179
- Тассо Т. 30, 104, 169, 185, 224, 227, 243–244, 246, 294
- Татищев Д. П. 121, 185, 371
- Текко Р. (Тессо R.) 422, 424
- Тепляков В. Г. 63
- Тернер У. 28
- Терци Д. 86
- Терци Л. 86
- Терци П. 86
- Терциани Т. 81
- Тизенгаузен Е. Ф. 54
- Тизенгаузен Ф. И. 54
- Тинторетто 193, 203
- Титов В. П. 261, 392
- Титов В. П. (Titoff V. P.) 257, 422, 424
- Тициан 192, 196, 398
- Толстой Я. Н. (Tolstoi J. N.) 406–407
- Торвальдсен Б. 26, 49, 120, 135, 138, 430
- Торлония А. 429
- Триссино Дж. 251
- Трубецкая Аграфена Ивановна (Мансурова А. И.) 375
- Трубецкая Александра Ивановна (Мещерская А. И.) 67
- Трубецкая Л. В. (Rosciszewska L.) 85
- Трубецкой А. П. 85
- Трубецкой В. С. 361
- Тун-Гогенштейн Ф. фон 206
- Тургенев А. И. (Tourgueneff A. I.) 25–30, 33, 38, 47–49, 51, 62, 64–66, 68–70, 72, 82, 85, 87–90, 92, 99, 104, 107, 109–110, 113–114, 116, 126, 133–140, 145, 170, 181, 210, 220–221, 224, 226–227, 229, 233, 249–250, 256, 260–261, 297–299, 301, 309, 335, 349, 360–361, 364, 366–367, 372, 383, 407, 417–420, 431–432
- Тургенев И. С. 11–12, 14–15
- Тургенев Н. И. 51, 346
- Тургенева Клара (Виарис К. де) 51
- Туркул И. Л. 211
- Тютчев Ф. И. 26, 29, 44, 170, 272, 281, 334, 336, 396
- Тютчева Э. Ф. (Пфэффель Э.) 170, 190, 194, 281
- Тютчевы 65
- Убри П. Я. 211
- Уваров С. С. (Ouvarov S. S.) 405, 407
- Умберто I 439
- Унгер К. 98–99, 172, 428–429
- Уссэе А. 164
- Уэллек Р. 14
- Фавр А. (Favres A.) 268
- Фаринола Ф. Дж. 62
- Фарнхаген фон Энзе К. А. (Varnhagen von Ens K. A.) 408, 410
- Фаччо Ф. 438
- Фердинанд I 64
- Ферзен Л. фон 374
- Ферзен П. К. 85
- Ферзены 85
- Феррари Б. 197
- Феррари Дж. 197
- Феррари Л. 197, 436
- Ферретти К. 81

- Ферретти Я. 80–81, 428, 430
Фикельмон Д. Ф. (Тизенгаузен Д. Ф.) 14, 54–55, 57, 65–66, 69, 83, 85, 95, 210, 212, 261, 305, 381, 412
Фикельмон Е. А. (Клари Е. А.) 186, 212, 283, 436–437
Фикельмон К. Л. 54
Филикайя В. да 222, 251
Филипп VI де Валуа 240
Фишер фон Вальдгейм А. Г. (Fischer A. G.) 414–415, 419–420
Флоренский П. А. 15
Флорио П. (Florio P.) 419–420
Фогель Ф. К. 200
Фок А. М. фон 156, 207, 435–436
Фонвизин Д. И. 241, 253
Фонтана Дж. Дж. (Fontana G. J.) 163, 168, 176, 179, 193, 196, 200
Фосколо У. 188
Фра Мауро 176
Франкини А. Ф. 59
Франкини С. 59
Франц I Стефан (Франциск I), император 52
Франц II 206
Франц-Карл Австрийский, эрцгерцог 44
Франциск I (король Обеих Сицилий) 118
Фрецолини Э. 174, 438
Фридрих Прусский 330
Фругони К. И. 251
Хан П. 134
Харрокс Дж. Д. 214
Хаттон Ч. Х. 125
Хвостов Д. И. 127
Хвоцинская С. М. (Горчкова С. М.) 68
Хвоцинский А. П. 68, 86
Хейв Т. 144
Херасков М. М. 246
Хитрово Е. М. (Голенищева-Кутузова Е. М.) 54, 212
Хитрово З. А. 67
Хитрово Н. Ф. 54
Хотек фон Хотков-унд-Вогнин Р. 187
Хюнерфюрст Х. 168
Цвайбрюкен А. фон (Четто А. фон) 337
Чампи С. 64
Чарыков В. И. 165
Черепанов Н. Е. 197
Чернышев А. И. 21
Четто А. фон 337
Чиконья П. 191
Чимароза Д. 32
Чиона Дж. А. 159
Чичагов П. В. 68
Чичагова Е. П. (Бузе Е. П. дю) 68
Чичерин А. А. 68
Чичерин П. А. 68
Чичерини А. 68
Чосер Дж. 237
Шаликов П. И. 300
Шангарнье Н. 208, 433
Шатобриан Ф. Р. де 164
Шевырев С. П. 26, 49, 99, 141, 222, 234, 245–246, 248, 309, 439
Шекспир У. 142, 238, 241
Шеллинг Ф. В. Й. 28, 335
Шервинский С. В. 399
Шереметев С. Д. 36–37, 152–153, 172
Шиллер Ф. 142
Шифф М. 63
Шлёцер К. фон 381

- Шлёцер Х. А. 220
 Шоберлехнер С. Ф.
 (Даль'Окка С.) 117, 368
 Шоберлехнер Ф. 118
 Шпех Э. 48
 Шредер А. А. 373
 Шрейбер А. (Schreiber A.) 326–327
 Штакельберг Г. О. фон (Стакель-
 берг Г. О. фон) 30, 111, 120,
 367, 369, 393–394
 Штакельберг К. В. 87
 Штакельберг О. М.
 Штилер Й. 44
 Штраус И. Б. 168
 Шувалов Г. П. 68
 Шувалова П. А. 86
 Шувалова С. А. (Салтыкова С. А.)
 68
 Щербатов С. А. 391–392
 Щербатова Е. А. 69
 Щербатова П. Б. (Святополк-Чет-
 вертинская П. Б.) 391
 Эмо А. 194
 Эстергази де Галанта М. А. (Вейс-
 сенвольф М. А. фон) 156, 208,
 434, 436
 Эстергази де Галанта В. Л. 208
 Ювенал 221
 Юзефович Д. М. 329
 Юсупов Н. Б. 32, 252, 296
 Языков Н. М. 26, 40, 255, 418
- Algarotti F. 227
 Artom Treves G. 53
 Brun F. 34
 Campi, певица 301
 Carrara F. 177
 Cicognara L. 198
 Colleoni B. 194
 Correr Th. 200
 Estancelin L. Ch. A. 390
 Filangeri G. 227
 Foscarini F. 200
 Friedländer H. 34
 Gandini A. 48
 Giraud G. 227
 Giusti W. 26
 Hase H. 34
 Janin J. 53
 Kauchtschischwili N. 65–66, 115,
 119, 144, 210, 240, 254–255, 260,
 264, 305
 Maison N. J. 367
 Manin L. 195
 Melas, певица 98, 346
 Mocenigo F. N. 188
 Orseolo O. 203
 Palma il Vecchio 203
 Panofka E. 174
 Recke E. von der 34
 Sand G. 378
 Torretti J. F. 194
 Vaudreuil A. de 336
 Verri P. 227